РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ

Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран

ТОМ I

80-летию со дня рождения
Анатолия Николаевича Кирпичникова
посвящается

Санкт-Петербург – Москва • 2009

Ответственные редакторы
Е.Н. Носов, С.В. Белецкий

Редколлегия
Т.Н. Джаксон, М.М. Казанский, А.Е. Мусин,
А.И. Сакса, Н.В. Хвощинская

Сборник научных статей «Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран», подготовленный к изданию Институтом истории материальной культуры Российской Академии наук, посвящен 80-летию заведующего Отделом славяно-финской археологии Института, доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника культуры РФ Анатолия Николаевича Кирпичникова. В сборнике представлены статьи, подготовленные ведущими историками и археологами из России, Беларуси, Германии, Латвии, Молдовы, Норвегии, Польши, Украины, Франции и Швеции. В большинстве этих статей впервые вводятся в научный оборот результаты новейших открытий в изучении средневековой археологии и истории Европейских стран. Статьи иллюстрированы фотографиями, рисунками и картами.

Сборник рассчитан на историков, археологов, филологов, а также на широкий круг читателей, интересующихся историческим прошлым России и сопредельных стран.

Ф. ТГ-10

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ТЕЛЕГРАММА

Прием: 25 06 1015 час. мин.

Для заметок адресата

Бланк № 001103

ПОЧТА РОССИИ
25.06.09 0.0
Санкт-Петербург 191186

16

МОСКВА 073/23002 120 25/06 1012=

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ УВЕДОМЛЕНИЕ ТЕЛЕГРАФОМ САНКТ ПЕТЕРБУРГ ДВОРЦОВАЯ НАБЕРЕЖНАЯ Д 18 ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН А. Н. КИРПИЧНИКОВУ=

УВАЖАЕМЫЙ АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ ВСКЛ
ПРИМИТЕ МОИ СЕРДЕЧНЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ С 80-ЛЕТНИМ ЮБИЛЕЕМ И САМЫЕ ДОБРЫЕ ПОЖЕЛАНИЯ.
ИЗВЕСТНЫЙ АРХЕОЛОГ, ОБЛАДАЮЩИЙ ПОИСТИНЕ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИМИ ЗНАНИЯМИ, ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ ВЫ ПОСВЯТИЛИ ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ. ВАШИ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ТРУДЫ ОБОГАТИЛИ НЕ ТОЛЬКО ОТЕЧЕСТВЕННУЮ, НО И МИРОВУЮ НАУКУ, ПОЗВОЛИЛИ ВВЕСТИ В НАУЧНЫЙ ОБОРОТ РАНЕЕ НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ И ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ. А ВАША РЕДКАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ИНТУИЦИЯ - ПОМОГЛА ОБНАРУЖИТЬ В ХОДЕ РАБОТЫ ЗНАМЕНИТОЙ СТАРОЛАДОЖСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ МНОЖЕСТВО УНИКАЛЬНЫХ НАХОДОК.
ВЫСОКИЙ АВТОРИТЕТ СРЕДИ КОЛЛЕГ, УВАЖЕНИЕ УЧЕНИКОВ - ЭТО ЗАСЛУЖЕННАЯ НАГРАДА ЗА ВАШ ТАЛАНТ, БОЛЬШУЮ ПЕДАГОГИЧЕСКУЮ И ОРГАНИЗАТОРСКУЮ РАБОТУ.
ЗДОРОВЬЯ ВАМ, БОДРОСТИ ДУХА И ВСЕГО НАИЛУЧШЕГО=Д. МЕДВЕДЕВ ПР-1607-
НННН 17669558 25.06.2009 10.15

Ф. ТГ-17

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

Прием: 24/6 1902 ч. мин.

Для заметок адресата

Бланк № 000718

Принял: 12

2 4 06 09 00

МОСКВА 274/10 146 24/6 1857=

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УВЕДОМЛЕНИЕ ТЕЛЕГРАФОМ ВРУЧИТЬ 25 ИЮНЯ 2009 ГОДА
Г САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 186 ДВОРЦОВАЯ НАБЕРЕЖНАЯ Д 18
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
А. Н. КИРПИЧНИКОВУ=

102

УВАЖАЕМЫЙ АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ ВСКЛ

ПРИМИТЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ С ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМ ЮБИЛЕЕМ-80-ЛЕТИЕМ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ.

КРУПНЫЙ УЧЕНЫЙ И ТАЛАНТЛИВЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, НА ПРОТЯЖЕНИИ МНОГИХ ЛЕТ ВЫ ПРЕДАННО СЛУЖИТЕ ИНТЕРЕСАМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ, КРОПОТЛИВО И УВЛЕЧЕННО РАБОТАЕТЕ НАД ИЗУЧЕНИЕМ ЦЕЛОГО КОМПЛЕКСА ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С ИСТОРИЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ, ЕЕ КУЛЬТУРЫ, ВОЕННОГО ДЕЛА. НАКОПЛЕННЫЙ С ГОДАМИ БОГАТЕЙШИЙ ОПЫТ НАУЧНЫХ, ПОЛЕВЫХ И ОРГАНИЗАЦИОННЫХ РАБОТ, В СОЧЕТАНИИ С ПОИСТЕНЕ НЕИССЯКАЕМОЙ ЭНЕРГИЕЙ ПОЗВОЛЯЕТ ВАМ И СЕГОДНЯ АКТИВНО ТРУДИТЬСЯ, РУКОВОДИТЬ КРУПНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ.

САМОГО ГЛУБОКОГО УВАЖЕНИЯ ЗАСЛУЖИВАЕТ И ВАША МНОГОГРАННАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ИСКРЕННЕЕ СТРЕМЛЕНИЕ ВОСПИТАТЬ В ПОДРАСТАЮЩЕМ ПОКОЛЕНИИ ИНТЕРЕС К БЕСЦЕННЫМ ПАМЯТНИКАМ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАШЕГО ГОСУДАРСТВА.

ЖЕЛАЮ ВАМ НОВЫХ УСПЕХОВ И ДОСТИЖЕНИЙ, ЗДОРОВЬЯ И ВСЕГО САМОГО ДОБРОГО.=

В. ПУТИН

НР 2883П-П37 ОТ 24 ИЮНЯ 2009 Г-
НННН 17667751 24.06.2009 19.02

Ф. ТГ-17

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ
ТЕЛЕГРАММА

Прием: 18/6 го 1058 мин

Для заметок адресата

Бланк № 000721

25 06 09 00
ПЕТЕРБУРГ 191186

22

МОСКВА 426/657 11Ч 25/6 1031=

ВЫСШАЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ Г САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 186 ДВОРЦОВАЯ НАБЕРЕЖНАЯ Д 18 ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН ЗАВЕДУЮЩЕМУ ОТДЕЛОМ СЛАВЯНО-ФИНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ЗАСЛУЖЕННОМУ ДЕЯТЕЛЮ НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КИРПИЧНИКОВУ А Н=

УВАЖАЕМЫЙ АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ

ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС С ЮБИЛЕЕМ-80-ЛЕТИЕМ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ. ВЫДАЮЩИЙСЯ УЧЕНЫЙ КРУПНЫЙ ОРГАНИЗАТОР НАУКИ ВЫ ИЗВЕСТНЫ СВОИМИ ТРУДАМИ В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ. БЛАГОДАРЯ ПРОВОДИМОЙ ПОД ВАШИМ РУКОВОДСТВОМ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ СОВРЕМЕННИКИ МОГУТ ПО-НОВОМУ УВИДЕТЬ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ СТАРОЙ ЛАДОГИ ОЦЕНИТЬ ЕЕ РОЛЬ В СУДЬБЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА. ВАС ОТЛИЧАЮТ ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ ШИРОТА ИНТЕРЕСОВ И ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА. ЖЕЛАЮ ВАМ ДОБРОГО ЗДОРОВЬЯ ЖИЗНЕННЫХ СИЛ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СОЗИДАТЕЛЬНЫХ ПЛАНОВ ТВОРЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ СЧАСТЬЯ И БЛАГОПОЛУЧИЯ=ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С М МИРОНОВ-

НННН 17670007 25.06.2009 10.58

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН

ул. Дм.Ульянова 19, Москва, 117036 Тел.(499)126-47-98 Факс (499)126-06-30
E-mail: ia.ras@mail.ru http://archaeolog.ru
ОКПО 02698849, ОГРН 1027739836728, ИНН/КПП 7728023670/772801001

26.06.2009 № 14102/2115-334

На № ... от ...

Главному научному сотруднику ИИМК РАН,
профессору А. Н. Кирпичникову

Глубокоуважаемый Анатолий Николаевич!

Дирекция и коллектив Института археологии Российской академии наук горячо поздравляют Вас с юбилеем.

Ваша многогранная научная деятельность на протяжении нескольких десятилетий является ярким примером служения отечественной науке. Вы являетесь известным в России и далеко за ее пределами специалистом по археологии и истории средневековой Руси. Вы автор более 500 научных трудов, в числе которых около 20 книг. Трудно поверить в то, что один человек смог так много сделать для изучения прошлого.

Вы изучили и систематизировали огромный вещевой материал по древнерусскому вооружению, военному делу Руси, осадной технике и военному искусству. Ваши своды по оружию, подготовленные с большой полнотой, стали настольными книгами для всех исследователей материальной культуры средневековых государств Восточной Европы. Вы создали новое направление в отечественной науке – клинковую эпиграфику, связанную с обнаружением, расчисткой и прочтением надписей и знаков на средневековых мечах.

Вы много сделали для изучения этнических и историко-культурных процессов, проходивших на севере Руси в период образования Древнерусского государства. Особым направлением Вашей деятельности является выявление и введение в научный оборот неизвестных ранее письменных и графических источников по истории и культуре России, включая свидетельства иностранных путешественников.

Широко известна Ваша высокая гражданская позиция в области сохранения культурного наследия нашего государства. Благодаря Вашим усилиям в Старой Ладоге создан историко-архитектурный и археологический музей-заповедник республиканского значения, а руководимая Вами Староладожская археологическая экспедиция ИИМК сделала в последние годы выдающиеся открытия в изучении этого важнейшего археологического памятника России эпохи средневековья. Благодаря Вашим исследованиям раннесредневековая история Северной Руси предстает теперь совершенно иной, гораздо более богатой и понятной, чем это было ранее.

Желаем Вам, глубокоуважаемый Анатолий Николаевич, крепкого здоровья, благополучия, больших творческих успехов, жизненных сил для осуществления всех Ваших идей и начинаний.

Заместитель директора Института,
член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков

К 80-летию Анатолия Николаевича Кирпичникова

Летят годы, все мы проходим их вместе, но Анатолий Николаевич Кирпичников живет в других измерениях. Всегда подтянутый, бодрый, молодой он олицетворяет жизненную силу ИИМК РАН. В нашем коллективе его воспринимают как символ развития науки, как человека далёкого от меркантильных интересов, искренне служащего археологии, всем сердцем любящего Россию и борющегося за её историческое наследие. Возможно, в этом и есть его секрет молодости. Любовь и преданность науке помогает Анатолий Николаевич преодолеть временные невзгоды и не останавливаться на достигнутом.

Однако, жизненный путь Анатолия Николаевича в «большую» науку, как и годы его детства и отрочества не были такими безоблачными. Родился он 25 июня 1929 г. в г. Ленинграде. Отец Кирпичников Николай Васильевич по профессии инженер-строитель участвовал в крупнейших стройках конца XIX века: проведении Кругобайкальской железной дороги и возведении в Кронштадте сухого дока. Николай Васильевич никогда не состоял ни в одной партии и вообще был чужд всяким политическим страстям. Мать Мария Ивановна Кирпичникова около 1915 г. приехала в С.-Петербург из тверской деревни и стала работать швеей в мастерской своего дяди В. А. Олисова. После Октябрского переворота В. А. Олисов эмигрировал с семьей, а весной 1918 г. мастерскую закрыли. В годы Великой Оте-

чественной войны Анатолий, 12-летний мальчик, мать и отец оказались в блокадном Ленинграде, Анатолий и отец чудом выжили. Все, что было можно, мать продала за хлеб, но сама погибла в августе 1943 г. Тогда она работала на военном заводе врачом. Днем вышла на заводской двор, направляясь на обед. Тут ее сразил немецкий артиллерийский снаряд. Тогда кончилось отрочество Анатолия.

В 1948 г. А. Н. Кирпичников окончил 10 классов средней школы и поступил на истфак Ленинградского государственного университета. Его мечта была стать искусствоведом. Как-то, увидев Марию Александровну Тиханову, решил с ней посоветоваться, как поступить. «Искусствоведы только болтают, — ответила она. Настоящее дело мужчины — археология». Так А. Н. Кирпичников попал в группу студентов-археологов, а кафедра археологии стала для него пятилетним пристанищем. Ему запомнились яркие лекции В. И. Равдоникаса, В. В. Мавродина, М. И. Артамонова.

Начиная с 1949 г. Анатолий Николаевич начал ездить в археологические экспедиции профессора М. К. Каргера — блестящего ученого, удачливого искателя исчезнувших архитектурных памятников Древней Руси, но человека жесткого, порой даже жестокого. В обучении он был суров и беспощаден. Требовал, правда, справедливо, тщательности, честной работы, следил, как оформляли сноски, и не списывал ли кто-нибудь своё курсовое сочинение из литературы. Нелегкая выучка принесла пользу. Анатолий Николаевич побывал в Киеве, Переяславле-Хмельницком, Галиче, Владимире Волынском, Новогрудке, Полоцке, участвовал в трудоемких раскопках городища у села Городище у г. Шепетовка Хмельницкой области на Украине. Город был раскопан целиком, нашли огромное количество предметов. Безымянный ныне город полностью погиб в 1240 г. в период татаро-монгольского нашествия. Пример был типичным. Лишний раз стало ясно, какой катастрофой обернулось для Руси нашествие татаро-монгольских полчищ. История русских городов и их культуры захватила воображение Анатолия Николаевича. Города многократно разрушались, но обескровленный народ, после временного упадка, вновь продолжал строить великую цивилизацию.

В 1953–1955 гг. после окончания университета Анатолий Николаевич стал работать в Артиллерийском историческом музее, в качестве научного сотрудника, а затем хранителя фондов. Музей очень богатый, насыщен военной техникой. Там он подружился с И. П. Хлопиным, сокурсником, также принятым в музей. Их обожгла романтическая идея — найти исчезнувшую вместе с вооружением оружейную палату крупнейшего в России Кирилло-Белозерского монастыря. Военное начальство музея отправило их в командировку в г. Кирилов Вологодской области. В 1953–1954 гг. в монастыре состоялась их первая самостоятельная археологическая экспедиция. Увы, вместо исчезнувших 8000 предметов оружия, нашли лишь несколько старых карабинных стволов. Свой боевой арсенал, сложившийся в XVI–XVII вв., монахи расхитили и распродали в конце XVIII в. Рухнули младые мечтания, но остался и рос интерес к военной технике старой России.

С П. П. Толочко в перерыве между заседаниями Российско-финского симпозиума в Научно-культурном центре Государственного Пушкинского заповедника. 10 мая 2003 г. Фото С. В. Белецкого

С О. М. Иоаннисяном на раскопках Новой Голландии в Санкт-Петербурге. 11 октября 2006 г. Фото С.В. Белецкого

С котом Сёмой в Пушкинском заповеднике. 13 февраля 2007 г. Фото С. В. Белецкого

Выступление на научных чтениях, посвященных памяти С. С. Гейченко в Научно-культурном центре Государственного Пушкинского заповедника. 14 февраля 2007 г.
Фото С. В. Белецкого

В перерыве между заседаниями научных чтений, посвященных памяти С. С. Гейченко в Научно-культурном центре Государственного Пушкинского заповедника. 14 февраля 2007 г.
Фото С. В. Белецкого

За вечерним чаем в Гостевом доме усадьбы Петровское. 14 февраля 2007 г. Пос. Пушкинские Горы Псковской обл.
Фото С. В. Белецкого

С Н. А. Макаровым в зале заседаний ИИМК РАН. 21 марта 2007 г. Санкт-Петербург.
Фото С. В. Белецкого

Выступление на докторском диспуте А. И. Саксы в зале заседаний ИИМК РАН. 21 марта 2007 г. Санкт-Петербург.
Фото С. В. Белецкого

Однажды в здании тогда ЛОИА АН СССР П. А. Раппопорт — человек очень внимательный и по учительски добрый посоветовал Анатолию Николаевичу писать о древнерусском оружии, ибо им никто не занимается.

Анатолию Николаевичу удалось с помощью военных инженеров воссоздать модели исчезнувших в XIV в. метательных машин, швырявших камни в стены осажденных городов. Созданные модели камнеметов, были испытаны во дворе музея. Они действительно выбрасывали снаряды. Убедившись, что забытое стало реальностью, начальство Артиллерийского исторического музея распорядилось выставить их в экспозиции. Создатель музея выдающийся ученый Н. Е. Бранденбург постулировал правило, что древнерусские орудия по калибру были хаотичны и делались по произволу мастера-пушечника. Он ссылался на «Описную книгу пушек и пищалей» русских городов XVII в. Эту книгу удалось полностью опубликовать и выяснилось, что вместо хаоса в изготовлении орудий пушечные мастера и кузнецы делали десятки одинаковых по калибру стволов и ядер к ним. В итоге, наряд Московского государства предстал в строго упорядоченном виде.

П. А. Раппопорт оказался прав. По его совету Анатолий Николаевич стал заниматься вооружением первых веков русской истории. Он упорно искал по литературе, в архивах и в музеях сведенья о копьях, топорах, мечах, кольчугах и т. д. Картотека включила (кроме стрел) данные о 10.000 предметах. Поступив в 1955 г. в аспирантуру ЛОИА АН СССР, в 1963 г. Анатолий Николаевич успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Русское оружие ближнего боя X–XIII вв.», а в 1975 г. докторскую диссертацию «Военное дело Руси IX–XV вв.». Здесь были свои неожиданные сенсационные открытия.

В архиве института сохранилось фото меча (в годы Великой Отечественной войны он был утрачен), найденного около Коменца-Подольского. Оружие, судя по его отделке, свидетельствовало о выработке в XI в. национальных форм рубящих клинков. В Вене находится так называемая сабля Карла Великого. На самом деле, как показал ее богатый орнаментальный убор, она была изготовлена на Руси с участием венгерского мастера. На Руси охотно использовали технические и художественные достижения Запада и Востока, а страна была всегда открыта этим достижениям.

В 1991 г. А. Н. Кирпичникову за большие заслуги в деле подготовки специалистов-археологов было присвоено звание профессора, и в том же году за значительный вклад в отечественную науку — почётное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». В 1992 г. он был избран членом корреспондентом Петровской академии наук и искусств, а 1995 г. — действительным членом Нью-Йоркской Академии наук.

Однажды у письменного стола в институте Анатолий Николаевич увидел рижского металловеда А. К. Антейна. Он поставил перед ним пузырек с зеленой жидкостью. «Вы не заметили главного, — сказал он — не заметили на старинных мечах их клейм. Помажьте этой жидкостью-реактивом и через 20 секунд увидите выявленное клеймо кузнеца, сделавшего клинок 1000 лет тому назад». Сначала Анатолий Ни-

В отделе славяно-финской археологии ИИМК РАН. 22 мая 2008 г. Санкт-Петербург. Фото С. В. Белецкого

колаевич подумал, что это розыгрыш, но затем попробовал и был буквально ошеломлен — на каждом клинке, если его расчистить и протравить, имелось клеймо с именем мастера или знаками. Долгие годы ученые разных стран спорили о месте выделки мечей, не подозревая, что этот адрес написан на самих клинках.

В результате многолетней плодотворной деятельности Анатолия Николаевича впервые изучен, систематизирован и датирован, накопленный в течение 150 лет, огромный материал по вооружению первых семи веков русской истории. Сделаны основополагающие выводы о развитии боевых средств и военного дела в Древней Руси. Весь исследованный материал практически полностью опубликован в 4-х томах в серии «Свод археологических источников» в 1966–1973 гг. и отдельно в статьях и книгах. Все эти публикации решающим образом способствовали появлению в нашей стране более 200 молодежных военно-исторических клубов, занимающихся реконструкцией боевой экипировки и тактики старинных боев европейских и азиатских народов. При ИИМК РАН работает созданный А. Н. Кирпичниковым общероссийский семинар «Военной археологии».

Создана и обоснована новая в отечественной науке отрасль знаний — клинковая эпиграфика. Расчищены, выявлены и изучены около 400 клинков мечей с их клеймами, найденных на территориях России, Украины, Белоруссии, Швеции, Норвегии, Финляндии, Польши и Чехии. Отечественное оружиеведение в этом отношении лидирует среди других стран Европы.

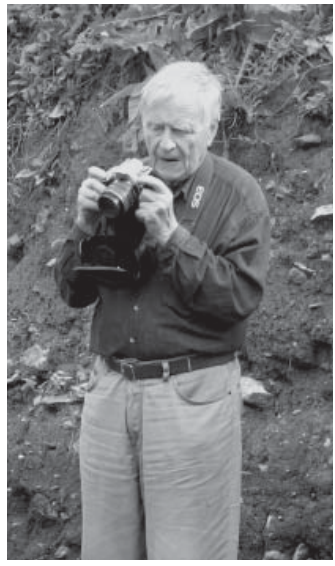
Анатолием Николаевичем внесен выдающийся вклад в изучение оборонительного строительства русских средневековых городов. Впервые открыты новые памятники крепостного зодчества северо-западной России, что обогатило историю отечественной фортификации и способствовало научному обоснованию достоверности реставрационных работ и развитию туризма.

Открыты и введены в научный оборот неизвестные или малоизвестные письменные и графические источники по истории и культуре России: описи городов, перечни вооружения, планы и рисунки городов-крепостей, а также опубликованы свидетельства иностранных путешественников об этих городах.

Источники по истории России по их неисчерпаемости и ценности словами Н. К. Рериха — не отпитая чаша. Заинтересовавшись историей Пскова, А. Н. Кирпичников неожиданно узнал, что в 1664–1655 гг. через этот город, направляясь в Москву, ехал голландец Николас Витсен. По дороге он зарисовал не только Псков, но и Новгород,

С О. М. Иоаннисяном
в зале заседаний ИИМК РАН.
4 июня 2008 г. Санкт-Петербург.
Фото С. В. Белецкого

Со студентами Санкт-Петербурского Государственного унеиверситета культуры и искусств на раскопках Земляного городища в Старой Ладоге.
4 августа 2008 г.
Фото С. В. Белецкого



На раскопках Земляного городища в Старой Ладоге.
12 августа 2008 г. Фото
С. В. Белецкого

С Я. В. Френкелем
на раскопках
Земляного городища
Старой Ладоги.
12 августа 2008 г.
Фото С. В. Белецкого

Торжок, Тверь, Москву, ряд монастырей и примечательных мест. По просьбе Анатолия Николаевича 11 изображений неизвестных рисунков были присланы из Австрийской Национальной библиотеки. Они были настолько необычны, что потребовали специального комментариев. Анатолий Николаевич не поленился проехать дорогой Витсена, побывал в тех же городах, что и он. Не без труда нашел места, откуда художник рисовал натуру. Деревянные здания исчезли, но кое-где уцелели каменные. Как бы через столетия предстали неузнаваемо изменившиеся городские пейзажи, отмеченные редкими достоверными доминантами — храмами и монастырями. Так развернулась картина городской и храмовой Руси XVII в. Это позволило рассказать о виденном Витсеном и подтвердить достоверность его сюжетов. Ныне после 13-летней работы наследие Витсена почти 350 лет пребывавшее в безвестности, возвращено культуре России. В этом суть неуёмной энергии и энтузиазма Анатолия Николаевича и показательный пример его научного горения.

С П. Е. Сорокиным на раскопках крепости Ниеншанц в Санкт-Петербурге. 24 марта 2009 г. Фото С. В. Белецкого

А. Н. Кирпичниковым по-новому представлены разработки этнических, исторических, культурных и торговых процессов, происходивших на территории Евразии в период образования русской государственности и основания династии Рюриковичей. Обоснована основополагающая роль северо-запада России в культурной и экономической интеграции народов Евразии в период создания Русской державы.

Анатолием Николаевичем произведены систематические результативные археологические раскопки в Новгороде Великом, Пскове, Порхове, Велье, Гдове, Копорье, Кингисеппе, Приозерске, Орешке. Открыты новые памятники археологии и архитектуры, что способствовало восстановлению архитектурных памятников, более активному приспособлению этих городов к туризму и пополнило музеи сотнями новых находок.

В течение 36 лет под руководством А. Н. Кирпичникова экспедицией Института истории материальной культуры РАН проводятся крупномасштабные историко-археологические изыскания в Старой Ладоге Ленинградской области. Высказаны новые положения о развитии, строительстве, ремесле, торговле и международных связях Ладоги — древнейшего города Северной Европы и самого раннего торгово-ремесленного и государственного центра Руси. Обнаружены: древнейшая на Руси каменная крепость, уникальные мастерские по изготовлению бронзовых и латунных изделий, форма для отливки первого государственного герба исторической России, печати с арабскими надписями и т. д. Обосновано 1250-летие г. Ладоги (основанной

не позднее 753 г.), которое в 2003 г. было отмечено по указу президента Российской Федерации, как общероссийское событие. Анатолием Николаевичем внесено и осуществлено предложение о создании в Старой Ладоге в 1984 г. музея-заповедника федерального значения. Этому учреждению ныне передано 30 тыс. археологических находок, что впервые привело к устройству в Старой Ладоге специального музея археологии и успешному проведению в Москве и С.-Петербурге, Копенгагене (Дания), Сигтуне (Швеция), Мельхусе и Стиклестаде (Норвегия) выставок новых находок. Высказаны и частью осуществлены научно-практические предложения по сбережению, консервации и реставрации памятников этого важнейшего исторического места России. Начиная с 2003 г. организована и проводится школа-экспедиция, в которой участвуют, кроме студентов вузов С.-Петербурга, Москвы и других городов, зарубежные соотечественники из Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии, Германии, Норвегии.

Значительная роль А. Н. Кирпичникова заключается в сохранении культурного наследия. Он явился инициатором, ответственным редактором и составителем издания серии «Культурное наследие Российского государства. Ученые политики, журналисты о историческом и культурном достоянии» (начиная с 1999 г., вышло четыре тома этой серии и сдан в печать пятый). Анатолий Николаевич возглавляет Ленинградское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, состоит членом Научно-методического совета по охране и сохранению культурного

Выступление на презентации книги Л. С. Клейна «Спор о варягах» (СПб. 2009) во дворце Бобринских в Санкт-Петербурге. 27 мая 2009 г. Фото С. В. Белецкого

наследия народов Российской Федерации при Министерстве культуры и массовых коммуникаций РФ и Межведомственного совета по особо ценным объектам культурного наследия народов Российской федерации при том же Министерстве. Он также является советником и экспертом по культуре, культурному и научному наследию и сбережению памятников истории и археологии губернаторов Ленинградской и Псковской областей, Ханти-Мансийского автономного округа, а также полномочного представителя президента РФ в Северо-западном федеральном округе и Председателя Совета Федераций Федерального собрания РФ.

В 1974 г. А. Н. Кирпичников был назначен заведующим отделом славяно-финской археологии ЛОИА АН

СССР, сменившим группу славяно-русской археологии, из которой в 60-е – 70-е годы постепенно из жизни уходили известные учёные: Я. В. Станкевич, И. И. Ляпушкин, Ю. П. Спегальский, Г. Ф. Корзухина, М. К. Каргер, П. Н. Третьяков, М. А. Тиханова, А. Л. Якобсон, Ф. Д. Гуревич. Всё явственнее обозначалась кадровая пустота. С приходом А. Н. Кирпичникова кризис в отсутствии молодых специалистов стали преодолевать. В Отдел Института приходили учёные нового поколения. При всей индивидуальности каждого все эти годы Отдел жил одной командой — мирно, интересно, без скандалов, подковёрных игр, в товарищеском общении друг с другом. Созданием такого творческого коллектива Отдел, несомненно, обязан А. Н. Кирпичникову. В настоящее время этот Отдел ИИМК РАН представляет собой авторитетный академический коллектив специалистов.

Начиная с 1976 г. Анатолий Николаевич являлся практическим руководителем российско-финляндской рабочей группы РАН по научному сотрудничеству в области археологии, что получило воплощение в публикации 13 томов симпозиумов специалистов двух стран по вопросам археологии и истории славян и финно-угров и взаимному обмену учеными.

А. Н. Кирпичников выдвинул и принял активное участие в осуществлении крупных научных проектов. Он инициатор проведения в 2005 г. в С.-Петербурге первой международной конференции «Военное дело России в прошлом, настоящем и будущем», а в 1999 г. предложил осуществленную властями Татарстана программу «Великий Волжский путь», что помогло обоснованию празднования в 2005 г. 1000-летия Казани. А. Н. Кирпичниковым проведено всестороннее исследование этого пути, функционирование которого открыло новый период в истории европейских и азиатских стран.

Результаты исследований и практических предложений А. Н. Кирпичникова опубликованы, начиная с 1957 г. в более чем 600 печатных работах, включая 18 монографий. Все они посвящены истории, культуре, археологии, архитектуре, фортификации и военному делу исторической России и сопредельных стран. Ряд работ увидели свет в Австрии, Бельгии, Германии, Дании, Испании, Норвегии, Польше, Чехии, Финляндии и США.

Несмотря на высокие звания заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора, награжденного различными медалями и грамотами, Анатолий Николаевич всегда готов для активного, дружеского общения, установления новых научных связей с коллегами из различных стран, к участию в общественных мероприятиях по пропаганде отечественной истории, защите памятников национальной культуры и выработке строго научных методов их изучения и охраны. В деятельности юбиляра невозможно поставить точку, учитывая его неукротимое стремление вперед к решению новых задач. Можно пожелать Анатолию Николаевичу новых плодотворных творческих успехов на благо России и её народов.

Е. Н. Носов

To the 80th Anniversary of the Birth of Anatoliy Nikolaevich Kirpichnikov

The years fly and we all are passing them together, but Anatoliy Nikolaevich Kirpichnikov lives in other dimensions. Always smart, brisk and young, he personifies the vital force of the IIMK RAS. In our collective, he is regarded as a symbol of the advances of science, as a person strange to the mercantile interests, sincerely serving archaeology, with all his heart loving Russia and struggling for its historical inheritance. Possibly, exactly in this fact is the secret of his youth. Love and devotion to science help Anatoliy Nikolaevich to overcome temporary hardships and never to stop at his successes.

However, Anatoliy Nikolaevich's course of life to the «high» science, as well as the years of his infancy and adolescence, were far from being unclouded. He was born on June 25, 1929, in the city of Leningrad. His father, Nikolay Vasil'evich Kirpichnikov, was a civil engineer and participated in all the most important construction works of the late 19th century: in the building of Krugobaikalskaya railway and construction of the dry dock in Kronshtadt. Nikolay Vasil'evich never had entered any party and altogether was alien to any political passions. Mother, Mariya Ivanovna Kirpichnikova, came to Saint-Petersburg about 1915 from a Tver village and started working as a seamstress in the sewing workshop of her uncle V. A. Olisov. After the October coup d'etat, Olisov emigrated together with his family, and in spring of 1918 the workshop was closed. During the years of the Great Patriotic War, Anatoliy, then twelve-year-old boy, and his parents found themselves in besieged Leningrad. Anatoliy and his father have survived by a miracle. Mother sold what she could to buy bread, but was killed herself in the blockaded city in August 1943. She was working then as a physician at a military plant. One day she came out to the factory courtyard making her way for lunch. In that moment, a German shell hit her. Thus Anatoliy's boyhood ended.

In 1948, A. N. Kirpichnikov graduated from the 10-form high school and entered the Historical Faculty of the Leningrad State University. He dreamed of becoming an arts critic. Meeting once Mariya Aleksandrovna Tikhanova, he decided to seek her advice concerning his plans. «The arts critics just jabber, — she answered, — it is archaeology that is a true pursuit for a man». Thus A. N. Kirpichnikov found himself in a group of archaeology students, and the Chair of Archaeology came to be his five-year refuge. The vivid lectures of Vladislav Iosifovich Ravdonikas, Vladimir Vasil'evich Mavrodin and Mikhail Illarionovich Artamonov forever remained in his memory.

Since 1949, Kirpichnikov participated in archaeological expeditions directed by Mikhail Konstantinovich Karger — a brilliant scholar and a lucky hunter for vanished architectural monuments of Kievan Rus, but a tough, occasionally even rigorous person. In teaching, he was severe and merciless. He demanded, quite justly though, careful and honest work; he kept vigilant watch over the accuracy in references and did not allow any student to pla-

giarize his or her term-paper from literature. That hard school has come to be of benefit. Anatoliy Nikolaevich visited Kiev, Periyaslavl-Khmelnitsky, Galich, Vladimir of Volyn, Novogrudok and Polotsk; he participated in laborious excavations of the townsite at the village of Gorodishche near the city of Shepetovka, Khmelnitsk Oblast, Ukraine. The townsite has been excavated completely and enormous numbers of artefacts have been recovered. That town, now nameless, was annihilated in 1240 during the Mongol invasion. Its example was typical. It became clear once again what a catastrophe the inroad of Tartar-Mongol hordes proved to be for Rus. The history of Russian cities and of their culture captivated Kirpichnikov's imagination. The cities were destroyed not once, but the bloodless people, after a temporary decline, continued again to build its great civilization.

In 1953–1955, after graduating from the university, Anatoliy Nikolaevich entered the Artillery Historical Museum as a scientific assistant, then the curator of the collections. This museum was very rich in military equipment. There he made friends with Igor Nikolaevich Khlopin, his university-fellow also taken into the museum. They were «scorched» by a romantic idea — to find the armour-chamber of the Kirillo-Belozersky Monastery — the largest in Russia. The armoury once vanished with all its arms. The military authority of the museum sent them to a mission to the city of Kirillov, the Vologda Oblast. In 1953–1954, their first independent archaeological expedition was carried out in the monastery. Alas, instead of the disappeared 8,000 pieces of weapons, only a few carbine barrels were recovered. In the late 18th century, the monks plundered and sold their battle arsenal accumulated in the 16th and 17th century. The young dreams collapsed but the interest in the military equipment of old Russia remained and was ever growing.

Once, in the office of then Leningrad Branch of the Institute of Archaeology, AS USSR (LOIA AS USSR), Pavel Aleksandrovich Rappoport, a very considerate man and a kind teacher, advised Kirpichnikov to write about weapons since nobody was concerned with that subject.

In collaboration with military engineers, Anatoliy Nikolaevich was successful in reconstruction of models of the throwing machines which disappeared in the 14th century. Using these mechanisms, stones were thrown against the walls of besieged towns. The models of stone-throwers constructed were tested in the courtyard of the Artillery Museum and they really were able to throw missiles. Having been convinced that the long forgotten objects became a reality, the authorities of the Artillery Historical Museum ordered to expose them in the museum exhibition. The organizer of the Museum, a prominent scholar Nikolay Efimovich Brandenburg held the opinion that the ancient Russian guns were chaotic in terms of their calibre being manufactured at the whim of a master gunner. He referred to the «List-book of Cannons and *Pischali* (muskets)» of the 17th century. That book was then published and it became clear that there was no chaos in the manufacture of pieces of ordnance, the gun-artisans and smiths making dozens of barrels with the same calibre and balls for them. As a result, the armoury of the Moskovian state appeared as a strictly regulated equipment.

Rappoport was right. At his advice, Anatoliy Nikolaevich became concerned

with the armament of the early centuries of the Russian history. He perseveringly searched in literature, archives and museums information on spears, battle-axes, swords, habergeons etc. His card index included data on 10,000 items (except for arrows). After starting his postgraduate studies in 1955 at LOIA AS USSR, in 1963 Anatoliy Nikolaevich successfully defended his candidate theses on the subject «Russian Weapons of the Close Fight in the 10th–13th Century» and in 1975 the Doctor theses «Military Science of Rus in the 9th–14th centuries». These studies involved unexpected sensational discoveries.

In the Institute's archives, a photograph of a sword (lost during World War II) found near Kamenets-Podolsky is preserved. The weapon, judging by its finish, attests the establishing of national forms of slashing blades in the 11th century. In Vienna, the so-called sabre of Charles the Great is housed. Actually, as suggested by its rich ornamentation, it was manufactured in Rus with participation of a Hungarian armourer. In Rus, the technical and artistic achievements of the West and the East always have been readily employed and the country was always open for those advances.

In 1991, A. N. Kirpichnikov was conferred the rank of Professor for his essential achievements in the line of training professional archaeologists. In the same year, he received the honorary title of the «Honoured Worker of Science of the Russian Federation» for his significant contribution into the national science. In 1992, he was elected a Corresponding Member of the Peter's Academy of Sciences and Arts; in 1995, he became a full member of the New-York Academy of Sciences.

One day, near his writing-table in the Institute, Anatoliy Nikolaevich met metallographer A. K. Antein (Anteyn) from Riga. The latter put before Kirpichnikov a vial with some green liquid. «You have not noticed the main, — said Antein, — you have not noticed the stamps on the old swords. Smear a blade with this chemical and after twenty seconds you will see the stamp of the smith who made it thousand years ago». First, Anatoliy Nikolaevich thought it to be a practical joke, but then he tried and was amazed — each blade, when cleaned and etched, showed a stamp with the name of the artisan or some symbols. For long years, researchers from different countries had been arguing about the places of manufacture of the swords, unsuspecting that the address was written on the blades themselves.

Owing to A. N. Kirpichnikov's fruitful efforts of many years, enormous evidence accumulated over a century and a half on the armament of the first seven ages of the Russian history has been first studied, systemized and dated. The fundamental conclusions on the development of the battle equipment and military science in ancient Rus have been proposed. All the materials investigated have been practically exhaustively published in the four volumes of the series «*Svod arkheologicheskikh istochnikov*» (Corpus of Archaeological Sources) in 1966–1973 and in separate papers and monographs. These publications proved to be decisive in the promoting over 200 youth military-historical societies concerned with reconstruction of battle equipment and fighting techniques of ancient European and Asiatic peoples. Under IIMK RAS, the All-Russian Seminar of «Military Archaeol-

ogy», organized by A. N. Kirpichnikov, is functioning.

A branch of knowledge — blade epigraphy, — new in the national science, has been founded. Over 400 sword blades with their stamps found throughout Russia, Ukraine, Belorussia, Sweden, Finland, Norway, Poland and Czechia have been cleared, recorded and investigated. The national weapon-science in these terms is the leading one among other countries of Europe.

Kirpichnikov made a prominent contribution into studies of the fortifications of Russian medieval towns. New sites of the defensive architecture of north-western Russia have been discovered enriching the history of the Russian fortification and promoting the scientific proofing of the authenticity of restoration works and the development of tourism.

New written and graphic documents unknown or little known before on the history and culture of Russia have been discovered and published: descriptions of towns, inventory lists of armament and plans and drawings of fortresses. In addition, evidence of foreign travellers on these towns has been published.

The documents related with the Russian history, in the words of Nikolay Konstantinovich Roerich, are «a cup untouched». Having become interested in the history of Pskov, Kirpichnikov unexpectedly learned that in 1664–1655, a Dutchman Nicolaas Witsen visited this town accompanying a Dutch embassy to Moscow. On his way he made drawings of not only Pskov but also Novgorod, Torzhok, Tver, Moscow, a number of monasteries and other notable places. At Anatoliy Nikolaevich's request, eleven copies of these unknown drawings were sent from the Austrian National Library. These figures were so uncommon that special comments were needed. Anatoliy Nikolaevich took efforts in repeating the route of Witsen and visited the same towns. Not without difficulties, he recognized the places which the artist drew from life. The wooden buildings vanished but some stone ones survived. The unrecognizably changed urban landscapes were as if developed through the ages marked with few authentic dominants — temples and monasteries. The picture of the urban and monastic Rus of the 17th century thus appeared. It has allowed to recount about what Witsen saw and to confirm the trustworthiness of his themes. Now, after a thirteen-years-long work, the heritage of Witsen has been returned to the culture of Russia. Such is the essence of the indefatigable energy of Anatoliy Nikolaevich and a characteristic example of his scientific enthusiasm.

A. N. Kirpichnikov has revised the studies of ethnical, historical, cultural and trade processes which were taking place throughout Eurasia in the period of shaping of the Russian state structure and the foundation of the dynasty of Ryurikovichi. He has demonstrated the fundamental role of north-western Russia in the cultural and economic integration of the peoples of Eurasia during the rise of the Russian Power.

Anatoliy Nikolaevich was carrying out successful regular archaeological excavations in Veliky Novgorod, Pskov, Porkhov, Velye, Koporye, Gdov, Kingisepp, Priozersk and Oreshek. He discovered new archaeological and architectural sites furthering the restoration of archaeological monuments, more active involvement of these towns in tourism and replenishing the museums with hundreds of new finds.

In the course of 36 years, under the direction of A. N. Kirpichnikov, an expedition of the Institute of the History of Material Culture, RAS, has been conducting large-scale historical and archaeological investigations in Staraya Ladoga (Leningrad Oblast) — the most ancient town in Northern Europe and the earliest trade and state-building centre of Rus. New views on the development, construction, handicrafts, trade and international links of Ladoga have been proposed. Among the finds are the oldest in Rus stone fortress, unique workshops for manufacturing bronze and brass objects, the mould for casting the first State Emblem of historical Russia, seals with Arabian inscriptions, etc. The 1250th anniversary of the city of Ladoga (founded not later than 753 AD) has been grounded. According to a decree of the President of the Russian Federation, this date was celebrated in 2003 as an event of All-Russian importance. Anatoliy Nikolaevich put forward and realized in 1984 the proposition on organization of a museum-preserve of Federal significance in Staraya Ladoga. At present, thirty thousand archaeological finds are committed to this institution having initiated the establishment of the first special museum of archaeology in Staraya Ladoga and successful exhibitions of new finds in Moscow, St.-Petersburg, Kopenhagen, Sigtun (Sweden), Melhus and Stiklestad (Norway). A number of practical scientific propositions have been submitted and already partly realized on the preservation, conservation and restoration of various monuments in this important historical site of Russia. Beginning with 2003, a school-expedition is organized and functioning with participation of students from not only St.-Petersburg and Moscow but also from other cities as well as of young people from Lithuania, Latvia, Estonia, Finland, Germany and Norway.

A vital contribution was made by A. N. Kirpichnikov to the preservation of the cultural inheritance. He was the initiator, the editor-in-chief and projector of the publication of the series «Cultural Heritage of the Russian State. Scientists, politicians, and journalists about the historical and cultural property» (since 1999, four volumes of that series have seen the light of the day and the fifth is submitted to print). Anatoliy Nikolaevich is the head of the Leningrad Oblast Branch of the All-Russian Society for Protection of Monuments of History and Culture; he is a member of the Scientific-Methodical Council for Protection and Preservation of the Cultural Heritage of Peoples of the Russian Federation attached to the Ministry of Culture and Mass Communications of the RF and of Interdepartmental Council for the Particularly Valuable Objects of the Cultural Heritage of Peoples of the RF attached to the same ministry. He is also a councillor and expert on the culture, cultural and scientific heritage and preservation of monuments of culture and archaeology for the Governors of Leningrad and Pskov oblasts, Khanty-Mansi Autonomous Area, for the Plenipotentiary of the President of the RF in the North-Western Federal District and for the Chairman of the Council of Federations of the Federal Assembly of the Russian Federation.

In 1974, A. N. Kirpichnikov was appointed the head of the Department of the Slavic and Finnish Archaeology, LOIA AS USSR. The Department was organized to replace the Group of the Slavic and Russian Archaeology which

in 1960^{s}–1970^{s} was gradually loosing its famous scientists: Ya. V. Stankevich, I. I. Lyapushkin, Yu. P. Spegal'skiy, G. F. Korzukhina, M. K. Karger, P. N. Tret'yakov, M. A. Tikhanova, A. L. Yakobson, and F. D. Gurevich. The staff famine was growing ever more severe. With A. N. Kirpichnikov, overcoming of the crisis of the lack of young assistants began. Scientists of the new generations entered the Department. Notwithstanding the individuality of each assistant, all these years the Department has been acting as a single team — interestingly, peacefully, without scandals or secret squabbles, and in the friendly intercourse. For the formation of such a creative team, the Department undoubtedly owes to A. N. Kirpichnikov. At present, this department of IIMK RAS is an academic collective of experts of authority.

Since 1976, Anatoliy Nikolaevich has been the practical head of the Russian-Finnish working group of RAS for the scientific cooperation in the branch of archaeology. His activities have been realized in the publication of thirteen volumes of symposia of scholars from the two countries concerned with problems of the archaeology and history of the Slavs and Finno-Ugrians and exchange of scientists.

A. N. Kirpichnikov put forward and actively participated in the realization of large-scale scientific projects. He was the initiator of the first international conference «Military Science in Russia in the Past, at Present and in Future» held in St.-Petersburg in 2005. In 1999. he proposed the programme of «The Great Volga Route» realized by the authorities of Tatarstan helping to ground the celebration of the 1000th anniversary of the city of Kazan in 2005. A. N. Kirpichnikov conducted comprehensive studies of that route, the functioning of which opened a new period in the history of European and Asian countries.

The studies and practical propositions of A. N. Kirpichnikov have been published since 1957 in over 600 printed works including eighteen monographs. These all are devoted to the history, culture, archaeology, architecture, fortification and military science of historical Russia and neighbouring countries. A number of these works appeared in Austria, Belgium, Germany, Denmark, Spain, Norway, Poland, Czechia, Finland and the USA.

Despite his high titles and awards of a number of medals and commendations, Anatoliy Nikolaevich is always open for active and friendly communication, establishment of new scientific ties with his colleagues from various countries and participation in public actions for popularization of the Russian history, preservation of monuments of the national culture and development of strictly scientific methods of their study and protection. It is impossible to put a finishing point in the «book» of activities of Anatoliy Nikolaevich, since we know his indomitable aspiration to move forward for the solution of new problems. We wish him here new fruitful creative achievements for the welfare of Russia and its peoples.

E. N. Nocov

Дополнение к библиографии А. Н. Кирпичникова[1]

2003

1. 1250-летие Старой Ладоги // Материалы VIII Царскосельских чтений. СПб., 2003. Т. 1. С. 18–22.

2004

1. Археологические неожиданности в Старой Ладоге // Новгородские археологические чтения-2. 2004. С. 94–99: ил.

2. Древняя Ладога — стольный город, крепость и порт исторической России // Старая Ладога: Международная археологическая экспедиция-школа. СПб., 2004. С. 17–45: ил. (В соавторстве с О. И. Богуславским)

3. Исследование Старой Ладоги // Великий Волжский путь. Казань. 2004. Ч. 2. С. 55–61.

4. К исторической оценке древнерусской Ладоги // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ. 2004. С. 118.

5. Ладога в первые века русской истории // АИППЗ. 2004. С. 290–291.

6. Литейные формы для слитков из Старой Ладоги // Тез. докл. XV конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. М., 2004. С. 220–222. (В соавторстве с Н. В. Ениосовой)

7. Литейные формы для производства слитков из Старой Ладоги // Восточная Европа в средневековье. М., 2004. С. 290–296. (В соавторстве с Н. В. Ениосовой)

8. Надо ли было разрушать редкостный памятник псковского зодчества // Псковский букет. СПб. 2004. Вып. 2 (5). С. 20–24: ил

9. Неотпитая чаша // Старая Ладога: Международная археологическая экспедиция-школа. СПб., 2004. С. 5–16: ил.

10. Общие впечатления о работе конференции // Великий Волжский путь: Материалы III-й Международной научно-практической конференции. Казань, 2004. Ч. 1. С. 181–183.

11. Подведение итогов // Там же. С. 188–189

12. Памяти профессора Игоря Васильевича Дубова // АВ. 2004. № 11. С. 394–396: портр. (В соавторстве с В. Н. Седых)

13. Пережившие века // Иванов Ю. Г. Старинные крепости России. Смоленск, 2004. С. 3–4.

14. Раскопки Староладожского «Земляного городища» в 2003 г. // Старая Ладога: Международная археологическая экспедиция-школа. СПБ., 2004. С. 251–284.

15. New studies of Viking Age and Medieval swords from the collection of the National Museum of Finland // Fenno-Ugri et Slavi 2002 (2004)/ P. 28–35. (В соавторстве с L. Tomantera, А. И. Сакса).

[1] Список печатных работ А. Н. Кирпичникова 1957–2004 г. см: Анатолий Николаевич Кирпичников. Биобиблиография. Сб. ст. / РАН ИИМК — СПб., Вести, 2004. 74 с.: илл.

16. A Viking Period workshop in Staraya Ladoga, excavated in 1997 // Fornvannen. 2004/ Arg. 99. № 3. P. 183–196: il.

2005

1. «Балтийская идея» в строительстве русских городов и основание Санкт-Петербурга // Два города — две судьбы. СПб., 2005. С. 120–129.

2. В поисках национальной идеи России // Россия. Третье тысячелетие: Вестник актуальных прогнозов. М. 2005. № 12. Т. 2. С. 223–224.

3. Выступление на пленарном заседании в г. Ярославле 8 августа 2004 г. // Материалы IV этапа международной конференции «Великий Волжский путь». Казань. 2005. С. 51–53.

4. Живая история Старой Ладоги // Родина. 2005. № 3. С. 69–72: ил

5. Зарождение Великого Волжского пути // Великий Волжский путь: прошлое, настоящее, будущее. Казань, 2005. С. 23–48.

6. Исторические рекорды Старой Ладоги // Труды Объединённого Научного Совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2004 (2005). С. 64–79: портр.

7. История становления и развития Великого Волжского пути // Материалы IV этапа международной конференции «Великий Волжский путь». Казань, 2005. С. 143–145.

8. Об авторе и его книги // Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. СПб., 2005. С. 5–19. Рус., англ.

2006

1. «Балтийская идея» в строительстве русских городов и основание Санкт-Петербурга // Приневье до Петербурга. СПб., 2006. С. 7–16: ил.

2. В России о них забыли: О судьбе коллекции русского искусства в Швеции // От Древней Руси до современной России. СПБ., С. 339–346: ил.

3. «В наших жилах течет имперская кровь» // Известия. 2006. № 134. С. 8.

4. Великий Волжский путь и ладожско-волховский север Руси в эпоху раннего средневековья // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. 2006. Вып. 1. С. 5–12.

5. Великий Волжский путь и международная торговля и этнокультурная интеграция в эпоху раннего средневековья // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. С. Т. 1. С. 34–39: ил.

6. Великий Волжский путь: Торговые связи с Северной Европой и Востоком // история татар с древнейших времён. Т. 2. Казань, 2006. С. 229–315: карт. (В соавторстве с Ф. Ш. Хузиным)

7. Вооружение и военное дело средневековой Руси как исторический источник и культурный феномен // Международная науч.–практич. конф. «Военное дело России и её соседей в прошлом, настоящем и будущем». М., 2006. С. 125–130.

8. Вооружение и военное дело средневековой Руси как исторический источник и культурный феномен // Q naestiones Medii Aevi. Arms and Armour. Warszawa, 2006. Vol. II. P. 37–43.

9. Восток и Запад в развитии русского средневекового вооружения и его своеобразие // Исследования по русской истории и культуре. М., 2006. С. 75–82.

10. Мечи средневековой Карелии // Славяне и финно-угры. СПб, 2006. С. 41–72: ил., карт. (В соавторстве с А. И. Сакса, при участии Л. Томантери)

11. Не придуманные факты: [Беседа с редактором журнала] // 60 параллель. 2006. № 4. С. 7–13: ил. Рус., англ.

12. От редактора // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. 2006. Вып. 1. С. 3–4.

13. От редакции // Славяне и финно-угры. СПб. , 2006. С. 6–7. (В соавторстве с Е. Н. Носовым)

14. Отдел славяно-финской археологии: [Работа в 2001–2005 гг.] // Записки ИИМК. 2006. № 1. С. 147–157. (В соавторстве с А. А. Песковой)

15. Памятники древнерусской сфрагистики из раскопок в Старой Ладоге в 2006 г. // Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет. 2006. СПб., 2006. С. 263–303: ил. (В соавторстве с С. В. Белецким)

16. Раскопки Староладожского «Земляного городища» в 2005 г. // Там же. С. 222–262: ил

17. Слово о Валентине Васильевиче Седове // АИППЗ. 2005 (2006). С. 5–7.

18. Слово о нашем друге: [А. Н. Цамутали] // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков. СПб, 2006. С. 5–8. (В соавторстве с Р. Ш. Ганелиным)

19. Wezesnosredniowieczny miecz znaleziony w Elblagy // Swiat Slowian wszenegosredniowiecze. Szczecin; Wroclaw. 2006. P. 437–442. (В соавторстве с M. F. Jagodzinski)

2007

1. 12 веков нашей истории // РФ сегодня. 2007. № 9. С. 64–65: ил.

2. Есть чему удивляться: [Буклет Старая Ладога] — СПб., 2007.

3. Исследование стен южной части Новгородского кремля в 1979 году: О состоянии памятника и возможностях его восстановления // ТГЭ. 2007. [Т.] 34. С. 321–326: ил. Рез. англ

4. Мечи типа Ulfbrht на восточном пути // Чернігів у середньовічній та ранньомодерні історії Центрально-Східної Європи. Чернігів, 2007. С. 82–90.

5. Новые данные о позднесредневековой Ладоге: (по материалам раскопок в 2006 г.) // Санкт-Петербургский международный культурно-исторический университет 2007. СПб., 2007. С. 190–219: ил.; 1 отд. л. ил.

6. Новые материалы о международных торговых связях средневековой Ладоги с Балтийским регионом и странами Востока: (по данным раскопок 2002 г.) // Труды ИИМК. 2007. Т. 24. С. 195–220: ил

7. Новые сфрагистические находки из Старой Ладоги // Тезисы докладов и сообщений XIV Всероссийской нумизматической конференции . СПб., 2007. С. 165–166. (В соавторстве с С. В. Белецким)

8. О национальной идее России // Труды по истории России. М., 2007. С. 508–514.

9. Опыт изучения вооружения средневековой Руси // У истоков русской государственности . СПб, 2007. С. 316–320. Рез. англ

10. Раскопки Земляного городища // АО. 2005 (2007). С. 23–27. (В соавторстве с О. И. Богуславским, В. И. Кильдюшевским)

11. Русские доспехи XIII–XIV вв.: Исторические реконструкции [Предисловие к подборке открыток]. — СПб, 2007.

12. Ladoga im 8–9 Jahrhundert Zur Frage der ersten slawischdonischen Kontakte // Medieval Towns in Northeastern Europe. Tonning, 2007. S. 9–19.

2008

1. Археологические исследования в Старой Ладоге в 2007 г. (Краткие итоги) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб., 2008, вып. 2. С. 7–12: ил.

2. Восстановленная антикварная воинская редкость: Новые наблюдения о раннесредневековых золоченых шлемах // Дънъслово. Киев. С. 67–75: ил.

3. К вопросу о первой столице Руси // Український історичний журнал. 2008. № 3. С. 4–30.

4. Новые археологические исследования раннесредневекового города Ладога: (по данным раскопок 2007 г.) // Санкт-Петербургский международный культурно-исторический университет 2008. СПб., 2008. С. 329–362; 3 отд. л. ил.

5. Новый путь: (вместо предисловия) // Военная археология. 2008. Вып. 1. С. 5.

6. Откуда пошла земля русская…: [Интервью] // Достояние поколений. 2008. № 1 (4). С. 62–69.

7. От редактора // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб., 2008. Вып.2. С. 3–6: ил.

8. Памятники древнерусской сфрагистики из раскопок Земляного городища в Старой Ладоге в 2007 г. // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб., 2008. Вып.2. С.216–235: ил. (В соавторстве с С. В. Белецким)

9. I Международный симпозиум «Археология и история Литвы и Северо-Запада России» // АВ. 2008. №15. С. 269–273. (В соавторстве с Н. И. Платоновой)

10. Старая Ладога // Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Истоки и вершины восточно-славянской цивилизации. М., 2008. С. 3390–361: ил.

11. Старая Ладога — Выборг — Свенгард: Буклет. 2008

12. Старая Ладога историческая и поэтическая: Календарь «Старая Ладога» за 2009 год.

2009

1. Раннесредневековые золоченые шлемы: новые находки и наблюдения / РАН. ИИМК. — Спб.: Вести, 2009. 68 с.: ил.

2. Исследования средневековых мечей из собрания Национального музея Финляндии // Великий Новгород и Средневековая Русь. М., 2009. С. 365–370: ил. (В соавторстве с Л. Тимантеря, А. И. Сакса).

С. А. Александров, О. В. Андреева, Н. А. Боковенко,
О. М. Иоаннисян, В. И. Кильдюшевский, П. Е. Сорокин

Охранные археологические исследования на территории Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге

В 2007–2008 гг. на территории Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге (рис. 1) проводились охранные археологические исследования. Археологический надзор осуществлялся в связи с работами по реконструкции инженерных сетей и благоустройства: проводились наблюдения за снятием старого дорожного покрытия и за прокладкой коммуникаций. Кроме того, был заложен небольшой раскоп на Соборной площади у Ботного домика (рис. 2).

В процессе работ была получена подробная информация о культурных напластованиях и историческом рельефе на территории Заячьего острова, как в крепости, так и за ее пределами. На отдельных первоначально заболоченных участках выявлены остатки расти-

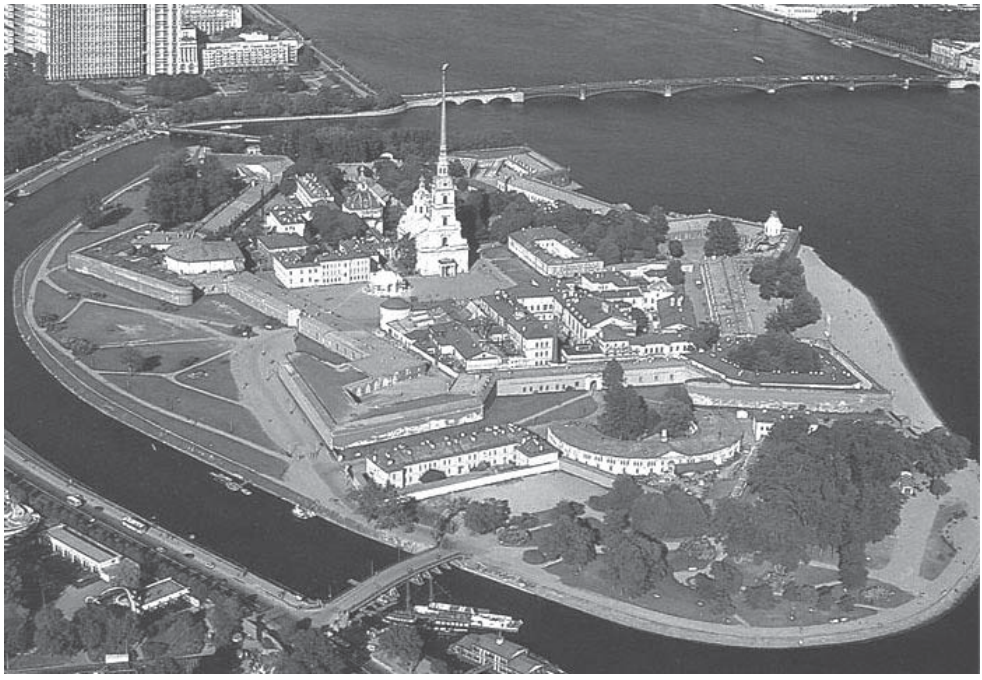


Рис. 1. Петропавловская крепость. Вид с воздуха

Рис. 2. Петропавловская крепость. Участки проведения археологического надзора:

1 — объект 1 (проезд около Усыпальницы), *2* — объект 2 (двор Остаточного Казначейства), *3* — объект 3 (южная часть Петровской куртины), *4* — объект 4 (Никольская куртина), *5* — объект 5 (Сенат у Ботного домика), *6* — объект 6 (Монетный Двор), *7* — объект 7 (Главная аллея), *8* — объект 8 (Екатерининская куртина), *9* — объект 9 (Каретник), *10* — объект 10 (Невская куртина), *11* — объект 11 (проезд у Комендантского дома), *12* — объект 12 (проезд у Инженерного дома), *13* — объект 13 (Нарышкин бастион), *14* — объект 14 (Гауптвахта), *15* — объект 15 (Иоановский равелин), *16* — объект 16 (Кронверкская протока), *17* — объект 17 (Государев бастион)

тельности, свидетельствующие о характере растительного покрова до начала строительства крепости. Исследования стратиграфии культурных напластований позволили выделить несколько периодов подсыпок и нивелировок поверхности острова.

Погребенная почва представляет собой темно-серую гумусированную супесь без находок с включениями древесного угля. На заболоченных участках ее сменяют мхи, переходящие в торфяник. Слой щепы и теса с включением редких находок (фрагменты лаптей, кожаной обуви, лыковой «плетенки», деревянных изделий) связан с начальной стадией строительства крепости. К моменту перестройки крепости в камне уровень дневной поверхности был незначительно повышен, а низины подсыпаны. Культурный слой этого периода представляет коричневый гумусированный суглинок и супесь со щепой и углем мощностью до 20 см с включениями большого количества костей животных, фрагментов кухонных горшков, штофов, белоглиняных курительных трубочек, ружейных кремней и пр. Следующий период подсыпок связан со сносом последних деревянных построек крепости, завершением работ по перестройке куртин и бастионов в камне и окончании возведения равелинов со рвами. В 1730–1740-е гг. уровень днев-

ной поверхности был подсыпан супесью, в которой сохранились фрагменты дощатых хозяйственных и жилых бревенчатых построек XVIII в. В проездах слои подсыпок перекрыты слоями битого кирпича и крупнозернистого песка. Выше залегают слои, связанные с подготовкой участков проездов под булыжное мощение XIX в.

По периметру крепости, вдоль Никольской, Кронверкской и Петровской куртин были расчищены остатки дренажной системы XVIII–XIX вв.: деревянные трубы из досок и рубленные из бревен и бруса колодцы. Подобная система была обнаружена также на Главной аллее и на территории Государева бастиона. Как правило,дренажные трубы изготавливались из досок или плах в виде короба высотой 20–25 см и шириной 25–30 см. Сверху они перекрывались крышкой из досок (рис. 3–4). Трубы соединяли систему дренажных колодцев, рубленых из плах или бре-

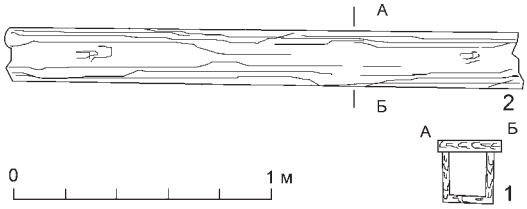


Рис. 3. Петропавловская крепость. бъект 15 (Иоановский равелин). Деревянный водовод. План и разрез. Условные обозначения см.: рис. 13

Рис. 4. Петропавловская крепость. Объект 15 (Иоановский равелин). Деревянный водовод, вид с востока

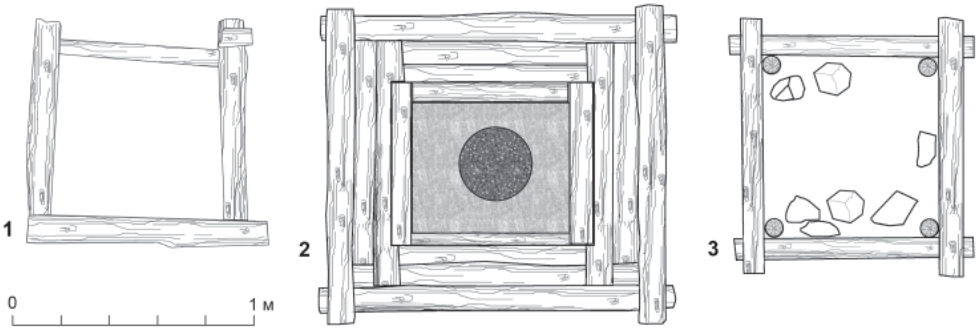


Рис. 5. Петропавловская крепость. Объект 7 (Главная аллея). *1–3* — планы дренажных колодцев. Условные обозначения см.: рис. 13

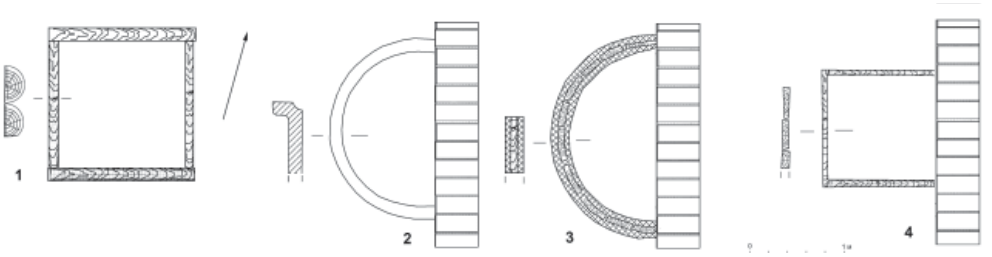


Рис. 6. Петропавловская крепость. Объект 3 (южная часть Петровской куртины).
1–4 — планы дренажных колодцев. Условные обозначения см.: рис. 13

вен (рис. 5). Подобные системы были обнаружены на Главной аллее и вдоль Петровской куртины (рис. 6). Грунтовые воды выводились в крепостные каналы или за пределы крепости. Дренажная система Петропавловской крепости постоянно обновлялась и реконструировалась вплоть до конца XIX в.

Такие же трубы были выявлены на территории Государева бастиона, что и не удивительно: в связи с частыми наводнениями и повышением культурного слоя, казематы первых этажей бастионов затапливались (Степанов 2000: 125–126), поэтому воду из них приходилось откачивать с помощью дренажных труб.

В ходе работ на территории крепости были изучены остатки фундаментов и зафиксировано местоположение отдельных сооружений XVIII в.: Порохового погреба у Кронверкской куртины, Секретного дома, утраченных участков ограды Алексеевского равелина — траверсов, полуконтргардов и фасов, включая фундаменты под стенами казематов. Были выявлены также участки контр-эскарпов рва Алексеевского равелина, выложенные из плитняка.

Из наиболее интересных сооружений, исследованных в процессе работ, следует отметить полный поперечный разрез фундаментов и свайного ростверка эскарповой и валганговой стен Кронверкской куртины в воротном проезде. Максимальная ширина фундаментов стен каменной крепости, выложенных из валунов и известняковой плиты, эскарповой — 7.30 м., валганговой — 5.20 м. Расстояние между кладками фундаментов — 9 м. Глубина заложения составляет около 2 м. В основании стен расчищены конструкции клетей из продольных и поперечных бревен диаметром до 36 см, уложенных пазами на шипы свай, забитых в шахматном порядке. Под фундаментом эскарповой стены расчищено три ряда продольных бревен и 4 ряда свай под поперечными бревнами, под валганговой стеной — 2 ряда продольных бревен и 3 ряда свай под поперечными бревнами.

В четырех местах в траншеях был зафиксирован поперечный разрез продольного канала крепости, включая конструкции деревянного берегоукрепления начала XVIII в. Ширина канала в подошвенной части насыпи составила 7.5 м. Конструкции берегоукрепления представляли собой трапециевидные клети, заполненные супесью. Они были уложены в по краям канала, вырытого в материке.

Во время работ были обнаружены и зафиксированы остатки и других сооружений XVIII–XIX вв. Так у северной стены фасада Гауптвахты (современноен здание дирекции музея истории Санкт-Петербурга) были обнаружены остатки фундамента галереи, построенной в 1748 г. (рис. 7). Ширина кладки — 0,9–1,0 м. Уровень залегания фундаментов на 40 см ниже дневной поверхности. Галерея имела семь высоких открытых полуциркульных арок с изысканной деревянной балюстрадой. В 1906–1907 гг., во время перестройки этого здания по проекту В. Ф. Асмуса, галерея была разобрана (Степанов 2000: 157, 193–194).

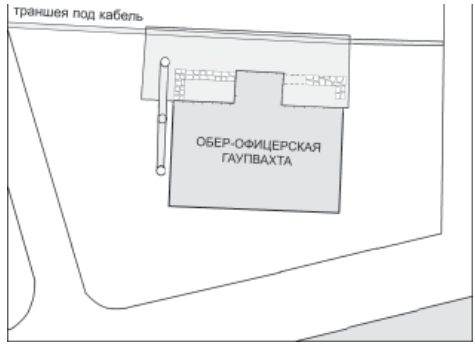


Рис. 7. Петропавловская крепость. Объект 14 (Гауптвахта). План открытых раскопками фундаментов галереи

Интересные результаты были получены в процессе исследований Нарышкина бастиона (рис. 8). В северо-западном углу бастиона обнаружен фрагмент стены горжи бастиона 1728 г., а в центральной части бастиона — остатки фундаментов двух поперечных стен здания. Фундаменты сложены из плит на толстом слое раствора с приме-

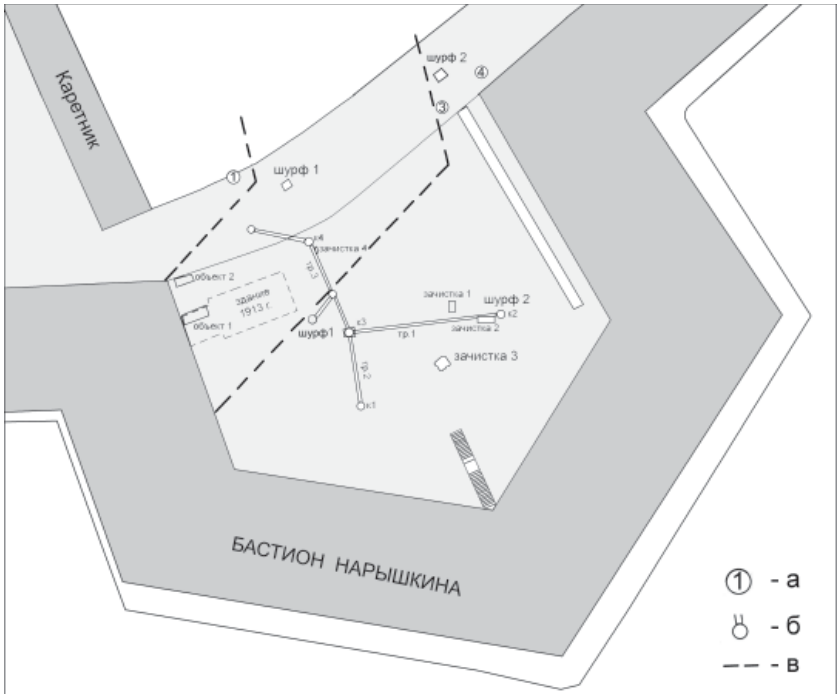


Рис. 8. Петропавловская крепость. Объект 13 (Нарышкин бастион). План:
а — зачистки, *б* — колодцы, *в* — границы деревянно-земляной крепости 1703 г.

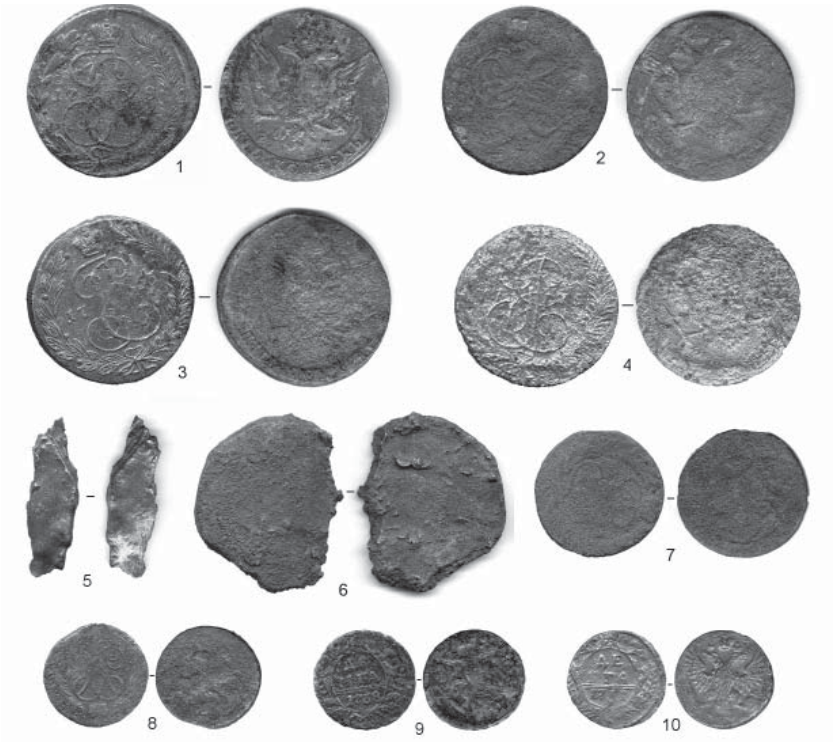


Рис. 9. Петропавловская крепость. Объект 13 (Нарышкин бастион). Находки:
1–10 — монеты

сью толченого кирпича. Ширина стены составляла 1,6 м, внутреннее расстояние между стенами — 5,8 м. Высота расчищенной части фундамента достигала 1,2 м. Верх его был обнаружен на глубине 0,8 м от современной дневной поверхности. По планам Петра I, на территории Нарышкина бастиона предполагалось разместить Монетный двор. Этот план удалось осуществить лишь во второй половине XVIII в., когда территория бастиона была передана в ведение Монетного двора (Турбинов 1998: 183–214). По-видимому, открытые фрагменты фундамента принадлежали одному из зданий Монетного двора. Отметим, что в культурном слое на территории бастиона постоянно встречались следы производственной деятельности Монетного двора: прослойки угля, шлаки, обломки тиглей, фрагменты оплавленной бронзы, монеты XVIII в., в том числе — бракованные (рис. 9). Найдено большое количество пластинок слюды, использовавшихся вероятно для защиты глаз при плавке металла. Отходы производства Монетного двора в большом количестве были встречены и при наблюдениях за земляными работами вдоль здания Монетного двора. Среди них были фрагменты тиглей, в том числе больших графитовых, клинья из графита, медные шлаки, обрезки медных пластин, значительное количество обломков больших стеклянных бутылей для хранения кислот, керамические сопла из огнеупорной глины. Следует отметить, что подобные

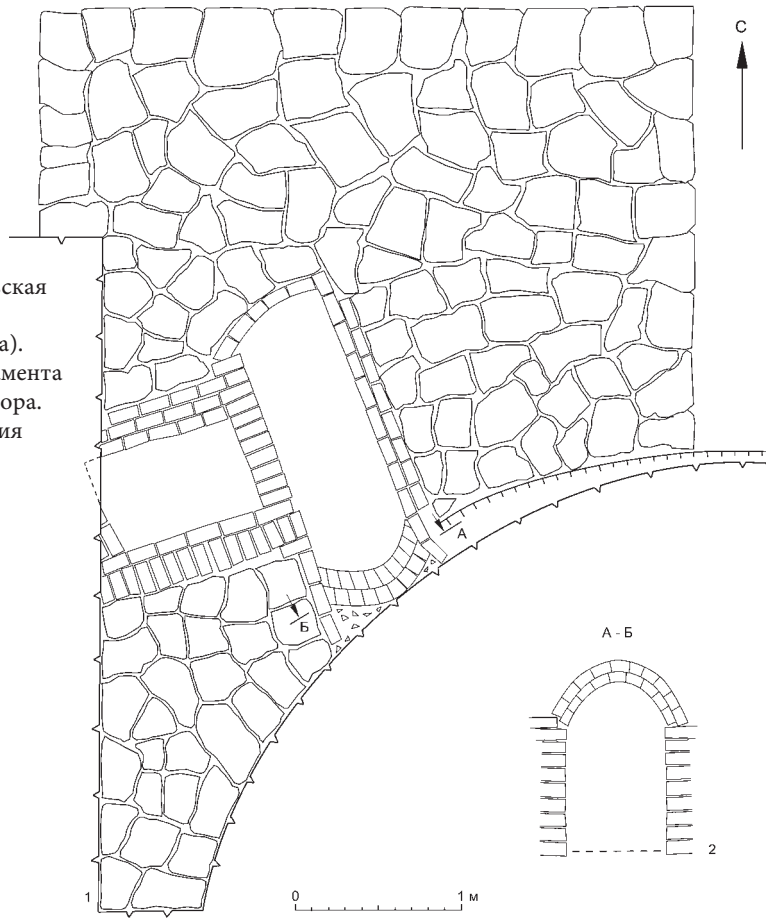


Рис. 10. Петропавловская крепость. Объект 4 (Никольская куртина). План и разрез фундамента трубы Монетного двора. Условные обозначения см.: рис. 13

Рис. 11. Петропавловская крепость. Объект 4 (Никольская куртина). Остатки фундамента трубы и дымохода Монетного двора, вид с севера

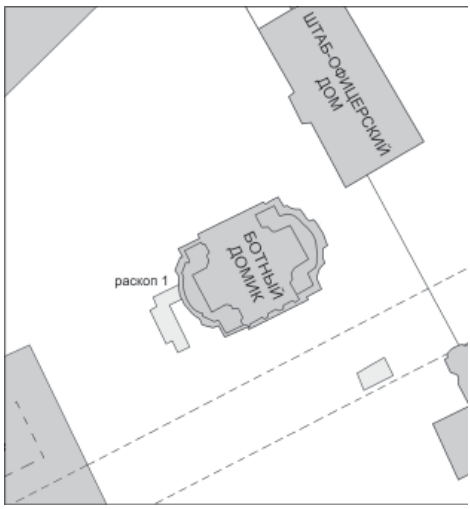


Рис. 12. Петропавловская крепость. Объект 5 (Сенат у Ботного домика). План

изделия встречены во многих местах Петропавловской крепости, особенно на берегу Кронверкской протоки. Скорее всего, отходы Монетного двора использовались для подсыпки территории крепости.

Еще одно сооружение, связанное с монетным производством, было обнаружено у северо-восточной башни Монетного двора, построенного по проекту А. Порти в 1805 г. На глубине 30–40 см от современной дневной поверхности был расчищен плитняковый фундамент размерами 4×4 м, вплотную примыкавший к башне (рис. 10). На памятной медали, выпущенной в 1899 г. по случаю 175-летнего юбилея Монетного двора, за упомянутой башней видна высокая дымовая труба (Спасский 1970: 231). В фундаменте были обнаружены остатки двух камер дымохода, облицованных огнеупорным кирпичом. Одна из камер вела в башню Монетного двора, где был расчищен сводчатый проем высотою 1,1 м. Размеры камеры составили 0,6×1,7 м. Вторая камера, размерами 0,6×0,85 м, вела внутрь здания, пристроенного к башне (рис. 11). По плану расположения цехов 1905 г., в башне находилась «золотая плавильня», а во втором здании — «монетный передел» (Смирнов 1994: 39, рис. 45).

В ходе работ были обнаружены и зафиксированы остатки фундаментов и других не существующих ныне сооружений XVIII–XIX вв. На Соборной площади, у западной стены Ботного домика, построенного в 1761 году по проекту А. Ф. Виста, в 8 метрах к западу от него, был заложен раскоп I для выяснения месторасположения здания канцелярии Сената (рис. 12). В нем в 1711–1718 гг. размещался правительствующий Сенат. По мнению исследователей, здание было мазанковым (Пыляев 2005, стр. 29). На глубине 1,8–1,9 м (БС) была расчищена вымостка из ломаных известняковых плит (рис. 13), положенных насухо, с большими щелями между плитами, на темно-коричневый грунт. С северной и южной сторон вымостка была ограничена бревнами диаметром 18–20 см, плохой сохранности. С северной стороны частично обгорелые бревна лежали на расстоянии 25 см друг от друга, в серо-коричневом слое со щепой. Вымостка заканчивалась у восточной стенки раскопа и уходила в западную. Ширина вымостки составила 7,6 м, ширина постройки — 8,3 м, длина расчищенной части — 3 м. Плиты перекрыты плотным коричневым слоем с примесью щепы и сгнившего дерева, вероятно, представляющего остатки деревянного пола (рис. 14).

При разборке темно-коричневого слоя над кладкой, а также при расчист-

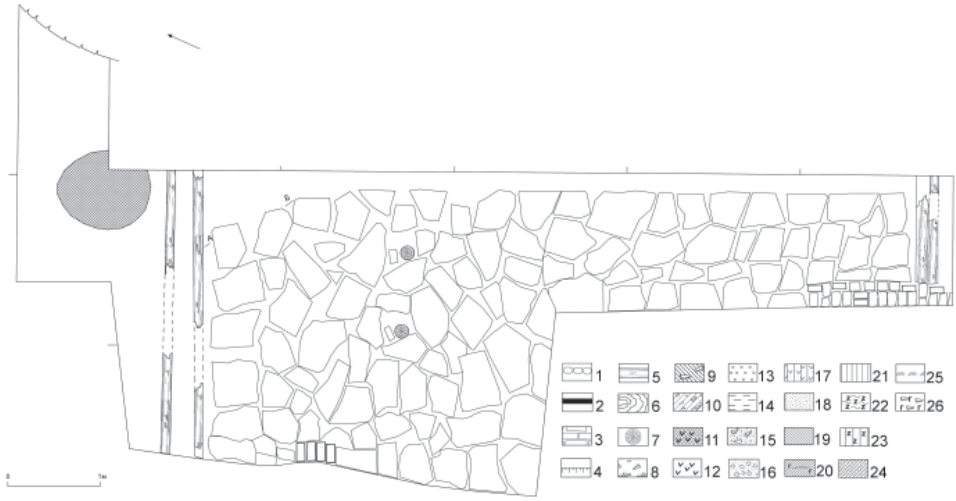


Рис. 13. Петропавловская крепость. Объект 5 (Сенат у Ботного домика). План раскопа. Условные обозначения (к рис. 3, 5, 6, 10, 13, 14):

1 — булыжная мостовая; *2* — асфальт; *3* — кирпичи; *4* — плитняк; *5* — бревно, плаха; *6* — доска; *7* — столб; *8* — перекоп; *9* — темно-серый слой с битым кирпичем; *10* — серый слой с раствором и щебнем; *11* — черный слой с углем; *12* — древесный уголь; *13* — известковый раствор; *14* — глина; *15* — строительный мусор; *16* — песчано-гравийный слой; *17* — серо-коричневый слой с примесью угля; *18* — песок; *19* — темно-серый слой; *20* — темно-серый илистый слой; *21* — серо-коричневый слой; *22* — щепа, древесный тлен; *23* — темно-коричневый слой со щепой; *24* — серый илистый песок; *25* — материк; *26* — черная дерновая мешаная земля с гумусом

ке плит и бревен, были найдены многочисленные предметы XVIII в. Среди них фрагменты керамических курительных трубок, в том числе с клеймом, медная гладкая мундирная пуговица, фрагменты рюмок и бокалов, в том числе с гравировкой, придонная часть стакана с шлифованными гранями. К этому же времени относятся обломок железной двузубой вилки и пробой. Собрано большое количество керамики, в том числе и развалы горшков (рис. 15–16). Часть из них удалось реконструировать. Скопления керамики, в основ-

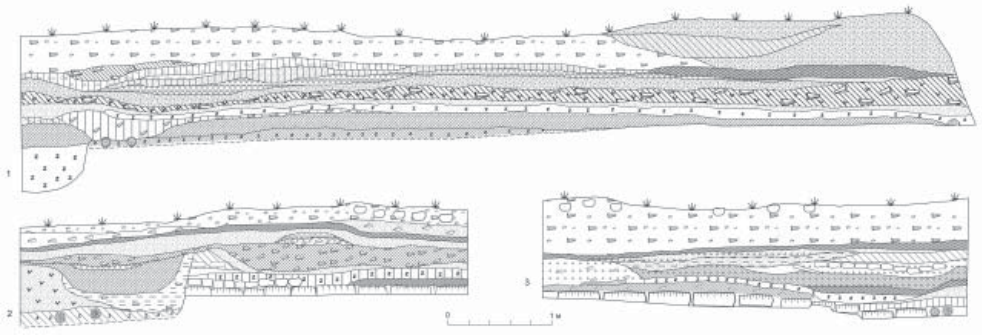


Рис. 14. Петропавловская крепость. Объект 5 (Сенат у Ботного домика). Стратиграфия. *1* — восточная стенка раскопа; *2–3* — западная стенка раскопа. Условные обозначения см.: рис. 13

ном, были сконцентрированы в северной части раскопа, в районе бревен обкладки и за их пределами. Судя по форме и характеру примесей, часть керамики относится к началу XVIII века. Там же, под одним из бревен, была найдена бронзовая накладка треугольной формы с ушком и тремя заклепками. Скорее всего, это застежка от книжного переплета или ларца.

Можно предположить, что остатки здания, обнаруженного в раскопе I, являются домом гарнизонной канцелярии, в котором в 1711 г. был размещен правительствующий Сенат. В таком случае, распространенное среди исследователей мнение, что на месте Сената был поставлен Ботный домик, не совсем справедливо. Большая часть здания уходит в западную стенку раскопа, на Соборную площадь.

Безусловный интерес представляют открытые в проезде от Главной аллеи до Невской куртины (вдоль юго-западного фасада Инженерного дома) конструкции первоначальной деревоземляной Петропавловской крепости. Общая ширина внутривальных деревянных сооружений срубной конструкции, представляющих собой три сруба, установленных на поверхности материковой супеси отдельно друг от друга, составила 18 м. Полученный разрез куртины позволяет уточнить ее местоположение. По сравнению с существующими совмещенными планами земляной и каменной крепостей XVIII в., смещение выявленной линии куртины вглубь острова составило более 15 м.

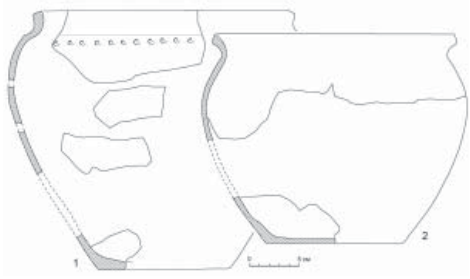


Рис. 15. Петропавловская крепость. Объект 5 (Сенат у Ботного домика). Керамика

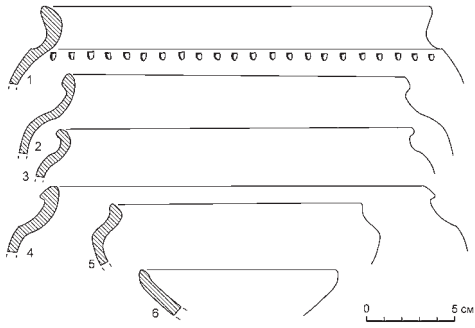


Рис. 16. Петропавловская крепость. Объект 5 (Сенат у Ботного домика). Керамика

Остатки конструкций крепости 1703 г. были обнаружены также в траншеях у Гауптвахты (здание дирекции музея) и на территории Нарышкина бастиона. В 1976 г. небольшой участок ряжей крепости 1703 г. был исследован на Нарышкином бастионе Г. С. Лебедевым (Лебедев 1997: 3–8, рис. 3–5).

Таким образом, остатки крепости 1703 г. сохранились вдоль южной кромки Заячьего острова и находятся на глубине 1,4–1,5 м от современной дневной поверхности. По плану 1793 г., при строительстве каменной крепости, ее южная часть была вынесена в Неву на 15–20 м и сооружена на насыпной части острова. Земляные укрепления 1703 г. тогда же были срыты и использованы для подсыпки под основание каменной крепости (Степанов 2000, стр. 34–54).

За пределами крепости, на берегу Кронверкской протоки, напротив Никольских ворот, были обнаружены сваи и поперечные балки — остатки Никольской пристани для паромной переправы на Кронверк. Она известна по письменным источникам с середины XVIII в. и просуществовала до 1869 г., после чего на этом месте был построен постоянный мост. Рядом, в траншеях были обнаружены остатки фундаментов сооружений Монетного двора для хранения угля (середина XIX в.).

Литература

1. *Лебедев 1997* — Лебедев Г. С. Дерево-земляная Петропавловская крепость 1703 года (Нарышкин бастион по данным раскопок) // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти В. Д. Белецкого (1919–1998). Т. II. СПб; Псков. 1997.

2. *Пыляев 2005* — Пыляев М. И. Старый Петербург. СПб. 2005.

3. *Спасский 1970* — Спасский И. Г. Русская монетная система. Ленинград. 1970.

4. *Степанов 2000* — Степанов С. Д. Санкт-Петербургская Петропавловская крепость. История проектирования и строительства. СПб. 2000.

5. *Турбинов 1998* — Турбинов Ю. В. Нарышкин бастион во власти Монетного двора // Краеведческие записки. Вып. 6. СПб. 1998.

Rescue Archaeological Investigations in the Peter and Paul Fortress in Saint-Petersburg

S. A. Alexandrow, O. V. Andreeva, N. A. Bokovenko, O. M. Ioannisyan, V. I. Kil'dyushevskiy & P. E. Sorokin

Rescue archaeological investigations conducted in the Petropavlovskaya (Peter and Paul) Fortress in Saint-Petersburg have allowed us to establish the stratigraphic scheme of the cultural layer on the Zayachy Island and to reveal the remains of structures of the initial period of the existence of the fortress (the wood-and-earth fort of 1703 and the house of the first Senate). Interesting results have been obtained concerning the building history of the extant stone fortress as well as on the layout and accomplishment of the fortress's territory in the 18th–19th century.

А. Л. Александровский, Н. А. Кренке, В. С. Нефедов

Исследования почв и отложений под культурным слоем Земляного городища Старой Ладоги

Сложная история развития Ладожского озера и окружающих его ландшафтов на протяжении голоцена имела большое значение для расселения человека и развития экономики в древности и средневековье. Возникновение и развитие поселений Нижнего Поволховья последней четверти I тысячелетия н. э. (как и более ранних эпох), включая крупный торгово-ремесленный центр в Старой Ладоге, не могут полноценно изучаться вне контекста изменений природной среды. Комплексные естественнонаучные исследования, направленные на реконструкцию природной среды в среднем и позднем голоцене, активно проводятся на территории Ладожского поселения и его окрестностей в последние 10–15 лет (Аалто, Хейнайоки 1997; Шитов, Бискэ, Носов, Плешивцева 2004; 2005; Человек и природная среда 2005). Работы на Земляном городище Старой Ладоги, результаты которых публикуются в настоящей статье, имели целью продолжить накопление палеогеографических данных по этому важнейшему историко-ландшафтному микрорегиону.

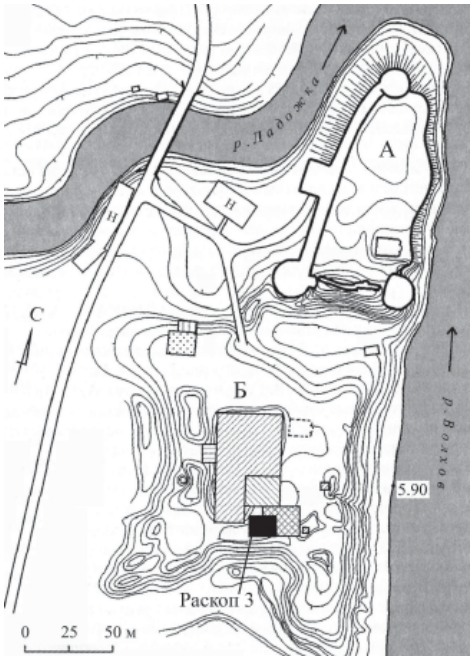


Рис. 1. Местоположение раскопа 3 на Земляном городище Старой Ладоги (по А. Н. Кирпичникову):
А — Каменная крепость, *Б* — Земляное городище

Изучение отложений и почв под культурным слоем Земляного городища проводилось летом 2005 г., на завершающем этапе работ Староладожской экспедиции ИИМК РАН на раскопе 3, когда там был достигнут археологический материк. Раскоп 3 примыкает с севера к южной куртине Земляного городища. Городище, как и находящаяся севернее Ладожская каменная крепость, расположено на низкой террасе левого берега р. Волхов (рис. 1). Высотные от-

Рис. 2. Местоположение разреза 1 в раскопе 3 на Земляном городище Старой Ладоги

метки поверхности Земляного городища составляют в основном 14–16 м над уровнем Балтики, современный урез Волхова — около 6 м. Мощность культурного слоя в раскопе 3 — около 4 м, высота исходной поверхности террасы (подошвы культурного слоя) в Балтийской системе составляет 11–11,5 м, превышение этого уровня над урезом Волхова — 5–5,5 м[1].

Для проведения палеогеографических исследований было сделано 2 разреза, углубленных в дно раскопа. Первый из них приурочен к северному (рис. 2), второй — к западному борту раскопа, расстояние между разрезами 7,5 м. Разрез 1 находится на 35 см выше разреза 2. Мощность изученных отложений и почв — 140 см, ее верхняя часть толщиной около 40 см представляет собой самый низ толщи культурного слоя Ладожского поселения. По данным А. Н. Кирпичникова, наиболее ранние дендродаты в раскопе 3 приходятся на 857–862 гг. (Кирпичников, 2006: 227), что позволяет датировать начало накопления культурного слоя в этом месте третьей четвертью IX в., а включенную в наши разрезы нижнюю часть культурного слоя — второй половиной того же столетия.

В целом направленность проведенных исследований по характеру применяемых методов можно охарактери-

[1] Следует учитывать, что современный уровень воды на данном участке реки может быть ниже средневекового (Шитов, Бискэ, Плешивцева, Мараков 2005).

зовать как почвенно-геохимическую с элементами палеоботаники и седиментологии. При исследовании применялись следующие методы: морфологический анализ почвенного профиля и отложений как естественного, так и антропогенного происхождения; радиоуглеродный анализ; химический анализ почв; геохимический анализ культурного слоя; споро-пыльцевой анализ; определение пород деревьев по углям и фрагментам древесины. Все образцы для лабораторных анализов отбирались в разрезе 1.

Разрезы имеют аналогичное строение (рис. 3). Под культурным слоем выявлены две погребенные почвы, разделенные озерными глинами Ладожской трансгрессии; верхняя почва имеет признаки длительной распашки. Ниже, в основании вскрытой толщи залегали слоистые песчано-суглинистые отложения с валунами и галькой аллювиального и иного происхождения. Детальное описание разрезов приведено в Приложении 1, здесь охарактеризуем их суммарно.

Самые нижние отложения культурного слоя, занимающие в разрезах верхние 40 см, состоят в основном из торфообразного органического вещества, от темно-серого (почти черного) до темно-коричневого, с большим количеством фрагментов обработанной древесины (щепы, бревен и др.) и рыбьей чешуи. Имеются также включения колотых («очажных») камней и мелких углей. Нижняя граница волнистая, резкая.

Под культурным слоем залегает погребенная почва 1 (верхняя), имеющая мощный, ярко выраженный гумусовый горизонт толщиной до 30 см. Его верхняя часть толщиной 13–15 см представляет собой пахотный горизонт (Ap), хорошо диагностируемый по резкой и ровной нижней границе, а также по составу. Это буровато-темно-серый (до черного) легкий комковатый суглинок. Содержит (особенно в верхней части) колотые камни размером до 15 см, единичные мелкие щепки, угольки и кусочки обожженной глины. Некоторые из этих включений занесены туда во время распашки, другие вдавлены в еще рыхлую пашню в начале заселения исследованного участка. Подпахотный горизонт верхней почвы (ABg, в прошлом ABt) — сизовато-темно-серый, при высыхании с синим оттенком (вивианит), плотный тяжелый суглинок, оглеенный, оструктуренный. В его основании прослеживается слабо выраженная слоистость. В этом горизонте видны кротовины, антропогенных включений нет. Горизонт сформирован в толще озерного гумусированного ила. Нижняя граница прямая и резкая, прорезана многочисленными трещинами, заполненными гумусированным материалом и проникающими глубоко в подстилающий горизонт.

На горизонтальной зачистке, сделанной возле разреза 1 по поверхности нижележащей светлой глины, на 35 см глубже подошвы культурного слоя, хорошо прослеживается сеть трещин, образующих полигоны (рис. 3, *3*). Тонкие трещины (0,5–1 см) образуют полигоны поперечником 10–15 см, широкие трещины (7–10 см) — полигоны поперечником 40–50 см. Они имеют естественное происхождение и образовались в начале формирования верхней погребенной почвы.

Ниже залегает сизовато-белесая плотная оглеенная глина толщиной

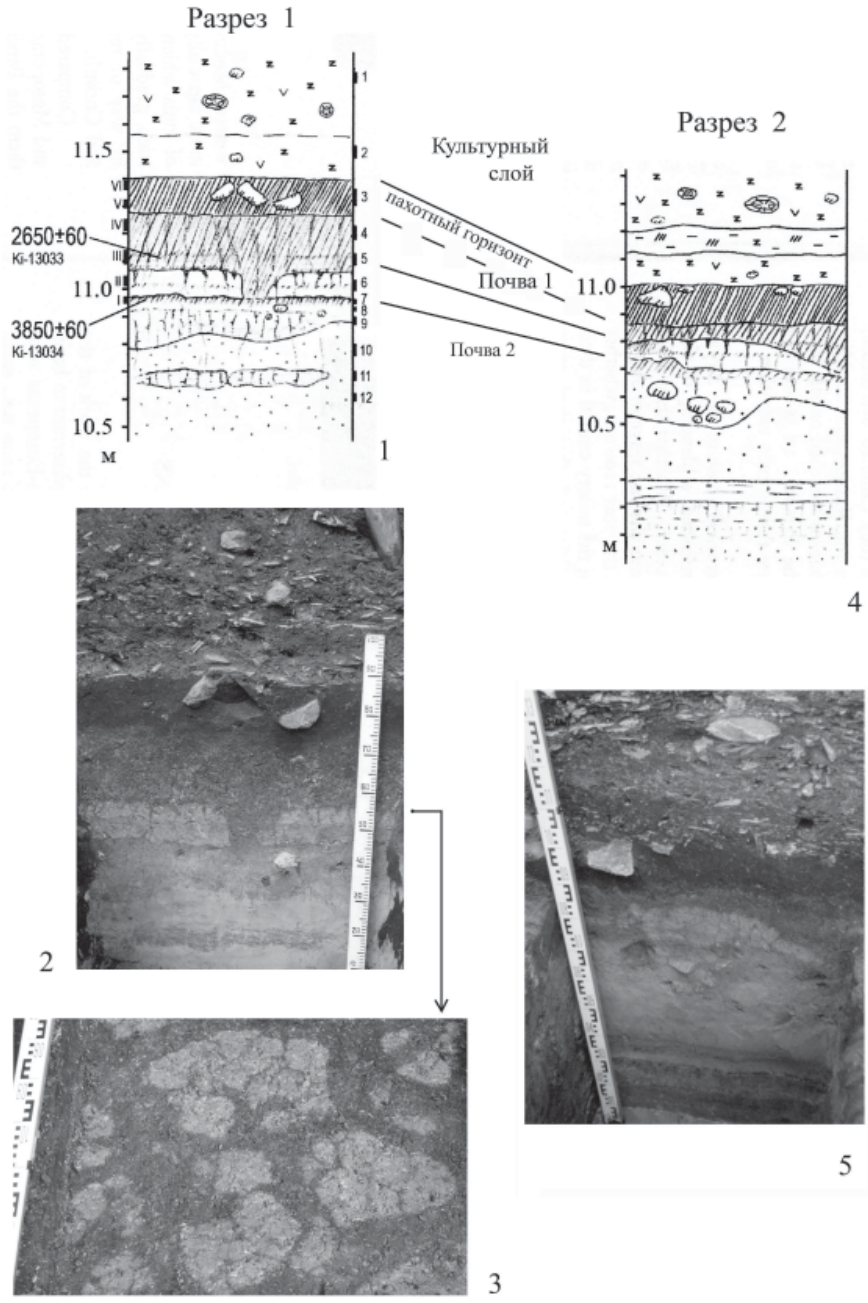


Рис. 3. Почвенно-археологические разрезы в раскопе 3. *1–3* — разрез 1; *4–5* — разрез 2. На разрезах (*1–2*) обозначены глубины отбора проб для проведения споро-пыльцевого (*I–VI*) и почвенно-геохимических (*1–12*) анализов. На фото (3) представлена горизонтальная зачистка поверхности белесых озерных отложений максимума Ладожской трансгрессии, видны полигональные сетки трещин периода формирования почвы 1

около 10 см, с пятнами вивианита. Она имеет слабо слоистую структуру и резкую нижнюю границу. Как и вышележащий горизонт ABg, частично переработанный почвообразованием, она представляет собой озерные донные отложения.

Под глиной, на 30–45 см ниже культурного слоя, находится погребенная почва 2 (нижняя), которая, в отличие от первой, имеет тонкий гумусовый горизонт A1 (3–4 см) и некоторую, пусть и слабо выраженную, дифференциацию почвенного профиля (лучше читалась в разрезе 1). Гумусовый горизонт этой почвы — светло-серый опесчаненный легкий суглинок, признаки оглеения в нем отсутствуют. Под ним местами читается палево-светло-бурый подзолистый (E), еще ниже — иллювиальный (Bt), красновато-бурый. Оба эти горизонта прорезаны тонкими вертикальными трещинами. Переходы между ними постепенные.

Нижняя почва сформирована на рыхлой светло-серой тяжелой супеси, ближе к суглинку, с включениями мелких валунов и мергеля. Этот горизонт лучше выражен в разрезе 2. Его происхождение не вполне ясно, предположительно делювиальное. Еще ниже, до самого дна разрезов, залегают слоистые песчано-суглинистые отложения, в нижней части с валунами и галькой. По-видимому, это аллювиальные, отчасти, возможно, донные отложения, в том числе переотложенная и размытая морена последнего оледенения. Датировать их можно в широких пределах финалом плейстоцена — средним голоценом. Таким образом, в разрезах, несмотря на небольшую мощность вскрытых отложений, отражен длительный период от начала голоцена до IX в. н. э. включительно.

Нижняя почва — слаборазвитая дерново-подзолистая лесного генезиса. Формировалась она недолго, в конце среднего голоцена. Верхняя почва — лесо-луговая. Она формировалась после окончания Ладожской трансгрессии на гумусированных озерных отложениях, которыми сложена поверхность террасы, образовавшаяся в результате резкого падения уровня озера вслед прорывам ладожских вод в районе Ивановских порогов и образования реки Невы. По гумусу из нижней части профиля верхней почвы получена радиоуглеродная дата 2650±60 лет назад (Ki-13033), Cal 895–787 гг. до н. э.; по гумусу из верхнего горизонта нижней почвы — 3850±60 лет назад (Ki-13034), Cal 2456–2208 гг. до н. э. (табл. 1, рис. 3, *1*). Первая из приведенных дат относится не столько к верхней погребенной почве, сколько к начальному этапу накопления гумусированных озерных глин, т. к. на этом уровне (го-

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного датирования погребенных почв

Горизонт; глубина от основания культурного слоя (см)	Индекс	Дата (лет назад)	Калиброванный (календарный) возраст, 1 sigma, лет до н.э.
Почва 1. ABg, 25–30	Ki-13033	2650 ± 60	895–868, 857–853, 851–787
Почва 2. A1, 45–48	Ki-13034	3850 ± 60	2456–2418, 2407–2375, 2367–2364, 2351–2274, 2256–2208

Таблица 2. Химические свойства почв и отложений[1]

Горизонт; глубина, см	$C_{органич.}$, %	Гумус, %	Фосфор, %	$pH_{водный}$	$CaCO_3$, %
Верхняя погребенная почва — лесо-луговая					
Ap 0–15	10.1	17.3	1.07	6.75	0.07
ABg 15–25	4.23	7.28	1.11	6.95	0.04
ABg 25–35	3.08	5.30	0.95	–	–
II B(g) 35–45	1.30	2.24	0.56	–	–
Нижняя погребенная почва — лесная подзолистая					
A1 45–48	0.66	1.14	0.27	–	–
E 48–52	0.32	0.55	0.32	–	–
B1t 52–65	–	–	0.36	–	–
Bt/Bg 71–95	–	–	0.69	–	–

ризонт 25–30 см) озерный гумус резко преобладает над почвенным. Поэтому полученные даты должны рассматриваться как несколько расширенные хронологические границы максимума Ладожской трансгрессии, причем более поздняя из них существенно древнее начала формирования почвы 1.

Определены некоторые химические свойства почв и отложений разреза 1 (табл. 2). Верхняя почва характеризуется высоким содержанием гумуса (17,3 % в пахотном горизонте). Отчасти это обусловлено повышенной гумусированностью почвообразующей породы — темных озерных глин (горизонт 25–35 см). Высокое содержание фосфора, обнаруженное в профиле этой почвы, также связано с образованием ее на озерном иле. В подтверждение укажем на то, что в ее гумусовом горизонте Ap содержание P2O5 не только не увеличивается, но даже немного снижается (1,07 % по сравнению с 1,11 % в верхней части подпахотного горизонта ABg). Выявленное по результатам анализов повышенное содержание гумуса и фосфора свидетельствует о высоком плодородии данной почвы. Кислотно-щелочная реакция среды в верхней части профиля верхней почвы близка к нейтральной. Карбонаты, несмотря на расположенный выше культурный слой, включающий карбонатный материал (мергель), обнаружены в незначительном количестве.

В профиле нижней почвы гумуса и фосфора мало (соответственно, 1,1 % и 0,27 % в горизонте A1), что соответствует ее лесному генезису на супесчано-суглинистых породах. Отметим, однако, повышенное содержание фосфора в ее нижнем горизонте (табл. 2, горизонт 71–95 см), предположительно связанное с озерным (озерно-ледниковым?) происхождением подстилающих отложений.

[1] Глубина указана от нижней границы культурного слоя. Прочерк означает: не определялось.

Споро-пыльцевой анализ образцов из двух погребенных почв и залегающих между ними озерных илов, проведенный палинологом Е. С. Малясовой, позволил выделить 3 палинокомплекса (рис. 4). Первый из них характеризует растительность периода формирования нижней почвы, второй — периода накопления озерных глин и, возможно, начала формирования верхней почвы, третий связан с пахотным горизонтом (Приложение 2). По заключению исследователя, растительность первого и второго палинокомплексов характерна для суббореального периода голоцена (около 5700–2800 лет назад), третьего — для субатлантического периода. Этот вывод в целом подтверждается радиоуглеродными датами.

Во всех палинокомплексах пыльцы древесных пород в несколько раз больше, чем пыльцы травянистых растений (от 3,5 раз во втором комплексе до 6 раз в первом), стабильно высок процент спор, в первую очередь папоротников и мхов. Для времени формирования почвы 2 и последовавшей Ладожской трансгрессии реконструируются хвойные леса с участием широколиственных пород. В прибрежных условиях, особенно на поймах, доминировала ольха. Среди хвойных в первом из этих периодов преобладала сосна, во втором — ель. Во время Ладожской трансгрессии возросла доля березы. Гумусовый горизонт нижней почвы содержит пыльцу рудеральных трав (маревые), что может указывать на частичное нарушение естественных условий в результате деятельности человека. В белесых озерных глинах (максимум трансгрессии) среди пыльцы трав велика доля зерен водных растений, выше (в гумусированном иле) их число уменьшается за счет трав сухих местообитаний. В пахотном горизонте преобладают споры, а также пыльца хвойных деревьев, особенно сосны. Пыльцевой спектр нарушен (видимо, распашкой), пыльца трав представлена единичными зернами растений, в основном характерных для нарушенных условий местообитания (маревые, астровые, полынь).

Следует отметить, что палинокомплексы II и III достаточно точно соответствуют палинокомплексам I и II споро-пыльцевой колонки, полученной М. В. Шитовым и соавторами из скважины на Земляном городище для, соответственно, озерных илов Ладожской трансгрессии и залегавшей выше почвы, перекрытой культурным слоем (Шитов, Бискэ, Носов, Плешивцева 2004; Человек и природная среда 2005: 47–50). Исследователи датировали выделенный ими палинокомплекс I первой фазой субатлантического периода, что вызывает определенные возражения. По нашим данным, он относится, как и палинокомплекс II публикуемой колонки, к концу суббореала и началу субатлантики.

На основании полученных данных историю формирования изученных отложений и почв можно представить следующим образом (рис. 5).

В течение длительного времени, с финала плейстоцена до середины голоцена (начала суббореального периода) формируются слоистые песчано-суглинистые отложения, занимающие нижнюю часть разрезов (рис. 5, *I*). Они содержат прослои перемытой морены (валунного суглинка) и имеют различное происхождение: в основном аллю-

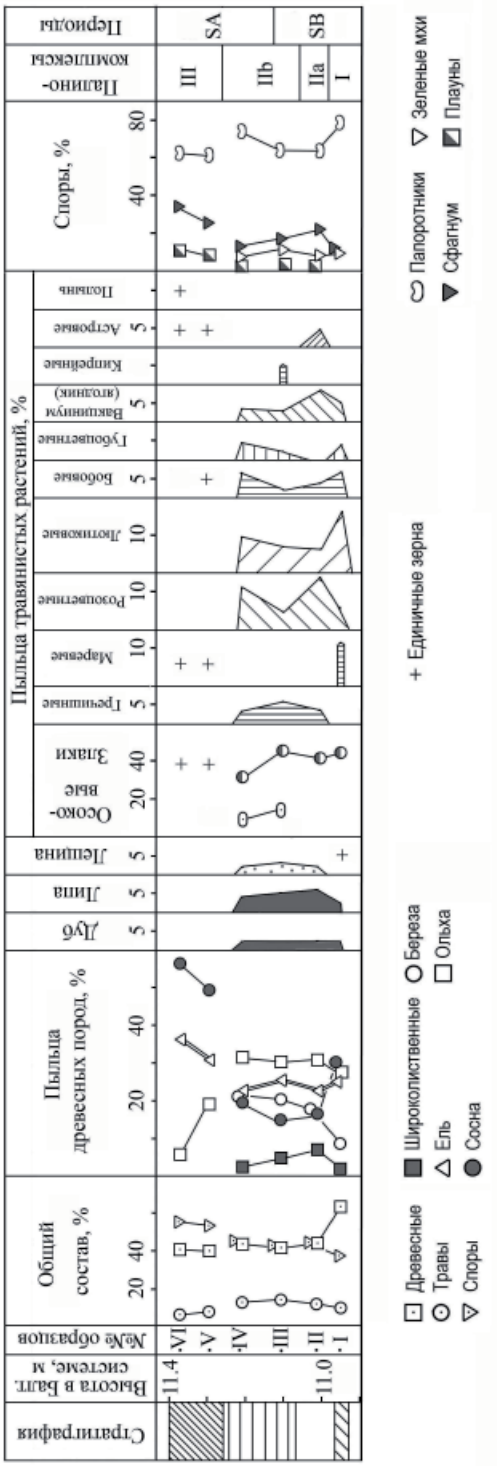


Рис. 4. Споро-пыльцевая диаграмма, полученная из средней части разреза 1

виальное, в том числе водно-ледниковое, частично, вероятно, донное и делювиальное. В их нижней части отмечено повышенное содержание фосфора, что характерно для озерных отложений. В целом эту толщу отложений можно связать с формированием долины Волхова и колебаниями уровня Ладожского озера в первой половине голоцена (Долуханов, Болтрамович, Зайцева, Кулькова, Тимофеев 2006; Долуханов, Субетто, Арсланов, Александровский 2008).

В результате образовалась низкая надпойменная терраса левого берега Волхова, на поверхности которой в среднем голоцене (вторая фаза суббореального периода) поселяется лесная растительность и формируется нижняя погребенная почва (рис. 5, *II*). Она имеет дифференциацию почвенного профиля, характерную для лесных дерново-подзолистых почв, хотя и слабо выраженную. Толщина ее гумусового горизонта незначительна, содержание гумуса низкое. Малая мощность почвенного профиля может свидетельствовать о малой длительности периода почвообразования. Недолгое формирование этой почвы происходило в интервале 4500–4200 лет назад; она оказалась моложе по сравнению с подзолом, погребённым под песчаным валом Ладожской трансгрессии в северо-восточной части озера, в районе р. Уукса. По углам с поверхности погребенного под-

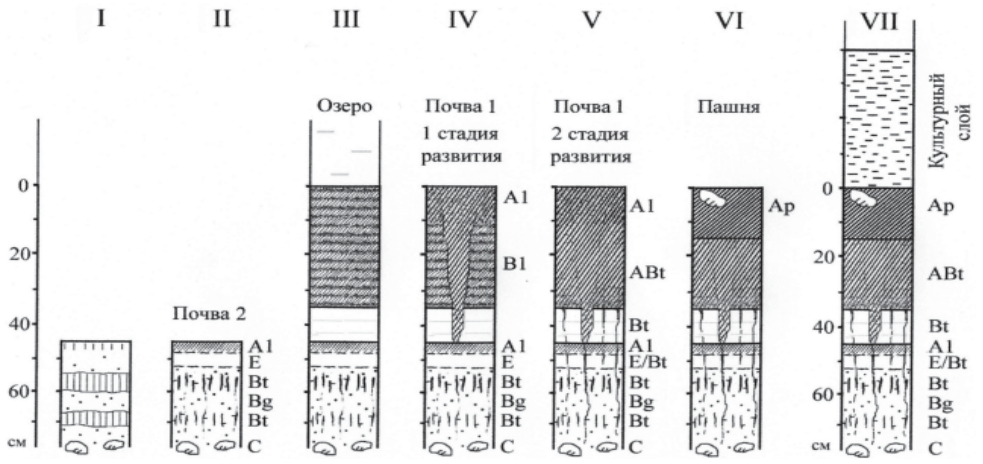


Рис. 5. Основные стадии седиментации и почвообразования на исследованном участке Земляного городища (от раннего голоцена до 900 г. н. э.). Почвенные горизонты:

Ap — пахотный; A1 — гумусовый; E — элювиальный (подзолистый); B1 — переходный; Bt — иллювиальный (вмывания); ABt — гумусовый с признаками иллювиального; E/Bt — элювиальный с вторичными признаками иллювиального; Bg — глеевый; C — материнская порода. I — накопление слоистых песчано-суглинистых отложений (ранний–средний голоцен); II — формирование почвы 1 лесного генезиса (середина суббореального периода, около 4500–4200 лет назад); III — максимальный и финальный этапы Ладожской трансгрессии, накопление озёрных глин (конец суббореального — начало субатлантического периодов, около 4000–2000 лет назад); IV — первая стадия формирования почвы 2, образование широких мерзлотных (?) трещин (около 2000–1800 лет назад); V — вторая стадия развития почвы 2 (под лесом), формирование тонких трещин и глинистых натеков (около 1800–1250 лет назад); VI — перепахивание гумусового горизонта почвы 2, превращение его верхней части в горизонт Ap (около 750–850 гг. н. э.); VII — начало отложения культурного слоя Ладоги (с 3-й четверти IX в.)

зола получена радиоуглеродная дата 5350±130 лет назад (Александровский, Александровская 2005: 61). Это может указывать на различный возраст максимума Ладожской трансгрессии в северной и южной частях озера.

При раскопках Н. К. Стеценко, проводившихся в 1979–1982 гг. на мысу Ладожской крепости, возле Стрелочной башни, под средневековым культурным слоем была зафиксирована стратиграфия, аналогичная выявленной нами на Земляном городище. Под слоем озерных глин, более мощным, чем в наших разрезах (до 80–90 см), залегал культурный слой толщиной менее 10 см, содержавший каменные орудия, отщепы и ямочно-гребенчатую керамику, еще ниже находились плотные песчано-супесчаные отложения (Стеценко 1980: 12, 16; 1982: 8). Этот культурный слой датирован автором раскопок поздним неолитом (Стеценко 1997: 174), что соответствует времени формирования почвы 2 (вторая половина III тысячелетия до н. э.) и подтверждает тождественную стратиграфическую позицию этих горизонтов. Следует также обратить внимание, с одной стороны, на единичные находки неолитических артефактов на Земляном городище, с другой стороны, на присутствие в палинокомплексе почвы 2 пыльцы рудеральных трав, характерных для нарушенных местообитаний.

В конце среднего голоцена (вторая половина суббореального периода) на поверхности почвы 2 начали накапливаться слабослоистые глинистые отложения, связанные с Ладожской трансгрессией. Их нижняя часть светлая, вышележащая — гумусированная, с признаками переработки процессами почвообразования в ее верхней и средней части. Общая мощность глин в изученных нами разрезах 15–30 см, первоначально она достигала 45 см. И в белесом, и в темном слоях глин отмечается высокое содержание фосфора, что позволяет охарактеризовать их как озерные донные отложения (илы). Наличие последних свидетельствует о том, что в период Ладожской трансгрессии на месте Земляного городища и Каменной крепости находилось дно Ладожского озера (рис. 5, *III*). Вероятно, это был залив, занимавший в то время часть долины Волхова. Резкая граница между белесыми и темно-серыми слоистыми глинами указывает на достаточно резкое изменение условий накопления озерных илов. Очевидно, условия изменились с более глубоководных на мелководные (прибрежные). Первый из этих этапов как раз и соответствует максимуму Ладожской трансгрессии. Трансгрессия была достаточно длительной с максимумом в ее конце, который в настоящее время датируется по 14C концом суббореала, т. е. серединой II — началом I тысячелетий до н. э. (Saarnisto, Grönlund 1996: 210, 214; Долуханов, Болтрамович, Зайцева, Кулькова, Тимофеев 2006: 146; Долуханов, Субетто, Арсланов, Александровский 2008). По нашим данным, отложение светлых озерных глин (глубоководный этап) происходило в рамках интервала 4000–2900 лет назад, что удовлетворительно вписывается в современные представления. Последовавшее затем резкое падение уровня Ладожского озера в результате образования Невы привело к накоплению гумусированного озерного ила, которое могло продолжаться несколько столе-

тий в начале субатлантического периода и завершилось осушением низкой террасы Волхова.

Здесь следует еще раз обратиться к исследованиям научного коллектива под руководством М. В. Шитова на Земляном городище. В двух скважинах была выявлена стратиграфия, немного отличающаяся от наших разрезов. Под культурным слоем залегала погребенная почва, соответствующая почве 1, но сформированная на древесном торфе толщиной около 20 см. Торф перекрыл глинистые озерные илы Ладожской трансгрессии, идентичные таковым в разрезах 1 и 2 (Шитов, Бискэ, Носов, Плешивцева 2004; Человек и природная среда 2005: 43–45). Наличие в скважинах маломощного погребенного торфяника, частично переработанного почвообразованием, может объясняться тем, что бурение затронуло пониженный участок террасы: поверхность последнего до начала накопления культурного слоя — около 10,5 м от уровня Балтики — на 0,5–1 м ниже, чем на раскопе 3. Возраст подошвы торфяника был определен по 14С в интервале от 1820±60 до 2130±120 лет назад. Согласно этим данным, понижение уровня Ладожского озера ниже 10 м произошло около 2000 лет назад (Человек и природная среда 2005: 44).

После отступления озера около 2000 лет назад на поверхности террасы поселилась лесная растительность и началось формирование погребенной почвы 1. В верхней части озерных глин формируется гумусовый горизонт толщиной более 20 см. Содержание гумуса в нем высокое (непосредственно под пахотным, в горизонте АВ оно составляет 7,3 %). Этому способствовало исходно высокое содержание фосфора и органического углерода в верхнем слое озерных отложений, а также глинистый состав этих отложений. Вместе с тем процессами почвообразования оказалась охвачена не вся толща гумусированных озерных глин. Об этом свидетельствует тот факт, что в их нижней части сохранилась исходная слоистость осадка, а также то, что гумусовая прокраска не проникла в слой белесой глины.

Предположительно в развитии верхней почвы можно выделить стадию лесного почвообразования, с которой связано формирование узких вертикальных трещин (трещины усыхания), заполненных материалом, вмытым из вышележащих горизонтов почвы вниз, а также стадию лугового почвообразования, представленную темным гумусовым горизонтом (рис. 5, *IV*, *V*). Возможно неоднократное чередование стадий: 1) луг; 2) лес; 3) антропогенный луг. По-видимому, здесь, как и во многих других районах древнего заселения на территории лесной зоны, наблюдается последовательная смена стадий освоения ландшафта: сведение лесов в результате подсечного земледелия и иных видов хозяйственной деятельности сопровождается появлением вторичной луговой растительности (Alexandrovskaya, Alexandrovskiy, Gaidukov, Krenke 2001: 17–18). Луга, вероятно, использовались как пастбища и сенокосы.

Не вполне ясны причины возникновения широких трещин, образующих, как и тонкие, полигональную сеть. Они могут быть как трещинами усыхания, так и мерзлотными и образовались, очевидно, на начальной стадии фор-

мирования почвы, в период похолодания (иссушения) климата сразу после окончания Ладожской трансгрессии. Позднее под воздействием процессов почвообразования верхняя часть широких трещин стала мало отличимой от окружающей почвенной массы — прокрасилась гумусом, приобрела комковатую структуру.

Оглеение почвы могло происходить как во время ее формирования, которое, следовательно, протекало в условиях повышенной влажности, так и после ее погребения под культурным слоем. Формирование этой почвы прекратилось, по-видимому, с возникновением Ладожского поселения, т. е. продолжалось не менее 700 лет. Еще до начала накопления культурного слоя она испытала сильное антропогенное воздействие.

Следующая стадия эволюции ландшафтов на изучаемой территории связана с периодом распашки, что привело к переработке верхней части гумусового горизонта почвы 1 в хорошо выраженный пахотный горизонт (рис. 5, *VI*). Его толщина около 15 см, что составляет предельно высокое значение для пахотных горизонтов конца I — начала II тысячелетий н. э. в лесной зоне Восточной Европы (Мурашева, Нефедов 2002: 195; Александровский, Александровская 2005: 153–156). Земледельцы могли пахать здесь немного глубже обычного, так как на низкой террасе Волхова отсутствовал залегающий близко к поверхности неплодородный подзолистый горизонт. Содержание гумуса в пахотном горизонте очень велико — 17,3 %, что связано как с высоким исходным содержанием гумуса в верхней части почвы, так и с привнесением туда органического материала во время длительной распашки. Необыкновенно высокое плодородие почвы на рассматриваемом участке террасы Волхова теоретически могло привлекать сюда земледельцев еще до возникновения Ладоги в середине VIII в. Однако наиболее вероятным периодом распашки мы считаем 750–850 гг., когда поселение уже существовало, но исследованный участок еще не был застроен. Стоит напомнить, что именно к этому периоду относится древнейший в лесной зоне Восточной Европы железный наральник, найденный при раскопках Земляного городища (Давидан 1994: 158).

Установлено, что в верхней и нижней части пахотного горизонта состав остатков деревьев различается. В нижней части практически отсутствует щепа, угли более крупные, и в их составе преобладают лиственные породы (береза и рассеянно-поровые, предположительно часть из которых — ива). Вероятно, эти угли попали сюда на первых стадиях пахоты. В верхней части угли мелкие, в основном хвойных пород (лиственные представлены в образце ольхой и березой), имеются щепки и кусочки коры. Крупные угли в результате распашки здесь не сохранились, щепки, вероятно, попали сюда непосредственно перед началом накопления культурного слоя.

Можно предположить, что формирование пахотного горизонта происходило в два этапа. Вначале граница поселения (застройки) находилась на определенном удалении, затем придвинулась практически вплотную, в результате чего в пахотный горизонт в большом количестве попали круп-

Таблица 3. Содержание макроэлементов (%) и микроэлементов (мг/кг) в нижней части культурного слоя

Высота от основания культурного слоя	Fe2O3, %	CaO, %	TiO2 , %	Mn	Ni	Zn	Cu	Pb	As	Br
Кларк[1]	*5*	*1.5*	*0.5*	*1000*	*99*	*76*	*30*	*13*	*2*	*0.7*
40 см	0.7	3.0	0.2	1000	5	210	20	10	1	–
10 см	1.1	3.0	0.3	1000	5	150	20	5	1	–

ные «очажные» камни, щепки и угли хвойных деревьев, использовавшихся для строительства. Верхняя хронологическая граница горизонта датируется серединой — третьей четвертью IX в., временем начала накопления культурного слоя (рис. 5, *VII*).

Определение пород деревьев проведено также в образцах из нижней части культурного слоя, взятых в 10 см и 40 см над поверхностью почвы 1. В первом из них присутствует большое количество щепы, углей нет, преобладает древесина хвойных пород. Во втором образце присутствуют как обломки древесины (в основном щепа), так и угли, преобладают лиственные породы (клен, береза), меньше хвойных (ель, сосна).

Анализ нижней части культурного слоя на макро- и микроэлементы (табл. 3) показал высокое содержание кальция — результат обогащения карбонатами, основным источником которых является зола. Отметим также повышенное содержание цинка, которое вообще характерно для «мокрого» слоя, например, в Ростове Великом. В частности, его причиной может быть высокое содержание остатков рыбы, поскольку цинк накапливается в чешуе и жабрах рыб. Этому соответствует обилие в нижних горизонтах культурного слоя рыбьих костей и чешуи. Кроме того, повышенное содержание цинка может свидетельствовать о наличии древней металлургии вблизи места отбора образца. Цинк обладает повышенной летучестью и «летит» при выплавке других металлов. Однако обычно вместе с цинком идет накопление и других тяжелых металлов (меди и др.). В данном случае этого не наблюдается.

Таким образом, в результате проведенных исследований удалось получить новые данные об эволюции природной среды в районе Старой Ладоги во второй половине голоцена, а также о формировании аграрного ландшафта на периферии первоначального Ладожского поселения. Вместе с тем изучение почв и отложений, залегающих под ладожским культурным слоем, в том числе накопление радиоуглеродных дат по наиболее информативным горизонтам, остается актуальной научной задачей. По-видимому, удобный случай для новых исследований может представиться уже в ближайшее время, когда Староладожская археологическая экспедиция будет завершать работы на раскопе 4.

[1] Кларк — среднее содержание элемента в земной коре.

Приложение 1

Описание разрезов

За условный «0» для отсчета глубины принят уровень поверхности погребенной почвы 1 (соответствует нижней границе культурного слоя). Глубины горизонтов культурного слоя отсчитываются вверх, глубины горизонтов погребенных почв и отложений террасы — вниз от этой отметки.

Разрез 1. Приурочен к северной стенке раскопа 3 в кв. Д–XV. Высота разреза 140 см, ширина 90 см. Поверхность погребенной почвы 1 находится на глубине 172 см от репера раскопа.

КС (45)–0 см. Темно-серый, почти черный (во влажном состоянии), при высыхании темно-коричневый торфообразный материал культурного слоя с большим количеством фрагментов древесины (щепы, бревен). Имеются включения очажного камня, рыбьей чешуи и позвонков. Переход резкий.

A1p 0–13 см. Гумусовый горизонт погребенной почвы 1 (верхней), пахотный. Темно-серый к чёрному суглинок, примесь песчаных зерен, единично камни размером до 15 см, слабоуплотнённый, комковатый. Имеются угольки, органический детрит, в верхней части местами мелкая щепа. Синеватые пятнышки вивианита в порах и трещинках, разделяющих агрегаты. Переход резкий (зона перехода 0,5–1 см), граница ровная.

AB(g) 15–35 см. Гумусовый горизонт погребенной почвы 1, в нижней части — гумусированные озёрные отложения. Темно-серый, при высыхании с синим оттенком (признак оглеения), тяжелый суглинок к глине, комковато-ореховатый, плотный. В нижней части признаки неконтрастно выраженной слоистости. По порам, в том числе, по порам-терщинам, синеватые выделения вивианита. Переход резкий: нижняя граница маркируется темным прослоем, нерезко отличающимся от вышележащей массы и резко — от нижележащего светлого горизонта. От нижней границы начинаются клинья шириной 0,5–1см протягивающиеся на глубину 7–10 см, заполненные темно-серым материалом, и редкие карманы с тем же заполнением.

II B(g) 35–45 см. Озёрные глины белёсые. Сизовато-светло-серый тяжелый суглинок–глина, плотный, оструктурен (ребристая ореховатая структура). По порам, в том числе, по порам-терщинам синеватые выделения вивианита. Рассечен сетью клиньев-трещин двух типов: узких и широких. Переход резкий, граница слабоволнистая.

A1 45–48 см. Гумусовый горизонт погребенной почвы 2 (нижней). Серый опесчаненный легкий суглинок, книзу светлеет, слабоуплотненный (заметно рыхлее вышележащего), комковатый. Единичные включения гравия и гальки. Переход постепенный, вниз протягиваются слабо выраженные клинья со светло-серым заполнением.

(E) 48–52 см. Предположительно элювиальный (подзолистый) горизонт той же почвы. Палевый со светло-бурыми зонами опесчаненный суглинок, рыхлый, бесструктурный, местами непрочно-комковатый. Единичные камни. Вертикальные трещины клиновидной формы. Переход постепенный.

(B1t) 52–65 см. Предположительно иллювиально-глинистый горизонт той же почвы. Красновато-бурый опесчаненный суглинок уплотненный, имеет ребристую ореховато-призматичную структуру. В вертикальных трещинах глинистые натеки и черные марганцевые новообразования. Слоистость, унаследованная от породы, лучше прослеживается в нижней части горизонта. В правой части разреза выклинивается. Переход резкий, граница ровная.

Bg 65–71 см. Глеевый горизонт (приурочен к песчаному слою флювиальных отложений). Светло-палевый песок, связный с редкими вертикальными трещинами (продолжаются из вышележащего горизонта Bt и уходят ниже), рыхлый, бесструктурный. Единичные камни. Переход резкий, граница слабоволнистая.

Bt/Bg 71–(95) см. Слоистый с признаками иллювиально-глинистого горизонта. В суглинистых прослоях — красновато-бурый опесчаненный суглинок уплотненный, ореховато-призматичный; глинистые натеки и черные марганцевые новообразования в вертикальных трещинах. В песчаных прослоях — светло-палевый песок, рыхлый, бесструктурный. Единичные камни.

Разрез 2. Приурочен к западной стенке раскопа 3 в кв. В–XVIII. Высота разреза 140 см, ширина 70 см. Поверхность погребенной почвы 1 находится на глубине 207 см от репера раскопа.

КС-1 (40)–21 см. Культурный слой. Серовато-темно-коричневый торфообразный материал, насыщенный обломками слабо разложившейся древесины (преобладает щепа, часто крупная, присутствуют стволы деревьев со снятой корой). Включения мелких колотых камней, мелких углей, большого количества рыбьей чешуи. Переход резкий, граница слабоволнистая.

КС-2 21–12 см. Культурный слой. Пестрый, пятнистый, мешаный суглинок. Состоит из переотложенных комков горизонтов погребенной почвы 1 (A1p, AB, Bg). Включения горизонта Bg находятся преимущественно в его нижней части. Включения небольшого количества мелких углей, мелкой щепы, вивианита. Переход резкий, граница ровная.

КС-3 12–0 см. Культурный слой. Коричневато-темно-серый торфообразный материал, опесчаненный. Включения большого количества слабо разложившейся щепы (в основном мелкой), рыбьей чешуи, значительно меньше мелких колотых камней и мелких углей. Переход резкий, граница ровная. Щепа и камни вдавлены в нижележащий горизонт на 1–2 см.

A1p 0–14 см. Гумусовый горизонт погребенной почвы 1 (верхней), пахотный. Буровато-темно-серый, в мокром состоянии до черного, сильно гумусированный легкий суглинок, однородный. В верхней части присутствует крупный колотый камень (гранит). Включения мелких обломков мергеля, колотого гранита, угля (в т. ч. крупного), мелкой слабо разложившейся древесины, единичных кусочков обожженной глины и обломков костей. В небольшом количестве присутствуют тонкие вертикальные трещины, заполненные вивианитом. Переход резкий, граница ровная.

AB 14–20 см. Нижняя часть гумусового горизонта погребенной почвы 1: гумусированные озерные отложения. Сизовато-темно-серый (значительно светлее, чем предыдущий горизонт) слабо слоистый, гумусированный и

слабо оглеенный средний/тяжелый суглинок с большим количеством тонких вертикальных трещин, заполненных вивианитом. Присутствуют кротовины. Переход резкий, граница неровная, много тонких вертикальных (трещин) глубиной до 8 см, местами полностью прорезающих нижележащий горизонт.

Bg 20–30 см. Озёрные глины. Сизовато-палевая, местами сизовато-светло-серая слабо слоистая оглеенная глина. Много трещин (особенно в верхней части), заполненных темно-серым материалом предыдущего горизонта с пятнышками вивианита. Переход резкий, граница ровная.

A1 30–34 см. Гумусовый горизонт погребенной почвы 2 (нижней). Буровато-светло-серый гумусированный легкий суглинок. Содержит незначительное количество вивианита. Переход постепенный, граница ровная с идущими вниз тонкими трещинами.

Bg 34–48 см. Делювий (?). Сизовато-светло-серая оглеенная тяжелая супесь, рыхлая. Включения небольших валунов и мергеля. Единичные тонкие вертикальные трещины, заполненные вивианитом. Переход резкий, граница неровная.

48–71 см. Аллювий, водно-ледниковые отложения (?). Палево-светло-серый мелкозернистый песок. Однородный, возможно, очень слабо гумусирован. В верхней части (до глубины 55 см) более светлый. Переход резкий, граница ровная.

71–78 см. Аллювий, водно-ледниковые отложения (?). Сизовато-светло-серый оглеенный мелкозернистый песок. В верхней части (до глубины 75 см) в нем прослеживается несколько тонких прослоек сизовато-темно-серого песка. Переход резкий, граница ровная.

78–(100) см. Позднеледниковый аллювий, водно-ледниковые отложения (?). Слоистый (слоистость лучше выражена в верхней части, до глубины 88 см), внизу преобладает розовато-светло-бурый мелкозернистый песок, в верхней части преобладают прослойки коричневато-светло-бурого легкого суглинка (к супеси), до глубины 95 см залегают прослойки сизовато-светло-серой глины, которая присутствует и ниже в виде мелких пятен. Многочисленные железистые и марганцевые новообразования.

Приложение 2

Е. С. Малясова

Заключение по результатам споро-пыльцевого анализа проб из разреза 1 (2005 г.) на Земляном городище Старой Ладоги

На содержание пыльцы и спор изучены 6 образцов. Наибольшее количество пыльцы и спор выделено в пробах 1–4. Два верхних образца (5 и 6) содержали мало пыльцы древесных пород, спор сфагновых мхов и папоротников. В этих пробах в массе отмечены споры печеночных мхов (Hepaticae) и грибов (Fungi). На пыльцевой диаграмме, построенной по результатам анализа (рис. 3) выделяются три палинокомплекса.

Комплекс I характеризуется по спектру образца 1, отобранного из гумусо-

вого горизонта нижней погребенной почвы. В спектре преобладает пыльца хвойных деревьев — сосны (32 %) и ели (25 %). Отметим присутствие в довольно большом количестве пыльцы ольхи (28,5 %). Определена пыльца широколиственных пород — дуба, липы и их спутника лещины.

Среди пыльцы трав господствует пыльца злаков (47 %), встречена пыльца широко распространенных видов разнотравья (розоцветных (Rosaceae), лютиковых (Ranuuculaceae), бобовых (Fabaceae), губоцветных (Zamiaceae) и др.), а также семейства маревых (Chenopodiaceae) (рудеральные виды).

Среди споровых доминируют споры семейства папоротников (Polypodiaceae).

Комплекс II характеризуется по спектрам образцов 2–4. Среди пыльцы деревьев господствует пыльца ольхи и ели (30 % и 25 % соответственно). Пыльца сосны составляет 15–20 %, березы древовидной — 20 %. Определена пыльца широколиственных пород — дуба, липы (в сумме до 8 %) и лещины.

Значительное участие в спектрах пыльцы ольхи, по-видимому, связано с локальными условиями местообитания. Нельзя исключить и занос пыльцы с поверхности: зерна ольхи по степени минерализации несколько отличаются от зерен других растений. С учетом этого признака мы считаем, что господствующими в это время были смешанные сосново-еловые леса с участием широколиственных пород.

Если состав пыльцы древесных пород в пробах 2–4 остается постоянным, то в составе трав отражены изменения условий осадконакопления. Поэтому данный комплекс мы разделяем на два подкомплекса.

Подкомплекс IIa (образец 2). В составе трав присутствует пыльца водных растений (Typha, Myriophyllum) и обитателей влажных субстратов (семейство Rosaceae). Генезис осадков — озерный.

Подкомплекс IIb (образцы 3, 4). Доминирует пыльца злаков, осок и таких широко распространенных растений, как семейства гречишные (Polygonaceae), лютиковые (Ranuuculaceae), бобовые (Fabaceae), губоцветные (Zamiaceae) и др.

Комплекс III выделен по спектрам образцов 5, 6. Состав спектров этих проб бедный, преобладает пыльца сосны (60–80 %) и споры папоротников (60 %). Пыльца трав представлена единичными зернами растений, характерных для нарушенных условий местообитания (маревые (Chenopodiaceae), астровые (Asteraceae), полынь (Artemisia)).

Возраст осадков, с которыми связаны палинокомплексы I и II, мы определяем как суббореальный период голоцена.

Литература

1. *Аалто, Хейнайоки 1997* — Аалто М., Хейнайоки Х. Растительность и окружающая среда Старой Ладоги в эпоху викингов // Древности Поволховья. СПб. 1997.

2. *Александровский, Александровская 2005* — Александровский А. Л., Александровская Е. И., Эволюция почв и географическая среда. М. 2005.

3. *Давидан 1994* — Давидан О. И. Материальная культура первых поселенцев древней Ладоги (из коллекции Государственного Эрмитажа) // Петербургский археологический вестник. № 9. СПб. 1994.

4. *Долуханов*, *Болтрамович*, *Зайцева*, *Кулькова*, *Тимофеев 2006* — Долуханов П. М., Болтрамович С. Ф., Зайцева Г. И., Кулькова М. А., Тимофеев В. И. К палеогеографии и геохронологии поселений каменного века — эпохи раннего металла Балтийско-Ладожского региона // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. I. Тверь. 2006.

5. *Долуханов*, *Субетто*, *Арсланов*, *Александровский 2008* — Долуханов П. М., Субетто Д. А., Арсланов Х. А., Александровский А. Л. Эволюция водных систем и земледельческая колонизация Северо-Западной России // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III. М. 2008.

6. *Кирпичников 2006* — Кирпичников А. Н. Раскопки Староладожского «Земляного городища» в 2005 году // Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет. 2006. СПб. 2006.

7. *Мурашева*, *Нефедов 2002* — Мурашева В. В., Нефедов В. С. Сошники из Гнездова // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 16. Великий Новгород. 2002.

8. *Стеценко 1980* — Стеценко Н. К. Отчет об археологических исследованиях Ладожской крепости в 1980 г. — Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 7903. 1980.

9. *Стеценко 1982* — Стеценко Н. К. Старая Ладога. Крепость. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях в 1982 г. — Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 9071. 1982.

10. *Стеценко 1997* — Стеценко Н. К. История Ладожской крепости и проблемы ее изучения // Дивинец Староладожский: Междисциплинарные исследования. СПб. 1997.

11. *Человек и природная среда 2005* — Человек и природная среда в истории. Ч. 1. СПб. 2005.

12. *Шитов*, *Бискэ*, *Носов*, *Плешивцева 2004* — Шитов М. В., Бискэ Ю. С., Носов Е. Н., Плешивцева Э. С. Природная среда и человек Нижнего Поволховья на финальной стадии Ладожской трансгрессии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7. Вып. 3. 2004.

13. *Шитов*, *Бискэ*, *Плешивцева*, *Мараков 2005* — Шитов М. В., Бискэ Ю. С., Плешивцева Э. С., Мараков А. Я. Позднеголоценовые изменения уровня Волхова в районе Старой Ладоги // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7. Вып. 4. 2005.

14. *Alexandrovskaya*, *Alexandrovskiy*, *Gaidukov*, *Krenke 2001* — Alexandrovskaya E. I., Alexandrovskiy A. L., Gaidukov P. G., Krenke N. A. Woodland, Meadow, Field and Town Layout: Evidence from Analyses of the Earliest Cultural Deposits and Buried Soils in Novgorod // The British Museum. Occasional Paper. Number 141. 2001.

15. *Saarnisto*, *Grönlund 1996* — Saarnisto M., Grönlund T. Shoreline Displacement of Lake Ladoga — New Data from Kilpolansaari // The First International Lake Ladoga Symposium. Helsinki. 1996.

Investigations of Soils and Sediments beneath the Cultural Layer of the Earthen Hillfort in Staraya Ladoga

A. L. Aleksandrovskiy, N. A. Krenke, V. S. Nefedov

This paper presents the results of palaeogeographic researches conducted in 2005 at Excavation 3 (the south section of *Zemlyanoe Gorodishche* or the Earthen Hillfort). Two trenches were sunk 1 m below the foot of the cultural layer of the Ladoga settlement. Immediately below the cultural layer of the third quarter of the 9th century, two buried soils were discovered separated by clayey lacustrine sediments dated to the Ladoga Transgression. The humus horizon of the upper soil level (1) was partly disturbed by ploughing-up. The lower soil level (2), is underlied by stratified sand-and-loam deposits with occasional boulders predominantly of fluvial genesis. Radio-carbon, geochemical and pollen analyses of the soils and deposits have been conducted. Pieces of charcoal and fragments of wood from the ploughed-up horizon and the lowest 40 cm of the cultural layer were used for identification of tree species. The main stages of sedimentation and soil-formation in the investigated area above the flood-lands of the Volkhov River have been elucidated: 1) accumulation of alluvial, bottom-deposited etc. sediments (final Pleistocene — middle Holocene) 2) formation of the forest podzolic top-soil 2 (about 4500–4200 BP); 3) accumulation of the light-coloured lacustrine silt (the maximum of the Ladoga transgression, about 4000–2900 BP); 4) accumulation of the humusized (shallow-water) lacustrine silt (the final stage of the Ladoga transgression, *c*. 2900–2000 BP); 5) formation of soil 1 of forest and meadow genesis (about 2000–1250 BP); 6) arable land at the edge of the Ladoga settlement (about 750–850 AD); and 7) accumulation of the cultural layer (since the 850s).

Б. Амброзиани

Стратиграфия Бирки: мастерская 780–860-х гг.[1]

Вокруг Балтийского и Северного морей известен ряд раннегородских образований, первой половины — середины VIII в. Старая Ладога является одним из таких центров. Другим подобным центром является Бирка в восточной Швеции. В настоящей работе я хотел бы остановиться на одной проблеме, принципиально важной для хронологии и понимания поселенческой структуры Бирки. Речь идёт о стратиграфии т.н. «Черной земли» («Svarta jorden»), исследованной нами в 1990–1995 гг. (рис. 1). В 1991 г. в этих раскопках принимал участие и Анатолий Николаевич Кирпичников (рис. 2).

«Черная земля» — название распахивавшегося на протяжении почти 900 лет пространства, ограниченного городским валом, озером Мэларен, а также Боргом с могильником, содержавшим погребения в гробах и погребальных камерах. Площадь этой территории может быть подсчитана разными способами[2]. Если учитывать только пространство, ограниченное валом, Боргом и озером, то она составит около 12 га. Однако, если иметь в виду изменение береговой линии, которая в эпоху викингов была на 5 м выше современной, и те участки, на которых располагались только погребения, то полученная площадь составляет не более 6 га, на которых и размещались остатки поселения.

Понятие «Черная земля» подразумевает, собственно говоря, вторичный феномен — поверхностную почву, глубиной около 2 м, подвёргавшуюся распашке и/или содержащую переотложенные слои. Подстилающий эту почву слой включает различные прослойки — белую золу, тёмно-коричневый гумус и обожженный до красна слой — сожженные остатки дернового

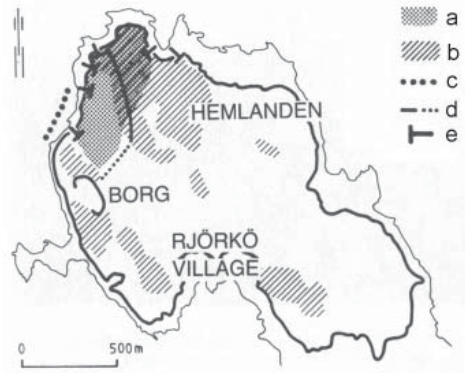


Рис. 1. План Бирки:

a — поселение; *b* — могильники; *c* — подводный частокол; *d* — линии фортификаций; *e* — пристани (по: Clarke, Ambrosiani 1991: 73, fig. 4.21)

[1] Перевод со шведского Ф. А. Андрощука.

[2] См. например другие расчёты (Амброзиани, Андрощук 2006: 3).

Рис. 2. А. Н. Кирпичников на раскопках Бирки. Фото Е. Рундквист. 1991 г.

покрытия построек. О том, что «Черная земля» является вторичным феноменом, а не результатом большого пожара, свидетельствует её насыщенность янтарём и необожжёнными костями, которые в противном случае, должны были бы быть подвержены действию огня (см. также: Stolpe 1872).

Первые значительные раскопки «Черной земли» связаны с именем Х. Стольпе. Согласно подсчётам Х. Арбмана, вскрытая раскопками Стольпе площадь составила около 3000 м^2 (Arbman 1943), однако детальное исследование полевой документации свидетельствует о том, что речь, скорее всего, должна идти о 4500 м^2, что составляет около 7 % всей «Черной земли». Раскопками поселения Стольпе занимался в 1872–1874 и 1878 гг., остальные годы он посвятил изучению могильника. В процессе работ Стольпе разработал образцовую методику раскопок и фиксации, которые с успехом применяются вплоть до настоящего времени. Однако, изучение городского слоя представляло для исследователя определенные трудности. Разумеется, метод вскрытия культурного слоя длинными траншеями определённой ширины можно считать образцовым для своего време-

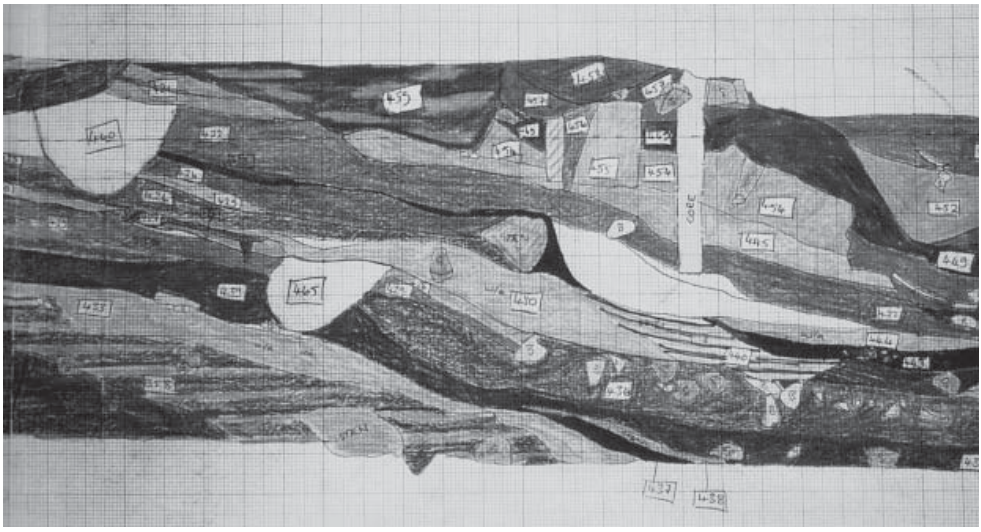


Рис. 3. Часть чертежа северо-западной стенки траншеи 1873 г. сделанного в 1991 г. В профиле виден переход от верхних слоёв, расположенных в границе усадьбы к нижним, лежащим в северо-восточном пассаже. Переотложеный верхний слой на рисунке не представлен. Чертёж М. Бэка. 1991 г.

ни. Просмотр земли на лопате можно сравнить с техникой просеивания на столе, которая много лет спустя стала применяться при городских раскопках. Однако объём полевой документации и интерпретация результатов раскопок были незначительны или вообще отсутствовали.

Во время раскопок 1990–1995 гг. (рис. 3) были частично зафиксированы следы траншей Стольпе 1873, 1874 и 1878 гг. Траншеи были заполнены перемешанным чёрным грунтом. Особенно хорошо были прслежены их стенки со стороны озера. Благодаря этому мы знаем, что исследователь должен был видеть стратиграфическую последовательность слоёв. Однако, насколько известно, он не зафиксировал её в форме чертежа. Чертёж этого профиля сделали мы (рис. 4).

Прежде всего, можно констатировать, что культурный слой Бирки является почти полностью минерализированым. Не сохранилось даже незначительных остатков дерева, поэтому, дендрохронологическое датирование здесь невозможно. Стратиграфическая последовательность слоёв наиболее заметна в форме различия их цветов и консистенций.

Стратиграфический профиль 1873 г. ясно показывает, что средняя часть участка выше по отношению к окружающему пространству. Она представляет собой остатки усадьбы, самая высокая часть которой уничтожена распашкой. С двух сторон отложений, связанных с этой усадьбой, заметны понижения слоев, вызванные существованием в этих местах двух канавок-пассажей. Пассажи, ведущие в сторону озера, располагались между усадьбами и были заполнены переотложенной распашкой землей. В конце одной из канавок было выявлено каменное основание от

Рис. 4. Расположение участков в границах раскопа 1990–1995 гг. Участки 1–3-4–6 охватывают территорию местонахождения усадьбы с ювелирной мастерской, расположенной между пассажами, ведущими к деревянным пристаням. На участках 7–9 расположен пассаж над древнейшей пристанью, контур которой маркирован тёмной линией. Участок 8 является местом исследования северо-восточного пассажа. Участок 2 представляет собой внешнюю, северо-западную часть застройки Бирки, датированную серединой VIII–IX вв.

деревянных конструкций пристани. Остатки пристани располагались на высоте около 6 м над уровнем моря, что позволяет датировать её самое позднее — первой половиной VIII в. (расчёт исходит из того, что понижение уровня моря происходило с интервалом в 0,5 м в столетие). Уже в 1969–1971 гг. на расстоянии 25 м от этой пристани, в сторону озера нами были исследованы остатки другой пристани, расположенные вдоль той же самой канавки. Полагаем, что это была самая поздняя пристань (около 5 м выше уровня моря) на рассматриваемом участке.

Во время раскопок, для фиксации мы использовали сетку метровых квадратов, в то время как вертикальное членение культурного слоя было осуществлено на основании его структуры и цвета. Насыщенность слоя находками вынудила нас к применению машинного просеивания слоя для того, чтобы отделить землю и камни от более крупных находок. Оставшаяся земляная масса была подвергнута промывке.

Когда мы приступили к новым раскопкам в 1990 г., то применили ту же технику раскопок с метровыми квадратами, машинным просеиванием и промывкой культурного слоя. Между тем, сложная последовательность слоёв вскоре обнаружила, что подобная техника раскопок недостаточно эффективна. Поэтому мы перешли к методу регистрации культурных отложений отдельными «контекстами» (*single context recording* см.: Bäck, Svensson 1996; Амброзиани, Андрощук 2006). Метод заключается в том, что стратиграфические отложения объединяются по схожему цвету и содержанию в отдельные стратиграфические контексты (шв. *stratigrafisk enhet*). Границы и глубина каждого контекста измеряются при помощи теодолита, который сохраняет обмеры в компьютеризированной базе данных. Чтобы достичь максимально точной привязки находок, контексты больших размеров были разделены на несколько регистрационных контекстов (шв. *register enheter*) площадью 1 м^2. Остальные стратиграфические контексты состоят только из одного регистрационного контекста. Такой метод регистрации сегодня является стандартом для городских раскопок в Швеции.

Земляная масса, происходившая из контекстов, просеивалась и промывалась, а находки регистрировались соответственно их привязке к этим регистрационным единицам. Во время раскопок 1990–1995 гг. было исследовано около 4000 стратиграфических и около 7000 регистрационных единиц. В базе данных было зарегистрировано (согласно ранее разработанным критериям для каждой категории находок) около 80000 объектов и около 6000 кг костей. Регистрация находок была практически завершена через месяц после завершения раскопочного сезона.

Последующая работа над отчётом началась с выяснения соотношения между стратиграфическими контекстами и выделением групп объектов, которые они образовывали. Согласно предварительному хронологическому анализу было установлено около 120 подобных групп объектов, выделенных на площади около 350 м^2. Объекты были разделены на 8 строительных фаз (шв. *bebyggelse faser*), каждая из

område	**7	**9	**6	**1	**2	**3	**4	**8	**5 ND
B57*c			B576c						
B57*b			B576b					B578b	
B57*a	**B577**		**B576a**	**B571**		**B573**	**B574**	**B578a**	
B56*b			B566b				B564b		
B56*a	**B567**		**B566a**		**B561 --- 563**		**B564a**		
B55*b			B556b						
B55*a	**B557**		**B556a**	**B551**		**B553**	**B554**		**B555**
B54*d							B544d		
B54*c			B546c				B544c		
B54*b	B547b		B546b			B543b	B544b		B545b
B54*a	**B547a**		**B546a**	**B541**		**B543a**	**B544a**		
B53*d			B536d			B533d	B534d		
B53*c			B536c			B533c	B534c		
B53*b	B537b		B536b			B533b	B534b		
B53*a	**B537a**	**B539**	**B536a**	**B531**		**B533a**	**B534a**	**B538**	
B52*c						B523c	B524c		
B52*b	B527b		B526b	B521b		B523b	B524b	B528b	
B52*a	**B527a**		**B526a**	**B521a**		**B523a**	**B524a**	**B528a**	
B51*	**B517**		**B516**	**B511**			**B514**	**B518**	
B50*b									B505b
B50*a									B505a
B47*		**B479**	**B476**				**B474**	**B478**	**B475**
B46*c			B466c						
B46*b			B466b						
B46*a	**B467**		**B466a**	**B461**		**B463**	**B464**	**B468**	
B45*b			B456b	B451b		B453b			
B45*a	**B457**		**B456a**	**B451a**		**B453a**	**B454**	**B458**	
B44*	**B447**		**B446**	**B441**		**B443**	**B444**	**B448**	
B43*d						B433d		B438d	
B43*c						B433c		B438c	
B43*b						B433b		B438b	
B43*a	**B437**	**B439**	**B436**	**B431**	**B432**	**B433a**	**B434**	**B438a**	**B435**
B42*c								B428c	
B42*b	B427b				B422b	B423	B424	B428b	
B42*a	**B427a**			**B421**	**B422a**			**B428a**	
B41*c						B413c		B418c	
B41*b					B412b	B413b		B418b	
B41*a	**B417**	**B419**	**B416**	**B411**	**B412a**	**B413a**	**B414**	**B418a**	
B32*	B327		B326	B321	B322	B323		B328	
B31*		**B319**	**B316**	**B311hus**	**B312**	**B313**	**B314**	**B318**	
				B311tomt					
B27*		**B279**	**B276**	**B271**			**B274**		
B26*	**B267**	**B269**	**B266**	**B261**	**B262**	**B263**		**B268**	
B25*b	B257b			B251b					B121/6
B25*a	**B257a**		**B256**	**B251a**	**B252**		**B254**	**B258**	**B121/5**
B24*	**B247**		**B246**	**B241**	**B242**	**B243**		**B248**	
B23*	**B237**	**B239**		**B231**	**B232**	**B233**			**B121/4**
B22*	**B227**			**B221**	**B222**		**B224**	**B228**	**B121/3**
B21*b				B212				**B218b**	
B21*a	**B217**	**B219**		**B211**				**B218a**	
B20*			B201	B202		B203			
B114-5	B128	B114	B115						B121/2
B112-128	B112	B113		B127	B125	B126			
B111	B111			B122	B124	B123			B121/1
Stranden					**STRANDEN**				

Рис. 5. Матрица стратиграфических контекстов соотносимых с остатками бронзолитейной мастерской. Первая цифра обозначает фазу, вторая — горизонт в каждом вертикально расположенном уровне. Горизонты маркированы жирным шрифтом. Третья цифра обозначает номер участка (сравни с рис. 4).

которых была интерпретирована как существенное изменение в использовании усадеб и построек. Однако, полученный предварительный результат не дал какого-либо ясного понимания каждой из построек или следов активности в культурном слое.

Это стало очевидным в отношении фазы периода существования береговой линии (*strandfasen B1*) и первоначальной застройки на участке между переулками (B2). Группировка стратиграфических отложений по вертикали привела к объединению залегавших вверху и внизу стратиграфических контекстов в один горизонт. Особая проблема возникла на территории участка застройки, где ниже фаз B2-B5 были выявлены остатки бронзолитейного производства. Установление правильной матрицы взаимоотношения между всеми стратиграфическими контекстами должно было бы дать значительно лучшее понимание распределения во времени продукции мастерской и благодаря этому могло бы помочь соотнести её с образцами, найденными как на территории могильника, так и памятниках, расположенных в районе оз. Мэларен. Следует отметить, что бронзолитейное производство функционировало на этом участке в течение достаточно короткого периода — около 780–860 гг. и практически охватывало как известные типы бронзовых изделий (которые датировались обычно первой половиной IX в.), так и прежде неизвестные. С учётом наших исследований, эти типы могут быть отнесены ко времени около 780–860 гг.

Таким образом, был необходим новый анализ (Ambrosiani: в печати) стратиграфического соотношения уровней, соотносимых с ювелирной мастерской. Он занял около 5 лет и заключался в детальной проверке форм и месторасположения всех контекстов, их соотношения, а также характера заполнения. Благодаря этому анализу стало возможным установить новую стратиграфическую матрицу, состоящую из 8 фаз, 22 горизонтов и 35 подгоризонтов (рис. 5). Для рассматриваемого периода это означает средний временной интервал около 4 лет для каждого уровня. Уровни и подуровни, в основном, являются однослойными.

В результате проведенного исследования удалось прояснить соотношение конструкций, ям, скоплений отбросов, слоёв пожаров, разрушений и др. Появилась возможность составить новую систему описания объектов, где строительная фаза/горизонт/участок получила обозначение «B» (*byggelsefas*/*delnivå*/*område*). К примеру, B263 обозначает постройку, соотносимую с фазой B2, горизонтом 6 и участком 3. Горизонт всегда охватывает подфазу «a». Если уровень состоит из нескольких подфаз, то они обозначаются литерами «b», «c» и т. д.

На основании полученной матрицы был распределён весь найденный материал. Уже предварительный анализ этого распределения открыл новые возможности в понимании хронологии находок и их функционального назначения. Например, было выяснено, что в определённый промежуток времени на участке, под горизонтом B41–42 большое скопление отходов ювелирной мастерской было использовано для улучшения подстилающего слоя в пассаже над остатками пристани. Это привело к нарушению стратиграфиче-

LEVEL/AREA	**7	**9	**6	**1	**2	**3	**4	**8	**5	ND
B57*c										
B57*b										
B57*a			3R F							
B56*b			R							
B56*a							4F			
B55*b										
B55*a	R F			R			3R F			
B54*d							F			
B54*c										
B54*b	3R F									
B54*a			2F	R F			3F			
B53*d						2F				
B53*c						2F	2R			
B53*b			F							
B53*a	2F						2F			
B52*c							F			
B52*b							2F	R		
B52*a						F	F	2R 2F		
B51*	R		R 2F	F			R 6F			
B50*b									11F	
B50*a									2R	
B47*										
B46*c										
B46*b										
B46*a	F						2F			
B45*b								F		
B45*a			R F				R 2F			
B44*							R F	6F		
B43*d										
B43*c										
B43*b								F		
B43*a	F	R F	2R			F			3F	
B42*c										
B42*b										
B42*a							F	2R		
B41*c										
B41*b										
B41*a		2R F				2R		F		
B32*			F		F			R		
B31*				7R 2F 5R		2F		2F		
B27*			R	F						
B26*	4R F	R								
B25*b									5R 2F	
B25*a	2R		R							
B24*			2R	R						
B23*						F			R F	
B22*	R 3F			F						
B21*b								R		
B21*a	2R 8F				2R F			2R		
B20*										
B114-115										
B112-128	2R	7R								
B111										
THE SHORE					2R F					
	IMPORTED POTTERY R OCH F									

Рис. 6. Предварительное распределение количества обломков импортированной восточнославянской (R) и финско-балтийской керамики (F) на территории бронзолитейной мастерской. Определения керамики М. Бэка.

ской последовательности, в результате которой находки, происходившие из ранних горизонтов, оказались наверху, а поздние артефакты попали в нижние отложения.

В ходе проведенной работы были также выявлены ямы, заполненные различными отходами. Конструкции сооружений указывали на существование одной, вероятно, двухкамерной прямоугольной постройки. Эта, уже упомянутая выше постройка (B263) со стороны северного пассажа имела стену, сооружённую из вертикально вкопанных шестов (шв. *stavvägg*), в то время как другие стены представляли собой обмазанный глиной плетень (шв. *lerklinat flätverk*). Выявлена группа построек, лежавших одна на другой (B4*4), которые использовали для своего каркаса одно и то же основание из камней вкопанное в более ранний слой с отбросами. Стена постройки, сооружённая из вертикально вкопанных шестов может быть датирована первыми десятилетиями IX в., в то время как вероятной датой основания из камней является середина этого столетия. Обе датировки являются очень ранними по отношению к тому, что было известно о времени сооружения подобных сооружений.

Исключительно богатый углём слой позволяет вычленить несколько горизонтов пожара/ов. Часто эти уровни явились результатом засыпанных остатков пожаров, которые в начале нашей работы были еще не совсем понятны и смогли быть правильно интерпретированы только после окончательного выяснения их соотношения с соответствующим уровнем.

Только в исключительных случаях были зафиксированы специально покрытые слоями глины или песка полы. В большинстве случаев, полы состояли из утрамбованных предшествующих слоёв являвшихся остатками разрушений или отбросов. Дощатый пол стали использовать в X в., то есть гораздо позже, рассматриваемого нами времени.

Таким образом, благодаря новому анализу стратиграфии городского слоя Бирки появилась возможность детально изучить хронологию бытования различных типов артефактов, а также проследить их эволюцию. Работавший здесь ювелир, очевидно, был технически весьма умелым. Мир форм его продукции, скорее всего, имел своё происхождение в Порейнье и очень вероятно, что первый литейщик созданной здесь мастерской прибыл из Дорестада. Также необходимо подчеркнуть специализированный характер продукции тиглей. Только в конце IX в. происходит изменение направления контактов и наиболее импортируемыми стали изделия, происходящие из областей волжских болгар, хазар, Халифата и Византии.

Единственным отклонением от этого правила были связи между Старой Ладогой и балтийско-финским регионом, которые имели место на протяжении всего существования Бирки. Это отразилось и в стратиграфии городского слоя, в котором славянская и финская керамика встречаются во всех горизонтах, начиная с древнейших (рис. 6), датированных серединой VIII в. (см также: Ambrosiani, Bäck 2007; Bäck, в печати). Таким образом, оба раннегородских образования на Балтике уже с самого начала имели тесные связи между собой, которые подтверждаются не

только керамикой, но и другими категориями материала. И Бирка, и Старая Ладога были охотничьими базами в важных сырьевых регионах по добычи пушнины и торговле. Спрос на пушнину имелся, прежде всего, во франкской Западной Европе, но также позже и на востоке (Wigh 2003; Ambrosiani 2001; 2005). Напротив, транзитная торговля между франками, Византией и халифатом почти не ощутима в археологическом материале.

Литература

1. *Амброзиани*, *Андрощук 2006* — Амброзиани Б., Андрощук Ф. Вооружение и восточные контакты Бирки // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньоруської держави). Чернігів. 2006.

2. *Ambrosiani 2001* — Ambrosiani B. Eastern Connections at Birka // Viking Heritage Magazine Visby. 3/2001. 2001.

3. *Ambrosiani 2005* — Ambrosiani B. Birka and Scandinavia's Trade with the East // R. K. Kovalev and H. M. Sherman (Eds.), Festschrift 2 for Thomas S. Noonan. Russian History / Histoire Russe, 32 (Fascs. 3–4). Charles Schlacks, Jr., Publisher, Idyllwild, California, USA. 2005.

4. *Ambrosiani*, *в печати* — Ambrosiani B. Excavations at Birka 1990–1995. The Stratigraphy, Part 1 // Birka Studies. В печати.

5. *Ambrosiani*, *Bäck 2007* — Ambrosiani B., Bäck M. 'Our Man in Pskov' — Birka's Baltic Connection in the 9th and 10th Centuries. // U. Fransson, M. Svedin, S. Bergerbrant and F. Androshchuck (Eds.), 2007. Cultural interaction between east and west. Archaeology, artefacts and human contacts in Northern Europe. Stockholm Studies in Archaology, 44, Stockholm. 2007.

6. *Arbman 1940–1943* — Arbman H. Birka I. Die Gräber // KVHAA. Stockholm. 1940–1943.

7. *Bäck*, *в печати* — Bäck M. Excavations at Birka 1990–1995. The Pottery // Birka Studies. В печати.

8. *Bäck*, *Svensson* 1996 — Bäck M., Svensson K. Single Context på Birka. Meta 1996, 4. Lund. 1996.

9. *Stolpe 1872* — Stolpe Hj. Naturhistoriska och archæologiska undersökningar på Björkö i Mälaren // Öfversigt af Kongl. Vetenskaps Akademiens Förhandlingar 1872, 1, Stockholm. 1872.

10. *Wigh 2001* — Wigh B. Animal Husbandry in the Viking Age Town of Birka and its Hinterland. Birka Studies, 7. Stockholm. 2001.

Stratigraphy of Birka — The Workshop of 780–860 AD

B. Ambrosiani

Around the Northern Baltics, Staraya Ladoga and Birka were two Viking Age towns in close contacts with each other. During the excavations at Birka in 1990–1995, important evidence in the form of stratigraphic contexts and artefacts was collected. In recent years,

a thorough revision of the stratigraphy of the site has been proposed. In this paper, the prerequisites and methods of the studies are discussed. A full description of these and of the results will be published in forthcoming volumes of *Birka Studies*.

The analysis presented here concerns a bronze-casting workshop of *c*. 780–860 AD. For the chronological interpretation of the production of the workshop it was vital to recognize as many thin horizontal levels as it was possible. The table in Fig. 3 shows a vertical matrix of all features in the workshop, and the density gives an interval of *c*. four years for each horizon. Analysis of the finds has shown differences between the workshop area (areas 1–3-4–6 in fig. 2) and that of the passages or lanes (areas 7–9 and 8) leading down to the sea. An inversion of the layers in area 7 shows that a dump of casting waste was used here to level the surface of the lane over what once was a jetty.

The vertical distribution of the mould fragments gives us a quite new understanding of the chronology of the Early Viking Age bronzes in Birka's graves, and at cemeteries in the hinterland. Comparison of the production and the final use of these objects suggests that they often had been in use for a very long period prior to their disposal.

The origins of the bronze-caster and of the shape of his products may have been in Dorestad at the Rhine's estuary. Furthermore, as suggested by the pottery, there were also contacts with Ladoga, although not with the territories beyond it. In the period when the workshop ceased to exist, Birka's contacts were redirected to the East, far beyond Ladoga, while the western contacts were reduced almost to zero. These new aspects of the Viking Age network of contacts are important for our understanding of the character of the two sites.

Ф. А. Андрощук

Мечи и некоторые проблемы хронологии эпохи викингов

Хронология, как известно, является важной операцией, предшествующей интерпретации, на что в своё время указывал крупнейший знаток древностей эпохи викингов Я. Петерсен (Petersen 1919: 21). В своём методе датировки Петерсен исходил из предпосылки о постепенной эволюции форм артефактов, а также идеи о совстречаемости их отдельных типов в погребениях. Полученную таким образом типо-хронологию мечей, исследователь связал с широким историческим контекстом.

Хронология Петерсена была принята большинством исследователей. Так, в своей диссертации, посвящённой импортным изделиям каролингского происхождения, найденым в Швеции, Х. Арбман причислил к таковым мечи типов A, B, «Особые типы» 1 и 2, D, E, H, K, X, Y и датировал их на основании хронологии, предложенной норвежским исследователем (Arbman 1937: 215.). Очень мало корректировок в хронологию Петерсена внесли и норвежские исследования последних лет (Heyerdahl-Larsen 1981: 159; Blindheim 1999: 71; Stylegar 2007: 103.).

Тем не менее, уже в 1960-х гг. А. Н. Кирпичников пришёл к важному выводу о том, что мечи, найденные на территории Древней Руси, датируются несколько более поздним временем чем скандинавские находки (Кирпичников 1966: 27). Проблемы корреляции хронологии мечей и других древностей Скандинавии и Восточной Европы долгое время были предметом оживлённых дискуссий (Булкин, Назаренко 1971; Авдусин 1972; Stalsberg 1988: 453; Андрощук 2001; Каинов 2001). Стало очевидным, что без критического анализа скандинавского материала проблему соотношения датировок решить трудно.

Необходимо отметить, что в конце 1960-х гг. источниковедческая база хронологии Петерсена была детально разобрана в одной малоизвестной работе Харри Симонссона (Simonsson 1969: 58). Оказалось, что хронология мечей Петерсена построена только на двадцати профессионально исследованных комплексах, которые в свою очередь содержали только тринадцать различных типов мечей. В тринадцати случаях вместе с мечами были найдены копья, а в четырнадцати — топоры. Все типы вооружения были представлены только в одиннадцати погребениях. В очень редких случаях использование Петерсеном других типов вооружения для датировки мечей, имеет надёжное основание (Simonsson 1969: 58). Дальнейший критический разбор хроноло-

гического метода Петерсена показал, что многие датировки построены на комплексах с неясными или плохо документированными обстоятельствами находки (Wegraeus 1971: 65). Симонссон предложил новый метод датирования вооружения, основанный на сочетании вещей в надёжных закрытых комплексах (Simonsson 1969: 58). Ключевым материалом для применения этого метода послужили 80 погребений могильника Бирки. Симонссон сравнил находки из Бирки с находками в погребениях, открытых на территории провинции Вестманланд, и разделил материалы из Вестманланда на две группы: древности, соответствующие периоду существования Бирки и древности, датируемые временем после её существования (Simonsson 1969: 62).

Понятие «период Бирки»

Понятие «период Бирки» в его взаимоотношении к более коротким стадиям эпохи викингов рассматривалось И. Янссоном (Jansson 1985). На основании хронологического анализа находок городского слоя и могильника исследователь датировал начало раннего периода Бирки VIII в. По мнению Янссона, переход от раннего к позднему периоду Бирки произошел во второй половине IX в. Вторую четверть X в. исследователь определял как финал позднего периода Бирки (Jansson 1985: 177). Таким образом, периодизация Янссона ограничена следующими датами (Holmquist Olausson 1993: 30): ранний период Бирки (ок. 775–875 гг.) и поздний период Бирки (ок. 875–975 гг.).

У. Чильберг, опираясь на монетные находки, датировал наиболее ранние погребения Бирки последней четвертью VIII в. Конец позднего периода Бирки был отнесен исследователем к первой половине XI в., на основании, по-преимуществу, случайных единичных вещей, найденных на территории поселения. (Kylberg 1980: 79). Однако, Янссон указал на незначительное количество хронологически поздних вещей, (стилей Еллинг — Маммен — Хиддensее), а также на отсутствие английских и немецких монет XI в. в Бирке (Jansson 1991: 270).

Новые исследования «Чёрной земли» в Бирке дали основания перенести датировку начала раннего периода Бирки к середине VIII в. (фаза 1), в то время как переход к позднему периоду Бирки был отнесён к концу 800-х — 930/940 гг. (фаза 7). Хронологически поздние фазы культурных отложений (фазы 8–9) разрушены пахотой, но на основании находок датированы второй половиной X в. (Wigh 2001: 26, Tab. 3; Амброзиани, Андрощук 2006: 4–5).

Мечи найдены в 35 погребениях Бирки: шестнадцать соответствуют типу H, четыре — типу X, еще четыре — типу Y, два типу V, один типу E и один экземпляр трудноопределим (возможно, тип D или E). Два меча представляют собой редкие или «особые типы», типы пяти мечей не установлены. Сочетание мечей с находками различных типов ювелирных украшений, гребней, керамики и монет (Selling 1955; Jansson 1970; 1972; 1984a; 1984b; 1985; Ambrosiani 1981; Thelin 1986; Thunmark-Nylén 1984)

позволяет соотнести эти погребения с двумя хронологическими периодами.

К *раннему периоду Бирки* относятся погребения Bj 452 (JP ?), 850 (JP H), 942 (St), 1151 (JP D/E) и погребение VI, раскопанное А. Сетоном и содержавшее меч типа (JP H/I). В погребениях этой группы найдены остатки щитов с длинными рукоятями, высоким умбоном и высокой рельефно выделенной «шеей» (тип R 564). Рукояти щитов иногда имеют бронзовые литые окончания-крепления, образующие по своему декору несколько вариантов (Arbman 1940: Taf. 19). Один щит с рукоятью и таким креплением найден вместе с мечём типа H в погребении 850 (Arbman 1940: Taf. 19, *1*). Глиняные формочки для отливки близких бронзовых креплений рукоятей обнаружены в культурных отложениях Бирки, датированных 810–870 гг. (Ambrosiani & Eriksson 1996: 11; Амброзиани, Андрощук 2006: 4). Рукоять щита, выявленного в погребении 1151, украшена медными тонкими пластинками, орнаментированными в зверином стиле поздневендельского времени (стиль III по Салину, ср.: Arbman 1940, Taf. 19, *13*). Другие артефакты, характерные для этого, периода представлены наконечниками копий типов C/D, A-D, E1 и E2, наконечниками стрел типов A1, A2, а также стеклянной посудой каролингского происхождения (Arwidsson 1984: Tab. 36, *1*).

К *позднему периоду Бирки* относятся погребения Bj 377 (JP X), 496 (JP H/I), 524 (JP V), 581 (JP V), 624 (JP M), 643 (JP H/I), 644 (JP H/I), 731 (JP X), 735 (JP Y), 736 (JP H/I), 750 (JP H/I), 834 (JP X), 886 (JP H/I), 944 (JP H/I) содержавших скрамасаксы, умбоны щитов типов R 562–564, наконечники копий типов E, F, I, K, стрелы типов A1, A2 и D1, а также подковообразные фибулы типов V, II:1 (Thelin 1984), VI и кольцевые булавки с длинной иглой типов I и V (Thunmark-Nylén 1984). К этому периоду относятся парные погребения, которые, кроме вооружения, содержат такие важные хронологические индикаторы, как скорлупообразные фибулы типов JP 51C3 (Bj 644), 51C1 (Bj 731), 51C4 (Bj 750), 51B1 (Bj 735), 42 (Bj 834) и 52A (Bj 94) (Jansson 1986, 1991).

Топография находок разных типов мечей в границах могильника даёт следующую картину (Androshchuk 2004: fig. 4). Мечи типов H/I и V найдены, в основном, в погребениях к северу от Борга, где также известны единичные находки мечей типов M (Bj 624) и Y (Bj 520). В этой части могильника известно только одно погребение с мечём, которое может быть отнесено к *раннему периоду Бирки* (Bj 452). К сожалению, от меча сохранился только фрагментированный клинок и тип навершия не известен. В районе северной части городского вала, с его внутренней стороны, найдены два погребения с мечами типа H (Bj 850 и 944). Погребение Bj 850, как уже упоминалось выше, датировано *ранним периодом Бирки*. Где-то недалеко от него располагались два других погребения, датированные этим же временем (Bj 942 и погребение VI из раскопок А. Ситона). Погребение Bj 944 относится к *позднему периоду Бирки*. Мечи типов D/E, H, X и Y обнаружены в районе южной части городского вала. Один меч типа H и три типа X выявлены в погребениях, открытых под насыпью вала. За одним исключением (погребение Bj 520 к северу от Борга), мечи типа Y найдены в этой части вала.

В этом районе известно только одно погребение с мечём (Bj 1151), которое может быть отнесено к раннему периоду Бирки.

Таким образом, за единственным исключением (упомянутое выше погребение Bj 452), четыре погребения с мечами ранней эпохи викингов найдены в районе Хемланден, а не Борга, где зафиксировано наибольшее количество ранних погребений (Jansson 1985:149). Эти погребения вместе с одним богатым женским камерным захоронением (Bj 824 см.: Arbman 1943: 326), расположенные в северной части городского вала, в непосредственной близости к сохранившимся земляным платформам домов, могли быть оставлены особой фракцией городского населения, которая, судя по находкам, была вовлечена или специализировалась на разносторонних контактах с каролингским миром.

Наиболее ранние погребения *позднего периода Бирки* содержали мечи типа H и найдены к северу от Борга. Два других погребения, в этой же части могильника, с мечами типа V, а также погребения с мечами типов H, X и Y в районе городского вала являются самыми поздними захоронениями этого периода Бирки.

Из-за отсутствия в Бирке целого ряда типов мечей (в особенности JP R, S, T и Z), материал этого памятника не может быть положен в основание хронологии мечей эпохи викингов. Строго говоря, подавляющее большинство мечей Бирки принадлежит к средней эпохе викингов, поэтому для выяснения отсутствующих хронологических звеньев необходимо обратится к сравнительному материалу, в особенности к могильнику Вальсъерде.

Вальсъерде (рис. 1)

Археологическими исследованиями установлено, что могильник Вальсъерде существовал с IV–XII вв. (Ljungkvist 2006: 151, fig. 50). Хорошо документированное стратиграфическое соотношение между погребениями в ладьях и трупоположениями в совокупности с находками монет предоставили редкую возможность для установления относительной хронологии погребений эпохи викингов (Schönbäck & Thunmark-Nylén 2002). Устойчивое присутствие одних и тех же категорий вещей (мечей, щитов, копий, топоров, стрел, конского снаряжения) в хронологически различных погребениях позволило проследить изменение морфологических особенностей этих объектов на протяжении довольно длительного времени (рис. 1). Используя упомянутое выше определение «период Бирки», мы можем подразделить погребения с мечами могильника Вальсъерде на *ранний период Бирки*, *поздний период Бирки* и *период «после Бирки»*.

К *раннему периоду Бирки* относятся два погребения. Наиболее ранним является погребение 13, содержащее меч типа A, поздневендельский щит с длинной железной рукоятью, высоким убоном с высокой, рельефно выделенной «шеей», наконечники стрел, выполненные в технологических традициях предшествующего вендельского времени и наконечники, представляющие собой переходный тип между вендель-

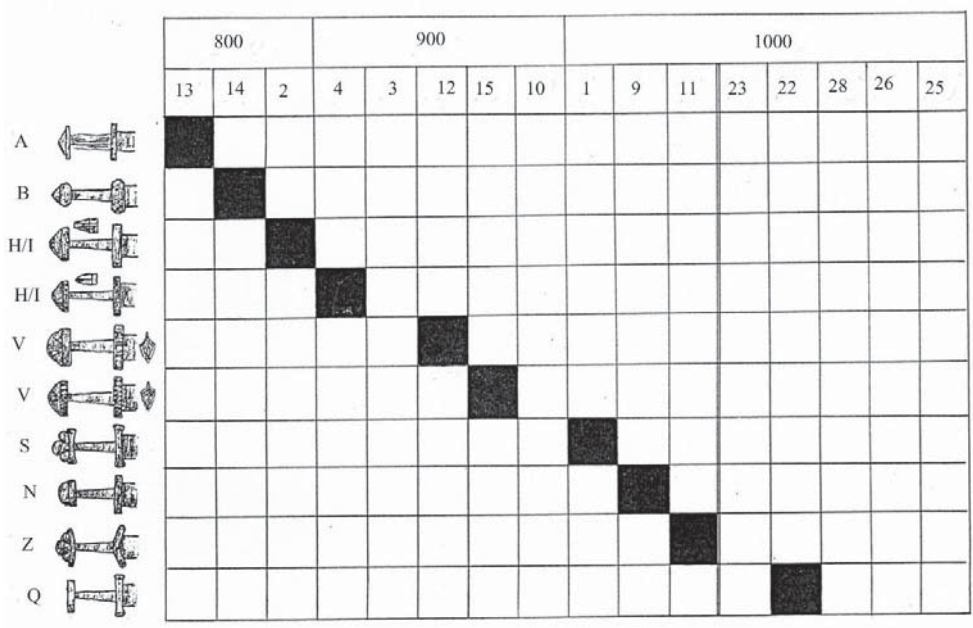


Рис. 1. Относительная хронология погребений с мечами могильника Вальсъерде (по: Schönbäck, Thunmark-Nylén 2002)

ским периодом и эпохой викингов, а также удила, орнаментированные в стиле III по Салину (Lindbom 1995: 438; Schönbäck & Thunmark-Nylén 2002: fig. 2, 4–5).

Следующую стадию этого периода представляет погребение в ладье 14 с мечём типа B, наконечником копья типа JP A, щитом с умбоном с высокой шеей (R 564). Кроме этого, в погребении были найдены бронзовые бляшки, орнаментированные в «стиле хватающего зверя» (Schönbäck & Thunmark-Nylén 2002: fig. 2–4, 6; Androshchuk 2005: fig. 2, *2*).

Поздний период Бирки представлен в могильнике Вальсъерде четырьмя погребениями с мечами. Начнём с погребения в ладье 2, которое ранее было датировано IX в. (Schönbäck & Thunmark-Nylén 2002: fig. 2–4, 6). Погребение содержало меч типа H, копьё типа JP E, щит с длинной железной рукоятью и умбоном с высокой «шеей» (R 564), а также наконечники стрел Wegreaus A1 (Dyfverman 1929: 170–179; Schönbäck & Thunmark-Nylén 2002: fig. 2–10). Железная рукоять щита имеет бронзовые крепления. Глиняные формочки для изготовления таких креплений найдены в слоях Бирки, датированных около 810–870 гг. (Амброзиани, Андрощук 2006: 4). Вместе с тем, один из элементов конской упряжи (так называемые *selbegskrone* или *horse-collar crest* группы A по Strömberg 1986) имеет две близких параллели — из погребения VI в могильнике Туна в Альсике (Arne 1934: 32, Taf. X, *2*) и одном погребении в Норвегии (Fett 1936: 8, fig. 6a-b). В первом случае вещь найдена совместно со скорлупообразными фибулами типа JP 52A и трилистной фибулой типа JP 90, которые датируются X в. Норвежская наход-

ка была найдена вместе с умбоном типа R 562 бронзовыми бляшками, орнаментированными в стиле Борре (Fett 1936: fig. 3, 7–8), также типичными для X в. Таким образом, погребение 2 могильника Вальсъерде скорее всего следует отнести к тому же времени.

Погребение 4 этого же могильника содержало меч типа JP H, умбон щита типа R 562, наконечники стрел Wegreaus A2, два стремени Forseker III: A и *horse-collar crest,* декорированный в стиле Борре Strömberg Group B, железную гривну с «молоточками Тора» и монету 870–892 гг. (Odencrantz 1929: 225–240; Schönbäck & Thunmark-Nylén 2002: fig. 2, 4–7, 10). К этому же периоду относятся погребения 12 и 15, в которых найден практически одинаковый набор предметов, представленный мечами типа JP V с бронзовыми наконечниками ножен, орнаментированными в стиле Еллинге, скрамасаксами, наконечниками копий типа JP I, умбонами типа R 563, наконечниками стрел Wegreaus D1, стременами Forseker II C, удилами Forseker I, II, *horse-collar crests,* декорированными в стиле Борре (группа C по Strömberg), весами и гирьками (Paulsen 1953: 38, 45, nr 4, 10; Jansson 1970: 60; Schönbäck & Thunmark-Nylén 2002: fig. 2–7, 10). Кроме этого, в погребении 12 была найдена монета, чеканенная около 952 г. (Jansson 1970: 60; Schönbäck & Thunmark-Nylén 2002: fig. 10). Инвентарь обоих погребений имеет прямые аналогии в Бирке, особенно в материале камерных погребений Bj 581, 644, 750 и 944 (Arbman 1943: 188, 221, 267, 368, Abb. 143, 183, 218, 370.

К *периоду «после Бирки»* относятся четыре погребения могильника Вальсъерде. Вместе с совершенно новым набором типов мечей появляются и другие новые типы погребального инвентаря. Прежде всего, необходимо отметить появление нового типа щитов с умбонами типа R 565. Эти щиты имеют конические умбоны с округлым выступом на вершине. В Бирке известно только два умбона конической формы, однако они не имеют подобных выступов (Arbman 1940: Taf. 17, *5–6*; Arwidsson 1984: 39–40). Умбон крепился непосредственно к деревянному щиту при помощи двух заклёпок длиной 1 см, в то время как две других заклёпки длиной 2.8–3 см соединяли умбон с деревянными досками щита и его короткой рукоятью. Остатки таких щитов найдены в погребениях 1, 9 и 11 вместе с мечами типов S, N и Z, а также удилами одного и того же типа (тип I по Forseker 1986). В погребении 9 был найден новый тип топора — M, а также наконечник копья с инкрустированным орнаментом на втулке в стиле Рингерике. Из этого же погребения происходит монета, чеканенная около 1020 г. (Schönbäck & Thunmark-Nylén 2002: fig. 3, 5, 10). Наконец, самым поздним в этой группе погребений является камерное погребение 22. Здесь были найдены меч типа P/Q, наконечник копья типа G, а также монета 1020–1050 гг. (Schönbäck & Thunmark-Nylén 2002: fig. 2, 3, 10).

Таким образом, *ранний период Бирки* представлен в могильнике Вальсъерде мечами типов A и B, щитами с длинными железными рукоятями и умбонами с высокими «шеями» (R 564), наконечниками копий типа A и предметами, орнаментированными в стиле III по Салину, а также «стилем хватающего зверя». У нас нет надёжных оснований для точной датировки появления стиля III, однако мы знаем наверня-

ка, что он просуществовал вплоть до середины IX в. (Thunmark-Nylén 1995: 557, 593). Самыми ранними образцами мечей типа B являются их деревянные копии, найденные в Старой Ладоге вместе с наконечниками стрел типов A1 и A2 в культурных отложениях второй половины VIII в. (Рябинин 1994: 26, 45, рис. 24, *1–4*; 1999: 188, рис. 4, *1–2*). Мечи типа B, судя по другим археологическим контекстам, характерны для IX в. (Androshchuk 2007). Можно думать, что совершение самых ранних погребений могильника Вальсъерде относится к периоду между 750 г. (погребение 13, ок. 750–850 гг.) и 900 г. (погребение 14, ок. 750–900 гг.), то есть, к гораздо более широкому периоду, нежели это было предложено некоторыми шведскими исследователями (см. 750–825 гг. у Ljungkvist 2006: 153). Наиболее характерными древностями *позднего периода Бирки* являются мечи типов H и V, наконечники копий типов E, I и K, щиты с длинными рукоятями и умбонами без чётко выраженных «шей» (R 562–563), наконечники стрел A1, A2, D1, а также объекты, орнаментированные в стилях Борре и Еллинге. Судя по находкам монет в погребениях, этот период в Вальсъерде может быть датирован временем около 900–975 гг. *Период после Бирки* характеризуется мечами типов S, Z, N и Q, щитами с коническими умбонами с округлыми выступами на вершине, копьями типов M и G, а также вещами, орнаментированными в стиле Рингерике. На основании упомянутых выше находок монет, этот период может быть датирован около 970–1050 гг.

Другие источники датирования мечей

Дополнительную информацию о датировке некоторых типов мечей можно почерпнуть в иллюстрированных манускриптах каролингского и позднего англосаксонского периодов. Ранее уже обращалось внимание на то, что в миниатюрах Штуттгартской и Утрехтской псалтырей, и в Евангелии Лотаря изображены в основном мечи с треугольным и/или трёхчастными либо пятичастными навершиями (Coupland 1990), которые соответствуют мечам типов A, B и K по Петерсену.

Мечи с трёхчастным навершием (особые типы 1 и 2 по Петерсену) изображены в Библии из Грандваля, датированной 834–843 гг. (Koehler 1930: 194–209, Taf. I, *45e*), Библии Вивиана датированной 845–846 гг. (Mütherich & Gaehde 1977: Pl. 22), Евангелии Лотаря, датированном между 849 и 851 годами (Köhler 1930: 72, Taf. I, *76, 98*; Schramm 1962: 123, 230 nr. 25; Mütherich & Gaehde 1977: Pl.25), а также в таких рукописных книгах, как *Codex Aureus* ок. 870 г. (Mütherich & Gaehde 1977: Pl. 36) и Библии из S. Paolo Fuori Le Meira ок. 870–871 гг. (Schramm & Mütherich 1962: 134–135, 259 nr. 52; 136–137, 265 nr. 56; Mütherich & Gaehde 1977, Pl. 44).

Мечи типов S, Z и X изображены на миниатюрах так называемой *The Old English illustrated Hexateuch,* датируемой второй четвертью XI в. (Dodwell & Clemies 1974: 16, 48r, 38v, 38r, 25v, 25r, 58v, 59r, 60r, 60v, 68r, 71r, 73r, 75v, 79v, 84r, 91v, 103v, 119v, 123 r, 127r, 127v, 152v, 153r, 153v, 154r, 154v).

Насколько известно автору, единственный случай находки меча типа S с ранними монетами (три серебряных брактеата Хедебю середины X в.) зафиксирован только в датском погребении из Брандструп в Дании, где найдены также наконечник копья типа G, удила, стремена и шпоры (Lavrsen 1960).

Важное значение имеют материалы финских могильников Luistari и Kjuloholm, где в погребениях с мечами не только найдены монеты, но также получены датировки ^{14}C. В одном случае, меч типа X датирован первой половиной X в., три погребения с мечами были датированы серединой X в., началом XI в. и серединой XI в. (Lehtosalo-Hilander 2000:190f). В могильнике Kjuloholm один меч типа X и один типа T отнесены ко времени около 975–1025 гг. (Cleve 1978:196).

Наконец, следует упомянуть изображения мечей типов N/X на викингских монетах Йорка, чеканенных между 910 и 954 гг. (Dolley 1958; Graham-Campbell 1980: 107, fig. 365–368, 377; North 1986: Pl. LVI, *1278–1279*). Две таких монеты найдены в могильнике Бирки, в погребениях 845 и 963 (Arbman 1940: Taf. 141, *5, 7*; 1943: 320, 387), совместно со скорлупообразными фибулами бердальского типа, типов 51C1 и 51C3, а также монетами 814–840, 900, 926 и 925–943 гг. (Jansson 1985: 128, fig.108).

Соотношение периода Бирки с общей периодизацией эпохи викингов

Ранний и *поздний* периоды Бирки, а также *период после Бирки* могут быть соотнесены с *ранней*, *средней* и *поздней эпохой викингов,* для которых характерен особый набор ювелирных украшений (Jansson 1985: 124, 226). Взаимовстречаемость этих украшений с мечами позволяет обобщить существующую периодизацию в следующем виде.

Рис. 2. Находки из погребения Бирки 1934 г.

Ранний период эпохи викингов характеризуется скорлупообразными фибулами типов JP 37, 27 и бердальскими типами, орнаментированными в стиле «хватающего зверя» или «стиле Усеберг» (Jansson 1985: 174). Известно очень мало мечей в сочетании с такими находками. Один меч, предположительно типа K, был обнаружен с фибулами типа 37:6 в одном норвежском погребении (Jansson 1985: 168, fig. 127). В могильнике Каупанга два погребения в ладье недавно были интерпретированы как одно парное погребение с двумя скорлупообразными фибулами типа 37 и мечём типа H (Blindheim et al. 1981: 219; 1995: 61, 67–68, 74; Stylegar 2007: 92, 116, 254–255, 265–266). В одном из по-

гребений Бирки бронзовая пластина рукояти от меча типа D1, переделанная в застёжку, обнаружена совместно со скорлупообразными фибулами типа 37:1 (Jansson 1985: 126, fig. 108, рис. 2–3). На основании особенностей декора украшений, период может быть датирован временем около 750–850 гг.

Учитывая случаи парных погребений, *средний период эпохи викингов* можно подразделить на две фазы, объединяющих в себе пять фаз, ранее выделеных И. Янссоном (1991: 268).

Фаза 1 среднего периода эпохи викингов характеризуется скорлупообразными фибулами типа JP 51 A. В одном погребении Бирки такие фибулы были найдены вместе с мечём типа H/I и монетой 814–840 гг. (Jansson 1985: 127, fig. 108, 123). Такое же сочетание артефактов зафиксировано в одном погребении шведской провинции Уппланд вместе с восточными монетами 791–793 гг. (Jansson 1985:157, fig. 121; Wiséhn 1989: 186). Пара фибул типа 51A была обнаружена с «британским» вариантом мечей типа L в Santon Downham, Norfolk, на юге Англии (Evison 1969: 333, fig. 2). Учитывая датировки монет, найденных в погребениях, рассматриваемая фаза может относиться ко времени около 850–900 гг.

Фаза 2 среднего периода эпохи викингов характеризуется скорлупообразными фибулами типов JP 51 B, C, D, E, F, G и JP 42 (Jansson 1991:268). В Бирке погребение 745 содержало скорлупообразные фибулы типа 51B1 вместе с мечём типа Y и брактеатом типа KG7 (Jansson 1985: 128, fig. 108). В одном норвежском погребении найдены фибулы типов 51B1, 51F, 97, копьё типа I и меч типа X (Jansson 1985: 167, fig. 127). Фибулы типа

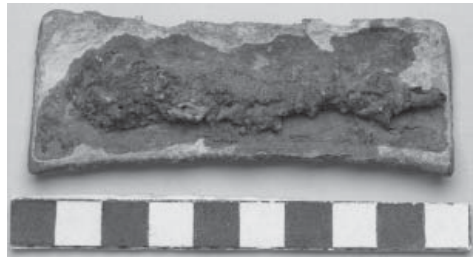


Рис. 3. Бронзовая пластина рукояти от меча типа D1, переделанная в застёжку из погребения Бирки 1934 г.

JP 42 были найдены в погребении 834 могильника Бирка с одной большой и одной маленькой круглыми фибулами (типы II A1 и V A, по: Jansson 1984), мечём типа X, копьём типа K и шестью монетами, самая ранняя из которых датируется 917/918 г. (Jansson 1985:126, fig. 108). Скорлупообразные фибулы типа 51C1, одна большая и одна маленькая круглые фибулы (типы II C и V A, по: Jansson 1984), были найдены в погребении 731 Бирки с мечём типа X, копьём типа I и пятью монетами, самая ранняя из которых датируется 901–924 гг. (Jansson 1985: 128, fig. 108). В погребении 644 фибулы типа 51C3, одна большая и одна маленькая круглые фибулы (типы II B2 и IID по: Jansson 1984), найдены вместе с мечём типа H/I, копьём типа I и шестью монетами, самая ранняя из которых датируется 920/21 г. (Jansson 1985:128, fig. 108). Погребение типа 750 Бирки содержало фибулы типа 51C4, одну большую и одну маленькую круглые фибулы (типы II B1 и V C по Jansson 1984), меч типа H/I, копьё типа K и топор типа F, а также монеты, самая ранняя из которых датируется 911/12 г. (Jansson 1985:128, fig. 108).

Близким к этим погребениям Бирки является норвежское погребение, где обнаружены фибулы типа 51C1, одна

Таблица 1

Ранний период эпохи викингов (с. 750-с.900 AD)	Средний период эпохи викингов (с. 900–970-е AD)	Поздний период эпохи викингов (с. 970–1000-е гг.)
JP A, B, St1, St2, C, D1 K, L, H/I	JP D2, H/I, M, N, O, P, Q, V, W, X, Y	N, X, Y, P/Q, R/S, T, Z

большая и одна маленькая круглые фибулы (типы II B1, по: Jansson 1984) и типа P129, орнаментированная в стиле Еллинге, два меча типов P и X, два топора типа I и один топор типа E (Shetelig 1912:195ff., fig. 452–454, 471–473; Jansson 1985:167, fig. 127). В погребении, открытом в шведской провинции Естрикланд найдена пара фибул типа 37:3 вместе с парой фибул типа 51C1 и мечём типа H/I (Jansson 1985: 157, fig. 121). Еще одно погребение из провинции Естрикланд содержало скорлупообразные фибулы типов 51G, 51C1, меч типа X и копьем типа K (Jansson 1985: 158, fig. 121). Наконец, в двух норвежских погребениях выявлено по паре фибул типа 51C3, трилистная фибула типа JP 97 и мечи типов Q и Y (Jansson 1985: 168, fig. 127).

Скорлупообразные фибулы типов 52 и 55 также должны быть отнесены к этой фазе, хотя нет ни одного хорошо документированного случая, где бы они были зафиксированы в парных погребениях совместно с мечами. На основании находок монет, датировка этой фазы может быть определена в границах 900–970-е гг.

В даной связи необходимо отметить один хронологически важный нюанс. В последнее время установлено, что скорлупообразные фибулы типа 51C, а также большие круглые фибулы типа II, по Янссону, датируются не ранее середины X в. и в большинстве своём принадлежат второй половине этого столетия (Jansson 2005: 72, note 82; Янссон, Потупчик, Андрощук 2006). Это, в свою очередь, означает, что мечи типов H/I, P, X и Y, обнаруженные с этими украшениями, следует также датировать этим временем.

Относительная датировка мечей эпохи викингов суммирована в табл. 1. Со всей уверенностью можно утверждать, что некоторые типы мечей существовали в переходное время между различными хронологическими фазами. Таковыми являются мечи типа H/I, известные с конца IX в. и бывшие в употреблении на протяжении всего X в. В одном случае меч типа N найден с монетой 920 г. (Movtjan 2004: 56), в другом — с монетами 1020-х гг. (Schönbäck & Thunmark-Nylén 2002: fig. 10). Мечи типа V принадлежат переходному периоду между *средней* и *поздней эпохой викингов*. Кроме упомянутого выше погребения 12 в Вальсъерде с монетой 952 г., такой меч обнаружен в могильнике Ос в шведской провинции Емтланд с монетой 943/44 г. и в исландском погребении датированном по ^{14}C временем ок. 935–1015 гг. (Eldjárn, Fridriksson 2000: 231). Наконец, еще один меч этого же типа встречен в погребении KXXV могильника в Каупанге с круглой фибулой, орнаментированной в стиле Еллинге (Blindheim & Heyerdahl-Larsen 1995: 41, Pl. 36).

Аналогичную хронологическую позицию занимают редкие мечи типа W. В одном погребении такой меч обнаружен с монетами 961–976 гг. (Фехнер, Янина 1978: 184; Дубов 1999: 31), в дру-

гом — в сочетании с роговыми накладками на седло, орнаментированными в стиле Маммен (Бліфельд 1977: 138, fig. 20–21). Наконец, следует упомянуть прочерченное изображение меча типа T на наконечнике ножен из клада в Оксарве на Готланде, младшая монета которого датируется 999 г. (Thunmark-Nylén 2006: 707, Abb. III, *62*, B, *1–2*).

Таким образом, хронология, предложенная Я. Петерсеном (Petersen 1919), может быть использована только как очень приблизительная схема относительной датировки мечей, обозначающая только основные тенденции преемственности типов. Эта преемственность не всегда может быть объяснена эволюцией форм, как полагал норвежский исследователь. Совершенно очевидно, что некоторые морфологически разные типы существовали одновременно (рис. 4).

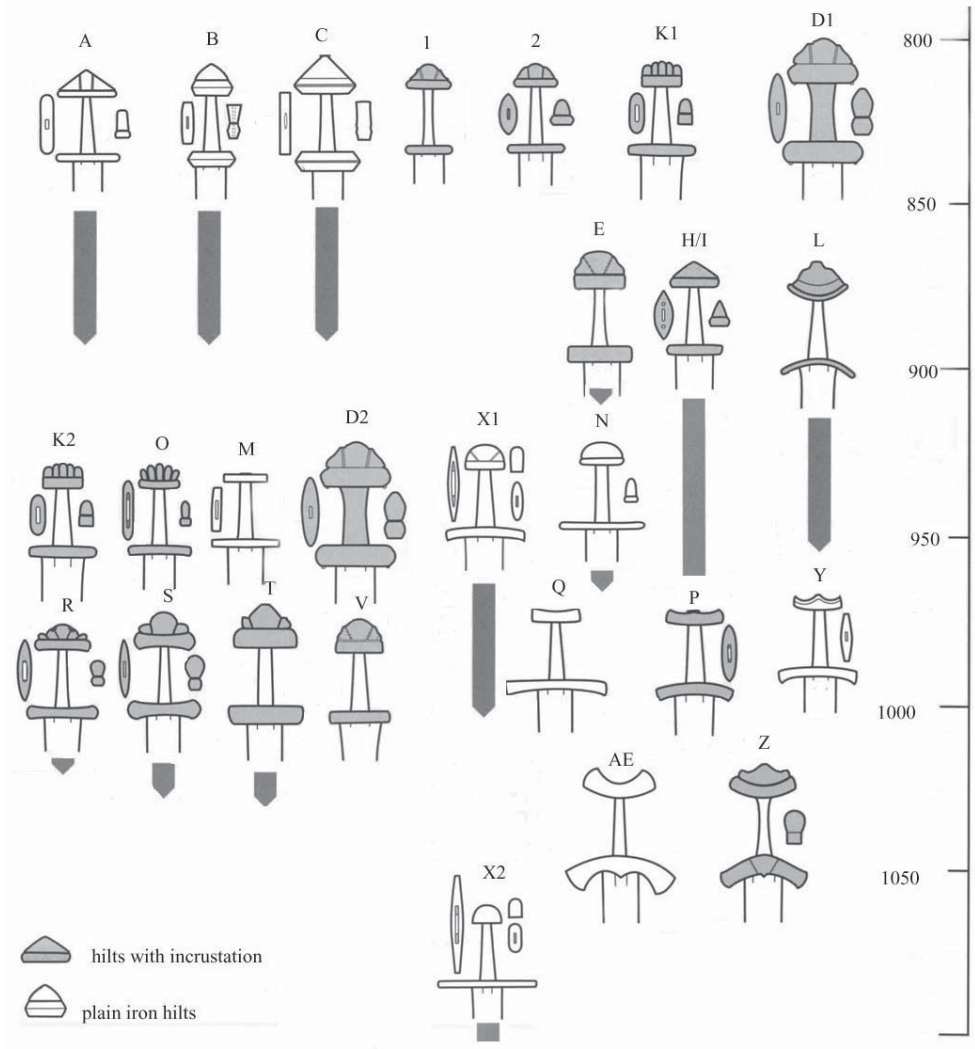


Рис. 4. Относительная датировка мечей

Необходимо также сделать несколько замечаний относительно существующих периодизаций эпохи викингов.

Как известно, существует две периодизации эпохи викингов: историческая, основанная на письменных источниках и археологическая. В рамках исторической периодизации две даты — 793 г. (нападение викингов на Линдисфарн) и 1066 г. (битва при Стемфорд Бридж) — являются хронологическими реперами (Jansson 1985:176ff.; Roesdahl 1994:113). В отношении археологической периодизации, начало и конец эпохи викингов по-прежнему остаются предметом дискуссии (Jansson 1985; 1991; Myre 1993; Roesdahl 1994; Thunmark-Nylén 1991, 1995; Skibsted Klæsøe 1999). Установленные датировки ^{14}C, дендродаты, а также некоторые объекты, орнаментированные в различных стилях и обнаруженные на ряде памятников, позволяют представить основные данные для периодизации эпохи викингов в следующем виде (табл. 2).

Норвегия имеет ряд ранних дат, покрывающих период между 797 и 905 гг. Судя по датировке Усеберга, стиль «хватающего зверя» появляется в Норвегии позже, чем в Дании. Стиль Борре едва ли может быть датирован ранее конца IX — начала X в. что подтверждает находка корабля в Туна.

Наиболее проблематичным представляется дендродата Гокстада в её взаимоотношении с датировками стилей Еллинге и Маммен. Как известно, основываясь на дендродате столбов кровати из камеры корабля из Гокстада, орнаментированных в стиле Еллинге (ок. 895 г.), был сделан вывод о появлении этого стиля в конце IX — начале X вв. (см. обсуждение этой даты в: Jansson 1991: 273, Fig.6). Этот вывод был в последнее время повторен некоторыми исследователями (Skibsted Klæsøe 1999; Müller-Wille 2001).

Ещё один важный момент связан с Гокстадом, а именно то, что орнаментация уключин соответствует стилю Маммен, что является аргументом в пользу датирования корабля второй половиной X в. (Jansson 1991: 277). Ранняя датировка стилей Еллинге и Маммена, построенная только на дедродате Гокстада, противоречит всему, что нам известно по другим археологическим контекстам. Как представляется, дендродата Гокстада свидетельствует только о времени порубки деревьев, а не о появлении орнаментальных стилей, поскольку орнаменты могли вырезаны значительно позднее того времени, когда дерево было срублено.

С территории Средней Швеции нам известно только две датировки, показывающие, что, по крайней мере, Бирка в VIII в. (670–780/790 гг., по: Holquist Olausson & Götherström 1998: 107) и Сигтуна около 980 г. уже существовали. Л. Тунмарк-Нюлен продемонстрировала, что на Готланде стиль «хватающего зверя» появляется на одно поколение позднее, чем в Дании, в то время как стиль III по Салину был в употреблении вплоть до середины IX в. (Thunmark-Nylén 1995; 2006: 693).

Появление стиля Борре в Средней Швеции в конце IX в. может быть засвидетельствовано на основании орнаментации некоторых типов скорлупообразных фибул (JP 42, 51 A-B). В Бирке стиль Борре фиксируется вплоть до конца существования города (фибулы типов JP 51C, 52/55).

Таблица 2[1]

Памятник	Стиль	Датировки
Рибе	«хватающий зверь»	ок. 704 г.
Даневирке		ок. 737 г.
Хедебю		ок. 811 г.
Росток-Дирков	«хватающий зверь»	ок. 817 г.
Еллинге, сев.курган	Еллинге	ок. 958/959 г.
Еллинге, южн.курган	Маммен	ок. 965/70 гг.
Бьеринхёй	Маммен	ок. 970/71 г.
Трелеборг, Фюркат		ок. 980 г.
Скулделев, судно 5	Рингерике	ок. 1030–1040 гг.
Хёрнинг церковь	Урнес	ок. 1060–1070 гг.
Каупанг		ок. 797–802 гг.
Усеберг корабль	стиль III/E	ок. 820 г.
Усеберг камера	«хватающий зверь»	ок. 834 г.
Туна корабль	Борре	ок. 900 г.
Гокстад	Борре, Еллинге, Маммен	ок. 895–905 гг.
Бирка, камерное погребение		670–780/790 гг.
Бирка, клад 1872		ок. 963–967 гг.
Сигтуна		ок. 980 г.
Старая Ладога		ок. 753 г.
Киев (Подол)		ок. 887 г.
Гнездово, клад 1987 г.	Еллинге	ок. 950-х гг.
Гнездово, камера Дн-4		ок. 975 г.
Гнездово, камера С-306		ок. 979 г.
Новгород	Урнес	ок. 1170–1190-х гг.

Вещи, орнаментированные в стилях Еллинге и Маммен, как уже отмечалось, в Бирке исключительно редки (Jansson 1991: 270). Это подтверждает также и отсутствие на этом памятнике мечей, орнаментированных в этих стилях (типы R/S, T и Z). С другой стороны, объекты, орнаментированные в стилях Еллинге, Маммен, Хидденсее, известны в самых ранних культурных отложениях Сигтуны. Здесь необходимо упомянуть известное перекрестие из рога, орнаментированное в стиле Маммен. Перекрестие соответствует мечу типа Z — единственному типу мечей, представленному в материалах из этого города.

Существует определённое противоречие между письменными источ-

[1] Источники: Седова 1981; Черных 1985; Авдусин, Пушкина 1989; Andersen 1991; Warnke 1992/3; Jeppesen & Schmidt 1993/94; Roesdahl 1994; Bonde 1994; Holquist Olausson & Götherström 1998; Müller-Wille 2001; Feveile & Jansen 2002; Pilø 2007; Bonde 2007.

никами, свидетельствующими о скандинавской активности на Руси в IX в., и данными археологии. На сегодняшний день, единственным памятником, на котором зафиксированы древности этого и более раннего времени, является Старая Ладога (Davidan 1993: Abb. 8, *5, 8*, 10, *28, 30*, 11: *36*, 26, *187*). Очень мало таких находок в Юго-Восточном Приладожье, Тимерёве и Гнездове (Пушкина 1997: 86).

Наиболее поздние скандинавские древности происходят из Новгорода: фрагментированная скорлупообразная фибула найдена на уровне мостовой 1006–1026 гг. (Седова 1981: 84, рис. 13, *8*), подвеска, орнаментированную в стиле Еллинге, обнаружена в слое 1110–1130 гг. (Седова 1981: 42, рис. 13, *6*), а бронзовая накладка, орнаментированную в стиле Урнес происходит из культурного слоя 1170–1190-х гг. (Седова 1981: 163, рис. 13, *7*).

После долгих дискуссий (Булкин, Назаренко 1971; Авдусин 1972; Pushkina 1997; Каинов 2001; Андрощук 2001), кажется, все пришли к соглашению в том, что Гнездово возникло около 900 г. и пока нет надёжных комплексов, которые позволяют относить появление этого памятника к более раннему времени. Подавляющее большинство скандинавских вещей из Гнёздова орнаментированы в стиле Борре, однако в небольшом количестве имеются также предметы, декорированные в стилях Еллинге и Маммен (Fuglesang 1991: 91, nr. 21; Ениосова 2001: 89, рис. 11). Насколько мне известно, в Гнёздове нет вещей, орнаментированных в стилях Рингерике и Урнес, так что конец скандинавской активности здесь произошел до начала XI в. (ср.: Авдусин 1972; Булкин 1973; Пушкина 1996). Если принять во внимание клады Бирки, зарытые во второй половине X в., а также дендродаты двух камер могильника (975 и 979 гг.), то можно заключить, что завершение активности в Гнездове и в Бирке — это явления одновременные (Андрощук 2001:128).

Говоря о конце эпохи викингов, следует отметить особую картину, которую мы имеем на юге Руси. За исключением единичных находок, скорее каролингского, нежели скандинавского происхождения, найденных к западу от Киева, присутствие скандинавов в Киеве в IX в. археологически не подтверждается. Наиболее ранней дендродатой Киева (Подол) является 887 г., однако известные на сегодняшний день скандинавские древности едва ли могут быть датированы ранее второй четверти X в. (ср.: Зоценко 2003; Андрощук 2004). Из погребений Верхнего Киева происходят относительно поздние типы мечей (JP X, Y, N и V), а также женские и мужские украшения, орнаментированные в стилях Борре, Еллинге и Хидденсее.

Важным отличием Киева от Северной Руси является зафиксированная в некоторых случаях в Киеве преемственность между языческими погребениями со скандинавскими вещами и ранними христианскими кладбищами. Такую же картину мы можем наблюдать и в Чернигове. Здесь известно относительно мало вещей скандинавского происхождения. Большинство из них происходит из богатых камерных погребений и больших курганов. Наиболее яркими находками являются мечи типов E, T и Z, а также наконечник ножен, орнаментированный в стиле Еллинге (Путь 1996: 77, nr. 649–650, 683). Наиболее

поздним из больших курганов является Чёрная могила, в которой среди прочих находок обнаружена византийская монета 960-х гг. и меч типа Z. На основании датировок шведских находок, а также англосаксонских миниатюр, о которых упоминалось выше, появление мечей этого типа датируются временем ок. 1000 г., если не позднее. Самым поздним скандинавским предметом, происходящим из Чернигова, является серебряная цепь с звериными головками, орнаментированными в стиле Урнес, найденная кладе (Кондаков 1896: 121, табл. XIII, *10–11*), датированном XI–XIII вв. (Корзухина 1954: 26, 31). В могильнике Шестовицы, расположенном недалеко от Чернигова, подавляющее большинство скандинавских предметов орнаментировано в стиле Борре. На сегодняшний день не известно ни одной вещи, орнаментированной в стиле Еллинге, и имеются только две роговых накладки, украшенных в стиле Маммен из погребения с мечём типа W (Бліфельд 1977: 140, рис. 20–21). Наконец, следует упомянуть меч из Хвощеватой с рукоятью, частично орнаментированной в стиле Рингерике, два копья с плакировками в таком же стиле, а также подковообразную фибулу с зооморфными головками из Сахновки, выполненными в стиле Урнес (Кирпичников 1966; Androshchuk 2003; Thrane 1994: 78, nr. 255, fig. 97).

Подводя итоги, можно заключить, что с точки зрения археологии эпоха викингов началась в различных регионах в разное время. Раньше всего это происходит в Дании и возможно, на одно поколение позднее в Норвегии. Судя по находкам, на Британских островах она началась около 750 г. и в течении первых десятилетий IX в., в то время как самые поздние погребения здесь датируются временем около середины X в. (Shetelig 1954: 103; Graham-Campbell & Batey 1998: 152). Судя по находкам из разрушенных могильников Ирландии, самое ранние присутствие скандинавов здесь может быть отнесено к IX в. (Harrison 2001: 67, fig. 3, 5). Как известно, на территории Англии период между 793 и 1066 гг. рассматривается как эпоха викингов только на основании письменных источников, хотя хорошо документированных скандинавских находок (за исключением единичных в Йорке) здесь не обнаружено (Wilson & Hall 1992: 96; Halsall 2000).

Дальние походы и эпизодические переселения некоторых групп населения с территории Средней Швеции на территорию Финляндии и Юго-Восточной Прибалтики, вероятно, имели место уже в второй половине VII в. Эти процессы документированы находками из Гробини в Латвии (Nerman 1958; Petrenko 1991). Однако, на территории Древней Руси, археологически эпоха викингов не может быть отнесена ко времени более раннему, чем поселение в Старой Ладоге (ок. 750 г.). Несмотря на очень ограниченное количество скандинавских находок этого времени на территории Восточной Европы, важно подчеркнуть присутствие в Ладоге в это же время славянских женских украшений, происходящих с территории Верхнего Приднепровья (Нефёдов 2003), которые свидетельствуют о дальних контактах жителей Ладожского посёлка. В целом, время скандинавской активности на востоке может быть разделено на две фазы: период открытия и период оседания на

территории Восточной Европы. Первая фаза может быть датирована второй половиной VIII — второй половиной IX в. и характеризуется, в основном, случайными находками вооружения и единичными женскими украшениями. Вторая фаза может быть датирована началом — концом X в. и характеризуется многочисленными женскими и мужскими украшениями, а также другими объектами, которые свидетельствуют о более или менее постоянном проживании их носителей как в сельской, так и городской среде Древней Руси. Конец археологической эпохи викингов в Восточной Европе относится к первой половине XI в., то есть ко времени, когда бытовали мечи типа S, T и Z. Исторически конец эпохи викингов на востоке условно можно соотнести со временем похода Ингвара, имевшего место в 1030–1040-х гг. и засвидетельствованного шведскими руническими надписями и другими письменными источниками (Larsson 1990: 106; Мельникова 2000: 48).

Литература

1. *Авдусин 1972* — Авдусин Д. А. Гнёздово и днепровский путь // Новое в археологии. М., 1972.

2. *Авдусин, Пушкина 1989* — Авдусин Д. А., Пушкина Т. А. Три погребальные камеры из Гнёздова // История и культура древнерусского города. М., 1989.

3. *Амброзиани, Андрощук 2006* — Амброзиани Б., Андрощук Ф. Вооружение и восточные контакты Бирки // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньоруської держави) IX–XI ст., Чернігів, 2006.

4. *Андрощук 2001* — Андрощук Ф. А. Гнёздово, днепровский путь и финал Бирки // Гнёздово. 125 лет исследования. Археологический сборник Государственного музея. М., 2001.

5. *Андрощук 2004* — Андрощук Ф. А. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева // Ruthenica. T. III, 2004.

6. *Бліфельд 1977* — Бліфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ. 1977.

7. *Булкин 1973* — Булкин В. А. Гнездовский могильник и курганные древности Смоленского Поднепровья. Рукопись диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Архив ИИМК РАН. № 447094. СПб. 1973.

8. *Булкин, Назаренко 1971* — Булкин В. А., Назаренко В. А. О нижней дате гнездовского могильника // КСИА, № 125. 1971.

9. *Дубов 1999* — Дубов И. В. Погребения с мечами в ярославских могильниках (к этнической и социальной оценке) // Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей. СПб. 1999.

10. *Ениосова 2001* — Ениосова Н. В. Скандинавские рельефные фибулы из Гнёздова // Гнёздово. 125 лет исследования. Археологический сборник Государственного музея. М. 2001.

11. *Зоценко 2003* — Зоценко В. Н. Скандинавские древности и топография Киева «дружинного периода» // Ruthenica. Т. II. 2003.

12. *Каинов 2001* — Каинов С. Ю. Ещё раз о датировке гнёздовского кургана с мечём из раскопок М. Ф. Кусцинского (К вопросу о нижней дате Гнёздовского могильника) // Гнёздово. 125 лет исследования. Археологический сборник Государственного музея. М. 2001.

13. *Кирпичников 1966* — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. I. Мечи и сабли IX–XIII вв. // САИ. Е1–36. М.; Л. 1966.

14. *Кондаков 1896* — Кондаков Н. Русские клады. Исследование древностей великикокняжеского периода. Том I. СПб. 1896.

15. *Корзухина 1954* — Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л. 1954.

16. *Путь 1996* — Путь из Варяг в Греки и из Грек… М., 1996.

17. *Мельникова 2000* — Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М. 2000.

18. *Нефёдов 2003* — Нефёдов В. С. Некоторые замечания об украшениях культуры смоленских длинных курганов из раскопок в Старой Ладоге // Ладога первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. СПб. 2003.

19. *Пушкина 1996* — Пушкина Т. А. Гнёздово — на пути из Варяг в Греки // Путь из Варяг в Греки и из Грек… М. 1996.

20. *Рябинин 1994* — Рябинин Е. А. У истоков ремесленного производства в Ладоге // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб. 1994.

21. *Рябинин 1999* — Рябинин Е. А. «Деревянный мир» раннесредневековой Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища в 1973–1985 гг.). // Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей. СПб. 1999.

22. *Седова 1981* — Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М. 1981.

23. *Фехнер, Янина 1978* — Фехнер М. В., Янина С. А. Весы с арабской надписью из Тимерева// Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы., М. 1978.

24. *Черных 1985* — Черных Н. Б. Дендрохронология Ладоги (раскоп в районе Варяжской улицы) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л. 1985.

25. *Янссон, Потупчик, Андрощук 2006* — Янссон И., Потупчик М., Андрощук Ф. Скандинавская фибула из Винницкой области // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб. 2006.

26. *Ambrosiani 1981* — Ambrosiani B. Viking Age combs, comb making and comb makers in the light of finds from Birka and Ribe. Stockholm studies in archaeology 2. Stockholm. 1981.

27. *Ambrosiani, Eriksson 1996* — Ambrosian B., Eriksson B. G. Birka vikingastaden. Vol. 5. Stockholm. 1996.

28. *Androshchuk 2003* — Androshchuk F. The Hvoshcheva sword. An example of contacts between Britain and Scandinavia in the Late Viking Period // Fornvännen 98. 2003.

29. *Androshchuk 2005* — Androshchuk F. En man i Osebergsgraven? // Fornvännen 100. 2005.

30. *Androshchuk 2007* — Androshchuk F. Rural Vikings and Viking Helgø // Cultural interaction between east and west. Archaeology, artefacts and human contacts in northern Europe / Fransson U., Svedin M., Bergerbrant S., Androshchuk F. (Eds.). Stockholm studies in Archaeology 44. Stockholm. 2007.

31. *Andersen 1991* — Andersen H. Dendrokronologisk datering af Mammengraven. // Mammen. Grav, kunst og samfund i vikingetid. Jysk Arkæologisk Selskabs Skrifter XXVIII. Moesgård. 1991.

32. *Andersen 1998*– Andersen H. Danevirke og Kovirke. Arkæologiske undersøgelser 1861–1993. Moesgård. 1998.

33. *Arbman 1937* — Arbman H. Schweden und das karolingische Reich. Stockholm. 1937.

34. *Arbman 1940* — Arbman H. Birka I. Die Gräber. Tafeln. Stockholm. 1940.

35. *Arbman 1943* — Arbman H. Birka I. Die Gräber. Text. Stockholm. 1943.

36. *Arne 1934* — Arne T. J. Das Bootgräberfeld von Tuna in Alsike, Uppland. Stockhom. 1934.

37. *Arwidsson 1984* — Arwidsson G. Zur Chronologie // Birka II:1. Ed. by G. Arwidsson. Stockholm. 1984.

38. *Arwidsson 1986* — Arwidsson G. Schilde // Birka II:2. Ed. by G. Arwidsson. Stockholm. 1986.

39. *Blindheim, Heyerdahl-Larsen 1995* — Blindheim Ch., Heyerdahl-Larsen B. // Kaupang-Funnene. Bind II. Del. A. Oslo. 1995.

40. *Blindheim 1999* — Blindheim Ch. Sverdene // Kaupang-Funnene. Bind II. Del. B / Red. Ch. Blindheim, B. Heyerdahl-Larsen, A. Stine Ingstad. Oslo. 1999.

41. *Bonde 1994* — Bonde N. De norske Vikingeskibsgraves alder. Et vellykket norsk-dansk forskningsprojekt // Nationalmuseets Arbejdsmark, Herning. 1994.

42. *Bonde 2007* — Bonde N. Dendrochronological Dates from Kaupang // Kaupang in Skiringssal. Vol. 1. Norske Oldfunn XXII / Ed. by D. Skre. Aarhus. 2007.

43. *Brøndsted 1924* — Brøndsted J. Early English ornament. Copenhagen, London.. 1924.

44. *Brøndsted 1936* — Brøndsted J. Danish inhumation graves of the Viking Age // Acta Archaeologica VII, 1936.

45. *Christensen, Krogh 1987* — Christensen K., Krogh K. J. Jelling-højene dateret: Kristendommens indførelse og Gorm den Gamles død // Nationalmuseets arbejdsmark 1987.

46. *Cleve 1978* — Cleve N. Skelettgravfälten på Kjuloholm i Kjulo 2. Helsningfors. 1978.

47. *Coupland 1990* — Coupland S. Carolingian Arms and Armor in the Ninth Century // Viator: Medieval and Renaissance Studies 21. 1990.

48. *Davidan 1993* — Davidan O. I. Kunsthandwerkliche Gegenstände des 8. bis 10. Jahrhunderts aus Alt-Ladoga (Die Samlunge der Staatlichen Ermitage in St. Petersburg // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters, Jahrgang 20, 1993.

49. *Dodwell, Clemies 1974* — Dodwell C. R., Clemies P. The Old English illustrated Hexateuch. British museum Cotton Claudius B IV. Copenhagen. 1974.

50. *Dolley 1958* — Dolley R. H. M. The Post-Brunanburh Viking Coinage of York with Some Remarks on the Viking Coinages which preceded the same // Nordisk numismatisk årsskrift 1957–1958. 1958.

51. *Dyfverman 1929* — Dyfverman M. Betgraven nr 2 vid Valsgärde, Gamla Uppsala // Rig. 1929.

52. *Eldjárn, Fridriksson 2000* — Eldjárn K., Fridriksson A. Kuml og haugfé. Reykjavík. 2000.

53. *Evison 1969* — Evison V. A Viking Grave at Sonning, Berks // The Antiquaries Journal XLIX/1969:II. 1969.

54. *Fett 1936* — Fett P. Båtgraven på Jøa i Namdal // Det kongelige norske videnskabers selskab Skrifter nr 3. 1936.

55. *Feveile & Jensen 2000* — Feveile C. & Jensen S. Ribe in the 8th and 9th century. A contribution to the Archaeological Chronology of North Western Europe // Acta Archaeologica 71. 2000.

56. *Forseker 1986* — Forseker A.-L. Zaumzeug, Reitausrüstung und Beschirrung // Birka II:2. Stockholm. 1986.

57. *Fuglesang 1991* — Fuglesang S. H. The axehead from Mammen and the Mammen style // Mammen. Grav, kunst og samfund i vikingetid / Red. M. Iversen. Moesgård. 1991.

58. *Graham-Campbell 1980* — Graham-Campbell G. Viking Artefacts. A select catalogue. London. 1980.

59. *Graham-Campbell, Batey 1998* — Graham-Campbell G., Batey C. Vikings in Scotland. An archaeological survey. Edinburgh. 1998.

60. *Halsall 2000* — Halsall G. The Viking Presence in England? The Burial Evidence Reconsidered // Cultures in Contact. Scandinavian Settlement in England in the Ninth and Tenth Centuries / Eds. D. M. Hadley & J. D. Richards. Turnhout. 2000.

61. *Harrison 2001* — Harrison S. H. Viking Graves and Grave-goods in Ireland // The Vikings in Ireland / Ed. A.-Ch. Larsen. Roskildeю 2001.

62. *Heyerdahl-Larsen 1981* — Heyerdahl-Larsen B. Dateringsforsøk // Kaupang-funnene. Bind I. Norske oldfunn XI / Red. Ch. Blindheim, B. Heyerdahl-Larsen, R. L. Tollnes. Oslo. 1981.

63. *Holmquist-Olausson 1993* — Holmquist-Olausson L. Aspects on Birka. Investigations and surveys 1976–1989. Theses and papers in archaeology B:3. Stockholm. 1993.

64. *Holquist-Olausson & Götherström 1998* — Holquist-Olausson L. & Götherström A. Sex identification of a skeleton in a new chamber-grave from Birka // Laborativ Arkeologi 10–11. 1998.

65. *Jansson 1970* — Jansson I. Wikingerschmuck und Münzdatierung. Bemerkungen zu einer Neuerscheinung // Tor 13. 1970.

66. *Jansson 1972* — Jansson I. Till datering av vikingatidens ovala spännbucklor. En granskning av fyndkombinationerna // Tor 14. 1972.

67. *Jansson 1984a* — Jansson I. Kleine Rundspangen // Birka II.1. Stockholm. 1984.

68. *Jansson 1984b* — Jansson I. Grosse Rundspangen // Birka II.1. Stockholm. 1984.

69. *Jansson 1985* — Jansson I. Ovala spännbucklor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björkö-fynden. Aun. 7. Uppsala. 1985.

70. *Jansson 1991*– Jansson I. År 970/971 och vikingatidens kronologi // Mammen. Grav, kunst og samfund i vikingetid / Red. M. Iversen. Moesgerd. 1991.

71. *Jeppesen, Schmidt 1993/94* — Jeppesen J., Schmidt H. Rekonstruktion af stavkirken fra Hørning // Kuml 1993–1994.

72. *Koehler 1930* — Koehler W. Das karolingischen Miniaturen. I. Die Schule von Tours. Berlin. 1930.

73. *Kylberg 1980* — Kylberg O. Helgö och Birka. Kronologisk-topografisk analys av grav- och boplatser. Arkeologiska rapporter och meddelanden från Institutionen för Arkeologi, särskilt nordeuropeisk, vid Stockholms Universitet. Nr. 6. Stockholm. 1980.

74. *Larsson 1990* — Larsson M. Runstenar och utlandsfärder. Aspekter på det senvikingatida samhället med utgångspunkt i de fasta fornlämningarna. Lund. 1990.

75. *Lavrsen 1960* — Lavrsen J. Brandstrup // Kuml 1960.

76. *Lehtosalo-Hilander 2000* — Lehtosalo-Hilander P.-L. Luistari — A History of Weapons and Ornaments. Luistari IV. Helsinki. 2000.

77. *Lindbom 1995* — Lindbom P. Pilspetsarna från Valsgärde 13 // Tor 27, 1995.

78. *Ljungkvist 2006* — Ljungkvist J. En hiar atti rikr. Om elit, struktur och ekonomi kring Uppsala och Mälaren under yngre järnelder. Aun 34. Uppsala. 2006.

79. *Movtjan 2004* — Movtjan I. I. Väringagrav i Kiev // Historiska Nyheter. Specialnummer om Olga & Ingegerd. Statens Historiska Museum 2004–2005. Stockholm. 2004.

80. *Müller-Wille 2001* — Müller-Wille M. Tierstile des 8.-12. Jahrhunderts im Norden Europas. Dendrochronologie und kunsthistorische Einordnung // Tier. Menschen. Götter. Wikingerzeitliche Kunststile und ihre neuzeitliche Rezeption / Reds. M. Müller-Wille & L. O. Larsson. Göttingen. 2001.

81. *Mütherich, Gaehde 1977* — Mütherich F., Gaehde J. Carolingian painting. London. 1977.

82. *Myre 1993* — Myre B. The beginning of the Viking Age — some current archaeological problems // Viking revaluations / Ed. by A. Faulkes & R. Perkins. Viking Society for Northern Research. London. 1993.

83. *Nerman 1958* — Nerman B. Grobin — Seeburg. Ausgrabungen und Funde. Stockholm. 1958.

84. *North 1980* — North J. J. English Hammered Coinage. Volume I. Early Anglo-Saxon to Henry III c. 600–1272. London. 1980.

85. *Odencrantz 1933* — Odencrantz R. Båtgraven nr 4 vid Valsgärde // Upplands Fornminnesförenings Tidskrift XLIII–2. 1933.

86. *Pedersen 1995* — Pedersen A. Vikingetidens grave med våben og hestudstyr i det gammel danske område — inventar og datering, idé og hensigt. Opublicerad avhandling vid Institut for forhistorisk arkeologi og middelaldarkeologi. Aarhus universitet. Aarhus. 1995.

87. *Pedersen 1997* — Pedersen A. Weapons and riding gear in burials — evidence of military and social rank in 10th century Denmark? // Military Aspects of Scandinavian Society in a European Perspective. Copenhagen. 1997.

88. *Petrenko 1991* — Petrenko V. A picture stone from Grobin (Latvia) // Fornvännen 86. 1991.

89. *Peirce 2002* — Peirce I. Swords of The Viking Age. The Boydell Press. 2002.

90. *Petersen 1919* — Petersen J. De norske vikingesverd. En typologisk-kronolohisk studie over vikingatidens vaaben. Kristiania. 1919.

91. *Petersen 1928* — Petersen J. Vikingetidens smykker. Stavanger. 1928.

92. *Pilø 2007* — Pilø L. The Fieldwork 1998–2003. Overview and Methods // Kaupang in Skiringssal. Vol. 1. Norske Oldfunn XXII / Ed. by D. Skre. Aarhus. 2007.

93. *Pushkina 1997* — Pushkina T. A. Scandinavian finds from Old Russia. A survey of their topography and chronology // The rural Viking in Russia and Sweden / Ed. P. Hansson. Örebro. 1997.

94. *Roesdahl 1994* — Roesdahl E. Dendrohronology and Viking Studies in Denmark, with a Note on the Beginning of the Viking Age // The Twelfth Viking Congress. Birka Studies 3. Stockholm. 1994.

95. *Rygh 1885* — Rygh O. Norske oldsager. Kristiania. 1885.

96. *Salin 1904* — Salin B. Die altgermanische Thieornamentik. Typologische Studie über germanische Metallgegenstände aus dem IV. bis IX. Jahrhundert, nebst einer Studie über irische Ornamentik. Stockholm. 1904.

97. *Shetelig 1912* — Shetelig H. Vestlandske graver fra jernalderen. Bergens museums skrifter ny række. Bd. II. No. 1. Bergen. 1912.

98. *Shetelig 1954* — Shetelig H. (Ed.). Viking Antiquities in Great Britain and Ireland. Part VI. Oslo. 1954.

99. *Schramm, Mütherich 1962* — Schramm P. E., Mütherich F. Denkmale der deutschen Könige und Kaiser. Ein Beitrag zur Herrschergeschichte von Karl dem Großen bis Friedrich II. 768–1250. München. 1962.

100. *Schönbäck, Thunmark-Nylén 2002* — Schönbäck B., Thunmark-Nylén L. De vikingatida båtgravarna vid Valsgärde — relativ kronologi // Fornvännen 97. 2002.

101. *Selling 1945* — Selling D. Alexander Seton (1768–1828) som fornforskare. Stockholm. 1945.

102. *Selling 1955* — Selling D. Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm. 1955.

103. *Simonsson 1969* — Simonsson H. Studie rörande vikingatida vapen- och ryttargravar med utgångspunkt från det västmanlandska materialet. Stencilerad licentiatavhandling. Uppsala universitet. 1969.

104. *Stalsberg 1988* — Stalsberg A. The Scandinavian Viking Age finds in Rus'. Overview and analysis // Oldenburg — Wolin — Staraja Ladoga — Novgorod — Kiev. Handel und Handelsverbindungen im südlichen und östlichen Ostseeraum während des frühen Mittelalters. 1988.

105. *Stein 1967* — Stein F. Adelsgräber des 8. Jahrhunderts in Deutschland. Berlin. 1967.

106. *Skibsted Klæsøe 1999* — Skibsted Klæsøe I. Vikingetidens kronologi — en nybearbejdning af det arkæologiske materiale // Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie 1997. 1999.

107. *Strömberg 1986* — Strömberg M. Kumtbeschläge // Birka II:2. Stockholm. 1986.

108. *Stylegar 2007* — Stylegar F.-A. The Kaupang Cemeteries Revisited // Kaupang in Skiringssal. Vol. 1. Norske Oldfunn XXII / Ed. by D. Skre. Aarhus. 2007.

109. *Thrane 1994* — Thrane H. Steppens nomader — skoves bønder. Ukraines arkeologi i 2000 år (9000 f.Kr. — 1240). Hollufgård. 1994.

110. *Thunmark-Nylén 1984* — Thunmark-Nylén L. Ringnadeln // Birka II:1. Stockholm. 1984.

111. *Thunmark-Nylén 1995* — Thunmark-Nylén L. Vendeltid eller vikingatid? Om datering av gotländska fornfynd kring år 800 // Tor 1995, II. 1995.

112. *Thunmark-Nylén 1995–2000* — Thunmark-Nylén L. Die Wikingerzeit Gotlands. Bd. I, II, IV. Stockholm. 1995–2000.

113. *Thelin 1984* — Thelin H. Ringspangen // Birka II, 1. Stockholm. 1984.

114. *Thelin-Bergman 1986a* — Thelin-Bergman L. Die Waffengräber von Birka. Birka II, 2. Stockholm. 1986.

115. *Warnke 1991* — Warnke D. Ein Brunnen mit Hortfund eines Goldschmiedes aus der 1. Hälfte des 9. Jh. vom Handwerkerplatz Rostock-Dierkow. Ausgrabungen und Funde 36 (1991) 6, 1991.

116. *Wiséhn 1989* — Wiséhn E. Myntfynd från Uppland. Stockholm. 1989.

117. *Wegraeus 1971* — Wegraeus E. Vikingatida pilspetsar i Sverige — en förbisedd föremålsgrupp. Uppsala. 1971.

118. *Wegraeus 1986* — Wegraeus E. Die Pfeilspitzen von Birka // Birka II:2 / ed. by G. Arwidsson. Uppsala. 1986.

119. *Wigh 2001* — Wigh B. Animal Husbandry in the Viking Age Town of Birka and its Hinterland. Birka studies 7. Stockholm. 2001.

120. *Wilson, Hall 1992* — Wilson D., Hall R. The Scandinavians in Britain and Ireland // From Viking to Crusader. Scandinavia and Europe 800–1200 / Eds. E. Roesdahl and D. M. Wilson. Uddevalla. 1992.

Swords and Some Issues of the Chronology of the Viking Age

F. Androshchuk

This article deals with the problem of the dates of the Viking Age swords and their relationship with the established chronological framework of that period. The main principles of dating are based on finds associated with coins, ornamentation of the swords where the chronology of the respective styles is known, as well as on depictions of weaponry in manuscript illuminations dated from c 800–1000 AD. The periodization scheme for swords corresponds to that elaborated for jewellery and includes: the *early, middle and late Birka periods* and the *post-Birka period*. The chronological distribution of various types of swords throughout the «Birka period» correlates respectively with the *Early*, *Middle* and *Late* Viking Age.

Бегунов Ю. К.

Неизвестная лицевая Ладожская летопись

В рукописном сочинении 1819 г. «Опыт древней и новой летописи Валаамского монастыря», принадлежащем перу известного петербургского библиофила и археографа Александра Ивановича Сулакадзева, сохранились сведения о любопытной рукописи: «Летопись в лицах от 1117 до 1251 г. г<осподина> Черпова (очевидно, владелец рукописи — *Ю.Б.*), писана уставом, начинается от построения Старой Ладоги Павлом посадником, раскрашена в большой лист, и картин около 2000, на бумаге писана передкая рукопись, наход<ящаяся>в С.-Петербурге до 1816 г.» (Сулакадзев 1819: 27/12). Других сведений о «Летописи в лицах…» в рукописи Сулакадзева не имеется.

Весьма любопытен справочный аппарат рукописи Сулакадзева, которая представляет собой подробное историческое описание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря на Ладожском озере. По преданию, монастырь был в I в. н.э местом посещения св. Апостола Андрея, который поселил на острове нескольких своих учеников, поставил каменный крест и оставил по себе добрую славу христианского проповедника. Когда возникла Валаамская обитель точно не известно[1], однако, несомненно, что в XII в. монастырь уже существовал — в нем в 1163 г. были найдены и перенесены в Новгород мощи святых подвижников Сергия и Германа. В 1182 г. мощи эти были возвращены на Валаам, где затем долго хранились. Обо всем этом повествуется в рукописи А. И. Сулакадзева.

Характерная особенность рукописи А. И. Сулакадзева — это многократное цитирование печатных и рукописных источников о Валаамском монастыре X–XVIII вв., о которых в настоящее время не имеется никаких сведений, а само их местонахождение неизвестно. Среди последних назовем «Отповедь» этого монастыря на пергамене и с руническими текстами, «Ответы жрецов словенских», «Свиток Боянов», «Вселетник» митрополита Иллариона 1051 г. на пергамене, «Киевскую историю» князя Михаила Пронского, Новгородские, Ладожскую, Коневскую и иные летописи, летописную книгу Михаила Глинского, Киево-Печерский патерик на пергамене (в списке 1317 г.), жития св. Авраамия Ростовского и св. Александра Свирского, патерики, «Историческое описание

[1] Существует мнение, что монастырь возник в XIV в. (Охотина-Линд 1996). Высказывалось также мнение, что монастырь возник в XII в. или еще раньше (Киркинен 2004: 28–53; Азбелев 2004: 54–80; 2008: 99–105).

Валаамского монастыря» иеромонаха Мисаила, грамоты и документы.

Повествование в интересующем нас Летописце начинается с ладожского посадника Павла. Его упоминает Новгородская Первая летопись под 1117 г.: «Том же лѣтѣ Павьлъ, посадникъ ладожьскыи, заложи Ладогу городъ камянъ» (НПЛ: 20). В другой пергаменной книге «Приточъ» имеется приписка уставом XII в., которую в своем переводе воспроизводит А. И. Сулакадзев: «Господь, заступи раба своего Павла, нашего посадника Ладожска, и мене грехов деля Жирослава о пособѣ докончати Ладозю упервые каменнюю, и воздвигнути церковь Богородици, и почуй свыку и нужду, иже на Кїевъ и Переяславль удѣлати у церкви по всемъ печи, иже пещіе зовутся, но яко на древлемъ острове Валаамѣ в монастыръ чудотворець нашїхъ Сергѣя и Германа, и яко на Ярославли дворъ в увѣрсѣ идут подъ полъ, а иже банюю и с веліимъ каменїемъ, и тепелъ банюю, якоже на Варяжскіе игумінъ Антоній устрой по печерному, и се азъ дарова Гридинъ Павлу на память» (Сулакадзев 1819: 17/37). Речь идет, таким образом, о целом комплексе печных строений, которые соорудил Гридин Жирослав для посадника Павла. Так, как о посаднике Павле мало что известно, эти сведения, несомненно, представляют интерес. Речь идет о постройки печей при церквах и в монастырях Киева, Новгорода, Ладоги и Валаама.

Вернемся к Ладожской «Летописи в лицах». Она, вероятно, создавалась на бумаге в XV или в XVI в. по типу рукописи Московского Лицевого летописного свода XVI в., в котором краткие летописные тексты перемежались картинками, то есть — миниатюрами (МЛЛС; Арциховский 1944). Что касается ее содержания, то это был, вероятно, Ладожский или Новгородский летописец, излагавший историю Новгородской земли с 1117 по 1251 г. Это период церковного правления новгородских архиепископов Нифонта, Митрофана, Аркадия, Мартирия, Антония, Иоанна, Гавриила и Спиридона, когдап в Новгороде княжили Всеволод Мстиславич и его преемники, в том числе — Мстислав Мстиславич Удалой, Ярослав Всеволодич и Александр Невский.

Ладожский летописный сборник был доведен до 1251 г., когда скончался архиепископ Спиридон, и после его кончины в Новгород приехали митрополит Кирилл III и ростовский епископ Кирилл, чтобы помочь избрать нового новгородского архиепископа Далмата, что и было совершено в 1251 г. Далее «Летопись в лицах» не продолжалась. Вероятно, летописцу потребовалось время для того, чтобы привести в порядок свой летописный свод и наладить работу книжника-миниатюриста для создания миниатюр для этой летописи. Их было довольно много, что наводит на мысль о том, не было ли специально для этой летописи написано священно-историческое предисловие, которое могло бы включать миниатюры на темы Ветхого и Нового заветов, а также начальной истории Руси. Но это только гипотеза, которая ничем не может быть подтверждена.

Итак, лицевой Ладожской летописи нет, но она была. Смогут ли в будущем археографы найти утраченную Ладожскую летопись, неизвестно. Во всяком случае, в России и за ее пределами хранятся многие государственные и частные коллекции древнерусских рукопис-

ных книг, которые еще надо разобрать и научно описать, а сами памятники литературы и культуры Древней Руси ввести в научный оборот, то есть — издать и изучить. Вспомним, что, по данным картотеки академика Н. К. Никольского, известно не менее 5600 летописей, а одних только гимнографических сочинений, не считая памятников ораторской прозы, числится в ней более 10000. Поэтому можно сказать, что подлинное научное освоение и изучение древнерусской литературы еще только едва-едва начинается, и рано подводить итоги этого изучения в толстых, но непродуманных учебниках.

Литература:

1. *Арциховский 1944* — Арциховский А. В. Древнерусская миниатюра как исторический источник. М. 1944.

2. *Азбелев 2004* — Азбелев С. Н. 2004. К вопросу о возникновении Валаамского монастыря // Валаамский монастырь. Духовные традиции. История. Культура. СПб. 2004.

3. *Азбелев 2008* — Азбелев С. Н. 2008. Напрасная попытка уберечь от критики анонимное Сказание о Валаамском монастыре (по поводу статьи А. Г. Боброва) // Русская литература, 2008, № 4.

4. *Киркинен 2004* — Киркинен Х. 2004. Основание Валаамского монастыря // Валаамский монастырь. Духовные традиции. История. Культура. СПб. 2004.

5. *МЛЛС* — Московский Лицевой летописный свод XVI в. Фототипическое издание. Т. 1–6. М. 2008.

6. *НПЛ* — Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. М.; Л., 1950

7. *Охотина-Линд 1996* — Охотина-Линд Н. А. Сказание о Валаамском монастыре: Исследование,текст,перевод с древнерусского, комментарии. СПб. 1996.

8. *Сулакадзев 1819* — Сулакадзев А. И. Опыт древней и новой летописи Валаамского монастыря. Рукопись. 1819. / Библиотека и архив Валаамского монастыря, инв.№ 8122.

Unknown Ladoga Chronicle «in Persons»

Yu. K. Begunov

This paper considers Alexander I. Sulakadzev's evidence on the existence of a Ladoga «Chronicle in Persons» of 1117–1251 in the collection of Saint Petersburg bibliophile Cherpov. This information is found in a manuscript work by Sulakadzev «Essay on the Ancient and Recent Chronicles of the Valaam Monastery» (*Opyt drevney i novoy letopisi Valaamskogo monastyrya*. 1819).

А. М. Белавин, Н. Б. Крыласова

Рукояти шильев в угорских древностях

В угорских древностях Урала выделяется группа предметов из кости и рога характерной подтреугольной Т-образной формы (рис. 1). Размеры предметов колеблются в диапазоне от 3,5×5 до 8×10 см. Верхняя часть как правило имеет два сквозных отверстия по краям, в нижней части Т-образной формы как правило имеется втулка внешним диаметром 1,5–2 см и внутренним — 0,4–0,7 см. Глубина втулки от нескольких миллиметров до 2–3 см. Срез верхней части обычно уплощен. Часть предметов орнаментирована и имеет хорошую полировку, многие предметы несут на боковых и/или верхних гранях тамгообразные знаки, втулка также может иметь художественное орнаментальное оформление. О назначении описываемых предметов, кроме их относительно небольших размеров, свидетельствует наличие сохранившихся экземпляров с железными стрежнями округлого или прямоугольного сечения диаметром 0,3–0,5 см длиной 7–9 см с заостренным рабочим концом. Эти стержни представляют собой шилья, а сами предметы, таким образом, являются их рукоятями.

Зачастую шилья, носившиеся на поясе, помещались в специальные футляры. Роговые футляры (рис. 1, *27–28*) с конусовидной емкостью внутри для помещения шила найдены на Вакинском селище (Спицин 1902: табл. XXI/16) и городище Анюшкар[1]. По бокам футляра в его верхней части имеются два выступа со сквозными отверстиями. Такие же отверстия просверливались в рукоятях шильев. При помощи кожаных шнурков, продеваемых в отверстия, футляр и рукоять скреплялись вместе и подвешивались к поясу (рис. 1, *29*). Рабочую часть шила извлекали, сдвигая рукоять вверх по шнурам. Подобная конструкция может считаться характерной для Пермского Предуралья. Она применялась в туалетных коробочках — «самоварчиках», в бронзовых игольниках с крышками. Сами футляры для шильев, вероятно, чаще всего изготавливались из дерева, поскольку роговых футляров встречено пока только два. Однако о широком распространении футляров подобной конструкции свидетельствует массовость находок роговых рукоятей с отверстиями для продергивания шнурков. Кроме роговых, встречено два экземпляра бронзовых рукоятей подобной формы. Судя по сохранившим-

[1] Раскопки В. А. Оборина. Хранится в Пермском краевом музее.

ся следам древесины на отдельных экземплярах шильев, существовали также деревянные рукояти.

Все рукояти шильев имеют Т-образную форму. Отверстия просверливались в выступах по краям рукояти. Наличие значительного количества рукоятей и их заготовок позволяет провести классификацию данной группы изделий.

Тип 1 (рис. 1, *1–14*) — форма рукояти близка к треугольнику, лишь отдельные экземпляры имеют Т-образные очертания, спинка прямая, длина спинки почти равна высоте рукояти (6–7 см).

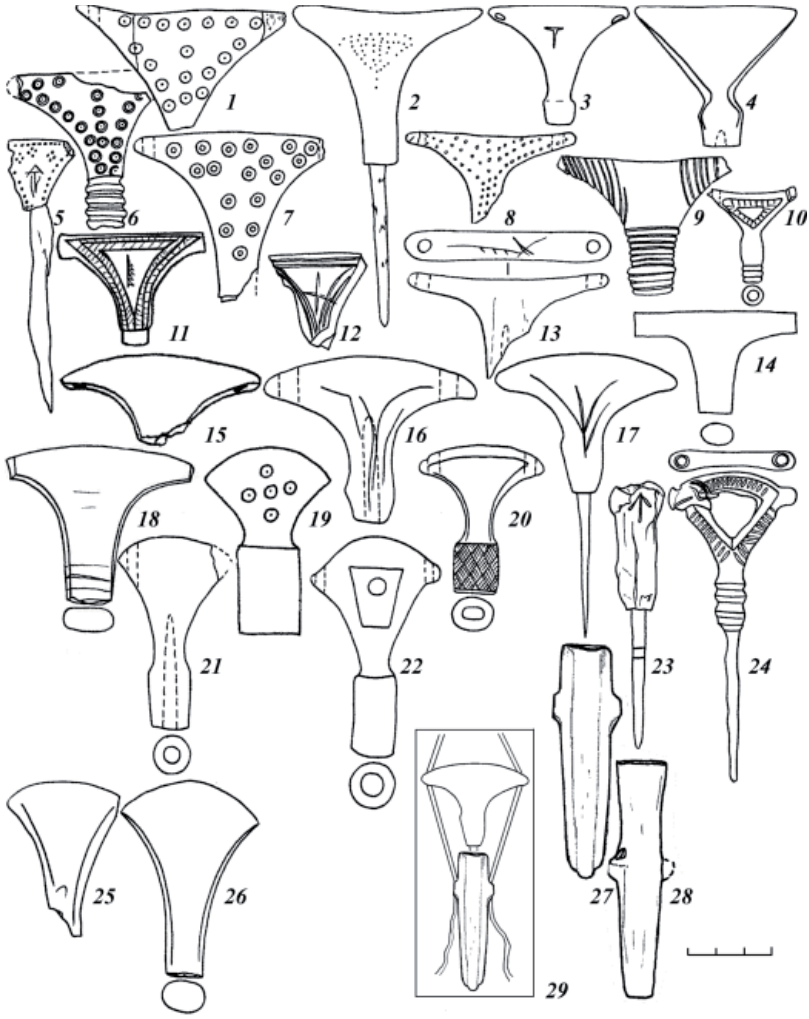


Рис. 1. Рукояти и футляры шильев:

1 — п. 19, *2* — п. 5 Плесинского могильника; *3–4, 9, 14, 16–17, 19, 21–22, 25, 28* — Анюшкар; *5, 23* — Шудьякар; *6* — Лаврятское городище; *7–8, 12–13, 18, 26* — Рождественское городище; *10* — д.Загарье; *15* — Роданово городище; *20* — Кудымкарское селище; *24* — Пермская губерния; *27* — Вакинское селище; *29* — схема соединения рукояти и футляра шила. Бронза — 10, 24; остальные — кость, рог

Подтип 1.1 — роговые. Встречены в погр. № 5 и 19 Плесинского могильника[1], городищах Родановом (Талицкий 1951: рис. 28), Лаврятском[2], Рождественском[3], Анюшкар[4], Шудьякар (Голдина, Кананин 1989: рис. 77, *2, 10*).

Подтип 1.2 — бронзовая с треугольным отверстием в центре. Найдена в д. Загарье[5] (Спицин 1902: табл. XX, *14*).

Характерной особенностью изделий данного типа можно считать наличие на большинстве предметов орнаментации. Преобладает точечный и циркульный орнамент. У одного экземпляра выступы рукояти покрыты резными линиями. Еще у одной роговой рукояти, а также у бронзовой рукояти по контуру располагается орнаментальная полоса, покрытая насечками. На ряде изделий имеется тамга. К особенностям данного типа можно также отнести частое оформление втулки горизонтальными рельефными поясками.

Циркульный орнамент расположен треугольником, повторяющим форму рукояти, по центральной оси рисунок пересекает перпендикуляр так же из циркульного орнамента (рис. 1, *1, 6, 7*). Точеный орнамент также сгруппирован в виде треугольника. На рукояти из Плесинского могильника (рис. 1, *2*) точечным орнаментом изображено шило с треугольной рукоятью. Именно на рукоятях первого типа встречно большинство тамгообразных знаков. Интересно, что на рукояти из Анюшкара (рис. 1, *3*) изображен знак также в виде шила с рукоятью. Вероятно, шилья в футлярах были достаточно ценным предметом: их берегли и метили тамгой.

Треугольник — один из наиболее мощных и универсальных символов. Перевернутый треугольник — возможно, более древний знак, женский и лунный символ, представляющий Великую Мать, воду, плодовитость, дождь, божественную милость. Символизм женского лобкового треугольника иногда обозначен более непосредственно — путем добавления короткой внутренней линии, проведенной от вершины. В нашем случае, вероятно, мы имеем дело как раз с изображением женского символа. В сочетании с фаллическим символическим значением самого шила этот знак понимается особенно выразительно.

Бронзовая рукоять первого типа из д.Загарье (вероятно происходящая их разрушенного погребения одноименного могильника) повторяет облик роговых рукоятей, при этом она так же украшена изображением треугольника острием вниз, переданного рубчатым орнаментом (рис. 1, *10*).

Судя по тому, что две рукояти происходят из погребений Плесинского могильника, датированных X в., а большинство остальных встречены в нижних слоях городищ, этот тип можно считать наиболее ранним.

Тип 2 (рис. 1, *15–18*) — по пропорциям рукояти данного типа близки к

---

[1] Раскопки В. А. Оборина. Хранится в Пермском краевом музее.

[2] Раскопки А. М. Белавина. Хранится в музее археологии и этнографии Пермского Предуралья (Пермский государственный педагогический университет).

[3] Раскопки А. М. Белавина. Хранится в музее археологии и этнографии Пермского Предуралья (Пермский государственный педагогический университет), инв. № 6/1116; РГ91–2/135; РГ93/396.

[4] Раскопки Г. Т. Ленц (хранится в музее археологии и этнографии Пермского Предуралья, инв. № 21/1026, 21/1119) и В. А. Оборина (хранится в Пермском краевом музее).

[5] Коллекция Теплоуховых (Пермский краевой музей), инв. № 19187/383.

рукоятям типа 1, но их отличает дугообразная спинка и более выраженная Т-образная форма. Орнаментация отсутствует, лишь на отдельных экземплярах прочерчена тамга. Встречены на Рождественском городище[1], городище Анюшкар[2] (Финно-угры и балты 1989: табл. LXV, *24*), Родановом городище[3]. Данный тип является переходным, его вероятная датировка — XI–XII вв.

Тип 3 (рис. 1, *19–26*) — рукояти вытянутой подтреугольной формы с дугообразной спинкой, длина спинки в 1,5–2 раза короче высоты рукояти.

Подтип 3.1 — роговые. Происходят с Рождественского городища[4], Анюшкара[5], Кудымкарского селища[6]. Рукояти преимущественно не орнаментированы. Лишь на одном экземпляре нанесен циркульный орнамент, у рукояти с Кудымкарского селища втулка покрыта тщательно выполненным решетчатым орнаментом.

Подтип 3.2 — бронзовая[7]. В центре — треугольное отверстие. Рукоять обрамлена бордюром с насечками, на втулке – горизонтальные пояски, на одном конце рукояти — стилизованное изображение птичьей головы. Общий облик изделия сближает его с бронзовыми изделиями Приобья.

Рукояти данного типа, судя по тому, что они встречены в верхних слоях городищ, могут быть датированы XII–XIV вв. К примеру, Г. Т. Ленц отмечает, что из 15 рукоятей шильев, встреченных на городище Анюшкар, 80 % происходят из слоев XII–XIV вв. (Ленц 2002: 227).

Подобные рукояти были распространены преимущественно у финно-угров (Смирнов 1952: табл. XVI, *10*; Халиков, Безухова 1960: рис. 36, *4*; Архипов 1973: рис. 63, *3, 5*; Савельева, Королев 1990: рис. 10, *4*; Семенов 1982: рис. 8, *12*; Иванова 1982: рис. 7, *7*; 1998: 162, рис. 66, *1–4, 6–7, 14*), известны также в Биляре (Культура Биляра 1985: табл. XXXII, *1–3*), Белоозере, Новгороде, в слоях славянского периода в Саркеле-Белой Веже (Голубева 1973: 126–128, рис. 45, *1, 3, 5*; Сорокин 1959: 162, рис. 14, *11*; Флерова 1996: 199, рис. 329, *1*), в Норвегии и Дании (Голубева 1973: 128).

Рукояти шильев второго и третьего типов обладают более стандартизированным видом, нежели рукояти первого типа. Возможно это результата массового ремесленного производства таких рукоятей или футляров. Особый интерес представляют рукояти второго и третьего типа, найденные в Белоозере (Захаров 2004: рис. 240). Из четырех находок две украшены резьбой, подражающей скандинавской орнаментике и кружковым орнаментом. Вероятно эти находки свидетельство восприятия данного типа предмета местным мастером, знакомым со скандинавскими художественными приемами.

Шило, как универсальное орудие труда, пользовалось большой попу-

---

[1] Заготовка. Раскопки Ю. А. Полякова. Хранится в музее археологии и этнографии Пермского Предуралья (Пермский государственный педагогический университет), инв. № 1308/860.

[2] Раскопки В. А. Оборина. Хранится в Пермском краевом музее, инв. № 19499/10.

[3] Раскопки М. В. Талицкого. Хранится в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург).

[4] Раскопки Ю. А. Полякова. Хранится в музее археологии и этнографии Пермского Предуралья (Пермский государственный педагогический университет), инв. № 1308/790.

[5] Раскопки В. А. Оборина. Хранится в Пермском краевом музее, инв. № 19499/111, 519.

[6] Коллекция Теплоуховых (Пермский краевой музей), инв. № 11376/223.

[7] Происходит из Пермской губернии. Хранится в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург).

лярностью. Возможно, причиной этой популярности было удобство их использования в условиях охоты и военного похода (Седых, Макарова 2001: 98). Несмотря на широкое распространение данного вида изделий, исследователи связывают истоки роговых рукоятей шильев Т-образной формы с территорией Прикамья. Эта точка зрения является вполне обоснованной, учитывая, что в Пермском Предуралье имеются свидетельства наиболее раннего использования подобных предметов. Об этом свидетельствует большое количество шильев в материалах средневековых поселений Пермского Предуралья, а также частое присутствие их среди сопровождающего инвентаря мужских погребений. При этом шильям, входившим в состав снаряжения мужского пояса, придавался характер амулетов, о чем может свидетельствовать богатая декоративная отделка их рукоятей. Во многих традиционных культурах (в том числе и в угорских), было широко распространено поверье об охранительной роли ножа, иглы, шила, топора, стрелы и других острых и просто заостренных предметов.

Литература

1. *Архипов 1973* — Архипов Б. А. Марийцы IX–X вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола. 1973.

2. *Голубева 1973* — Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М. 1973.

3. *Захаров 2004* — Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М. 2004.

4. *Иванова 1982* — Иванова М. Г. Городище Гурья-Кар // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск. 1982.

5. *Иванова 1998* — Иванова М. Г. Иднакар. Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск. 1998.

6. *Культура Биляра 1985* — Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. М. 1985.

7. *Ленц 2002* — Ленц Г. Т. Косторезное производство в Верхнем Прикамье // Очерки по археологии Пермского Предуралья. Пермь. 2002.

8. *Савельева, Королев 1990* — Савельева Э. А., Королев К. С. По следам легендарной чуди. Сыктывкар. 1990.

9. *Семенов 1982* — Семенов В. А. Маловенижское городище Пор-Кар // Средневековые памятники бассейна р.Чепцы. Ижевск. 1982.

10. *Смирнов 1952* — Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. 1952.

11. *Сорокин 1959* — Сорокин С. С. Железные изделия Саркела–Белой Вежи // МИА. № 75. 1959.

12. *Спицин 1902* — Спицин А. А. Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. № 26. СПб. 1902.

13. *Угорское наследие 1994* — Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург. 1994.

14. *Финно-угры и балты 1987* — Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. М. 1987.

15. *Флерова 1996* — Флерова В. Е. Домашние промыслы в Серкеле–Белой Веже (по материалам коллекции костяных изделий) // Культуры Евразийский степей второй половины I тыс. н. э. Самара. 1996.

16. *Халиков, Безухова 1960* — Халиков А. Х., Безухова Е. А. Материалы к древней истории Поветлужья. Горький. 1960.

Awl Hafts among Ugrian Antiquities

A. M. Belavin & N. B. Krylasova

This paper analyses awl hafts made of bone, horn or bronze and specific for the mediaeval Urals of the 10th–14th century. The awls belonged to men's costume and were worn at the belt. By means of laces the haft with the awl was tied to the case which protected the owner against chance injuring. The awls were reputed to be amulets as suggested by rich decorative treatment of their hafts. The origins of the horn awls with T-shaped hafts are linked with the Kama River region from where their earliest examples (10th century) have been reported. Due to trade and cultural connections that category of artefacts spread in the 11th–13th century throughout Volga Bulgaria among the Finno-Ugrian population of the Volga region and north-western Europe.

Беляев Л. А.

Московские «монастыри-сторожи»: к истории одного заблуждения[1]

В нашем сознании облик монастыря неразрывно слит с обликом крепости: стены с зубцами и бойницами; глухие и воротные башни; колокольни, напоминающие донжоны — все рождает мысли о войнах, осадах и штурмах.

Однако не все, что похоже на крепость, непременно ею является. Абсолютное большинство среди нескольких сотен построенных в XVI–XVII вв. (тем более — позже) монастырей не рассчитаны на оборону и не выдержат ни профессионально организованного штурма, ни правильной осады. Их стены — это, прежде всего, символические ограды, призванные выделить, замкнуть, наглядно и зримо оградить от окружающей мирской жизни священный участок, на котором строится подобие Небесного Града, то есть царства Божия.

Почему же возникли такие формы? Историки моды утверждают, что военный костюм часто влияет на гражданский (как на мужской, так и на женский). Похожим образом военная архитектура иногда оказывает воздействие на формы гражданского, особенно церковного, зодчества. В итоге появляются промежуточные, гибридные образы и формы, в которых выражается стремление воспроизводить элементы убранства крепостей. Их отчасти диктует сходство практических функций: монастырю приходится охранять имущество, укрывать жизнь братии от лишних глаз, да и контролировать ее — недаром монастыри служили тюрьмами. Но не слабее и иная потребность — потребность выразить *идею* ограждения праведности от грехов мира и идею небесной защиты. Из соединения двух этих стремлений и возникло такое своеобразное архитектурное явление, как монастырская ограда. Известную роль играли, как при всяком крепостном строительстве, соображения престижа и демонстрация силы (ее часто достаточно обозначить, и не обязательно применять).

Внимательный наблюдатель заметит, что монастырская ограда часто декоративна, обычно она не имеет ряда признаков настоящих крепостей (рвы, выносные укрепления) и, наоборот, включает сооружения, ослабляющие угрожаемые участки: церковь, а позже колокольня, почти всегда возводимые над башней главного въезда, превращают его в «святые врата» и мешают

[1] Заготовка. Раскопки Ю. А. Полякова. Хранится в музее археологии и этнографии Пермского Предуралья (Пермский государственный педагогический университет), инв. № 1308/860.

их защищать, загромождая площадку башни.

Тем не менее, в середине XX в. в советской науке особой популярностью пользовалась идея принадлежности древнерусских монастырей к классу реальных крепостей, возводившихся чуть ли не преимущественно с целью обороны страны и/или города. В отношении монастырей Москвы исходная гипотеза сложилась еще в XIX веке; выражение *монастыри-сторожи* ввел (предположение А. Л. Баталова) москвовед начала XX в. М. Александровский. Большой предреволюционный «Сабашниковский» путеводитель по Москве так и назвал главу о монастырях: «Сторожи Москвы» (По Москве. 1917: 355–376). К ней был приложен план (рис. 1), на котором выделены два полукольца монастырей, южное (загородное) и северное (по линии стен Белого города), причем южное именовалось линией «крепостных форпостов» (По Москве. 1917: 356).

Усиленная разработка темы пришлась на 1940-е годы, что объяснимо политической ситуацией. Подчеркивание фортификационной составляющей позволяло включить монастыри в круг

Рис. 1. План Москвы с обозначением топографии монастырей (По Москве 1917: вклейка между с. 360 и 361)

исторических объектов, достойных сохранения, и обосновать необходимость их научного исследования, крайне затрудненного в условиях атеистической идеологии. Но, прежде всего, такой подход отвечал тяге народа ко всему, связанному с обороной государства в период, когда само существование России находилось под угрозой. Недаром серьезная статья, посвященная вопросам использования монастырей в качестве крепостей, принадлежавшая известному историку архитектуры М. А. Ильину, была издана в разгар войны (Ильин, 1944: 75–81).

В широкий научный оборот идея «сторожей» вошла благодаря двум книгам — «Истории планировки и застройки Москвы» П. В. Сытина (он использовал архив Александровского в ОПИ ГИМ для подготовки первого тома своей известной монографии) и вышедшей с ней в один год монографии Н. И. Фальковского «Москва в истории техники». Именно в этой работе московские монастыри (и городские, и загородные) были представлены как единая система обороны. Автор создал яркую и, по своему, логичную цельную картину. Первое кольцо Фальковский, следуя уже устоявшейся к тому времени схеме, составил из южных загородных монастырей Андроникова, Новоспасского, Симонова, Данилова, Донского и Новодевичьего, которые, по его мнению, возникли «в качестве укрепленных стенами, башнями и вооруженных фортов, охраняющих основные дороги». Эта линия обороны должна была защищать город с юга и юго-востока: Новодевичий, прикрытый изгибом реки Москвы, как бы наблюдал за пространством на противоположном берегу, где не было укреплений; подступы к Замоскворечью защищали Донской и Данилов, расположенные в самом изгибе москворецкой луки; Симонов прикрывал Замоскворечье и служил форпостом для юго-восточной линии обороны, составленной из Новоспасского, Покровского и Андроникова.

Монастыри Скородома, Белого города и Китая в «системе Фальковского» также виделись опорными пунктами. Укрепления Белого города «дополняли твердыни монастырей Сретенского, Рождественского, Высокопетровского, Страстного… они защищали основные дороги с севера», а Зачатьевский монастырь — с юга. Китай-город прикрывали с востока Ивановский и Златоустовский, а западнее — Георгиевский, Никитский и Алексеевский (в Чертолье) монастыри. (Фальковский, 1950: С.41). Внутри Китай-города магистрали Варварской и Никольской улиц защищали Знаменский, Николо-Греческий и Богоявленский монастыри.

В путеводителе 1917 г. обители южного полукольца тоже описаны как крепостные, но в отношении северных Фальковский сделал рискованный шаг — его предшественники здраво полагали, что, хотя «расположение этих монастырей близ стен Белого города могло бы указывать на военную их роль, на самом деле они такой роли не играли», а их место у ворот связано с функцией приема паломников (По Москве, 1917: 357).

В послевоенный период продуманную систему обороны города с опорой на монастыри часть историков градостроительства восприняла как что-то давно доказанное или само собой разумеющееся. В результате возникали

все более изощренные схемы их размещения вокруг Москвы, увязанные с развитием четырехчастной системы крепостных стен XVI в. (Мокеев, 1982: 5–12; Древнерусское градостроительство 1993: 334–344). Почти без изменений (но и без ссылки на Н. И. Фальковского и П. В. Сытина) модель «монастырской обороны» Москвы повторил М. П. Кудрявцев (Кудрявцев, 1982: 13–23), добавив, впрочем, к реконструкции Фальковского те монастыри, которым тот все же не решился присвоить оборонительного значения: в южной линии загородных монастырей-сторож появился Андреевский, в западной — Саввин и Новинский (Кудрявцев, 1982: 21). Дополнительно он выделил так называемую линию последней обороны, в которую объединил «семь укрепленных монастырей», некоторые из которых Фальковским названы (Гергиевский, Никитский, Алексеевский, Златоустовский, Ивановский), а другие (Крестовоздвиженский, Варсонофьевский) взяты вновь (Кудрявцев, 1982: 21; 1994: 77–82, 98–117).

Ни дореволюционные историки; ни среднее поколение, работавшее в годы войны; ни их эпигоны 1970–1980-х гг. не были первыми. Уже путешественники — иностранцы XVI–XVII вв. обратили внимание на внешнее сходство крупных монастырей с городами: Троице-Сергиева лавра, Кириллов Белозерский монастырь и др. были похожи на сказочные города. Генрих Штаден (Штаден 2002: 30) писал (явно ошибаясь), что «в… стране нет ни одного укрепленного города… города и остроги выстроены из бревен, закиданных затем землей», в то время как «у монастырей большей частью — во всяком случае у богатейших — имеются каменные стены.».

Через столетие Григорий Котошихин указывал на использование некоторых монастырей как царских крепостей: «Так же в болших каменных монастырех для осадного времени пушки и пушечные всякие запасы, и всякое осадное оружие царское, и в ынных монастырех для оберегания городов от воинских людей устроены стрельцы и пушкари; а где стрелцов нет, и в тех монастырех устроены слободами, торговые люди и крестьяне», но отделял их от городов, которых насчитывал более 20; «А будет в Московском государстве построенных каменных городов, кроме монастырей, с 20 городов или мало болши, а досталные все деланы деревяные на земляных валах и просто на земле; и для войны насыпают те городы песком и каменьем, а для крепости тех городов копаны кругом глубокие рвы и бит деревянной чеснок, а в ыных рвах пущена кругом вода» (Котошихин 2000: 153).

Разумеется, были хорошо известны немногие, но яркие случаи успешной обороны монастырей. В силу этого считалось возможным рассматривать монастырь как аналог городу или его цитадели, кремлю, и видеть за этим внешнем подобием важные военные задачи обителей.

В то же время, ни одной специальной работы по истории монастырских оград крепостного типа до сих пор не появилось. Затронув впервые этот вопрос почти 10 лет назад (Беляев, 1994: 207–210; 1995), считаю нужным вернуться к нему сейчас. В научной литературе скопилось много наблюдений, в том числе археологических; предварительный анализ письменных источни-

ков произведен А. Л. Баталовым[1]. Пора собрать все это вместе для лучшего понимания проблемы.

В схемах «монастырей-сторожей Москвы» бросаются в глаза нарушения исследовательской процедуры. Так, в одну систему включают обители разного времени, от основанных в XIV–XV вв. Богоявленского, Данилова, Высокопетровского и Зачатьевского (Алексеевского) до возникших, как достоверно известно по письменным источникам, только в конце XVII века (Покровский, Андреевский). Авторы схем как будто предполагают, что на протяжении нескольких столетий существовала если не раз навсегда продуманная схема размещения монастырей, своего рода стратегический план обороны — то, по меньшей мере, развивающаяся идея необходимости использования вытянутых в определенную линию монастырей для нужд обороны Москвы. Затем, никто из писавших о «монастырях-сторожах», видимо, не изучал, насколько они были оснащены для выполнения оборонных функций в определенное время. Все дружно указывали на наличие каменных стен и башен, но не пытались установить, какие именно монастыри и когда получили каменные ограды, какого типа были эти ограды и как они использовались. Наконец, не анализировали сведения источников об участии монастырей в боевых действиях; их если и учитывали, то поверхностно, на уровне перечисления таких упоминаний.

Разбор проблемы военного использования монастырей начнем с разделения ее на две темы. Первая — архитектурная приспособленность того или иного отдельного монастыря для самообороны. Вторая — возможность включенности его (или их всех) в общую систему стратегической защиты государства, области или города, а также осознание этой возможности современниками, «проектности» этой системы. В первом случае необходимо рассмотреть свойства монастырских укреплений, их действительную обороноспособность. Во втором — общую историю города, место монастырей в системе его защиты. Нас будет больше интересовать вторая тема, но ее невозможно решить, не затронув первую, с которой и начнем.

Для XI–XIII вв. было типично ограждение монастыря легкими конструкциями. Ограды даже крупнейших монастырей, таких как Киево-Печерский, нельзя сравнить с городскими стенами: изначально его «оградиша столпием», позже — каменной стеной, но обе стояли на ровном месте и без рва (см.: Раппопорт 1956: 84–227). Каменные ворота Лавры, сохранившиеся до наших дней, также как недавно изученные Г. Ю. Ивакиным ворота Михайловского Златоверхого монастыря, не отвечают требованиям обороны — это типичные Святые врата, то есть храм на «постаменте» проездной башни.

Вообще до XVI в. (иногда и позднее) ограда оставалась важным, но не обязательным элементом монастыря. Письменные источники показывают иногда ее отсутствие, чаще — деревянный частокол и, в единичных случаях, каменные ограды или врата. В подавляющем большинстве случаев ограды лишены двух главных признаков военной функ-

[1] Выражаю глубокую признательность А. Л. Баталову за возможность познакомиться с его неопубликованными текстами.

ции: до сих пор не обнаружено монастыря XI–XV вв. с валами и рвами, позже они есть в единичных случаях.

Особенно важная черта крепости — ее ров. Если развитие артиллерии рано потребовало ставить стены крепостей не по валам, а на ровной поверхности, на мощном фундаменте, то значение рва сохранилось и даже возросло. В XVI–XVII вв. его глубина и ширина станут одним из главных условий успешной обороны, что признают все европейские трактаты по фортификации. Согласно наблюдениям К. С. Носова (Носов 2009)[1], в русских источниках XVI–XVII вв. рвы упоминают часто, причем их ширина и глубина даже при небольших острогах значительна, до 4,3×2,2–2,9 м (Отписка Адриана Резанова: 68; Отписка воевод: 90). Для крупных крепостей называют цифры еще больше — до 10 м глубины (Описание 1626: 8–8об) и 20 м ширины (Кузьмина, Филиппова 1997: 45, 77).

Монастыри, стоявшие внутри городов, прежде всего Москвы, просто не могли иметь таких рвов. Но и в загородных монастырях мы их пока не наблюдаем, за немногими исключениями (Троице-Сергиев монастырь).

Каменных оград до конца XVI в. не возникло, видимо, и десятка. Массовое строительство их пришлось на конец XVII в. (когда возможность военного использования монастырских оград уже миновала). Многочисленные монастыри середины — второй половины XVII в. похожи на крепости, прежде всего, потому, что при широкой замене деревянных стен каменными они обрели черты крепостей, построенных под влиянием североитальянской фортификации в конце XV — первой трети XVI вв. Эти черты прочно укоренились в русском зодчестве и воспроизводились в течение всего XVII в., а в монастырских оградах — и гораздо позже. Во второй половине XVII в. крепости и ограды монастырей стали белить (причем подряд — каменные, кирпичные, деревянные), сделав их внешнее сходство еще разительнее.

Интересно, что в каменных оградах XVII и, насколько они нам известны, XVI в. элементы часто подбирали по декоративно-символическому принципу. Так, в них долго воспроизводят машикули (сравнительно немногочисленные в собственно-крепостном строительстве); предпочитают круглые, неудобные для стрельбы бойницы; возводят декоративные надстройки над башнями, при обстреле крепости явно опасные для самих обороняющихся, и т. п.

Правда, многие особенности, заставляющие нас сомневаться в боевых качествах монастырских оград, присущи не только им, но всей фортификации Московского периода. После улучшений, введенных в русско-итальянский период, практика русского крепостного строительства все более расходилась с европейской теорией. В частности, она не последовала за тенденцией к изменению отношения высоты и толщины стены в пользу последней. Стены большинства московских крепостей по-прежнему тянулись ввысь, теряя в толщине. Это придавало им грозный вид, но ослабляло способность сопротивляться огню осадной артиллерии и вести активный ответный огонь. С. С. Подъяпольский отметил это уже по отношению к излишне высоким сте-

[1] Благодарю К. С. Носова за возможность ознакомиться с текстом диссертации.

нам Московского Кремля, предположив здесь определенную связь с потребностью отражать набеги, при которых важно не дать многочисленным врагам перелезть стену и уменьшить эффект их стрельбы из луков, в то время как сопротивление пушечному огню — второстепенная задача.

Все же в сфере монастырского строительства есть несколько удивительно ярких примеров, указывающих на особую озабоченность церковных властей внешней репрезентативностью монастыря. На стремление не столько защитить его от пушек, сколько изолировать от греховного внешнего мира, замкнуть оградой, которая укроет внутреннюю жизнь обители, демонстрируя в то же время ее «крепостную» мощь и архитектурную привлекательность. Ни для того, ни для другого настоящие боевые крепости европейского образца не годились, ведь XVII век — это эпоха господства бастионной фортификации. Поэтому в тех случаях, когда выбор идет между каменной оградой и земляными бастионами, возникает своего рода конфликт, и церковные власти отдают предпочтение устаревшей, в сущности, уже «декоративной» системе.

Так, в 1653 г. монахи Кирилло-Белозерского монастыря обратились к царю Алексею Михайловичу с просьбой не строить при монастыре систему земляных бастионов (часть их уже была построена французским мастером Жаном де Гроном/А. Грановским), а возвести каменные стены и башни. В 1654–1680 гг. привычные нам высокие, эффектные башни и были поставлены (Кирпичников, Хлопин 1972: 120–124). Не менее интересен случай Ростова Великого, где прекрасную земляную крепость с девятью бастионами построил еще в 1631–1633 гг. голландский инженер Ян Корнелиус Роденбург, но в 70–80-е гг. XVII в. митрополит Иона Сысоевич амбициозно «вписал» в ее центр громаду Архиерейского дома с ярко выраженными приметами «настоящей» крепости (т.н. Ростовский кремль). На основе этих и других попыток заменять бастионы каменными стенами (например, вернув в 1654 г. Смоленск, воеводы предлагали срыть построенный поляками Королевский бастион и построить вместо него каменную стену; см.: Кирпичников 1979: 498, примеч. 152). Несомненно, в России образ крепости прочно связался со средневековыми башнями и стенами. Именно этот образ и воспроизведен в монастырских оградах, символах Небесного Града.

О том же говорят и Святые врата, иногда каменные даже при деревянной стене. В. П. Выголов обоснованно показал, что это характерный признак именно монастырской, по сути, «некрепостной» стены (Выголов 1994: 3–36). Стоящая на них церковь обычно занимает большую часть площадки, делая башню ворот гораздо менее пригодной (или совсем непригодной) для эффективной обороны, особенно для размещения артиллерии. Эти башни обычно имеют и самый простой из возможных (прямой) проход в ограду. В тех единичных случаях, когда монастырь намеревались использовать как военную крепость, его специально укрепляли дополнительно: ставили снаружи от Святых еще одни ворота (уже боевые и без церкви); устраивали на стенах и башнях площадки для пушек и т. п.

Утверждение, что монастыри ставили в местах, укрепленных самой приро-

дой, подтверждается далеко не всегда. Оно верно, например, для монастырей на Крутицах (два Симонова монастыря, Новоспасский, Крутицкий), и, отчасти, для Новодевичьего, но для других монастырей это отнюдь не так: Данилов поставлен на луговой стороне, почти в пойме; похожим образом размещен Алексеевский Зачатьевский; на ровном поле построен Донской, и т. д.

Приведенные соображения показывают, что вплоть до середины XVI в. монастыри не воспринимали как опорные пункты при обороне городов, способные самостоятельно противостать врагу, и как серьезные крепости их не готовили. О них думали настолько мало, что московское правительство в период массированной перестройки старых и возведения новых крепостей итальянскими инженерам в 1480-х — 1530-х годах не сочло нужным, не пожелало (иначе это назвать нельзя) заказать им сооружение или модернизацию хотя бы одной монастырской ограды как в Москве так и вне ее. И это при том, что в начале XVI в. ими были возведены десятки кремлей и крепостей новой планировки из кирпича или дерева с земляной засыпкой.

Перейдем теперь к рассмотрению, так сказать, стратегических доводов. Действительно ли монастыри расставлены вокруг Москвы сознательно, для системного усиления обороны и образования из них линий форпостов? Аргументы в пользу этого обычно сводят к размещению обителей на стратегически важных направлениях и к наличию у других городов укрепленных «монастырей-спутников» (Пафнутьев Боровский у Калуги, Саввино-Сторожевский у Звенигорода, Голутвенский и Бобренев у Коломны, Лужецкий у Можайска, Владычный у Серпухова).

Однако летописи не отражают никаких военных мотивов основания монастырей или их размещения с целью использовать в оборонительной системе. Понятно, что письменные источники и не показывают подобных действий вокруг города в XIV–XV вв. Напротив, при приближении врага защитники уничтожают монастыри. Расположение вокруг города маленьких, но хорошо укрепленных пунктов было для него явно опасно. Известно, что в Новгороде, уже в XIV–XV вв. окруженном достаточно плотным кольцом монастырей, ввиду осады их разбирали или сжигали. Это касалось обителей на посаде и внутри застройки (ее сносили вместе с хоромами и церквями), а также отдельно стоявших, наделенных собственной системой укреплений монастырей, таких как Юрьев (Раппопорт, 1961: 203).

В Москве окрестные монастыри во время войны также были угрозой для города, а не узлами его защиты. Это проявилось в период Смуты, когда наиболее пригодные для защиты монастыри пытались использовать, пусть и не особенно успешно, и осаждающие, и обороняющиеся. Затронувший проблему монастырей как фортификационных сооружений П. А. Раппопорт (Раппопорт 1961: 202–203) точно подметил особенность расстановки ранних монастырей вне Москвы. Они возникают далеко от крепости, ниже по течению реки на юг и юго-восток, вместо того чтобы прикрыть Кремль с напольной площадки, со стороны вероятного приступа. Расположенные в 4–5 верстах пригородные монастыри не могли оказать существенной помощи

городу. Наоборот, их упорная оборона оттянула бы значительную часть сил. Поэтому превращать пригородные монастыри в крепости было ненужно и даже опасно.

Оборона древнерусского города строилась не на внешних фортах, а на защите обвода городской стены. Поэтому планы кампаний, насколько можно их представить, включают защиту монастырей в исключительно редких случаях. Классическая схема предполагает обратное: внутрь города собирают всех окрестных жителей и укрывают ценности. За городскими стенами укрывают также имущество и братию монастырей, для чего все крупные загородные монастыри располагали осадными дворами.

Отметим, что и в XVI в., при неоднократном возведении новых линий укреплений Москвы, монастыри, стоявшие вблизи них (Высоко-Петровский, Рождественский, Сретенский), не оставляли снаружи, в виде дополнительных укреплений. Ясно, что их не воспринимают как военные, стратегические объекты — монастыри не столько защищали город, сколько нуждались в его защите. Иногда их даже предпочитали внести внутрь, чтобы не приходилось постоянно уничтожать при набегах — так случилось с Алексеевским, впоследствии Зачатьевским, монастырем, переведенном с Остоженки внутрь Чертолья.

До сих пор не обращалось внимания на то, что московское летописание тщательно фиксируя события военной истории и часто описывая особенности обороны города при многочисленных боевых эпизодах конца XIV–XVII вв., почти не дает нам исторических прецедентов участия монастырей в обороне.

Как строилась оборона в конце XIV — начале XV вв. можно понять по описанию нашествий Тохтамыша (1382 г.) и Едигея (1408 г.): в обоих случаях при внезапных вестях о подходе ханских войск не успевшие собрать дружины великие князья вынужденно оставляют город, и его обороняют жители и воеводы. Для этого они собирались в Кремле, главном и единственном тогда оплоте. Именно с его стен и башен, а не из предполагаемых сторожей, москвичи подавали сигналы о приближении врага, как в 1382 г.: «И узреша их со града и въструбиша гражане; они же пришед на поле градное и сташа в поле два или три стрелища от града». При этом отстоять монастыри снаружи (например, уже существовавший Богоявленский) не пытались, но сожгли все постройки посада: «бе бо около града чисто, понеже гражане сами посады своя пожгоша и ни единаго тына или древа оставиша, блюдушеся примета ко граду» (НЛ 1879: 73). Также в 1408 г. когда «смятеся град ужасным смятением и людие начаша зело бежати, небрегуще ни о имении, ни о ином ни о чем…», князья Владимир Андреевич Храбрый и Андрей Дмитриевич «повелеша и посады града жещи. Жалостно же бе зрети, иже многолетными времены чюдныа церкви съзидани бяхут и высокыми стоянми величества града украшаху, в един час в пламы въсходяща…» (ЛС: 157). В 1671 г. мы опять видим, как народ собирается из всех слобод и монастырей в Кремль и Китай-город, о чем прямо пишет очевидец событий: «все кто жил вне [города] в окрестных слободах, — все бежали и укрылись в одном

месте: духовные из монастырей и миряне, опричники и земские. На другой день он поджег земляной город (т. е. будущий Белый город — *Л.Б.*) — целиком все предместье; в нем было также много монастырей и церквей» (Штаден, 2000: 65).

Временные полевые укрепления, подвижные или постоянные, играли огромную роль в тактике русских, их часто описывают, и естественно ожидать при этом упоминания о монастырях. Но описания обычно сообщают, как мы видим, об уничтожении, а не об обороне монастырей (подробный рассказ о похода Магмет-Гирея упоминает гибель, наряду с селами и монастырями, крупного и богатого Николо-Угрешского монастыря: «и многыя села и святыя церкви пожгошя, и честный монастырь святаго Николы, иже на Угреше, разграбиша и попалиша» (НЛ 1904: 38).

Укрепления же совсем иного рода. Описание обороны Москвы при нашествии Саип-Гирея приводит некоторые подробности подготовки к боям вне города, на посаде: по улицам, идущим через будущий Белый город, возводятся надолбы. Лицевой летописный свод иллюстрирует это миниатюрой, изображающей сооружение деревянной ограды с заостренными вертикально стоящими бревнами вокруг крепости. Но о монастырях даже не упоминается. Не пытался опереться на монастыри в битве с Девлет-Гиреем на подступах к Москве при Молодях и Михаил Воротынский: он строит временные укрепления и передвижную деревянную крепость, «гуляй-город», которая и спасла армию. Также поступали русские военачальники в 1591 г. при отражении Казы-Гирея и позднее.

Это «невнимание» к монастырям объяснимо: у московских обителей XVI в. не было каменных стен, земляных осыпей и рвов, а простых деревянных оград было недостаточно. Еще важнее, что у них не было своих людей для защиты — Разрядный приказ учитывал каждого воина и его оружие. Дробить ограниченные по численности отряды стрельцов, поместной конницы, и, главное, артиллерию, выделяя часть их для обороны монастырей, не решались — их сосредотачивали за стенами города. В разрядных книгах XVI в. и росписях по разрядам воинских людей их не расписывают в монастыри, которые и не готовят к осаде: «велел градским въеводам людей розрядити, кде кому быти и на которых вратех в градех…, а которым воеводам и детем боярскым велел быти в граде Москве, и тем велел животы возити в град, такожежде и всем градским людем всякой запас готовити в град…» (НЛ 1904: 138).

В литературе все еще можно встретить утверждения, что «слаженные действия монастырей-крепостей привели к полному разгрому врага» (сказано о Новоспасском монастыре в 1591 г., см.: Памятники архитектуры 2000: 153). На деле они просто не имели возможности включиться в боевые действия. Путаницу вносит то, что монастыри «южной линии», размещенные, используя военный термин, в предполье города, на коротком отрезке времени, с 1580-х по 1610-е гг., довольно часто упоминаются в связи с военными действиями, хотя данных о том, что их используют для обороны, гораздо меньше, чем упоминаний.

Разберем подробнее случай с Даниловым монастырем. Это древнейший,

рубежа XIII–XIV вв. монастырь Московского княжества. В XIV — первой половине XVI вв. никакой роли в обороне города он играть не мог: к концу правления Калиты монастырь захирел и был восстановлен только в 1550-х гг. После Смутного времени эта роль была ему недоступна — об укреплении сгоревшего в 1610 г. Данилова долго не заботились: опись 1627 г. называет каменный собор и новые постройки (кельи игумена, келаря и братии; хлебня; ледник и погреб; строящаяся «трапеза нова деревянна»), но стены предстают в самом жалком виде — «…около монастыря с переднюю сторону да от Москвы-реки ограда деревяна, а с двух сторон огорожено плетнем» (Материалы для истории 1884: 905). Только в 1670–1680-х гг. монастырь обнесут каменной стеной с барочными завершениями башен. Добавим, что, хотя монастырь поставлен на приречном мысу и, как мы сейчас думаем, на месте укрепления раннего железного века — для серьезной обороны он не подходит, так как стоит очень низко. На панорамах Москвы XVIII в. он показан в складке местности, и еще в XVIII в. его стены приходилось защищать от разливов. В «доношении» 1737 г. сообщается: «Оной же монастырь имеется при самой Москвы реки, от вешних полых вод берега, стены и башни весьма подмыло и лдом с фундаменту повредило, подлежит утвердить вскоре берега и стены и башни каменными и железными и протчими материалы понеже опасно дабы те стены и башни не обрушились» (Доношение: 4об). «Данилова монастыря кругом ограда в четыре стены каменная ветхая по большей части ветхостию состоит боковая стена от Москвы реки которая всегда повреждается полою водою». Тогда же со стороны реки был устроен кованый железом дубовый «обруб» с забутовкой камнем (Книги переписные: л. 92).

Зоной частого противостояния между осаждающими и обороняющими силами, своего рода «ничьей землей», местность вокруг Данилова стала только в конце XVI — начале XVII вв., примерно на 20 лет. Когда в 1591 г. крымский хан Казы-Гирей подступил к Москве и занял Котлы, русские именно здесь преградили ему дорогу: «А велел государь бояром и воеводам всеми полки ставитца по Москве реке на лугех под Коломенским и под Даниловским монастырем». Тем не менее, как «форт» использовали не сам Данилов, а устроенный вблизи него «обоз», подвижный укрепленный лагерь. Хан послал против обоза своих сыновей, но «на прямое дело не пошел и полков своих не объявил». Русские остались в лагере: «а из обозу в то время вон не выходили». Однако среди ночи возник переполох, и разбуженные пушкари открыли пальбу; их поддержала тяжелая артиллерия с московских стен. Внезапная канонада напугала крымцев, они приняли высланную русскими разведку за ночную атаку и бежали (Скрынников 1979: 63–64; Материалы по истории СССР 1955: 93; Разрядная книга 1976: 81–82).

Осенью 1606 г. между Коломенским и Даниловым устроили два военных лагеря Иван Болотников и Истома Пашков. Передовой отряд казаков «скоро подошел к Москве не расстояние одной мили от нее, стал у речки Даниловки и занял селение Загорье (Заборье), которое тотчас укрепил шанцами» (Масса 1937). Московское же войско опять «засело в обозе перед самыми городски-

ми (Серпуховскими — *Л.Б.*) воротами» Земляного города, и отбивало атаки казаков, а затем окружило и упорно штурмовало Заборье («С ворами бои были ежеденные под Даниловским» см.: Скрынников 1988: 96–157; Разрядная книга 1976: 287). Наконец, 1 декабря князь Михаил Васильевич Шуйский «поиде с ратными людьми и ста в монастыре Даниловском»; на следующий день казаки были разбиты и отступили (Смирнов 1951). Мы видим, что ни повстанцы не используют монастырь для обороны, предпочтя ему земляные шанцы, ни московские войска, укрепляющиеся «в обозе» перед воротами города. Шуйский беспрепятственно входит в монастырь, возможно, используя его как место ночлега и ставку.

В 1610 г. Даниловская местность последний раз стала местом сражения, на этот раз войск Лжедмитрия II и гетмана Жолкевского. Гетман, «подступив под город Коломенскою и Серпуховскою дорогами, зажег слободы и деревни, которые были вблизи города», в том числе монастырь.

Эти события показывают Даниловскую местность как поле, удобное для маршей, маневров и сосредоточения сил. Но, хотя Данилов трижды упомянут в связи с боевыми действиями, нельзя делать вывод о его предназначении как крепости: нет сведений о его осадах, штурмах или мощных укреплениях. Пишут только о стычках *под* Даниловым, *вблизи* него; один раз (1606 г.) остановится в нем воевода, но для обороны русские предпочтут и в 1591, и в 1606 гг. стать с артиллерией в «обозе», во временном подвижном укреплении, а их противники выроют шанцы вокруг сел. Характерно, что, описывая пожар Данилова, информаторы (бояре, выехавшие из Москвы 28 августа в лагерь польского короля Сигизмунда III под Смоленском) не выделят его из числа пострадавших сел и слобод: «Самозванец сжег под Москвою много слобод, именно: Красное село, Данилов монастырь, Кожевенную слободу…» (Дневник 1872: 661–662; Жолкевский 1871: 72).

Возьмем другой пример, одну из обителей внутри Москвы, включаемых в «северную линию» по черте Белого города — Высоко-петровский монастырь. Известно, что около него Прокопий Ляпунов построил батарею для обстрела Кремля. Предполагалось (Б. П. Дедушенко) что сразу после Смуты здесь возвели каменные стены. В 1611 г. таких стен еще не было (это известно точно): их нет на планах города, где монастырь вообще плохо выделен из окружающей застройки, их не упоминают и переписные книги середины XVII в. Эффектную каменную ограду монастырь получит только в конце столетия, когда его статус, после рождения царевича Петра (1672 г.) резко возрастет. При этом в ограду будут встроены открытые на улицу здания келий, что вряд ли уместно в крепостном сооружении. Ясно, что с момента постройки Белого города монастырь не нуждался в укреплениях, находясь внутри новой городской стены, да и не мог служить в качестве форта. Скорее на него можно было опираться при штурме города, чем и воспользовался Ляпунов (Григорий 1873: 4; Карамзин 1842: примеч. 759).

До сих пор мы говорили о древнейших монастырях города. Тем паче невозможно рассматривать в качестве

укрепленного форпоста более поздние по времени основания монастыри. Донской, например, Сытин назвал «новой сторожей» — но опись показывает в нем, кроме бесстолпного каменного храма, немногие деревянные постройки и деревянный забор. Только при полном невнимании к документам XVII в. можно было ввести в ряд «монастырей-сторож» Покровский монастырь «что на Убогих домех» (основан в 1635 г. на месте «Божьего дома», где за пределами города складывали невостребованные трупы) или Андреевский монастырь, устроенный в середине XVII в. как просветительский центр (даже в 1683 г. на аксонометрическом чертеже «земель от Колужских и Серпуховских ворот до села Воробьева» он представлен оградой, к которой примыкают кельи и Святые ворота с надвратной церковью непосредственно, но без крепостной стены — каменная ограда появится к концу XVII в., но без угловых башен и бойниц, как на гравюрах «Царствующий град Москва» и виды монастырей П. Пикарта (Памятники архитектуры 2000: 238–239).

Еще менее готовили к обороне монастыри внутри города. Авторы, писавшие о них как «последних рубежах обороны», мало представляют состояние городской обители не только в XVI, но и в XVII в. Так, даже стоявший на высоком берегу речки Рачки Ивановский монастырь в описании 1676/77 г. предстает как практически неукрепленный. Упоминаются, правда, «соборная церковь, да предел… каменные, и святыа ворота каменные ж», но «от тех святых каменных ворот забрано кругом забором деревянным наглухо». Кроме того, «подле святых ворот келья каменная игуменьи…, а старицыны кельи в ограде деревянные». Нет не только рва или вала, но и никакого пространства вокруг ограды, она тесно примыкает к владельческой застройке (Писцовая книга 7187 г., см.: Забелин 1891: 333), и пожар, охватив соседние участки, легко перекинется на монастырь (что неоднократно и бывало). Так выглядело в XVII в. большинство из включенных Фальковским и Кудрявцевым в список «сторожей» городских монастырей. Почти все они стояли среди мирских дворов, не имели перед собой плацдармов. Описи пожаров начала XVII в. даже не поминают об их согревших деревянных стенах (что обязательно записали бы, иди речь об укреплениях).

Интересно, что незаметно разницы в тактике боя *вне* и *внутри* стен такого неплотно застроенного города как Москва. При активных боях и в 1571, и в 1591, и в 1611–1612-х гг. воеводы используют все тот же знакомый прием полевой фортификации: ставят в узлах обороны остроги. Острог поставил князь Д. М. Пожарский у церкви Введения на Лубянке, и, опираясь на него, не пустил «литовцев» через Белый город и не дал им сжечь эту часть: «Там же с ними бился у Веденсково острожку и не пропустил их за каменный город» (Новый летописец: 108). Остроги ставили казаки Дмитрия Тимофеевича Трубецкого у церкви Климента папы Римского в Замоскворечье (он переходил из рук в руки) и у Арбатских ворот Белого города: «И пришед, ста у Абатских ворот и уставишася по станом подле Каменнова города подле стены, и сделаша острог и окапаша кругом рвом» (Новый летописец: 124). Наконец, острог был устроен в 1618 г. у Арбатских ворот против царе-

вича Владислава, шедшего от Можайска по Смоленской дороге.

Монастыри Москвы удивительно разнородны по происхождению. Внутри Белого города довольно много богаделенных; часты и вотчинные обители, основанные для молитвенного повиновения знатного рода рядом с их дворами в разных местах и в разное время (например, вотчинные монастыри бояр Захарьиных-Юрьевых-Романовых — Георгиевский, Никитский, Знаменский). Обители, имевшие каждая особую причину появления, не могли составлять единую продуманную систему укреплений. К тому же, все городские монастыри стоят не со стороны реальной опасности, юго-востока, а на северо-западе, севере и северо-востоке внутри Белого города у его проездных ворот (Сретенский, Рождественский, Высокопетровский), в менее опасной части Москвы.

Итак, *система* из монастырей как оборонительных форпостов Москвы оказывается выстроенной не в средневековье, а в околонаучной литературе XX в. Это не значит, что следует полностью отрицать их использование как пунктов обороны, или считать такие случаи случайными. Монастыри-крепости на Руси известны хорошо, но они единичны. Они — исключения, а не правило.

В Москве каменная (кирпичная) ограда монастыря до середины XVII в. известна в единственном случае: «Вкладная и кормовая книга Симонова монастыря» сообщает, что Владимир Григорьевич Ховрин «ограду кирпичну около монастыря сделал» (Веселовский, 1969: 445). В. П. Выголов датировал ее строительство 1450–1470-ми гг. (Выголов 1988: 170). Вряд ли стоит думать, что это крепость: московские летописцы не пропускали столь исключительных фактов, а они нигде не обмолвились о ранних каменных стенах монастыря. Так или иначе, о роли Симонова монастыря в обороне Москвы нам известно не ранее начала XVII в. После отступления князя Пожарского Москву контролировали «Литовские люди и Московские изменники», а «последние же люди Московского государства седоша в Симанове монастыре в осаде и начаша дожидатися ратных людей под Москву» (Пассек, 1843: 12). Возможно, что существовавшую ограду осажденные усилили, и что то же произошло с Новодевичьим монастырем, где укрепились «литовские люди», которых оттуда выбивали с боем.

Видимо, не случайно эти два монастыря и Новоспасский в царствование Михаила Феодоровича стали учитывать в разрядах. В 1616 г. при угрозе нашествия ногайских татар последовал указ о расстановке сил. В том числе «по монастырям для оберегания от ногайских людей быть: в Новодевичьем монастыре Стрешнев с ним 100 стрельцов и монастырских слобод люди. У Спаса Нового Давтов с ним 50 стрельцов и монастырских слобод люди. В Симоновом Сикерин с ним 50 стрельцов и монастырских слобод люди» (Разрядные книги 1853: 199–202). Аналогично в августе 1618 г. «по вестям от королевича Владислава» отряжаются «в Симонов монастырь — Никон Бутурлин да О. Каковинский с ним стрельцов 250, казаков 100, монастырских служек 7, слободских крестьян 19, пушкарей — 10, всего 391 человек; в Новодевичий — всего 353 человека» (Разрядные книги 1853: 518–519), а в сентябре того же года,

когда Владислав от Можайска уже шел к Москве, воеводы записали в Симонов монастырь Бутурлина и с ним 391 человек, а в Новодевичий — Д. Замыцкого да М. Стрешнева и 353 человека (Разрядные книги 1853: 561–575).

Те же три монастыря названы в росписи 1633 г., когда по Крымским вестям «по монастырем для оберегания от крымских людей быти» в Новодевичем — Глебов с 100 человеками стрельцов и со 128 монастырскими служками и крестьянами. В Новоспасский отправлен Баклановский и 100 человек стрельцов, а монастырских служек и крестьян 184; в Симонов — Болтин с 200-ми стрельцами, 170 служками и крестьянами. Кроме того указано, что к Патриаршим житницам под Новинским монастырем послан Нелединский и 40 человек солдат — вероятно, более для охраны самих житниц, чем для защиты монастыря (Разрядные книги 1855: 526).

Разрядные книги указывают нам монастыри, имеющие укрепления настолько серьезные, что можно надеяться отстоять их с помощью профессионального гарнизона. На роль «сторожей» могут претендовать только эти три загородных монастыря — не важно, какова была стратегическая цель: охрана самих обителей (как в случае с Патриаршими житницами) или защита всего города. Соответственно, в 1640-е гг. два из них получат новые крепостные стены с мощными угловыми башнями: «созданы быша в честных обителех Московских у Спаса на Новом и у пречистыя в Симонове ограды каменныя… в пятое десятирице втораго ста осмыя тысящи лет» (Изборник 1869: 209).

Видимо, в середине-второй половине XVII в., когда численность войска значительно возрасла, а в стратегии старались учесть уроки Смуты, стало возможно использовать некоторые крупные монастыри для обороны.

Подведем итоги. Монастыри Москвы располагаются в гуще застройки, чаще всего *после* заселения участка, что легко увидеть на схеме начала XV в.: многочисленные в Кремле, они «двигаются» в направлении развития застройки, в Китай-город и вдоль Неглинной к северу. Только одна группа лежит к югу-юго-востоку, далеко от города, возможно, во владениях великого князя и его семьи. Конечно, многие исчезали, возникали новые, но всегда их плотность на хорошо развитых участках *внутри* стен была выше, чем *вне* их.

В подавляющем большинстве они очень слабо укреплены. Мы не обнаруживаем вокруг них остатков древних земляных фортификаций, а только простейшие деревянные ограды, вряд ли способные сдержать напор неприятеля, но отвечающие средневековой потребности защитить любое жилище от разбойников и иных посягательств на собственность. Все постройки московских монастырей сначала были деревянными, и до XVI в. лишь очень немногие имели каменный собор или трапезную палату. Каменные ограды возникнут, в основном, во второй половине — последней четверти XVII века, и обычно лишь имитируют крепости.

Конечно, среди русских монастырей было несколько подлинных твердынь, целенаправленно построенных на средства государства и предназначенных для выполнения роли крепостей. Раньше других получил мощные каменные

стены Троицкий Сергиев, расположенный внутри страны: в 1540–1550 гг. его огромную территорию окружили каменные стены с башнями, валом и огромным рвом. Затем отстроили (1558–1568 гг.) крепость Псково-Печерского монастыря, игравшего важную роль в обороне западного рубежа. Возросшее богатство Соловецкого монастыря требовало охраны, и монахи обратились за ней к царю: в 1578 г. был срублен деревянный «город», вскоре (1582–1594 гг.) замененный каменным с многоярусными башнями для орудийного огня из огромных валунов весом по 5–6 тонн, неуязвимых для артиллерии (здесь до 1637 г. стоял царский гарнизон). У Кирилло-Белозерского монастыря каменные стены возникли в 1600 г., но до нынешних грандиозных размеров их довели в середине XVII в., когда военного значения они уже не имела.

Эти и некоторые другие, еще не перестроенные в камне, монастыри смогли сыграть важную роль в войнах Смутного времени. Троице-Сергиева Лавра выдерживала более года (16 месяцев) осады тридцатитысячной профессиональной польской армии и, усиленная профессиональным гарнизоном, противостала (1618 г.) королевичу Владиславу. Успешно отбились от поляков Кириллов (1612), а от шведов — Большой Тихвинский (1613) монастыри. Оказался способен сражаться и Пафнутьев, в котором оказался один из лучших воевод: «Вор же приде под Пахнутьев монастырь… в монастыре сидеша в осаде многие люди, а воеводы быша: князь Михайло Волконский… Литовские же люди к монастырю приступаху великими приступы и не можаху ничево им зделати» (Новый летописец: 98).

По-видимому, в планах обороны страны русские воеводы стали учитывать возможность превращения монастырей в мощные крепости в период позднего правления Грозного и убедились в их надежности после Смуты. Однако к тому времени инженеры Европы уже отказались от каменных крепостей с высокими стенами. Новый тип крепости оказался несовместим с самой идеей монастыря, с практическими и духовными потребностями его насельников, с их представлениями о символике, эстетике, пространственном устройстве обители безгрешных, модели Горнего Иерусалима, огражденной от окружающей земной суеты. Явно созревшая у Московского правительства идея превращения части монастырей в «боевые стратегические единицы» нашла хотя и яркое, но крайне ограниченное проявление.

Есть примеры успешного использования монастырских крепостей и позднее: Макарьевский Желтоводский монастырь отбился от казаков-разинцев (1670); Соловецкий монастырь вел войну со стрелецкими отрядами (1668–1676), а Далматов монастырь на р. Исеть в Зауралье отбивался от пугачевцев (1774 г.). В Троице дважды укрывался молодой Петр Алексеевич: в 1682 г. он ушел сюда вместе с царевной Софьей, а через семь лет прискакал сюда, спасаясь от заговора, во главе которого стояла сама Софья. Соловецкий монастырь участвовал в Крымской войне, выдержав бомбардировку кораблей английского флота и помешав им высадить десант.

Наметим линию развития укрепленных монастырей. С середины XVI в., с эпохи Ивана Грозного, не любившего

старого Кремля и не доверявшего этой крепости, государство начинает выделять самым крупным монастырям средства на постройку каменных фортификационных сооружений с целью использовать их против возможных мятежей или внешнего врага там, где мала возможность опереться на боевые крепости. Процесс расширения и укрепления монастырей шел параллельно строительству каменных хранилищ в северных городах (Архангельск, Верхотурье, Вологда, Холмогоры), необходимых в связи с быстрым экономическим развитием страны. Под их охрану подозрительный Иван IV свозил ценности из разграбленных во время опричнины торговых центров и часть казны. Грозный строит и такие своеобразные крепости-монастыри как Александрова слобода и московский Опричный дворец.

Монастыри-крепости (Псково-Печерский, Соловецкий, Троице-Сергиев) до известной степени исполняли роль «кремлей», являясь частью системы «царских городов». Однако из укрепленных монастырей ядро нового крупного города, центра промышленно-торговой округи развивалось в исключительных случаях, монастыри не выполняли градообразующей функции. Возле них, конечно, группировались слободы и даже посады, но случаи их развития в значительные города, окруженные хотя бы еще одним оборонительным поясом укреплений редки. Это составляет серьезный контраст с ситуацией в Западной Европе, где именно монастыри часто служили цитаделью и тем зерном, из которого и вокруг которого вырастал крупный город.

Литература

1. *Беляев 1994* — Беляев Л. А. Древние монастыри Москвы (кон. XIII — нач. XIV вв.) по данным археологии. М. 1994.

2. *Беляев 1995* — Беляев Л. А. Древние монастыри Москвы (кон. XIII — нач. XIV вв.) по данным археологии. Изд.2. М. 1995.

3. *Веселовский 1969* — Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

4. *Выголов 1988* — Выголов В. П. Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988.

5. *Выголов 1994* — Выголов В. П. Надвратные храмы древней Руси (проблемы эволюции и происхождения) // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Столица и провинция. М., 1994.

6. *Григорий 1873* — Григорий (Воинов-Борзецов). Высоко-Петровский монастырь. М.,1873.

7. *Дневник 1872* — Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613 гг.) // Русская историческая библиотека. Т. 1. 1872.

8. *Доношение* — Доношение игумена Товии в Синод (22–29 марта 1737 г.) // РГАДА. Ф.1188. Оп.1. Ед.хр.644.

9. *Древнерусское градостроительство 1993* — Древнерусское градостроительство X–XV веков. М., 1993.

10. *Забелин 1891* — Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, собранные и изданные И. Е. Забелиным. Вып. II. М. 1891.

11. *Жолкевский 1871* — Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871.

12. *Изборник 1869* — Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869.

13. *Ильин 1944* — Ильин М. А. Монастыри Московской Руси XVI в. как оборонительные сооружения. // Исторический журнал. № 7–8. М. 1944.

14. *Карамзин 1842* — Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. СПб. 1842.

15. *Кирпичников 1979* — Кирпичников А. Н. Крепости бастионного типа в средневековой России // Памятники культуры. Новые открытия. 1978. М. 1979.

16. *Кирпичников, Хлопин 1972* — Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н. Великая Государева крепость. Л., 1972.

17. *Книги переписные* — Книги переписные Данилова монастыря что при Москве // РГАДА. Ф.1188. Оп.1. Ед.хр.102

18. *Котошихин 2000* — Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000.

19. *Кузьмина, Филиппова 1997* — Кузьмина Н. Н., Филиппова Л. А. Крепостные сооружения Новгорода Великого. СПб, 1997.

20. *Кудрявцев 1982* — Кудрявцев М. П. Опыт приведения композиции Москвы конца XVII в. к идеализированной схеме // Архитектурное наследство. № 30. М. 1982.

21. *Кудрявцев 1994* — Кудрявцев М. П. Москва Третий Рим М., 1994.

22. *ЛС* — Летопись Симеоновская // Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. СПб. 1913.

23. *Материалы для истории 1884* — Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. Т. 2. 1884.

24. *Материалы по истории СССР 1955* — Материалы по истории СССР: Документы по истории XV–XVII вв. М. 1955. Вып. 2.

25. *Масса 1937* — Масса Исаак. Краткое известие о Московии в начале XV в. М., 1937.

26. *Мокеев 1982* — Мокеев Г. Я. Системные элементы планировки древней Москвы // Архитектурное наследство. № 30. М. 1982.

27. *НЛ 1879* — Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. Т. XI. СПб, 1897.

28. *НЛ 1904* — Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. Т. XIII. Перв. пол. СПб. 1904.

29. *Новый летописец* — Новый летописец // ПСРЛ. Т. XIV. Перв. пол. СПб. 1910.

30. *Носов 2009* — Носов К. С. Военное зодчество XVI–XVII вв. и его роль в становлении Российской государственности /Автореф. дисс. … докт. ист. наук. М. 2009.

31. *Описание 1626* — Описание оборонительных сооружений Новгорода. 1626 г. // РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 9.

32. *Отписка Адриана Резанова* — Отписка Адриана Резанова об устройстве им острога между Полошевских и Семеновских ворот // Акты Московского государства. Т. II. Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659. № 117. СПб. 1894.

33. *Отписка воевод* — Отписка воевод Н. Белосельского и М. Пустошкина о постройке Козельской Столницкой засеки; роспись постройкам // Акты Московского государства. Т. II. Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659. № 141. СПб. 1894.

34. *Памятники архитектуры 2000* — Памятники архитектуры Москвы. Юго-восточная и южная части территории между Садовым кольцом и границами города XVIII века. М., 2000.

35. *Пассек, 1843* — Пассек В. В. Историческое описание московского Симонова монастыря. М., 1843.

36. *По Москве 1917* — По Москве. Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям. М. 1917.

37. *Разрядная книга 1976* — Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 2 Вып. 1–2. М. 1976.

38. *Разрядные книги 1853* — Разрядные книги. СПб. Т. 1. 1853.

39. *Разрядные книги 1855* — Разрядные книги. СПб. Т. 2. 1855.

40. *Раппопорт 1956* — Раппопорт П. А., Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. // МИА. № 52. М.; Л. 1956.

41. *Раппопорт 1961* — Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X-XV вв. // МИА. № 105. М.; Л. 1961

42. *Скрынников 1979* — Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1979.

43. *Скрынников 1988* — Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. М., 1988.

44. *Смирнов 1951* — Смирнов И. И. Восстание Болотникова. М., 1951

45. *Сытин 1950* — Сытин П. В. История планировки и застройки Москвы. Т. I. М., 1950

46. *Фальковский 1950* — Фальковский Н. И. Москва в истории техники. М., 1950.

47. *Штаден 2002* — Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002.

«Monastic Fortresses» of Moscow: the Story of a Delusion

L. A. Belyaev

This paper presents new aspects of the problem of monastic fortification. According to the hypothesis accepted previously (19th–20th centuries), almost all the monasteries of Moscow were erected according to a general plan defending the capital against attacks from the south, north and even from the inside.

The investigation presented here demonstrates that up to the end of the 17th century, Moscow monasteries usually had no stone walls. Their wooden fences were built without any ramparts or ditches. Chronicles and other documents mention no trustworthy cases of struggle for monasteries during military clashes up to the middle of the 16th century. There are a number of monasteries fortified by the State in the second half of the 16th century, including the Pechersky of Pskov, St Trinity (Sergiev), Solovetsky and, perhaps, Beloozersky convents. These were built far from the densely populated areas playing the role of local centres.

Only three monasteries of the same period in Moscow probably served for military purposes. One of those was the fairly old Simonov Monastery and two other — the Novodevichy (New Maiden's Convent, 15th century) and Novospassky (New Monastery of the Saviour) — were founded in the late 16th century. The other Moscow convents with their wooden walls would have been easily burned down during any war activities. Since 1570 and up to the 1610s, the fields around these cloisters often served as battle arenas. Nevertheless, we know nothing of their participation in the struggle against an enemy. Moreover, the monasteries have never been connected within any single chain of fortifications.

Andrzej Buko

Fenomen słowiańskiej kultury materialnej

Kultura wczesnych Słowian i jej świadectwa archeologiczne od wielu lat przyciągają uwagę kolejnych generacji badaczy i są przedmiotem debat archeologów i przedstawicieli innych dyscyplin naukowych (por. obszerny przegląd dyskusji w: Barford 2001; Curta 2001; w cytowanych publikacjach obszerna literatura). Z jednej strony przyznaje się, że materialne świadectwa wczesnych Słowian, w zależności od strefy ich występowania, nie są jednorodne. Fakt ten interpretowany jest jako wynik kontaktów Słowian z lokalnymi środowiskami innych ludów, w tym starszej ludności germańskiej. Ale jednocześnie podkreśla się, że wydzielić można pewny zbiór cech przysługujących wszystkim Słowianom (Parczewski 1988). Szczególnie wyróżniające znaczenie w przekonaniu wielu autorów mają:

– charakterystyczny typ osadnictwa, zwłaszcza osady otwarte z zabudową gniazdową, sytuowane wzdłuż brzegów dolin rzecznych, w których dominowały czworokątne półziemianki z piecem w narożniku;

– brak osiedli o charakterze obronnym;

– typ gospodarki, który określono jako rolnictwo i hodowla z przewagą bydła;

– niski poziom produkcji rzemieślniczej ograniczony głównie do wytwarzania garnków;

– zastanawiający brak lub prawie brak metalowych ozdób oraz ubóstwo wytworów z innych rodzajów surowca;

– ciałopalny obrządek pogrzebowy z grobami płaskimi, popielnicowymi lub jamowymi, najczęściej bardzo ubogo wyposażonymi[1].

Obserwacje te legły u podstaw tezy, że mają on charakter modelowy dla zdefiniowania kultury praskiej (Korczak)[2]. Wiele danych, takich jak sporadyczność występowania ozdób, czy wytwarzanie ręcznie lepionych prostych w formie nie ornamentowanych garnków, prowadziły niektórych badaczy do formułowania poglądu, iż zjawiska te przypominają bardziej celowe działania, aniżeli odzwierciedlają brak umiejętności tego ludu do wykonywania wyrobów będących w powszechnym użyciu poza terytoriami przez nich zamieszkiwanymi. Trudno bowiem posądzać lud, który jak mało innych odniósł niekwestionowany dziejowy sukces w Europie, o brak podstawowych umiejętności manualnych. Co więcej, znane są stanowiska archeolo-

[1] Kwestie poruszane w niniejszym artykule szerzej omawiam w książce (Buko 2006).

[2] Problematyka ta doczekała się bogatej literatury przedmiotu (o modelu kultury wczesnosłowiańskiej (por. m.in. Godłowski 2000; Parczewski 1988; obszerny przegląd przedmiotowej problematyki w kontekście europejskim znaleźć można m.in. w pracach: Barford 2001; Curta 2001).

giczne (np. w Polsce Haćki na Podlasiu, czy grodzisko w Zimnem na Ukrainie), gdzie wyroby metalowe wyróżnia wysoki poziom artystyczny. Pojawiły się zatem opinie, że owa postrzegalna siermiężność kultury słowiańskiej była działaniem zamierzonym i mogła mieć przede wszystkim wymiar symboliczny (Gąssowski 2000). Co było u podstaw tej ideologii, na dodatek o tak dużej sile oddziaływania, stanowiącej alternatywę dla znanych poza środowiskiem słowiańskim dóbr wyższego rzędu — dotąd wszakże nie rozstrzygnięto. Pytań pojawia się więcej: dlaczego tak kuriozalnych (?) zachowań jednego z największych ludów Europy wczesnośredniowiecznej, nie odnotowało żadne źródło pisane, pomimo że kronikarze odnoszą się wielokrotnie do sfery wierzeniowej Słowian? Czyżby to, co nas dzisiaj zastanawia i niekiedy bulwersuje, było dla ówczesnych czymś oczywistym? A może obserwatorzy Słowian oglądanych z perspektywy terenów położonych na południe od łuku Karpat tych «dziwności» po prostu nie widzieli?

Zastanawiać musi też, dlaczego Słowianie nie adoptowali tak popularnego wśród społeczności tego okresu — zarówno koczowników, Bałtów jak Germanów stylu zwierzęcego? Dlaczego nie używali koła garncarskiego i nie dekorowali naczyń w fazie najstarszej? Czy rzeczywiście słowiańska kultura materialna mogła być na tyle atrakcyjna dla innych, że na znacznych obszarach Europy powszechnie przejmowano ją, zatracając przy tym własne cechy kulturowe i identyfikacyjne?

Pytania te nabierają innego wymiaru, jeśli spojrzymy na zagadnienia rozprzestrzenienia Słowian z szerszej perspektywy. Ze wschodniej części Basenu Morza Śródziemnego znane są poświadczenia źródłowe bytności Słowian (na Peloponezie powstawały trwające stulecia *Sklawinie*,), ale że poza rzadkimi przypadkami, materialnych śladów pobytu Słowian jest tam najczęściej brak. Podobny obraz rysuje się w przypadku zachodnich Bałkanów (Chorwacja), gdzie Słowianie dotarli już w I fazie ich ekspansji na południe. W VIII w. obecność Słowian poświadczona jest źródłowo w południowych Włoszech (Siponto), gdzie w pewnym momencie stali się oni nawet rywalami Longobardów (por. Labuda 1999, s. 224). Pomimo prowadzonych od wielu lat badań archeologicznych, brak tam dla jednych i drugich jakichkolwiek świadectw materialnych ich kultury. Co tereny te wyróżnia od innych? Przede wszystkim to, że należą do strefy cywilizacji rzymsko-bizantyjskiej.

Bardziej na północ, na terenach naddunajskich, sytuacja jest już zróżnicowana. Znajdujemy bowiem świadectwa zarówno kultury materialnej koczowników, Germanów, rdzennych ludów naddunajskich jak i ludów słowiańskich. U naszych południowych sąsiadów garnki typu praskiego współwystępują niekiedy z bardziej zaawansowanymi technologicznie, z toczonymi włącznie. Nic więc dziwnego, że ceramika praska traktowana była tam początkowo jako lokalna odmiana gorszych produkcji typu wiejskiego (Borkovský 1940). Bardziej zaawansowane technologicznie naczynia współwystępują w środowisku słowiańskim kultury *Ipoteşti-Cindeşti* na terytorium Rumunii. Również ubogie wyposażanie grobów słowiańskich zdaje się nie dotyczyć największego, bo liczącego ponad 1500 grobów, cmentarzyska wczesnosłowiańskiego w Sărata Monteoru — położonego nad Dunajem w Rumunii, gdzie ozdoby w grobach występują zdecydowanie częściej, aniżeli na północ od łuku Karpat (Nestor 1957). Opisywane obszary, należące do dawnych

prowincji imperium rzymskiego były strefą intensywnego «mieszania» się elementów kulturowych cywilizacji rzymskiej jak i barbarzyńskiej; w tym ostatnim przypadku dotyczy to zwłaszcza Germanów, Słowian i ludów koczowniczych.

«Sterylnym» obszarem kultury materialnej Słowian są przede wszystkim tereny położone na północ od łuku Karpat, w tym Polski. Czym zatem wytłumaczyć selektywność świadectw przypisywanej im kultury? Jedna z możliwych odpowiedzi nasuwa się następująca: tam, gdzie najwięcej było zdobyczy cywilizacyjnych do wzięcia (tereny śródziemnomorza), Słowianie szybko i chętnie rezygnowali z «siermiężnego wzorca kulturowego» (przypomina to przykład Longobardów w okresie zajmowania przez nich południowej Italii[1]) wtapiając się w lokalne środowiska. Bardziej na północ, zatem na obszarach gdzie zamieszkiwały enklawy ludów o niejednorodnym poziomie cywilizacyjnym, wybory były selektywne. Stąd uchwytny tu nadal archeologicznie wzorzec kultury wczesnosłowiańskiej jest niejednoznaczny w wymowie. Jedynie na terenach rozrzedzonych demograficznie po wydarzeniach V wieku, głównie położonych na północ od Karpat, gdzie nie było nic atrakcyjnego «do wzięcia», uchwytne są archeologicznie świadectwa określane mianem słowiańskiego wzorca kultury materialnej. Dlaczego jednak Słowianie nie czerpali tu z doświadczeń sąsiadów? Zjawisko to mogło być powodowane głębokim załamaniem dotychczasowych szlaków i więzi handlowych, co prowadziło do izolacji u progu VI w. wielu grup kulturowych zamieszkujących tereny ziem polskich. W fazie zasiedlania ziem polskich u progu VI w., Słowian było zbyt mało, aby owe powiązania szybko odtworzyć.

Pozostaje kwestia zagadkowego ubóstwa ich kultury materialnej. Wydaje się, że przy rozstrzyganiu tego problemu, nie wykorzystano podkreślanego wielokrotnie przez pisarzy bizantyjskich faktu zdumiewającej mobilności Słowian, którzy w ciągu kilku generacji widoczni są bez mała w całej Europie. Czynnik ten, charakterystyczny dla społeczności nomadów, a nie rolników i hodowców. jakimi byli Słowianie, upodabniał warunki bytowania tych ostatnich — w fazie poszukiwania nowych miejsc zasiedlenia — do koczowników. O ile dla nomadów stan wędrówki był ciągłym i naturalnym, o tyle dla rolników i hodowców była to sytuacja wymuszona. Słowianie nie stali się przecież przez fakt długich i forsownych wędrówek nomadami. Ale ich kultura materialna fazy najstarszej jest nie tylko zastanawiająco uboga, ale stanowi niepowtarzalne zjawisko w tej części kontynentu. Źródłem ubóstwa i uproszczenia inwentarza kulturowego w fazie zasiedlania Europy, mógł być zatem brak warunków do wytwarzania wszelkich dóbr materialnych wymagających większego nakładu pracy, w nieustabilizowanej osadniczo i gospodarczo sytuacji. Istotną przeszkodą były tu zarówno częste wędrówki, jak i penetracyjny charakteru najstarszego osadnictwa. W tym być może upatrywać można brak u najstarszych Słowian w środkowej Europie zarówno rozwiniętego instrumentarium narzędzi, w tym koła garncarskiego, ozdób i wielu innych elementów kultury materialnej, tak charakterystycznych dla innych społeczności tego okresu. Jest zatem wysoce prawdopodobne, że w fazie zajmowania i zagospodarowywania nowych terenów, ograniczano się do wytwarzania rzeczy najprostszych, podstawowych i niezbędnych

[1] Przegląd problematyki dotyczącej wczesnego osadnictwa Longobardów w Italii zamieszczono w pracy (Buko 2003), tam dalsza literatura.

dla codziennej egzystencji; warunkom tym wręcz modelowo odpowiadają np. garnki typu praskiego. Były to bowiem wyroby o formach najprostszych z możliwych, niezdobione, wykonywane ręcznie bez użycia koła, z powszechnie dostępnych lokalnych surowców. Tak zorganizowana produkcja zapewniała produkty wykonywane przy minimalnym nakładzie pracy, zewnętrznie nieatrakcyjne, ale jednocześnie o stosunkowo niezłych parametrach technologicznych. W grupie tych podstawowych potrzeb nie mieści się natomiast np. powszechna produkcja ozdób, które u Słowian, co się podkreśla, występują sporadycznie. Ujmując obrazowo, sytuacja Słowian u progu ich wędrówki przypomina nieco etap pionierów «Dzikiego Zachodu». Pozostając rolnikami i hodowcami, przemieszczali się w ciągu XIX wieku wraz z rodzinami na wzór nomadów (choć nimi nie byli!) przez duże przestrzenie amerykańskiej prerii. Z tej przyczyny zabierali na wozy jedynie rzeczy najprostsze i najbardziej potrzebne. Ich kultura materialna (w tym elementy kobiecego stroju) była więc nieporównywalna uboższa i uproszczona, w stosunku do społeczności osiadłych. Sytuacja zaczęła wszakże ulegać szybkim zmianom, w miarę napływu kolejnych osadników, a nade wszystko inicjowaniu produkcji, zwłaszcza uprawy roli i hodowli. Sprzyjało to powstawaniu osiedli, ożywieniu gospodarki i aktywizacji szlaków handlowych, po których przemieszczali się rzemieślnicy oraz zaopatrzeni w różnego rodzaju dobra kupcy. Ostatecznie owi pionierzy — podobnie jak przed wiekami Słowianie, w perspektywie historycznej odnieśli niekwestionowany sukces.

Etap kultury wczesnosłowiańskiej i jej materialnych korelatów byłby zatem odwzorowaniem okresu nieustabilizowanej gospodarki w czasach poszukiwania i zajmowania nowych ekumen osadniczych. Był to czas wyborów trafnych, ale zapewne i nieuniknionych pomyłek. W przypadku ziem polskich Słowianie wcześnie dostrzegli i zasiedlali tereny Małopolski, ale już w mniejszym stopniu równie żyznego Śląska. Widoczni są w różnych częściach mniej korzystnych dla rolnictwa ziemiach Mazowsza i Podlasia, w mniejszym stopniu na terenach żyznych Kujaw. Przyjmując możliwość migracji grup Słowian, trudno jednocześnie nie dostrzec ograniczonej ilościowo skali tego zjawiska w ciągu VI w. oraz tej okoliczności, że poświadczono ją dotąd archeologicznie tylko w niektórych regionach kraju. Co zatem działo wówczas na terenach, gdzie brak śladów ich bytności? Czy zamieszkujące je ludy w całości opuściły swe dotychczasowe miejsca zamieszkania? Jeśli tak, byłby to ewenement w skali dziejów ludów wczesnośredniowiecznej Europy. Może zatem brak śladów Słowian wynika z faktu, że wzorem wędrujących ludów germańskich, niekiedy asymilowali się, przejmując lokalną kulturę? Przypuszczenie to w jakimś stopniu wspierają m.in. dane z terenów Polski północnej, gdzie załamanie cywilizacyjne okresu V w. nie było tak widoczne jak w innych regionach kraju. Za najstarsze z okresu wczesnego średniowiecza uchodzą tam zespoły ceramiczne typu Sukov-Dziedzice, odpowiadające fazie praskiej (Łosiński 1972). Ale zarazem brak tu charakterystycznych dla Słowian półziemianek, czy też przypisywanego Słowianom form obrządku pogrzebowego. Tutaj też znaleziska o charakterze przedsłowiańskim przeżywają się na schyłek VI, a nawet początek VII w. Czy zatem zasobne gospodarczo w progu średniowiecza Pomorze nie uruchomiło mechanizmów, podobnych opisywanym w przypadku naddunajskiego południa, których działaniu przypisać

można fakt, że pomimo obecności Słowian na tych terenach, wydzielenie ich materialnych korelatów w fazie najstarszej napotyka na trudności? Sytuacja ta przypomina nieco znaną z okresu longobardzkiego z Italii południowej, gdzie lud ten osiedlił się już okresie zajmowania Półwyspu Apenińskiego i utworzył księstwo Benewentu, ale podobnie jak Słowianie na Pomorzu, nie pozostawił tam w kulturze materialnej czytelnych śladów. Tymczasem w Italii północnej i środkowej, obecność longobardzka w fazie zasiedlania nowych terenów, jest silnie akcentowana zarówno znaleziskami osadowymi jak i z cmentarzysk; chodzi o charakterystyczne dla nich formy ozdób, uzbrojenia, ceramiki, obrządku pogrzebowego i form budownictwa (Buko 2003).

W przeszłości sformułowano tezę o tzw. drugim nurcie rozwojowym kultury Słowian na terenach ziem polskich, łączonym z występowaniem grup kulturowych Tornow-Klenica na Śląsku i południowej Wielkopolsce. Miałyby być one zwornikiem pomiędzy tradycją późnorzymską a kulturą wczesnosłowiańską (Kostrzewski 1960). Teoretycznie sytuacja taka mogła mieć miejsce. Problem w tym, że nowsze badania dendrochronologiczne osad z ceramiką typu tornowskiego na obszarach ich rodzimego występowania (Dolne Łużyce) wykazały, że datować je na okres zdecydowanie późniejszy, bo odnoszący się do końca VIII, a niekiedy IX w. (Henning 1998; Dulinicz 2001). Podobne dylematy towarzyszą interpretacji najwcześniejszych świadectw bytności Słowian w środowiskach bałtyjsko-fińsko-skandynawskich na północnych peryferiach wczesnośredniowiecznej Europy (Okulicz 1986; Славяне и финно-угры 2006).

Problemów wymagających rozwiązania pozostaje więc wiele. Ale Słowianie oglądani na tle ich wędrówek z szerszej perspektywy ogólnoeuropejskiej, jako «lud w drodze», niekoniecznie muszą być siermiężnym izolatem kulturowym, czy też niezrozumiałą ideologią schyłkowego okresu wędrówek ludów. W świetle zamieszczonych wyżej uwag była to społeczność o dużej elastyczności, inwencji twórczej i ciągle mało rozpoznanych wielkich możliwościach adaptacyjnych. Rolnicy i hodowcy, ale mobilni jak nomadzi; akceptujący w fazie zasiedlania nowych terenów «siermiężny wzorzec kultury materialnej», ale zarazem korzystający wszędzie tam, gdzie było to możliwe, ze zdobyczy cywilizacyjnych ówczesnego świata. To chyba ostatecznie zadecydowało o ich dziejowym sukcesie — jako współtwórców wczesnośredniowiecznej Europy.

Literatura

1. *Славяне и финно-угры 2006* — Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур. Доклады Российско-Финляндского симпозиума по вопросам археологии и истории. Пушкинские Горы, 7–10 октября 2004 г. СПб., 2006.

2. *Barford 2001* — Barford P. M. The Early Slavs. Culture and Society in Early Medieval Eastern Europe. London; New York. 2001.

3. *Borkovský 1940* — Borkovský I. Staroslovansk‡ keramika ve středni Evropě. Studie k počatkům slovanskЋ kultury. Praha. 1940.

4. *Buko 2003* — Buko A. Pomiędzy antykiem a wczesnym średniowieczem. Italia wobec inwazji Longobardów // Światowit. T. V (XLVI). 2003.

5. *Buko 2006* — Buko A. Archeologia Polski wczesnośredniowiecznej. Odkrycia-hipotezy-interpretacje. II. Warszawa. 2006.

6. *Curta 2001* — Curta F. The making of the Slavs: History and archaeology of the Lower Danube region c. 500–700 A.D., Cambridge; New York. 2001.

7. *Dulinicz 2001* — Dulinicz M. Kształtowanie się Słowiańszczyzny P — łnocno-Zachodniej // Studium archeologiczne, Warszawa. 2001.

8. *Gąssowski 2000* — Gąssowski J. Dawni Słowianie — nar — d czy religia // Aetas Maedia Aetas Moderna. Warszawa. 2000.

9. *Godłowski 2000* — Godłowski K. Pierwotne siedziby Słowian. Krak — w. 2000.

10. *Henning 1998* — Henning J., ArchЉologische Forschungen an RingwЉllen in Niederungslage: die Niederlausitz als Burgenlandschaft des љstlichen Mitteleuropas im frџhen Mittelalter // FrџhmittelalterlicherBurgenbau in Mittel- und Osteuropa. Bonn. 1998.

11. *Kostrzewski* 1960 — Kostrzewski J., Zagadnienie ciągłości zaludnienia ziem polskich w pradziejach (od połowy II tysiąclecia p.n.e. do wczesnego średniowiecza). Poznań. 1960.

12. *Labuda 1999* — Labuda G. Słowiańszczyzna starożytna i wczesnośredniowieczna. Antologia tekst—w źr—dłowych. Poznań. 1999.

13. *Łosiński 1972* — Łosiński W. Początki wczesnośredniowiecznego osadnictwa grodowego w dorzeczu dolnej Parsęty (VII–X/XI w.). Wrocław. 1972.

14. *Nestor 1957* — Nestor T. La nЋcropole slave d'Ћpoque ancienne de S‰rata Monteoru // 3DaciaИ. T. 1. 1957.

15. *Okulicz 1986* — Okulicz J. Problemy etnogenezy Bałt—w i Słowian // Z Otchłani Wiek — w. 51/3–4. 1986.

16. *Parczewski 1988* — Parczewski M. Najstarsza faza kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce, Krak—w. 1988.

Феномен славянской материальной культуры

А. Буко

Автор предлагает анализ так называемой «раннеславянской культурной модели». По его мнению, трудно говорить о какой-либо единой культурной модели, так как остатки материальной культуры в разных частях Европы различны. Из письменных источников нам известно о пребывании славян в Восточном Средиземноморье, но как раз здесь материальные следы их присутствия почти неизвестны. Дальше к северу, на придунайских территориях шел процесс интенсивного смешения элементов римской и варварских цивилизаций. Для изучения «классической» материальной культуры ранних славян наиболее подходит область к северу от карпат-

ской горной дуги. Как полагает автор, там, где фиксируется наиболее полно влияние цивилизации, славяне довольно быстро и добровольно отказывались от своей «неказистой» культурной модели, поглощаясь своим окружением. На севере, где существовали анклавы племен, относящихся к самым различным цивилизациям, у славян был более широкий выбор. Таким образом, именно на территориях к северу от Карпат, истощенных миграциями пятого века и где нечего было перенимать, мы находим следы раннеславянской материальной культуры в ее чистом виде.

По мнению автора на стадии переселений и освоения (иногда лишь временного) новых земель, поселенцы должны были ограничиваться изготовлением простейших основных вещей повседневной необходимости. Набор таких вещей можно представить на основании сходной ситуации у американских пионеров Дикого Запада, искавших новые земли для поселения. Таким образом, скудный набор признаков материальной культуры ранних славян отражает экономическую нестабильность, связанную с поиском и освоением новых ареалов для поселения.

The Phenomenon of the Slavic Material Culture

A. Buko

The author presents analysis of the so-called «Early Slavic cultural pattern». It is, in fact, difficult to speak of a single cultural pattern, since throughout different areas of Europe the material remains of the culture differ. Written sources tell us of the presence of Slavs in the eastern part of the Mediterranean, but exactly there we are dealing with almost a total lack of material evidence of their presence. Further to the north, in the territories along the Danube, there was a zone of intensive «mixing» of cultural elements of Roman and barbarian civilizations. A paragon area for studies of the «classical» material culture of the Early Slavs is to the north of the Carpathian arc. There, where cultural influences were the most numerous, the Slavs rapidly and willingly resigned their «unprepossessing cultural pattern» being assimilated by the local environment. Their choices were more selective in the north, where enclaves of people with a heterogeneous level of civilization were encountered. In the territories immediately to the north of the Carpathians, depleted demographically by the migrations of the fifth century, there was nothing attractive to «adopt». Therefore, only here we find the pattern of material culture which really may be characterised as Early Slavic.

In the opinion of the author, in the phase of migration, occupation and bringing into use (sometimes only temporarily) of new territories, the settlers confined themselves to producing the most simple and basic objects indispensable for daily life. One might imagine this cultural assemblage to be similar to the situation of the American pioneers of the Wild West in the period when they were seeking for new lands to settle down. Hence the simplified *instrumentarium* in the sphere of material culture of the Early Slavs seems therefore to be a reflection of the period of economic instability in the phase of searching for and occupation of new settlement habitats.

Васин П. А.

К вопросу об обрядности воинского посвящения в княжескую дружину Средневековой Руси

При выделении из обще родового народного войска эпохи военной демократии элитных отрядов профессионалов, постоянно занимающихся военным ремеслом и несущих боевую службу при князе, в их среде неизбежно формируется и практикуется специфическая воинская обрядность инициации молодых воинов, которые, как бы выходят из привычного для рядовых соплеменников мира старых родовых отношений и вступают в новую семью — специфическое военное братство посвященных, которое емко и точно характеризуется древнерусским термином «дружина».

Известно, что в странах Западной и Центральной Европы уже в эпоху развитого средневековья ритуалы посвящения юных представителей феодальной знати в рыцари исследователи однозначно определяют как инициации (Кардини 1987: 358; Ястребицкая 1978: 135–137). Обряд включал надевание шпор и препоясывание мечом. Затем посвящающий — один из старейших рыцарей — наносил юноше удар ладонью по затылку или по щеке, либо по шее (*colee,* от фр. шея — удар, который посвящающий наносил посвящаемому по шее). Завершался ритуал показом ловкости нового рыцаря: вскочив на коня, он должен был пронзить копьем мишень. Церемония посвящения, носившая первоначально мирской характер, к XII в. была включена в религиозные рамки: накануне юноша должен был бодрствовать всю ночь, затем, на рассвете, он возлагал свое оружие на алтарь и посвящал его богу, выстаивал мессу и получал причастие. В некоторых случаях не рыцарь, а епископ совершал основной момент посвящения — препоясывание мечом (Кардини 1987: 357, 358).

По-видимому, древнерусский ритуал посвящения в воины-дружинники был в какой-то мере подобен западноевропейскому, поскольку и славянская, и германская дружинная этика изначально имела много общего, включая последующее мощное воздействие на них культуры норманнского комитата. Однако, практически полное отсутствие в светских письменных источниках описаний деталей воинского быта скрывают от нас важные подробности не только воинской, но общей средневековой культуры Руси в целом. Попытки некоторых авторов исследовать этот вопрос (Балушок 1995), как правило, сводятся к анализу былинных сюжетов и мотивации действия богатырей, элементов воинского обучения и т. п., что, скорее, уместно при изучении про-

блем истории воинского и общехристианского воспитания, средневековой дружинной этики или даже поэтического прообраза вассально-дружинных отношений. К интересующей нас теме это, по большому счету, не имеет прямого отношения

Однако среди прочих рассуждений есть два момента, которые, на наш взгляд, непосредственно относятся к исследуемому вопросу. Это *обряд постriга* — посажения на боевого коня молодых княжичей и *обряд опоясывания мечом* уже подготовленных и обученных воинскому ремеслу молодых дружинников. «Одним из центральных в ходе дружинного посвящения был обряд посажения на коня… Эти обряды и у князей, и у их дружинников имели много общего, поскольку и те и другие принадлежали к социальном страте воинов, выделяемой Ж. Люмезилем. Конь в ходе дружинной инициации, как и в других переходных обрядах восточных славян, являлся важным инициационным символом» (Балушок 1995).

Под 1192 г. у В. Н. Татищева читаем: «Великий князь Всеволод учинил постриги сыну своему Юрию апреля 25 дня. Того ж дня и на коня его посадил, и была во Владимире радость великая» (Татищев 1995а: 153).[1] Здесь необходимо отметить, что в составе описанной торжественной церемонии центральное и ведущее место занимает обряд юношеского воинского пострига. Аналогичным образом отмечается воинский обряд, проведенный через год этим же князем и для другого сына: «Князь Великий Всеволод учинил постриги сыну своему Ярославу, для которого созваны были князи, також от клира и вельможи многия, и веселилися довольно» (Татищев 1995а: 155). Естественно, летопись упоминает данное праздничное событие с приглашением многочисленных гостей в связи с тем, что их устраивал сам великий князь.

Под 1302 г. у В. Н. Татищева встречаем следующее сообщение: «Того же лета быша постриги у князя Михаила Ярославича Тверского сына его Дмитрея» (Татищев 1995б: 69). А. Е. Мусин, рассматривая, взаимодействие русской средневековой воинской элиты и православной церкви, отмечает: «Хорошо описаны и проиллюстрированы в миниатюрах Никоновской летописи постриги малолетних княжичей, совершаемые епископами. Лишь постриг Дмитрия Михайловича Тверского миниатюрист доверил светскому человеку» (Мусин 2005: 322). Примечательно, что В. Н. Татищев не только пересказывал известия летописей, но и сам проводил определенные исторические исследования. В частности, вот, что он сообщает по поводу обряда воинского пострига: «Постригание и на коней сажание княжеских детей есть древнее словенских князей употребление, которое и во идолопоклонничестве обыкновенно от рождения в седьмой год и с великими чинами отправлялось, при котором имя ему нарекали, как читаем у Кромера и других польских историков о постригании Лешка, перваго князя польскаго, с чего и в христианстве, яко чин, до веры не надлежащий, чрез долгое время удержан. Ибо о подстригании Георгия, сына великаго князя

[1] В Ипатьевской летописи это сообщение приведено в следующем виде: «Того же лета великыи князь Всеволодъ створи постегы сынови своемоу Ярославоу, и на конь его всади, во день святого Семеона сродника Господня, и бысть радость велика в Володимере» (ИЛ: 674)..

Иоанна Васильевича, в его жизни написано, что по прошествии седми лет его на седле со стрелами подстригали и на конь посадили. Сие хотя о государех, сколько мне известно, более не упоминается, но в моей памяти между знатными еще употреблялось. После же государских сыновей всенародное объявление равномерно по семи летех с великою радостию народа чинено, и тогда он из рук женских в мужские поручался. Как то особливо о царевичах Симеоне и Алексие Алексиевичах видим, что при объявлении их некоторые всенародные милости, особливо шляхетству прибавка поместий учинена. А в шляхетстве подстригание на седле доднесь в обычае» (Татищев 1995а: 254).

Обряд воинского пострига известен нам также из германских источников и, несомненно, восходит к древним традициям эпохи военной демократии, когда юношам вручалось оружие, и они становились полноправными членами племени. При этом древний обычай вручения оружия сохранился и в эпоху развитого средневековья, превратившись в рыцарский обряд опоясывания мечом. Весьма интересные суждения по поводу эволюции указанной воинской обрядности приводит Г. Дельбрюк: «Наши сведения о различии и смысле этих двух актов не так давно значительно обогатились, благодаря Гельмгольцу, но некоторые существенные пункты этого вопроса остались для меня все же сомнительными. Вручение оружия у древних германцев производилось несомненно в очень раннем возрасте, — в 14, а возможно даже в 12 лет. …Совершенно правильно его (Гельмгольца) указание на то, что в средние века существовал ряд последовательных ступеней, связанных с церемониалом capillaturia (обрезание волос) и barbatoria (остригание бороды). Обряд рыцарского удара нельзя, видимо, ставить в связь с древним вручением оружия, так, как совершение его предполагает возмужалого, физически крепкого человека; скорее должно допустить, что им был заменен обряд, производившийся в более зрелом возрасте — barbatoria и, в то время как рыцарский пояс (cingulum militare) первоначально и до самого XI в. вручался одновременно с оружием, обряд barbatoria в XII в. может быть отодвинут ко второму акту и связан был с рыцарским ударом. До тех пор, пока cingulum militare (рыцарский пояс) связан был с вручением оружия, он не мог иметь значения приема в сословие, но получил его в связи со вторым актом, когда надевалось полное рыцарское вооружение, которым владели только состоятельные и которое, как правило, носили только принадлежащие к рыцарскому сословию воины. Вследствие этого действительно важным стали считать именно этот акт. Совершали его с большой торжественностью … В этом сказывается совместное влияние как социальных факторов, так и технической стороны дела, тяжелого вооружения и сильного коня» (Дельбрюк 1933: 145). Вместе с тем Дельбрюк отмечает наличие и другой точки зрения, высказанную Шредером: «Он (Шредер) полагает, что наряду с рыцарским ударом надолго укрепился обычай опоясывания мечом с одновременным вручением рыцарского пояса. Если не считать редких исключений, — говорит он, — то опоясывание мечом всегда носило массовый характер, обычно по поводу больших придворных празднеств,

при которых турнир давал юным рыцарям возможность тотчас же испытать силы на новом поприще. Но если верно, что молодые рыцари тотчас же после торжества должны были на турнире показать свою доблесть, то нельзя отождествлять опоясывание мечом с древним вручением оружия. В самом деле, тяжелое турнирное вооружение XI и XIII вв. требовало возмужалости и длительного упражнения» (Дельбрюк 1933: 145).

Можно с большой долей уверенности признать справедливость мнения Шредера: вступление в ранг оруженосцев (возраст воинского воспитания) сопровождается простым вручением оружия, посажением на коня и постригом, а торжественный обряд посвящение в рыцари, помимо других сопутствующих церемоний (наряду с рыцарским ударом) сопровождается также обязательным опоясыванием мечом с предварительным освящением меча на церковном алтаре. Так, например, в одном из наиболее ранних и подробных описаний обряда посвящения в рыцари (Руан, 1128 г.) центральным местом является именно процедура опоясывания мечом, ибо его свершил сам король: «… и король собственноручно опоясал его мечом, якобы выкованным самим мифическим Велундом» (Кин 2000: 120).

С течением времени церковь все более активно пытается контролировать идейные устремления рыцарства, включая также и попытки «оцерковления» обрядности посвящения. При этом торжественному ритуалу все чаще начинают сопутствовать два жеста: *благословление меча* и *возложение его на алтарь*. Смысл этих процедур очевиден: рыцарь имел право использовать данное оружие только для христианского дела (Кленшан 2004: 62). Так, при описании обряда, проводимом в римском соборе Св. Петра в начале XIV в. неофит после традиционного купания и мессы представал перед священником (или приором духовного ордена), который наносил ему легкий удар рукой (*colee*) и молился, чтоб господь благословил нового рыцаря. С алтаря принесли меч, и этот священник должен был благословить оружие и опоясать им неофита (Andrieu 1940: 579–581).

Современный историк рыцарства М. Кин отмечает: «Центральным элементом в светском обряде посвящения в рыцари, безусловно, было опоясывание мечом, гораздо более древний и значимый ритуал, чем нанесение colee, которых на самом деле еще долго не знали (например, в Германии), и этот ритуал остается в центре обряда посвящения и в более поздних литургических книгах, например, в трудах Гиллельма Дуранда» (Кин 2000: 132). Ж. Флори также привел немало аргументов по пользу того, что период, когда древний ритуал вручения оружия начинает идентифицироваться с обрядом посвящения в рыцари, совпадает с тем временем, когда с этим же обрядом начинает ассоциироваться и ритуальное опоясывание мечом (как знак передачи власти, и это его значение сохранилось в обряде коронации), в результате чего опоясывание мечом становится признаком вступления в более высокую по своему положению общественную группу, а именно — в сословие рыцарей (Flori 1979).

При этом, конечно же, огромную роль играло общественное мнение, гласившее, что посвящение в рыцари знатным феодалом или благочестивым

духовным лицом возвышало неофита и в социальном смысле, как бы передавая ему частицу славы и достоинства данного сеньора или благочестия святого отца. Так, Генрих II Английский мечтал быть посвященным в рыцари королем Шотландии, а Св. Бернар Клервоский в письме к византийскому императору Мануилу Комнину подробно пишет, что посылает к нему Генриха, сына графа Шампанского, с тем, чтобы тот был, по возможности, посвящен в рыцари Христовы самим императором (Recueil des historiens des Gaules 1738: 452). Обращает на себя внимание тот факт, что церемония рыцарского посвящения была знакома не только католикам, но и православным государям.

С XII в. и позднее в источниках встречается чрезвычайно много рассказов о случаях *массового посвящения* в рыцари. И это было не просто соблюдением определенного ритуала. Скорее, можно предположить начало некоей общественной консолидации посредством яркого, впечатляющего обряда и тех сословных связей, которые закладывались и укреплялись благодаря воспитанию в одном и том же доме, в одних и тех же условиях, и одновременно создание костяка будущей боевой дружины или отряда для наследника того или иного представителя знати (Кин 200: 128). По-видимому, все это в полной мере относится и к русской княжеской дружине.

С другой стороны, рассматривая общие характеристики вопросов рыцарского посвящения, можно с большой долей уверенности сказать, что никогда и нигде не существовало неких строго регламентированных и одинаковых правил этой элитной воинской церемонии. Как указывает в своей работе Филипп дю Пюи де Кленшан: «Прежде всего, ритуал, сопровождающий церемонию посвящения, постоянно изменялся. Можно даже утверждать, что он никогда не был четко определен. Место, обстоятельства, настроение совершающего церемонию и посвящаемого, финансовое состояние, семейные узы, жажда власти, разделявшая государей и их вассалов, общество, наконец, — все способствовало тому, что, например, у двух церемоний посвящения, совершенных в одном и том же месте и одним и тем же рыцарем, но с разницей в несколько месяцев, сильно отличался распорядок их проведения» (Клешан 2004: 56). Рыцарский удар colee появляется достаточно поздно, причем в ряде регионов, например, в Англии его вообще не знают. Вполне естественно, что, чем дальше от Франции, центра рыцарской моды, мы будем рассматривать специфику обрядности рыцарского посвящения, тем более архаичные формы его мы увидим. Так, выше уже говорилось об относительно позднем входе в обиход рыцарского удара, например, в Германии. Еще в более первозданном и законсервированном виде он бытует, по всей видимости, в Польше. Здесь, судя по имеющимся источникам, о рыцарском ударе не упоминается вообще. Изначально, как и в большинстве европейских стран, центральным обрядом посвящения молодого польского шляхтича в рыцари являлась *церемония опоясывания его мечом*. Так, под 1102 г. в Хронике Галла Анонима упоминается о посвящении в рыцари молодого польского князя Болеслава III Кривоустого (1085–1138): «После того как Болеслав был произ-

веден в рыцари[1], господь на примере битвы с половцами показал, сколь великие подвиги будут совершены им в будущем. Ибо едва лишь он был опоясан рыцарским поясом, на него напали в бесчисленном множестве половцы» (Щавелева 1990: 54). Примечательно, что через некоторое время в середине XII в. уже сын этого короля, Болеслав Кудрявый (1125–1173), придя с военной помощью на Русь к своему родственнику, великому киевскому князю Изяславу Мстиславичу, производит аналогичное групповое посвящение русских молодых дружинников, сыновей бояр Изяслава.

В Польше пик подъема рыцарской культуры приходит с естественным запаздыванием — в конце XIV — первой половине XV в. Именно в этот период здесь происходят крупнейшие конные рыцарские сражения эпохи, такие как Грюнвальдская битва, бой под Короновом и пр. Ян Длугош в строках, посвященных непосредственной подготовке к Грюнвальдской битве, пишет: «Насмотревшись вдоволь на численность вражеского войска, он (польский король Владислав-Ягелло — *П.В.*) спустился с холма и препоясал большое число поляков рыцарским поясом, разжигая в них краткой, но веской речью боевой пыл и наставляя каждого в долге чести» (Длугош 1962: 96). В примечаниях к данному эпизоду добавлено: «В походной обстановке король ограничил обряд посвящения основным только его элементом — опоясыванием, причем только перевязью, без меча» (Длугош 1962: 203, примеч. 129).

Из русской терминологии для обозначения элитного конного бойца наиболее близким по смыслу понятию *рыцарь* является термин *витязь*. Одно из первых употреблений этого термина в русских письменных источниках встречаем в «Сказании о Дракуле» — древнейшем памятнике художественной прозы, созданном на Руси во второй половине XV в. В «Сказании» рассказывается о жестоком воеводе Мунтьянской (румынской) земли православной греческой веры князе Владе, известном под прозвищем Цепеша (или Дракулы), отличавшемся крайней жестокостью как к врагам, так и к своим подданным. В 1461 г. князь собрал воинов и вступил в непремиримую борьбу с турецкими завоевателями. После одной из тяжелых битв, где ему пришлось отступить, князь стал сам осматривать всех, кто вернулся с ним с поля битвы: «…кой раненъ спереди, тому честь велию подаваше и витязем его учиняше, коих же сзади, того на кол повеле всажати…» (Сказание о Дракуле 1982: 554). Необходимо подчеркнуть, что князь оказывает великую честь и производит в *витязи* храбрецов, не обративших тыл врагу, причем бойцов, уже принадлежащих к воинскому сословию. Таким образом, несомненно, что данный термин обозначает некую элитную касту в профессиональной воинской среде. С другой стороны, выражение *учиняше витязем* подразумевает проведение определенной процедуры (учреждения, производства или даже посвящения), что несомненно соответствует западноевропейской церемонии посвящения в рыцари.

[1] В хронике использован латинский термин «*milite*», изначально имеющий значение «*воин*», который с течением времени стал применяться только в отношении представителей воинской элиты, рыцарства.

Термин *витязи* встречаем и в других русских средневековых воинских повестях, например, в памятниках Куликовского цикла — в частности, в «Сказании о Мамаевом побоище», основная редакция которого датируется концом XV — началом XVI в. (Сказания и повести 1982: 38, 47). При этом термин используется в приложении к самым доверенным дружинникам Дмитрия Донского — тем, кого он посылает в смертельно опасную разведку. Недаром эти слова идут в сочетании с эпитетами «храбрые витязи», «избранные витязи в войске твоем».

В отечественной военной терминологии существует несколько версий происхождения термина «*витязь*». Одна из них — наиболее примитивная, а поэтому и более распространенная, возводит происхождение этого слова к скандинавско-прусскому варианту. По этой версии, скандинавское wiking было заимствовано пруссами как witingis, vitung после чего у русских трансформировалось в «витязь». Однако с точки зрения исторического литературного анализа этот вариант не выдерживает никакой критики. Во-первых, в средневековых письменных источниках эти понятия разнесены более, чем на 200 лет, причем термины «викинг» и «витинг» вообще не знакомы русским летописям. Во-вторых, термин «викинги» для всех без исключения народов Европы практически все время его бытования ничем не отличался от ругательства. Представление о гнусных повадках викингских шаек (по большей части — интернациональных) можно получить из многих источников. И даже в самой Скандинавии уже в эпоху принятия христианства и образования раннефеодальных государств (X–XI вв.), слово «викинги» превратилось в синоним грабителей и убийц, на которых охотились и которых истребляли как диких собак.

Вот, что по этому поводу говорит исследователь русского языка и исторической лексики С. И. Павлов: «Очень огорчительно знакомиться с попытками некоторых наших отечественных лингвистов доказать (вслед за В. Флоринским, М. Фасмером, А. Стендер-Петерсоном), что славянское слово «витязь» представляет собой просто слегка измененную форму скандинавского слова «викинг». И это при том, что «витязь» весьма уважительное титулование достойных воинов на Руси, адекватное западноевропейскому титулованию «рыцарь»! Приравнивать витязя к викингу — то же самое, что ставить знак равенства между благородным рыцарем и разбойником-убийцей. Сторонники норманнского происхождения термина ВИТЯЗЬ неправы. Значение слова «витязь» нетрудно определить после реконструкции археоморф: ВИ+Т(И)+ +А+СИ. Сочетание археоморф ВИ+ТИ достаточно ясно указывает в сторону хорошо известных нам понятий, выражаемых русскими словами «вить», «оплетать», «накручивать», «наматывать», «обвязывать». Сочетание археоморф А+СИ точно соответствует древней глоссе «а си», которая буквально переводится на современный язык фразой «краем режет» или фразой «край режущий». Это, в свою очередь, находится в точном соответствии с индоевропейским словом «аси», означающем «меч». Значит, древняя фраза «ви ти а си» и более позднее слово «витязь» имеют полное смысловое соответствие совре-

менной фразе «Препоясанный мечом». Понятно, речь здесь идет о человеке, достойном носить меч, о воине рыцарского достоинства» (Павлов 1999).

Итак, сам термин «витязь» («препоясанный мечом») и наличие определенной процедуры «учреждения в витязи» свидетельствуют о том, что воинский обряд опоясывания мечом, также, как и посвящение в рыцари на Западе, в эпоху развитого средневековья представлял собой торжественную церемонию перехода (инициации) молодых воинов в престижный круг посвященных — боевую элиту княжеской дружины. Правом опоясывания, по всей видимости, обладали представители только высшей знати — князья и воеводы, а позже и духовенство достаточно высокого ранга. Так, под 1149 г. летопись сообщает, что великий князь киевский Изяслав Мстиславич, в борьбе с Юрием Долгоруким, призвал себе на помощь своих сватов — государей венгерского, польского и чешского и устроил для прибывших союзников роскошный пир во Владимире. После этого, накануне битвы польский король Болеслав Кудрявый торжественно опоясал мечом многих молодых людей из русской дружины Изяслава: «И пришед к Луцку, и ту пребы 3 дни, и ту пасаше Болеслав сыны Боярскы мечем многы».(Карамзин 1991: 321, примеч. 323 к т. II, гл. XII). Отметим, что внимание автора привлек отнюдь не сам факт опоясывания мечом — для него самого и для современного ему читателя церемония выглядит вполне обычной и понятной. Повышенный интерес и нестандартность ситуации для летописца состоит в том, что воинский ритуал проводит не великий князь, а достаточно авторитетный гость и государь весьма сильной в военном отношении соседней страны, что можно расценить как знак величайшего уважения к русскому князю, высокого престижа и воодушевления для его молодых дружинников. Н. П. Дашкевич и М. Ф. Владимирский-Буданов видели в этом рассказе свидетельство заимствования рыцарских обычаев, в том числе ритуала посвящения, древнерусскими дружинниками из западноевропейских стран (Дашкевич 1902: 137, 138; Владимирский-Буданов 1888: 56). Д. С. Лихачев также считал, что на Руси бытовал обычай препоясывания мечом посвящаемых в дружинники, недаром для него существовал и специальный местный термин — «пасти мечом» (Лихачев 1985: 212)[1].

Под 1176 г. в летописи отмечено: «Совокупив ростовци и бояры, гридьбу и пасынки и всю дружину» (Карамзин 1991: 530, примечание 46 к т. III, гл.III). Это сообщение, по мнению ряда историков, характеризует трехзвенное членение княжеской дружины. При этом абсолютно по-разному трактуется термин «пасынок», причем все исследователи исходят из его современного значения: в семье — неродной сын для одного из супругов. Действительно, в средневековой Руси для обозначения вассально-дружинных отношений использовались понятия семейных отношений. Однако термин «пасынок» не встречается в русских летописях в семейном значении «неродной сын». Таким образом, мы видим здесь обрат-

[1] Термин «пасти» («пасать») означает *опоясать* (от др. русского *пас — пояс*); отсюда — *пасынки*, т. е. *опоясанные*, посвященные в ранг элитных воинов молодые княжеские дружинники.

ный эффект: молодой дружинник, прошедший обряд опоясывания, как бы официально принимается в дружинную семью, названным отцом которой является князь. И только со временем понятие «пасынок» в значении «приемный, названный сын» переходит в круг семейных отношений.

Крайне интересное сообщение содержится в жизнеописании псковского князя Довмонта, в православном крещении Тимофея, княжившего в Пскове во второй половине XIII в. В 1265 г. в результате кровавой усобицы князь нальшанский Довмонт (Дамант) был вынужден бежать со всей своей дружиной и всем своим родом из языческой Литвы во Псков. Здесь он крестился и стал ярым защитником православия, независимости псковских и новгородских земель. Вече посадило Довмонта на псковский престол. После четырех лет своего княжения и блестящих побед над немцами и литовцами князь со своей дружиной предстал лицом к лицу перед серьезным испытанием: в 1269 г. Ливонский орден предпринял весьма грозный поход на Псков. Рыцарей вел сам ливонский ландмейстер. Старшая Ливонская рифмованная хроника сообщила, что в немецко-датском походе на Русь участвовало 180 рыцарей, 18000 ополченцев и 9000 корабельщиков. Они сожгли Изборск и осадили Псков. Действовать нужно было решительно, не дожидаясь помощи нов-

Рис. 1. Игумен Исидор опоясывает мечом псковского князя Довмонта-Тимофея. В реконструкции использованы меч (хранится в Псковском музее-заповеднике) и чешуйчатый доспех (хранится в Государственном Эрмитаже), приписываемые князю Довмонту (версия реконструкции доспеха выполнена автором по материалам, опубликованным А. Н. Кирпичниковым, см.: Кирпичников 1976), а также Т-образный наносник шлема, найденный при раскопках на въезде Изборского городища (хранится в Изборском музее-заповеднике, см.: Артемьев, Лопатин 1994: 200, рис. 1, *4*).

городцев. И тогда для поднятия воинского духа горожан и дружины перед решительной битвой князь при поддержке духовенства публично прошел через рыцарский обряд посвящения. Так это описывается в «Сказании о Довмонте» — источнике, восходящему к жизнеописанию князя, составленному в XIV–XV вв. (Охотникова 1985: 191): «Слышав же местер земля Ризския мужество князя Довмонта, ополъчився в силе тяжце без бога, прииде къ граду Пскову в кораблех, и в лодиях, и на конях, с пороки, хотя пленити дом святыя Троица, а князя Довмонта руками яти, а мужей пскович мечи иссещи, а инех в работу ввести. Слышав же Довмонът ополчающася люди без ума, во множестве силы, без бога, и вниде в церковь святые Троица и, положив мечь свой пред олтарем господним, пал, моляся много со слезами, сице глаголя: Господи боже сил, мы людие твои и овца пажити твоея, имя твое призываем, призри на кроткия и смирены свыше, а гордых высокие мысли низложи, да не опустеет пажить овец твоих» (текст в редакции Псковской первой летописи, восходит к XIV в., см.: Охотникова 1985: 191). «Сице же молитве кончане бывши, и абие Исидор, игумен Мирожского монастыря, и весь иерейский чин вземше мечь его от земля н препоясаша его мечем. По сем же молитвовавше за него, и осенивше его живоносным крестом, и священною водою окропивше, и отпустиша, божью помощ прирекше» (текст в Распространенной редакции, составленной в XVI в., на основе письменных источников XV в., см.: Охотникова 1985: 227). По всей видимости, в юные годы при вступлении в воинский возраст Довмонт, будучи язычником, не проходил подобного обряда. Здесь же предпринятая церемония имела явно идеологическую направленность, при этом рыцарский жест возложения меча на алтарь, а также сам обряд опоясывания, проводимый старшим духовным лицом со всем присутствующим здесь клиром, красноречиво говорит о непоколебимой воле посвящаемого использовать свое оружие для защиты Святой Троицы и христианских ценностей в целом. Именно поэтому такое подробное описание обряда посвящения попало в псковские летописные источники в отличие от подобных по своей сути светских церемоний, проводимых в другой более спокойной обстановке. Да и вряд ли псковичи стали бы заимствовать в этот ответственный момент «вражескую» немецкую обрядность, когда этот враг стоит у ворот.

Итак, подводя итог, отметим следующее:

В период раннего средневековья обрядность воинской инициации определялась двумя церемониями, восходящими к периоду военной демократии германских и славянских дружин:

– *воинским постригом с торжественным посажением в седле на боевого коня,* что соответствовало началу воинского воспитания юноши;

– *торжественным вручением оружия*, что соответствовало окончанию периода воинского обучения и становлению молодого воина полноправным и свободным членом общества.

В эпоху развитого средневековья, когда в качестве основной военной силы общенародное ополчение сменяется профессиональными элитными подразделениями тяжеловооруженной конницы, второй обряд, знаменующий

вступление в воинскую элиту, преобразуется в торжественную церемонию рыцарского посвящения. Эта церемония может достаточно сильно варьироваться и изменяться в зависимости от различных исторических периодов и для различных регионов Европы, однако, практически везде и всегда центральным местом обряда является ритуал *опоясывания рыцарским мечом*.

С течением времени этот ритуал, как и сама рыцарская идеология, попадает под плотный контроль христианской церкви, и ипостась «защитника Христа» и «воина Христова» прочно входит в состав мотивации воинской элиты общества, что выражается в жестах *положения рыцарского меча на алтарь* и его освящения перед процедурой опоясывания.

С середины XII в. все чаще наблюдаются случаи *группового посвящения*, особенно накануне военных мероприятий (сражений или походов) для воодушевления воинской молодежи перед серьезным испытаниеи.

Все выше представленные соображения в полной мере относятся и к княжеской дружине средневековой Руси, включая и самих молодых князей как верховных представителей воинской элиты. При этом, что вполне естественно, весь комплекс рыцарских ритуалов носит архаичный характер, как, впрочем, и во многих других периферийных регионах рыцарской Европы. Церемониал может быть реконструирован следующим образом:

– *постриг*. По достижении 7–8 лет (по всей видимости, в знатных семействах ритуал мог проводиться и в более раннем возрасте: 4–5 лет) мальчика, которого готовили к воинской стезе, отец, священник, назначенный кормиличич или выбранный покровитель прилюдно сажал на стационарно закрепленное воинское седло, и затем отстригал прядь волос. При этом мальчику могли вручать оружие, надеваться некоторые реплики доспехов. Так, например, А. Е. Мусин, описывая известный инкрустированный золотом шлем Ивана Грозного, хранящийся ныне в Королевской оружейной палате в Стокгольме, считает, что «его вероятное предназначение — быть церемониальной одеждой для четырехлетнего Ивана во время обряда «всажения на конь» (Мусин 2005: 294). После этого с благославления священника воины поднимали седло вместе с сидящим в нем неофитом и устанавливали на спину стоящего здесь же боевого коня. Церемонию производили очень торжественно при большом стечении народа и приглашенных гостей. Праздник завершался богатым пиршеством. Воинский постриг знаменовал собой начало воинского воспитания юноши. Его забирали из женской половины дома, из опытных дружинников назначали воспитателя (кормиличича), который обучал его верховой езде, умению обращаться с лошадьми, оружием, охоте и многим другим воинским премудростям. Мальчик становился *отроком*;

– *опоясывание мечом***.** По окончании периода воинского обучения и при достижении юношей 18–22 лет, наиболее достойные из отроков проходили торжественный обряд рыцарского посвящения, знаменующий их вступление в корпорацию элитных воинов — княжескую дружину. Обряд проводился самим князем, либо равным ему по рангу феодалом церкви. Меч перед обрядом

освящался, а впоследствии также мог быть возложен алтарь как знак посвящения его Христу, служению церкви и защите христиан. Посвящаемый произносил молитвы, а также давал торжественную клятву верности (роту) своему сеньору, после чего тот брал с алтаря меч с перевязью и застегивал его на поясе вновь испеченного дружинника.

Источники не дают нам представления о том, насколько широко практиковалась вся эта воинская обрядность в слоях воинской элиты средневековой Руси. Но вряд ли из этого следует делать вывод об эксклюзивном характере подобных ритуалов. Ведь точно также мы не имеем никакой информации, например, о церемонии «посажения на престол» русских князей, о свадебных обрядах, обряде крещения и пр., хотя, естественно, все эти обряды имели место на протяжении многих веков. Но даже факт того, что производные от описываемых церемониалов термины «пасынок» и «витязь» не только вошли в средневековые письменные памятники, но широко используются в современном русском языке, говорит сам за себя.

Литература

1. *Артемьев, Лопатин 1994* — Артемьев А. Р., Лопатин Н. В. Предметы вооружения из раскопок въезда на Изборское городище // РА. № 2. 1994.

2. *Балушок 1995* — Балушок В. Г., Инициации древнерусских дружинников // Этнографическое обозрение. № 1.1995.

3. *Владимирский-Буданов 1888* — Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб.; Киев. 1888.

4. *Дашкевич 1902* — Дашкевич Н. П. Рыцарство на Руси — в жизни и поэзии // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Кн. 15. Вып. IV. Киев. 1902.

5. *Дельбрюк 1933* –Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. III. Средневековье. М. 1933.

6. *Длугош 1962* — Длугош Я. Грюнвальдская битва. М.; Л. 1962.

7. *ИЛ* — Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2, М. 1998.

8. *Карамзин 1991* — Карамзин Н. М. История Государства Российского. М. 1991.

9. *Кардини 1987* — Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М. 1987.

10. *Лихачев 1985* — Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л„ 1985.

11. *Кин 2000* — Кин М. Рыцарство. М. 2000.

12. *Мусин 2005* — Мусин А. Е. Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб. 2005.

13. *Охотникова 1985* — Охотникова В. И. Повесть о Довмонте. Исследование и тексты. Л. 1985.

14. *Павлов 1999* — Павлов С. И., Москва и железная «мощь» Святослава (о происхождении названия Москва). М. 1999.

15. *Кленшан 2004* — Кленшан Филипп дю Пюи де. Рыцарство. СПб. 2004.

16. *Кирпичников 1976* — Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л. 1976

17. *Сказание о Дракуле 1982* — Сказание о Дракуле-воеводе // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М. 1982.

18. *Сказания и повести 1982* — Сказания и повести о Куликовской битве. Л. 1982.

19. *Татищев 1995а* — В.Н. Татищев 1995а. История Российская. Ч. 2. Т. III. М. 1995.

20. *Татищев. 1995б* — В.Н. Татищев. 1995б. История Российская. Ч. 3. Т. IV. М. 1995.

21. *Щавелева 1990* — Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. М. 1990.

22. *Ястребицкия 1978* — Ястребицкия А. Л. Западная Европа XI– XIII веков. М. 1978.

23. *Andrieu 1940* — Andrieu M. Le Pontifical Roman // Studi e Testi. T. II. Rome. 1940.

24. *Flori 1979* — Flori J. Les origines de l'adoubement chevaleresque: etude des remises d'armes et du vocabulaire qui les exprime // Traditio. T. 35. 1979.

25. *Recueil des historiens des Gaules 1738* — Recueil des historiens des Gaules et de la France T. XV. Paris. 1738.

The Ritual of Military Ordaining to a Prince's Retinue in Medieval Rus

P. A. Vasin

In the early Middle Ages, the ritual of military initiation comprised two ceremonies, going back to the period of the military democracy of German and Slavic *druzhinas* (armed retinues): military haircutting with the solemn mounting onto the saddle of the battle horse as the beginning of the military training of a young man and ceremonial presentation of weapons that corresponded to the termination of the period of military training and the young warrior becoming a free and full member of the society.

During the advanced Middle Ages, when the common militia as the main armed force gave place to professional elite detachments of heavy cavalry, the second ritual of joining this military elite was replaced by the solemn ceremony of knighting. That ceremony varied notably in different regions of Europe, however, practically everywhere the central point of the ritual was cincturing of a knightly sword. In due time that ritual, along with the ideology itself of knighthood, fell under the control of the Church. The *hypostasis* of a «defender of Christ» and a «warrior of Christ» was firmly established in the motivation

of the military elite. This was evinced in the ritual of placing the knight's sword upon the altar and consecration of the sword prior to cincturing. Since the 12th century, group ordaining was becoming ever more widespread particularly before some serious war actions, battles or raids.

All the above is completely true as the princely armed retinues of medieval Rus are concerned. After attaining the age of 7 or 8 years (in the families of nobility, perhaps, even earlier), the boy who was being prepared for a martial career was mounted in the presence of the people on a stationary fixed military saddle after which a hair lock was cut off from his head. During the ceremony, a weapon may have been handed over to the boy or some elements of armour put on him. After that, with the benediction of a priest, warriors hoisted the saddle with the neophyte mounted in it onto the back of a battle horse. The ceremony was concluded with a feast.

After finishing the term of their military training, when the young men attained the age of 18–22 years, the most deserving among them held the solemn ritual of knighting which marked their joining the corporation of elite warriors — the princely *druzhina*. The ritual was conducted by the prince himself or by a Church hierarch of an equal rank. The sword was consecrated before the ceremony and then offered upon the altar as a token of consecration to Christ, service for the Church and defence of Christians. The person being ordained was delivering prayers and swore solemnly allegiance to his seignior, after which the latter took the sword with the sword-belt from the altar and fixed it at the waist of the newly minted *druzhinnik* (bodyguard).

А. Г. Векслер

Спасательная археология и музеефикация в условиях мегаполиса Москвы

Москва — город с многовековой богатой событиями историей. Как и все древние поселения, он стоит на напластованиях культурного слоя. В историческом ядре мощность слоя достигает 8 м и более, а к окраинам значительно уменьшается. Город растет, развивается, развертываются большие работы по регенерации его исторического центра. Ведется благоустройство заповедных парков, с воссозданием их исторического облика. Меняются коммуникации на трассах исторических дорог. И на всех археологически значимых участках территории проводятся постоянные опережающие и сопровождающие исследования, которые ведутся на основе современной правовой базы России и нормативных документах столицы[1].

Федеральный закон РФ от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия» ввел понятие «спасательные археологические работы для сохранения объектов археологического наследия». Проблемы спасательной археологии весьма актуальны для Москвы, где значимость культурного слоя чрезвычайно велика и внедрения в него постоянны.

Территория Москвы представляет собой гигантский археологический комплекс, весь исторический центр, в пределах Камер-Коллежских валов, городской черты XVIII в., т. е. площадь в 20 000 га, имеет юридический статус памятника археологии. А за ее пределами лежат зоны культурного слоя на месте древних подгородных поселений,

[1] Охранные археологические исследования проводятся в соответствии с Законом Российской Федерации от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»; решениями Московского Городского Совета народных депутатов от 28 декабря 1988 года № 2854 и от 14 августа 1990 года № 1445 «О мероприятиях по сохранению памятников археологии и упорядочению археологического надзора в г. Москве»; Законом города Москвы от 09 июня 2004 года № 40 «Об особом порядке регулирования градостроительной деятельности на исторических территориях зон охраны объектов культурного наследия в городе Москве»; Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 апреля 2008 года № 315 «Об утверждении Положения о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации»; инструкцией «О порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры», утвержденной решением Министерства культуры СССР от 13 мая 1986 года № 203 по согласованию с Госстроем СССР; «Правилами производства работ по прокладке и переустройству подземных сооружений в городе Москве», утвержденными решением Мосгорисполкома от 30 января 1990 года № 160; «Положением о производстве археологических раскопок и разведок», утвержденным Институтом археологии РАН 23 февраля 2001 года; «Инструкцией и Открытым листом на право производства археологических разведок и раскопок», выдаваемых Институтом археологии РАН; «Методическими рекомендациями по проведению археологических работ в условиях реконструкции и застройки г. Москвы», утвержденными Главным Управлением охраны памятников города Москвы 24 мая 1990 года; и др.

слобод, монастырей, объектов древней инфраструктуры и исторических некрополей.

2008 год в московской археологии знаменателен. Два десятилетия тому назад, в декабре 1988 г. Правительством Москвы было выпущено решение, определившее создание и развитие городской Археологической службы в системе Органов охраны памятников. Именно на основе этого решения и последующих нормативных актов сформировалась принципиально новая и вполне устойчивая система взаимоотношений между строительным комплексом и Археологической службой. Комитет по культурному наследию города Москвы (Москомнаследие) согласует всю проектно-сметную документацию, экспертирует любые проекты, связанные с внедрением в культурный слой и в случае даже фрагментарной его сохранности организует специальные исследования на предпроектной стадии, а затем ведет постоянные наблюдения и по необходимости экспресс-раскопки в ходе земляных работ. За время деятельности Археологической службы в системе Москомнаследия выпущено свыше 900-та Историко-археологических опорных планов, а в состав рабочих архитектурных проектов введены, как специальный раздел Проекты организации археологических работ (ПОАР). К примеру, в 2008 г., экспертные проекты были разработаны по столь важным объектам, как Хохловская и Лубянская площади (в связи со строительством подземных паркингов), Марфо-Мариинская обитель (в связи с реставрацией и реконструкцией территории), Большая Никитская ул. (в зоне реставрации и реконструкции консерватории), ул. Тверская, д. 22 (зона бывшей гостиницы «Минск») и др.

Отметим, что археологический проект содержит геоподоснову, на которую вынесена вся известная информация о развитии территории и сохранности ее культурного слоя. Соответственно в проект закладывается разработка всех сметных расчетов, методика работ, подъезды, удаление грунта, необходимое количество рабочих, сроки, короче говоря, весь комплекс работ, позволяющий сегодня видеть в городской археологии некую индустрию и воспринимать участие археологов, как необходимую часть производственного цикла, такую же как геологические и геодезические работы. Чрезвычайно результативными для изучения города стали исследования 2006–2008 гг., когда, в соответствии с проектной документацией, на территории исторического центра, были проведены опережающие исследования на 160-ти значимых объектах. Важнейшим, пожалуй, из недавних объектов спасательных работ стали исследования на месте снесенного здания гостиницы «Россия» и на Хохловской площади.

В Зарядье — прибрежном участке территории Великого посада, где доныне вдоль ул. Варварки и на Москворецкой наб. сохранились древние памятники московского зодчества, для разведки слоя были выбраны фрагментарно сохранные участки, свободные от действующих инженерных коммуникаций (отметим что, здесь на памятниках архитектуры разведочные археологические работы велись в связи с обследованиями кафедры Инженерно-геологической академии, выяснявшей состояние оснований и подземных частей

зданий). При предварительных работах в Зарядье, где исследования проведены в тесном сотрудничестве с Институтом археологии РАН, экспедицию которого возглавлял Л. А. Беляев, пройдено 7 раскопов суммарной площадью свыше 500 м^2, при мощности слоя до 5 м. Здесь исследованы фундаменты Китайгородских стен, сложенных из белокаменных тесаных блоков, раскопаны многочисленные жилые и хозяйственные срубные постройки, обнаружены предметы прикладного искусства и городского быта, изразцы, керамические сосуды и т. д. Любопытна иконка-складень XVI в., на которой среди фигур святых имеется выразительное изображение патрона города Москвы — Георгия Победоносца. Отметим, что эти раскопы были заложены вне действующих коммуникаций, которые все еще пронизывают территорию Зарядья и основные работы возможны только после их отключения, в случае если начнется выборка грунта для котлована под строительство нового гостинично-делового комплекса.

Среди разведочных шурфов в Зарядье, давших наиболее важные результаты, нельзя не сказать об архитектурно-археологическом открытии под храмом Св. Варвары, где под зданием церкви XIX в., сооруженной по проекту архитектора Родиона Казакова, оказался прекрасной сохранности белокаменный подклет храма начала XVI в., который можно связывать с именем зодчего Алевиза Нового. После полного раскрытия и консервации здесь будет создана интереснейшая архитектурная экспозиция.

Особое значение среди работ в историческом центре имеют исследования, связанные с реконструкцией Большого театра, в зоне которого приходится вести работы в сложных условиях под бетонной плитой при прожекторах, и здесь, поистине спасательная археология, позволила обнаружить основания предшествующих зданий, а также проследить деревянную застройку Петровской дороги. На обследованной территории обнаружены интереснейшие предметы ремесла, и быта, в том числе, мастерски выточенная на токарном станке костяная шахматная фигурка XVI в., — игры, судя и по археологическим находкам, и по описаниям путешественников, широко распространенной в древней Москве.

Уникальные произведения резьбы по камню были обнаружены на Хохловской площади, где при расчистке белокаменного основания стены Белого города XVI в. в кладке оказались белокаменные архитектурные детали с ренессансным резным орнаментом, которые, по-видимому, попали сюда из разобранных более ранних великокняжеских строений Московского Кремля. В настоящее время разработан проект музеефикации «in situ», обнаруженного участка укреплений Белого города для создания экспозиции в верхнем ярусе, строящегося подземного паркинга.

Особый интерес для изучения Замоскворечья представили спасательные исследования на Кадашевской набережной, связанные с развитием Государственной Третьяковской галереи. Общая площадь раскопок составила свыше 500 м^2. В культурном органогенном грунте на берегу Водоотводного канала прекрасно сохранились деревянные сооружения слободской застройки XV–XVII вв., жилые срубы, водоотводы, колодцы, дворовые вы-

мостки. В коллекции находок представлены уникальные изразцы, украшения, кресты-тельники, причем некоторые из них, судя по находкам каменных форм, здесь же и отлиты. Эта коллекция в дальнейшем будет представлена в строящемся выставочном комплексе галереи, где найдется место и для материалов раскопок, которые велись для музея, так сказать, «у него дома».

Спасательные исследования не ограничиваются историческим центром. Интереснейшие материалы, необходимые для воссоздания усадебных комплексов получены при археологических исследований, которые проводились в Лефортове, Коломенском, Кузьминках, Воронцове. В Захаркове, на берегу Химкинского водохранилища, при сооружении надземного павильона Музея «Подводная лодка» разведано средневековое селище домонгольского периода. В ходе археологических исследований в парке на территории исторической усадьбы Воронцово во входной зоне обнаружены остатки белокаменного въездного моста, кирпичных арок, булыжной мостовой усадьбы XVIII–XIX вв. Эти археологические объекты теперь музеефицированы и доступны для всеобщего обозрения.

На территории Государственного Музея-заповедника «Царицыно» в придворцовой зоне на площади 59 га раскрыты и музеефицированы несохранившиеся баженовские Большой Кавалерский и Камер-Юнгфарский корпуса, Оранжерейный комплекс, Домик садовника, спуск к пандусу, трассы дорожек исторического парка. В результате работ получены данные для разработки проектной документации и музеефикации дворцово-парковых построек.

Вся строительная история Царицына, эволюция его застройки представлена в подземных музеефицированных археологических залах Большого дворца ГМЗ «Царицыно». Здесь можно проследить, как зодчий М. Ф. Казаков использовал в кладках основания дворца в качестве строительного материала архитектурные детали предыдущих строений, в том числе — распиленные колонны Баженовского дворца. В экспозиции представлены предметы, обнаруженные при раскопках в Царицыне и на исторических путях к нему, причем экспонированы не только изразцы и строительные детали, но и серебряный рубль императрицы Екатерины, волею которой строился, разрушался и вновь создавался Большой дворец.

Уникальным объектом исследований является и другой знаменитый царский дворец в истории Москвы и России — деревянное «осьмое чудо света» в Коломенском, где археологами были полностью раскрыты фундаменты сложного комплекса и высказано мнение о нецелесообразности его воссоздания на прежнем месте; в результате Государев дворец сооружается как новодел в натуральную величину в заповеднике на другой территории — за бывшем селом Дьяковом, где и будут экспонированы предметы коллекции, обнаруженные при раскопках в Коломенском.

Крупнейшие по масштабам работы ведутся на территории исторического парка «Лефортово», где уже проведены десятки раскопов, раскрыты набережные, конструкции берегоукреплений искусственных островов, гроты, фонтаны. Эти работы сначала были связаны с прокладкой Третьего транспортного

Рис. 1. Спасательные археологические раскопки 1998 г. в атриуме Старого Гостиного двора. Бревенчатая панорама горизонта XVI–XVII вв. Руководитель работ А. Г. Векслер

кольца, а в 2008 г. вновь осуществлен большой объем раскопок для получения данных для эскизного проекта восстановления первого регулярного парка России.

В решении задачи возрождения садово-парковой культуры существенное значение имеют обнаруженные элементы декора, связанные с именем Б. Растрелли, строившего здесь Зимний дворец для императрицы Анны Иоанновны, а в дальнейшем прославившегося созданием великолепных ансамблей Петербурга и дворцами в его пригородах.

Важной темой, связанной с городской археологией, как уже отмечено, является музеефикация обнаруженных архитектурных сооружений. Интересный опыт такого рода можно увидеть на Театральном проезде — это основание церкви Святой Троицы в Старых полях, которая после раскопок поистине стала «музеем под открытым небом». Нельзя не отметить, что после консервации белокаменная кладка спокойно воспринимает метаморфозы московского климата.

Значимым объектом предстоящей музеефикации является основание знаменитой Сухаревой башни XVII в., где работы по строительству подземного перехода в ее зоне идут уже третий год, ввиду особой сложности транспортной ситуации. Спасательные раскопки велись в экстремальной обстановке буквально посреди кипящего движения Садового кольца, но, тем не менее, основание башни было археологически раскрыто и проведена его консервация. Трасса подземного перехода скорректирована по нашему предложению и пройдет сквозь арку башни, а обнаруженные архитектурные детали, будут экспонироваться в примыкающем к переходу подземном приямке.

И, пожалуй, одним из самых ярких объектов недавнего времени являются — «Теплые торговые ряды» на Ильинке. Здесь на территории Великого посада археологами раскрыто в 2008 г. свыше сорока построек XIV–XVII вв., обнаружен монетный клад ранней московской чеканки, прослежены горизонты домонгольского времени. В строящемся здании предполагается специальная археологическая экспозиция.

Находки, обнаруженные при спасательных раскопках после камеральной обработки, экспонируются в залах Выставочного Археологического комплекса Москомнаследия «Старый Гостиный двор», который был создан после многолетних исследований этого объекта. Проводится и здесь серьезная работа по приобщению к городской археологии юных москвичей увлеченных поисками в исторических недрах. Выставочный комплекс также гостеприимно представляет свои залы для представления москвичам самых выдающихся открытий археологии России. Не случайно именно здесь, после кратковременного показа на высшем уровне в Совете Федерации, с огромным успехом проходила презентация уникальных находок Старой Ладоги, обнаруженных в результате выдающихся раскопок, которые ведутся на протяжении долгих десятилетий при неустанном подвижническом руководстве Анатолия Николаевича Кирпичникова. Пользуясь случаем, я искренне и сердечно поздравляю со славным Юбилеем моего давнего друга, Анатолия Николаевича, сделавшего огромный вклад не только в оружиеведение и археологическую науку, но и в сохранение культурного наследия России.

Safeguarding Archaeology and Museification in the Context of the Moscow Megapolis

A. G. Veksler

In the short publication by the Chief Archaeologist of the city of Moscow Alexander Veksler, a system of safeguarding (so-called «preventive») archaeology of Moscow is described as it has been established during the last two decades. In Moscow, which itself may be considered as a multiform archaeological complex, archaeological researches have become part of the city-planning, urban design development and accomplishment of a modern city. By real examples, the author demonstrates the necessity of an advanced archaeological design and the importance of its adaptation to the complicated conditions of a megapolis. A review of the most significant results of the large-scale archaeological researches in Moscow during the last years is presented. In addition, examples of museification of archaeological objects and of the new exhibitions based on recent excavations are described. The archaeological museification of the Voskresensky Bridge, the Saint-Trinity Church «in the Old Field», of historical objects in the Tsaritsyno palaces and some park complexes became an evidence of the real ties between centuries in Moscow in the context of the life of a contemporary megapolis.

Г. П. Визгалов

Археологические исследования Старотуруханского городища (Новой Мангазеи)

Археологические памятники освоения русскими территории Красноярского края остаются малоизученными по сравнению с Западной Сибирью, Забайкальем, Якутией и Приамурьем. Проводились, фактически, лишь аварийные раскопки в г. Красноярске и разведочные работы в г. Енисейске. В связи с этим важное значение приобретают археологические исследования Старотуруханского городища (Новой Мангазеи) — первого русского поселения в Восточной Сибири.

История Старотуруханска началась с возникновения Туруханского ясачного зимовья. Год основания зимовья точно не установлен: Г.Ф. Миллер, сделавший во время поездок по Сибири в 1733–1743 гг. большое количество копий документов в местных архивах, относил основание зимовья к 1607 г. (Миллер 2000: 30), а Б.О. Долгих на основе анализа ясачных книг относит образование зимовья к 1604 г. (Долгих 1960: 122).

Туруханское зимовье являлось опорным пунктом при продвижении русских в Восточную Сибирь. С ним связано начало освоения судоходства в низовьях Енисея. В 1668 г. по приказу мангазейского воеводы Родиона Павлова из-за «хлебной скудости» в Туруханское зимовье были переведены на «вечное жильё» казаки, стрельцы и всё воеводское управление. В 1669–1672 г. из Мангазеи в Туруханское зимовье переселилось около 450 человек (Туруханск 2004: 52). К этому времени зимовье являлось наиболее удачным местом для размещения воеводской администрации и удобным в экономическом, транспортном и демографическом отношениях населённым пунктом (Резун, Василевский 1989: 219).

12 июня (июля) 1672 г. на месте Туруханского зимовья был заложен город, названный Новая Мангазея (Белов, Овсянников, Старков 1980: 32; Резун, Василевский 1989: 219; Туруханск 2004: 53). Строительство города осуществлялось под руководством воеводы Данилы Наумова, в соответствии с указом царя Алексея Михайловича (СЛ: 164). Во внешнем облике новый город напоминал старую Мангазею: кремль представлял собой четырёхугольную крепость со стенами высотой около шести метров, рублёными в технике «тарас» (двойные стены с перерубами), с четырьмя глухими башнями, стоявшими по углам, и пятой проезжей башней, обращённой к Енисею (Крадин 1988: 103–108; Ополовников, Ополовникова 1998: 287; Резун, Василевский 1989: 219).

В 1708 г. Новая Мангазея была переименована в Туруханск, ставшим центром Туруханского уезда. В начале XIX в. город приходит в упадок. Открытие новых, более удобных путей в Восточную Сибирь и оскудение пушных богатств привели к ослаблению его роли как торгового и промыслового центра. Поводом для перенесения из Туруханска уездного центра послужил пожар 1909 г. В том же году все административные органы были перевезены в село Монастырское. В 1920 г. город Туруханск — Новая Мангазея переименовали в Старотуруханск, а название Туруханск дали селу Монастырскому (Туруханск 2004: 48–55). В настоящее время Старотуруханск — это деревня, в которой проживает около 70 человек, имеется небольшая школа-интернат, библиотека и музей.

Первое натурное обследование Старотуруханска предпринял в 1917 г. известный краевед, консерватор Красноярского краеведческого музея А. Я. Тугаринов. Он который записывал легенды и воспоминания старожилов, фотографировал остатки церкви и сохранившихся древних построек (Яворский, Макаров 1989: 35).

Археологическое обследование Старотуруханского городища было начато в 1972 г. В. Ф. Старковым. Исследователь осмотрел территорию памятника и снял его план, а также выполнил зачистку слоя в двенадцати современных ямах-погребах и собрал подъемный материал XVII–XIX вв. (Старков 1970).

В 2007 г. разведочная группа научно-производственного объединения «Северная археология-1» совместно со специалистами Службы по охране объектов культурного наследия администрации Красноярского края провела рекогносцировочные работы по выявлению участков культурного слоя XVII–XIX вв. на территории современного посёлка. Границы распространения культурного слоя были нанесены на современный генеральном план Старотуруханска. Выяснилось, что размеры поселения составляют около 970×280 м, а мощность культурного слоя достигает 2 м. На значительной части территории современной деревни слой сильно поврежден современными постройками, огородами и коммуникациями.

В ходе шурфовки и в результате сборов подъёмного материала из разрушенного слоя собрано более 380 предметов XVII–XX вв. — медные монеты, фрагменты керамики, фаянсовой и деревянной посуды, кожаной обуви, железные изделия, украшения из цветного металла, ружейные кремни, судовые скобы и др.

В 2008г. с западной стороны взвоза на городище был заложен раскоп (60 м^2). В ходе работ выявлены три строительных горизонта, представленные остатками четырёх построек. Все постройки ориентированы вдоль края береговой террасы. Две постройки первого строительного горизонта по стратиграфическим наблюдениям одновременны и датируются XVII в. Постройка второго строительного горизонта (сложная конструкция из двух срубов, вставленных один в другой) относится к концу XVII — началу XVIII вв. Третий строительный горизонт представлен одной постройкой середины XVIII в. и развалом пода печи. В условиях недостатка строительного дерева, на соору-

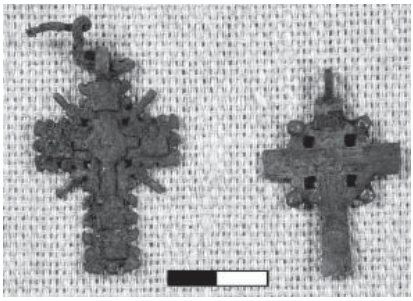


Рис. 1. Старотуруханское городище. Нательные кресты

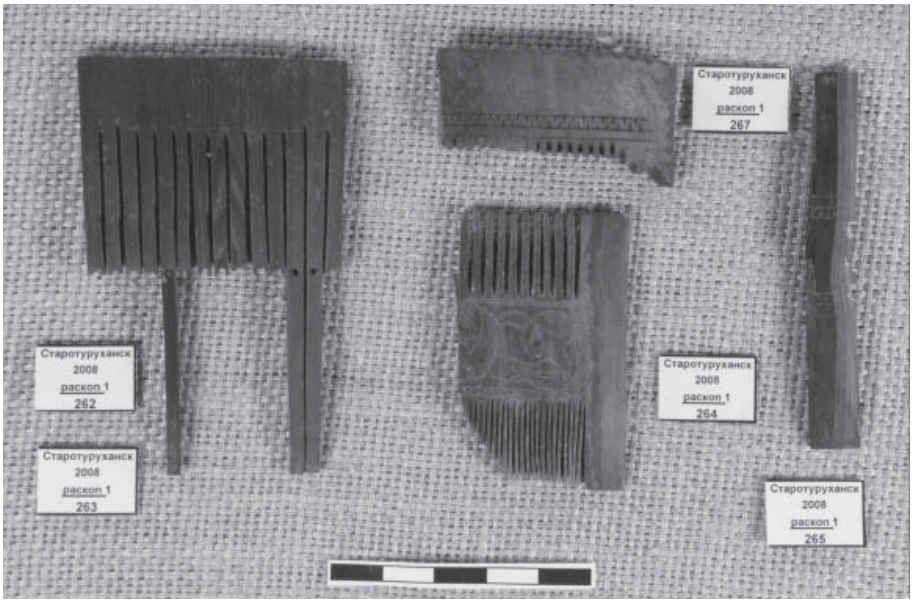


Рис. 2. Старотуруханское городище. Фрагменты костяных гребней

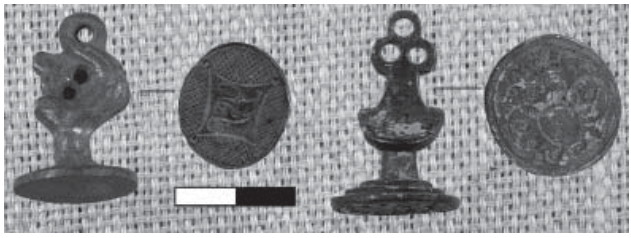


Рис. 3. Старотуруханское городище. Медные печатки

жение домов шли корабельные детали: найдены два фрагмента шпангоутов, кокора, доски бортового набора.

На предполагаемом месте расположения кремля (на возвышенности за деревенским музеем, свободной от современной застройки) был заложен шурф. В нем зафиксирован культурный слой мощностью до 1,3 м, содержавший находки XVII — середины XX вв. Следы застройки здесь не выявлены.

Особенности мерзлотных почв севера создают условия для консервации артефактов из органических материалов. Эти находки являются неоценимым источником по истории освоения Сибири. Многие находки имеют аналогии в материалах раскопок Мангазеи, что объясняется прямой миграцией населения со Старой Мангазеи на Новую: фрагменты тканых и вязаных изделий, мерные деревянные палочки, сторожки петельного самолова, деревянные ложки, одна из которых имеет одинаковый с мангазейской прорезной крестик на торце рукоятки, копылья нарт, грузила-кибасы, нательные кресты (рис. 1), ременные пряжки, костяные гребни (рис. 2), дверные навесы и др. Уникальны детали деревянного стула, две медные печатки (рис. 3), писчие перья.

В ходе раскопок 2008 г. была также собрана богатая остеологическая коллекция. По определению сотрудника института экологии растений и животных уральского отделения РАН Т. В. Лобановой, в ней представлены кости северного оленя, лося, зайца, песца, свиньи, крупного и мелкого рогатого скота, лошади, собаки, домашней кошка, а также птиц и рыб. Большинство костей принадлежало домашним животным.

Старотуруханское городище является уникальным памятником и особо ценным источником по истории и материальной культуре русских периода освоения Севера Восточной Сибири в период нового — новейшего времени. Это единственный русский город XVII–XIX вв. в Восточной Сибири, расположенный в условиях вечной мерзлоты. Культурный слой памятника представляет интерес и для палеоэкологических исследований.

Литература

1. *Белов, Овсянников, Старков 1980* — Белов М.И. Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Ч. 1. М. 1980.

2. *Долгих 1960* — Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М. 1960.

3. *Крадин 1988* — Крадин Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество. М. 1988.

4. *Миллер 2000* — Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М. 2000.

5. *Ополовников, Ополовникова 1998* — Ополовников А. В. Ополовникова Е. А. Древний Обдорск и заполярные города-легенды. М. 1998.

6. *Резун, Васильевский 1989* — Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск. 1989.

7. Старков 1970 — Старков В. Ф. Отчет о работах Мангазейской экспедиции арктического и антарктического НИИ в 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 4402.

8. СЛ — Сибирские летописи // ПСРЛ. Т. 36. М. 1987

9. *Туруханск 2004* — Туруханск — северная вотчина государства Российского. Книга-альбом, посвящённая истории и перспективам Туруханска и Туруханского района. Красноярск. 2004.

10. *Яворский, Макаров 1989* — Яворский А. Л., Макаров Н. П. Двадцать лет во главе музея // Век подвижничества. Красноярск. 1989.

Archaeological Investigation of the Townsite of Staroturukhanskoye (New Mangazeya)

G. P. Vizgalov

The townsite of Staroturukhanskoye (New Mangazeya) is the first Russian settlement in Eastern Siberia. In 2007–2008, reconnaissance investigations were conducted at the site. In the course of excavation and gathering of surface materials from the disturbed layer, a representative assemblage of artefacts of the 17th–20th centuries has been collected (coins; fragments of ceramic, faience and wooden pottery; objects of leather, iron, nonferrous metals, glass and bone; gun-flints; two copper seals etc.). Three horizons of wooden structures of the 17th–19th centuries have been revealed.

Т. Вилкул

Заложение града. По мотивам Хроники Иоанна Малалы

Заложение первых древнерусских «градов» в Повести временных лет (ПВЛ) описано достаточно кратко и схематично. Вспомним классическое описание создания Киева («и створиша градъ во имя брата своего старѣишаго. и нарекоша имя ему Киевъ», см.: ЛЛ: 9)[1], или известие о заложении Новгорода («Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря. [и] прозвашасѧ своимъ имянемъ и сдѣлаша градъ. и нарекоша и Новъгородъ», см.: ЛЛ: 6)[2].

Как на самом деле происходило дело — точно неизвестно. Археологи и историки пристально изучают проблемы градообразования, но начальный этап, а именно — акт заложения какого-либо конкретного города или крепости, реконструировать едва ли возможно. Создатели исторических полотен пытаются живописать картины для просвещения заинтересованных зрителей, но транслируют им, скорее, современные представления о подобных событиях.

Как кажется, лаконичная форма летописи содержит дополнительную информацию. Обнаруживается это при сравнении с формульным рядом известий о заложении градов в хронографической литературе. Совпадения, по-видимому, не случайны, поскольку именно хроники служили одним из важнейших образцов при создании ПВЛ.

Наибольшее число записей о заложении градов содержит Хроника Иоанна Малалы. Здесь и «сътворение» древнейших греческих, восточных и италийских городов культурными героями и легендарными царями: Нином (Ниневия), Троем (Троя, Илион), Персеем (Персида), Пелопсом (Пелопонес), Ромом (Рим), и создание городов эллинистическими и римскими правителями. Также речь может идти о постройке укреплений, восстановлении и переименовании города. Большинство известий такого характера фиксирует создание «града» (в значении *города* и *крепости*) как первый пункт исторического развития: правление первого царя, начало истории народа. Сообщение, обычно, более или менее краткое: «Нинъ[3] *ж* дръжатель бывъ асоурио*м*, твори*т* гра*д* Ниневгию, и асоу\\рио*м* црствуеть. пръвое *ж* в не*м*»

---

[1] Цит. по Лаврентьевскому списку (ЛЛ). Варианты по другим спискам (Радзивиловский, Академический, Ипатьевский, Хлебниковский — далее: Р, А, И, Х): «сотвориша городокъ въ имя брата ихъ»; Р нет «имя ему», АИХ вместо «имя ему» стоит «и». При передаче текстов пунктуация древняя, орфография упрощена.

[2] Варианты: «и» добавлено из РАИХ; РАИХ «содѣлаша городъ».

[3] «Нинъ» у Иоанна Малалы — «брат Пика-Зевса» («асурии» — ассирийцы).

(Мал. 1.18)[1], «…въста нѣкыи моуж. от колѣна Афетова, в земли Пресѣченстѣи[2], именем Инах. и тои пръвѣе црствова в земли тои. и сътворил град тоу въ имя лунное. и нареч Иополь…» (Мал. 2.5)[3].

Вторым обязательным элементом сообщения есть наречение. Град назывался правителем или культурным героем своим именем либо именами родственников. Наречение по своему имени — наиболее распространенная в хронике схема с применением формулы «въ имя свое»[4] или без нее[5]. Родственники правителя или культурного героя, в честь которых получает название город, упомянуты разнообразные: сыновья[6], дочь[7], жена[8], мать[9], отец[10]. В эллинистическое и римское время

---

[1] В Архивском списке (Арх) пропущено, см. Виленский (Вил) л. 32. Хроника Малалы переиздана (Истрин 1994). Мною привлекался также текст Иудейского хронографа непосредственно, по Вил и Арх (часть текста, Мал. 1–4). Далее указываю листы списков (относительно Арх — отмечено В. М. Истриным).

[2] «Пресѣченская земля» и «Пресѣчен» — примечательное для древнерусских летописей название, ср. «Пересечен», но так в Хронике Малалы переведено Аргийская земля, Аргос.

[3] Арх л. 32 а, Вил л. 35. Далее следует обоснование названия «Иополь».

[4] Мал. 2.9 (Арх 33d, Вил л. 38) «Пръсеоус… побѣди ликаоны. и пришед въ вѣсь нарицаемоую Мандроу. сътвори в неи град. и поставивъ своего тѣла образ (в Арх пропущено) прѣд враты. и жрътвоу сътворивъ нареч яко града того Пръсида, въ свое имя». Здесь, необходимо отметить, что град называется и «Иконионъ», и «Персида». В оригинале различается наименование собственно города, и его «судьбы», τύχην; последнее слово осталось непереведенным (видимо, такое разграничение было слишком сложным для книжника). См.: καὶ… ἐκάλεσεν τὴν τύχην τῆς πόλεως Περσίδα εἰς τὸ ἴδιον αὐτοῦ ὄνομα… ἥντινα πόλιν ἐκάλεσεν τὸ Εἰκόνιον, διότι πρώτης νίκης εἰκόνα… ἐκεῖ ἔλαβεν. *Ioannis Malalae*, Chronographia (CFHB: 26). Мал. 2.12 (Арх л. 34b, Вил л. 39) «Сии же Кадмосъ… созда ж и град Въотии великъ. иже нареч своим именем Кадмию и црствова» (Въотия — т. е. Беотия). Мал. 4.9 (Арх л. 39а, Вил л. 47) «црствовал въ Фругиистѣи странѣ Троосъ. иж бѣ оц҃ь Иловъ, и Гунамидовъ. сии созда града два, Трую въ свое имя, и Илии въ имя Или сн҃а своего стареишаго». Мал. 4.10 (Арх л. 39b, Вил л. 48) «и црствова Лаконъ лѣт,лг҃, и созда град именем Гофию близ моря. и по сем црствоваша в лаконѣх ини. до црства Фестя цр҃я, иж созда град и прозва въ свое имя. Фестию». Мал. 8.1 (Арх л. 342d–343а) «Никатороу же Селеоукъ, абие побѣдивъ Антигона Полиаркита, хотя здати грады многы… и начертавъ градъ, абие положи основаниа, нарекъ градъ Селевкию въ свое имя».

[5] Мал.4.12 (Арх л. 39d, Вил л. 49) «црствова Пелексъ лѣт.ли҃. от него ж пелепонисисѣ прозвашася, елладиистии създа ж град, иж Пелопонисъ нареч оттолѣ. Пелепониско црство, црство наречся Елладичско». Мал. 8.1 (Арх л. 342с) «Антигонъ… създалъ ес градъ близъ езера и рѣкы Драконта, иже прозва Антигонию». Мал. 10.3 (Арх л. 387а) «(Тиберий) създа же въ Июдѣи въ езера градъ, иже нарече Тивериадоу». Мал. 10.7 (Арх л. 395а) «(Клавдий) създа же градъ, иже прозвавъ въ свое имя Клавдиаополъ».

[6] Мал. 2.5 (Вил л. 35об., Арх л. 32а) «в неи* Селѣвкъ Никаторъ, макидонянинъ. създа град потом по тѣх лѣтѣх. нареч во имя сн҃а, Антиохию великую». Мал. 8.1 (Арх л. 343а) «(Антиох) създа же Антиохию въ имя сн҃а своего Антиоха и прирок/ом/ Сотира». Мал. 8.2 (Арх л. 343b) «(Антиох) създа же и дроугыя грады въ разныхъ предръжаниихъ и въ Перскыхъ странахъ, ихъ же число есть.ое҃., яко же Паоусании списа, ихъ же имена нарече въ имя свое и дѣтии своихъ». (Арх л. 343b–с) «никто же бо, зиждя града, въ имя мрътваго нарицяеть, оукоризна бо есть, но во имя живаго. се же градъ Антиохию нарече въ имя сн҃а своег Антиоха». Иногда создание града во имя сына видно из совпадения названий, ср.: Мал. 5.2 (Арх л. 199b) «оставль сего Александра, прирокомъ Парида, ѿц҃ь его Приимъ на селѣ. сътвори же градъ великъ на селѣ томъ, нарече градъ Парнонъ».

[7] Мал. 8.2 (Арх л. 343b) «създа же и дроугыи градъ въ Соурии именемъ Лаодикия, пре/же/ бывшю весь именемъ Мавданъ… създа же и другыи градъ въ имя дщери своея Памыи, Памию, прежде нарицяемую Фарииакымъ».

[8] Мал. 2.6 (Вил л. 36, Арх л. 32с) «Ангеноръ шед въ Фуникию. поя женоу именем /Арх проп./ Ту\\ръ. и сътворивъ. град. и нареч имя ему яко ж бѣ женѣ его имя Тоуръ. и црствова ж тоу». Мал. 6.8 (Арх л. 306с) «и прия Ения цр҃ьство съ побѣдою и дщерь Латиню Лавинью. и създа тоу Ения град великъ, еже нарече Лавинии» («Ения» — Эней).

[9] Мал.2.6 (Вил л. 36–36об. Арх л. 32d) «И създа ж Таоуръ цр҃ь в том Кри*т*стѣм островѣ. град великъ. нареч ему имя Гортунъ. въ имя мт҃ри своея, яж бѣ от рода Дыева» («Дыи/Дии» — Зевс).

[10] Мал. 2.14 (Вил л. 42, Арх л. 36а) «абие Антионъ, лоунныи хитрець. създа град великъ ѕѣло о двою на десяте вратъ. еже бѣ первѣе весь /Арх доб. юж нарицаху/. Неньхелию. юже нарекоста та град Фивы именем. оц҃а своего. повелѣнием мт҃ре своеа».

отмечается именование города в честь императора. Сообщается также о создании на месте «веси» (поселения) города, получившего название по имени стратига[1]. Иногда название объясняется обстоятельствами жизни героя или царя, проявившимися как раз перед созданием «града»[2].

Время до появления городов, как проговорился в первой книге своей хроники Иоанн Малала, является временем архаической «дикости». Я имею в виду следующее изречение: «…в та *ж* лѣта не бѣ града, ни дворовъ бѣ въ западны*х* стран*ах*. но просто живяху»[3]. Речь идет об Италии до прихода на царство Пика-Зевса[4]. Тем не менее, само по себе создание градов, как будто бы, не является цивилизационным мероприятием, каковым предстает изобретение музыкальных инструментов, букв, кузнечного ремесла и оружия, называние звезд и планет. По крайней мере, эксплицитно об этом не сказано.

Любопытно, что в сообщении об основании Рима, в известии, видимо, наиболее близком к записи ПВЛ об основании Киева, к имени Рома славянским переводчиком сделана существенная смысловая добавка — о том, что Ром был старшим братом. Об этом нет в греческом тексте и нет у Амартола, изложение которого в этой части восходит к тексту Малалы (подчеркнуты дополнения в тексте по сравнению с греческим)[5]:

> Мал. 7.I. Потом же цр^{с}твоваста брата два, Ром ти Римъ. Ромъ же, **старѣи братъ** Римовъ, градъ сътвори и нарече имѧ емоу Римъ. того ради прозвани быша роми.
>
> Καὶ λοιπὸν ἐβασιὶλευσεν Ῥῶμος ὁ κτιὶστης τῆς Ρώμης καὶ Ῥῆμος **ὁ ἀδελφὸς** αὐτοῦ. ὅθεν μετεκλήθησαν Ῥωμαῖοι.
>
> Ам. 39.20–21: по томь же цр^{с}твова Ромъ, иже созда Римъ градъ, и Римъ, **братъ** его.

Это, разумеется, не означает, что летописец непременно моделировал свое известие по этому тексту Малалы или Амартола, хотя такая возможность не исключена, и работа древнеславянского переводчика[6] представляет, как кажется, некоторый интерес.

У Малалы в нескольких случаях более точно описан процесс заложения города, если говорится не о создании на пустом месте, а о наличии преды-

---

[1] Мал. 9.4 (Арх л. 363c) «огради весь, юже нарец Востроу въ имя Востра, посланаго от него стратига».

[2] Уже упоминавшееся выше известие о создании Иополя Инахом, Мал. 2.5 (Вил л. 35, Арх л. 32a): «и сътворил граⷣ тоу въ имя лунное. и нареч Иополь чтять бо ю. пресѣчане бо͞гом /в Вил правка, Арх ош. пресѣчя нб͞о/ въ таинах наричють имя лун͞ѣ, Ио, да иже и доселѣ. сътвори *ж* въ градѣ том цр͞кввь лун͞ѣ, и постави еи образ мѣдянъ». Мал. 2.9 (Вил л. 38, Арх 33d) «Пръсеоус… побѣди ликаоны … граⷣ же нареч Иконионъ. рекшю пръвую побѣду». Мал. 2.9 (Вил л. 38, Арх л. 34a) «(Персей, первый раз ступив на землю) и съзⷣа в тъи вѣси граⷣ, *иж* нареч Тарсъ, прикосновением ногы». Мал. 9.3 (Арх л. 363b) «и огради весь, нарицяемую Арсини, сътвори градъ, *иж* прозва Анкура. обаполы бо его еста два моря» («Анкура» — ‘якорь’).

[3] Мал. 1.20. Вил л. 32об., в Арх пропущено.

[4] У Малалы Зевс является не богом, а одним из первых царей, и фигурирует под двойным именем, в древнеславянском переводе — «Пик (Пикос)-Зеус».

[5] Греческий текст см.: *Ioannis Malalae*, Chronographia, 132. Древнеславянский перевод Малалы см.: (Истрин 1994:185). Перевод Хроники Амартола цитируется по: (Истрин 1920; Матвеенко, Щеголева 2006).

[6] Традиционно предполагают, что перевод Хроники Малалы сделан в Болгарии в X в.

дущего поселения, «веси» или «села». Используется выражение «огради весь» (имеется в виду, что правитель создал стены вокруг деревни, греч. καὶ τειχίσας κώμην)[1]. Далее, хронист более детально останавливается на заложении на пустом месте: отмечает, что необходимо было «начертать» и «заложить основания» граду[2]. Говорится и о такой подробности, как человеческие жертвы: такой-то «сътвори градъ», «на жертву давъ девицю»[3]. В наиболее подробном изложении присутствует информация о гадании о месте создания города: царь созывает разнообразных «специалистов» по гаданию и общению с высшими силами, прилетает орел, забирает жертвенное мясо, улетает и роняет его на месте будущего града[4]. Тем не менее, подробности об «ограждении» либо «начертании», гаданиях и жертвах не привлекли внимание русских летописцев. В ПВЛ (если верно предположение о возможных заимствованиях и хронографических влияниях) нашла отражение лишь самая общая хронографическая схема: начало культурной истории и правление первого князя связано с созданием града и его наименованием.

Как уже говорилось, в других хрониках сюжет заложения города представлен несколько хуже. В том числе, меньше сообщений в Хронике Амартола, несмотря на то, что в начале ее помещен текст, восходящий к Хронике Малалы[5]. Некоторые сюжеты, впрочем, в славянском переводе Амартола звучат вразумительнее, чем у Малалы[6]. Вдобавок, в том случае, если летописцу были доступны оба текста (а похоже, что это так, поскольку в ПВЛ имеются заимствования и из Хроники Амартола, и из Малалы, см.: Истрин 1922; 1994; Шахматов 1940; Творогов 1975; Вилкул 2007), сравнение одних и тех

[1] Мал. 9.3 (Арх л. 363b) «и огради весь, нарицяемую Арсини, сътвори градъ…». Ср. также Мал. 9.4, Арх л. 363c (текст см. выше).

[2] См. ниже, о Селевке, Мал. 8.1 (Арх л. 342d–343a). Наиболее подробно процесс заложения описан в Александрии Хронографической (которая, как считал В. М. Истрин, была на достаточно раннем этапе приплетена к Хронике Малалы). Александрия, кн. 1, гл. 31: сначала сам македонский царь «зачерте градъ», но слишком размахнулся. «Зиждители» убедили его не делать «толь велика града», он положился на их опыт, они же «очертоша градъ»; далее раздали «мѣста» живущим в «весях» поблизости; сообщается также, что «очертоша градъ моукою осыпающе», прилетели птицы, «позобаша моуку» и т. д. (Истрин 1893: 32–33).

[3] Мал. 9.3 (Арх л. 363b) (Август Октавиан, создав град «Анкура») «…на требоу давъ дв҃цю Григорию на очищение». Более пространно, о создании города Ифигенией: Мал. 5.21 (Арх л. 209b–c) «създавше же трикомите требникъ великъ Артемидѣ, оумолиша Ифигению, да пожреть Артемидѣ дв҃ою дѣвица и имя еи имя наречеть граду. юже дѣвицю именемъ Ноуксу приведше, сътвориша требоу Артемидѣ» («трикомите» от: τρεῖς κῶμαι — 3 поселения, на месте будущего «града» Нуксы, переименованного затем в Скифополис).

[4] Мал. 8.1 (Арх л. 342d–343a) «и скончявъ жрътвоу и обрѣзав мяса молися, гдѣ боудеть задъти град. и внезаапоу /Вил *доб.* орелъ/ въземъ съ требника мясо, в Палеяполъ понесе. гнавъ же Селеоукъ и сущии с нимъ кобылници, обрѣте мясъ повержено при мори ниже Палеополѣ и вспие Пирия. и начертавъ градъ, абие положи основаниа, нарекъ градъ Селевкию въ свое имя». В греческом тексте см. также Мал. 8.12 (нумерация глав в славянском и греческом не совпадает), *Ioannis Malalae*, Chronographia, 151.55–152.76. Сцена, может быть, позаимствована из романа Псевдо-Каллисфена об Александре Македонском (Истрин 1893: 34).

[5] См. Ам. 34 о Нине и Ниневии; Ам.35 о граде Иконии; Ам.36 о Тарсе (у Амартола «Тарсонъ»), об Инахе и Иограде (так у Амартола, у Малалы «Иополь»), о Туре; Ам. 37 о Пелопонисе, Ам. 39 о Роме и Риме и др.

[6] Напр., о создании Тарса у Малалы читается пространно, но далее читается не вполне понятное «създа градъ» «прикосновением ногы» (Мал.2.9), а в Ам. 36.1–2: «и въдроуживъ плесноу въ землю, градъ тоу созда и нареч имя емоу Тарсонъ въ имя ногы своея».

же или схожих сюжетов могло привлечь внимание книжников. Что же касается ветхозаветных книг, то в них подобных эпизодов намного меньше: после нескольких известий о легендарных «градах» древнейшего времени[1] информация о заложении практически прекращается, поскольку древние евреи, войдя в землю обетованную, города в основном брали и разрушали, а не создавали[2]

В свете сказанного особое значение приобретает Хроника Малалы, где особенно много сообщений о легендарных «градах» с более-менее повторяемой схемой повествования. При анализе известий, может быть, следовало бы учитывать и то, что в основе одного из ранних древнерусских хронографов (может быть даже, самого раннего), лежали выписки именно из Хроники Малалы (Истрин 1903: 167–185).

Литература

1. *Вилкул 2007* — Вилкул Т. Л. Повесть временных лет и Хронограф // Palaeoslavica. XV, № 2. Cambridge, Massachusetts, 2007.

2. *Истрин 1893* — Истрин В. М. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893.

3. *Истрин 1920* — Истрин В. М. Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. 1. Пг., 1920.

4. *Истрин 1922* — Истрин В. М. Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. 2. Пг., 1922.

5. *Истрин 1994* — Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. М., 1994.

6. *Истрин 1903* — Истрин В. М. Краткий хронограф с Хроникой Иоанна Малалы // Журнал Министерства народного просвещения. Ноябрь. 1903.

7. *Матвеенко, Щеголева 2006* — Матвеенко В., Щеголева Л. Книги временные и образные Георгия Монаха. Т. 1. Ч. 1–2. М., 2006.

[1] Ср. Пятикнижие, РГБ, собрание Троице-Сергиевой лавры № 1, л. 4об. (рукопись отцифрована, см.: http://www.stsl.ru/manuscripts/book.php?col=1&manuscript=001): Быт. 4.17 (о Каине) «и заченши роди Еноса. и бѣ зижа градъ. и нареч градъ во имя сн̄а своего Еноса». Вил, л. 23об. Быт. 10.11 «от земля тоя изыде. Асуръ. и созда градъ, Нинѣвгию. и Оровотъ градъ, и Халакъ»; л. 24 Быт. 11.4 «и рѣша приидѣте да созиждемь собѣ градъ. и сынъ (столп, башня — *Т. В.*). емоу *ж* будеть верхъ до нб̄се».

[2] Ср. в книге Иисуса Наввина. Проклятие, после разрушения Иерихона: Троицкий хронограф, л. 4b (Ис. Нав. 6.25) «и прокля Иссъ пре бг̄мъ гл̄я. проклятъ чл̄кь иже постави градъ. на первенци своемъ основеть и. и на меншемъ своемъ поставить и врата его». Правда, в некоторых случаях речь может идти о создании града («създа», «съградиша») в значении ‘обновление укреплений’: Троицкий хронограф, л. 16а (Ис. Нав. 19.50) «и даша емоу градъ его же проси Фамънасафарь. иже есть въ горѣ Ефрѣмлѣ. и съградъ градъ. въселися въ нь»; там же, л.45а (Ис. Нав. 21.23) «и створиша тако. и пояша жены от пляшющихъ по числу ихъ. яже оунесоша и отидоша. и възвратиша въ причасе свое. и съградиша грады и сѣдоша в нихъ».

8. *Творогов 1975* — Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975.

9. *Шахматов 1940* — Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Т. IV. 1940.

10. *CFHB* — Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. XXXV. Ed. H-G. Bech, A. Kambylis, R. Keydell. Berolini, Novi Eboraci, 2000.

Chronicle of John Malalas and Foundation of Towns

Vilkul Tatiana

The Primary Russian Chronicle («*Povest' Vremennykh Let*») presents no detailed information on foundation of towns and strongholds whereas the Chronicle of John Malalas which had its impact on the Old Russian chroniclers contains much of such evidence. The account of Malalas reveals some patterns of description that might shed light on the scanty passages of the Primary Chronicle.

M. Wołoszyn

Polsko-ruskie pogranicze w X–XIII w. Perspektywy badań archeologicznych

I. Wprowadzenie

Jeden z najważniejszych procesów jak dokonał się w ciągu wieków średnich to chrystianizacja naszego kontynentu (trudno cytować tu choćby wybór podstawowych prac; najnowsze, zbiorowe ujęcia syntetyczne, zob.: Angold 2006; Noble, Smith 2008; Rubin, Simons 2009; stosunkowo wiele miejsca poświęcono archeologicznemu obrazowi tego procesu w innej wydanej w Cambridge pracy: Berend 2007; zob. także Padberg 2006; dla Europy wschodniej i północnej, zob. Müller-Wille 1997–1998; Мусин 2002).

Jak wiadomo zasadniczo chrystianizacja realizowana była przez ośrodek rzymski i Konstantynopol. Ostatecznie fakt ten doprowadził do ukształtowania się w obrębie naszego kontynentu dwóch obszarów: łacińskiego i prawosławnego. Schyłek średniowiecza, epoka nowożytna przyniósł wyodrębnienie się w ramach świata łacińskiego strefy protestanckiej. Jak wiadomo, decyzje M. Lutra czy J. Kalwina miały znaczenie daleko wykraczające poza religijną strefę życia, wystarczy odwołać się tutaj do klasycznego studium M. Webera (Weber 1994)[1]. Sam M. Weber stosunkowo niewielką uwagę poświęcił różnicom religijnym Europy środkowo-wschodniej i wschodniej (por. Zipprian 1997), problematyka ta jest jednak przedmiotem intensywnych studiów tak historyków, politologów, językoznawców, socjologów, jak antropologów kultury (znaczenie podziałów, w tym wyznaniowych także dla współczesnych losów Europy środkowo-wschodniej, wschodniej omawia m. in. C. Goehrke: Goehrke 2000). Dyskusja na temat zróżnicowania geograficznego Europy, w tym wydzielania regionów takich jak Europa środkowo-wschodnia, Europa wschodnia (na temat tych określeń, zob. Lübke 2004a; por. także Lübke 2007) nieuchronnie wymaga klarownego definiowania pojęcia Europa jak i europeizacja; omówienie przynajmniej niektórych współczesnych nurtów badawczych mediewistyki, z perspektywy słowiańskiej Europy (Rosik 2008: 95–109).

Wydaje się, że w dyskusji tej jest także miejsce dla archeologii. Nic nie zmieni faktu, iż zabytki archeologiczne są źródłami «niemymi». Ich analiza umożliwia jednak niezwykłe wydłużenie perspektywy czasowej, z jaką możemy śledzić proces europe-

[1] Dzieło M. Webera ukazało się w latach 1904–1905. Cytowane powyżej polskie wydanie nie jest niestety pełnym przekładem tej pracy (por. uwagi D. Lachowskiej, zamieszczone w dodatku «Prace Maxa Webera przetłumaczone na język polski», zob. Weber 2002: 1124).

izacji. Niewątpliwie nawet najpiękniejsza nawet amfora nie zastąpi Dziejów Herodota, warto jednak pamiętać, iż przekazy autorów starożytnych, średniowiecznych, czy nowożytnych nie wolne są od wyobrażeń, uprzedzeń, schematów myślowych ich autorów. Właśnie archeologia — przy wszystkich jej ograniczeniach — pozwala nam spoglądać na dzieje Europy i kształtowania się jej regionów bez (by użyć określenia J. Kolendo, por.: Kolendo 2007: 271) «rzymskich okularów».

Pogranicze strefy prawosławnej i łacińskiej (katolickiej, prawosławnej) ciągnie się od Skandynawii aż po Sycylię.

Jednym z wycinków tej strefy jest pogranicze polsko-ruskie. W skład Polski w jej dzisiejszych granicach wchodzą ziemie stanowiące w XI–XIII/XIV w. zachodnie peryferie Rusi Kijowskiej (ryc. 1).

W pracach historyków fakt ten jest traktowany zupełnie jednoznacznie (por. np. Wyrozumski 1999; Natanson-Leski 1964; Lübke 2004b). W opracowaniach archeologicznych dopiero od niedawna ziemie te rozpatrywane są w im właściwej, wschodnioeuropejskiej perspektywie.

Problematyka ziem wschodnich dzisiejszej Polski nie stanowiła dotąd zbyt częstego tematu studiów archeologicznych.

Ryc. 1. Polska w czasach Kazimierza II Sprawiedliwego i Leszka Białego (wg: Wyrozumski 1999, ryc. 80) na tle współczesnych granic Polski:

a — granice państwa Kazimierza Sprawiedliwego w 1194 r.; *b* — zachodnia część ziemi krakowskiej przekazana Mieszkowi Plątonogiemu w 1177 r.; *c* — współczesne granice Polski (rys. I. Jordan)

Dysponujemy co prawda opracowaniem A. Nowakowskiego (Nowakowski 1972), który podjął próbę uchwycenia zróżnicowania kultury materialnej ziem nad górnym Bugiem w średniowieczu, podstawowym problemem pozostaje jednak brak pełnego opracowania znalezisk z kampanii wykopaliskowych prowadzonych na trzech kluczowych stanowiskach tego regionu, tj. Czermna, Gródka i Sąsiadki (ogólne omówienie problemów badawczych regionu, zob. Buko 2005; 2007; 2008).

Obecnie prowadzone są prace zmierzające do publikacji wyników tych badań, w wypadku znalezisk z Sąsiadki realizowane przez zespół doc. dr hab. J. Kalagi (Instytut Archeologii UW), w wypadku Gródka oraz Czermna (badania 1952) przez J. Kuśnierza (Muzeum Zamojskie w Zamościu), P. Sikorę (GWZO) i autora niniejszego tekstu[1].

Zwrócić należy z kolei uwagę na prowadzone obecnie badania wykopaliskowe, przynoszące niezwykle wartościowe ustalenia, w tym miejscu wymienić należy przede wszystkim badania w Trepczy koło Sanoka (zespół J. Ginalskiego; por.: Ginalski 2001) oraz Chełmie (zespół A. Buko; por.: Buko 2005: 336–337).

Badania nad problematyką pogranicza polsko-ruskiego (środkowy odcinek Bugu) realizowane są przez K. Skrzyńską-Jankowską (2006).

W studiach nad formowaniem się pogranicza polsko-ruskiego zupełnie podstawowe znaczenie mają ustalenia M. Parczewskiego i H. Zoll-Adamikowej, bazujące na wynikach analizy wybranych zabytków ruchomych i studiów osadniczych oraz analizie przemian obrządku pogrzebowego.

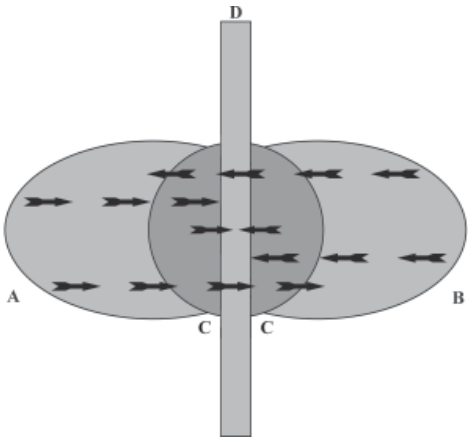
W roku 2003 autor niniejszego tekst obronił pracę doktorską, przygotowaną pod kierunkiem prof. dr hab. M. Parczewskiego pt. *Archeologiczne zabytki ruchome pochodzenia bizantyńskiego i ruskiego z okresu od połowy X do połowy XIII w. z obszaru Polski południowej* (por. Wołoszyn 2006a). Bez wątpienia dla pełnego rozpoznania pogranicza polsko-ruskiego koniecznym jest zestawienie tak zabytków „polskich» jak i»ruskich» z obszaru Polski wschodniej, wydaje się jednak, że pozyskane dotąd ustalenia mogą wnieść pewne novum do studiów nad relacjami polsko-ruskimi i formowania się pogranicza monarchii Piastów i Rurykowiczów w X–XIII w.

II. Pogranicze, pogranicze polsko-ruskie — przesłanki metodologiczne, archeologiczne, historyczne

II.1. Uwagi teoretyczne — granica, pogranicze a kultura materialna

Rezygnując w tym miejscu z analizy obszernej literatury przedmiotu dotyczącej problematyki granic (por. zwł. Karp 1972; Nicklis 1992), pogranicza (z nowszych opracowań antropologii kulturowej Straczuk 2006: 12–51; z opracowań koncentrujących się na problematyce średniowiecznej, por. Rajman 2002; Abulafia, Berend 2002; Hardt 2005; Merisalo, Pahta 2006; Herbers, Jaspert 2007; Knefelkamp,

[1] Prace te realizowane są w Lipsku, w GWZO w ramach projektu «Vergleichende Untersuchungen zum sozialen, wirtschaftlichen und kulturellen Wandel in den Grenz- und Kontaktzonen Ostmitteleuropas im Mittelalter II: Zwischen Ost und West: Die Transformationszone am Rand Lateineuropas (10.–13. Jahrhundert)». Oczywiście ich realizacja nie byłaby możliwa bez życzliwości i pomocy Muzeum im. Stanisława Staszica w Hrubieszowie oraz Instytutu Archeologii UMCS, a zwłaszcza Prof. dr hab. A. Kokowskiego.



Ryc. 2. Kultura obszaru pogranicza — model teoretyczny (opr. M. Wołoszyn, rys. I. Jordan)

Bosselmann-Cyran 2007), jak i problemu archeologii etnicznej (Brather 2004; Burmeister, Müller-Scheessel 2006; Pohl 2006; 2008) warto może podkreślić dwa fakty:

1) w strefie kontaktu dwóch różnych kultur (A i B) wytwarza się / może się wytworzyć obszar o charakterze pogranicza, w którym cechy obu zespołów ulegają / mogą ulec zmieszaniu. Ziemie te charakteryzuje niekiedy także wytworzenie się specyficznych dla nich zjawisk kulturowych (kultura pogranicza);

2) powyżej opisane zjawisko nie oznacza, iż nie jest możliwym uchwycenie zasadniczej granicy między zespołami A i B. Część elementów kultury zespołu A dość swobodnie przenikać może na obszary zespołu B, część z nich jednak nie znajduje tam akceptacji (i na odwrót tylko część kultury strefy B zyskuje akceptację społeczności strefy A). Rozmieszczenie elementów charakterystycznych wyłącznie dla strefy A i B pozwala nam uchwycić granicę między obydwiema strefami. Rzecz jasna, zwłaszcza kartując rozmieszczenie wyrobów kultury materialnej nie należy spodziewać się wyznaczenia przez nie precyzyjnych linii demarkacyjnych, w praktyce jest to szersza lub węższa strefa.

Powyższe uwagi starałem się przedstawić graficznie (por. ryc. 2).

Wydaje się, że kompleksowe badania nad pograniczem winny obejmować analizę dwóch opisanych powyżej zjawisk.

Przy próbach rekonstrukcji formowania się pogranicza polsko-ruskiego przy wykorzystaniu źródeł materialnych warto zwrócić uwagę na kilka kwestii, wynikających ze specyfiki bazy źródłowej jaką dysponuje archeolog-mediewista.

II.1.1. Identyfikacja zabytków

Specyfika położenia archeologa wczesnego średniowiecza, zwłaszcza badającego jego młodsze odcinki, wiąże się z faktem, iż jest on w zasadzie pozbawiony owego narzędzia klasyfikacji materiału zabytkowego jakimi są, wydzielane dla starszych odcinków dziejów grupy, kultury archeologiczne. W praktyce posługujemy się określeniami polski (czy prapolski), ruski, bizantyński, czy też czeski. Nawiązują one bardziej do naszej wiedzy historycznej, niż wynikają z analizy materiału zabytkowego. Oczywiście istnieje możliwość rozróżnienia przedmiotów polskich i czeskich, polskich i ruskich, niemniej jednak faktem jest, iż kultura prapolska, w sensie w jakim zaproponował stosowanie tego terminu J. Kostrzewski[1], poważnie różni się od definicji przyjętych np. dla kultury ceramiki wstęgowej rytej czy przeworskiej.

[1] «Jako kulturę prapolską określamy kulturę Polan, Ślężan, Wiślan, Mazowszan, Kujawian, Pomorzan i innych drobniejszych plemion, z których w zaraniu dziejów utworzył się naród polski» (Kostrzewski 1962: 9).

We współczesnej literaturze przedmiotu toczy się niezwykle żywa dyskusja na temat charakteru kultur archeologicznych, a zwłaszcza możliwości ich «historycznej», m.in. etnicznej interpretacji. Zwracając uwagę na negatywne skutki braku zdefiniowanych kultur archeologicznych dla okresu X–XIII w. mam na myśli etap analizy chronologiczno-typologicznej materiału archeologicznego. Archeologia okresów pozbawionych źródeł pisanych niejako zmuszona była wypracować precyzyjne definicje jednostek kulturowych. Abstrahując w tej chwili od problemu ich interpretacji stwierdzić należy, iż ich szczegółowe zdefiniowanie ułatwia wyodrębnianie przedmiotów «obcych», «nietypowych» dla danego obszaru.

II.1.2. Poszczególne kategorie zabytków i ich przydatność w studiach nad pograniczem polsko-ruskim

Badania archeologiczne dostarczają corocznie setek tysięcy zabytków, ruchomych i nieruchomych. Są wśród nich przedmioty o charakterze masowym (ceramika, przęśliki) jak i zupełnie unikalnym (kołty). Już fakt zróżnicowanej liczebności poszczególnych zabytków wpływa na ich wartość dla rekonstrukcji minionych społeczności. Bez wątpienia obserwacje dokonywane w wyniku analizy materiału masowego są bardziej wiarygodne, podkreślić jednak należy, iż zabytki unikatowe, często wykonane starannie, bogato zdobione łatwiej datować jak i przypisać określonemu kręgowi wytwórców.

Należy jednak zwrócić uwagę, iż charakter niektórych kategorii zabytków, w tym spotykanych masowo, a zarazem precyzyjnie definiowanych raczej wyklucza je ze zbioru przedmiotów przydatnych dla studiów nad kształtowaniem się pogranicza, granicy.

II.1.2.1. Monety

Na tle innych zabytków przypisanie poszczególnych monet władcom np. Polski czy Rusi nie nastręcza większych kłopotów.

Należy jednak zauważyć, że monety są przede wszystkim środkiem płatniczym, i jako takie trafiać mogą na bardzo odległe obszary, swobodnie przekraczając granice starożytnych, średniowiecznych państw czy całych cywilizacji. Chyba najlepszym przykładem średniowieczna Europa środkowo-wschodnia i wschodnia, z dziesiątkami tysięcy monet arabskich. Równocześnie obieg monet, ich deponowanie w poważny sposób zależy od wagi, a przede wszystkim rodzaju kruszcu, z którego zostały wykonane. Koncentracja monet srebrnych na północy Polski, czy Rusi nie wynika z «cech kulturowych» władców, czy mieszkańców tych ziem, jest po prostu odbiciem szerszych zjawisk związanych z obiegiem kruszców w średniowiecznej Europie.

Monety należą do zabytków najczęściej odkrywanych z zespołach gromadnych (skarbach). Oczywiście warunkiem tezauryzacji monet jest ich obecność na danym terenie, nie jest to jednak warunek wystarczający. Dobrym przykładem V–VII wieczna Europa środkowa i Skandynawia. W V–VI w. na teren Skandynawii napływały ogromne wręcz ilość złotych monet bizantyńskich, u schyłku VI i w początkach VII w. (do 626) z podobną sytuacją mamy do czynienia na terenie Kotliny Karpackiej. O ile jednak w Skandynawii tezauryzacja monet była zjawiskiem wręcz powszechnym, o tyle z terenu Kaganatu

Awarskiego znamy minimalną ilości skarbów (por. Wołoszyn 2008).

Jak wiadmo liczba skarbów znanych z terenu średniowiecznej Małopolski jest znikoma (por. Kóčka-Krenz 1993), właśnie ten fakt, a nie uprzedzenia «Małopolan» tłumaczą brak na tym obszarze monet ruskich.

II.1.2.2. Ozdoby

O wspomnianym fakcie niewielkiej ilości skarbów znanych z Małopolski warto pamiętać także zastanawiając się nad rozmieszczeniem w Polsce innych, spotykanych masowo kategorii zabytków, a znanych głownie ze skarbów. Chodzi tu przede wszystkim o ozdoby, np. lunule wykonane ze srebrnej blachy (typ I wg klasyfikacji S. Małachowskiej; por. Małachowska 1998).

II.1.2.3. Elementy uzbrojenia

Wśród elementów uzbrojenia znanych z Rusi; por. monumentalne dzieło irpičnikova (Кирпичников 1966a; 1966b; 1971; 1973). Spotkać można zarówno elementy zachodnioeuropejskie (np. miecze) jak i typowo wschodnie. Wskazać tu można kiścienie, czy elementy łuku refleksyjnego. Jak wiadomo dla Europy wschodniej charakterystyczne są groty strzał z trzpieniem, podczas gdy Słowianie zachodni stosowali zasadniczo groty z tulejką. Oczywiście istnieje możliwość uchwycenia na terenie Polski piastowskiej ruskich elementów uzbrojenia, niemniej jednak przydatność tej kategorii znalezisk jako źródła do badań nad formowaniem się kultury pogranicza należy podchodzić ostrożnie, gdyż «uzbrojenie to specyficzna, interregionalna kategoria zabytków. Geneza poszczególnych rodzajów uzbrojenia nie jest łatwa do określenia, przedmioty te używane bywają na różnych obszarach, przez różne ludy, co — paradoksalnie — powoduje, iż uzbrojenie w pewnym stopniu zbliża je do siebie» (Kolias 1994: 258).

II.1.2.4. Ozdoby, części stroju w Polsce, na Rusi — różnice ilościowe

Warto zwrócić uwagę na fakt powszechnego, o wiele częstszego niż w Polsce wykorzystywania na Rusi brązu jak surowca, z którego wykonywano elementy stroju. W Europie łacińskiej wyraźny wzrost ilość ozdób, części stroju wykonywanych poprzez ich odlewanie widoczny jest dopiero od około roku 1200 (Krabach 2001, t. I, s. 337). Nieuchronnie prowadzi do zachowania się większej ilości sprzączek, okuć pasa w Kijowie, czy Nowogrodzie niż w Krakowie, czy Opolu, gdzie — najpewniej — wykonywano je z żelaza. Kontynuowanie na Rusi w XI–XIII w. zwyczaju składania do grobów dość znacznej ilości przedmiotów powoduje, iż «ruskość» danego cmentarzyska łatwiej jest uchwycić niż jego «polskość».

II.2. Pogranicze, pogranicze polsko-ruskie — przesłanki archeologiczne

Obecnie w literaturze archeologicznej zdecydowanie podkreśla się cechy wspólne kultury słowiańskiej w okresie plemiennym, negując, czy poważnie podając w wątpliwość sens stosowania odnośnie VI–X w. określeń Słowiańszczyzna wschodnia czy zachodnia — spostrzeżenia te zostały sformułowane przez M. Par-

czewskiego (Parczewski 1991; 1996; por. Zoll-Adamikowa 1996).

M. Parczewski zwraca uwagę na brak istotnych różnic w kulturze materialnej, oraz zwyczajach pogrzebowych Słowian zasiedlających w VIII–X w. ziemie «od Odry, a nawet Łaby po Dniepr» (Parczewski 1991: 30–35). Studia nad przemianami osadniczymi w Polsce południowowschodniej (obejmują one dwa skupiska osadnicze, określane jako JS i RP) dowodzą, iż granica pomiędzy Polską a Rusią przebiegała nie, jak to do niedawna sobie wyobrażano pasmem pustkowi międzyplemiennych, ale «polityczny kordon w sposób całkowicie sztuczny przeciął gęsto zaludnione ziemie dwóch integralnych do tej pory ugrupowań terytorialnych (i zapewne plemiennych): JS i RP» (Parczewski 1991: 46, ryc. 2). Wbrew dotychczasowym poglądom o «odwiecznej» obcości plemion wschodnio- i zachodniosłowiańskich okazuje się, iż podział ten ma o wiele młodszą metrykę. Postępujący od IX w. podział «różnicował (…) nie tyle plemiona wschodnie i zachodnie, ile główne ośrodki krystalizacyjne nowych idei oraz form (…): Pragę, Nitrę, Poznań, Gniezno i Kraków z jednej strony, a Kijów, Starą Ładogę i Nowogród z drugiej. Zarysowanie się linearnej rubieży pomiędzy światem wschodnim i zachodnim stanowiłoby w tym ujęciu dopiero następne stadium przekształceń. Ten ostatni moment musimy synchronizować z wytyczeniem granic państwowych» (Parczewski 1991: 59).

Przyznać należy, iż niezwykle istotnym problemem jest językoznawcza weryfikacja powyższych spostrzeżeń. Poza badaczami podkreślającymi późny (Popowska-Taborska 1991: 89–90), związany z formowaniem się poszczególnych monarchii proces kształtowania się języków narodowych (Urbańczyk 1968: 43–44), wskazać należy na zwolenników tezy o znacznie wcześniejszym różnicowania się Słowian na grupy zachodnią i wschodnią (Nalepa 2000; 2001; prace te są w istocie polemiką z opracowaniem W. Makarskiego, por.: Makarski 1996).

Do najwyraźniejszych przesłanek dla zakładania swego rodzaju *continuum* kulturowego na obszarach między Kijowem a Pragą należą wyniki studiów nad obrządkiem pogrzebowym. Nie negując bynajmniej lokalnych odmienności trudno dopatrzyć się zasadniczych różnic w eschatalogii pogańskich Słowian znad środkowego Dniepru, Wisły, czy Łaby. Czynnikiem różnicującym stawały się dopiero oddziaływania obce: najpierw koczowników, czy Wikingów i wreszcie chrystianizacja.

Interesujące, iż granica między Słowiańszczyzną zachodnią i wschodnią, niewidoczna w świetle analizy cmentarzysk z okresu plemiennego staje się klarowana przy kartowaniu pochówków z XI–XIII w. Cechą cmentarzysk ruskich jest znacznie dłuższe niż w Polsce, czy Czechach trwanie różnorakich przeżytków pogaństwa: palenia ciał zmarłych, sypania kopców i wreszcie bogatszego wyposażania zmarłych w dary grobowe (Zoll-Adamikowa 1996).

Wymienione cechy obrządku pogrzebowego (ciałopalenie, sypaniu kurhanów, wyposażanie w dary grobowe) nie były nieznane Słowianom zachodnim okresu plemiennego. W istocie różnica widoczna od X–XI w. nie jest więc różnicą dowodzącą odmienności Słowian (zachodnich i wschodnich), a ukazującą odmienności ośrodków chrystianizujących — Rzymu i Konstantynopola.

II.3. Pogranicze, pogranicze polsko-ruskie — przesłanki historyczne

II.3.1. Zróżnicowanie kultury materialnej Polski i Rusi w świetle źródeł pisanych

Powieść lat minionych, pod rokiem 1074 informuje, iż obdarzonemu darem jasnowidztwa starcowi Mateuszowi ukazał się w cerkwi w czasie jutrzni bies «w postaci Lacha w płaszczu, niosącego w połach kwiatki, które nazywają się łepkami» (Powieść: 72, 149). Zdanie to interpretować można jako dowodzące różnic w stroju między mieszkańcami Polski i Rusi, niestety jest to jedyna taka informacja dotycząca relacji polsko-ruskich (por. Samsonowiczowa 1977: 8).

Warto w tym kontekście przypomnieć opis armii ruskiej zawarty w *Słowie o wyprawie Igora*. Czytamy tu o stosowaniu przez armię ruską łacińskich hełmów, polskich grotów włóczni i tarcz (Słowo o wyprawie: 154; rzecz jasna autentyczność tego utworu jest bardzo problematyczna: Tvorogov 1987).

Należy jednak wyraźnie przypomnieć, iż autentyczność tego przekazu budzi wątpliwości. Poza tym fakt, iż w eposie znajdujemy informacje o posługiwaniu się przez armię ruską całym szeregiem obcoplemiennego uzbrojenia powoduje, iż należy rozważyć, czy nie mamy tu do czynienia wyłącznie z wizją (fikcją) literacką. Szczególnie «niepokojąca» jest tu wzmianka o awarskich (!) hełmach (Słowo o wyprawie: 151). Wydaje się, iż można co najwyżej przytoczony tekst traktować jako dowód na to, iż dla ruskiego autora możliwym było używanie przez ruskich wojów obcego etnicznie uzbrojenia. Zwłaszcza jednak wzmianka o korzystaniu z uzbrojenia Awarów, ludu już od kilkuset lat nieistniejącego nakazuje sceptycznie podchodzić do realności przekazu na temat stosowania na Rusi polskich włóczni, czy tarcz.

II.3.2. Wzajemne wyobrażenia o sobie Polaków i Rusinów w X–XIII w.

We współczesnych badaniach, w odróżnieniu od starszych ujęć (Grabski 1964) generalnie podkreśla się relatywnie dobre, czy nawet bardzo dobre relacje poddanych Piastów i ich prawosławnych sąsiadów w X–XIII w. (Sielicki 1997; Strzelczyk 1993)[1]. Wskazuje się na cechy wspólne monarchii Arpadów, Piastów, Przemyślidów i Rurykowiczów, określając łącznie te tereny mianem *młodszej Europy* (Kłoczowski 1998), a panującą tu religię nazywając *nowym chrześcijaństwem (*Kłoczowski 2000: 13, przyp. 19).

Zdaniem J. Kłoczowskiego (Kłoczowski 2001: 280) «Należy ją (Ruś — *M. W.*) wpierw rozpatrywać właśnie w obrębie tych nowych państw chrześcijańskich — często analogie są oczywiste ! — a dopiero w dalszej kolejności jako jeden ze składników świata słowiańsko-bizantyńskiego».

[1] Choć wskazać można cały szereg prac poświęconych interesującej nas problematyce podkreślić wypada brak całościowego omówienia zagadnienia (por. niedawno Mund 2004a; 2004b; zob. także: Древняя Русь 1999; Назаренко 2001). Zdaniem autora niniejszych uwag w części publikacji (zwł. F. Sielickiego) realizacje polsko-ruskie X–XIII w. są nieco przesadnie idealizowane, por. Wołoszyn 2006b.

Przyczyn zmian we wzajemnych relacjach (ich pogorszeniu) upatruje się m.in. we włączeniu się dominikanów do akcji misyjnych na terenie Rusi (Powierski 1993: 49–50), najczęściej jednak w udziale Rusinów w najazdach tatarskich na Europę środkowowschodnią, w tym Polskę. Chodzi tu zwłaszcza o najazd tatarski z 1259/60 r., w trakcie którego doszło do zdobycia Sandomierza i masakry jego mieszkańców.

Lubelski historyk swe wnioski formuje na podstawie obserwacji dotyczących historii religijności, istotnym jest, iż dość podobnie wypowiada się J. Szűcs, analizujący przede wszystkim struktury społeczne (por. Szűcs 1995: 62).

Wypowiedzi akcentujące jedność *młodszej Europy* spotkały się z przychylnym przyjęciem (Font 2002: 9; Modzelewski 2004: 451). Nie brak jednak głosów krytycznych (Waśko, Salomon 2005: 390–391). Także zdaniem autora niniejszych uwag różnice miedzy monarchiami łacińskimi i Rusia były już w X–XIII w. zbyt poważne by łączyć je w jedną strefę (Wołoszyn 2006b). Oczywiście istnieją podobieństwa między tymi obszarami, wydaje się, że wynikają one głównie z młodości cywilizacyjnej tych obszarów, we wczesnym średniowieczu były one częścią «szarej strefy» (Grauezone) jak ujął to ostatnio-nawiązując do tez A. Gieysztora — Ch. Lübke (Gieysztor 1997; Lübke 2004c: 9–17).

Niewątpliwie jednak brak dowodów na wyraźne uprzedzenia w relacjach polsko-ruskich w X–XIII w. Przemawiają m.in. losy poszczególnych osób, którym przyszło spędzić życie w kraju sąsiadów.

Do bardziej znanych przykładów należą losy Gertrudy-Olisławy, siostry Kazimierza Odnowiciela, wydanej w 1043 lub 1044 r. za księcia kijowskiego Iziasława Jarosławowicza. Do października 1078 była Gertruda żoną Iziasława, po jego śmierci dalej pozostała na Rusi «w swej już nie przybranej a wybranej ojczyźnie» (Poppe 2001: 586). Charakterystyczne, że Gertruda ok. 1055 stworzyła swoją fundację, klasztor św. Mikołaja. Klasztor ten został wybrany jako siedziba matki św. Teodozjusza (następca Antoniego), wyboru dokonał Antoni peczerski, twórca pustelni (zm. 1073). Jak podkreśla A. Poppe fakt ten łamie stereotypowe wyobrażenia o wrogości religijnej dzielącej Polaków i Rusinów. Jak się okazuje w latach 80-tych XI wieku «lachowica mogła być prawowierną chrześcijanką, fundującą swój 'kniahinini' monastyr i że wielki Antoni i święty Teodozjusz, nieskalani w swej ortodoksyjności, mogli spośród kilku istniejących podówczas w Kijowie żeńskich konwentów wybrać ten właśnie klasztor księżnej jako najbardziej właściwy dla matki mnicha pieczerskiego» (Poppe 2001: 588).

Oczywiście nie było to jedyne polsko-ruskie małżeństwo w interesującej nas epoce.

Warto też zwrócić uwagę na dwukrotnie potwierdzony źródłowo (Latopis kijowski I: 41–42–1145 r.; *ИЛ*: 858–1262 r.) fakt składania przysięgi przez władców polskich i ruskich, przy czym ślubowaniom towarzyszy całowanie krzyża. Zwyczaj przysięgi na krzyż znamy był na Rusi już XI w. (Ричка 1997), jak stwierdza F. Sielicki: «Nie wiadomo, czy krzyż, który tu całowano (w czasie spotkania w 1145 r. — *M.W.*), był 'polski' czy też 'ruski' przywieziony przez rozjemców. Jedno jest tylko pewne: bardzo często przychodziło do wspólnego całowania krzyża przez książąt ruskich i polskich i jest to jeszcze jeden dowód zarówno ich zbratania, jak też nieprzywiązywania przez nich wagi do różnic obrzędowych między katolicyzmem a prawosławiem» (Sielicki 1997: 50).

Jak wiadomo w liście krakowskiego biskupa Mateusza oraz Piotra Włostowica do Bernarda z Clairvoux pisanym w połowie XII w. (w 1145 r. ?) autorzy listu zdecydowanie dystansują się od Rusi, określona ona została jako inny świat (alter orbis; por.: List biskupa). Tekst ten należy do częściej dyskutowanych w związku z relacjami polsko-ruskimi, warto tu zwró-

cić uwagę na najnowsze opracowanie tego tekstu M. Dygo (Dygo 2008). Jak wiadomo list adresowany do Bernarda z Clairvaux miał na celu sprowadzenie go do Polski w związku z wewnętrznymi walkami między Władysławem a juniorami. Być może pojawiające się w liście określenie alter orbis stanowi nawiązanie do misyjnej działalności Bernarda na południu Francji i nie musi oddawać polskich wyobrażeń mieszkańcach Rusi (Dygo 2008: 53).

II.3.3. Kontankty polsko-ruskie w średniowieczu

Należy wreszcie pamiętać, iż Polska i Ruś były sąsiadującymi ze sobą krajami, sytuacji tej sytuacji przepływ przedmiotów ale i osób był czymś oczywistym i powszechnym. Wskazać tu można na (najbardziej hipotetyczne) wędrówki plemion[1], czy mniejszych wspólnot[2], wyprawy wojenne skutkujące łupieniem pokonanego wroga[3], ale i pojawieniem się na danym terenie obcych wojów[4]. Przepływ raczej niewielkich grup łączył się z kontaktami dyplomatycznymi[5], czy misjami chrystianizacyjnymi[6], małżeństwami zawieranymi między przedstawicielami dynastii, czy przez osoby niższej rangi[7], służbą u obcego władcy, lub niższego rangą dostojnika[8], czy wreszcie zbiegami politycznymi[9]. Źródła pisane rzadko informują o wędrówce «zwykłych» ludzi, jednak i tego typu fakty poświadczone są dla relacji polsko-ruskich[10]. Wskazać wreszcie należy na kupców[11] i wędrujących rzemieślników[12].

[1] W wypadku kontaktów polsko-ruskich chodzi tu o problem wędrówki Radymiczow i Wiatyczów (Makarski 1996: 23–31).

[2] Chodzi tu przede wszystkim o jeńców, niekiedy całe wsie przesiedlane w trakcie walk polsko-ruskich (Powieść: 112–1018 r., 117–1031 r., 121–1043 r.; Latopis kijowski I: 38–1142 r.; *ИЛ*: 757–1229 r.).

[3] Por. opis wyprawy Bolesława Chrobrego w 1018 r. (Gall, I, 7: 25; Thietmar, VIII, 31: 620).

[4] Działania wojsk ruskich bynajmniej nie ograniczały się do wschodnich kresów monarchii piastowskiej. W 1076 r. wojska ruskie pod dowództwem Włodzimierza, syna Wsiewołoda i Olega, syna Światosława, brały udział wraz z wojskami polskimi w wojnie z Czechami na terenie pogranicza śląskiego i Miśni (Powieść: 187).

[5] Najciekawszym przykładem jest tu postać Iziasława, księcia kijowskiego. Zbiegłszy po raz drugi do Polski w 1073 r. «poszedł do Lachów z mieniem mnogim, mówiąc 'za to znajdę wojów'. Wszystko to wzięli mu Lachowie, pokazawszy mu drogę od siebie» (Powieść: 143).

[6] Np. Bruno z Querfurtu (Tyszkiewicz 1999).

[7] Posiadamy dane o około 13 Rusinkach wydanych za władców polskich, i ok. 8 Polkach wydanych za mąż na Rusi (podstawowe dane por.: Baumgarten 1927; Szymczakowa 1978; Щавелева 1989; Jasiński b.r.w.). Piotr Włostowic był żonaty z Marią, córką Olega Światosławowicza (Bieniak 1990: 33, 35–36).

[8] Odnośnie XII w. posiadamy kilka wzmianek o Polakach na służbie ruskich książąt. Przykładem może być Władysław Wrocisławicz, pełniący obowiązki wojewody na dworze księcia kijowskiego Rościsława (1167 r.) i następnie (1171–73 r.) Mścisława Iziasławicza, księcia kijowsko-wołyńskiego (Latopis kijowski II: 170, 174, 185, 189, 193). Wiemy też, że Jarosław Włodzimierzowicz, książę halicki za 3 tysiące grzywien pozyskał oddział Lachów (Latopis kijowski II: 197). Dwóch Polaków, służących księciu włodzimierskiemu Andrzejowi, synowi Włodzimierza Monomacha, dokonało bohateskiego czynu w czasie oblężenia Włodzimierza przez Jarosława Światopełkowiecza (Latopis kijowski I: 15).

[9] Pierwszym Rusinem, o którym źródła *expresisi verbis* informują, iż zbiegł do Polski jest Światopełk, (Powieść: 113). W 1173 r. «zbiegła kniahini Jarosławowa (Olga Juriewna, córka J. Dołgorukiego, żona Jarosława Ośmiomysła — E.G.) z Halicza do Lachów z synem Włodzimierzem, i Konstantyn Sierosławicz, i mnodzy bojarzy z nią. I byli tam 8 miesięcy» (Latopis kijowski II: 193). Wiadomo z kolei, że Roman Mścisławicz, późniejszy książę halicko-wołyński «wielkich dobrodziejstw doznał od Kazimierza, u którego wychowywał się niemal od kolebki» (Kadłubek, IV, 23: 251).

[10] W 1233 r. papież Grzegorz IX w dwóch bullach adresowanych do polskich duchownych prosił by przeciwdziałali oni uciskowi przez polskich książąt bobrowników i sokolników, którzy wskutek tego ucisku uciekają do Prusów i Rusinów (Bullarium: 59, № 275).

[11] Dane o polsko-ruskim handlu dotyczą importowania do polski soli ruskiej (Wyrozumski 1968: 114–155; Alexandrowicz 1958: 38). O handlu polsko-ruskim świadczą także informacje o bytności polskich kupców w Kijowie (Alexandrowicz 1958: 44).

[12] Klasycznym przykładem jest informacja o udziale polskich, ale i niemieckich rzemieślników w rozbudowie Chełma, podjętej przez Daniela po najeździe tatarskim w 1240 r. (*ИЛ*: 843–845, zwł. 843).

III. Archeologia pogranicza polsko-ruskiego

Powyższe uwagi wskazują na cały szereg problemów związanych ze studiami na pograniczem polsko-ruskim w wiekach średnich. Praktycznie nie istnieją przekazy pisane, które były by pomocne przy identyfikacji elementów «polskich» i «ruskich». Kontakty różnorakiej natury, przepływ osób były zjawiskiem zupełnie powszechnym. Zdawano sobie sprawę z odmienności religijnych, nie wydaje się jednak by fakt ten miał większe znaczenie dla wzajemnych relacji.

Studia nad archeologią okresu plemiennego dowodzą, iż w okresie tym trudno wręcz mówić o Słowianach zachodnich i wschodnich. Zasadniczo proces różnicowania kultury Słowiańszczyzny północnej wiąże się z oddziaływaniami zewnętrznymi, koczowników, Skandynawów, a wreszcie — i przede wszystkim — cywilizacji łacińskich i bizantyńskiej.

Niemniej jednak faktem jest, iż studia nad kultura materialną pozwalają nam uchwycić różnicowanie się obszarów Monarchii Piastów i Rurykowiczów.

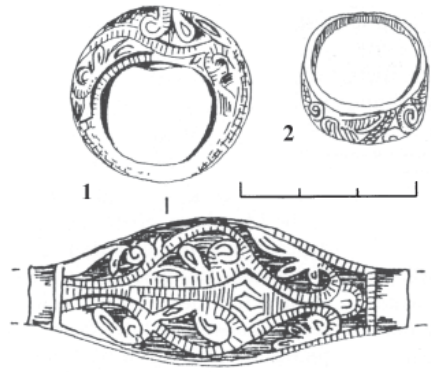
Zupełnie oczywistym jest zróżnicowanie architektury na obu terenach, budowle romańskie charakterystyczne są dla Polski, na Rusi występują świątynie i inne budowle wznoszone według wzorców zaczerpniętych z Bizancjum. Na peryferiach obu monarchii dochodzi oczywiście do zapożyczeń, nie mniej jednak np. związek zespołu budowlanego Przemyśla z podobnymi konstrukcjami z Wielkopolski jest zupełnie oczywisty (por.: Pianowski 2004).

We wstępie do niniejszego tekstu zaprezentowano model teoretyczny funkcjonowania kontaktów między dwoma sąsiadującymi strefami kulturowymi.

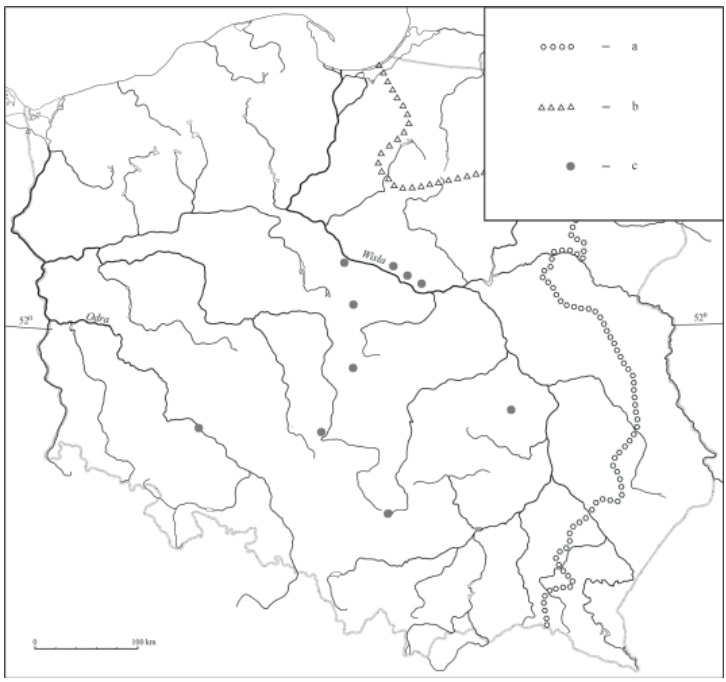
Poniżej chciałbym zaprezentować kilka kategorii zabytków ilustrujących funkcjonowanie relacji polsko-ruskich oraz formowanie się pogranicza między tymi dwoma obszarami. W uwagach wstępnych zwrócono uwagę na nienajlepszy stan badań nad terenami dzisiejszej wschodniej Polski. Fakt ten ogranicza ilość przykładów, jakimi w sposób wiarygodny możemy posługiwać się przy tego typu studiach. Z racji moich własnych zainteresowań i dotychczas zrealizowanych prac łatwiej wskazywać mi na obecność (bądź brak) zabytków ruskich w Polsce niż śledzić rozprzestrzenienie zabytków «polskich» na Rusi.

Do zabytków ruchomych uznawanych za manifestujące postępującą romanizację polskiej biżuterii należą pierścionki typu orszymowickiego (por.: Kočka-Krenz 1998). Ozdoby te, datowane na XI w. wyraźnie koncentrują się na terenach podległych władzy Piastów (ryc. 3–4).

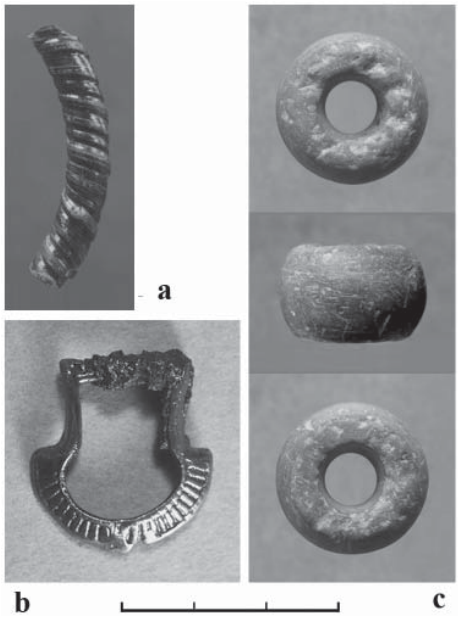
Spośród wielu kategorii zabytków ruskich znanych z terenu Polski wybrano kilka, dość licznych by ich rozprzestrzenienie uznać za reprezentatywne. Są to ozdoby (sprzączki lirowate, ponad 70 zabytków;



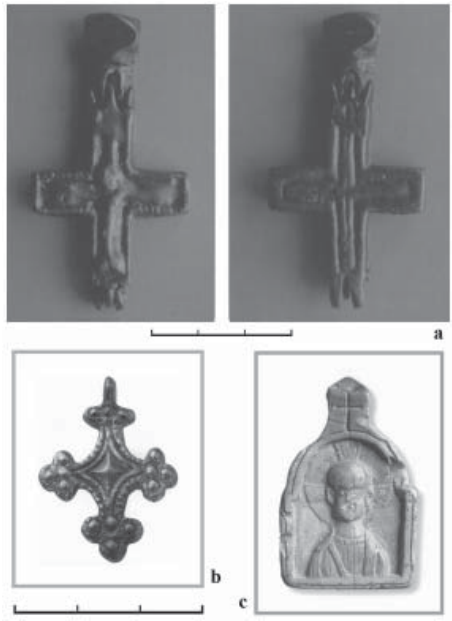
Ryc. 3. Pierścionki typu Orszymowice — wybrane przykłady (wg: Kočki-Krenz 1998; przerysowała I. Jordan)



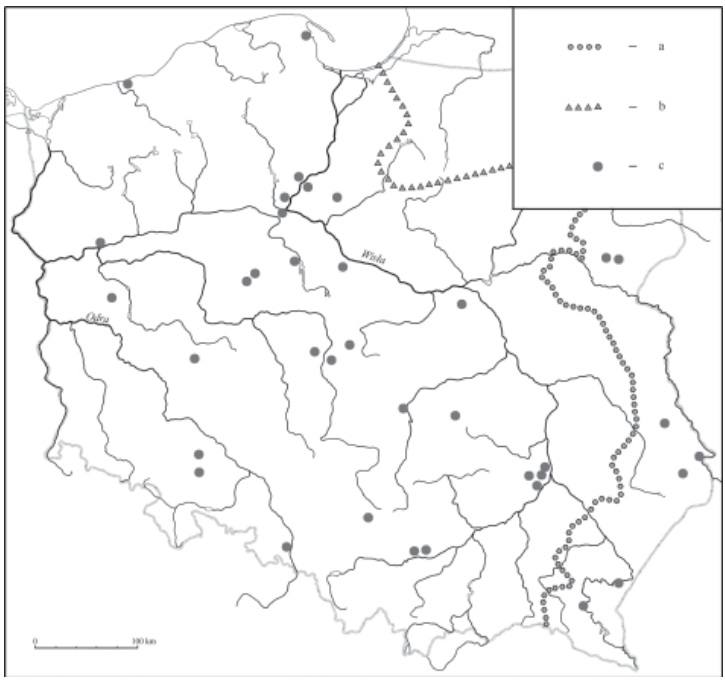
Ryc. 4. Rozmieszczenie w Polsce pierścionków typu Orszymowice (wg: Kočki-Krenz 1998): *a* — średniowieczna granica polsko-ruska (wg: Makarski 1996: mapa 5); *b* — granica polsko-bałtyjska (wg: Makarski 1996: mapa 5); *c* — znalezisko (rys. I. Jordan)



Ryc. 5. Wybrane zabytki ruskie z terenu Polski: sprzączka lirowata, przęślik z łupku owruckiego, frag. bransolety szklanej (opracowanie komputerowe I. Jordan)



Ryc. 6. Wybrane dewocjonalia prawosławne z terenu Polski: krzyż — enkolpion, krzyżyk-zawieszka, ikona (opracowanie komputerowe I. Jordan)



Ryc. 7. Rozmieszczenie w Polsce znalezisk sprzączek lirowatych:
a — średniowieczna granica polsko-ruska (wg: Makarski 1996: mapa 5); *b* — granica polsko-bałtyjska (wg: Makarski 1996: mapa 5); *c* — znalezisko (rys. I. Jordan)

Ryc. 8. Rozmieszczenie w Polsce znalezisk przęślików z łupku owruckiego:
a — średniowieczna granica polsko-ruska (wg: Makarski 1996: mapa 5); *b* — granica polsko-bałtyjska (wg: Makarski 1996: mapa 5); *c* — znalezisko (rys. I. Jordan)

Ryc. 9. Rozmieszczenie w Polsce znalezisk bransolet szklanych:
a — średniowieczna granica polsko-ruska (wg: Makarski 1996: mapa 5); *b* — granica polsko-bałtyjska (wg: Makarski 1996: mapa 5); *c* — znalezisko (rys. I. Jordan)

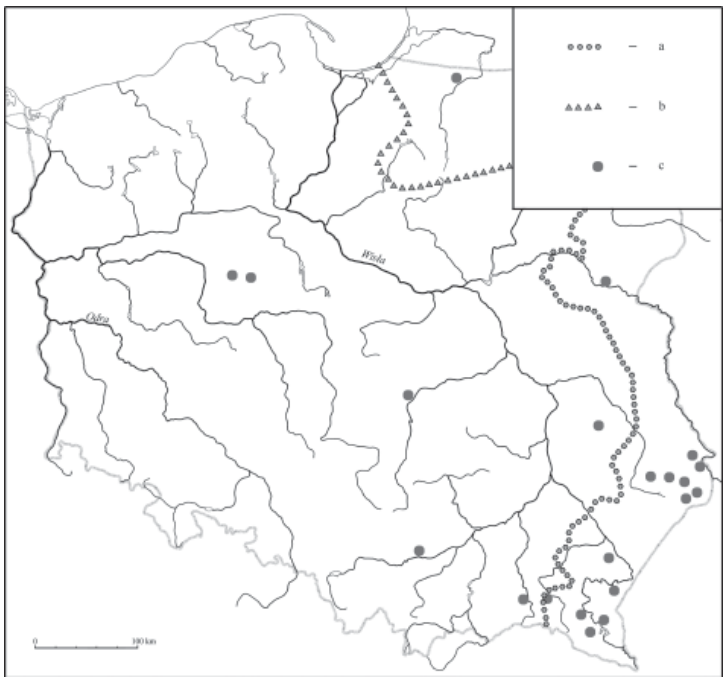
bransolety szklane, ponad 400 zabytków), elementy gospodarstwa domowego (przęśliki z łupku owruckiego, ponad 400 zabytków) i wreszcie dewocjonalia — enkolpiony, ponad 70 zabytków; krzyże-zawieszki, ok. 100 zabytków; ikoni, 4 zabytki (ryc. 5–6).

Do zabytków typowo ruskich, spotykanych na obszarze Polski należą sprzączki lirowate oraz przęśliki z łupku owruckiego. W wypadku przęślików mapa prezentuje ich znaleziska z terenu Polski południowej, ich całkowitą liczbę na terenie dzisiejszej Polski szacowałbym na około 800–1000. Jak widać, obie kategorie wyrobów (ryc. 7–8), typowych dla Rusi swobodnie docierały do mieszkańców Polski Piastów, znany je także ze Śląska, czy Wielkopolski.

Zupełnie innaczej przedstawia się rozmieszczenie w Polsce południowej znalezisk bransole szklanych (ryc. 9). W tym wypadku obserwacje musimy ograniczyć do Polski południowej. Z Polski południowej pochodzi około 440 bransolet szklanych, a raczej ich fragmentów, dość pewnie możemy je uznać za pochodzenia ruskiego, ewentualnie bizantyńskiego. Zabytki te spotykamy niemal wyłącznie na obszarze podległym w interesującym nas okresie władz Rurykowiczów.

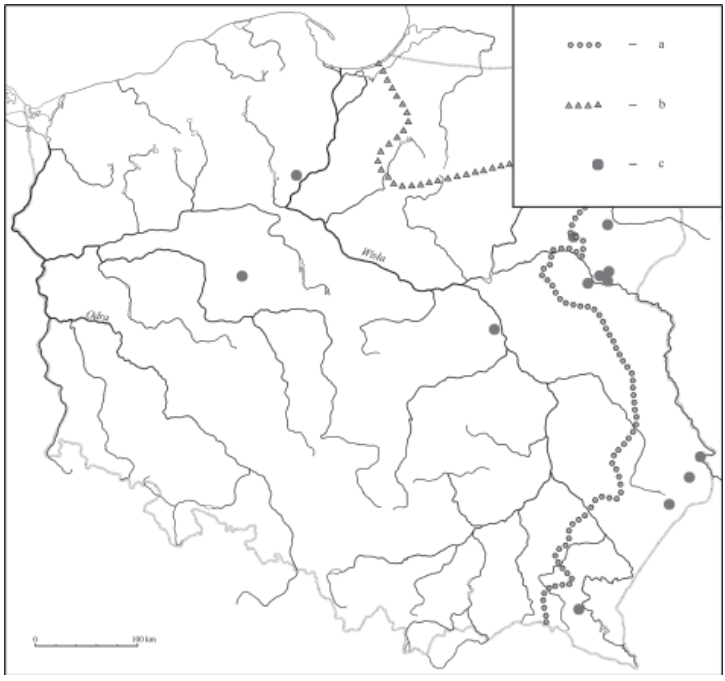
W niniejszym artykule brak miejsca dla szczegółowych rozważań nad przyczynami takiego a nie innego ograniczenia występowania bransolet szklanych na terenach słowiańskich. Wydaje się, że bransolety szklane, wyroby spotykane w dziesiątkach tysięcy egzemplarzy na Rusi a niemal nieznane z Polski Piastów są przykładem kategorii zabytków, umożliwiających uchwycenie granicy między oboma zespołami kulturowymi.

Podobna uwaga dotyczy prawosławnych dewocjonaliów, niemal nieznanych



Ryc. 10. Rozmieszczenie w Polsce znalezisk enkolpionów:

a — średniowieczna granica polsko-ruska (wg: Makarski 1996: mapa 5); *b* — granica polsko-bałtyjska (wg: Makarski 1996: mapa 5); *c* — znalezisko (rys. I. Jordan)



Ryc. 11. Rozmieszczenie w Polsce znalezisk krzyżyków-zawieszek i ikonek:

a — średniowieczna granica polsko-ruska (wg: Makarski 1996: mapa 5); *b* — granica polsko-bałtyjska (wg: Makarski 1996: mapa 5); *c* — znalezisko (rys. I. Jordan)

z teren ów podległych władzy Piastów (ryc. 10–11).

Wydaje się z kolei, że dobrym przykładem zabytków „polskich», których rozprzestrzenienie odpowiada granicom państwa piastowskiego są pierścionki typu orszymowickiego

Wśród przykładów zabytków charakterystycznych dla strefy pogranicza wskazać można na ceramikę typu drohiczyńskiego (por. Skrzyńska-Jankowska 2006: 56). Być może specyficzne dla zachodnich peryferii Rusi są krzyżyki typu Obrowiec (Kokowscy, Kokowscy 1997).

IV. Podsumowanie

Wydaje się, że archeologia, w tym studia nad zabytkami ruchomymi X–XIII w. może w istotny sposób wzbogacić naszą, bazującą na przekazach pisanych wiedzę na temat relacji Rusi i Europy środkowowschodniej. Wydaje się, że wiele wnieść może także do rozpoznania formowania się pogranicza polsko-ruskiego.

Powyżej starano się zwrócić uwagę na kilka istotnych ograniczeń archeologii. Wynikają one po części z braku opracowań najważniejszych z punktu widzenia badań pogranicza polsko-ruskiego stanowisk. Przyznać jednak należy, iż tylko część zabytków archeologicznych może być w sposób wiarygodny wykorzystywana dla odtwarzania relacji polsko-ruskich, a z kolei prób rozgraniczenia tego co «ruskie» i «polskie».

Powyżej zwrócono już uwagę, iż archeologia okresu plemiennego sugeruje raczej niewielkie zróżnicowanie Słowiańszczyzny północnej, określenia Słowianie wschodni i zachodni wydają się mieć znaczenie umowne. Z kolei przekazy pisane oświetlające X–XIII w. dowodzą, że granica między tym co «polskie» i «ruskie» nie była zbyt ostra. Właściwie brak przekazów identyfikujących poszczególne przedmioty jako «zachodnie» czy «wschodnie», kontakty poddanych Piastów czy Rurykowiczów były czymś zupełnie powszechnym.

Gdy w 1199 r. dyskutowano w Krakowie nad tym czy udzielić pomocy Romanowi (zm. 1205) w opanowaniu tronu w Haliczu. Na zarzut, iż nie warto pomagać obcemu zwolennicy Romana odpowiedzieli «'Dwa względy dowodzą, że Roman ani naszemu księciu, ani nam nie jest obcy. Bo jakże obcym można nazwać tego, który, jak się okazuje, jest w drugim stopniu pokrewieństwa. Jakim sposobem, klnę się, można wątpić o tym mężu, który zawsze był pomocnikiem i, rzec by można, opiekunem naszej Rzeczypospolitej? O czym bowiem innym świadczy wypróbowana we wszystkim za czasów ostatniego władcy Kazimierza (Kazimierza II Sprawiedliwego — *M. W.*) niezachwiana jego wierność? Cóż wreszcie mówią teraz świeże jego rany, które otrzymał z powodu naszego ciężkiego położenia ? (chodzi o rany w bitwie nad Mozgawą, 1195 — *M. W.*) Z pewnością byłoby ciężką krzywdą albo nieokazywanie krewnemu życzliwości, albo niespłacenie bliźniemu długu wdzięczności'» (Kadłubek, IV, 24: 257–258).

A jednak studia archeologiczne dowodzą odmienności kultury materialnej Polski i Rusi. Część wyrobów ruskich była szeroko akceptowana przez poddanych Piastów, rozprzestrzenienie części z nich ogranicza się jednak do obszarów podległych władcom ruskim. W niektórych

wypadkach przyczyną może być po prostu moda, preferencja określonego rodzaju stroju. W ten sposób chyba tłumaczyć należy brak w Polsce Piastów bransolet szklanych. Wydaje się, że niemal całkowity brak w «łacińskiej» części Polski prawosławnych krzyży nie dowodzi jakichś religijnych uprzedzeń potomków Piasta. W strefie prawosławnej chrystianizacja manifestuje się produkcją ogromnej ilości dewocjonaliów, w Polsce X–XIII w. produkowano je, a przede wszystkim noszono o wiele rzadziej.

Jak już wspomniano studia nad pograniczem uwzględniać muszą pełny zestaw spotykanych na badanym obszarze zabytków, w interesującym nas wypadku tak «polskich» jak i «ruskich».

Dotychczasowe studia autora niniejszych słów sugerują, iż świat wschodni cechuje o wiele większa wyrazistość w zakresie kultury materialnej niż ich zachodnich sąsiadów. Na fakt ten zwracał uwagę już M. Parczewski (Parczewski 1991: 51).

Częściowo zjawisko to tłumaczyć należy specyfiką bazy źródłowej: dominacja na Rusi brązu jak surowca, z którego wykonywano elementy stroju nieuchronnie prowadzi do zachowania się większej ilości sprzączek, okuć pasa w Kijowie, czy Nowogrodzie niż w Krakowie, czy Opolu, gdzie — najpewniej — wykonywano je z żelaza. Kontynuowanie na Rusi w XI–XIII w. zwyczaju składania do grobów dość znacznej ilości przedmiotów powoduje, iż «ruskość» danego cmentarzyska łatwiej jest uchwycić niż jego «polskość».

Zwłaszcza jednak kulturę materialną ruskich ośrodków miejskich XII–XIII w. cechuje nieprawdopodobna wręcz ilość i bogactwo ozdób.

Wydaje się, że fakt ten wiąże się z bizantyńską genezą chrześcijaństwa na Rusi. Wydarzenia lat 80-tych X w. miały oczywiście przede wszystkim konsekwencje natury religijnej, warto jednak pamiętać, iż chrystianizacja oznaczała równocześnie ogólne przemiany cywilizacyjne, wiążące się m.in. z transferem dorobku technologicznego cywilizacji śródziemnomorskiej. O ile wraz z chrystianizacją łacińską dorobek Mediterraneum trafiał do mieszkańców Gniezna, czy Krakowa za pośrednictwem niemieckim, czeskim o tyle w wypadku Rusi obserwujemy bezpośredni kontakt jej mieszkańców z dorobkiem cywilizacji antycznej (oczywiście w jej średniowiecznej, bizantyńskiej formie).

Wydaje się, że warto szerzej wprowadzić w dyskurs archeologów mediewistów pojęcie Bizantyńskiej Wspólnoty Narodów, zdefiniowanej przez D. Obolensky'ego (Obolensky 1971). Pewne cechy Rusi kijowskiej, zróżnicowanie, bogactwo kultury materialnej, religijność tak wyraźnie manifestująca się w tysiącach krzyżyków, ikonek (może także dłuższe trwanie zwyczajów pogańskich) tłumaczyć należy wejściem tego obszaru w obręb Bizantyńskiej Wspólnoty Narodów.

Widoczna granica zasięgów «polskości» i «ruskości» nie musi być więc interpretowana w dosłownym, etnicznym sensie. W istocie granica ta jest rubieżą między kształtującymi się regionami Europy, między jej częścią łacińską i bizantyńską.

Warto tu jeszcze zwrócić uwagę na problem dwóch pierwszych stuleci formowania się Polski i Rusi. Zwłaszcza próba uchwycenia w materiale archeologicznym przemian dokonujących się w ciągu długiego X stulecia (Samsonowicz 2009) wieku jest niezwykle skomplikowanym zadaniem (por. na temat archeologii Europy wschodniej w tym okresie: Русь на перехрестi 2006).

Jak już wspomniano studia nad pograniczem polsko-ruskim są tylko wycinkiem badań nad znacznie szerszym obszarem. Pełne poznanie charakteru pogranicza polsko-ruskiego nie jest możliwe bez studiów porównawczych obejmujących północno- jak i południowoeuropejskie odcinki strefy kontaktu cywilizacji łacińskiej i prawosławnej. Z oczywistych powodów warunkiem powodzenia tych działań musi być ich multidyscyplinarny i międzynarodowy charakter.

Jak już wspomniano w literaturze przedmiotu żywo dyskutowana jest wiarygodność «historycznych», w tym etnicznych możliwości interpretacji materiału archeologicznego. W studiach tych szeroko uwzględniana jest problematyka okresu rzymskiego, a także wczesnego średniowiecza. Podejmowane są także tego typu studia z wykorzystaniem dorobku archeologii krajów słowiańskich (por. Brather 2005). Wydaje się, że strefa pogranicza polsko-ruskiego stać się może kolejnym laboratorium testującym wiarygodność ustaleń naszej dyscypliny.

Nawet jednak akceptacja poważnych ograniczeń poznawczych archeologii, nie zmienia faktu, iż warunkiem wstępnym jej przydatności w tego typu studiach jest sumienna i wnikliwa analiza źródłoznawcza poszczególnych kategorii znalezisk. Jednym z najlepszych przykładów takiego postępowania jest seria opracowań staroruskiego uzbrojenia Autorstwa Dostojnego Jubilata (por. Кирпичников 1966a; 1966b; 1971; 1973).

Źródła

1. *ИЛ* — Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. СПб, 1908.
2. *Bullarium* — Bullarium Poloniae, I (1000–1342). St. Kuraś. Roma. 1982.
3. *Gall* — Gall. Kronika polska. Wrocław. 1989.
4. *Kadłubek* — Kadłubek Mistrz Wincenty. Kronika polska. Wrocław; Warszawa; Kraków. 1992.
5. *Latopis kijowski I* — Latopis kijowski. 1118–1158. Wrocław. 1995.
6. *Latopis kijowski II* — Latopis kijowski. 1159–1198. Wrocław. 1994.
7. *List biskupa* — List biskupa Mateusza do Bernarda opata Clairvaux // J. Strzelczyk. Historia i kultura cystersów w dawnej Polsce i ich europejskie związki. Poznań. 1987.
8. *Powieść* — Powieść minionych lat. Wrocław. 1999.
9. *Słowo o wyprawie* — Słowo o wyprawie Igora. Warszawa 1954.
10. *Thietmar* — Kronika Thietmara. Poznań. 1953.

Literatura

1. *Древняя Русь 1999* — Древняя Русь в свете зарубежных источников. М. 1999.
2. *Кирпичников 1966а* — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып.1. Мечи и сабли IX–XIII вв. // САИ. Е1–36. М.; Л. 1966.
3. *Кирпичников 1966б* — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып.2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // САИ. Е1–36. М.; Л. 1966.

4. *Кирпичников 1971* — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып.3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. // САИ. Е1–36. Л. 1971.

5. *Кирпичников 1973* — Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. М. 1973.

6. Мусин 2002 — Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб. 2002.

7. *Назаренко 2001* — Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных торговых, политических связей IX–XII веков. М. 2001

8. *Русь на перехресті 2006* — Русь на перехресті світів (міжнародні впліві на формування Давньоруської держави) IX–XI ст. Чернігів, 2006.

9. *Ричка 1997* — Ричка В. М. Політічна етіка і культура міжкнязівських взаемин на Русі у вимірі релігійї традіції хрестоцілування // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичніі долі Київськоі Русі. Матеріали Міжнародноі наукової конференціі, присвяченоі 900-літтю з'їзду князів Київськоі Русі у Любечі. Чернігів, 1997.

10. *Творогов 1987* — Творогов О. В. Слово о полку Игореве // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.I (XI — первая половина XIV в.). Л. 1987.

11. *Щавелева 1989* — Щавелева Н. И. Польки — жены русских князей (XI — середина XIII в.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987. М. 1989.

12. *Abulafia, Berend 2002* — Abulafia D., Berend N. (red.). Medieval Frontiers: Concepts and Practices. Cambridge. 2002.

13. *Angold 2006* — Angold M. (red.). The Cambridge History of Christianity. T. III, Eastern Christianity. Cambridge. 2006.

14. *Alexandrowicz 1958* — Alexandrowicz St. Stosunki handlowe polsko-ruskie do roku 1240 // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza w Poznaniu. № 14. Historia Z. 3. 1958.

15. *Baumgarten 1927* — Baumgarten N., de. Génealogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X' au XIII siècle // Orientalia Christiana 9–1/35, Roma. 1927

16. *Berend 2007* — Berend N. (red.). *Christianization and the Rise of Christian Monarchy. Scandinavia, Central Europe and Rus'. 900–1200*, Cambridge. 2007.

17. *Bieniak 1990* — Bieniak J. Polska elita polityczna XII w. (część III A. Arbitrzy książąt — Krąg rodzinny Piotra Włostowica) // Społeczeństwo Polski średniowiecznej. Zbiór studiów. Warszawa. T. IV. 1990.

18. *Brather 2004* — Brather S. Ethnische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie. Geschichte, Grundlagen und Alternativen. Berlin. 2004.

19. *Brather 2005* — Brather S. Hochmittelalterliche Siedlungsentwicklung und ethnische Identitäten — Slawen und Deustche östlich der Elbe in archäologischer Perspektive // Die bäuerliche Ostsiedlung des Mittellaters in Nordostdeutschland.

Untersuchungen zum Landesausbau des 12. bis 14. Jahrhunderts im ländlichen Raum. Frankfurt am Main. 2005.

20. *Buko 2005* — Buko A. Archeologia wczesnośredniowiecznej Polski Środkowowschodniej: nowe wyniki i wyzwania badawcze // Stan i potrzeby badań nad wczesnym średniowieczem w Polsce — 15 lat później. Toruń. 2005.

21. *Buko 2007* — Buko A. Małopolska wschodnia w początkach państwa polskiego w świetle nowszych danych archeologii // Wspólnota dziedzictwa archeologicznego ziem Ukrainy i Polski. Warszawa. 2007.

22. *Buko 2008* — Buko A. The Archeology of Early Medieval Poland. Discoveries-hypotheses-interpretations. Leiden-Boston. 2008.

23. *Burmeister, Müller-Scheessel (red.) 2006* — Burmeister S., Müller-Scheessel N. (red.). Soziale Gruppen — kulturelle Grenzen. Die Interpretation sozialer Identitäten in der Prähistorischen Archäologie. Münster. 2006.

24. *Dygo 2008* — Dygo M. Wokół listu biskupa krakowskiego Mateusza do Bernarda, opata z Clairvaux // Europa barbaria, Europa Chrystiana. Studia mediaevalia Carowo Modzelewski dedicata. Warszawa. 2008.

25. *Font 2002* — Font M. Krone und Schwert. Die Anerkennung des Herrschaftsrechts in Mittel- und Osteuropa // East Central Europe at the Turn of the 1st and 2nd Millennia. Bratislava. 2002.

26. *Gieysztor 1997* — Gieysztor A. L'Europe nouvelle autour de l'an mil. La papauté, l'empire et les 'nouveaux venus'. Roma. 1997.

27. *Ginalski 2001* — Ginalski J. Wczesnośredniowieczny zespół sakralny na grodzisku 'Horodyszcze' w Trepczy koło Sanoka // Początki chrześcijaństwa w Małopolsce. Krosno. 2001.

28. *Goehrke 2000* — Goehrke C. Transformationschancen und historisches Erbe. Versuch einer vergleichenden Erklärung auf dem Hintergrund europäischer Geschichtslandschaften // Transformation und historisches Erbe in den Staaten des europäischen Ostens. Bern. 2000.

29. *Grabski 1964* — Grabski A. F. Polska w opiniach obcych X–XIIII w. Warszawa. 1964.

30. *Hardt 2005* — Hardt M. The Limes Saxoniae as part of the Eastern Borderlands of the Frankish and Ottonian — Salian Empire // Borders, Barriers, and Ethnogenesis. Frontiers in late Atniquity and the Middle Ages. Brepols-Turnhout. 2005.

31. *Herbers, Jaspert 2007* — Herbers K., Jaspert N. (red.) Grenzräume und Grenzüberschreitung im Vergleich. Der Osten und der Westen des mittelalterlichen Lateineuropa. Berlin. 2007.

32. *Jasiński b.r.w.* — Jasiński K. Rodowód pierwszych Piastów. Warszawa-Wrocław, b.r.w.

33. *Karp 1972* — Karp H. J. Grenzen in Ostmitteleuropa während des Mittellaters. Einbeitrag zur Entstehungsgeschichte der Grenzlinie aus dem Grenzsaum. Köln; Wien. 1972.

34. *Kłoczowski 1998* — Kłoczowski J. Młodsza Europa. Europa Środkowo-Wschodnia w kręgu cywilizacji chrześcijańskiej średniowiecza. Warszawa. 1998.

35. *Kłoczowski 2000* — Kłoczowski J. Chrześcijaństwo w Europie Środkowowschodniej i budowa organizacji kościelnej // Ziemie polskie w X wieku i ich znaczenie w kształtowaniu się nowej mapy Europy. Kraków.

36. *Kłoczowski 2001* — Kłoczowski J. 'Nowe chrześcijaństwo' w XII wieku: od Skandynawii po Bałkany // Historia chrześcijaństwa. Religia, kultura, polityka, t. V, Ekspansja Kościoła rzymskiego 1054–1274. Warszawa. 2001.

37. *Knefelkamp, Bosselmann-Cyran 2007* — Knefelkamp U., Bosselmann-Cyran K. (red.). Grenze und Grenzüberschreitung im Mittellater. 11. Symposium des Mediävistenverbandes vom 14. bis 17. März 2005 in Frnankfurt an der Oder. Berlin. 2007

38. *Kóčka-Krenz 1993* — Kóčka-Krenz H. Biżuteria północno-zachodnio-słowiańska we wczesnym średniowieczu. Poznań. 1993

39. *Kóčka-Krenz 1998* — Kóčka-Krenz H. The Northwestern Slavonic Finger Rings of Orszymowice Type in the Early Middle Ages // Studien zur Archäologie des Ostseeraumes. Von der Eisenzeit zum Mittelater. Festschrift für Michael Müller-Wille. Neumünster. 1998.

40. *Kokowscy*, *Kokowscy 1997* — Kokowscy E., Kokowscy A. Miniaturowe relikwiarze-enkolpiony z Gródka nad Bugiem. // Archeologia Polski Środkowo-wschodniej. 2. 1997.

41. *Kolendo 2007* — Kolendo J. Obraz świata rzymskiego w Germanii Tacyta. Uwagi źródłoznawcze // Haec mihi in animis vestris templa. Studia classica in memory of Profesor Lesław Morawiecki. Rzeszów. 2007.

42. *Kolias 1994* — Kolias T. G. Wechselseitige Einflüsse und Begegnungen zwischen Orient und Okzident im Bereich des Kriegswesens // Kommunikation zwischen Orient und Okzident. Alltag und Sachkultur. Wien. 1994.

43. *Kostrzewski 1962* — Kostrzewski J. Kultura prapolska. Warszawa. 1962

44. *Lübke 2004a* — Lübke Ch. Mitteleuropa, Ostmitteleuropa, östliches Europa. Wahrnehmung und frühe Strukturen eines Raumes // Die ‚Blüte' der Staaten des östlichen Europa im 14. Jahrhundert. Wiesbaden. 2004.

45. *Krabath 2001* — Krabath S. Die hoch- und spätmittelalterlichen Buntmetallfunde nördlich der Alpen. Eine archäologisch-kunsthistorische Untersuchung zu ihrer Herstellungstechnik, funktionalen und zeitlichen Bestimmung, Rahden. T. I–II. Westfall. 2001.

46. *Lübke 2004b* — Lübke Ch. Kernräume und Peripherien als Faktoren der Gestaltung Polens im Laufe eines Jahrtausends (10. bis 20. Jahrhundert) // Siedlungsforschung. Archäologie-Geschichte-Geographie. 22. 2004.

47. *Lübke 2004c* — Lübke Ch. Das östliche Europa, München. 2004.

48. *Lübke 2007* — Lübke Ch. Germanica Slavica' und ‚Polonia Ruthenica': Religiöse Divergenz in ethno-kulturellen Grenz- und Kontaktzonen des mittelalterlichen Osteuropa (8.–16. Jahrhundet) // Grenzräume und Grenzüberschreitung

im Vergleich. Der Osten und der Westen des mittelalterlichen Lateineuropa. Berlin. 2007.

49. *Makarski 1996* — Makarski W. Pogranicze polsko-ruskie do połowy wieku XIV. Studium językowo-etniczne. Lublin. 1996.

50. *Małachowska 1998* — Małachowska S. Wczesnośredniowieczne zawieszki półksiężycowate znalezione na terenie ziem polskich // Archeologia Polski. 43. 1998.

51. *Merisalo, Pahta 2006* — Merisalo O., Pahta P. (red.). Frontiers in the Middle Ages. Louvain-la — Neuve. 2006

52. *Modzelewski 2004* — Modzelewski K. Barbarzynska Europa. Warszawa. 2004.

53. *Müller-Wille 1997–1998* — Müller-Wille M. (red.) Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8. — 14. Jahrhundert, t. I–II. Mainz; Stuttgart. 1997–1998.

54. *Mund 2004a* — Mund S. Constitution et diffusion d'un savoir occidental sur le monde 'russe' au Moyen Âge (fin X^e — milieu XVe siècle). 1re partie. Le Moyen Age. Revue d'histoire et de Philologie. 105/2. 2004.

55. *Mund 2004b* — Mund S. Constitution et diffusion d'un savoir occidental sur le monde 'russe' au Moyen Âge (fin X^e — milieu XVe siècle). 2e partie. Le Moyen Age. Revue d'histoire et de Philologie. 105/3–4. 2004.

56. *Nalepa 2000* — Nalepa J. Pogranicze polsko-ruskie do połowy wieku XIV a archaiczne hydronimy i toponimy. Weryfikacja 'weryfikacji' // Slavia Antiqua. 41. 2000.

57. *Nalepa 2001* — Nalepa J. Pierwotna granica między Słowiańszczyzną zachodnią a wschodnią w świetle archaicznych hydronimów na *-Y: -EW // Slavia Antiqua. 42. 2001.

58. *Natanson-Leski 1964* — Natanson-Leski J. Rozwój terytorialny Polski do roku 1572. Od czasów najdawniejszych do okresu przebudowy państwa w latach 1569–1572. Warszawa. 1964

59. *Nicklis 1992* — Nicklis H. W. Von der 'Grenitze' zur Grenze. Die Grenzidee des lateinischen Mittellaters (6.–15. Jhdt.) // Blätter für deutsche Landesgeschichte. 128. 1992.

60. *Noble, Smith 2008* — Noble T. F. X., Smith J. M. H. (red.). The Cambridge History of Christianity. T. III. Early Medieval Christianities, c. 600–1100, Cambridge. 2008

61. *Nowakowski 1972* — Nowakowski A. Górne Pobuże w wiekach VIII–XI. Zagadnienia kultury. Łódź. 1972.

62. *Obolensky 1971* — Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe. 500–1453. Bungay; Suffolk. 1971.

63. *Padberg 2006* — Padberg von L. Christianisierung Europas im Mittelalter. Darmstadt. 2006

64. *Parczewski 1991* — Parczewski M. Początki kształtowania się polsko-ruskiej rubieży etnicznej w Karpatach. U źródeł rozpadu Słowiańszczyzny na odłam wschodni i zachodni. Kraków. 1991.

65. *Parczewski 1996* — Parczewski M. Początki sąsiedztwa polsko-rusko-słowackiego w świetle danych archeologicznych // Początki sąsiedztwa. Pogranicze etniczne polsko-rusko-słowackie w średniowieczu. Rzeszów. 1996.

66. *Pianowski 2004* — Pianowski Z. 'Który Bolesław?' — problem początku architektury monumentalnej w Małopolsce // Początki architektury monumentalnej w Polsce. Gniezno. 2004.

67. *Pohl 2006* — Pohl W. Telling the difference: signs of ethnic identity // From Roman Provinces to Medieval Kingdoms. London; New York. 2006.

68. *Pohl 2008* — Pohl W. Spuren, Texte, Identitäten. Methodische Überlegungen zur interdisziplinären Erforschung frühmittelalterlicher Identitätsbildung // Zwischen Spätantike und Frühmittellater. Archäologie des 4. bis 7. Jahrhunderts im Westen. Berlin; New York. 2008.

69. *Popowska-Taborska 1991* — Popowska-Taborska H. Wczesne dzieje Słowian w świetle ich języka. Wrocław. 1991

70. Poppe 2001 — Poppe A. Getruda-Olisawa, regina Russorum. Materiały do życiorysu // Scriptura custos memoriae. Prace historyczne. Poznań. 2001.

71. Powierski 1993 — Powierski J. Ruś w opiniach najwcześniejszych polskich kronikarzy // Polacy o Ukraińcach, Ukraińcy o Polakach. Materiały z sesji naukowej. Gdańsk. 1993.

72. *Rajman 2002* — Rajman J. «In confinio terrae». Definicje i metodologiczne aspekty badań nad średniowiecznym pograniczem // Kwartalnik Historyczny. 99. 2002.

73. *Rosik 2008* — Rosik S. (red.). Słowiańszczyzna w tworzeniu Europy (X–XIII/XIV w.). Pytania o strategię badań: europeizacja a przełom cywilizacyjny. Wrocław. 2008

74. *Rubin, Simons 2009* — Rubin M., Simons W. (red.). The Cambridge History of Christianity T. IV. Christianity in Western Europe. 1100–1500. Cambridge. 2009 (w druku).

75. *Samsonowicz 2009* — Samsonowicz H. Das lange 10. Jahrhundert. Über die Entstehung Europas. Osnabrück. 2009.

76. *Samsonowiczowa 1977* — Samsonowiczowa A. Ze studiów nad odzieżą ludności zamieszkującej ziemie polskie we wczesnym średniowieczu // Prace i Materiały Muzeum Archeologicznego w Łodzi. Seria Archeologiczna. 24. 1977.

77. *Skrzyńska-Jankowska 2006* — Skrzyńska-Jankowska K. Wczesnośredniowieczne pogranicze polsko-ruskie w dorzeczu środkowego Bugu — główne problemy badawcze // Stan badań archeologicznych na pograniczu polsko-białoruskim od wczesnego średniowiecza po czasy nowożytne. Białystok. 2006.

78. *Sielicki 1997* — Sielicki F. Polsko-ruskie stosunki kulturalne do końca XV wieku. Wrocław. 1997.

79. *Straczuk 2006* — Straczuk J. Cmentarz i stół. Pogranicze prawosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi. Wrocław. 2006

80. *Strzelczyk 1993* — Strzelczyk J. Die Wahrnehmung des Fremden im mittelalterlichen Polen // Die Begegnung des Westens mit dem Osten. Kongressakten des 4. Symposions des Mediävistenverbandes in Köln aus Anlass des 1000. Todesjahres der Kaiserin Theophanu. Sigmaringen. 1993.

81. *Szűcs 1995* — Szűcs J. Trzy Europy. Lublin. 1995.

82. *Szymczakowa 1978* — Szymczakowa A. Księżniczki ruskie w Polsce XIII wieku // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Łódzkiego, Nauki Humanistyczno-Społeczne, I/29, 1978.

83. *Tyszkiewicz 1999* — Tyszkiewicz J. Brunon z Querfurtu na Rusi // E Scientia et Amicita. Studia poświęcone Profesorowi Edwardowi Potkowskiemu w sześćdziesięciopięciolecie urodzin i czterdziestolecie pracy naukowej. Warszawa; Pułtusk. 1999.

84. *Urbańczyk 1968* — Urbańczyk S. Ogólne warunki powstawania słowiańskich języków narodowych i literackich we wczesnym średniowieczu (na przykładzie polskim) // S. Urbańczyk. Szkice z dziejów języka polskiego. Warszawa 1968.

85. *Waśko*, *Salomon 2005* — Waśko A., Salomon M. Młodsza Europa. Nowe kraje w północnej i środkowej części kontynentu // Kształtowanie średniowiecza. Kraków-Warszawa. 2005.

86. Weber 1994 — Weber M. Etyka protestancka a duch kapitalizmu. Lublin. 1994.

87. Weber 2002 — Weber M. Gospodarka i społeczeństwo. Zarys socjologii rozumiejącej. Warszawa. 2002

88. *Wołoszyn 2006a* — Wołoszyn M. Archäologische Kleinfunde der byzantinischen und altrussischen Herkunft aus Südpolen im 10. — 13. Jts. // Recherches Archeologiques de 1999–2003. 2006.

89. *Wołoszyn 2006b* — Wołoszyn M. Europa środkowa a cywilizacja bizantyńsko-ruska w X–XIII w. — próba interpretacji źródeł archeologicznych // Prace Komisji Środkowoeuropejskiej PAU. 14. Kraków. 2006.

90. *Wołoszyn 2008* — Wołoszyn M. Byzantine coins from the 6th and the 7th c. from Poland and their East-Central European context. Ways and phases, context and function // Roman Coins outside the Empire. Ways and Phases. Context and Function. Wettern. 2008.

91. *Wyrozumski 1968* — Wyrozumski J. Państwowa gospodarka solna w Polsce do schyłku XIV wieku. Kraków. 1968

92. *Wyrozumski 1999* — Wyrozumski J. Dzieje Polski piastowskiej (VIII w. — 1370). Kraków. 1999.

93. *Zipprian 1997* — Zipprian H. Max Weber und Osteuropa: zur Einführung // Max Weber und Osteuropa. Hamburg. 1997.

94. *Zoll-Adamikowa 1996* — Zoll-Adamikowa H. Wczesnośredniowieczny obrządek pogrzebowy a zróżnicowanie etniczne na pograniczu polsko-ruskim // Początki sąsiedztwa. Pogranicze etniczne polsko-rusko-słowackie w średniowieczu. Rzeszów. 1996.

Польско-русское пограничье в эпоху средневековья. Перспективы археологических исследований

М. Волошин

Восточные земли Польши, в её нынешних границах, составляли в XI–XIII/XIV вв. западные окраины Киевской Руси. Этот регион является важным участком пограничья между латинской и православной цивилизациями средневековой Европы. Состояние археологических исследований на польско-русском пограничье следует определить как неудовлетворительное. Конечно, в последние годы появился целый ряд исследований и публикаций (в частности, у с.. Трепча возле Санока и Хелм). Однако, результаты исследований в трёх важнейших для этого региона местах (Чермно, Грудек, Сутейск) практически не введены в научный оборот.

В статье речь идет о шагах, предпринятых в последнее время для публикации материалов по раннему средневековью из раскопок Чермна (исследования 1952 г.), Грудка и Сутейска. Одновременно на ряде примеров намечается археологически фиксируемая граница между владениями Пястов и Рюриковичей — формирующуюся на рубеже X и XI вв. граница, разделявшая латинскую часть Центрально-восточной Европы и Византийское содружество.

Polish-Russian Borderland in the Middle Ages. Prospects of Archaeological Researches

M. Woloschyn

The eastern part of Poland within its present-day borders constituted the western peripheries of Kievan Rus between the 9th and the 13th/14th century. That region was an important section of the borderland between the Latin and Orthodox civilisations in Mediaeval Europe.

The present state of archaeological researches of this area is unsatisfactory. Certainly, in recent years a number of valuable studies have appeared on this issue. It is also necessary to mention the currently conducted investigations (especially in Trepcza near Sanok and Chełm). Nevertheless, the fact that the results of the researches at the three most important sites of the region under consideration (Czermno, Gródek and Sąsiadka) remain practically unknown is still a fundamental problem.

In this article, the author presents the recently undertaken efforts for publication of early mediaeval materials from Czermno (studies of 1952), Gródek and Sąsiadka. In addition, on the basis of a number of examples the author is tracing the archeologically recognizable course of the border between the Piast and Ryurikovichi monarchies, which divided the Latin part of Central and Eastern Europe from the Byzantine Commonwealth. That border was shaped at the turn between the end of the 10th and beginning of the 11th century.

П. Г. Гайдуков

Англосаксонская монета IX в. из Старой Ладоги

В марте 1993 г. в московской частной коллекции автором зарегистрирована уникальная для территории Древней Руси медная англосаксонская монета. Владельцы монеты сообщили, что приобрели ее у коллекционера из г. Тихвин, и она происходит, по словам продавца, из Старой Ладоги[1]. Позже получена более точная информация. Предмет найден в 1990 или 1991 г. в окрестностях Старой Ладоги, на берегу Волхова у Никольского монастыря, под лестницей, спускающейся к воде[2].

Описание монеты (рис. 1–2).

Л. с. Крест и круговая надпись: EANREDRE[X]; вокруг следы точечного ободка.

О. с. Крест и круговая надпись, разделенная крестом: +MONNE; вокруг точечный ободок.

Соотношение осей: ↑→. Медь или низкопробное серебро темного цвета. На обеих сторонах видны корродированные участки поверхности. Размеры — 10×12 мм, вес — 0,87 г.

Монета относится к чеканке короля Нортумбрии Эанреда (810–840 гг.). На ее лицевой стороне помещена легенда, выполненная латинскими буквами, с именем и титулом правителя; на оборотной — имя монетария (Монне). Этот медный денежный номинал имеет название «стика» (styca). (Nort 1994: 71, № 186. Pl. 2, 20.) Чеканка подобных «стиков» осуществлялась в Нортумбрии в VIII–IX вв. одновременно с выпусками «скеатов» (sceats) — серебряных монет близких к медным по своему оформлению и размеру (Nort 1994: 70–72; Беляков 1990: 98–99). Староладожская находка имеет утраты веса. Восемь экземпляров полновесных «стиков» Эанреда с именем монетария Монне из собрания Национального музея Копенгагена весят от 1,04 до 1,19 г (Sylloge 1964: Pl. IX, № 249–256) Такие монеты в Англии не считаются редкими. Только для времени правления короля Эанреда Д. Норт называет имена 24 монетариев (Nort 1994: 71).

Рассматриваемая монета является древнейшей из всех английских монет, обнаруженных на территории Восточной Европы. Она может быть своеобразным свидетелем ранних грабительских походов викингов на территорию Англии. Начало этому движению на Запад положило разбойничье нападение скандинавских пиратов в 793 г. на

[1] Пользуюсь возможностью высказать благодарность В. Г. Леоненко за предоставленную возможность опубликовать монету.

[2] Письмо А. А. Купрaниса (Санкт-Петербург) от 10 марта 2000 г. Благодарю А. А. Купрaниса за информацию о находке монеты.

монастырское поселение на острове Линдисфарн, неподалеку от побережья Нортумбрии (Черчилль 2005: 100; Лебедев 1985: 8, 14). Монету мог привезти в Северную Русь в середине IX в. в виде «сувенира» и потерять в окрестностях Старой Ладоги какой-нибудь выходец из Скандинавии.

Находки куфических монет в Старой Ладоге и ее окрестностях свидетельствуют, что «отдельные дирхемы могли проникать в Восточную Европу, в том числе и в Ладогу в середине VIII в., если не раньше» (Кирпичников 2002: 51). Публикуемую медную английскую монету первой половины IX в. никак нельзя связывать с торговлей и зарождением товарно-денежных отношений в Северной Руси. Но она является замечательным свидетелем раннесредневековых коммуникаций в Северной Европе.

К середине 1960-х гг. на территории Древней Руси было зарегистрировано 89 находок с 3350 английскими монетами IX–XI вв. Древнейшими из них являются два денария короля Мерсии Бургреда (852–874 гг.), происходящие из Первого Лодейнопольского клада, захороненного в начале XII в. (Потин 1967: 146–149, № 218; Потин 1968: 107–108). Их присутствие в кладе сле-

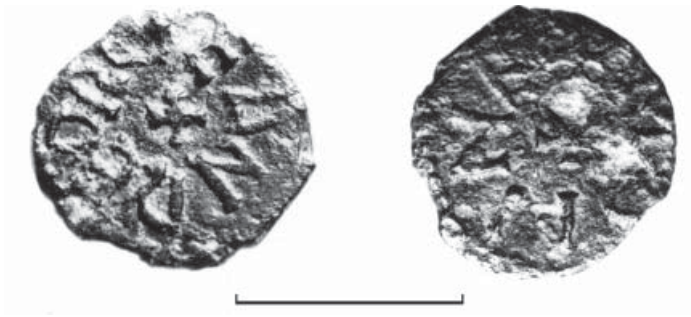


Рис. 1. Монета короля Нортумбрии Эанреда. Увеличено в 3 раза.
Фото С. А. Орлова, 1994 г.

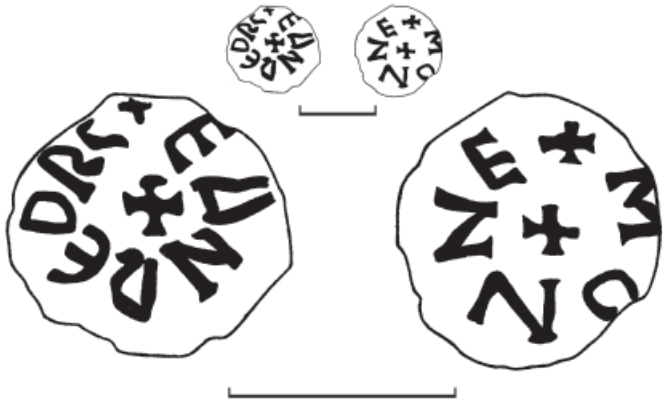


Рис. 2. Монета короля Нортумбрии Эанреда. Натуральная величина и увеличение в 3 раза.
Прорись художника С. А. Шаповаловой

дует признать случайностью. Начало массового поступления английских монет на территорию Восточной Европы относится ко второй половине X в. По данным В. М. Потина, следующими находками на древнерусской территории являются лишь денарий Эдуарда II (975–979 гг.), известный в единственном экземпляре, и денарии Этельреда II (976–1016 гг.), число которых достигло 340 экземпляров (Потин 1968: 108).

Литература

1. *Беляков 1990* — Беляков А. С. Нумизматика // Введение в специальные исторические дисциплины. М. 1990.

2. *Кирпичников 2002* — Кирпичников А. Н. Великий Волжский путь и евразийские торговые связи в эпоху раннего средневековья // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб. 2002.

3. *Лебедев 1985* — Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л. 1985.

4. *Потин 1967* — Потин В. М. Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории Древней Руси // Труды Государственного Эрмитажа. Т. IX. Л. 1967.

5. *Потин 1968* — Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Л., 1968.

6. *Черчилль 2005* — Черчилль У. Рождение Британии. Смоленск. 2005.

7. *Nort 1994* — Nort J. J. English Hammered Coinage. Vol. I. London. 1994.

8. *Sylloge 1964* — Sylloge of Coins of the British Isles. 4. Galster G. Royal Collection of Coins and Medals National Museum Copenhagen. London. 1964.

Anglo-Saxon Coin of the 9th Century from Staraya Ladoga

P. G. Gaydukov

In 1990 or 1991, a copper Anglo-Saxon coin was found in Staraya Ladoga on the bank of the Volkhov River near the Monastery of St Nickolas. This specimen belongs to the coinage of Eanred, the king of Northumbria (810–840). Its denomination is *styca*. The example here published is the most ancient of all Anglian coins found throughout Eastern Europe.

M. Głosek, P. Pudło

Wczesnośredniowieczny miecz znaleziony w okolicach Elbląga

Miecz pochodzący z okolic Elbląga (ryc. 1), przechowywany w Muzeum Warmii i Mazur w Olsztynie, trafił już do literatury bronioznawczej (Sarnowska 1955: 307; Kulakov 1990: 109; Kazakevičius 1996: 22, 102; Kittel 2002: 165), lecz jego dokumentacja, jaką autorzy się posłużyli nie oddaje wszystkich szczegółów co powoduje, że również jego analiza jest błędna. Jak wynika z dokumentacji związanej z tym mieczem, znaleziono go jeszcze przed 1945 r. i był on przechowywany w Muzeum w Lidzbarku Warmińskim[1]. Miecz zachowany jest w dobrym stanie, umożliwiającym jego analizę. Brakuje zakończenia sztychu.

Wymiary miecza: zachowana długość ogólna — 78,1cm; długość głowni — 61,8 cm; szerokość głowni — 5,03 cm; szerokość zbrocza — 2,22 cm, długość jelca — 9,1 cm; wysokość jelca — 2,53–2,89 cm; grubość jelca — 2,43 cm; szerokość podstawy głowicy — 6,98 cm; wysokość podstawy głowicy — 1,9 cm; grubość podstawy głowicy — 2,1 cm; szerokość nakładki głowicy — 5,83 cm; wysokość nakładki głowicy — 2,95 cm; grubość nakładki głowicy 2,84 cm;

Głowica miecza jest dwudzielna, z wyodrębnioną, ruchomą podstawą głowicy (ryc. 2). Trójdzielna nakładka głowicy posiada wyraźnie zaznaczone, zróżnicowane boczne partie. Podstawa głowicy ma lekko łukowate boczne zakończenia, a dolna krawędź podstawy jest nieco dłuższa od górnej. Przez podstawę głowicy i nakładkę przechodzi trzpień, którego zakończenie jest lekko rozklepane na szczycie głowicy. Nakładka i podstawa głowicy są zespolone dwoma nitami umieszczonymi tkwiącymi w nakładce obok trzpienia. Na obu stronach powierzchni głowicy są niewielkie koliste zagłębienia, w których zachowały się, najprawdopodobniej, resztki miedzi. Prosty jelec formą i stylem w pełni nawiązuje do głowicy. Zakończenia boczne jelca są lekko łukowate, przy czym górna krawędź jelca jest nieco dłuższa od dolnej co powoduje, że zakończenia są lekko ukośnie. Dobrze się to komponuje z podstawą głowicy, gdzie ukośne zakończenia obu tych elementów, stanowią jakby wycinek koła. Powierzchnia jelca, podobnie jak i głowicy ma niewielkie koliste zagłębienia, w których zachowały się, najprawdopodobniej, resztki miedzi. Na powierzchni jelca można dostrzec słabo widoczne ślady srebrzenia. Głownia miecza, ze zbroczem sięgającym do końca ułamanego sztychu, w którym można dostrzec na jednej stronie napis (ryc. 3), zaś na drugiej stronie zdobienia wykonane przy pomocy drutu żelaznego (ryc. 4.).

[1] Za udostępnienie miecza i umożliwienie wykonania dokumentacji, serdecznie dziękujemy Dyrekcji Muzeum Warmii i Mazur w Olsztynie.

Ryc. 1. Miecz z okolic Elbląga

Ryc. 2. Ornament na jelcu i głowicy miecza z okolic Elbląga

Ryc. 3. Napis INGEFLRICII na głowni miecza z okolic Elbląga

Ryc. 4. Ornament na głowni miecza z okolic Elbląga

Naszym zdaniem napis ten brzmi INGEFLRICII.

Przechodząc do analizy typologicznej miecza, należy na wstępie zaznaczyć, że zaliczony on został do typu D J. Petersena (Petersen 1919: 70–75) przez kilku autorów (Kulakov 1990: 109; Кулаков 1990: 29, ryc. 15, *1*; Kazakevičius 1996: 22, 102; Kittel 2002: 165), z czym niestety nie można się zgodzić[1]. Typ D klasyfikacji J. Petersena ma jelce i podstawę głowicy, w rzucie bocznym wyraźnie dwustożkową (Petersen 1919: 70–75), zaś na naszym zabytku elementy te są łukowate co powoduje, że należy zaliczyć omawiany miecz do typu T. W obu tych typach — D i T, nakładka jest trójdzielna, lecz w pierwszym nakładka jest masywniejsza, wyraźnie przedzielona na 3 części, zaś w drugim, linie podziału aczkolwiek zaznaczone, to są one w słabo zaznaczone, choć podkreślone linią wykonaną z kolorowego metalu, najprawdopodobniej miedzią. Tak ukształtowaną nakładkę głowicy jak w zaprezentowanym zabytku mają miecze typu T II J. Petersena (Petersen 1919: 151), czyli ze słabo wyodrębnionymi partiami bocznymi. Różnice w prezentowanych dokumentacjach są na tyle istotne, że zachodzi obawa, że mogą to być dwa różne miecze. Łączy je jednak napis, bowiem autorzy mówią też o napisie INGERII występującym na głowni tego miecza.

Na głowni miecza występuje napis, który odczytujemy jako INGEFLRICII, lecz jest to błędny zapis imienia INGERII. Można podjąć próby nieco innego odczytu ostatnich 3–4 liter, jako…IOI, lecz pamiętać należy, że kowal wykonujący ten i inne napisy był niepiśmienny i stąd pomył-

[1] V. Kazakevičius (Kazakevičius 1996: 22) zamieszcza nawet rycinę miecza znalezionego w okolicach Elbląga i dokumentacja ta całkowicie różni się od dokumentacji sporządzonej przez P. Pudło w 2008 r.

ki w inskrypcjach. W tej ostatniej formie (INGERII), jest on cytowany w literaturze przedmiotu. Przed napisem jak i za napisem nie ma śladu po jakichkolwiek znakach. Na drugiej stronie głowni występują zdobienia (ryc. 4), o czym już literatura przedmiotu nie wspomina. Zdobienia ściśle trzymają się zbrocza i od jelca rozpoczyna je znak w kształcie greckiej litery omega, następnie znak w kształcie litery X z zakończeniami bocznymi połączonymi pionowymi liniami, dalej litera X, lecz znacznie szersza od poprzedniej i bez połączenia zakończeń, następna litera analogiczna do pierwszego X, a całość zamyka znak w kształcie litery omega, ułożony antytetycznie do pierwszego.

Miecze typu T datowane są przez J. Petersena na 2 poł. X–XI w. (Petersen 1919: 152). Podobnie miecze tego typu datuje J. Żak (Żak 1960: 315), A. N. Kirpičnikov (Кирпичников 1966: 28–30), M. Műller-Wille (Műller-Wille 1970: 74). Chronologię tych mieczy nieco inaczej przedstawia V. Kazakevičus (Kazakevičus 1996: 44–58). Dysponował on największym zbiorem mieczy tego typu, bo z terenu historycznych ziem Bałtów zidentyfikował aż 67 egzemplarzy. W wyniku analizy tych zabytków jest skłonny widzieć te miecze już w IX w. (Kazakevičius 1996: 112, 64) i systematycznie widzi je jeszcze w XII w., czego nie można wykluczyć, bo znamy przypadki wcześniejszych form mieczy występujących z opóźnieniem, czego dobrym przykładem, bo lepiej oświetlonym źródłami pisanymi jest miecz znaleziony w Plemiętach (Głosek 1984: 161). W tej sytuacji, ponieważ zabytek nasz pozbawiony jest kontekstu archeologicznego, jego datowanie nie jest łatwe. Niewiele również wnoszą zdobienia w postaci dołków wykonane na jelcu i głowicy. Tego rodzaju zdobienia znane są z wielu mieczy, różnych typów występujących u Bałtów (Kazakevičius 1996: 27, 44), w Estonii (Mandel 1991: 131) Norwegii (Petersen 1919: 75–80), na Rusi (Кирпичников 1966: 23, табл. VIII), a także w Finlandii (Leppäaho 1964: 23, *1a*). W przypadku puncowanych mieczów typu T licznie występujące zabytki estońskie datowane są na XI–XII w., podczas gdy pozostałe są starsze i mieszczą się w okresie miedzy 2. połową X, a 1. połową XI stulecia (Kurasiński, Pudło. W druku).

Inskrypcja INGEFLRICII, która jak wydaje się jest błędnie napisanym imieniem kowala. Liczbę tego rodzaju inskrypcji A. Geibig szacuje na 37 egzemplarzy (Geibig 1991: 195), nie uwzględnia on jednak zabytków z Gródka n. Bugiem, Polska (Wołoszyn 2005: 95–96; Kuśnierz 2006: 91–95), prywatnej kolekcji cytowanego przez ormana (Gorman 2005: 34), Glamoč, Bośnia (Aleksić 2007: 120), rzeki Zeta, Podgorica, Czarnogóra (Aleksić 2007: 120), miecza o nieznanym miejscu pochodzenia ze zbiorów Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie, (nr kat MR 1424), sm: (Kazakevičius 1996: 112, 64). W związku z powyższym liczbę tego rodzaju inskrypcji można oszacować na 43 egzemplarze. Najczęściej występują one w Europie Zachodniej, łącznie z Anglią i Irlandią, rzadziej w Europie Środkowej i Północnej (Davidson 1994: ryc. 29, Geibig 1991: 125, ryc. 34). Produkcja tych mieczy, zgodnie wiązana jest z kręgiem nadreńskim. Napisom INGELRII, podobnie jak i innym napisom imiennym wykonanym żelazem, towarzyszą na drugim płazie głowni zdobienia w stylu zbliżonym do ornamentu na naszym zabytku z okolic Elbląga. Napisowi INGERII towarzyszy czasami na drugim płazie głowni napis o charakterze dewocyjnym, jak na HOMODEI, co przytacza R. E. Oakeshott (Oakeshott 1964:.29, 140).

Pozostaje kwestia datowania naszego zabytku. Miecz typu T znaleziono w najbliższym sąsiedztwie naszego zabytku, bo w Awajkach i jest on datowany na X (Kazakevičius 1966: 108). Pamiętać należy, że w okolicach Elbląga, w IX w. istniała potężna osada pruska, która miała szerokie kontakty ze światem zewnętrznym, co odnotował kronikarz duński — Wulfstan (Haftka 1975: 193). Stąd też wydaje się słusznym datowanie naszego zabytku również na X–XI w.

Literatura

1. *Кирпичников1966* — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. // САИ. Е1–36. М.; Л. 1966.

2. *Кулаков 1990* — Кулаков В. Древности пруссов // САИ. Г1–9. М. 1990.

3. *Aleksić 2007* — Aleksić M. Medieval Swords from Southeastern Europe. Material from 12th to 15th Century. Belgrade. 2007.

4. *Davidson 1994* — Davidson H. E. The Sword in Anglo-Saxon England. Suffolk. 1994

5. *Jaskanis, Kaczyński 1987* — Jaskanis D., Kaczyński M. (red.). Die Balten. Die nördlichen Nachbarn der Slawen. Freiburg. 1987.

6. *Geibig 1991* — Geibig A. Beitrage zur morphologischen Entwicklung des Schwertes im Mittelalter // Offa, t. 71, Neumünster. 1991.

7. *Głosek 1984* — Głosek M. Miecze środkowoeuropejskie z X–XV w.. Warszawa. 1984.

8. *Gorman 2005* — Gorman M. R. A Continuing Tradition in Early Medieval Swordsmithing // Park Lane Arms Fair. 2005.

9. *Haftka 1975* — Haftka M. Elbląg we wczesnym średniowieczu // Pomerania Antiqua. T. 6. 1975.

10. *Kazakevičius 1996* — Kazakevičius V. IX–XIII a. Baltu Kalavijai. Vilnius. 1996.

11. *Kittel 2002* — Kittel P. Średniowieczne uzbrojenie zaczepne Prusów z obszaru północno-wschodniej Polski // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. № 2 (236). 2002.

12. *Kulakov 1990a* — Kulakov W. Preussische Gefolgschaft im 9. Jahrhundert // Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frűhen Mittelalter. Stockholm. 1990.

13. *Kurasiński, Pudło. W druku* — Kurasiński T., Pudło P. Jeszcze o bałtyjskiej (?) produkcji wczesnośredniowiecznych mieczy grupy T. W druku.

14. *Kuśnierz 2005* — Kuśnierz J. Z badań nad militarnym znaczeniem Gródka nad Bugiem (Wołynia) we wczesnym średniowieczu // Acta Militaria Mediaevalia. II. 2005.

15. *Műller-Wille 1970* — Műller-Wille M. Ein neues ULFBERHT-Schwert aus Hamburg // Offa, B.27. 1970.

16. *Oakeshott 1964* — Oakeshott, R. E. The Sword in the Age of Chivalry. New York; Washington. 1964.

17. *Petersen 1919* — Petersen J. De norske vikingesverd. En typologisk-kronologisk studie over vikingetidens vaaben. Kristiania. 1919.

18. *Sarnowska 1956* — Sarnowska W. Miecze wczesnośredniowieczne w Polsce // Światowit. 1956.

19. *Wołoszyn 2005* — Wołoszyn M. Między wschodem a zachodem: pochówek wojownika ze stanowiska 1C w Gródku, pow. hrubieszowski, woj. Lubelskie // Acta Militaria Mediaevalia. I. 2005.

20. *Żak 1960* — Żak J. Problem pochodzenia mieczów tzw. „wikińskich» na ziemiach zachodniosłowiańskich, głównie polskich // Archeologia Polski. T. IV. Z. 2. 1960.

An Early Medieval Sword Found near Elbląg

M. Glosek & P. Pudlo

The Sword from Elbląg has already been published but because of incorrect documenting its typology was misinterpreted. The authors of the first publication assigned that sword to 'type D' according to J. Petersen's classification but presented no description of the ornamentation. After re-examination of this example the present authors suggest that we are dealing with a 'T II' class sword. On one side of the blade there is an inscription 'INGEFLRICII', and the other side bears respectively: a Ω-shaped ornament, letter 'X' with lateral terminals linked by a vertical line, another and much wider 'X', then again letter 'X' similar to the first one. The entire stamp is terminated by a second 'Ω' mirroring the first sign. These inscriptions and ornamentation are inlaid with iron. The upper hilt and the lower guard are also ornamented. There are some holes on the surface of these parts, which once may have been inlaid with copper. In addition, on the surface of the lower guard certain traces of polishing are noticeable. The date suggested for this sword is the 10th or 11th century.

Раннесредневековый меч из окрестностей Эльблонга

М. Глосек, П. Пудло

Меч из Эльблонга уже был опубликован, однако вследствие неточностей в описи его тип был определен неправильно. В первой публикации он был отнесен к типу 'D' по Я. Петерсену, но описание его орнаментации отсутствовало. В результате повторного обследования меча авторы настоящей статьи относят его к типу T-II. На одной из сторон лезвия имеется надпись «INGEFLRICII», а на другой изображены последовательно: элемент орнамента в виде буквы «Ω», буква «X» с боковыми окончаниями, соединенными вертикальной чертой, затем еще одна, но более широкая «X», и еще одна «X», аналогичная первой. Весь орнамент заканчивается еще одним «Ω»-образным элементом в зеркальном отражении к первому. Надписи и орнамент инкрустированы железом. Верхняя часть рукояти и нижняя гарда также орнаментированы. На поверхности этих частей имеются отверстия, которые некогда, возможно, были заполнены медью. На поверхности нижней гарды также можно заметить следы заполировки. Меч датируется X–XI в.

В. А. Горончаровский

Спартаковская война и другие восстания гладиаторов

Восстания гладиаторов неоднократно привлекали внимание исследователей, прежде всего, в связи с самым значительным из них, которое уже в древности получило название Спартаковская война. По этой теме существует масса книг и статей, где она рассмотрена в самых различных, прежде всего, социально-экономических аспектах (Мишулин 1936; 1947; Карышковский 1958; Коржева 1974: 118–134; Brisson 1959; Orena 1984; Armin 1986; Guntor 1986). В гораздо меньшей степени и, на наш взгляд, далеко недостаточно, восстание Спартака изучалось на основе сохранившейся литературной традиции с точки зрения анализа военно-политической ситуации и военного искусства того времени (Ср.: Сталов 1963; Горсков 1972: 82–87; Разин 1994: 351–358; Мотус 1948: 55–78; Мотус 2001: 47–56; Brisson 1959). К сожалению, до нас дошли только фрагменты «Истории» Гая Саллюстия Криспа (86–35 гг. до н. э.), где подробно описывалось восстание Спартака, а специальный исторический труд известного ритора I в. Цецилия Калактинского о рабских войнах известен только по упоминанию о нем у Афинея (Athen. VI. 104), поэтому о ходе событий мы можем судить лишь в самых общих чертах, в основном, по обрывочным сведениям других античных авторов.

Как известно, начало восстанию было положено в 73 г. до н. э.[1] группой рабов-гладиаторов из частной школы Гнея Лентула Батиата в Капуе. Они составили заговор, который был раскрыт, но его участники, вооружившись кухонными ножами и вполне способными заменить копья длинными железными вертелами, напали на стражу и выломали двери школы. Очевидно, они вырвались на свободу ценой больших потерь, собрав затем вокруг себя «толпу рабов из тюрем» (Liv. Ep. 95). Относительно числа тех, кто уцелел из двухсот восставших гладиаторов, античные авторы называют разные цифры — от 30 до 78 человек. Среди выбранных ими предводителей, наряду с фракийцем Спартаком, упоминаются еще двое — галлы Крикс и Эномай (Oros. V. 24.1).[2]

[1] В данном случае мы придерживаемся общепризнанной даты начала восстания (см.: Ковалев 1956: 12–27).

[2] Следует учесть, что рабам-гладиаторам часто давали имена, имевшие отношение к мифологическим персонажам. Редкое греческое имя Эномай ассоциировалось с легендарным царем города Писа в Элиде, прославившимся своими победами в гонках колесниц и убийствами проигравших состязания женихов дочери. Наделенное в силу этого для зрителей на гладиаторских играх особым смыслом, оно явно было дано в свое время новобранцу, чтобы выступать под ним на арене.

Что мы знаем о Спартаке до того, как он стал гладиатором? Вполне определенно только одно: его родиной была Фракия, а если более конкретно — область племени медов, упоминаемых Страбоном в числе «народностей, чрезвычайно склонных к разбойничеству» (Strab. VII. 5. 12). Если попытаться нанести на современную политическую карту территорию их обитания в среднем течении р. Стримон, на западных отрогах Родопских гор, то она сопоставима с областью юго-западной Болгарии, где в городе Сандански, почти на границе с Грецией и Югославией, установлен единственный в мире памятник Спартаку. Скупую информацию о начальном периоде его жизни дает Луций Анней Флор, написавший свои «Эпитомы римской истории обо всех войнах за семьсот лет» на основе труда Тита Ливия. По словам этого историка, сначала он был «солдатом из фракийских наемников», потом стал дезертиром, «из дезертира разбойником, а затем за почитание его физической силы — гладиатором» (Flor. III. 20. 8). Отсюда, по крайней мере, ясно, что Спартак какое-то время провел во вспомогательных войсках римской армии. Как и когда это могло произойти? Исходя из анализа исторической ситуации, можно предположить, что в возрасте 18–20 лет,[1] он оказался в отряде, отправленном в 86 г. до н. э. царем соседнего племени одрисов Садалом на помощь Сулле во время первой войны Рима с понтийским царем Митридатом VI Евпатором (Holleaux 1938. P. 143–159). Такие подразделения с территорий за границами Римского государства нанимались за определенную плату и вливались в состав вспомогательных войск.[2] За время своей военной службы Спартак успел основательно познакомиться с организацией и тактикой римской армии, достигнув, быть может, командных должностей. Позднее это дало Юлию Цезарю повод упомянуть о пользе, которую принес восстанию рабов «полученный от нас опыт и дисциплина» (Caes. De bello Gall. I. 40). Служба Спартака продолжалась, скорее всего, до 78 г. до н. э. Именно в этом году Аппий Клавдий Пульхр в ранге проконсула Македонии одержал, как пишет Евтропий, «легкие победы над народами, жившими в провинции Родопы» (Eutrop. VI. 2.1),[3] начав, таким образом, покорение той области Фракии, которую занимали меды. Видимо, это и послужило причиной дезертирства молодого фракийца и превращения его в «разбойника» (Flor. III. 20. 8). Но это был не простой разбойник, он «воевал с римлянами, попал в плен и был продан в гладиаторы» (App. Bell. Civ. I. 116).[4] Сколько лет могла продолжаться его вооруженная борьба за свободу трудно сказать, но военные действия во Фракии велись почти три года, завершившись в 75 г. до н. э. В любом случае, для нас важен тот факт, что еще до пребывания в гладиа-

---

[1] Именно такой возраст рекомендовался при наборе в римскую армию: Ле Боэк 2001. С. 105.

[2] Возможен и другой вариант развития событий, поскольку в 85 г. до н. э. Сулла вторгся «в страну медов и, сильно опустошив ее», заключил с ними мир (Plut. Sulla. 23; Eutrop. V. 7.1). Одним из условий этого договора могло быть право набора наемных воинских контингентов.

[3] Естественно, в I в. до н. э. провинции с таким названием еще не было. Евтропий, живший в IV в. н. э., в данном случае, отталкивался от реалий своего времени.

[4] Судя по одной фразе у Плутарха: «однажды, когда Спартак впервые был приведен в Рим на продажу»: (Plut. Crass. 8), в гладиаторскую школу Лентула Батиата его перепродал первый, неизвестный нам хозяин.

торской школе в Капуе будущий вождь восстания уже обладал вполне определенными военными навыками.

Из общей массы рабов Спартак выделялся «выдающейся отвагой и физической силой», а по уму и мягкости характера вообще больше походил на эллина и человека более высокого положения, чем то, в котором он оказался (Plut. Crass. 8). В этих словах Плутарха, одного из самых образованных людей своего времени, скрыта очень лестная оценка человека, бывшего по происхождению варваром, но носившего имя, принадлежавшее к числу тех, что бытовали в среде фракийской знати. Если следовать предложенной выше схеме, то Спартаку, когда он попал в гладиаторскую школу, было около тридцати лет, так что авторы поставленного в Болгарии памятника, изобразив его в расцвете сил, наверно, были не так уж далеки от истины. Ведь в гладиаторы отдавали, как правило, молодых людей, чтобы максимально продлить срок их службы, обычно не слишком долгий. Сорок пять лет, до которых дожил продолжавший выступать гладиатор Ульпий Феликс, — это самый высокий возрастной предел, известный по дошедшим до нас надписям (Сергеенко 1964. С. 111). Согласно краткому замечанию Флора, Спартак сражался на арене в качестве мирмиллона (Flor. III. 20. 12).[1] При этом, судя по тому, что с ним была жена, его соплеменница, он находился в несравненно лучшем положении, чем все остальные, ведь избранным профессионалам в таком случае полагалась отдельная комната или комнаты.

Но вернемся к выступлению гладиаторов из школы Лентула Батиата, которое стало сигналом для начала великого восстания. Уже на этом этапе к беглецам присоединилось более десяти тысяч рабов (Flor. III. 20.3). Волей случая они наткнулись на повозки с гладиаторской экипировкой, которую должны были доставить в другой город. Мгновенно расхватав мечи (Vell. Pat. II. 5), гладиаторы и рабы двинулись дальше, по пути отбирая кинжалы и дубины у случайных путников. Римские власти сначала не придали большого значения этому инциденту. Конечно, из Капуи послали несколько отрядов в погоню за беглецами, но те, видимо, устроив засаду, не только отбили нападение, но и захватили большое количество воинского снаряжения, при этом свое гладиаторское вооружение бросили как позорное и недостойное (Plut. Crass. 9). Преодолев расстояние примерно равное одному дневному переходу (около 35 км), восставшие укрылись на давно потухшем вулкане Везувий (рис. 1), который стал для них, используя выражение Флора, своеобразным «алтарем Венеры» (Flor. III. 20.4), возле которого по традиции рабы получали свободу. Никто из писавших о восстании Спартака, как правило, не задавался вопросом, а что собственно представляла из себя эта гора в те времена, и где там можно было успешно обороняться? Обычно в качестве укрытия фигурирует вершина Везувия, но, судя по описанию гео-

[1] Мирмиллон — тип гладиатора в состав вооружения которого входили шлем с забралом и широкими полями, короткая поножь на левой ноге, защитный рукав (маника) на правой руке, прямоугольный щит (скутум) и короткий меч (гладиус). Обычными противниками его выступали «фракиец» (в шлеме с загнутым вперед верхом и изогнутым кинжалом-сикой) и гопломах (с копьем и небольшим круглым щитом).

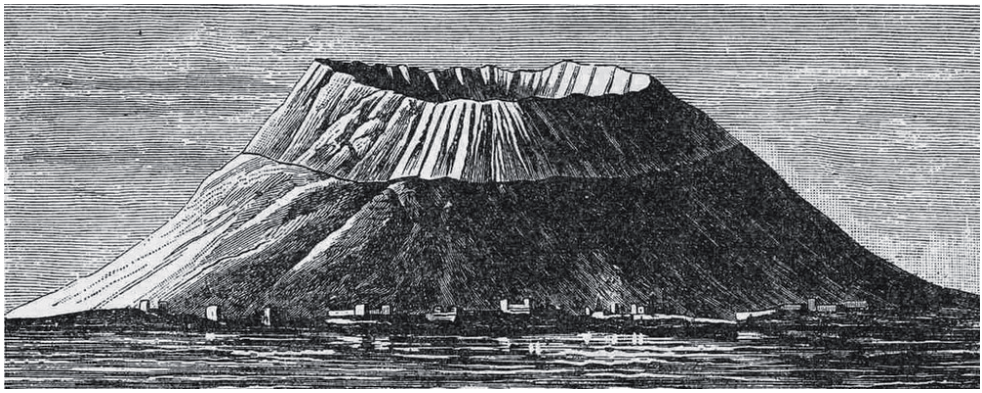


Рис. 1. Везувий во времена Спартака

графа Страбона, вся она была «в значительной части плоская,[1] совершенно бесплодная, на вид пепельного цвета… в грудах скал черного как сажа цвета на поверхности» (Strab. IV. 8). В целом верхняя часть вулкана выглядела как обширный неглубокий кратер диаметром около 750 м, часть стенки которого сохранилась до наших дней в виде полукольцеобразного вала Монте-Соммы. Очевидно, это было совсем неподходящее место для устройства лагеря восставших. В этих целях они, скорее всего, использовали примыкающую к скалам древнего кратера с юга и юго-востока плоскую террасу Ле-Пиане. Туда вела только одна узкая и чрезвычайно крутая тропинка, которую было удобно охранять, но вскоре доступ наверх преградил посланный против мятежных рабов военный отряд численностью в три тысячи человек под командованием претора Гая Клавдия Пульхра (Liv. Ep. 95). Правда, относительно имени этого военачальника мнения историков часто не совпадают.[2] Но, если это действительно был он, то, по иронии судьбы, именно его уже упоминавшийся брат Аппий Клавдий Пульхр, возможно, стал невольным виновником дезертирства Спартака.

Римский военачальник, казалось, правильно рассчитал, что голод и жажда, в конце концов, вынудят восставших сдаться. Однако, он глубоко заблуждался. Чтобы вырваться из ловушки, люди Спартака сплели прочные лестницы «из лесных прутьев» и «лозы дикого винограда».[3] Затем они благополучно спустились со скал, и только один человек остался наверху с оружием, потом передал его вниз и присоединился к остальным. Где же произошел этот альпинистский маневр, и с какой высоты пришлось спускаться? У некоторых современных авторов это описы-

[1] Вершина вулкана в те времена была гораздо ниже, поскольку современный конус высотой 1277 м появился в результате последующих извержений.

[2] Хотя у античных авторов он именуется поразному: Клавдий Пульхр (Тит Ливий), Клавдий (Плутарх), Клавдий Глабр (Флор), Клодий (Фронтин, Орозий), — все же предпочтение в данном случае скорее следует отдать версии Тита Ливия, как наиболее ранней.

[3] Указание на виноградную лозу говорит о том, что место, где разместились беглые рабы, находилось на уровне не выше 800 м, так как это верхняя граница произрастания винограда в районе Везувия.

вается как своего рода фантастический трюк, для исполнения которого были пущены в дело лестницы длиной около 300 м. (см., напр.: Лесков 1983: 112). Позволим себе в этом усомниться: вряд ли неподготовленные люди могли спокойно преодолеть спуск с высоты, сравнимой с современным восьмидесятиэтажным небоскребом. Здесь следует обратить внимание на сообщение о том, что осажденные «опустились через жерло полой горы, и сошли к самой ее подошве» (Flor. III. 20. 4).[1] Очевидно, они воспользовались тем, что не столь высокий отвесный склон внутренней стороны кратера, естественно, не охранялся. Среди воинов Спартака должны были быть люди, хорошо знавшие эту местность, и они могли показать незаметный выход из расщелины кратера к подножию вулкана. Обойдя римлян с тыла, мятежники неожиданно, очевидно, на рассвете, напали на их лагерь и навели, согласно Юлию Фронтину, «такой страх, что несколько когорт потерпели поражение от семидесяти четырех гладиаторов» (Front. Strat. V. 21).[2] Конечно, римляне были разбиты наголову и в страшной панике бежали, и все же подобное утверждение относительно численности нападавших, безусловно, является преувеличением и отражает только роль гладиаторов, как командиров в повстанческом войске. Кстати, один из них, Эномай, если понимать буквально сообщение Павла Орозия о его смерти (Oros. V. 23), погиб именно в этом бою (Ср.: Мотус 1948: 74).

После первой победы восставшие, по-видимому, оставили прежние позиции и разместились на территории бывшего римского лагеря, куда вскоре с новой силой стали стекаться сельские и городские рабы из ближайшей округи, пастухи — «народ все крепкий и проворный», и даже кое-кто из «свободных с полей» (App. Bell. Civ. I. 116). Среди них, наверно, было немало тех италиков, которые в 83–82 гг. до н. э. выступили в поддержку врагов Суллы, а в 81 г. до н. э. лишились своей земли, переданной ветеранам его 27 легионов (Liv. Ep. 89).[3] К тому же, многие из них так и не получили обещанных прав римских граждан, поскольку реальное проведение этой меры в жизнь растянулось на несколько десятилетий. Конечно, большей частью люди, вступавшие в войско мятежных рабов, не имели военного опыта и потребовалась их уси-

[1] Собственно еще немецкий историк В. Друман (1786–1861) предположил, что восставшие спустились не с не с внешней стороны Везувия, а воспользовались внутренними расщелинами (см.: Мотус 1966: 188).

[2] Относительно использованной Спартаком для достижения победы военной хитрости, надо сказать, что применявшиеся неоднократно подобные «стратегемы» достаточно ярко характеризуют его военное искусство. Во всяком случае, по количеству приведенных у того же Фронтина примеров успешных военных хитростей Спартака (их три), он лишь немногим уступает таким известным полководцам древности как Алкивиад и Агесилай или Квинт Фабий Максим и Марк Антоний и, уж во всяком случае, превосходит своего основного противника Красса (два примера).

[3] Крайней точкой зрения в данном вопросе является мнение, согласно которому восстание Спартака на самом деле было движением беднейших слоев италийских крестьян, пострадавших от репрессий Суллы (см.: Orena 1984). Между тем, преуменьшать роль бывших рабов в армии Спартака вряд ли представляется возможным. В этой связи можно вспомнить слова Афинея со ссылкой на Цецилия Калактинского о том, что Спартак «взбунтовал многое множество рабов и долго ходил набегами по всей Италии, и к нему каждый день стекались рабы; и если бы он не погиб в битве против Лициния Красса, то нашим хватило бы с ним хлопот, как с Евном в Сицилии» (Athen. VI. 104).

ленная подготовка к противостоянию с Римом. Одни из них «стали тяжеловооруженными воинами, из других гладиаторы составили отряды лазутчиков и легковооруженых» (Plut. Crass. 9). Тогда же, видимо, было положено начало формированию конницы, достаточно многочисленной за счет использования бывших пастухов.

Спартак проявил прекрасные организаторские способности, создав в кратчайшие сроки хорошо организованную и дисциплинированную армию по образцу римской, лучшей для того времени. За основу, очевидно, была взята хорошо знакомая ему по личному опыту система обучения, связанная с ежедневными упражнениями с оружием на поле, отработкой военного шага[1] и тактических построений. Очень важно было закрепить также навыки быстрого возведения окруженного рвом и валом укрепленного лагеря с регулярно сменяемыми постами и караулами. Можно полагать, что основными подразделениями армии рабов, как и у римлян, были легионы, формировавшиеся, судя по всему, на определенной этнической основе. По-видимому, использовались и принятые у римлян воинские знаки, удобные для управления войсками в бою. Роль инструкторов по многим вопросам, в том числе и относительно обращения с оружием, скорее всего, продолжали играть первоначальные участники восстания — гладиаторы (Flor. III. 20. 2). Благодаря усиленной подготовке и постоянно приобретавшемуся боевому опыту, воины Спартака скоро уже прекрасно знали, как им реагировать на те или иные действия врага.

В обозе восставших, судя по ряду упоминаний древних авторов, со временем появилось все необходимое для развертывания мастерских по изготовлению оружия (Flor. III. 20. 6; App. Bell. Civ. I. 116). Правда, на первых порах оружия катастрофически не хватало. Очевидно, к этому периоду относится сообщение Фронтина о том, что «у Спартака и его войска были щиты из прутьев, покрытых корой» (Front. Strat. VII. 6) и Саллюстия о беглых рабах, обжигавших «на огне копья, которыми, хоя они не походили на оружие, пригодное для военных действий, можно было разить врага точно так же, как железными» (Sallust. Hist. III. 96). Конечно, со временем ситуация должна была измениться, и после ряда победных сражений армия спартака вряд ли особенно отличалась от римлян по составу наступательного и защитного вооружения.

Между тем в Риме по-прежнему продолжали рассматривать действия Спартака, как обыкновенные разбойничьи нападения, и скоро была предпринята еще одна попытка изолировать восставших в районе Везувия. Туда подошли значительные военные силы под командованием претора Публия Варинния Глабра, численностью не менее двух легионов. Спартак, как показали дальнейшие события, никогда не упускал случая уничтожить силы противника поодиночке, в полной мере используя прекрасно знакомую ему тактику ведения боя в горной и пересеченной местности. Образно выражаясь, он «по-

[1] Вегеций специально подчеркивал необходимость этого элемента военной подготовки, «поскольку ничто не должно было соблюдаться на марше или в сражении так тщательно, как сохранение строя всеми солдатами» (Veget. I. 9).

беждал римлян тем, что избегал невыгодных сражений», выжидая удобный момент для нападения на врага (Горсков 1972: 84). Вступив в бой с передовым отрядом из трех тысяч человек во главе с Фурием, легатом Вариния, гладиаторы обратили его в бегство. Затем настал черед большего по численности и расположившегося отдельным лагерем войска Коссиния, советника Вариния и его товарища по должности. Судя по всему, устроив еще одну засаду, Спартак подстерег Коссиния и едва не взял в плен, когда тот купался близ Салин, селения между Геркуланумом и Помпеями. Преследуя по пятам бежавшего римского военачальника, он после кровопролитного боя захватил его лагерь, при этом погиб и сам Коссиний (Plut. Crass. 9).

От известия об этом поражении армия Вариния пришла в полное смятение, и началось бегство солдат. В итоге под его командованием осталось всего 4 тысячи человек. Это обстоятельство, а также заболевшие от суровой непогоды люди, заставили римского полководца разбить «неподалеку от врага лагерь» и укрепить его «валом, рвом, огромными насыпями» (Sallust. Hist. III. 96). Помощи он запрашивать не стал, полагаясь на собственные силы, и отказался от первоначального намерения отправить в Рим своего квестора Гая Торания,[1] чтобы сенат не узнал об истинном положении дел. Организованная Варинием блокада лагеря повстанцев, где, несмотря на перебои с продовольствием поддерживалась строгая дисциплина, оказалась достаточно жесткой, но и на этот раз Спартак удачно использовал очередную военную хитрость. Римляне были обмануты тем, что он оставил в лагере трубача для подачи обычных сигналов, приказал воткнуть в землю перед воротами столбы с небольшими интервалами, привязал к ним стоймя трупы в одежде и с оружием, так чтобы на расстоянии они казались часовыми, и развел по всему лагерю костры (Front. Strat. I. 5.22). Во вторую ночную стражу, т. е. около полуночи, мятежникам удалось скрытно в полном молчании вывести свое войско и надолго оторваться от преследования. «Вариний же, когда совсем рассвело, тщетно ожидал, что беглецы начнут обычную перебранку и станут швырять камни в лагерь, а, кроме того, возникнет шум, беспорядок, и слышны будут громкие возгласы со всех сторон. [Не обнаружив этого], Вариний посылает всадников к ближайшему холму, чтобы отыскать там следы противника», но скоро стало ясно, что они потеряны. Тогда римский полководец, опасаясь засады,[2] отступил «в боевом порядке, рассчитывая, набрав новых солдат, удвоить численность своего войска» (Sallust. Hist. III. 96).

Ускоренное обучение воинов Спартака не прошло даром: когда Вариний отважился напасть на их новый лагерь, то был разбит наголову. Конечно, его сопровождали не испытанные ветераны, а наспех собранные случайные люди, совсем не рвавшиеся в бой. И все же, вопреки здравому смыслу, Вариний

[1] Гай Тораний был в Риме достаточно известным человеком. Впоследствии, в 59 г. до н. э., он получил должность эдила вместе с Луцием Октавием, назначившим его опекуном своего сына Октавиана, будущего создателя Римской империи. Впрочем, расхождения в политических взглядах между воспитанником и опекуном обрекли Торания на смерть в числе прочих жертв проскрипций 43 г. до н. э.

[2] Эта фраза показывает, что для тактики Спартака засады были обычным явлением.

неосмотрительно повел «быстрым шагом к лагерю новых и незнакомых ему беглых солдат, к тому же напуганных чужими неудачами, хранящих молчание и вступающих в сражение вовсе не с тем мужеством, какое от них требовалось» (Sallust. Hist. III. 96). Между тем среди вождей восстания вспыхнули раздоры из-за плана дальнейших действий. Как писал Саллюстий, «Крикс и его соплеменники — галлы и германцы — рвались вперед, чтобы самим начать бой, а Спартак отговаривал их от нападения» (Sallust. Hist. III. 96). Вероятно, его план заключался в том, чтобы дать противнику растратить силы при штурме лагеря, а потом нанести ему неожиданный удар. Детали этой битвы нам не известны, зато итог очевиден: Вариний не только потерпел поражение и потерял свои полевые укрепления, но и в столкновении с самим Спартаком утратил коня, ликторов — свою почетную стражу, и чуть было сам не попал в плен (Plut. Crass. 9). Когда весть об этом разнеслась повсюду, на многих в Италии она, конечно, произвела впечатление. Вождь восставших рабов еще раз показал себя великолепным тактиком, умело сочетающим оборону и нападение, военные хитрости и сокрушительные атаки.

Флор писал, что отнятые в ходе сражений у преторов (Клавдия и Вариния — *В.Г.*) фасции — связанные ремнями красного цвета пучки березовых или вязовых прутьев, в которые на период ведения военных действий втыкали по двустороннему топору — мятежники отдали своему предводителю (Flor. III. 20. 7). Отсюда можно сделать вывод о том, что в итоге у него оказалось такое количество этих знаков власти, какое

Рис. 2. Карта походов Спартака

положено консулу, то есть двенадцать. Вряд ли приходится сомневаться в том, что с этого времени Спартак носил консульское облачение, набрал ликторов и пользовался этими символами достоинства высшего должностного лица в Римской республике, чтобы еще больше возвыситься в глазах своих воинов и тех италийцев, кто встал на его сторону.

Теперь многие из восставших требовали идти навстречу врагу «полагаясь безрассудно на прибывающие к ним огромные силы и на свою храбрость… большинство же — из-за того, что, будучи рабами по натуре, хотели лишь пограбить и проявить свою жестокость…» (Sallust. Hist. III. 98). В конце концов Спартак сумел доказать преимущества следующего решения: не вступая в соприкосновение с врагом, двинуть армию в соседнюю область — Луканию (рис. 2), чтобы пополнить ее отборными воинами из числа рабов-пастухов. С помощью подходящего проводника из пленных отрядам рабов удалось не-

заметно подойти к Луканским Нарам, а оттуда также скрытно, на рассвете — к Форуму Анния. И вот здесь до тех пор сдерживаемые страсти, обуревавшие многих повстанцев, вырвались наружу. Примкнувшие к восстанию случайные люди, пренебрегая приказом Спартака о тайном и быстром передвижении, хватали и насиловали девушек и матрон, «поджигали дома, а многие местные рабы, естественные союзники беглых, тащили добро, спрятанное их господами, и самих их вытаскивали из потаенных мест; гнев и произвол варваров не знал ничего святого и запретного» (Sallust. Hist. III. 98). Спартак был бессилен бороться с этим, хотя много раз просил быстротой действий предупреждать известия о происшедшем. По-видимому, именно тогда произошло следующее сражение, в котором потерпел неудачу еще один римский военачальник, уже упоминавшийся Гай Тораний: его лагерь тоже был захвачен рабами. Это поражение отдало в руки войска восставших почти всю Южную Италию. Снова и снова по пути его движения вспыхивала жестокая резня, горели усадьбы и поселения, страшному опустошению, грабежам и кровопролитию подверглись такие города как Нола и Нуцерия в Кампании, Фурии, Консенция и Метапонт в Лукании. Спартак пытался пресекать бесчинства и даже велел с почестями похоронить захваченную его людьми знатную римскую матрону, «которая, не перенеся позора бесчестья, сама лишила себя жизни». Как сообщает Павел Орозий, на ее погребении «устроили гладиаторские бои с участием четырехсот пленников — разумеется, что те, кто должны были бы быть предметом зрелища, стали зрителями — действуя скорее как мастера гладиаторов, нежели как руководители войска» (Oros. V. 24. 3). Наконец, когда росшая, как снежный ком, армия Спартака увеличилась вдвое, он отдал приказ разбить лагерь на обширной равнине среди еще стоявших на полях созревших осенних хлебов, где можно было не испытывать никаких проблем с продовольствием.

Итак, в ходе кампании 73 г. до н. э. римлянам был нанесен весьма серьезный урон, а численность войска Спартака за счет продолжавших приходить к нему беглых рабов, крестьян, пастухов и перебежчиков напротив достигла 70 тысяч человек. Тогда же, видимо, при наличии захваченных табунов коней, в армии рабов началось новое усиленное формирование отрядов кавалерии из числа все тех же пастухов со скотоводческих пастбищ Лукании и Апулии. Мятежники ковали оружие и собирали припасы, готовясь к продолжению войны.

Весной следующего года Спартак, «стал уже великой и грозной силой, но как здравомыслящий человек, ясно понимал, что ему все же не сломить могущество римлян, и повел свое войско к Альпам, рассчитывая перейти через горы и таким образом дать каждому возможность вернуться домой — иным во Фракию, другим в Галлию» (Plut. Crass. 9). Общая политическая ситуация в этот момент складывалась для Рима крайне сложно и не один только Спартак занимал умы римских граждан. Незадолго до бегства гладиаторов из Капуи на востоке началась уже третья по счету война с Митридатом VI Евпатором, отвлекшая на себя значительные военные силы государства во

главе с наиболее одаренным римским полководцем Луцием Лицинием Лукуллом. В то же время в Испании еще с 80 г. до н. э. велись безуспешные действия против мятежного военачальника Квинта Сертория, который, подчинив своему влиянию испанские племена, сумел создать там своего рода «государство в государстве» с «сенатом» из 300 римских эмигрантов. Правда, в 72 г. до н. э. могущество Сертория оказалось подорвано действиями отправленной в Испанию армии Гнея Помпея. Теперь, когда положение серторианцев, располагавших еще достаточно большой военной мощью, становилось все более сложным, в Риме появились слухи о скором нападении на Италию «второго Ганнибала». Если бы это произошло, вывести восставших за пределы Апеннинского полуострова, конечно, было бы несравненно легче.

Только тогда римский сенат в полной мере осознал всю серьезность положения и отправил на борьбу с рабами, как на одну из труднейших и величайших войн, сразу обоих консулов 72 г. до н. э. — Гнея Лентула Клодиана и Луция Геллия Попликолу. Каждый из них после произведенного набора солдат вел за собой два легиона. Относительно первого из упомянутых полководцев можно сказать, что это был не самый лучший выбор, поскольку на его счету числились только неудачные действия против серторианцев в Испании под началом Гнея Помпея, тогда как Луция Геллия все знали как превосходного оратора и достаточно опытного в военном отношении человека. Кстати, тогда под его командованием служил ставший позднее известным политическим деятелем Катон Младший (95–46 гг. до н. э.). Он вступил в армию Попликолы добровольно, что для представителей «золотой молодежи» того времени было большой редкостью, из-за своего брата, назначенного на должность военного трибуна. В биографии Катона Плутарх приводит некоторые детали этой кампании, которые отчасти объясняют причины постигших римлян неудач и на контрасте с его поведением демонстрируют состояние римской армии на тот момент: «…начальники вели войну плохо, все же среди изнеженности и страсти к роскоши, которые владели тогда солдатами, он обнаружил такое умение повиноваться, столько выдержки, столько отваги, неизменно соединявшейся с трезвым расчетом», что «Геллий отметил его наградами и славными почестями» (Plut. Cat. 8).

План консулов заключался в действиях против Спартака сразу на двух направлениях: с севера наступал Лентул, с юга — Геллий. Казалось ситуация безвыходная, но тут от войска восставших, продолжившего движение в сторону Альп, отделился двадцатитысячный отряд Крикса. Он занял позиции у горы Гаргана, на поросшем дубовым лесом полуострове между устьем реки Френто и городом Сипонтом, к востоку от дороги, по которой шли легионы под командованием Геллия, нависая над его правым флангом. Предполагать в такой сложный момент сознательный раскол армии рабов из-за принципиальных разногласий между ее вождями (Мишулин 1934: 144) нет никаких оснований. Скорее всего, действия Крикса были заранее согласованы в целях временного отвлечения им на себя одной из консульских армий. Стратегически это был верный ход: если бы римляне про-

двинулись дальше, то оказались бы под угрозой нападения с тыла сил, численно превосходивших воинов Геллия почти вдвое. Верный сподвижник Спартака выполнил свою задачу: дал ему возможность оторваться от преследователей и с основными силами оказаться один на один с двумя легионами Лентула, но сам, как и две трети его воинов, погиб в ожесточенной битве с отправленным против него Геллием претором Квинтом Аррием (Liv. Ep. 96).[1] Это поражение стало тяжелым ударом для восставших, тем не менее, бывший гладиатор вновь проявил себя как блестящий полководец и смог, умело маневрируя, успешно разгромить армии консулов поочередно. Первым пришлось спасаться бегством Гнею Лентулу, который пытался окружить Спартака, а затем, после следующей упорной схватки, уже и виновникам смерти Крикса, Луцию Геллию и Квинту Аррию. Римляне отошли с поля боя в полном беспорядке, многие из них попали в плен, был потерян весь обоз. Тремстам из них пришлось на деле познать, какие чувства испытывали выходившие на арену люди. Опыт организации погребальных боев с участием пленников был повторен и, наверно, не один раз. В данном случае все они были вынуждены сражаться между собой, как гладиаторы, чтобы стать своеобразной жертвой у погребального костра погибшего Крикса, тело которого доставили в лагерь Спартака. Флор, достаточно злобно относившийся к рабскому предводителю, по этому поводу писал: «Он совершал погребения своих павших вожаков — с почетом, подобающим полководцам, и приказывал пленным сражаться вокруг погребального костра, как будто хотел искупить позор гладиаторской службы, став устроителем игр» (Flor. III. 20. 9).Возможно, это было не столько проявлением мести по отношению к римлянам, сколько данью традиционным представлениям соплеменников Крикса о проводах героя в загробный мир. Если поединки на пирах были у галлов самым обычным делом (Athen. IV. 154), то можно предполагать и включение их в программу погребального пира.

Двигаясь к Альпам вдоль восточного побережья Апеннинского полуострова через города Фирм, Анкону, Аримин, Мутину на Плаценцию, Спартак одерживал все новые и новые победы. Очень важной для осуществления его дальнейших планов была битва при Мутине, сильной крепости на пути к реке Пад (совр. р. По). Там он встретился с десятитысячным войском наместника Цизальпинской Галлии, проконсула Гая Кассия Лонгина, отца одного из будущих убийц Юлия Цезаря. Этому военачальнику тоже пришлось познать горечь поражения. По словам Плутарха, он «был разбит наголову, понес огромные потери в людях и сам едва спасся бегством» (Plut. Crass. 9). Не более успешно пытался остановить армию Спартака и отряд претора Гнея Манлия (Liv. Ep. 96), который до того был известен только тем, что во времена диктатуры Суллы нажил себе большое состояние за счет конфискации имущества осужденных на казнь. Провинция, захваченная Спартаком, была исключительно богатой: она изобило-

[1] Возможно, то же событие имел в виду Плутарх, когда писал, не упоминая о Криксе, как консул Геллий, «неожиданно напав на отряд германцев, из высокомерия и заносчивости отделившихся от Спартака, уничтожил его целиком» (Plut. Crass. 9).

вала хлебом и виноградниками, славилась небывалыми урожаями гречихи и проса, в широко раскинувшихся дубовых лесах кормилось желудями огромное количество диких и домашних свиней. Здесь армия Спартака отдохнула после боев и пополнила свои ряды, доведя численность воинов до 120 тысяч человек, вероятно, за счет рабов и перешедших на его сторону галльских крестьян.

Наконец, когда, казалось бы, на пути к альпийским перевалам не осталось никаких препятствий, вождь восстания неожиданно отказался от прежнего плана и повернул обратно. Удовлетворительного объяснения такой перемене замыслов нет. Многие исследователи полагали, что рабов могли испугать неблагоприятные условия местности или тяжесть перехода через горы, либо на настроения восставших подействовали их италийские победы и ненависть к Риму. Высказывалось также мнение, что Спартак мог поддерживать контакты с Серторием и двигался на соединение с ним для дальнейших совместных действий в Испании, но, с его смертью от руки убийцы, такая необходимость отпала (Коптев 2001). Действительно, такие контакты между всеми антиримскими силами, действовавшими одновременно в различных областях Средиземноморья, включая Митридата VI Евпатора, были вполне возможны (Молев 1995: 121–122), особенно если учесть, что союзниками понтийского царя были киликийские пираты, с которыми приходилось иметь дело и Серторию, и Спартаку. Во всяком случае, никакого психологического барьера у Сертория по этому поводу не должно было быть, так как уже со времени консульства Луция Корнелия Цинны в 87 г. до н. э. использование в политических целях больших масс вооруженных рабов стало в Риме довольно обычным явлением. К сожалению, никаких документальных свидетельств, дающих полное представление о дипломатии Сертория, не сохранилось. Помпей, опасаясь каких-либо разоблачений и обострения политической ситуации, сжег, не читая, всю его переписку, где были послания от «некоторых весьма влиятельных римлян, которые желали, возбудив волнения в государстве, изменить тогдашнюю форму правления и приглашали Сертория в Италию» (Plut. Crass. 20). Существующие версии причин изменения планов Спартака можно дополнить предположением, что, учитывая заметное увеличение численности его армии в Цизальпинской Галлии, на этом этапе восстания весьма значительную, если не большую, часть его участников составили те, кто связывал свою дальнейшую судьбу именно с Италией и не собирался никуда уходить.

Так или иначе, известие о последовавшем вскоре разгроме серторианцев означало, что теперь некому сковывать действовавшую против них закаленную в боях армию Гнея Помпея, и она в скором времени может появиться на Апеннинском полуострове. Видимо, именно тогда в окружении Спартака возобладало мнение о нанесении внезапного удара по Риму или возвращении на юг Италии с тем, чтобы переправиться на остров Сицилию и превратить его в свою новую базу. Восставшие двинулись в обратную сторону, и тогда Рим «оказался охвачен не меньшим страхом, чем когда он дрожал, крича, что Ганнибал у ворот» (Oros. V. 24. 5).

Правда, Спартак, все-таки повел свою армию не на столицу государства, тем более что у него не было осадных орудий, а по старой Эмилиевой дороге к слабо укрепленным городам Кампании и Лукании. Для быстроты передвижения был отдан суровый приказ: «сжечь весь лишний обоз, убить всех пленных и перерезать вьючный скот, чтобы идти налегке» (App. Bell. Civ. I. 117). Перебежчики, во множестве приходившие со всех сторон, не принимались. В области Пицен войско мятежных рабов снова попытались остановить объединенные силы двух консулов, и опять они были разбиты.

Узнав об этих неудачных действиях, возмущенный сенат приказал консулам не трогаться с места. Теперь Спартак окончательно доказал, что его победы не были случайностью. Римляне были вынуждены признать: этот бывший раб действительно обладает огромным военным талантом. Только выдающийся полководец и организатор мог, не имея базы для изготовления в нужных количествах вооружения, создать боеспособную армию из массы не привыкших к военной дисциплине людей, и наносить в течение долгого времени тяжелые поражения знаменитым римским легионам. Следует отметить те усовершенствования, которые Спартак внес в созданную им военную организацию — усиление роли кавалерии и легковооруженных подразделений, стремление сделать армию более маневренной за счет избавления от громоздких обозов и, очевидно, хорошо поставленная разведка.

В сложившейся ситуации никто из влиятельных римских граждан не решался рискнуть своей репутацией и взять на себя столь неблагодарное дело, как командование в «рабской войне». Единственным человеком, выдвинувшим свою кандидатуру, оказался самый богатый и влиятельный на тот момент человек в Риме, Марк Лициний Красс (114–53 до н. э.). С одной стороны он был известен своими сомнительными денежными операциями, с другой — обладал достаточными познаниями в области военного искусства. В молодости Красс воевал под командованием своего отца в Испании против племени лузитан, сражался против италиков в Союзнической войне, затем принял активное участие в гражданской войне на стороне Суллы, возглавляя значительную часть его армии. Наделенный сенатом проконсульской властью он сразу энергично взялся за дело, спешно набрав шесть легионов, к которым он, прибыв на место, присоединил еще два консульских.[1] Таким образом, под началом этого полководца оказалось не менее сорока тысяч солдат. Это было признанием крайней опасности положения. Обычно считали, что для участия в военных действиях достаточно максимум четырех легионов, дополненных вспомогательными и союзными войсками. Учитывая серьезность ситуации, за Крассом последовали многие представители знати, кто по дружбе с ним, а кто в силу имевшихся долговых обязательств. Таким образом, среди его офицеров появились тщательно подобранные люди. Среди них можно упомянуть Марка Муммия, потомка видной плебейской фамилии; квестора Гнея Тремеллия Скрофу, друга Цице-

[1] Заметим, что у Помпея, воевавшего против такого серьезного противника как Серторий, были в распоряжении всего шесть легионов.

рона, который отзывался о нем, как о «человеке старых правил», «личности в высшей степени совестливой и добросовестной», и Луция Квинкция, народного трибуна 74 г. до н. э., занявшего должность начальника конницы.

Поначалу Крассу сопутствовал небольшой успех в битве с одним из отрядов беглых рабов: шесть тысяч из них были убиты и девятьсот взяты в плен (Oros. V. 6). Тем временем Спартак, никогда не переоценивавший свои силы, использовал любой промах своих врагов. Когда римская армия расположилась на границе области Пицен, чтобы преградить ему путь на юг, два легиона под командованием легата Марка Муммия, судя по всему, из числа полностью деморализованных бывших консульских, были посланы в обход, со строгим приказом не вступать в сражение и избегать даже мелких стычек. Однако, этот уже достаточно опытный военачальник, видимо, пренебрежительно относившийся к недостойному противнику, горел желанием отличиться, и воспользовался первым же, как ему казалось, благоприятным случаем завязать битву. Эта самонадеянность была жестоко наказана: «многие из его людей были убиты, другие спаслись бегством, побросав оружие» (Plut. Crass. 10). Судя по всему, позорное поражение растерявших боевой дух римских солдат, которое произвело гнетущее впечатление на всю армию, было связано с потерей воинских знаков и, прежде всего, главных из них — штандартов с изображением орла, символа легиона. Только утратой «знамен» можно объяснить применение Крассом в качестве наказания редко применявшейся, но обычно как раз в таких случаях, крайней и жестокой меры — децимации, когда казнили каждого десятого из проявивших трусость воинов. О масштабах бегства солдат Муммия с поля боя дает представление следующая цифра: одних зачинщиков оказалось пятьсот человек. Их разделили на пятьдесят десятков и из каждого взяли одного смертника, выбирая его по жребию (Plut. Crass. 10).[1] Такая казнь сопровождалась жуткими и мрачными обрядами посвящения их подземным богам, совершавшимися у всех на глазах, а производилась она обычно следующим образом: их просто забивали насмерть. Один из младших командиров касался провинившегося, и остальные солдаты били его палками, пока тот не умирал (Ср.: Tac. Ann. III. 21). У Плутарха в описании этих событий говорится о том, что данный «вид казни сопряжен с позором». Под этим надо понимать публичное лишение военного пояса (балтеуса) в виде ремня, украшенного серебряными или бронзовыми накладками, который отбирали у обесчестившего себя легионера (Кован 2005. С. 31). В течение назначенного наказанием срока остальные струсившие воины не могли находиться внутри лагерных укреплений и жили перед внешним рвом. На этот период вместо пайка пшеницы их переводили на ячменный хлеб.

Показательные суровые меры возымели свое действие: дисциплина и боевой дух римских солдат, для которых собственный командующий «оказался… страшнее побеждавших их врагов» (App. Bell. Civ. I. 118), резко воз-

[1] По данным Аппиана масштабы репрессий были более значительными и число казненных достигло 4000 человек (App. Bell. Civ. I. 118), что, впрочем, маловероятно.

росли. В дальнейшем, чтобы избежать новых потерь, Красс решил не вступать со своим противником в открытый бой, а постараться измотать его постоянным преследованием и истреблением фуражиров. Видимо, проанализировав печальный опыт своих предшественников, да и свой собственный, он решил применить против вождя восстания его любимые тактические приемы: избегать столкновения с крупными силами врага и стараться бить по его по частям, координируя действия отрядов, размещенных в двух укрепленных лагерях.

Между тем армия рабов, словно зверь в клетке, металась по Италии и только к концу лета 72 г. до н. э. обосновалась в районе крупного торгово-ремесленного города Фурии, на время ставшего базой восстания. Приобретая железо и медь за счет общей армейской казны, мятежники хорошо вооружились и стали делать успешные вылазки против римлян, неизменно возвращаясь назад с добычей. Тогда, чтобы обуздать растущую алчность людей, Спартак прибег к крайним мерам и запретил в пределах военного лагеря употребление золота и серебра. Так продолжалось, пока Крассу не удалось нанести Спартаку двойное поражение: сначала был на две трети уничтожен стоявший отдельным лагерем десятитысячный отряд мятежников, а затем разбит и сам вождь рабов (App. Bell. Civ. I. 118). После этого его армия отступила на самый юг Апеннинского полуострова, в область Бруттий.

Добравшись до Мессанского пролива шириной в самом узком месте всего 3,5 км, Спартак, видимо, решил быстро переправить часть своих сил на Сицилию, где еще недавно бушевали мощные рабские восстания, и можно было попытаться разжечь огонь нового. Очевидно, там планировалось создание запасного плацдарма на случай неудач в Италии, ведь речь шла о высадке на острове всего двух тысяч человек (Plut. Crass. 10). Сам по себе неширокий на первый взгляд пролив, тем не менее, представлял собой серьезную преграду. Он отличается сильным течением (около 9 км в час), устремляющимся между разбросанными по берегам острыми скалами. Флота у восставших не было и, по имеющимся сведениям, помощь в осуществлении переправы Спартаку пообещали киликийские пираты, полностью господствовавшие в проливе после уничтожения всего флота Гая Верреса, пропретора Сицилии в 73–71 гг. до н. э.[1] Эта десантная операция в расчете на две тысячи человек заняла бы у небольшой пиратской эскадры из 35 подвижных и вместительных либурн[2] не более двух часов за два рейса (Ср.: Хлевов 2005: 472). Почему же переправу не удалось осуществить сразу? Все дело в том, что даже такими силами в тот момент пираты не располагали. Под началом действовавшего в проливе их предводителя Гераклиона, было всего четыре небольших корабля (Cic. in Verr. IV. 35.91) и требовалось время, чтобы собрать их в большем количестве. Во всяком случае, серьезных препятствий тогда для этой операции со стороны Верреса, не ожидалось, иначе трудно объяснить слова Цицерона в речи, произнесенной позднее против этого римского магистрата: «Стало быть, это ты помешал

[1] По образному выражению Цицерона, «вследствие алчности Верреса флот существовал в Сицилии только по названию» (Cic. in Verr. IV. 25.63).

[2] Либурна — военное судно длиной около 30 м с острыми обводами и водоизмещением до 80 т.

полчищам беглых переправиться из Италии в Сицилию? Где, когда, откуда? Никогда ничего подобного мы не слыхали… А ведь если бы в Сицилии были против них хоть какие-нибудь сторожевые отряды, не пришлось бы тратить столько сил, чтобы воспрепятствовать их попыткам» (Cic. in Verr. IV. 2.5). Последнюю фразу дополняет утверждение, что только «доблесть и мудрость храбрейшего мужа Марка Красса не позволили беглым рабам переправиться через пролив в Мессану». Эти слова однозначно можно трактовать как свидетельство о том, что в осложнившейся ситуации римлянами были срочно стянуты к Сицилии какие-то военно-морские силы. В итоге, даже после получения оговоренной заранее суммы денег ни один пиратский корабль не прибыл в назначенное место.[1] Возможно, такое бездействие диктовалось также интересами союзника пиратов, Митридата VI Евпатора, которому, в условиях постигших его неудач, важно было сохранение военной угрозы для Рима непосредственно на земле Италии.

Изменившиеся обстоятельства, тем не менее, не заставили Спартака отказаться от самой идеи перебраться на Сицилию, но попытка преодолеть «узкий и бурный пролив» на плотах из бревен и пустых бочек, связанных виноградными лозами, тоже оказалась неудачной (Flor. III. 20. 13).[2] Между тем, сезон, благоприятный для действий на море, закончился, дальше идти было некуда, а обратный путь с небольшого Регийского полуострова к тому времени преградили военные силы Красса. Сама природа подсказала ему наиболее подходящий план, нацеленный на то, чтобы отрезать мятежных рабов от внешнего мира и заставить их капитулировать. Отдав приказ возвести на перешейке линию укреплений, Красс убивал сразу двух зайцев: «уберечь солдат от безделья и лишить врагов подвоза продовольствия» (Plut. Crass. 10). Тысячи легионеров взялись за кирки и лопаты, и скоро от моря до моря протянулся огромный ров шириной и глубиной около 4,5 м, укрепленный земляным валом и стеной, поражавшей своей высотой и прочностью. Плутарх писал, вероятно, с целью поразить воображение читателя, что длина этих укреплений составляла триста стадиев (около 55 км) и эта цифра фигурирует во всех исследованиях, затрагивающих тему восстания Спартака. На самом деле ширина перешейка в этой части Апеннинского полуострова составляет примерно 30 км, что полностью соответствует расстоянию в 160 стадиев, указанному в описании Южной Италии из текста «Географии» Страбона (Strab. VI. 1. 4) и это, даже с учетом особенностей рельефа местности, по крайней мере, почти в два раза сокращает объем необходимых работ.[3] В любом случае, при наличии опытных военных инженеров и организованной рабочей силы их действительно можно было провести в достаточно сжатые

[1] Нельзя полностью исключать и возможность подкупа пиратской верхушки (Мотус 1948. С. 60–61).

[2] Видимо, эта попытка была предпринята в ноябре, когда из-за частых штормов, плавания обычно прекращались.

[3] В данном случае Красс мог использовать и остатки более ранних укреплений. В частности, Страбон при описании этой части Апеннинского полуострова сообщает, что в свое время сиракузский тиран Дионисий Старший (ок. 430–367 гг. до н. э.) «пытался перегородить стеной перешеек от внешних варваров», но этот план не был выполнен до конца (Strab. VI. 1. 10).

сроки, хотя это и был первый в истории римского военного искусства пример строительства укрепленной линии огромной протяженности. Наиболее близкой по времени демонстрацией подобной практики римской армии, является возведение всего за 18–20 дней легионерами Цезаря (около 10 тысяч человек) рва и вала высотой 4,8 м и протяженностью 28 км, чтобы воспрепятствовать продвижению гельветов в пределы Нарбонской Галлии в 58 г. до н. э. (Caes. De bello Gall. I. 8). Столь же бурный строительный энтузиазм продемонстрировали позднее, в 70 г. н. э., солдаты четырех легионов под командованием Тита в период осады Иерусалима, когда за три дня они возвели вокруг города стену длиной почти 7 км и тринадцать сторожевых башен (Jos. Fl. Bell. Jud. V. 12. 2). С учетом производительности труда римских легионеров и их числа под началом у Красса можно утверждать, что создание фортификационной линии на Регийском полуострове должно было занять не более недели.

Сначала эти сооружения мало заботили Спартака, относившегося к ним с полным пренебрежением, но скоро стало ясно, что армия заперта на пространстве, где запасы продовольствия весьма ограничены, несмотря на наличие здесь семи городов с прилегающей сельской округой, в том числе таких известных как Регий и Локры Эпизефирские. Первая же попытка прорыва блокады, предпринятая на заре, закончилась неудачей. Как гордо утверждал Аппиан, погибло около шести тысяч восставших, а вечером еще столько же, тогда как потери римлян вследствие укрепления дисциплины составили всего трое убитых и семь раненых (App. Bell. Civ. I. 119). Естественно, эти цифры, отражающие урон, понесенный армией Спартака, абсолютно нереальны. После этой неудачи рабы уже не атаковали укрепления Красса всеми силами, а беспокоили осаждавших мелкими стычками и неожиданными нападениями, забрасывая ров связками хвороста и поджигая их. Все это должно было держать римлян в постоянном напряжении, под угрозой внезапной попытки прорыва. Одновременно предпринимались действия, способные спровоцировать противника на атаку. Так, однажды Спартак приказал распять пленного римлянина на нейтральной полосе между позициями обеих армий. Красс, убедившийся, что «рабская» война — дело тягостное и серьезное, не принял этот вызов. Он предпочитал выжидать и с презрением отверг предложение вступить в переговоры. В чем заключалась их суть? Может быть, некоторый свет на этот вопрос проливает сообщение Тацита, который вспоминал попытку мирных переговоров со стороны Спартака в связи с другим «дезертиром и разбойником» Такфаринатом, вождем африканского восстания 17–24 гг. Этот нумидиец потребовал, угрожая бесконечной войной, предоставить местожительство себе и войску, но также получил решительный отказ (Tac. Ann. III. 73).

Наконец, дождавшись снежной и бурной зимней ночи,[1] Спартак приказал засыпать часть рва землей, ветками, телами убитых пленников и трупами

[1] Видимо, прорыв был осуществлен в феврале, поскольку начинать решительные военные действия задолго до наступления весны не имело смысла. До сих пор в этом месяце на юг Италии и Сицилию нередко обрушиваются мощные снежные бури (напр., 18.02.2008).

павших лошадей, а затем успел перевести через него третью часть своего войска. Создается впечатление, что таким образом была реализована еще одна его военная хитрость, которая должна была побудить Красса действовать более решительно. В любом случае тот оказывался в невыгодном положении. Если римская армия оставалась на прежних позициях, скованная большей частью восставших, то Спартак со своим отрядом получал полную свободу действий. Если же нет, то для римлян возникала угроза нанесения удара с двух сторон. Не долго думая, Красс бросил бесполезные теперь укрепления и двинулся вслед за Спартаком, так для него важно было обеспечить себе численное превосходство в предстоящей битве. Он уже жалел, что ранее писал сенату о необходимости для достижения быстрой победы вызвать в Италию войска других полководцев: из Фракии — Марка Лициния Лукулла, а из Испании — Гнея Помпея. Слава победителя медленно ускользала из рук Красса, поэтому он должен был спешить окончить войну с мятежниками до появления своих возможных конкурентов. Пока еще главнокомандующий, он предвидел, что в противном случае успех будет приписан не ему, а тому из них, кто явится к нему на помощь.

Между тем путь воинов Спартака лежал к Брундизию, большому порту на Адриатическом море с несколькими прекрасными гаванями, вмещавшими до двухсот кораблей. Стремительный конный рейд и захват Брундизия до начала навигации в апреле позволял воспрепятствовать возможной высадке легионов Марка Лукулла, спокойно дождаться подхода подкреплений, посадить воинов на корабли и переправить их в Эпидамн или Диррахий, расположенный на расстоянии около 260 км от Италии. Оттуда открывался путь в Грецию или на север Балканского полуострова. Возможно, конечной целью в данном случае представлялся восточный театр военных действий, где у восставших рабов еще оставался потенциальный союзник — непримиримый враг Рима Митридат VI Евпатор. Однако захватить хорошо укреплённый порт так и не удалось. Аппиан по этому поводу писал: «когда Спартак узнал, что в Брундизии находится Лукулл, возвратившийся после победы над Митридатом, он понял, что все погибло…» (App. Bell. Civ. I. 120). Конечно, римским историком, писавшим более чем двести лет спустя после описываемых событий, здесь была допущена ошибка.[1] Победитель Митридата в это время находился на Востоке и не покидал театр военных действий. Но дело в том, что и его брат, Марк Лукулл, тоже вряд ли мог высадиться в Брундизии со своей армией в конце зимы — начале весны 71 г. до н. э.[2] Во-первых, из-за плохих погодных ус-

[1] Отметим, что эта ошибка далеко не единственная в в трудах Аппиана. Не раз отмечалось, что он путался при согласовании различных версий и фактов и допускал небрежности в отношении хронологии (см.: Ковалев 1986: 179; Источниковедение Древней Греции 1982: 107).

[2] При стремлении римлян быстрее завершить позорную рабскую войну было бы странным полное бездействие крупных воинских сил, оказавшихся близ театра военных действий почти за два месяца до их окончания. К тому же, кроме противоречивого сообщения Аппиана, о появлении Лукулла в Италии не упоминает ни один античный автор. Вообще надо сказать, что при всей ценности информации о восстании Спартака, сообщаемой Аппианом, она представляет собой своего рода «нарезку эпизодов», иногда разделенных значительными промежутками времени.

ловий это время не очень подходящее для переправы крупных военных сил,[1] во-вторых, на год, когда завершилась тяжелая Македонская война, приходится слишком много событий, чтобы уложить их в пределы всего двух, к тому же зимних, месяцев. Длинный список деяний Марка Лукулла в 71 г. до н. э. приводит Евтропий: война с бессами и победа над ними в большом сражении у горы Гемы, осада и захват города Ускудам, в котором жило это племя; взятие Кабилы и поход к Дунаю, а затем ко многим городам, расположенным у Понта. В итоге, Лукулл опустошил Аполлонию, взял Каллатиды, Парфенополь, Томы, Истр, Бурупаны и только тогда, закончив войну, возвратился в Рим (Eutr. VI. 8.1). Собственно в его легионах и не было особой нужды после назначения вторым главнокомандующим в рабской войне Гнея Помпея, вернувшегося из Испании.

Когда надежда на флот, позволявший покинуть Италию, растаяла и одновременно в борьбу скоро должна была вступить новая римская армия, намерения Спартака сразу резко изменились: он вновь сделал своей главной целью разгром Красса и, судя по всему, опять прибег к военной хитрости. Плутарх сообщает о раздорах, очевидно, мнимых, среди восставших, в результате чего от основных сил армии Спартака отделился отряд под командованием Гая Канниция[2] и Каста, разместившийся в укрепленном лагере у Луканского озера (Plut. Crass. 11). Кстати, Орозий, видимо, более точно, называет этот отряд вспомогательным войском Спартака (Oros. V. 24.6). Тит Ливий определяет его численность минимум в тридцать пять тысяч человек, дополнительно указывая, что это были галлы и германцы (Liv. Ep. 97). Такие силы несопоставимы с третью войска, которое увел Спартак с Регийского полуострова. Возможно, это было крупное воинское подразделение, но из числа тех, что вырвались из бруттийской ловушки позднее и шли на соединение со Спартаком согласно заранее разработанному плану. Вскоре лагерь у Луканского озера подвергся нападению со стороны Красса, который стал успешно теснить повстанцев, но внезапное появление воинов Спартака остановило бегство охваченных паникой людей.[3] Красс был вынужден отступить, но ненадолго. Выждав некоторое время, он снова решил напасть на отряд Канниция и Каста, но, чтобы на этот раз предотвратить возможную помощь, расположил свои силы в двух укрепленных лагерях, расположенных вплотную к полевым укреплениям своих противников с одной стороны, и Спартака — с другой.

Под покровом ночи Красс вывел все войско из лагерей, оставив в большем, находившемся близ позиций Спартака, чтобы ввести его в заблуждение, свою палатку главнокомандующего. Сам же разместил легионеров в засаде у подножия ближайшей небольшой горы. Далее он отдал приказ Луцию Квинкцию

[1] Состоявшаяся в первой половине января 49 г. до н. э. переправа Юлия Цезаря с пятью легионами из Брундизия на Балканский полуостров, когда «пора бурь и ветров на море, и даже богу невозможно смирить силой стихию» (Plut. Caes. 37), была абсолютно чрезвычайным событием.

[2] У Тита Ливия и Юлия Фронтина этот предводитель восставших именуется Ганником.

[3] Как справедливо заметил Ж. Бриссон, «Спартак никогда не представлял такие будто бы отколовшиеся части их собственной участи» (Brisson 1959: 236).

разделить вверенную ему конницу на две части. В задачу одной из них входило завязать бой с войском Спартака и отвлечь его на себя, другая же должна была вступить в сражение со стоявшими отдельно галлами и германцами и притворным бегством заманить их подальше, поставив под удар основных сил Красса (Front. Strat. II. 4.7; II. 5.34). Чтобы усилить свои позиции и произвести нападение сразу с нескольких сторон, он отправил 12 когорт с легатом Гаем Помпонием и Квинтом Марцием Руфом в обход горы, на один из окрестных холмов «с приказанием сделать все возможное, чтобы пробраться туда незаметно. Стараясь ничем себя не обнаружить, люди эти прикрыли свои шлемы. Тем не менее, их увидели две женщины, приносившие жертвы перед неприятельским лагерем, и отряд оказался… в опасном положении». Но было уже поздно. Развернулось, как писал Плутарх, «самое кровопролитное сражение за всю войну» (Plut. Crass. 11). В решающий момент масса отступавших в беспорядке всадников разделилась, отойдя на фланги, и перед воинами Канниция и Каста неожиданно появились ряды римской пехоты, с криком ринувшейся вперед, а с тыла также с громким криком уже приближались когорты Гая Помпония. Несмотря на стойкое сопротивление — из 12 300 погибших повстанцев только двое были ранены в спину — потери в условиях предстоящего последнего напряжения сил повстанцев в борьбе с Римом были ужасающими.

Что касается Красса, то теперь ему было чем отчитаться перед сенатом: он сумел вернуть захваченные у римлян в прошлых битвах пять легионных орлов, двадцать шесть воинских значков более мелких подразделений и много других трофеев, в том числе пять ликторских пучков фасций с топорами (Front. Strat. II. 5. 34). А ведь если подсчитать число римских легионов, разгромленных воинами Спартака, это всего лишь около половины захваченных ими трофеев! О масштабах поражений, в которых они были утрачены, в глазах самих римлян, в сравнительном плане можно сделать вывод на основании письма, направленного Цицерону Сульпицием Гальбой после победы над Марком Антонием в 43 г. до н. э.: «два орла и шестьдесят знамен были захвачены — все Антония! Это было выдающееся достижение» (Cic. Epist. 10. 30). Позднее император Август, узнав об уничтожении германцами трех легионов под командованием Квинтилия Вара и соответственно, потере трех легионных орлов, на несколько месяцев перестал стричь волосы и бриться, а потом каждый год отмечал день поражения трауром и скорбью.

После неудачи у Луканского озера Спартак, чтобы собраться с силами, временно отступил к Петелийским горам, лежавшим на юго-восток от поля сражения, в хорошо знакомой ему гористой области Бруттий. Командование римской армии было единодушно в том, что, с одной стороны нельзя дать ему уйти, с другой — надо всячески избегать встречи с Помпеем, которому сенат уже вручил высшие полномочия в ведении этой войны. Преследовать рабов отправились один из легатов Красса Квинт Аррий и квестор Гней Скрофа, видимо, совершенно утратившие чувство опасности. Свою задачу сковать силы восставших мелкими стычками и дождаться подхода основной части ар-

мии Красса они не выполнили. Когда Спартак прекратил отступление и сам атаковал римлян, те «бежали без оглядки и едва спаслись, с большим трудом вынеся из битвы раненого квестора» (Plut. Crass. 11). Судя по тому, что позднее, после разгрома Спартака, Красс обнаружил в его лагере три тысячи пленных римских граждан (Oros. V. 24. 7), захвачены они были именно в том злополучном сражении. По словам Плутарха, этот временный успех и погубил беглых рабов, совершенно вскружив им головы. «Они теперь и слышать не хотели об отступлении и не только отказывались повиноваться своим начальникам, но, окружив их на пути, с оружием в руках принудили вести войско назад через Луканию на римлян» (Plut. Crass. 11). Свой последний лагерь Спартак разбил у истоков р. Силар (Oros. V. 24.6),[1] на границе Кампании и Лукании. Красс не решился сразу сразиться со своим противником и, возведя рядом полевые укрепления, стал обносить их рвом. Земляные работы еще продолжались, когда начались военные действия, поначалу ограничивавшиеся незначительными взаимными нападениями. Обе стороны постепенно копили силы за счет подходивших подкреплений, но вскоре построились для последней битвы.[2] С этим моментом связан носящий фольклорный оттенок рассказ Плутарха о том, как вождю рабов «подвели коня, но он выхватил меч и убил его, говоря, что в случае победы получит много хороших коней от врагов, а в случае поражения не будет нуждаться и в своем» (Plut. Crass. 11). Впрочем, возможно, все объясняется существованием у фракийцев обычая приносить в жертву коня прямо перед строем готовых вступить в бой воинов (Flor. IV. 12. 15).

На открытой местности римляне скоро сумели добиться преимущества в столкновении со своими противниками, хотя они и сражались в правильном строю. Тогда Спартак, видимо, во главе наиболее боеспособных частей своей армии, сделал ставку на то, чтобы добраться до Красса и его смертью переломить ход сражения. «Ни вражеское оружие, ни раны не могли его остановить, и все же к Крассу он не пробился и лишь убил двух столкнувшихся с ним центурионов. Наконец, покинутый своими соратниками, бежавшими с поля битвы, окруженный врагами, он пал под их ударами, не отступая ни на шаг и сражаясь до конца» (Plut. Crass. 11). Другие детали этого сражения донес до нас текст Аппиана: «Спартак был ранен в бедро дротиком: опустившись на колено и выставив вперед щит, он отбивался от нападавших, пока не пал вместе с большим числом окружавших его. Остальное войско, находясь в полном беспорядке, было изрублено. Говорят, что число убитых и установить было нельзя. Римлян пало около тысячи человек. Тело Спартака не было найдено» (App. Bell. Civ. I. 120). Даже Флор, не испытывавший к рабам никаких симпатий, был вынужден отдать должное исключительному героизму

[1] Истоки эта реки (совр. Селе), впадающей в Тирренское море, находятся на расстоянии около 170 км к юго-западу от Брундизия.

[2] Эта битва, очевидно, произошла не позднее апреля 71 г. до н. э., если учесть, что, согласно Аппиану, Красс окончил «гладиаторскую войну в шесть месяцев» (App. Bell. Civ. I. 121). Нет никаких оснований считать, как это делала А. А. Мотус, что последний поход Спартака «происходил, если считать со времени прорыва римских укреплений в Бруттии, с лета по середину (или конец) осени 71 г. до н. э.» (Мотус 2001: 50).

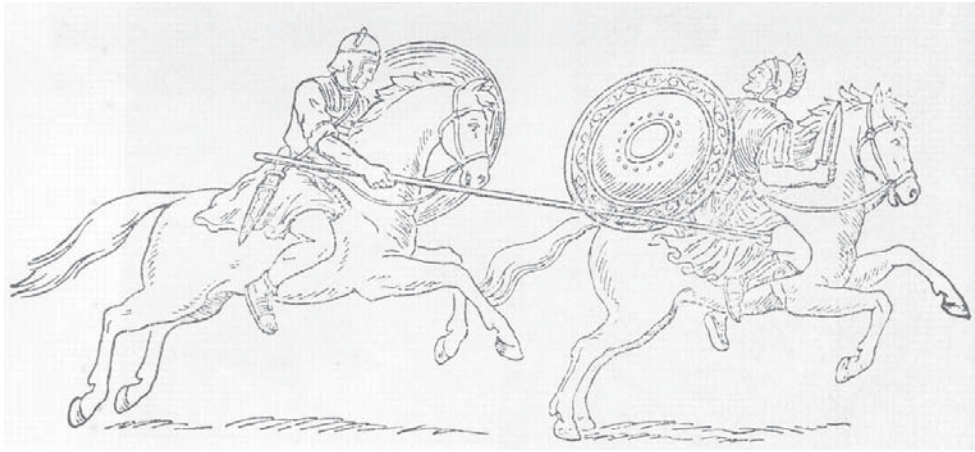


Рис. 3. Реконструкция центральной части фрески с изображением Спартака

Спартака и его соратников: «они решили пробиться и пали смертью, достойной воинов. Сражались не на жизнь, а на смерть, — чего и следовало ожидать, когда командует гладиатор. Сам Спартак, храбро бившийся в первом ряду, пал как полководец» (Flor. III. 20. 13).

Вполне вероятно, дополнительный свет на вопрос об обстоятельствах гибели Спартака проливает фрагмент фрески, обнаруженной в Помпеях в 1927 г. Она происходит из небольшого домика, принадлежавшего жрецу Аманду и построенного лет за полтораста до гибели города в результате извержения Везувия. Фреска, украшавшая дом на заре его существования, обнажилась случайно, когда в коридоре обвалилась поздняя штукатурка. Частично поврежденное изображение включало две сцены, которые, если следовать направлению сопровождающих его надписей, надо рассматривать справа налево. Тогда в первой сцене оказываются два всадника, один из которых настигает обернувшегося противника и вонзает копье ему в бедро (рис. 3). Над последним надпись оскскими буквами «Спартакс», над головой преследователя частично сохранившиеся буквы, которые А. Майюри расшифровал как «Феликс из Помпей» (Мишулин 1947. С. 96–98; Носов 2005. С. 77). Далее слева, во второй сцене — два бьющихся пеших воина. Обращает на себя внимание следующее: защищающийся воин представлен без шлема и поза его довольно неестественна, что заставляет предполагать, что он ранен в ногу и продолжает отбиваться от врага, находясь в тяжелом состоянии. Если это так, то некий Феликс из Помпей решил таким образом увековечить свой подвиг сразу после победы над Спартаком.

Но вернемся к событиям 71 г. до н. э. Итак, после смерти вождя его войско еще продолжало сражаться, но, будучи лишено полководца, потеряло всякое организационное начало. По некоторым данным, точность которых, конечно, не следует преувеличивать, на поле боя римляне насчитали шестьдесят тысяч убитых врагов.[1] Большое число

[1] Только Веллей Патеркул, если принять чтение Ж. Эллегуара, приводит меньшую цифру: в последнем сражении против Красса участвовали сорок девять тысяч воинов Спартака (Vell. Pat. II. 30. 5).

спартаковцев еще успело укрыться «в горах, куда они бежали после битвы. Красс двинулся на них. Разделившись на четыре части, они отбивались, пока не погибли все, за исключением шести тысяч» (App. Bell. Civ. I. 120). В назидание тем, кто решится противиться воле Рима, по приказу Красса они были распяты вдоль Аппиевой дороги от Капуи, где началось восстание, до ворот столицы. На основе несложных расчетов можно представить себе эту уходящую за горизонт цепочку крестов, отстоявших друг от друга на расстояние немногим более 30 м.

Разгром восставших довершил Помпей, истребив их пятитысячный отряд, уцелевший после сражения с Крассом.[1] Превознося свои заслуги, он писал сенату: «в открытом бою беглых рабов победил Красс, я же уничтожил самый корень войны» (Plut. Crass. 11). Впрочем, говорить об уничтожении этого корня было еще рано. Еще долго по всей Южной Италии тлели искры великого пожара: там, где в бруттийских лесах и горах скрывались разрозненные группы бывших воинов Спартака. О размахе этого движения свидетельствует отправление против них в 63 г. до н. э. из Рима специальной карательной экспедиции Квинта Метелла Критского. Видимо, он не добился какого-либо серьезного успеха, поскольку уже на следующий год мятежники объединили свои усилия, захватили область города Фурии и долго удерживали ее под контролем. Последних сподвижников Спартака по чрезвычайному поручению сената уничтожил присланный из столицы отряд пропретора Гая Октавия, отца будущего императора Октавиана Августа (Suet. Aug. 3. 1).

И все-таки выступления людей, сражавшихся на арене амфитеатров, против римских властей не стали лишь достоянием прошлого. В правление императора Тиберия гладиаторы приняли самое деятельное участие в галльском восстании 21 г. Единственный античный автор, запечатлевший эти события, Тацит, писал, что к военным силам, собранным тогда племенем эдуев, «были добавлены предназначенные для гладиаторских игр рабы, по обычаю племени облаченные в сплошные железные латы, так называемые крупеллярии, малопригодные для нападения, но зато неуязвимые для наносимых врагом ударов. Вождь эдуев Юлий Сакровир поставил этих латников впереди своего войска, на направлении главного удара римлян. В результате именно они несколько задержали разгром эдуев, «так как их доспехи не поддавались ни копьям, ни мечам; впрочем, воины, схватившись за секиры и кирки, как если бы они рушили стену, стали поражать ими броню и тела; другие при помощи кольев валили эти тяжелые глыбы, и они, словно мертвые, продолжали лежать на земле, не делая ни малейших усилий подняться» (Tac. Ann. III. 43, 45, 46). Последнее обстоятельство, отмеченное Тацитом, невольно заставляет вспомнить тяжелые доспехи европейских рыцарей позднего средневековья. Что конкретно входило в состав вооружения крупеллярия сказать трудно, но, если прав М. Юнкельманн (Junkelmann 2000: 83), предполагая, что именно его изображает бронзовая статуэтка I в. н. э. из

[1] Этот отряд, по численности равный легиону, видимо, отступал в относительном порядке.

Вертиньи, то такое сопоставление имеет под собой некоторые основания. На голове воина горшковидный шлем с выступом в форме носа и множеством отверстий. Горизонтальная полоска в верхней части шлема, скорее всего, является смотровой щелью. Полосы на груди, руках, поясе и бедрах, очевидно, демонстрируют использование в доспехе какой-то ламинарной конструкции (Носов 2005: 77).

Еще одно восстание гладиаторов произошло при Нероне в 64 г. н. э., когда бойцы из Пренестинской школы в маленьком городке недалеко от Рима, предприняли неудачную попытку обрести свободу, но были усмирены приставленной к ним бдительной воинской стражей (Tac. Ann. XV. 46). Приведенные примеры еще более рельефно подчеркивают размах событий, связанных с движением Спартака, переросшего из восстания гладиаторов в настоящую войну, сплотившую более чем на два года все антиримски настроенные силы на земле Италии и сыгравшую определенную роль в развитии военного искусства античного мира.

Источники

1. *App. Bell. Civ.* — Аппиан. Гражданские войны / Пер. С. А. Жебелева. СПб. 1994.

2. *Athen.* — Афиней. Пир мудрецов / Пер. Н. Т. Голинкевича; Под ред. М. Л. Гаспарова. М. 2003.

3. *Caes. De bello Gall.* — Гай Юлий Цезарь. О галльской войне / Пер. М. М. Покровского // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. М. 1993.

4. *Cic. Epist.* — Марк Туллий Цицерон. Письма / Пер. В. О. Горенштейна // Т. I–III. М.; Л. 1949–1951.

5. *Cic. in Verr.* — Марк Туллий Цицерон. Речь против Гая Верреса / Пер. В. О. Горенштейна // Цицерон. Речи. Т. I. М. 1962.

6. *Flor.* — Луций Анней Флор. Две книги римских войн / Пер. А. И. Немировского // Малые римские историки. М. 1996.

7. *Front. Strat.* — Фронтин. Военные хитрости / Пер. А. Рановича. СПб. 1996.

8. *Liv. Ep.* — Тит Ливий. Периохи книг 1–142 / Пер. М. Л. Гаспарова // Тит Ливий. История Рима от основания города Т. III. М. 1993.

9. *Oros.* — Павел Орозий. История против язычников. Кн. VI–VII / Пер. В. М. Тюленева. СПб. 2004.

10. *Plut. Cat.* — Плутарх. Катон / Пер. С. П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. Т. III. М. 1963.

11. *Plut. Crass.* — Плутарх. Красс / Пер. В. В. Петуховой // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. Т. II. М. 1963.

12. *Sallust. Hist.* — Саллюстий. История / Пер. В. О. Горенштейна. М. 1981.

13. *Strab.* — Страбон. География / Пер. Г. А. Стратановского. М. 1964.

14. *Suet. Aug.* — Гай Светоний Транквилл. Август / Пер. М. Л. Гаспарова // Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М. 1988.

15. *Tac. Ann.* — Корнелий Тацит. Анналы / Пер. А. С. Бобовича; Под ред. Я. М. Боровского // Тацит. Соч.: В 2 т. Т. I. Л. 1969.

16. *Vell. Pat.* — Веллей Патеркул. Римская история / Пер. А. И. Немировского // Малые римские историки. М. 1996.

Литература

1. *Горсков 1972* — Горсков В. Военное искусство Спартака // Военно-исторический журнал. № 8. 1972.

2. *Источниковедение 1982* — Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма). М. 1982.

3. *Карышковский 1958* — Карышковский П. О. Восстание Спартака. М. 1958.

4. *Ковалев 1956* — Ковалев С. И. К вопросу о датировке начала восстания Спартака // ВДИ. № 2. 1956.

5. *Ковалев 1986* — Ковалев С. И. История Рима. СПб. 1986.

6. *Кован 2005* — Кован Р. Римские легионеры 58 г. до н. э.– 69 г. н. э. М. 2005.

7. *Коптев 2001* — Коптев А. В. Несколько замечаний о восстании Спартака. 2001. (публикация на сайте www.ancientrome.ru/publik/koptev).

8. *Коржева 1974* — Коржева К. П. Восстание Спартака в советской историографии // Вопросы истории. № 10. 1974.

9. *Ле Боэк 2001* — Ле Боэк Я. Римская армия эпохи ранней империи. М. 2001.

10. *Лесков 1983* — Лесков В. А. Спартак. М. 1983.

11. *Мишулин 1934* — Мишулин А. В. Восстание Спартака в Древнем Риме // ИГАИМК. № 76. М.; Л. 1934.

12. *Мишулин 1936* — Мишулин А. В. Спартаковское восстание. М. 1936.

13. *Мишулин 1947* — Мишулин А. В. Спартак. М. 1947.

14. *Молев 1995* — Молев Е. А. Властитель Понта. Н.Новгород. 1995.

15. *Мотус 1948* — Мотус А. А. Из истории восстания Спартака // УЗЛПИ. Т. 68. 1948.

16. *Мотус 1966* — Мотус А. А. Рец.: Brisson J. P. Spartacus. P. 1959 // ВДИ. № 4. 1966.

17. *Мотус 2001* — Мотус А. А. Один эпизод из Спартаковской войны: последний поход Спартака // Parabellum. № 15. 2001.

18. *Носов 2005* — Носов К. С. Гладиаторы. СПб. 2005.

19. *Разин 1994* — Разин Е. А. История военного искусства. Т. I. СПб. 1994.

20. *Сергеенко 1964* — Сергеенко М. Е. Простые люди древней Италии. М. 1964.

21. *Сталов 1963* — Сталов С. Спартак. София. 1963.

22. *Хлевов 2005* — Хлевов А. А. Морские войны Рима. СПб. 2005.

23. *Armin 1986* — Armin J. Spartacus: Kampf der Sklavenen. Berlin. 1986.

24. *Brisson 1959* — Brisson J. P. Spartacus. Paris. 1959.

25. *Guntor 1984* — Guntor R. Der Aufstand des Spartacus. Berlin. 1984.

26. *Holleaux 1938* — Holleaux M. Décret de Chéronee relatif á la premiére guerre de Mithridates // Etudes d'epigraphie et d'histoire grecques. Paris. T. 1. 1938.

27. *Orena 1984* — Orena R. Rivolta e Revoluzione: Il bellum di Spartaco nella repubblica e la riflessione storiografica moderna. Milano. 1984.

28. *Junkelmann 2000* — Junkelmann M. Das Spiel mit dem Tod. Mainz am Rhein. 2000.

The Spartacus War and Other Gladiator Revolts

V. A. Goroncharovskiy

In this article, the author attempts to reconsider the available information of literary tradition about Spartacus' revolt in terms of the military-political situation and military science of that period. In particular, favourite Spartacus' tactics are analyzed: preferences for fight in mountainous terrains or cross-country annihilating his opponents one at a time, the use of ambuscades and other war cunnings and a skilful combination of defences and attacks. It seems that the assumption about principal differences between the revolt's leaders has no grounds. As a rule, the revolt's forces were divided into two groups stationed in fortified camps and their subsequent actions were strictly coordinated. Among the improvements, that Spartacus brought into his military organization, of note are strengthening of the role of cavalry and light-armed troops and making the army more maneuvering by abandoning bulky transports. The examples of new gladiator revolts (in 21 and 64 AD) attest the importance of Spartacus' movement which had proved to be a real war which was rallying all the anti-roman forces in Italy for over two years. Spartacus' war had played a certain role in the development of military science of the Classical world.

В. М. Горюнова

Чаша на поддоне из Золотого Колена. К вопросу о западной традиции в культуре сопок

Заселение славянами северо-западной территории Восточной Европы — будущей Новгородской земли — проблема, которой всегда уделялось пристальное внимание не только специалистами, занимающимися вопросами сложения пред- и раннегосударственной культурной общности на данной территории (Янин, Алешковский 1971: 52–55; Конецкий 1997: 217–218; Малыгин, Гадуков 2001: 159–166; Янин, 2007: 207), но и археологами-славистами (Седов 1970; 1982; 1994; Казанский 1999: 404–417; Каргопольцев, Щукин 2002: 76–90; Лопатин, Фурасьев 2007: 92–105).

Первая группа ученых говорила о непосредственном участии западнославянского контингента в сложении предгородских и раннегосударственных структур Северной Руси. Вторая — указывала на длительность сложения пред- и раннегосударственной культурной общности северного славянства, говорила о глубокой древности начальных фаз данного процесса, в котором все же преобладали южные элементы славянских культур, сложившихся на основе распада зарубинецкой культуры. Воздействие западных культурных элементов, связанных с кругом племен германского или западно-балтского (единого мнения не существует) происхождения, прослеживается только на основе проникновения предметов вооружения и набора украшений (Казанский 1999: 404–417; Седов 2005: 12–24). На наш взгляд, внедрение элементов западных культур имело место, но оно было импульсным и носило преимущественно опосредованный характер.

Впервые на близость западнославянских керамических форм южного побережья Балтики IX–X вв. (группа Менкендорф) и лепной керамики так называемого «ладожского» типа, свойственной материальной культуре Старой Ладоги, Рюрикова городища и современных им поселений и сопок, указал В. В. Седов, обосновывая свою идею западнославянского происхождения культуры сопок (Седов 1970: 25–26). Правда, в более поздней работе он уже не считал подобную близость основанием для выводов о западнославянских миграционных потоках на Северо-Запад и склонялся к мнению о существовании единой подосновы для данных двух групп керамики, сформировавшейся в период, предшествующий сложению культуры сопок (Седов 1982: 66)

Говоря о степени аргументированности идеи западнославянского мигра-

ционного потока, Е. Н. Носов обращал внимание на то, что «в Новгородской земле профилированная керамика лепная, в то время как в западнославянских древностях она частично сделана на гончарном круге (Носов 1990; 164)». Позднее, В. Конецкий, отмечая определенное сходство керамики так называемого «ладожского типа» с профилированными сосудами западнославянских земель южно-балтийского побережья, в качестве существенного отличия приводил также различный технический уровень данных керамических комплексов (Конецкий 1998: 236).

Данные наблюдения лежат на поверхности, как и тот факт, что формирование и существование сравниваемых керамических комплектов относится к одному хронологическому периоду. Основополагающие доказательства этой гипотезы можно получить только в результате сравнительного анализа структуры этих двух керамических массивов, с учетом их генезиса. Попытки проделать такую работу пока никто не предпринимал, что, в общем, легко объяснимо. Только в последнее десятилетие появились новые исследования, связанные с вопросами генезиса, например, культуры длинных курганов — одной из составляющих раннегосударственной культурной общности на Северо-Западе (Лопатин, Фурасьев 2007: 103). А подобная работа в отношении культуры сопок пока в подобающем объеме еще не проделана. Проблема истоков менкендорфской и предшествующей ей суковской групп керамики в полном объеме также пока не получила своего разрешения.

В данной статье я хочу обратить внимание на некоторые керамические материалы, которые, на мой взгляд, ярко иллюстрируют наличие общей культурно-этнической традиции, возникшей в период, предшествующий сложению двух культурных славянских провинций с керамикой группы Менкендорф и керамикой культуры сопок.

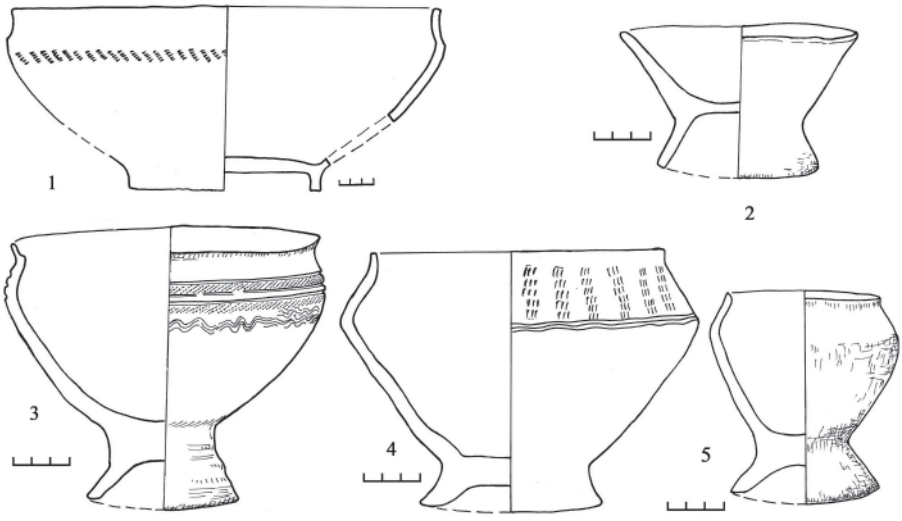


Рис. 1. *1* — Сопка № 1, Золотое Колено (Носов, Плохов 1991: рис. 2, *12*); *2–5* — Гросс Раден, Германия (Schuldt 1981: Taf. 66, *a, b, c, d*)

При изучении сопки № 1 в районе с. Золотое Колено, в среднем течении Мсты, среди лепных и раннегончарных керамических сосудов, сопровождавших погребение по обряду трупосожжения, выделяется один лепной сосуд. Сосуд представляет собой глубокую миску, поставленную на полый поддон и украшенную по плечу и срезу венчика оттисками веревочки (рис. 1, *1*). Погребение в сопке № 1 датируется по раннегончарной керамике второй половиной X в. (Носов, Плохов 1991: 139, рис. 2, *12*). В результате обращения к материалам лепных керамических комплексов Северо-Запада IX–X вв. полных аналогий данному сосуду не обнаружено. Вообще, случаи находок поддонов — крайне редкое явление на памятниках, которым присуща «сопочная» керамика. В Старой Ладоге известны всего две находки поддонов. Одна находка происходит из горизонта Е-3 Земляного городища (Станкевич 1950: 194–195, рис. 3, *5*). Поддон имеет лощение, а по тесту и характеру обжига отличается от остальной керамики. Второй поддон обнаружен в культурном слое раскопа на Варяжской улице на уровне горизонта IX в (Сениченкова 1998: табл. 75, *5*). Кроме того, сосуды на поддонах известны еще на двух памятниках с керамикой культуры сопок: на поселении Холопий городок (IX в.) найден поддон от достаточно крупного сосуда, а на поселении Васильевское (X в.) — миниатюрный раскрытый чашевидный сосудик на поддоне (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 327, 351, рис. 155, *2*, табл. 179, *3*).

Среди коллекции керамики классического западнославянского поселения Гросс Раден (северо-восток Германии, округ Мекленбург) обращают на себя внимание четыре сосуда необычной формы (Schuldt 1981: Taf.66, *a, b, c, d*). Верхняя часть этих сосудов повторяет

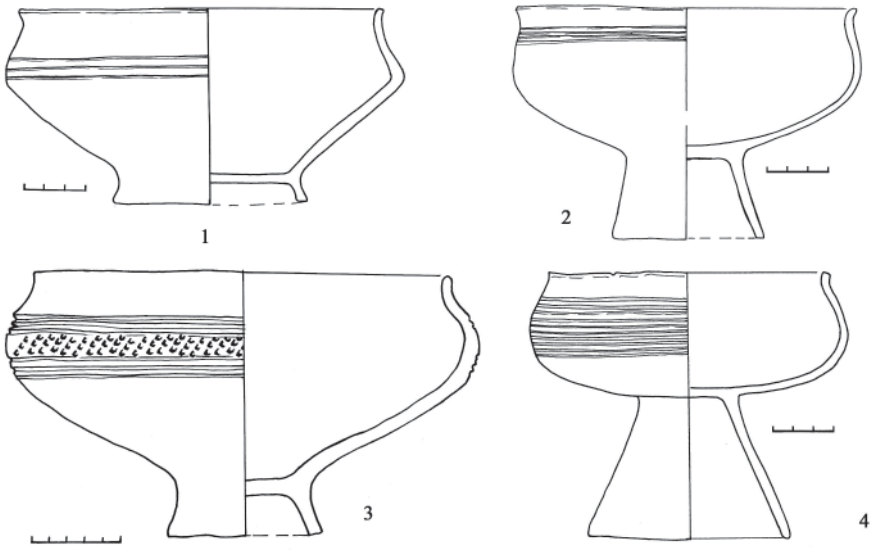


Рис. 2. Олштынская группа V–VII вв, Мазурское Поозерье, Польша:

1 — Szczytno, погр.6.; *2* — Kosewo, погр. 219; *3* — Bilwinowo, курган 7, погр.6; *4* — Tumiany, погр. 68. (Nowakowski 1989: Tabl.II, *a*, IV, *b*, V, *a, b*)

профилировку сосудов гросс-раденского (рис. 1, *3*) и формы 3 менкендорфского типа (рис. 1, *4, 5*), а также конической миски (рис. 1, *2*). Но в отличие от остальных сосудов данных групп эти экземпляры «посажены» на поддон. Миска и один из менкендорфских сосудов неорнаментированы. Гросс-раденский сосуд украшен по плечу двумя псевдоваликами с гребенчатыми наколами и многорядной волной. Второй менкендорфский сосуд имеет типичную менкендорфскую орнаментацию — так называемый городчатый орнамент (рис. 1, *4*). Примечательно, что верхняя часть сосудов правлена на гончарном круге, а поддон сформован вручную. Местонахождение первого, наиболее выразительного сосуда связано с обширной столбовой постройкой, которую Э. Шульдт определил в качестве своеобразного храма — культового сооружения.

Поселение Гросс Раден существовало в пределах конца IX–X вв. Присутствие относительно поздних сосудов (типа Вайсдин и Тетеров) свидетельствует также о какой-то части XI в. (Gabriel, Kempke 1991: 137–142; Kempke 2001: 240). Особенности профилировки верхней части чаш на поддоне вполне определенно связывают их с гросс-раденским и ранними менкендорфскими типами, так что, опираясь на общую хронологию данных групп западнославянской керамики (Kempke 2001: 239; Горюнова, Лапшин, 2004: 65), можно считать, что употребление подобных сосудов в западнославянском обществе за пределы X в. не выходит. Таким образом, они одновременны сосудам на поддоне, найденным на памятниках Северо-Западной Руси.

Сосуды на поддоне в ареале западного славянства столь же редкое явление, как и чаша из сопки № 1 Золотого

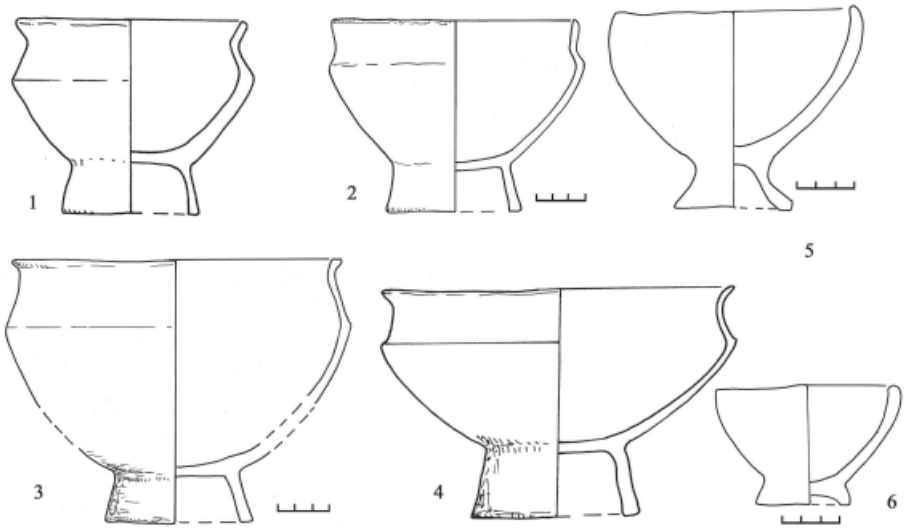


Рис. 3. Пшеворская культура, позднеримский период, Польша:

1–4 — Korzeń; культура Судовская, позднеримский период, Сувалкия, Польша: 5 — Hemma, курган 26, *6* — Osowa, курган 45 (Nowakowski 1989: Tabl. X, *b, c*; XIII, *b, c, d, e*)

Колена. Подобные формы сосудов на других памятниках с менкендорфской керамикой (как, впрочем, и с любой другой западнославянской керамической группой) не известны. Можно предполагать, что данное явление реликтовое и было следствием каких-то общих процессов, предшествующих сложению как западнославянской керамической группы Менкендорф, так и керамического комплекса культуры сопок.

В связи с этим обращает на себя внимание так называемая олштынская группа западно-балтийской культуры располагавшаяся на территории Мазурского Поозерья во второй половине V — начала VIII вв. В керамическом материале могильников и мало исследованных поселениий этой культурной группы выделяется группа чашеобразных сосудов на поддонах разной высоты — т. н. «пухары на пустых ножках», по терминологии польских археологов (Nowakowski 1989: 101–147). Наиболее характерны они для погребального инвентаря трупосожжений. Эти сосуды делятся на две группы. В одной из них чаши имеют округлобокую форму (рис. 2, *2–4*), в другой — хорошо выраженное ребро в верхней трети (рис. 4, *3*) или на середине высоты (рис. 2, *1*).

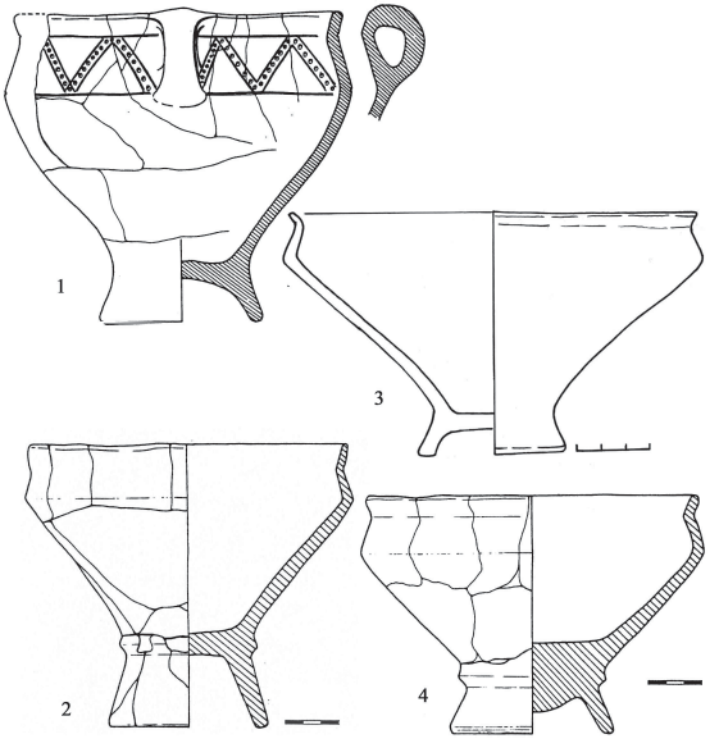


Рис. 4. Пшеворская культура, Хмелев Пясковый, Свентокшиские горы, Польша:
1 — погр. 24; *2* — погр. ?; *4* — погр. 43 (Godłowski, Wichman 1998: Taf. XXXIII, *2*; LXIX, 2; LXXXV, *2*);
олштынская группа, вторая половина V в., Сувалкия, Польша: *3* — Krzywólka, погр. 4;
(Nowakowski 1989: Tabl II, *b*)

Происхождение «пухар на пустых ножках», как и вообще формирование олштынской группы связано с притоком в область Мазурского Поозерья нового населения. На рубеже I–II вв. давление вельбарцев на зону носителей пшеворской культуры вызвало целый ряд новых явлений не только в этой культуре, но и в сопредельных областях (Щукин 2005, 70). Именно в этот период в пшеворской культуре, вероятно, под влиянием позднедакийских культур (липицкая, Поянешты-Выртешкой и др.), в которых были распространены гончарные вазы-фруктовницы на высоких ножках, цилиндрообразная придонная часть глубоких мискообразных сосудов трансформируется в полый поддон (рис. 4, *1–4*).

Лепные чашевидные и вазовидные сосуды на высоких пустых ножках (типы 49, 50, 53 по Г. Добжанской) в Пшеворе часто встречаются вплоть до конца III -начала IV вв. (в периоде C1b и C2; см.: Шаров, Бажан 1999: 31, 33). Особенно это характерно для восточных памятников пшеворской культуры, расположенных к востоку от Вислы (Оледзки 2002: 88–89, рис. 3, *30*). В. Новаковски указывает именно на такие формы (рис. 3, *1–4*) в качестве исходных для «пухар на пустой ножке» середины V — начала VIII вв. (Nowakowski 1989: 101–147)

Чашевидные сосуды на поддоне связаны с отправлением каких-то погребальных обрядов, которые были связаны с традициями поздней римской эпохи и были присущи племенам, населявшим в ту эпоху территории южного побережья Балтики (включая, например, и будущие прусские племена). У последних, по сведениям письменных источников, в погребальной обрядности употреблялись специальные сосуды для переноски праха с погребального костра на место захоронения (Кулаков 2003: 29; 2004: 18–26, 107). Не исключено, что рассмотренные выше чаши на поддоне у различных племен населявших южное побережье Балтийского моря начиная с позднеримской эпохи служили именно для таких целей. С середины V и до конца VI в. н. э. они известны и на юго-восточной окраине Самбии (напр., в могильнике Суворово).

Связь гросс-раденских сосудов на полых поддонах с западно-балтскими формами достаточно вероятна, так как на протяжении второй половины V–VI вв. и первой половины VII в. наблюдается тенденция к продвижению западно-балтских племен в западном направлении к устью Вислы (Godłowski 1980: 105–106, Karte 6, 7). Памятники эпохи переселения народов (V–VII вв.) на территории польского и германского побережий Балтики исследованы плохо. Но, по-видимому, западно-балтские элементы проникали достаточно далеко на запад. Об этом свидетельствуют, например, находки типичных фибул балтского типа конца VII — начала VIII вв. на территории Германии (Unversagt, Herrmann 1958: 107–110, Tabl.15). Исходный вариант этих фибул связан с мазурской территорией и Натанганским полуостровом (Okulicz 1973: 483, ris. 248). К тому же, следует учесть факт субстратного влияния некоторых германских форм на структуру набора менкендорфской керамики (Kempke 1984: 45–47; Носов, Горюнова, Плохов 2005: 86–87). В случае с гросс-раденскими чашами мы имеем дело с гибридной

формой, сочетающей реликтовые германские черты (гросс-раденский тип посуды) и западно-балтский (в конечном итоге — пшеворский) конструктивный прием оформления придонной части чаши в виде полого поддона. При этом среди сосудов на поддоне сохранились и чисто балтские формы в виде конической миски (ср.: рис. 1, *2* и рис. 4, *5, 6*)[1].

Но если западнославянский материал позволяет говорить о прямом продолжении традиций, зародившихся еще во II–V вв., и внесенных в раннеславянский континуитет остатками германских и западно-балтских племен южно-балтийского побережья в момент активного освоения этих территорий славянскими племенами в VII — начале VIII вв., то для территории Север-Запада Восточной Европы предположение о подобном прямом заимствовании, гораздо менее документировано. Оно не так явно лежит на поверхности.

Прямое воздействие пшеворских племен можно наблюдать лишь на западно-балтийские племена III — второй половины V вв., а появление каких-то западных черт в культуре северо-запада Восточной Европы второй половины — конца I тысячелетия н. э. было результатом более опосредованного воздействия западно-балтских племен на племенные группы носителей киевской культуры в период предшествующий моменту формирования двух новых обширных зон на Северо-Западе Восточной Европы — культуры сопок и длинных курганов.

Данное реликтовое явление в керамическом материале имеет чрезвычайно древнее происхождение (сформировалось не позднее первой четверти I тысячелетия н. э.). Оно могло сохраняться и передаваться через вереницу поколений только благодаря своей принадлежности женской субкультуре, к тому же той ее части, которая отражала не повседневную жизнь общества, а ее обрядовую форму, связанную с погребальными действиями. Наиболее вероятна прямая корреляция чаш на поддоне именно с обрядом трупосожжения. Возможно именно в одном «комплекте» с такими чашами следует рассматривать и употребление носилок, которое в свое время было прослежено при исследовании сопковидной насыпи близ урочища Плакун. Автор раскопок приводил в качестве этнографических параллелей примеры только из культуры западных финских племен (Носов1985: 150–151), но в археологической практике таковые известны именно в трупосожжениях X в. прусских племен (Кулаков 2003: 31)

---

[1] Чаши на поддоне — не единственный реликт предшествующего времени, вошедший в керамическую культуру западного славянства. Так гросс-раденская керамическая группа X в. продолжает традиции полированных сосудов германского облика, которые присутствуют в Гольштинии в нижних слоях некоторых славянских городищ (Kempke 1984: 137). В Ольденбурге в нижних слоях присутствует типичная германская керамика и типичные для первой половины I тысячелетия н. э. маленькие ушковидные ручки (Kempke 1984: Taf. 7, *8*, *9*; 9, *8*; 11, *11*; 36, *6*, *7*, *9*; 41, *4*; 41, *1–3*). Такие же маленькие ручки (или ушковидные ручки) есть в материалах Любека IX в. на керамике суковского типа или на близких ей лепных формах. (Andersen 1981: Abb.39, *43*; 38, *10*). В Гросс Радене такие детали присутствуют на правленой керамике (Schuldt 1980: 144, Taf. 64, *VIII-627*, *XX-74*, *XXXIX-578*). В Гросс Радене особенно распространены формы сосудов и отдельные элементы орнамента, характерные для керамических комплексов первой половины I тысячелетия н. э. и эпохи переселения народов (Schuldt 1980: Taf.28, *VIII-10204*, 65).

Литература

1. *Горюнова, Лапшин 2004* — Горюнова В. М., Лапшин В. А. О появлении раннекруговой керамики в Северо-Восточной Руси // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. 2004.

2. *Казанский 1999* — Казанский М. М. О балтах в лесной зоне России в эпоху великого переселения народов// Археологические вести № 6. СПб. 1999.

3. *Каргопольцев, Щукин 2002* — Каргопольцев С. Ю., Щукин М. Б. Новая находка оружия позднеримского времени на западе Ленинградской области. // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб. 2002.

4. *Конецкий 1997* — Конецкий В. Я. К вопросу о формировании культуры длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 1. Новгород 1997.

5. *Конецкий 1998* — Конецкий В. Я. Славянская колонизация Северо-Запада в отечественной исторической и археологической литературе // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып.12. Новгород. 1998.

6. *Кулаков 2003* — Кулаков В. И. История Пруссии до 1283 г. М.

7. *Кулаков 2004* — Кулаков В. И. Долькайм- Коврово. Исследования 1879 г. Минск. 2004.

8. *Лопатин, Фурасьев 2007* — Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V веках н. э. // Раннеславянский мир. Вып. 8. М. 2007.

9. *Малыгин, Гадуков 2001* — Малыгин П. Д., Гадуков П. Г. Керамический комментарий к теории происхождения Новгорода В. Л. Янина и М. Х. Алешковского. // Тверской археологический сборник. Вып.4. Тверь. 2001.

10. *Носов 1985* — Носов Е. Н. Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладоге // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.

11. *Носов 1990* — Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л. 1990.

12. *Носов, Горюнова, Плохов, 2005* — Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб. 2005.

13. *Носов, Плохов 1991* — Носов Е. Н., Плохов А. В. Поселение Золотое Колено на Средней Мсте // Материалы по археологии Новгородской Земли. 1990. М. 1991.

14. *Оледзки 2002* — Оледзки М. Вельбарская и пшеворска культуры на рубеже раннего ипозднего римского периодов. Динамика оселенческо-культурных изменений в хронологическом освещении // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 17. Мінск. 2002.

15. *Седов 1970* — Седов В. В. Новгородские сопки // САИ. ЕІ-8. М., 1970.

16. *Седов 1982* — Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР. М.1982.

17. *Седов 1994* — Седов В. В. Славяне в древности. М.1994.

18. *Седов 2005* — Седов В. В. Север Восточно-Европейской равнины в период переселения народов и в раннем средневековье (предыстория северновеликорусов) // КСИА. № 218. М. 2005.

19. *Сениченкова 1998* — Сениченкова Т. Б. Керамика Ладоги VIII–X вв. как источник для реконструкции культурных процессов на Северо-Западе Руси. // Дисс. …канд. ист. наук. Альбом. СПб. 1998. Рукописный архив ИИМК РАН.

20. *Станкевич 1950* — Станкевич Я. В. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги. По материалам раскопок 1947 г. // СА. XIV. М.; Л. 1950.

21. *Цимермане 1980* — Цимермане И. Р. Керамика I тысячелетия н. э. как источник исследования этнической истории и культурных взаимоотношений на территории Латвии // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига. 1980.

22. *Шаров, Бажан 1999* — Шаров О. В., Бажан И. А. Черняховские этюды // Stratum plus. № 4. Время «Че». СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест. 1999.

23. *Щукин 2005* — Щукин М. Б. Готский путь. Готы, Рим и Черняховская культура. СПб. 2005.

24. *Янин, 2007* — Янин В. Л. О начале Новгорода. // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции. Материалы международной научной конференции. 4–7 октября 2005 г. Великий Новгород. СПб. 2007.

25. *Янин, Алешковский 1971* — Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода. (К постановке проблемы) // История СССР. № 2. 1971.

26. *Andersen 1981* — Andersen H. H. Der älteste Wall von Lübek. Zur Baugeschichte des Ringwalles // Lübeker Schriften zur Archäologie und Kulturgeschichte. Bd. 5. Bonn, 1981.

27. *Gabriel, Kempke 1991* — Gabriel J., T. Kempke. Ausgrabungsmethode und Chronologie // Starigard/Oldenburg. Ein slawischer Herrschersitz des frühen Mittelalters in Ostholstein. Neumünster. 1991.

28. *Godłowski 1980* — Godłowski K. Zur Frage der völkerwanderungzeitlichen Besiedlung in Pommern // Studien zur Sahcsenforschung. № 2. 1980.

29. *Godłowski, Wichman 1998* — Godłowski K, Wichman T. Chmieló Piaskowy. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur im Świętokzyskie-Gebirge // Monumenta Archeologica Barbarica. T. VI. Kraków. 1998.

30. *Kempke 1984* — Kempke T. Starigard/Oldenburg. Hauptburg der Slaven in Wagrien. 2. Die Keramik des 8–12. Jahrhunderts // Offa. 53. Neumünster. 1984.

31. *Kempke 2001* — Kempke T. Slawische Keramik // Handbuch zur mittelalterlichen Keramik in Nordeuropa. Band 1.Wachholtz Verlag. Neumünster. 2001.

32. *Nowakowski 1989* — Nowakowski W. Studia nad ceramika zachodniobałtyjska z okresu wędrówek ludów. Problem tzw. Pucharów na pustych nożkach // Barbaricum. Warszawa. 1989.

33. *Okulicz 1973* — Okulicz J. Pradzieje ziem praskich od poznego paleolitu do VII w. n.e. Wroclaw; Warszawa; Krakow; Gdansk, 1973.

34. *Schuldt 1981* — Schuldt E. Groß Raden. Die Keramik einer slawischen Siedlung des 9/10. Jahrhunderts // Beitrage zur Ur- und Frühgeschichte der Bezirke Rostok, Schwerin und Neubrandenburg. № 14. Berlin. 1981.

35. *Unversagt, Herrmann 1958* — Unversagt W., Herrmann J. Das slawische Brandgräber von Prützke, Kr.Eberswalde // Ausgrabungen und Funde. III, 2. 1958.

A Bowl on a Pedestal from Zolotoye Koleno. The Problem of the Western Tradition in the Culture of Sopkas

V. M. Goryunova

This paper presents an example of rare relict pottery forms (9th–10th centuries) from a *sopka* (conical burial mound) in Zolotoye Koleno on the Msta River and from the settlement of Gross-Raden — the Menkendorf type of West-Slavic pottery (Germany). It is supposed that these forms — bowls on hollow pedestals — were used for the performance of cult rituals, particularly during cremation burials. The origins of these pottery types for the two Slavic ceramic provinces — the culture of sopkas and the Menkendorf group — should be sought in the Przeworsk Culture of the 2nd to early 4th centuries where they appeared under the influence of the ceramic products of the Geto-Dacian tribes. Since the second half of the 5th century this form of vessels penetrated the area of the Olsztyn group of the West-Baltic culture. The appearance of bowls on a hollow pedestal both in the region of West-Slavic tribes and in the culture of *sopkas* must be considered as a substratum manifestation of relict West-Baltic cultural elements.

T. Grabarczyk, O. Ławrynowicz

Kapaliny w późnośredniowiecznej Polsce

Kapaliny były hełmami, które w późnym średniowieczu znajdowały się w powszechnym użyciu. Przyjmuje się, że w Europie zyskały popularność od końca XII wieku (Blair 1958: 28). Spośród ziem znajdujących się pod panowaniem Piastów, ten typ hełmu najwcześniej odnotowany został na Śląsku u schyłku XIII stulecia (Goliński 1998: 537). W naszym opracowaniu chcielibyśmy przedstawić informacje o kapalinach z terenu XIV–XV wiecznego Królestwa Polskiego, w jego zmieniających się w tym okresie granicach. Na tym obszarze pierwsze jednoznaczne wzmianki o interesującym nas typie hełmu pojawiają się w źródłach pisanych od lat 20-tych XIV w. (zob. niżej). Z tego stulecia informacje o kapalinach są jednak stosunkowo nieliczne. Zwykle są to wzmianki w dokumentach określających powinności wojskowe właścicieli ziemskich oraz inwentarze miejskie. Zdecydowanie bogatsza i bardziej różnorodna jest podstawa źródłowa dla XV w. Do wymienionych już typów źródeł dochodzą zapisy sądowe, inwentarze zamkowe i rejestry wojsk zaciężnych. Także najstarsze wyobrażenia ikonograficzne kapalinu datuje się na XV stulecie. Od przyjętego w tym opracowaniu zakresu terytorialnego odstępujemy w przypadku omawiania zabytków. Wynika to z faktu, iż w zbiorach polskich muzeów znajduje się zaledwie 5 kapalinów, co do których jest pewność, lub przynajmniej duże prawdopodobieństwo, że mamy do czynienia z egzemplarzami średniowiecznymi. Mając to na uwadze, postanowiliśmy zaprezentować je wszystkie, choć — zważywszy na miejsca, w których zostały znalezione — liczyć się trzeba, że mogą to być hełmy proweniencji krzyżackiej.

Kapaliny z terenu Królestwa Polskiego były już niejednokrotnie przedmiotem zainteresowania badaczy. Pisano o nich jednak głównie w opracowaniach o bardziej ogólnym charakterze. Niniejszy artykuł ma więc na celu zarówno uporządkowanie dotychczasowych rozważań, jak i zwrócenie uwagi na pewne dyskusyjne kwestie związane z nazewnictwem hełmu i oceną jego popularności wśród średniowiecznych kombatantów. Ponadto, bogaty już dorobek bronioznawców uzupełniamy informacjami z analizy rejestrów zaciężnej jazdy oraz o wstępną informację o dotąd niepublikowanym kapalinie z Włocławka, który uzupełnia bardzo skromną kolekcję średniowiecznych hełmów tego typu w Polsce[1].

Kapalin był lekkim hełmem składającym się z dwóch zasadniczych elementów:

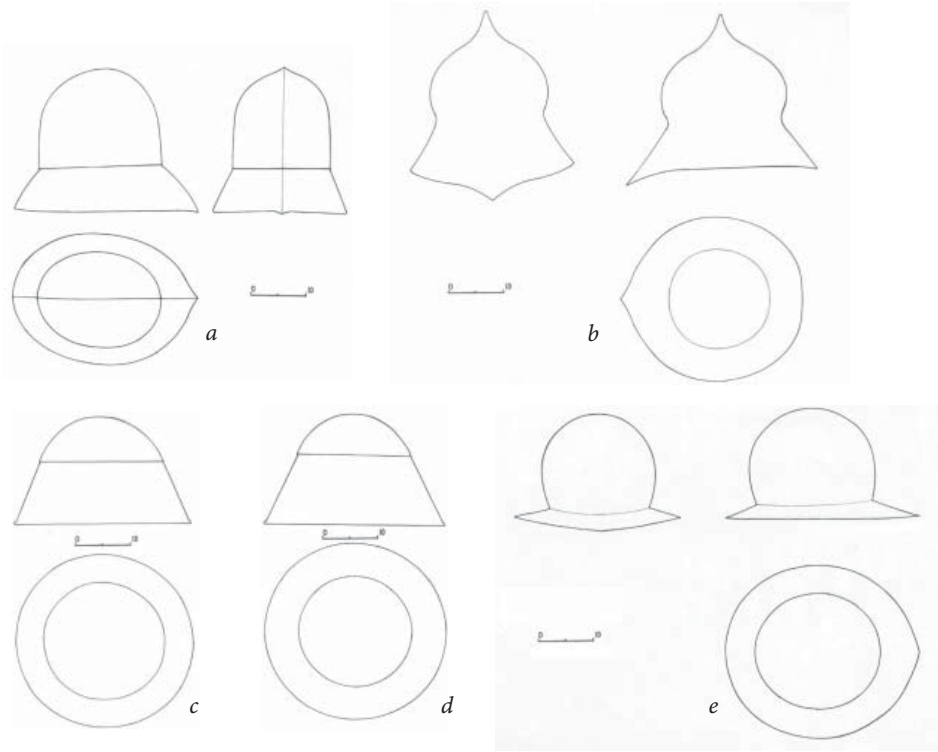
[1] Więcej na temat tego hełmu oraz aspektów techniczno-użytkowych związanych z zachowanymi zabytkami kapalinów w przygotowywanym artykule (Ławrynowicz: 2009).

dzwonu i ronda. Prostota jego konstrukcji, a w ślad za tym niska cena, musiały przeważyć nad niewątpliwymi wadami, jakimi były brak osłony twarzy, a początkowo również karku, rekompensowany w jakimś stopniu stosowaniem czepców kolczych, montowanych wewnątrz ronda tuż poniżej dzwonu lub kapturów kolczych, noszonych pod hełmem. Z czasem pojawiły się kapaliny o bardziej złożonej formie, z szerszym rondem, głęboko zachodzącym na głowę i twarz, co wymuszało niekiedy umieszczenie w nim szpar wzrokowych.

Źródła pisane informują nas o zachodzących z czasem zmianach w konstrukcji kapalinów. Różnorodność rozwiązań konstrukcyjnych stosowanych w przypadku kapalinów znajdowała odbicie w cenach. W Polsce w XIV–XV w. hełmy tego typu kosztowały od 30 groszy do 2 grzywien. W literaturze zwrócono uwagę, iż w od trzeciej dekady XV w. daje się zauważyć wzrost wartości kapalinów, co tłumaczy się właśnie zmianami jakie zaszły w konstrukcji tego typu hełmów (Szymczak 1989: 126–133). Możliwe, że to różnice w budowie starych i nowszych kapalinów znalazły odzwierciedlenie w inwentarzu zbrojowni brzeskiej z 1494, w którym wymieniono *galae veteris artis et kapalin moderni laboris* (Szymczak 1989: 126). Nie wykluczone, że od ok. połowy XV w. takie bardziej zaawansowane kapaliny nazywano kłobuczkami. Świadczą o tym ceny kłobuczków z tego okresu. W 1428 r. tak nazwany hełm wyceniono na 2 grzywny, a w 1445 r. na grzywnę, co plasuje je wśród najdroższych kapalinów. Trzeba jednocześnie zaznaczyć, że ceny kłobuczków w XIV w. nie odbiegały od cen innych odmian kapalinów (Szymczak 1989: 125–127). W tym kontekście szczególnie interesujący jest zapis w rejestrze zaciężnej roty Władyki z 1471 r. Jeden z jeźdźców, którzy towarzyszyli piechurom z tego oddziału miał na sobie m.in. *clobuczek*, podczas gdy pozostali żołnierze (piesi) z tej roty spisani zostali z kapalinami (Grabarczyk 2000: 161–162). Oznacza to, że pisarz opisujący wyposażenie podkomendnych Władyki odróżnił kłobuczek od zwykłego kapalinu. Nie wykluczone, że takie rozróżnienie pojawiło się dopiero ok. połowy XV w., podczas gdy wcześniej nazw tych używano wymiennie. Kwestia ta wymaga jednak dalszej analizy możliwej tylko w przypadku poszerzenia bazy źródłowej.

Tendencja do poszerzania ronda kapalinu wynikała z dążenia do pełniejszego osłonięcia głowy wojownika i zabezpieczenia go przed ciosami. Innym sposobem na ochronę karku i dolnych partii głowy był pancerny kaptur zwany hunczkopem (*hunczkop, hunskop, hundiskappe*) zakładany pod hełm. Taki kaptur odnotowany po raz pierwszy w końcu XIV w. kosztował przeciętnie 24 grosze (Szymczak 1989: 127–128). Biorąc więc pod uwagę ceny kapalinów, był dodatkiem dosyć kosztownym. Informacje o tak skomponowanej ochronie głowy niezbyt często pojawiają się w źródłach. W rejestrach wojsk zaciężnych tylko w rocie Aleksandra Sewera z 1498 r. odnotowano jeźdźca uzbrojonego m.in. w kapalin i *hunczkop* (ASK 85/3: 8v).

Innym rodzajem zabezpieczenia dolnej części głowy, a przede wszystkim twarzy, było noszenie mocowanego do napierśnika podbródka (*barth*). O wspólnym występowaniu obu elementów ochronnych świadczy wzmianka z 1475 r., w której odnotowano *capalyn cum barth* — (Nowakowski 2003: 76). Podbródek był zapewne standardowym elementem wyposażenia pieszego kopijnika. Wskazuje na to uwaga z 1497 r. poczyniona w opisie ekwipunku



Ryc. 1. Formy kapalinów z ziem polskich (rys. W. Wasiak):
a — kapalin z Leśna (prawy bok, przód, rzut z góry); *b* — kapalin z Olsztynka (tył, prawy bok, rzut z góry); *c–d* — kapaliny z Plemiąt (bok, rzut z góry); *e* — kapalin z Włocławka (przód, prawy bok, rzut z góry)

zaciężnego Andrzej z Wrocławia. Miał on na sobie zbroję kopijniczą, lecz wytknięto mu, iż była ona *bez bartha* (ASK 85/2: 110v). Wnioskować więc można, że w oddziałach zaciężnej piechoty, kopijnicy — także ci wyposażeni w kapaliny — standardowo nosili podbródki. W zbiorach polskich znajduje się właśnie taki podbródek, najprawdopodobniej od kapalinu lub salady, odkryty na zamku Smoleń, w woj. śląskim. Wykonany jest on z jednego kawałka metalu. Jego górna pionowa część mierzy 85 mm wysokości, zaś dolna, bardziej pozioma, 100 mm (Głosek, Muzolf 2002: 34–35).

O konstrukcji i wyglądzie kapalinów oczywiście najdobitniej informują nas źródła archeologiczne. W zbiorach polskich znajduje się 5 egzemplarzy kapalinów o udokumentowanym miejscu pochodzenia. Jednym z nich jest zabytek odkryty w reliktach budynku, zniszczonego w XIV–XV w., usytuowanym na kopcu w Leśnie w woj. pomorskim (Walenta 1994: 153). Kapalin ten zachowany w całości zachowany, mierzy ok. 270 mm wysokości (ryc. 1a). Jego dzwon i rondo wykonane z blachy, o grubości na rondzie 2,5 mm, zostały ze sobą skute w wysokiej temperaturze, zachodząc na siebie na ok. 20 mm. Dzwon mierzy ok. 175 mm wysokości, a jego średnica przy dolnej krawędzi ok. 178×222 mm, zaś maksymalna średnica ronda ok. 250×340 mm. Wzdłuż dłuższej średnicy dzwonu oraz przedniej i tylnej części ronda biegnie grań. Poniżej dookol-

nej linii łączącej dzwon z rondem odkryto 16 owalnych otworów, służących zapewne do montowania wyściółki (por. Głosek, Walenta 1997: 14–15).

Kolejne dwa kapaliny odkryto w gródku rycerskim w Plemiętach, w woj. kujawsko-pomorskim, zniszczonym najprawdopodobniej w 1414 r. (ryc. 1c–d). Zabytki zachowały się w bardzo złym stanie, jednak dzięki zabiegom rekonstrukcyjnym udało się stwierdzić, że były to dwa niemal identyczne hełmy, zbudowane podobnie jak zabytek z Leśna, z dzwonu złączonego z rondem, z tym, że elementy te były ze sobą nie tylko skute ale i znitowane. Do scalenia pierwszego kapalinu użyto prawdopodobnie 19 nitów, w drugim zastosowano ich 8. Grubość blachy obu hełmów wynosiła odpowiednio ok. 2,5–3 mm oraz 2 mm. Kapaliny te posiadały także po 10 zaczepów biegnących dookoła ronda, w połowie jego wysokości. Miały one postać nitów uzupełnionych podkładką lub przynitowanych, ósemkowatych zawieszek. Zaczepy te służyły mocowaniu wyściółki lub podpinki. Na podstawie przeprowadzonej rekonstrukcji technicznej całkowitą wysokość obu kapalinów określić można odpowiednio na ok. 225 oraz 210 mm, średnicę dzwonu u podstawy na ok. 220 mm, zaś średnicę ronda na ok. 360 oraz 335 mm (Nadolski, Grabarczykowa 1985: 92–94). Zaznaczyć tu trzeba, że wykonane rekonstrukcje sugerują, iż hełmy te zbudowane były niemal na planie idealnego koła.

Inaczej prezentuje się hełm z Olsztynka w woj. warmińsko-mazurskim, który został wykonany z jednego kawałka blachy o grubości na rondzie ok. 1,5 mm (ryc. 1b). Hełm ten mierzy aż 315 mm, ponieważ jego szczyt zwieńczony jest sterczyną o wysokości 70 mm. Posiada on kulisty dzwon o średnicy u podstawy ok. 200×240 mm. Kapalin posiada wyraźnie wyodrębnione, szerokie i lekko opuszczone rondo o średnicy 295×345 mm, które z tyłu zakończone jest w szpic. Hełm ten posiadał pierwotnie zapewne 12 nitów, służących do mocowania wyściółki (por. Wap 1994: 125–126).

Wiosną 2008 r. jeden z wędkarzy przypadkowo odkrył kapalin w Wiśle w Szpetalu Górnym we Włocławku, w woj. kujawsko-pomorskim (ryc. 1e). Zabytek zachowany jest w stanie ogólnym dobrym, choć ma bardzo duże ubytki na dzwonie i rondzie. Wykonany został z jednego kawałka blachy o grubości ok. 2 mm na dzwonie i 1,2 mm na rondzie. Wysokość całkowita hełmu wynosi 175 mm. Średnica dzwonu u nasady ronda mierzy zaś 190×220 mm, zaś maksymalna średnica ronda dochodzi do 330 mm. Dookoła dzwonu tuż powyżej ronda znajduje się 21 otworów na nity, służących mocowaniu wyściółki.

Porównanie wymiarów kapalinów z ziem polskich (w mm)

Miejsce odkrycia	wysokość całkowita	wysokość dzwonu	średnica dzwonu u dołu	średnica ronda
Leśno	270	175	178×222	250×340
Olsztynek	315	175	200×240	295×345
Plemięta I	(225)	(75)	(220×220)	(360×360)
Plemięta II	(210)	(75)	(220×220)	(335×335)
Włocławek	175	155	190×220	300×330

U w a g a: w nawiasach przybliżone wartości oparte na rekonstrukcji technicznej.

Ryc. 2. Scena pasyjna z Tryptyku w Ptaszkowej (woj. małopolskie), ok. 1430 (Uzbrojenie 1990: 520, il. 80).

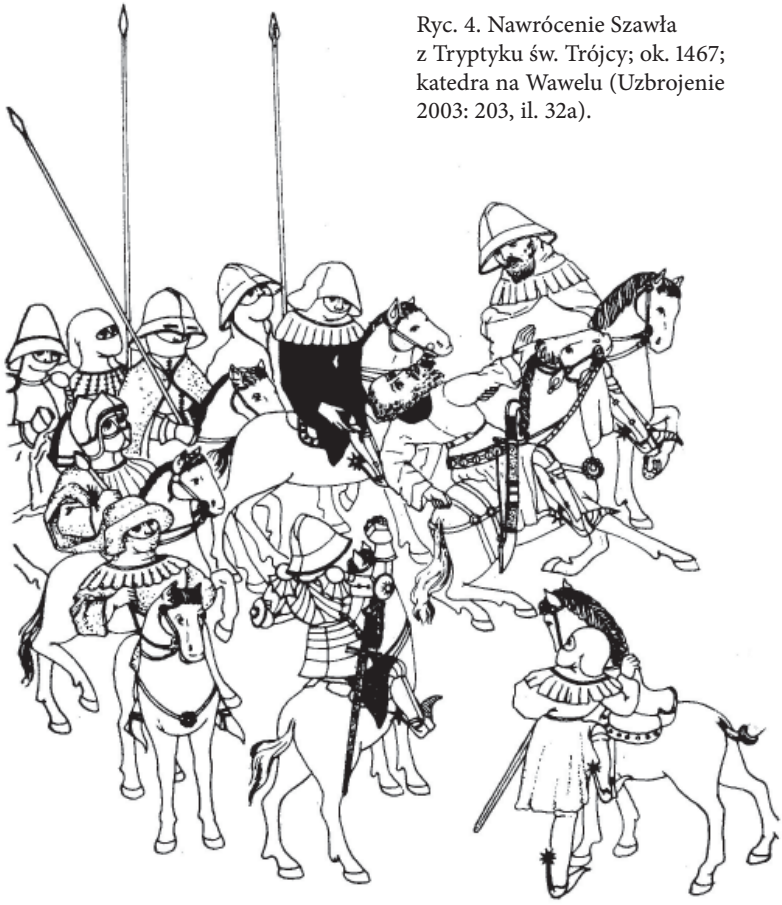
Ryc. 3. Nagrobek Jana z Garbowa; kościół św. Krzyża, Koło (woj. wielkopolskie), ok. 1454 r. wg K. Stronczyńskiego (Mrozowski: 1994)

Mała liczba zabytków archeologicznych nie pozwala w pełni na wyrobienie sobie poglądu o odmianach kapalinów stosowanych na obszarze współczesnych ziem polskich w późnym średniowieczu. Stąd niezbędne jest sięgnięcie do źródeł ikonograficznych. W oparciu o ich analizę, w literaturze wyróżniono dwa rodzaje kapalinów. Pierwszy, złożony była z dzwonu oraz wyraźnie oddzielającego się, lekko opuszczonego i rozchylonego na boki ronda. Przeważnie wykonany był z kilku znitowanych fragmentów blachy, rzadziej z jednego płata metalu. Ponieważ nie osłaniał karku i policzków wojownika, zaopatrywano je w czepce kolcze (Nowakowski 1990: 54; 2003: 76). W polskich źródłach ikonograficznych hełmy tego rodzaju mają przeważnie dzwony kuliste, co widać choćby w scenach pasyjnych na tryptyku z Ptaszkowej (ryc. 2), z ok. 1430 r. (Uzbrojenie 1990: 520, il. 80). oraz na nagrobkach rycerzy: Czulickiego h. Czuwoja oraz Jana z Garbowa (ryc. 3), oba z ok. poł. XV w. (Mrozowski 1994: 165–166, il. 7). Z przedstawień spoza Polski znane są również kapaliny o dzwonach płaskich, np. z tzw. Biblii Maciejowskiego, z poł. XIII w. (Żygulski 1974: 204, ryc. 3) oraz stożkowatych, widniejących na ołtarzu Albrechta II w Klosterneuburgu, z ok. 1438 (Uzbrojenie 1990: 526, il. 112). Kapaliny te również posiadać mogły grzebień, ukazany m.in. w scenach Modlitwy w Ogrójcu, krakowskiego poliptyku Mikołaja Haberschracka z ok. 1468 (Uzbrojenie 1990: 520, il. 82) i tryptyku z Niedzicy, z 2 ćw. XV w. (Uzbrojenie 1990, 516, il. 76a), czy też na wspomnianym wyżej nagrobku rycerza Czulickiego.

Drugi rodzaj kapalinów nie posiada wyraźnie wyodrębnionego ronda od dzwonu. Charakteryzuje się on łagodnymi liniami, wydłużonym kopulastym dzwonem i

szerokim, silnie opuszczonym rondem, w którym niekiedy wycinano szczelinę wzrokową, a także niekiedy granią biegnąca wzdłuż dzwonu i ronda od przodu do tyłu hełmu. (Nowakowski 1990: 74; 2003, 76). Hełm ten często nie wymagał zakładania kaptura kolczego, niekiedy natomiast montowano do niego czepiec kolczy wewnątrz hełmu lub specjalny podbródek, widoczny m.in. na wspomnianym już poliptyku Mikołaja Haberschracka, a także w scenie nawrócenia Szawła z tryptyku św. Trójcy na Wawelu (ryc. 4), z ok. 1467 (Uzbrojenie 2003, il. 32a), czy w scenie ucieczki Pawła z Damaszku na poliptyku z Mikuszowic, z ok. 1470 (Kajzer 1976: 170, ryc. 58).

Gdyby przyjąć powyższy schemat podziału kapalinów, zabytek z Włocławka, należałoby zaliczyć do pierwszego rodzaju, natomiast hełmy z Plemiąt i być może z Leśna do drugiego. Do zabytku z Olsztynka podobne są natomiast hełmy ukazane na głowach Tatarów z tryptyku Mistrza z Wielowsi w scenie ukazującej bitwę pod Legnicą (ryc. 5), datowanego na lata 1430–1440 (Żygulski 1996, 53, il. 71). Istotnym kryterium w podziale kapalinów jest także technika produkcji. Hełmy z Olsztynka i Włocławka wykonane zostały z jednego kawałka metalu, zaś z Leśna i Plemiąt z dwóch, tj. dzwonu i ronda.



Ryc. 4. Nawrócenie Szawła z Tryptyku św. Trójcy; ok. 1467; katedra na Wawelu (Uzbrojenie 2003: 203, il. 32a).

Szereg wzmianek o kaplinach znajdujemy też w źródłach pisanych. Występują one pod różnymi nazwami: *slappa vel ferreus pilleus*, *pilleus ferreus alias clobuczek*, *galea alias clobuczek* oraz *isenhut*, *ysenhutt*, *eisenhutt*, (Nowakowski, Szymczak 1985: 31–32; Nowakowski 1990: 54).

Kapaliny, choć często postrzegane jako element wyposażenia zbrojnych plebejuszy, występują również w arsenałach rycerskich. Tak więc, małopolscy rycerze Pietrasz z Uliny i Mikołaj z Kępy w 1384 r. procesowali się o przedmioty, wśród których był kapalin. W 1428 r. Mikołaj z Knyszyna oskarżył Jana z Góry o przywłaszczenie sobie m.in. 2 hełmów, z których jeden był kapalinem (*klobuczek*), o wartości oszacowanej aż na 2 grzywny. Z kolei w 1440 r. toczył się spór sądowy między Stanisławem z Jodłówki a Stanisławem, rządcą żupy bocheńskiej. Przedmiotem sporu było uzbrojenie, w tym 2 salady i 1 kapalin (*clobuczek*) wyceniony na kopę groszy. Inwentarz spisany w 1447 r. wymienia m.in. 3 hełmy, w tym 1 kapalin (*unam galeam alias clobuczec*), należące do Potencjanusa Słapowskiego h. Dobrogost, późniejszego burgrabiego i podsędka poznańskiego (Szymczak 1990: 385–386). Przytoczone tu wzmianki pozostają więc w zgodzie z wyobrażeniami nagrobnymi rycerzy, o których była mowa powyżej. Pamiętać też należy, że kapaliny z domowych arsenałów szlacheckich, mogły też służyć do wyekwipowania nie tyle samego rycerza, co członków jego pocztu towarzyszących mu na wyprawie wojennej.

Kapaliny były zapewne częstym wyposażeniem wyruszających na wojnę wójtów

Ryc. 5. Bitwa pod Legnicą; Tryptyk Mistrza z Wielowsi, ok. 1430–1440 (Żygulski 1996: 53, il. 71)

i sołtysów. Niektóre z dokumentów określających powinności wojskowe tej grupy, mówią ogólnie o służbie w hełmie (*galea*), inne są bardziej precyzyjne, np. „*cum uno homine in levibus armis, cum hasta, in panczirio et in slappa*» (Zajączkowski 1958: 116). To właśnie tej kategorii kombatantów dotyczą jedne z pierwszych pisanych wzmianek o kapalinach. W 1325 r. Jakub, jako sołtys z Bogucic zobowiązany był do służby *in armis scilicet pancerio, pileo, cirotecis ferreis, hasta et clipeo* (*Codex* 1874: 171). Z dokumentu wystawionego w 1342 r. wynika, iż sołtys Myślenic na wojnę winien ruszyć *sub pileo ferreo* (Zajączkowski 1973: 37). Także *cum pilleo ferreo* służyć miał wójt Wojnicza, o czym informuje dokument z 1349 r. (Zajączkowski 1978: 26). Kolejne lata przynoszą dalsze informacje o kapalinach na wyposażeniu wójtów i sołtysów.

Dla lat 1350–1450 badacze dokonali zestawienia 482 aktów nadania ziemi, zawierających informacje o powinnościach wojskowych rycerzy, wójtów i sołtysów. Okazało się, że spośród tych dokumentów tylko 39 wzmiankuje hełmy, z czego 21 mówi o kapalinach — *slappa, pileus ferreus* (Nadolski, Dankowa 1983: 95, 103).

W literaturze przedmiotu przyjmuje się, że ze względu na swoją niską cenę kapaliny były szczególnie popularne wśród mniej zamożnych kombatantów (Zajączkowski 1973: 36–38; 1978: 26–27; Szczygielski 1960: 440; Nowakowski 2003: 76). Znajduje to potwierdzenie w zawartości arsenałów miejskich, gdzie kapaliny stanowiły dominujący typ hełmu. Krakowscy piekarze w 1394 r. w zasobach cechowego uzbrojenia mieli m.in. 15 kapalinów przy zaledwie 3 innych *cassides*. Wśród uzbrojenia, jakie w 1396 r. zwracał do miejskiej zbrojowni mieszkaniec Kazimierza k. Krakowa znalazł się jeden kapalin. W arsenale krakowskim w 1397 r. stwierdzono m.in. 16 hełmów, wszystkie były kapalinami. Spisanych w tym samym czasie 11 krakowskich strażników miejskich dysponowało 3 kapalinami i były to jedyne hełmy na wyposażeniu tamtejszej straży. Rok później w Krakowie 19 strażników dysponowało 18 hełmami i były to same kapaliny. Tan typ hełmu miało również trzech strażników odnotowanych w 1404 r. Z kolei w 1410 r. z 11 strażników 9 było wyposażonych w łebki (*haube*) a tylko trzech w kapaliny. Gdy w 1427 r. rajcy krakowscy zarządzili spis uzbrojenia cechowego to okazało się, że ze 169 hełmów aż 145 sztuk (86 %) wszystkich hełmów stanowiły kapaliny (Nowakowski 1990: 55). Spis oręża w Poznaniu z 1434 r. wykazał 7 hełmów w tym 6 kapalinów (Szymczak 1990: 392–402). Wśród rzeczy mieszczanina krakowskiego Andrzeja Pechmana w 1495 r. znalazło się uzbrojenie, w tym 2 kapaliny i jeden inny hełm. Informacje o hełmach znajdujących się w zasobach miejskich do poł. XV w. świadczą o bardzo dużej popularności kapalinów. Znacznie mniej wiadomo o kapalinach w arsenałach zamkowych. Na zamku w Brześciu Kujawskim odnotowano w 1494 r. 17 hełmów, ale tylko 1 kapalin. W innych znanych spisach uzbrojenia na zamkach kaplinów nie było. Być może kryją się one pod lakonicznym określeniem hełmy „stare' (Szymczak 2003: 302, 304)

Kapaliny znajdowały się też na wyposażeniu zaciężnych. Informacje o nich zawierają spisy przyjmowanych na służbę żołnierzy zaciężnych. W rejestrach piechoty z lat 1471 i 1477 odnotowano 368 zaciężnych z hełmami, z tego 58 posiadało kapaliny (Grabarczyk 2000, 163). W spisach jazdy zwerbowanej w 1471 r. odnotowano 646 hełmów, z czego 88 to kapaliny. Oznacza to, że zaledwie 13,6 % hełmów to kapaliny. Nawet w rocie Ratolda (Katolda), w której

ten rodzaj hełmu cieszył się największą popularnością, było ich niespełna 29 % (Grabarczyk 2006: 232). W rocie Jakuba Białego z 1474 r. odnotowano 8 kapalinów i 29 innych hełmów (ASK 85/1: 1–4). Z kolei w spisach z 1477 znajdujemy 42 kapaliny i 99 sald (*lepka*) (ASK 85/1: 9v–25). W sporządzonym w 1498 r. rejestrze zaciężnej roty konnej rotmistrza Aleksandra Sewera spośród 59 odnotowanych tam hełmów był tylko jeden kapalin (ASK 85/3: k. 8v). Możliwe, że w rejestrze konnej roty Krzysztofa Kotwicza z 1498 r. kapliny kryją się pod ogólnikowym określeniem *galea*. Jeśli tak, to w oddziale tym było 14 kapalinów i 42 salady (RK 16: 22–26v). Zestawienie informacji zawartych w rejestrach wojsk zaciężnych wskazuje, że w drugiej połowie XV w. kapaliny dosyć często znajdowały się na wyposażeniu żołnierzy, jednak wyraźnie ustępowały popularnością saladom.

Z rejestrów zaciężnej piechoty wynika, że powierzchnia hełmów była wykańczana na różne sposoby. Występowały więc ochrony głowy z określeniem *albus*, *cisty*, *mundus*, *niger*, *cirwony*, *rubeus* czy *stachowany*. Miana te oznaczały najprawdopodobniej powierzchnie polerowane i malowane. Spośród tych ostatnich najczęściej występowały hełmy czarne (Grabarczyk 2000: 164).

Jako swego rodzaju ciekawostkę należy odnotować fakt umieszczenia kapalinu w herbie Kłobucka (woj. śląskie), miasta założonego w XIII w. Najstarszy zachowany odcisk miejskiej pieczęci z wizerunkiem hełmu pochodzi wprawdzie dopiero z 1565 r. jednak krój liter napisu znajdującego się w otoku godła świadczy, że pieczęć miejską wykonano na przełomie XV i XVI w. Kłobucki herb jest jednym z dwóch miejskich znaków w Polsce, w których hełm występuje jako samoistny symbol. Analogią do kapalinu z Kłobucka jest herb miasta Klobouky na Morawach (Antoniewicz 1998: 409, 429).

Na zakończenie warto wspomnieć, że w przypadku kapalinów trudno jest mówić o jakiejś funkcji kulturowej w społeczeństwie średniowiecznym. Zarówno źródła pisane jak i ikonograficzne nie wskazują, aby w Polsce kapalin jako typ hełmu był nośnikiem skonkretyzowanych treści ideowych, tak jak to miało miejsce w przypadku hełmu garnczkowego (Ławrynowicz 2005: 118–119). Inaczej było w pobliskich Czechach, gdzie XV w. kapalin urósł do roli jednego z atrybutów plebejuszy-husytów. Jako hełm rycerski kapalin ukazany jest na polskich nagrobkach w 3 przypadkach (Nowakowski P. A. 2006: 74). Ponadto, podobnie jak szłom i salada, występuje w ikonografii kościelnej jako element uzbrojenia żołnierzy rzymskich — oprawców Chrystusa — ukazanych w scenach męki pańskiej.

W Polsce XIV–XV w. kapaliny występowały dosyć powszechnie. Posługiwali się nimi rycerze i plebejusze, jeźdźcy i piechurzy, pospolite ruszenie, wojska zaciężne oraz służby miejskie. Mimo to nie sposób zgodzić się bez zastrzeżeń z opiniami o dominującej roli kapalinów w poł. XV w. Wśród hełmów, które odnotowane zostały na wyposażeniu zbrojnych, interesujący nas typ ochrony głowy pozostawał w cieniu przyłbic i salad. Ten ostatni rodzaj hełmu zdecydowanie preferowali zaciężni w drugiej połowie XV w. Kapaliny natomiast wyraźnie dominują w arsenałach miejskich do połowy XV w. Ale pamiętać należy, iż znaczenie sił municypalnych dla późnośredniowiecznej wojskowości polskiej jest nieduże. Wydaje się zatem, że stwierdzenie — skądinąd być może trafne — jakoby kapalin był w Polsce XV w. najczęściej stosowaną ochroną głowy, nie zostało dotąd dostatecznie udokumentowane.

Źródła

1. *ASK 85/1* — Archiwum Akt Dawnych w Warszawie // Archiwum Skarbu Koronnego. Oddział 85. T. 1.

2. *ASK 85/2* — Archiwum Akt Dawnych w Warszawie // Archiwum Skarbu Koronnego. Oddział 85. T. 2.

3. *ASK 85/3* — Archiwum Akt Dawnych w Warszawie // Archiwum Skarbu Koronnego. Oddział 85. T. 3.

4. *Codex* — 1874 Codex diplomaticus Cathedralis ad S. Venceslaum ecclesiae Cracoviensis, T. I, 1166–1366. Kraków.

5. *RK 16* — Archiwum Akt Dawnych w Warszawie. Rachunki Królewskie. T. 16.

Literatura

1. *Antoniewicz 1998* — Antoniewicz M. Herb miasta Kłobucka // Kłobuck. Dzieje miasta i gminy (do roku 1939). Kraków. 1998.

2. *Blair 1958* — Blair C. European Armour circa 1066 to circa 1700. London. 1958

3. *Goliński 1998* — Goliński M. Służba rycerska a potencjał militarny księstw śląskich w późnym średniowieczu, cz. 2 Księstwo wrocławskie na tle innych ziem dziedzicznych Korony Czeskiej // Sobótka. T. LIII. № 3–4. 1998.

4. *Głosek, Walenta 1997* — Głosek M., Walenta K. The helm of Kettle-hat type discovered at the motte In Leśno, Brusy commune Bydgoszcz province // Fascicule Archaeolgiae Historicae. Fas. X. Łódź. 1987.

5. *Głosek, Muzolf 2002* — Głosek M., Muzolf B. Dwa fragmenty hełmów średniowiecznych znalezione na zamku w Smoleniu, pow. Olkusz // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. R. 50. № 2. 2002.

6. *Grabarczyk 2000* — Grabarczyk T. Piechota zaciężna Królestwa Polskiego w XV wieku, Łódź. 2000

7. *Grabarczyk 2006* — Grabarczyk T. Lorica, colnerium et balista — l'equpiment des soldats mercenaries Polonais en 1471 // Questiones Medii Aevi Novae. 2006.

8. *Kajzer 1976* — Kajzer L. Uzbrojenie i ubiór rycerski w średniowiecznej Małopolsce w świetle źródeł ikonograficznych, Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk. 1976.

9. *Ławrynowicz 2005* — Ławrynowicz O. Treści ideowe broni rycerskiej w Polsce wieków średnich. Łódź. 2005.

10. *Ławrynowicz 2009* — Ławrynowicz O. Nowoodkryty kapalin z Włocławka na tle porównawczym // Acta Militaria Mediaevalia. T. V. 2009 (w druku).

11. *Mrozowski 1994* — Mrozowski P. Polskie nagrobki gotyckie. Warszawa. 1994.

12. *Nadolski, Dankowa 1983* — Nadolski A., Dankowa J. Skład i uzbrojenie polskiej jazdy rycerskiej 1350–1450 // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. T. 26 1983.

13. *Nadolski, Grabarczykowa 1985* — Nadolski A., Grabarczykowa E. Militaria z grodziska w Plemiętach. Uzbrojenie ochronne // Plemięta. Średniowieczny gródek w ziemi chełmińskiej. Warszawa; Poznań; Toruń. 1985.

14. *Nowakowski 1990* — Nowakowski A. 1990 Uzbrojenie ochronne // Uzbrojenie w Polsce średniowiecznej 1350–1450. Łódź. 1990.

15. *Nowakowski 2003* — Nowakowski A. Uzbrojenie ochronne // Uzbrojenie w Polsce średniowiecznej 1450–1500. Toruń. 2003.

16. *Nowakowski, Szymczak 1985* — Nowakowski A, Szymczak J. Rodzaje uzbrojenia ochronnego w Polsce w okresie monarchii stanowej w świetle źródeł pisanych // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. R. XXXIIII, № 1–2. 1985.

17. *Nowakowski P. 2006* — Nowakowski P. A. Arsenały domowe rycerstwa polskiego w średniowieczu. Toruń. 2006.

18. *Szczygielski 1960* — Szczygielski W. Obowiązki i powinności wojskowe miast i mieszczaństwa w Polsce od XIII do połowy XV wieku // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. T. 5. 1960.

19. *Szymczak 1989* — Szymczak J. Produkcja i koszty uzbrojenia rycerskiego w Polsce XIII–XV w. Łódź. 1989

20. *Szymczak 1990* — Szymczak J. Zasoby uzbrojenia 1350–1450 // Uzbrojenie w Polsce średniowiecznej 1350–1450. Łódź. 1990.

21. *Szymczak 2003* — Szymczak J. Zasoby uzbrojenia 1350–1450 // Uzbrojenie w Polsce średniowiecznej 1450–1500. Toruń. 2003.

22. *Uzbrojenie 1990* — Uzbrojenie w Polsce średniowiecznej 1350–1450. Łódź. 1990.

23. *Uzbrojenie 2003* — Uzbrojenie w Polsce średniowiecznej 1450–1500. Toruń. 2003.

24. *Walenta 1994* — Walenta K. Wstępne wyniki badań kopca w miejscowości Leśno, gm. Brusy, woj. Bydgoszcz // Łódzkie Sprawozdania Archeologiczne. T. 1. 1994.

25. *Wap 1994* — Wap A. Kapalin z XIV/XV wieku // Zeszyty Naukowe Ośrodka Badań Historii Wojskowej Muzeum Wojska w Białymstoku. № 8, Białystok. 1994.

26. *Zajączkowski 1958* — Zajączkowski S. M. Służba wojskowa chłopów w Polsce do połowy XV wieku. Łódź. 1958.

27. *Zajączkowski 1973* — Zajączkowski S. M. O wojskowych powinnościach sołtysów w Polsce w okresie monarchii stanowej // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. T. 19, cz. 1. 1973.

28. *Zajączkowski 1978* — Zajączkowski S. M. Obowiązki wojskowe wójtów w państwie polskim w okresie monarchii stanowej // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. T. 21. 1978.

29. *Żygulski 1974* — Żygulski (jun.) Z. Obraz rycerstwa w miniaturach Biblii Maciejowskiego // Sztuka i ideologia XII w. Warszawa. 1974.

30. *Żygulski 1996* — Żygulski (jun.) Z. Sławne bitwy w sztuce. Warszawa. 1996.

Шлемы «железные шапки» в позднесредневековой Польше

Т. Грабарчик, О. Лаврынович

В статье рассматриваются польские шлемы XIV–XV вв., напоминающие шляпы-котелки и известные как «шапель-де-фер» — «железная шапка». В польских письменных источниках они обозначаются латинскими *slappa* и *pileus ferreus* или чешским словом *clobuczek*. Цена одного шлема варьировалась от 30 грошей до 2 марок. В польских музеях имеется лишь пять «железных шапок» несомненно средневекового периода. Они происходят из раскопок польских городов Лесьно, Ольштынек, Племета (2), Влоцлавек. В польской иконографии представлены «железные шапки» XV столетия. В иконографии и скульптуре отображены «котелки» двух основных типов. Первый представляет собой неглубокий шлем с четко выраженными полями-ободом. Второй тип более глубокий с широкими полями, закрывающими верхнюю часть лица, иногда с двумя прорезями для глаз.

«Железные шапки» были особенно популярны в городских арсеналах XIV — первой половины XV вв. Имеется весьма скудная информация о краковских «железных шапках». В 1387 г. в арсенале этого города имелось 16 шлемов, причем все — «шапель-де-фер». В 1398 г. на одиннадцать человек городской стражи приходилось три «железных шапки»; в 1399 г. девятнадцать стражников имели 18 «железных шапок»; в 1404 г. содержалось три стражника — все в «котелках». В 1411 г. девять стражников носили салады и трое — «железные шапки». В описи за 1427 г. 86 % зарегистрированных шлемов были «железные шапки». В другом польском городе, Познани, в 1434 г. имелось шесть «железных шапок» и лишь один шлем другого типа.

Нам известно 482 земельных дарственных грамот, в которых содержатся сведения о военных заслугах рыцарей и городов, а также предводителей общин (*advocati et sculteti*) за 1350–1450 гг. Только в 39 документах в связи с воинской службой упоминаются шлемы, в том числе 21 «железная шапка».

В списках пеших наемников за 1471 и 1477 гг., числятся 368 солдат со шлемами, но только 58 из них носили «железные шапки». В 1471 г. у наемной кавалерии имелось 88 «котелков» и 558 шлемов других типов. В распоряжении соединения из 1474 наемников ротмейстера Якоба Бялы имелось восемь «железных шапок» и 29 прочих шлемов. Рекрутские списки за 1477 г. упоминают 42 «железные шапки» и 99 саладов. Список соединения ротмейстера Александра Севера за 1498 г. содержит сведения об одной «железной шапке» и 58 шлемов других типов.

«Шапель-де-фер» является символом города Клобуцка. Вообще, шлемы имеются на гербах всего двух польских городов.

Kettle-hats in Late Medieval Poland

T. Grabarchyk & O. Lawrynowich

This article deals with helmets of the kettle-hat type in Poland during the 14th–15th centuries. In Polish written sources, kettle-hats are mentioned in Latin as *slappa*, *pileus ferreus* or under a Czechs word *clobuczek*. The cost of one helmet was from 30 groshes to 2 marks. In Polish museums there are only five undoubtedly medieval kettle-hats. They come from archaeological excavations in Leśno, Olsztynek, Plemięta (2) and Włocławek. Polish iconography shows kettle-hats of the 15th century shape. There are two main types of kettle-hats in iconography and original monuments. The first is a shallow helmet with an articulate brim. The second is deeper with a broad brim covering the upper part of the face, sometimes with occularia in the form of two slits.

Kettle-hats were the most popular helmets in arsenals of the cities of the 14th and first half of the 15th century. We have a very few information about kettle-hats in Cracow. In 1387, in that city's arsenal there were 16 helmets — all kettle-hats. In 1398, the eleven members of the city guard had three kettle-hats at their disposal; in 1399, nineteen guards had 18 kettle-hats; in 1404, there were three guards — all in kettle-hats. In 1411, nine guards had sallets and three — kettle-hats. In the inventory book of 1427, eighty six percent of the helmets registered were kettle-hats. In another Polish city, Poznań, in 1434 there were six kettle-hats and only one helmet of a different type.

We know 482 documents on land donations, which contain information about military services of knights and towns as well as community leaders (*advocati et sculteti*) for the period of 1350–1450. Only in 39 documents, helmets are mentioned in relation with these services and 21 kettle-hats are among that number.

Registers of the mercenary infantry for the years of 1471 and 1477 list 368 soldiers with helmets, but only 58 of them had kettle-hats. In 1471, mounted mercenaries had 88 kettle-hats and 558 — helmets of other types. In the disposal of 1474 mercenaries, of Captain (*rothmagister*) Jacob Biały's unit there were eight kettle-hats and 29 different helmets. The rolls for the year of 1477 mention 42 kettle-hats and 99 sallets. The list of Captain Alexander Sewer's unit of 1498 comprises only one kettle-hat and 58 helmets of other types.

Kettle-hat is the city emblem of the town of Kłobuck. Only two Polish towns have helmets in their coats of arms.

Н. В. Григорьева, Ю. М. Лесман

Новые материалы о стеклоделии в средневековой Ладоге

В 2007–2008 гг. Староладожская археологическая экспедиция ИИМК РАН (рук. А.Н. Кирпичников) продолжала исследования культурного слоя раскопе 4, расположенном на южной окраине Староладожского Земляного городища. Вскрывался верхний слой — аморфный морфологически однородный, по большей части перемешанный. Мощность слоя составляла от 0,15 до 0,5 м (такая значительная разница связана с особенностями рельефа площадки городища). Слой залегал под насыпью снивелированной куртины. В нем встречены остатки деревянных конструкций, древесный тлен, развалы камней (горизонты А-Б раскопа 2007 г.). Хорошо структурированные и лучше сохраняющие органику слои фиксируются ниже.

Среди индивидуальных находок, обнаруженных в верхнем слое городища, преобладают находки из стекла (ок. 62 % всех находок). В основном это различные, с той или иной степенью точности атрибутируемые изделия из стекла и их фрагменты: бусы (их больше всего), пуговицы, вставки, стенки стеклянных сосудов.

Часть находок как разноцветного, так и однотонного стекла легко атрибутировать не удается. Некоторые — из-за воздействия высоких температур, другие — в силу фрагментарнированности староладожских находок и редкости целых изделий того же типа в Восточной Европе. Всего в материалах за два сезона работ 2007–2008 гг. учтено 75 таких трудноатрибутируемых предметов (ок. 4 % находок предметов из стекла, происходящих из верхних слоев). Среди них преобладали фрагменты синего окрашенного кобальтом прозрачного стекла (52 экз.).

Все трудноатрибутируемые или неатрибутируемые находки стекла можно разделить на 4 группы:

1. Изделия, их скопления и фрагменты, подвергшиеся воздействию высоких температур, вследствие чего они утратили первоначальную форму, но сохранили следы, по которым первоначальная форма или хотя бы категория могут быть опознаны. Это — спекшиеся куски прозрачного бесцветного, желтого, белого, синего заглушенного стекла (прозрачность полностью или частично могла быть утрачена при вторичном нагреве). На них обычно видны следы отверстий и структура первоначального изделия, иногда это ряды параллельно расположенных деформированных отверстий, благодаря чему в спеках опознаются скопления

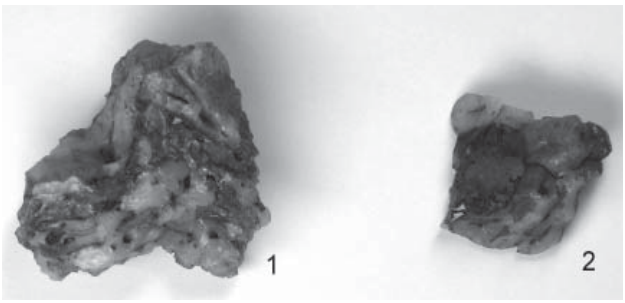


Рис. 1. Спеки разноцветного стекла:

1 — САЭ-07/№ 808;
2 — САЭ-07/№ 2611

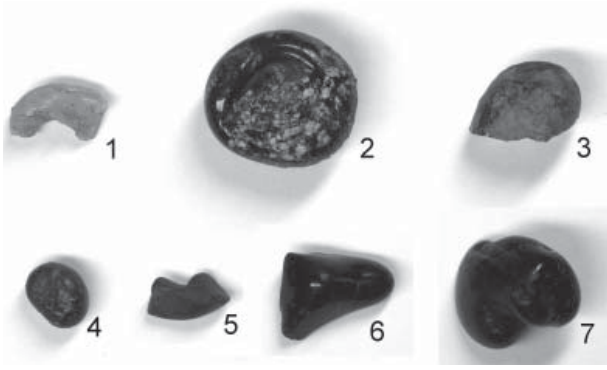


Рис. 2. Фрагменты разноцветного стекла с явными следами воздействия высоких температур:

1 — САЭ-08/№ 123; *2* — САЭ-08/№ 791; *3* — САЭ-07/№ 1789; *4* — САЭ-07/№ 2496; *5* — САЭ-07/№ 2344; *6* — САЭ-07/№ 1167; *7* — САЭ-07/№ 1351

Рис. 3. Фрагменты синего прозрачного однородного по структуре стекла, имеющие тянутую каплевидную форму — отходы производства:

1 — САЭ-07/№ 572; *2* — САЭ-07/№ 1029; *3* — САЭ-07/№ 1997; *4* — САЭ-07/№ 1333

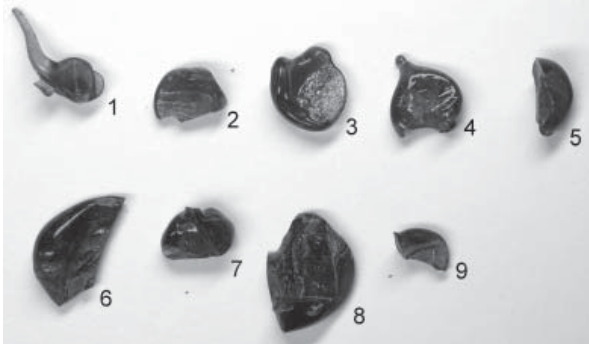


Рис. 4. Фрагменты синего прозрачного однородного по структуре стекла, с явными следами умышленной деформации (сжатия) в горячем состоянии — отходы производства:

1 — САЭ-07/№ 1997; *2* — САЭ-07/№ 1965; *3* — САЭ-08/№ 21; *4* — САЭ-07/№ 2308; *5* — САЭ-07/№ 2442; *6* — САЭ-07/№ 2579; *7* — САЭ-08/№ 873; *8* — САЭ-07/№ 1374; *9* — САЭ-08/№ 938

Рис. 5. Фрагменты синего прозрачного однородного по структуре стекла, с явными следами умышленной деформации (закручивания) в горячем состоянии — отходы производства:

1 — САЭ-08/№ 354; *2* — САЭ-07/№ 88; *3* — САЭ-07/№ 1809

Рис. 6. Крупные фрагменты стеклянных слитков. *2*, *3* — с сохранившимися участками первоначальной поверхности «гладилок»:

1 — САЭ-07/№ 227; *2* — САЭ-07/№ 2203; *3* — САЭ-07/№ 1620

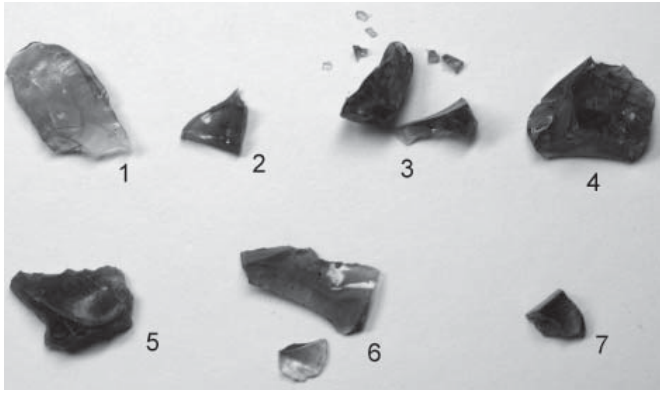
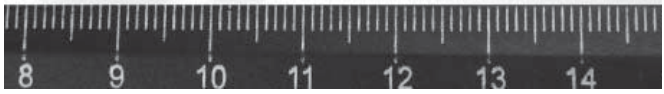


Рис. 7. Разнообразные по форме сколы со слитков стекла:

1 — САЭ-07/№ 1613; *2* — САЭ-07/№ 2474; *3* — САЭ-07/№ 2450; *4* — САЭ-07/№ 1989; *5* — САЭ-07/№ 545; *6* — САЭ-07/№ 1263; *7* — САЭ-07/№ 2220



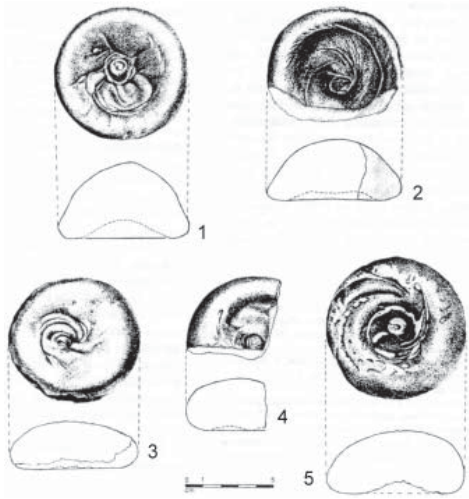


Рис. 8. Слитки-«гладилки» IX–XI вв. из Франции (Un village 1988: 288)

одночастных или многочастных пронизок заглушенного стекла, находившихся вместе и одновременно подвергшихся нагреву (вследствие случайного попадания в огонь или пожаров, которых в Ладоге случалось не мало). Всего найдены четыре спекшихся куска стекла (рис. 1).

2. Фрагменты стекла с явными следами воздействия высоких температур, не сохранившие опознаваемых признаков первоначальных изделий (рис. 2). Стекло разных цветов, разной степени заглушенности, разной степени оплавленности, часто с пузырями воздуха внутри. Такие фрагменты могли образоваться в результате нагрева стеклянных изделий (по-видимому, чаще для каждого оплавленного фрагмента основой было одно изделие или его часть) или являются отходами производства. Всего найдено 33 таких фрагмента. Среди них 14 оплавленных фрагментов синего окрашенного кобальтом прозрачного стекла.

3. Разнообразные по размеру (от 7,5×4×2,5 мм до 12×9×4 мм) фрагменты однородного по структуре стекла, имеющие вытянутую каплевидную форму (рис. 3), некоторые со следами умышленной деформации в горячем состоянии: уплощенные (рис. 4) и закрученные (рис. 5). На трех видны следы сжатия их каким-то инструментом. Все фрагменты (17 экземпляров) исключительно синего окрашенного кобальтом прозрачного стекла.

4. Осколки, сколы, куски стекла, без следов вторичной оплавленности (рис. 6–7). На 5 сохранилась участки первоначальной поверхности, по кривизне близкие к участкам поверхности шара (рис. 6). Размеры осколков и кусков стекла разнообразны — от совсем мелких до достаточно крупных (самый больший, сохранивший следы поверхности — 16 × 17,5 × 9 мм). Стекло однородное, без видимых пузырьков воздуха, синее окрашенное кобальтом прозрачное; три осколка имеют вкрапления печеночно-красного цвета. Судя по однородности структуры, характеру сколов и размерам наиболее крупных фрагментов, они не могли быть обломками средневековых бус или сосудов. Всего найден 21 фрагмент.

Начнем рассмотрение с последней группы. Она представляет особый интерес, так как есть шанс определить, частями каких (какого?) изделий являются куски стекла. Форма наиболее крупного фрагмента (рис. 6, *2*) позволяет отнести его к массивному изделию близкому по форме к части сферы. Еще на двух фрагментах сохранились участки поверхности аналогичной кривизны. Сколы встречаются разных размеров: от небольших в виде тонких пластинок

и «крошек» до достаточно крупных (до 12 × 10 × 4 мм). Они напоминают отщепы — отходы от производства каменных орудий (рис. 7).

Находки крупных, близких по форме к полусфере массивных стеклянных слитков (диаметр — ок. 6–9 см, высота — ок. 2,5–5 см, вес — около 150–250 г.) на территории Древней Руси единичны: Гнездово, Новгород, Ростов, Суздаль. (Щапова 1989; Седова 1997: рис. 4, *8*). Существенно больше найдено их в Западной и Северной Европе. Наиболее массовые находки происходят из Франции (рис. 8), прирейнских земель Германии, северной Италии, а также из Скандинавии, где самая большая серия зафиксирована в Хедебю (в эпоху средневековия — Дания, сейчас находится на севере ФРГ): там найдены 103 целых или фрагментированных экземпляра. Еще 13 подобных пребдметов происходят из сменившего его в XI в. Шлезвига (Steppuhn 1998: 74–76, 117–119, Taf. 17,18; Steppuhn 2002: 100–101, 117). Самая восточная находка (помимо древнерусских) происходит из Болгарии. Относятся такие предметы к разными эпохам — от позднего римского (со II–III вв.) до Новейшего времени. Известны их изображения XVII–XVIII вв. Особенно массовые археологические находки связаны с периодом от эпохи Каролингов до XII–XIII вв. Их атрибуция в качестве гладилок — орудий для придания тканям большей мягкости — была предложена еще более столетия назад. Именно такая функция подтверждается изображениями Нового времени и скандинавской этнографией (Noss 1966). Такую трактовку, насколько нам известно, первой поставила под сомнение Ю. Л. Щапова (Щапова 1989;

Рис. 9. Фрагмент сырьевого слитка-«гладилки» со следами сколов из Сигтуны (находка № 25021 из раскопа 1988–1989 гг., kv. Trädgårdsmästaren 9 & 10, кв. C1, пласт 6, фаза 3: около 1020-1050 гг.; хр.: Sigtuna Museum, Sigtuna, Швеция)

Рис. 10. Слиток- «гладилка» из Сигтуны (нестратифицированная находка № 22333 из раскопа 1988–1989 гг., kv. Trädgårdsmästaren 9 & 10; хр.: Sigtuna Museum, Sigtuna, Швеция)

Ščapova 1992), затем сомнения возникли и у ряда других исследователей (наиболее развернуто см.: Schmaedecke 1998). Они считают, что такие массивные стеклянные изделия использовались в качестве гладилок для ткани (гладильный камень — «Glättstein», «linen smoother») только в Новое и Новейшее время, первоначально же это были просто слитки стекла — сырье для производства стеклянных изделий. П. Степпун, анализируя материалы Хедебю и Шлезвига, аргументировал древность традиций гладилок, обратив внимание на серийность находок подобных изделий в постройках не связанных со стекольным производством или складированием стекла, а также на потертость поверхности многих «гладилок» (Steppuhn 1999). В то же время, многие из специалистов по средневековому стеклоделию Западной Европы считают более вероятной версию сырьевых слитков (о слитках и их атрибуции см. также: Haevernick 1965; Arwidsson 1984: 199–201; Un village 1988: 287–288; Macquert 1990; Stephan, Wedepohl, Hartmann 1997; Uboldi 1998: 184–185; Uboldi, Verità 2003: 120 и др.).

Новый материал для понимания функций «гладилок» дали находки из Сигтуны 1988–1989 гг. (раскоп Trädgårdsmästaren 9&10) и 1999–2000 гг. (раскоп Professorn 1). Здесь найден один целый экземпляр, более двух десятков фрагментов слитков и несколько десятков осколков-отщепов конца X–XIII вв., что, как представляется, позволяет снять противоречие двух интерпретаций: стеклянные слитки могли использоваться и в качестве инструментов для смягчения ткани, и в качестве сырья. Поверхность сырьевых слитков гладкая и блестящая, в то время как поверхность слитков, использовавшихся некоторое время в качестве гладилок, затерта от

эксплуатации. Для того, чтобы подготовить слиток к использованию в качестве сырья, его было необходимо расплавить, а это очень трудно сделать, не расколов его предварительно на мелкие фрагменты. К тому же, далеко не всегда требовалось сразу так много стекла. Поэтому было целесообразно раскалывать слитки на части (для облегчения процесса оптимальны мелкие или хотя бы тонкие кусочки). Слитки, использовавшиеся в качестве сырья обычно не имеют потертостей на поверхности (рис. 9). Цвета фрагментов стекла разнообразны, но, с одной стороны, соответствуют друг другу, а, с другой, соответствуют стеклу части стеклянных бус, для которых весьма вероятно местное производство. В то же время у единственного целого слитка (рис. 10) и у части крупных фрагментов поверхность потерта, что делает вероятным их использование в качестве гладилок (Lesman 2009).

Ладожская коллекция по составу оказывается ближайшей аналогией Сигтунской, хотя она менее разнообразна и многочисленна. Однако на Земляном городище мы имеем то, чего нет (или нет в качестве достоверных образцов) в материалах указанных раскопов в Сигтуне. Речь идет о фрагментах третьей группы. То есть, здесь представлены не только фрагменты сырья, но и отходы производства из него. Наиболее показательны фрагменты двух видов: со следами инструментов (следы указывают, вероятно, на инструмент для зажима типа плоскогубцев или пинцета, имевший губки с поперечным рифлением) и вытянутые, закрученные в спираль (в 1,5 и 2 оборота). На то, что это, скорее всего, следы производства из фрагментов одного и того же слитка (или же двух, если осколки с включениями красного стекла принадлежали другому слитку), указывает совпадение цвета и прозрачности. Этому не противоречит и установленная методом оптико-эмиссионной спектрографии близость химического состава стекла (Приложение).

Как известно, верхние слои Ладожского Земляного городища сильно перемешаны располагавшимися там огородами. Поэтому, определить изначальное стратиграфическое положение находок в большинстве случаев сложно. На окраинных участках поселения слой не был поврежден при земляных работах середины XX в., но здесь он был сильно перемешан в древности — при строительстве укреплений, а также при совершении массового захоронения времен Великой Отечественной войны, частично вскрытого в северной стороне раскопа[1].

Несмотря на перемешанность верхнего слоя, в нем было выявлено несколько горизонтов деревянной застройки, соответственно которым вскрытая толща отложений была разделена на горизонты[2] «А», «Б», «В»,

[1] Наглядным примером перемешанности слоя служит обнаружение большой группы вислых свинцовых печатей и пломб, скорее всего, первоначально входивших в единый комплекс (Кирпичников, Белецкий 2006; Белецкий 2008). Глубины их залегания (в среднем от +80 до +20, иногда до –2) частично соответствуют глубинам залегания интересующих нас находок из стекла (преимущественно от +50 до -20). Но при этом основная концентрация находок из стекла фиксируется ниже основной концентрации находок пломб и печатей, которые датируются от рубежа XI–XII вв. до последней четверти XIII в. (Белецкий 2008).

[2] Буквенные обозначения горизонтов даны в соответствии с полевыми отчетами А. Н. Кирпичникова, согласно которым, для каждого года раскопок обозначение строительных горизонтов начинается с буквы «А».

«Г» (Кирпичников 2008). Древесина построек сохранилась крайне плохо, поэтому дендрохронологические определения невозможны. В тенденции, интересующие нас находки концентрируются преимущественно выше уровня горизонта застройки, обозначенного литерой «В» (2007 г.), которые А. Н. Кирпичников датирует серединой X–XI вв., и ниже деревянных конструкций, соответствующих горизонту «Б» (2007 г.), которые он же датирует последней третью X–XII вв. (Кирпичников 2008). В горизонте Г такие находки единичны (скорее всего, связаны с перекопами), а в нижележащих горизонтах, исследованных в 2008 г., они отсутствуют (таблица).

Планиграфически рассматриваемые фрагменты стекла распространены по всей площади раскопа, однако наибольшая их концентрация приходится на юго-восточный угол. Связаны ли они с какой-либо деревянной конструкцией или постройкой горизонта не ясно. В других частях Земляного городища стекло, аналогичное выделенному нами в четвертую группу, не известно. Однако, следует учитывать, что на участке, соответствующем юго-восточному углу раскопа (кв. М-О/XVIII–XX) после функционирования построек и настила горизонта «В» (2007 г.) и до времени возведения построек горизонта «Б» (2007 г.), по-видимому, образовалась пустая площадка, где накапливался мусор: помимо рассматриваемых находок из стекла, здесь в аналогичной стратиграфической позиции фиксируются также переотложенные отходы бронзолитейного и косторезных производств. Некоторые из рассматриваемых находок синего прозрачного стекла найдены в центральной части раскопа, но не исключено, что они попали туда из скопления мусора в юго-восточном углу раскопа позднее — во время существования построек горизонтов «А» и «Б» (2007 г.).

Наиболее вероятной датой рассматриваемого комплекта находок стекла следует признать XI в. Судя по тому, что подобные находкт в нижележащих горизонтах Староладожского городища не обнаружены, о нижней дате — не ранее рубежа X–XI вв. — можно говорить достаточно уверенно. Верхняя дата (исключающая XII в.) более гипотетична.

Комплект находок стекла из раскопок 2007–2008 г. на Земляном городище Старой Ладоги позволяет зафиксировать, по меньшей мере, вторую, после первой половины IX в. (Рябинин 1997), попытку наладить в древней Ладоге собственное производство стеклянных изделий. Однако, масштабы производства в XI в. существенно уступали более ранним.

Следует отметить, что Ладога — пока единственный древнерусский город, где фиксируются следы использования слитков-«гладилок» в соответствии с западноевропейской ремесленной традицией в качестве сырья в стеклоделательном производстве. Остальные древнерусские находки «гладилок» — это целые слитки (по крайней мере, часть с потертой поверхностью), скорее всего использовавшиеся на древнерусской территории в соответствии с другой, тоже западноевропейской, традицией — в качестве гладилок для смягчения ткани.

Таблица. Опись стеклянных фрагментов синего прозрачного стекла (слитков, отходов производства, капель и пр.) из раскопок Староладожской археологической экспедиции на Земляном городище. Раскоп 4

№ п/п	№ по описи	группа	описание	Кв.	Гл.	горизонт
2007 г.						
1	88	3	Отход производства, синего прозрачного стекла фр-т	И-XII	+16	Б
2	227	4	Слитка синего прозрачного стекла с включениями красного непрозрачного стекла фр-т	О-XVII	+45	А
3	248	4	Скол синего прозрачного стекла с включениями красного непрозрачного стекла 2 фр-та	Л-XV	+34	А
4	312	4	Сколы синего прозрачного стекла	Н-XVI	+45	А
5	324	4	Скол синего прозрачного стекла фр-т	М-XIII	+32	А
6	545	4	Слитка синего прозрачного стекла фр-т	М-XVI	+44	А
7	572	3	Отход производства, синего прозрачного стекла	О-XVI	+32	А
8	695	4	Сколы синего прозрачного стекла фр-ты	К-XV	+19	Б
9	778	2	Оплавленного синего прозрачного стекла фр-ты	О-XVI	+25	Б
10	824	4	Сколы синего прозрачного стекла. Оплавлены	К-XV	+19	Б
11	1029	2	Оплавленного синего прозрачного стекла фр-т	Л-XIV	+24	А
12	1076	2	Оплавленного голубого прозрачного стекла фр-т	Л-XVI	+18	Б
13	1167	2	Оплавленного синего прозрачного стекла фр-т	К-XIX	+31	?
14	1263	4	Скол синего прозрачного стекла	О-XIV	+13	Б
15	1333	3	Отход производства, голубого прозрачного стекла фр-т	Н-XIII	+7	Б
16	1374	3	Отход производства, синего прозрачного стекла	О-XVIII	+19	Б

Продолжение таблицы

№ п/п	№ по описи	группа	описание	Кв.	Гл.	горизонт
2007 г.						
17	1613	4	Скол синего прозрачного стекла фр-т	М-XVII	+21	Б, черный горелый слой под досками
18	1620	4	Слитка синего прозрачного стекла фр-т	Н-XVIII	+15	Б, черный слой
19	1740	2	Оплавленного синего прозрачного стекла фр-т	З-XII	+1	Б
20	1749	4	Скол синего прозрачного стекла фр-т	Ж-XII	-7	В
21	1809	3	Отход производства, синего прозрачного стекла.	Ж-XIII	+6	Б
22	1965	3	Отход производства, синего прозрачного стекла фр-т	О-XVIII	+8	В
23	1989	4	Слитка синего прозрачного стекла фр-т	О-XVIII	+11	В
24	1997	3	Отход производства, синего прозрачного стекла	Е-XIV	-1	В
25	2006	2	Капля темносинего прозрачного стекла	Ж-XIII	-6	В
26	2170	2	Капля синего прозрачного стекла	О-XIX	+17	?
27	2177	4	Сколы синего прозрачного стекла	Н-XIX	+19	В
28	2182	2	Капля синего прозрачного стекла	О-XIX	+15	В
29	2203	4	Слитка синего прозрачного стекла фр-т	Н-XIX	+12	В
30	2220	4	Скол синего прозрачного стекла фр-т	О-XIX	+2	$Г_1$
31	2269	4	Скол синего прозрачного стекла фр-т	М-XVIII	-3	$Г_1$
32	2308	3	Отход производства, синего прозрачного стекла фр-т	О-XIX	+8	В
33	2344	2	Оплавленного синего прозрачного стекла фр-т	М-XIX	+8	В
34	2373	4	Скол синего прозрачного стекла фр-т	Е-XII	+2	Б
35	2407	3	Отход производства синего прозрачного стекла фр-т	М-XX	0	$Г_1$
36	2442	3	Отход производства, синего прозрачного стекла фр-т	О-XVIII	+3	$Г_1$

Окончание таблицы

№ п/п	№ по описи	группа	описание	Кв.	Гл.	горизонт
2007 г.						
37	2450	4	Сколы синего прозрачного стекла фр-ты	О-XVIII	+7	В
38	2474	4	Скол синего прозрачного стекла фр-т	О-XX	+8	В
39	2496	2	Капля синего прозрачного стекла	Е-XII	-9	Г1
40	2529	2	Капля синего прозрачного стекла. Оплавлена	М-XX	-3	$Г_1$
41	2579	3	Отход производства, синего прозрачного стекла фр-т	О-XVII	-1	$Г_1$
2008 г.						
42	21	3	Отход производства, синего прозрачного стекла фр-т	–	–	Из отвала
43	354	3	Отход производства, синего прозрачного стекла фр-т	Ж-XIII	-20	В (2007 г.)
44	820	4	Скол синего прозрачного стекла фр-т	Н-XV	–	Из отвала
45	873	3	Отход производства, синего прозрачного стекла	О-XIV	+12	В (2007 г.)
46	938	3	Отход производства, голубого прозрачного стекла	О-XVIII	-27	А
47	972	2	Оплавленного синего прозрачного стекла фр-т	О-XIV	+18	Б (2007 г.)
48	1266	4	Скол синего прозрачного стекла фр-т	М-XX	+11	В (2007 г.)
49	1430	3	Отход производства, синего прозрачного стекла фр-т	Л-XX	-11	В (2007 г.)
50	1982	2	Капля голубого стекла	Ж-XIV	-67	В (2007 г.)
51	2286	2	Оплавленного синего прозрачного стекла фр-т	Н-XVII	-40	А, постройка 1
52	2548	3	Отход производства, синего прозрачного стекла	–	–	граница культурного слоя и консервационной засыпки

Приложение

А. Н. Егорьков

Результаты оптико-эмиссионной спектрографии стекла (Лаборатория археологической технологии ИИМК РАН)

Шифр лаборат.	832–27	832–29	832–30	832–31	832–32	832–33	832–34	832–35
Предмет	спек разно-цветного стекла	слитка фр-т	отход произ-водства	сколы	отход произ-водства	скол фр-т	отход произ-водства	скол
Цвет	син	син	син	син	син	син	син	син
№ по оп.	39	227	572	695	778	824	1029	1263
SiO_2	основа	основа	основа	основа	основа	основа	основа	основа
Na_2O	15	17	18	15	18	17	17	15
K_2O	1,3	2,2	1,6	1,7	1,5	2,4	1,4	1,3
CaO	4,9	7,0	8,0	4,9	8,2	7,0	7,2	4,1
MgO	5,0	1,6	2,9	0,9	2,2	1,3	2,4	0,6
Al_2O_3	1,4	2,2	3,3	1,7	1,5	0,8	3,8	1,4
Fe_2O_3	1,1	2,8	2,5	2,2	1,3	1,1	1,8	1,6
MnO	0,6	0,7	0,6	1,5	0,7	0,3	0,9	0,6
TiO_2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,05	0,1	0,09
PbO	13	0,05	0,2	0,07	0,08	0,08	0,7	0,1
SnO_2	3,6	–	0,02	–	–	–	0,6	–
CuO	0,1	0,5	0,3	0,4	0,2	0,3	0,5	0,5
CoO	0,02	0,08	0,05	0,1	0,03	0,03	0,1	0,1
Sb_2O_5	–	–	–	–	–	–	–	–
Ag_2O	–	–	–	–	–	–	–	–
NiO	0,02	0,02	0,01	0,02	0,01	0,02	0,01	0,01

Примечание: За значимые приняты содержания от 0,01%, для значений ниже 1% приводится одна значащая цифра, выше — две, достижимая чувствительность по K_2O около 1%.

832–37	832–38	832–39	832–40	832–41	832–42	832–43	832–44	832–45	832–46
отход производства	слитка фр-т	скол	слитка фр-т	скол	сколы	отход производства	спек стекла	спек стекла	отход производства
син	син	син	син	син	син	син	син	б/ц	син
1374	1620	2177	2203	2373	2450	2529	2611	692	873
основа	основа	основа	основа	основа	основа	основа	основа	основа	основа
19	16	19	16	16	14	18	16	15	16
1,3	1,2	1,2	1,3	1,3	1,3	1,2	1,6	2,6	1,2
8,8	6,6	9,7	7,1	7,2	3,3	8,2	6,6	4,3	6,6
2,4	1,6	1,9	2,8	2,8	0,9	2,6	4,7	1,2	2,2
1,7	1,9	2,2	3,3	5,0	1,6	3,0	1,9	5,6	2,8
3,2	1,5	1,1	1,0	2,2	1,9	2,4	1,9	2,9	1,9
0,7	0,5	0,4	0,7	1,0	0,6	0,6	1,1	0,1	0,6
0,1	0,1	0,1	0,1	0,3	0,09	0,09	0,07	0,6	0,1
0,3	0,5	0,08	13	10	0,1	0,05	0,02	–	0,3
0,03	0,03	-	0,06	0,5	–	–	0,01	–	0,02
0,5	0,4	0,2	0,5	0,6	0,4	0,3	0,3	–	0,5
0,1	0,08	0,06	0,08	0,1	0,1	0,1	0,1	–	0,08
–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01

Литература

1. *Белецкий 2008* — Белецкий С. В. 2008. Памятндоге в 2007 г. // Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН в поселке Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2007 г. Приложение 3. Архив ИА РАН.

2. *Кирпичников, Белецкий 2006* — Кирпичников А. Н., Белецкий С. В. Памятники древнерусской сфрагистики из раскопок земляного городища в Старой Ладоге в 2006 г. // Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет. СПб. 2006.

3. *Кирпичников 2008* — Кирпичников А. Н. Новые археологические исследования раннесредневекового города Ладога (по данным раскопок 2007 г.) // Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет. СПб. 2008.

4. *Рябинин 1997* — Рябинин Е. А. Начальный этап стеклоделия в Балтийском регионе (по материалам исследований Ладоги VIII–IX вв.) // Дивинец Староладожский. СПб. 1997.

5. *Седова 1997* — Седова М. В. Суздаль в X–XV веках. М. 1997.

6. *Щапова 1989* — Щапова Ю. Л. Некоторые проблемы средневекового стеклоделия в свете новых данных («гладилка» из Новгорода) // СА. № 4. 1989.

7. *Arwidsson 1984* — Arwidsson G. Glättsteine und Glättbretter // Birka. Bd. II:1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm. 1984.

8. *Haevernick 1965* — Haevernick T. E. Beiträge zur Geschichte des antiken Glases. XII. Glättsteine aus Glas // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseum Mainz. Bd. 10 (1963). Mainz. 1965.

9. *Lesman 2009* — Lesman Y. The Raw Glass Ingots and the Linen Smoothers. he Finds from Sigtuna Kv. Trädgårdsmastern 9 & 10 (1989–1990) and Kv. Professorn 1 (1999–2000) // В печати.

10. *Macquert 1990* — Macquert C. Les Lissoirs de verre, approche techniques et bibliographique // Archéologie Médiévale. Vol. 20. 1990.

11. *Noss 1966* — Noss A. Før strykejernet // By og Bygd. Norsk folkmuseum årbok. Nº 18. Oslo. 1966.

12. *Ščapova 1992* — Ščapova J. L. Un lissoir de Novgorod. Réflexions sur la verrie médiévale. // Acta archaeologica. København. Vol. 62 (1991). 1992.

13. *Schmaedecke 1998* — Schmaedecke M. Glasbarren oder Glättsteine? // Beobachtungen zur mittelalterlichen Glasherstellung und Glasverarbeitung. Beitrage zur Archeologie des Mittelalters. Archeologie und Museum 37. Liestal. 1998.

14. *Stephan, Wedepohl, Hartmann 1997* — Stephan H. G., Wedepohl K. H., Hartmann G. Mittelalterliches Glas und der Stadtwüstung Corvey // Germania. Vol. 75. № 2. 1997.

15. *Steppuhn 1998* — Steppuhn P. Die Glasfunde von Haithabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Beriht 32. Neumünster. 1998.

16. *Steppuhn 1999* — Steppuhn P. Der mittelalterliche Gniedelstein: Glättglas oder Glasbarren? Zu primärfunktion und Kontinuität eines Glasobjektes vom Frühmittelalter bis zu Neuzeit // Nachrichten aus Niedersachsen Urgeschichte. Bd. 68 (1998). Stuttgart. 1999.

17. *Steppuhn 2002* — Steppuhn P. Die Glasfunde des 11. bis 17. Jahrhunderts aus Schleswig // Berichte über die Ausgrabungen in Schleswig. Berihte und Studien 16. Neumünster. 2002.

18. *Uboldi 1998* — Uboldi M. Vetri di età tardoantica e altomedievale dagli scavi del monastero di S. Giulia a Brescia // Il vetro dall'antichità all'età contemporanea: aspetti technologici, funzionali e commerciali. Atti 2e Giornate nazionali di studio AIHV — Comitato nazionale Italiano 14–15 dicembre 1996. Milano. 1998.

19. *Uboldi, Verità 2003* — Uboldi M., Verità M. Scientific Analyses of Glasses from Late Antique and Early Medieval Archeological Sites in Northern Italy // Journal of Glass Studies. Vol. 45. 2003.

20. *Un village 1988* — Un village au temps de Charlemage. Moines et paysans de l'abbaye de Saint-Denis du VIIe siécle à l'An Mil. Paris. 1988.

New Evidence of Glass-Making in Medieval Ladoga

N. V. Grigor'eva & Yu. M. Lesman

During the excavations of 2007–2008 at Zemlyanoe Gorodishche (Earthen Hillfort) in Staraya Ladoga (Excavation 4), 22 fragments of glass ingots or the so-called «*gladilki*» have been found. Finds of «*gladilki*», although very rare in Eastern Europe, are fairly common in Western and Northern Europe. The most ancient of objects of that kind are dated from the 2nd–3rd century, while the youngest ones are known in ethnography. The most numerous finds are reported from northern Italy, France, Germany and Scandinavia. The easternmost (not counting Rus) example comes from Bulgaria. The purpose of the ingots is an object of controversy. The majority of researchers hold the opinion that *gladilki* (from *gladit'* = to iron) were used to soften fabrics while the other regard them as the raw material for manufacturing glass objects. Stratigraphically, the finds under consideration are related predominantly with the cultural level deposited above horizon «В» but beneath horizon «Б». Anatoliy N. Kirpichnikov dates the layer specified to the mid-10th and 11th century. No finds of such kind have been known in more ancient layers of Ladoga.

From the same layer with the glass ingots, 15 fragments of melted sodium-calcium glass dyed with cobalt (identification by Aleksandr N. Egor'kov) have been recovered. A few of the fragments bear traces of their pressing with some tool. It is possible that all the 37 examples mentioned above were made from a single batch of glass (a single ingot). The finds here presented are interpretable as evidence of local production of glass objects from imported raw-materials. The Ladoga finds most closely resemble the materials from excavations of Sigtuna in Sweden (excavations of 1989–1990 and 1999–2000 in the quarters of Trädgårdsmastern 9 & 10 Professorn 1) where in the layers of the late 10th–13th century similar glass flakes and fragments of ingots were found.

The finds from Ladoga and Sigtuna suggest that the glass ingots were used rather as raw materials for manufacturing glass objects. This hypothesis, however, does not rule out that under certain circumstances such ingots may have been used for treating fabrics. In Ladoga, probably they mark attempts to produce glass beads, perhaps in order to make up for the Near Eastern imports reduced since the late 10th century. This must have been at least a second attempt to organize local production of glass items here. That production was short-termed or one-time only being provided by raw materials imported from the West.

О. Г. Гусева, О. М. Иоаннисян

К вопросу о датировке Никольского собора в Старой Ладоге

О времени возникновения Никольского собора в Старой Ладоге (рис. 1–2) письменных свидетельств не сохранилось. Никольский монастырь в Ладоге (рис. 3) впервые упоминается в документах XV в. (Зверинский 1892: 195), однако издавна существует легенда об основании монастыря в XIII в. в честь побед над шведами и немцами в 1240 и 1241 гг. и в память павших воинов (Староладожский 1862: 7; Иоанн 1865: 4). Уже в XVII в. монастырский собор считался древним и ветхим, и в нем были проведены серьезные ремонтные работы (Историко-статистические 1871: 84–85, 91, 114; Бранденбург 1896: 58; Раппопорт 1982: 79). Однако уже в XIX в. никто не мог определить время появления собора, и дату его определяли в очень широком хронологическом диапазоне: «XI–XIV вв.», «XIII в.», «не позже XV в.», «задолго до 1500 г.» (Староладожский 1862: 6; Историко-статистические 1871: 84; Бранденбург 1896: 58; Иоанн 1865: 23).

Сам объем этого четырехстолпного почти кубического одноглавого собора близок по своим габаритам и архитектурным формам другим староладожским храмам, бесспорно относящимся к домонгольскому времени — Успенский собор (Гусева, Воинова 1995: 1975–1980), церковь Спаса (Бранденбург 1896: 45–48), церковь на р. Ладожке (Бранденбург 1896: 127–128, 320, табл. LX), церковь Георгия (Мильчик 1979: 101–116; Сарабьянов, Васильев, Лалазаров, Рождественская 202) — и датирующимся 1150–1160-ми гг.(Лазарев 1960: 16; 1973: 45; Мильчик 1979: 111, примеч. 46; 2002: 294; Лалазаров 2002: 311). Но наличие у существующего здания подцерковья, плитняковой кладки сводов и столбов верхнего этажа и кладки стен из плиты, в которой плинфа присутствует только в обломках (для выравнивания рядов) заставляли видеть в нем постройку, выполненную на старой (домонгольской) основе в более позднее время. Такие перестройки древних памятников наиболее характерны для новгородской архитектуры XV в., то есть — времени святительства новгородских архиепископов Евфимия II и Ионы Отенского (Антипов 2007: 96–117; Новоселов 2003: 98–109; Гладенко, Красноречьев, Штендер, Шуляк 1964: 184; Приложение 1964: 238–263). Именно этим временем и предлагает датировать собор Б. Г. Васильев (Васильев 1984: 17–18). В то же время целый ряд особенностей и архитектурных форм здания — перекрытие подклета каменным (плитным) сводом очень плоского

Рис. 1. Старая Ладога. Никольский собор. Общий вид с запада. Фото О. М. Иоаннисяна. 1972 г.

Рис. 2. Старая Ладога. Никольский собор. Общий вид с юго-востока. Фото И. Л. Воиновой. 2007 г.

Рис. 3. Старая Ладога. Никольский монастырь. Общий вид Фото 2003 г.

очертания, плоские же (трехцентровой формы) арки дверных проемов и ниш, коробовые своды верхнего этажа, форма оконных проемов — склоняет к датировке собора серединой XVI в. (Гусева 2007: 133–151)[1].

Вопрос о том, действительно ли в основе существующего здания XV–XVI вв. лежат остатки более древнего храма, уже давно волновал исследователей. Первые попытки поисков этого храма предпринял в 1970 и 1974 гг. М. К. Каргер[2]. Найденные в ходе раскопок под стенами существующего собора многочисленные фрагменты фресковых росписей, относящиеся к другому, более древнему, храму[3], подтвердили предположение о том, что первый храм на этом месте следует относить к более раннему времени. Однако, непосредственных остатков древнего храма в виде кладок стен и фундаментов тогда проследить не удалось.

Честь открытия строительных остатков предшествовавшего Никольскому собору храма принадлежит А. Н. Кирпичникову. Во время раскопок 1975 г. он обнаружил в основании стен существующего Никольского собора фрагменты более древнего фундамента, сложенного из булыжника на светлом известковом растворе, и отдельные части древних стен, сложенных из чередующихся рядов камня и плинфы на цемяночном растворе (Кирпичников 1976: 18–19). Это позволило сделать вывод, что Никольский собор, действительно, возведен на древнем основании, относящемся к домонгольскому времени. Кроме того, А. Н. Кирпичников установил, что кладка западной пары столбов в подклете существующего здания на значительную высоту сохранилась от этого первоначального здания и также дошла в составе существующего здания от первоначальной постройки, однако углы западной стороны этих столбов (между лопатками боковых и западной граней) имеют закладки, выполненные еще в домонгольское время из плинфы на цемяночном растворе (Кирпичников 1976: 18–19).

В 1976 году Г. М. Штендер, обследовал памятник и установил, что восточные столбы на высоту до пят арок подклета также сохранили свою первоначальную кладку и относятся к домоногольскому времени. Г. М. Штендер выявил и еще ряд очень важных деталей: оказалось, что в восточных углах западной пары столбов имеются закладки, аналогичные закладкам, выявленным А. Н. Кирпичниковым на углах западной грани. Таким образом, выяснилось, что первоначально форма столбов имела не квадратное, а крестчатое сечение, однако позднее, была изменена. Плинфа и раствор, которыми выполнены закладки, идентичны материалам, примененным в кладке самих столбов, так что закладка произошла вскоре после постройки собора (Штендер 1976: л. 4–5).

Как удалось выяснить Г. М. Штендеру, в это же время и теми же материалами была произведена и закладка северо-восточного угла северного и юго-восточного угла южного столбов восточной пары. Таким образом, их нынешнее квадратное сечение также является не изначальным: сразу же по-

---

[1] Это мнение было высказано П. А. Раппопортом в беседе с одним из авторов статьи.

[2] К сожалению, никаких документальных материалов по этим исследованиям не сохранилось.

[3] Коллекция фрагментов хранится в Староладожском историко-архитектурном и археологическом музее-заповеднике.

сле постройки храма восточные столбы были Г-образными (Штендер 1976: л. 4–5).

В 1978 г. авторы этих строк совместно с Н. К. Стеценко провели исследования в храме для более полного выявления плана стен и фундаментов древнего собора, а также для проверки их состояния и сохранности (Гусева, Иоаннисян, Стеценко 1982: 70–74). Эти исследования показали, что домонгольские фундаменты сохранились под всеми стенами существующего здания за исключением южной стены диаконика (рис. 4). Фундаменты сложены из булыжника на светлом известковом растворе без примеси цемянки; они пролиты раствором равномерно по всей высоте. Мощность фундамента колеблется в пределах 70–90 см, а и их ширина больше ширины древних (домонгольских) стен. Верхняя платформа фундамента

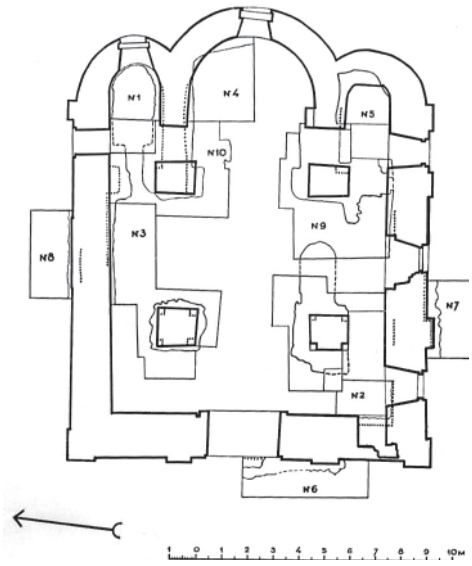


Рис. 4. Старая Ладога. Никольский собор. План существующего здания и раскопанных в 1978 г. участков домонгольского храма

покрыта выравнивающим слоем цемяночного раствора (Гусева, Иоаннисян, Стеценко 1982: 71–72). Такой характер устройства фундаментов характерен для всех остальных ладожских памятников XII в., а также находит себе аналогии как в новгородских и псковских памятниках первой трети XII в., так и в новгородском зодчестве второй половины XII и начала XIII в.. Уже одно это обстоятельство не дает оснований сомневаться в том, что Никольский собор в Ладоге является памятником той же строительной традиции.

Особо следует остановиться на плановой структуре фундаментов домонгольского Никольского собора. Если фундаменты западных столбов столбчатые, что находит себе аналогию в новгородских памятниках второй половины XII — первой трети XIII вв., то фундаменты восточных столбов продолжаются к востоку, образуя продольные ленты, переходящие в фундаменты межапсидных стен (рис. 5–6). Фундамент северо-восточного столба продолжается и в поперечном (северном от столба) направлении, соединяясь с фундаментом северной периметральной стены здания, а фундамент юго-восточного столба имеет сильный выступ в южном направлении, которому со стороны фундамента южной стены отвечает сильно вынесенный в северную сторону фундамент внутренней восточной пилястры южной стены (Гусева, Иоаннисян, Стеценко 1982: 72). Таким образом, угловые пастофории храма (жертвенник и диаконник) уже на уровне фундамента выделяются в самостоятельные объемы, что заставляет вспомнить о фундаментах остальных ладожских храмов, а также о плановом

Рис. 5. Старая Ладога. Никольский собор. Фундамент стены, соединяющей северо-восточного столба со стеной между северной и центральной апсидами.
План

Рис. 6. Старая Ладога. Никольский собор. Фундамент стены, соединяющей северо-восточного столба со стеной между северной и центральной апсидами

решении Спасо-Мирожского собора в Пскове (рис. 7).

У юго-западного столба Никольского собора имеется одна особенность, не нашедшая пока объяснения (рис. 8–10): верхняя часть его фундамента, равная примерно половине его высоты, продолжается к востоку на 2,5 м, не доходя, однако, до фундамента юго-восточного столба (Гусева, Иоаннисян, Стеценко 1982: 72)

Толщина западной стены древней Никольской церкви (140–145 см) больше толщины ее боковых стен (115–120 см), что заставляет предполагать существование лестниц в ее западной стене, а это, в свою очередь, дает возможность еще одного предположения: устройства раздельных угловых камер на хорах, к которым и поднимались по этим лестницам. О возможности существования таких угловых камер говорит их устройство в позднейшем храме (Гусева 2007: 133–151). Если учесть, что практически все перестройки древних соборов в XV — начале XVI вв., получившие название «реставрации», повторяют не

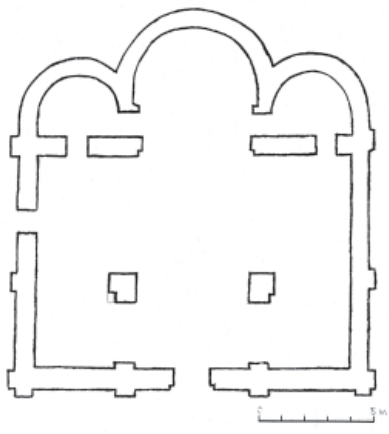


Рис. 7. Псков. Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря. План

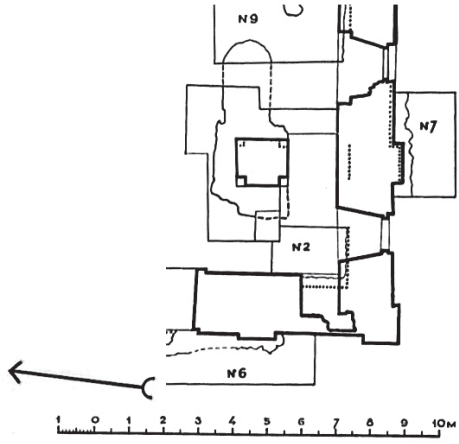


Рис. 8. Старая Ладога. Никольский собор. Фундаменты юго-западного столба. План

только план своих предшественников, но и некоторые другие их особенности, можно предположить, что угловые камеры существующего здания являются повторением угловых камер домонгольского храма (Гусева, Иоаннисян, Стеценко 1982: 73, примеч. 7).

Не исключено, что с западной стороны к домонгольскому храму примыкал притвор. Основания для такого предположения дает уширение фундамента западной стены в средней ее части, равное по ширине центральной части стены вместе с лопатками. Платформа этой уширенной части фундамента покрыта гладко затертым слоем раствора, начинающимся у внешней (фасадной) лицевой поверхности древней (домонгольской) кладки стены (Гусева, Иоаннисян, Стеценко 1982: 72). По своему характеру эта затирка идентична цемяночным полам храмов Ладоги и Новгорода XII в. Небольшой участок такого пола был обнаружен при раскопках 1978 г. и у западной грани северо-восточного столба (Гусева, Иоаннисян, Стеценко 1982: 72). Возможно, что

растворная затирка (пол) у центрального уширения с внешней стороны западной стены являются полом западного притвора. К сожалению, раскопки в возможных местах примыкания стен и фундаментов притвора к западной стене храма в 1978 г. провести не удалось, поэтому единственным свидетельством в пользу существования притвора остаются описанные выше остатки цемяночного пола.

Как уже сказано, восточные столбы храма изначально имели Г-образную форму, а западные — крестчатую (рис. 11–12). Их крестчатость начиналась не от основания столбов, где они имели прямоугольное сечение, а на полметра выше (Гусева, Иоаннисян, Стеценко 1982: 72). Таким образом, по первоначальному замыслу строителей западные столбы имели своеобразный стилобат, заставляющий вспомнить о

Рис. 9. Старая Ладога. Никольский собор. Выступ фундамента к востоку от юго-западного столба. Западная часть выступа

Рис. 10. Старая Ладога. Никольский собор. Выступ фундамента к востоку от юго-западного столба. Восточная часть выступа

Рис. 11. Старая Ладога. Никольский собор. Фрагмент юго-западного столба

базах столбов византийских храмов. Однако, вскоре создатели храма отказались от такой формы и заложили закрестия между лопатками на гранях столбов, превратив их в квадратные на всю высоту. Тогда же, судя по характеру закладки, была изменена и форма восточных, Г-образных, столбов, которые в результате этого также приобрели квадратное сечение. Исследования 1978 г. позволили уточнить время, когда были выполнены угловые закладки столбов, изменившие их форму. На юго-западном, изначально крестчатом, столбе были расчищены участки древней фресковой живописи, сохранившейся на поверхности внутренних углов закрестия (рис. 14). При этом было установлено, что грунт фрески уходит под закладку, а сам красочный слой начинается только выше закладки, отделяясь от находящегося под закладкой грунта графьей (Гусева, Иоаннисян, Стеценко 1982: 72). Таким образом, становится очевидно, что закладки, изменившие форму столбов, были сделаны в процессе росписи храма, очевидно, почти сразу после его постройки.

Степень сохранности кладки стен и столбов древнего храма в различных частях здания неодинакова, наибольшая высота ее — в столбах (юго-восточном и двух западных), где она сохранилась на высоту до пят сводов подцерковья. В нескольких исследованных участках северной и южной стен собора найдена кладка, сохранившаяся на пять-девять рядов, в большинстве же мест — лишь

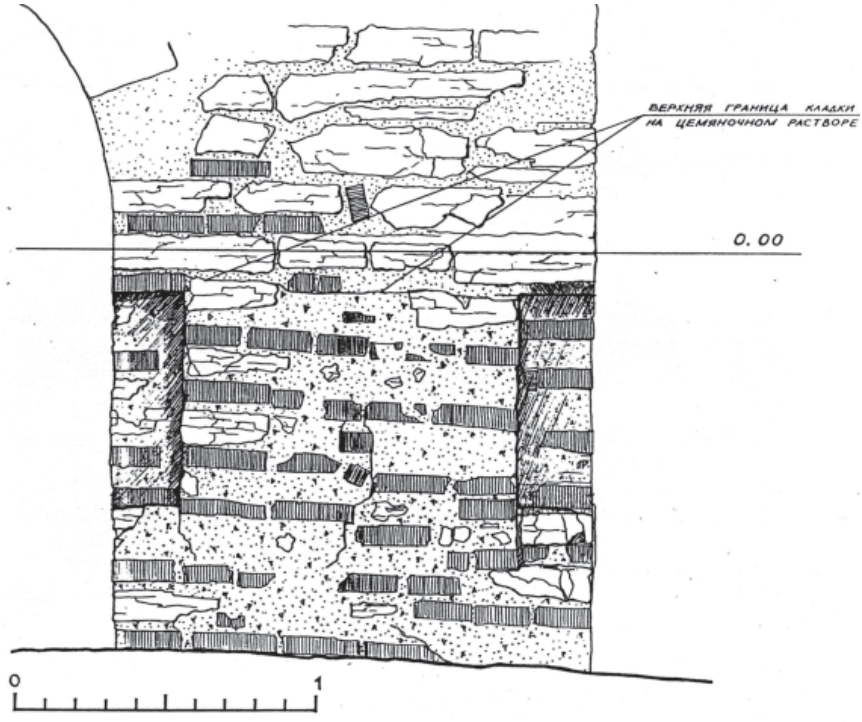


Рис. 12. Старая Ладога. Никольский собор. Юго-западный столб. Восточная грань

на один-три ряда; на некоторых участках она совсем не сохранилась[1] (Гусева, Иоаннисян, Стеценко 1982: 72). Тем не менее, благодаря исследованиям 1978 г., удалось представить общую конфигурацию плана домонгольского Никольского собора и предложить его реконструкцию (Гусева, Иоаннисян, Стеценко 1982: рис. 1, *б*).

Следует отметить еще одну особенность кладки западных столбов, прослеженную в ходе исследований 1978 г. Установлено, что ряды плитняка, чередующиеся с рядами плинфы, лежат не заподлицо с плинфяной кладкой, а слегка утоплены внутрь массива столбов. Возникающий в результате этого довольно широкий зазор в плоскости граней столбов между рядами плинфы замаскирован цемяночной затиркой. Таким образом, возникает кладка, близкая кладке со скрытым рядом (рис. 12, 15), широко применявшейся в зодчестве эпохи Киевской Руси (то есть до второй четверти XII в.), а позднее практически повсеместно (кроме Полоцка) сменившейся равнослойной кладкой.

Публикуя результаты исследований, мы отнесли кладку столбов Никольского собора к типу кладки со скрытым рядом (Гусева, Иоаннисян, Стеценко 1982: 72). Однако это определение следует уточнить. В той же публикации отмечалось, что этот прием соблюдался не строго, и мастера использовали его «лишь в тех случаях, когда нужно было скрыть неровности лицевой поверхности каменных плит» (Гусева, Иоаннисян, Стеценко 1982: 72). Настоящая кладка со скрытым рядом, применявшаяся в Византии и в памятниках эпохи Киевской Руси, а в XII в. сохранившаяся на Руси только в полоцком зодчестве, всегда выполнялась в чисто плинфяной технике. Если при использовании такой техники и применялись камни, то они всегда (за исключением камней забутовки) выходили на фасад вместе с рядами плинфы, фланкирующими скрытый ряд (Раппопорт 1994: 75). Широкие полосы, состоящие из трех рядов плинфы, один из которых оказывался скрытым, использовались для выравнивания рядов кладки из камня (Ousterhout 1999: 174; Ötuken 1990: 395–410). Принцип использования «скрытого ряда» в Никольском соборе совершенно иной, прямо противоположный классическому скрытому ряду. Здесь растворной затиркой закрываются именно ряды камня, в обилии применявшегося новгородскими, псковскими и ладожскими строителями. Волховский плитняк, использовавшийся новгородскими и ладожскими мастерами, легко ломается, однако имеет довольно хрупкую кристаллическую структуру, что не дает возможности гладко обтесывать грани изготовленных из него строительных блоков. Это обстоятельство не давало возможности строителям вести отвесную стеновую кладку и, поэтому они нашли своеобразный прием выравнивания неровностей стенной поверхности, которые неизбежно возникали при выведении рядов плитняка на плоскость стен, фасадов и граней столбов. Строители стали прятать неровные торцовые поверхности каменных блоков внутрь кладки, а возникший в результате этого зазор между рядами плинфы, лежащими под рядом плитняка и над ним, стали маскировать растворной затиркой на ли-

[1] Например, в северной половине жертвенника.

Рис. 13. Старая Ладога. Никольский собор. Северо-восточный столб

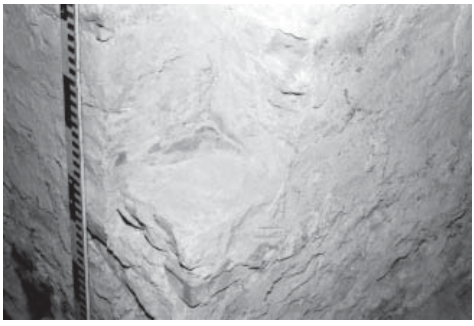


Рис. 14. Старая Ладога. Никольский собор. Остатки росписи в закрести юго-восточного угла юго-западного столба после разборки закладки

Рис. 15. Старая Ладога. Никольский собор. Перемежающиеся ряды плинфы и плитняка в кладке юго-западного столба

цевой поверхности стен и граней столбов. Именно такой прием мы и видим в Никольском соборе в Старой Ладоге. Этот прием, действительно, внешне напоминает кладку со скрытым рядом, хотя в действительности таковым и не является. Впервые в новгородско-псковско-ладожском зодчестве он был использован еще в Иоанновском соборе в Пскове (Михайлов 1982: 76), а затем вновь появился в церкви Благовещенья на озере Мячине в Новгороде (Штендер 1980: 232, примеч. 36).

Итак, результаты, полученные в процессе исследований 1978 г., подтвердили ранее высказывавшиеся

М. К. Каргером, А. Н. Кирпичниковым и Г. М. Штендером предположения о том, что стены ныне существующего собора XV–XVI вв. были возведены на древнем фундаменте и остатках стен домонгольского храма, послужившими основанием для новой постройки, при этом план существующего собора почти полностью повторил план древней постройки.

Домонгольский Никольский собор в Ладоге был трехапсидным четырехстолпным одноглавым храмом с западным притвором, угловыми камерами «в уровне хор» и лестницами к ним в толще западной стены, что сближает его с такими памятниками как Спасо-Мирожский собор в Пскове и церковь Климента в Ладоге. Изначально западные столбы храма были задуманы и построены как крестчатые, а восточные имели Г-образную форму, однако вскоре, уже в процессе росписи, углы были заложены до прямоугольного сечения, и все столбы приобрели квадратную в плане форму. Впрочем, судя по нескольким рядам остатков кладки, сохранившихся на фундаментах межапсидных стен, восточные столбы, несмотря на утрату Г-образности, свидетельствующей об обособленности пастофориев в решении восточной части храма, все же остались соединенными в единый массив со стенами, разделяющими апсиды, в которых были устроены проходы из алтаря в жертвенник и диаконник.

На северной и южной стенах храма со стороны интерьера имелись внутренние лопатки, отвечавшие восточным столбам, а западные лопатки в интерьере отсутствовали. Фасады храма делились лопатками на три части. Остатки одной из лопаток, соответствующей юго-западному столбу, были обнаружены в ходе раскопок 1978 г. (Гусева, Иоаннисян, Стеценко 1982: 73).

На реконструкции плана, предложенной нами в публикации 1982 г., угловые западные лопатки на фасадных стенах храма показаны такими, какими они могли бы быть у большинства новгородских храмов, построенных как в первой, так и во второй половине XII в., то есть — расположенными таким образом, что между западными лопатками северного и южного фасадов и крайними боковыми лопатками западного фасада имеется закрестие (Гусева, Иоаннисян, Стеценко 1982: рис. 1, *б*). К сожалению, раскопки под западными углами здания не проводились, поэтому реконструкция этой части плана была выполнена по аналогии с планами других новгородских планов. По всей видимости, такое решение следует пересмотреть. На плане сохранившегося здания Никольской церкви XV–XVI вв. мы видим иное решение угловых западных частей плана (рис. 4): лопатки на углах здания не образуют закрестий, а сходятся под прямым углом, образуя угловые выступы. (Гусева, Иоаннисян, Стеценко 1982: рис. 1, *а*). Такое решение западных углов здания не характерно для новгородского зодчества ни XII, ни XV в. Однако, оно существует в одном из ладожских же памятников 50–60-х годов XII в. — церкви на р. Ладожке, остатки которой были еще в XIX в. изучены Н. Е. Бранденбургом (Бранденбург 1896: 127–128, 320, табл. LX). В то же время этот композиционный прием типичен для памятников черниговского, киевского, волынского и смоленского зодчества XII в. Появление ее в церкви на Ладожке связано с воздействием

традиций южно-русского зодчества на строительство в Ладоге в XII в.

Мастера, перестраивавшие в XV — начале XVI в. древние церкви, как правило, повторяли их архитектурные особенности во вновь построенных на старых основаниях зданиях (Новоселов 2003: 98–105; Антипов 2007: 96–117). По-видимому, можно считать, что и такая уникальная для новгородского зодчества особенность, как сходящиеся на углах лопатки, появилась в новой Никольской церкви не случайно и также повторила особенность, свойственную ее предшественнице. Поэтому, теперь, оценив по-новому конструктивные и архитектурные особенности домонгольской Никольской церкви в Ладоге и, учитывая большое количество и очевидных, и, возможно, существовавших архитектурных форм, мы считаем необходимым предложить несколько иной вариант реконструкции плана древней Никольской церкви (рис. 16).

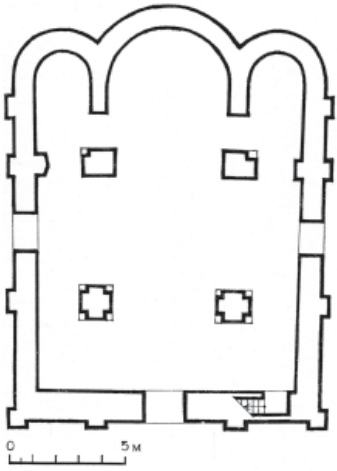


Рис. 16. Старая Ладога. Никольский собор домонгольского времени. Реконструкция

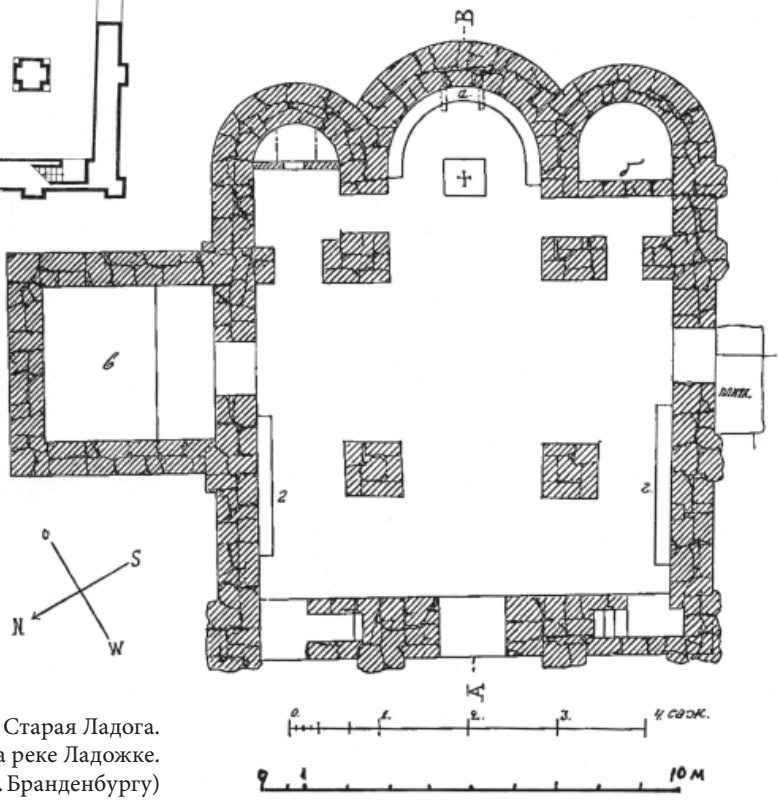


Рис. 17. Старая Ладога. Церковь на реке Ладожке. План (по Н. Е. Бранденбургу)

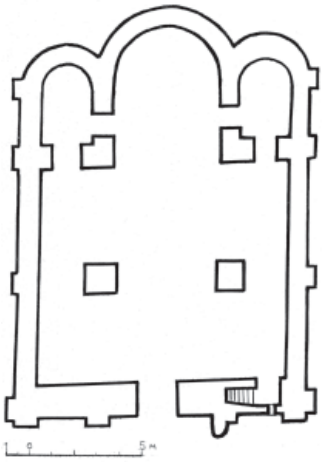


Рис. 18. Старая Ладога. Успенский собор. План

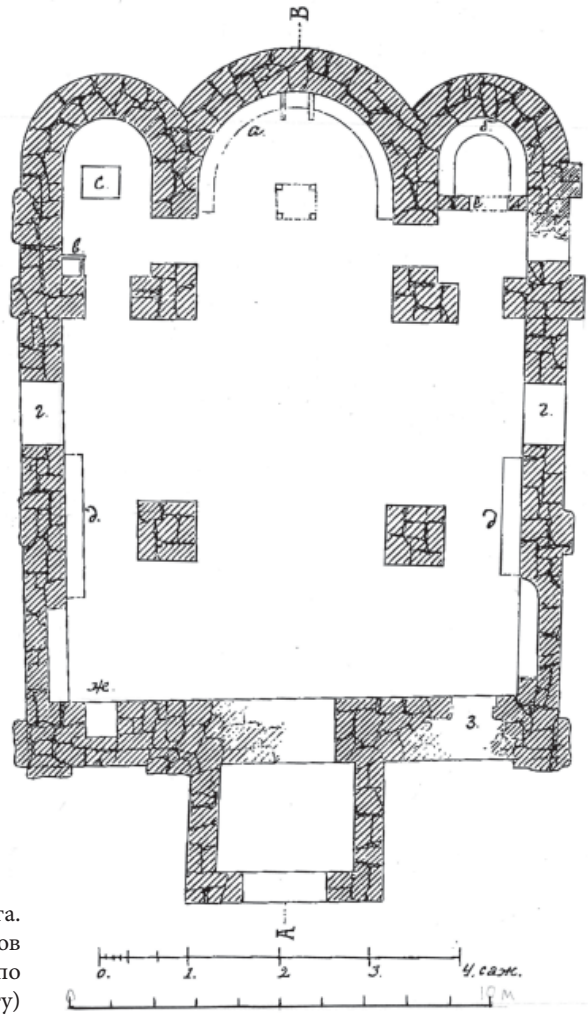


Рис. 19. Старая Ладога. Церковь на р. Волхов (церковь Спаса). План (по Н. Е. Бранденбургу)

Домонгольская Никольская церковь оказывается во многом близка к церкви на р. Ладожке (рис. 17). С одной стороны, в ней изначально присутствовали черты, связывающие ее с другими памятниками, возведенными в Ладоге в 1150–1160-х гг. (Успенский собор, церковь Спаса, церковь Георгия, см.: рис. 18–20): Г-образность восточной пары столбов, которая в сочетании с обращенным в их сторону выступом внутренних восточных лопаток создает обособленность восточных пастофориев, имеющуюся у таких памятников, как Спасо-Мирожский собор во Пскове и церковь Климента в Ладоге (рис. 7, 21), и отсутствие западных внутренних лопаток. Но, с другой стороны, в Никольской церкви была особенность, которую мы отметили в церкви на р. Ладожке: решение западных углов, а также лестница (а, возможно, и две) в западной стене.

Сочетание этих особенностей заставляет нас пересмотреть и данную нами

ранее датировку Никольского собора. Сразу после завершения исследований памятника мы датировали древний собор второй половиной XII в. (Иоаннисян, Гусева, Стеценко 1978: 12). Позднее, нами же была предложена другая датировка собора — 30–40-е гг. XIII в. (Гусева, Иоаннисян, Стеценко 1982: 73). Основанием для такой датировки послужил формат кирпича, встречающегося в кладке домонгольских частей собора — при нормальных для середины-второй половины XII в. (26,5–28×17–18 см) размерах ложка и тычка (Гусева, Иоаннисян, Стеценко 1982: 73; ср.: Штендер 1977: 443; Раппопорт 1982: 198–199), плинфа Никольского собора имеет очень большую толщину — 6,5–7 см (Гусева, Иоаннисян, Стеценко 1982: 73), что, по мнению Г. М. Штендера, приближает ее к брусковому кирпичу новгородских построек конца XIII–XIV вв. (Штендер 1976: л. 5). Именно им и была подсказана авторам исследования собора датировка XIII в. (Штендер 1984: 28, табл. 2, № 52, табл. 3, № 52). Так же, на основании формата плинфы, датировал памятник и П. А. Раппопорт (Раппопорт 1982: рис. 4, шкала).

Эта датировка была принята некоторыми исследователями (Соленикова 1994: 236; Прудников 1995: 134, 142, примеч. 6; Мильчик 2002: 290, 292–293) и только недавно стала подвергаться сомнению. Первым сделал это Б. Г. Васильев, который при анализе фрагментов фресковой живописи, найденных в ходе раскопок в Никольском соборе, обратил внимание на то, что все особенности техники и стиля фресок этого памятника «родственны работе отдельных артелей 50–60-х годов XII в.» (Васильев 1994: 73). Как отмечает Б. Г. Васильев, «анализы штукатурного грун-

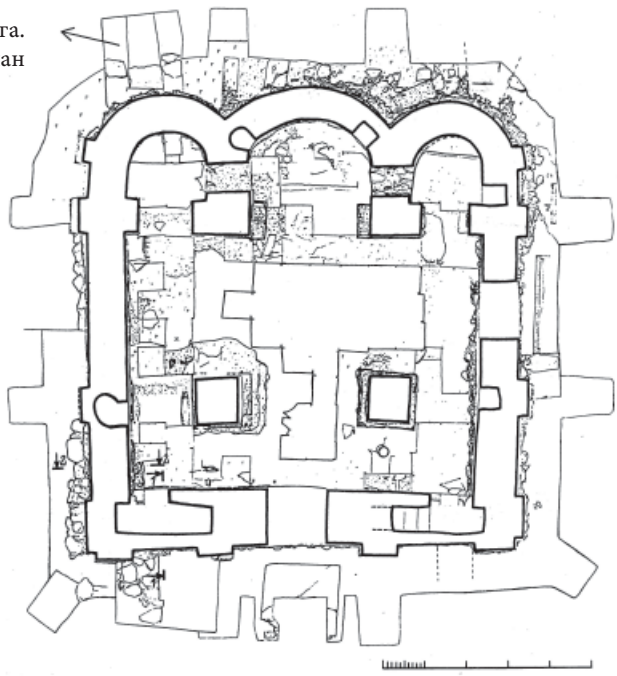


Рис. 20. Старая Ладога. Церковь Георгия. План (по С. В. Лалазарову)

та ц. Николая Чудотворца показали полную идентичность технологии его приготовления со всеми известными памятниками Ладоги XII в.» (Васильев 1994: 67). Поразительное единство технологических приемов, использованных при приготовлении не только грунтов, но и пигментов, а также связующих материалов фресковых росписей Никольского собора с другими памятниками Ладоги выявили и физико-химические исследования фрагментов Никольских росписей, проведенные Е. Ю. Медниковой (Медникова 1982: 13). Более того, Е. Ю. Медникова даже пришла к выводу о том, что анализы фресок всех церквей Старой Ладоги (и Никольского собора в том числе), позволяют сделать вывод, что они сделаны одной артелью с хорошо усвоенными навыками приготовления и грунтов, и красок (Медникова 1982: 13). Наблюдения Б. Г. Васильева позволили ему сделать вывод и о единстве технических приемов письма, которые наблюдаются во фресках Никольского собора и росписях остальных храмов Ладоги (Васильев 1994: 76). Оговаривая, что выводы приходится делать на основании сильно фрагментированных росписей, исследователь отмечает, что «техника письма и метод владения им художниками Никольского храма, судя по орнаментам, одеждам, сложным живописным участкам, оказывается в промежутке между фресками церквей Успения и Георгия в Ладоге» (Васильев 1994: 70). Особенную близость, как отмечает Б. Г. Васильев, фрагменты росписей из Никольского собора имеют с фресками церкви Георгия (Васильев 1994: 74). На основании этого он делает вывод о том, что «весьма вероятным представляется, что эти храмы расписывались не только в близкое время, но, возможно, и одной артелью» (Васильев 1994: 74).

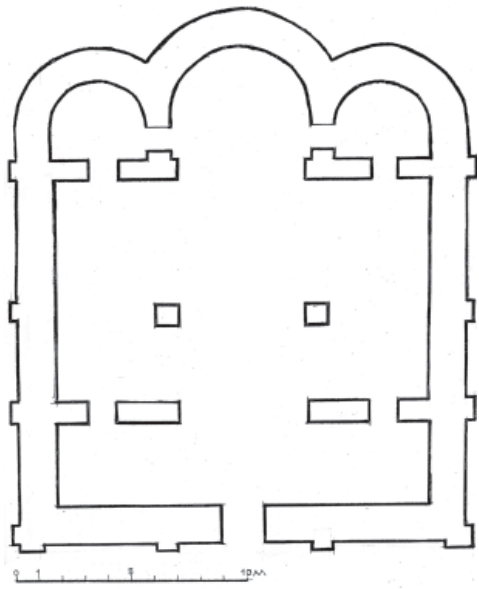


Рис. 21. Старая Ладога. Церковь Климента. План

Если это действительно так (а выводы Б. Г. Васильева представляются весьма убедительными), то тогда росписи Никольского собора следует датировать не 30–40-ми XIII в., а 60-ми гг. XII в., так как время росписей церкви Георгия, которые наиболее близки Никольским фрескам, определяется довольно хорошо и относится именно к этому времени (Лазарев 1960:).

Б. Г. Васильев также обратил внимание на то, что плинфы толщиной 6,5–7 см, послужившие главной причиной датировки Никольского собора 30–40-ми гг. XIII в., встречаются и в церкви Климента. Таким образом, одного этого параметра не достаточно для исключения Никольского собора из компактной хронологической группы ладожских памятников 50–60-х гг. XII в. и отнесения его к XIII в. (Василь-

ев 1994: 76). Именно замечание Б. Г. Васильева, первым опубликовавшего известное, как будто, всем исследователям использование разноформатной плинфы в одном памятнике напоминает о необходимости учитывать его при датировках храмов.

Действительно, как показали исследования, проведенные Г. М. Штендером, в кладке памятника, относящегося еще к первой половине XII в. — собора Антониева монастыря в Новгороде — уже присутствуют плинфы большой толщины, которая, даже превышает толщину плинф Никольского собора и достигает 8–9 см (Штендер, Ковалева 1980: 56). При этом толстые плинфы присутствуют не в нартексе, который был достроен в 30–40-х гг. XII в., а в кладке основного объема, возведенного еще в 1117–1119 гг. (Штендер, Ковалева 1980: 56). Последние исследования Мономахова собора в Суздале — памятника, датирующегося еще более ранним временем (рубеж XI и XII вв.) — выявили наличие плинф большой толщины (6,5 см) и в его кладке (Иоаннисян, Зыков, Торшин 1997: 58). Н. В. Новоселов отмечает наличие плинф, близких плинфе Никольского собора, и в памятнике, хронологически более близком ему и, что очень важно, принадлежащего к той же строительной традиции, однако также возведенного в пределах еще первой половины XII в. — церкви Дмитрия (Новоселов 2002: 31).

Кстати, как отмечает Б. Г. Васильев, и в Никольском соборе плинфа с толщиной 6,5–7 см является далеко не единственным форматом (Васильев 1994: 74–76).

Таким образом, большая толщина отдельных плинф, встреченных при исследованиях Никольского собора в Ладоге, не может служить аргументом в пользу его датировки 30–40-ми гг. XIII в. Напротив, характер плана здания, особенности плана и конструкции фундаментов, характер кладки (там, где ее можно проследить — в основном, в столбах подклета нынешнего здания), а также техника и технологические особенности фресок свидетельствуют о том, что Никольская церковь принадлежит к той же хронологически компактной группе ладожских построек 50–60-х гг. XII в., что и церкви Успения, Георгия и храмы на Ладожке и на Волхове. Гораздо сложнее определить его место внутри этой группы. Несомненно, Никольская церковь не замыкает этот ряд, как до сих пор считало большинство исследователей, а находится где-то в середине, если не в начале, этого ряда, который открывается церквями Климента и Успения, а завершается, по-видимому, церковью Георгия. Повторим отличительные особенности Никольской церкви, позволяющие сделать такой вывод: замеченная Б. Г. Васильевым и Е. Ю. Медниковой близость фресковых фрагментов Никольского собора росписям церкви Георгия, а также решение западных углов здания, среди ладожских памятников находящая себе аналогии только в церкви на Ладожке.

Еще одним аргументом в пользу датировки Никольского собора XII, а не XIII в. служит отмеченный нами выше прием использования в кладке утопленных блоков плитняка, затертых на лицевой поверхности стены слоем раствора. Этот довольно редкий для древнерусского зодчества прием находит себе прямую аналогию в Иоанновском соборе в Пскове (1130-е гг.) и в

церкви Благовещенья на озере Мячине в Новгороде — памятнике, который был возведен во второй половине XII в. (1179 г.) вскоре после возвращения артели из Ладоги в Новгород (Михайлов 1982: 76; Штендер 1980: 232, примеч. 36). Это свидетельствует о том, что Иоанновский собор во Пскове, Никольский собор в Ладоге и церковь Благовещенья на Мячине в Новгороде, дата которой точно зафиксирована летописью (НПЛ: 36), возводились в русле одной и той же строительной традиции, поэтому ладожский собор хронологически не должен выходить за пределы круга памятников XII в.

Литература

1. *Антипов 2007* — Антипов И. В. Новгородские храмы «на старой основе» 1430–1460-х годов // Seminarium Bulkinianum. II. СПб. 2007.

2. *Бранденбург 1896* — Бранденбург Н. Е. Старая Ладога. СПб. 1896.

3. *Васильев 1984* — Васильев Б. Г. Старая Ладога. Архитектурные памятники XII–XIII веков. Л. 1984.

4. *Васильев 1994* — Васильев Б. Г. Фрески церкви Николая чудотворца в Старой Ладоге // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. Сборник статей к 75-летию В. Д. Белецкого. СПб. 1994.

5. *Гладенко, Красноречьев, Штендер, Шуляк 1964* — Гладенко Т. В., Красноречьев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М. Архитектура Новгорода в свете последних исследований. // Новгород. К 1100-летию Новгорода. М. 1964.

6. *Гусева 2007* — Гусева О. Г. Собор Староладожского монастыря в XVI веке // Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация. Великий Новгород. 2007.

7. *Гусева, Воинова 1995* — Гусева О. Г., Воинова И. Л. К вопросу о датировке Успенской церкви в Старой Ладоге // Храм и культура. Вып. 8. СПб. 1995.

8. *Гусева, Иоаннисян, Стеценко 1982* — Гусева О. Г., Иоаннисян О. М., Стеценко Н. К. Исследование Никольского собора в Старой Ладоге // КСИА, № 172. М. 1982.

9. *Зверинский 1892* — Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. 2. СПб. 1892.

10. *Иоанн 1865* — Иоанн, игумен. Историко-статистическое описание заштатного Николаевского монастыря. СПб. 1865.

11. *Иоаннисян, Гусева, Стеценко 1979* — Иоаннисян О. М., Гусева О. Г., Стеценко Н. К. Раскопки в Никольском монастыре в Старой Ладоге // АО-1978. М., 1979.

12. *Иоаннисян, Зыков, Торшин 1997* — Иоаннисян О. М., Зыков П. Л., Торшин Е. Н. Работы Архитектурно-археологической экспедиции в 1996 году // Государственный Эрмитаж. Отчетная археологическая сессия за 1996 год. Тезисы докладов. СПб. 1997.

13. *Историко-статистические 1871* — Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 2, СПб. 1871.

14. *Кирпичников 1976* — Кирпичников А. Н. Архитектурно-археологические открытия в Старой Ладоге // АО-1975. М. 1976.

15. *Лазарев 1960* — Лазарев В. Н. Фрески Старой Ладоги. М. 1960.

16. *Лазарев 1973* — Лазарев В. Н. Древнерусские мозаики и фрески. М. 1973.

17. *Лалазаров 2002* — Лалазаров С. В. Два этапа строительства церкви Георгия в Старой Ладоге // Древнерусское искусство. Русь и страны византийского мира. XII век. СПб. 2002.

18. *Медникова 1982* — Медникова Е. Ю. Отчет по физико-химическим исследованиям образцов пигментов из коллекции Староладожского музея. Рукопись // Архив ИИМК РАН, № 4229-к. 1982.

19. *Мильчик 1979* — Мильчик М. И. Церковь Георгия в Старой Ладоге // СА. № 2. 1979.

20. *Мильчик 2002* — Мильчик М. И. Еще раз о хронологии каменного строительства XII в. в Пскове и Ладоге // Древнерусское искусство. Русь и страны византийского мира. XII век. СПб. 2002.

21. *Михайлов 1982* — Михайлов С. П. Исследование собора Иоанна Предтечи в Пскове // КСИА, № 172. М. 1982.

22. *Новоселов 2002* — Новоселов Н. В. От Благовещенья до Благовещенья. Строительное производство Новгородской земли в период сложения местной архитектурной школы. СПб. 2002.

23. *Новоселов 2003* — Новоселов Н. В. Архитектурные особенности ладожских храмов XII в. и постройки новгородско-псковского зодчества на «старой основе» // Ладога первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. СПб. 2003.

24. *НПЛ* — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л. 1950.

25. *Приложение 1964* — Приложение // Новгород. К 1100-летию Новгорода. М. 1964.

26. *Прудников 1995* — Прудников О. А. Относительная хронология ладожских храмов XII века // Храм и культура. Вып. 8. СПб. 1995.

27. *Раппопорт 1982а* — Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников // САИ. Е1–47. Л. 1982.

28. *Раппопорт 1982б* — Раппопорт П. А. Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества // Новгородский исторический сборник. Вып. 1 (11). Л. 1982.

29. *Раппопорт 1994* — Раппопорт П. А. Строительное производство Древней Руси. X–XIII вв. СПб. 1994.

30. *Сарабьянов, Васильев, Лалазаров, Рождественская 2002* — Сарабьянов В. Д., Васильев Б. Г., Лалазаров С. В., Рождественская Т. В. Церковь Георгия в Старой Ладоге. М. 2002.

31. *Староладожский 1862* — Староладожский Николаевский монастырь. СПб. 1862.

32. *Соленикова 1994* — Соленикова Е. В. К вопросу о времени строительства домонгольских храмов Старой Ладоги (в связи с проблемой «заказчика») // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. Сборник статей к 75-летию В. Д. Белецкого. СПб. 1994.

33. *Штендер 1976* — Штендер Г. М. Рецензия на эскизный проект реставрации собора Никольского монастыря Старой Ладоги, выполненный архитектором А. Н. Милорадовичем. 1975. Рукопись // Архив Санкт-Петербургского научно-исследовательского и проектного института по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация». 1976.

34. *Штендер 1977* — Штендер Г. М. О ранних Федоровских храмах древнего Новгорода // ПК НО-1977. М. 1977.

35. *Штендер 1980а* — Штендер Г. М. Комментарии // Каргер М. К. Новгород. Л. 1980.

36. *Штендер 1980б* — Штендер Г. М., Ковалева В. М. О формировании древнего архитектурного облика собора Антониева монастыря в Новгороде // КСИА, № 171. 1980.

37. *Штендер 1984* — Штендер Г. М. Архитектура Новгородской земли XI–XIII веков. Диссертация на сосискание ученой степени кандидата архитектуры в форме научного доклада о результатах выполненных и опубликованных исследований, произведенных в процессе реставрационных работ. Л. 1984.

38. *Ousterhout 1999* — Ousterhout R. Master Builders of Byzantium. Princeton. 1999.

39. *Ötuken 1990* — Ötuken Y. Bizans Duvar Teknipinde Tektonik ve Estetik Зцгьmler // Vakiflar Dergisi, 21. Istanbul. 1990.

Dating of the Church of St. Nickolas in Staraya Ladoga

O. G. Guseva & O. M. Ioannisyan

This article deals with one of the pre-Mongolian temples of Ladoga — the Church of St. Nickolas, investigated by Mikhail K. Karger in 1970 and 1974, by Anatoliy N. Kirpichnikov in 1975 and by the present authors in collaboration with Nina K. Stetsenko in 1978. During studies of 1978, a reconstruction of the temple's plan was fulfilled and published in 1982. The site was then dated to the first half of the 13th century. New analysis of results of the studies of 1978, as well as a comparison of the features of the Church of St Nickolas with those of other pre-Mongolian temples of Ladoga, Pskov and Novgorod, has driven the authors to review the reconstruction of the plan and the dating of the temple. At present, it becomes clear that the temple under consideration was built by the same masters as the other Ladoga temples and it may be dated to the 1150s–1160s AD.

Т. Н. Джаксон

Мечи викингов

Эта небольшая «коллекция» мечей — мой подарок крупнейшему специалисту по мечам эпохи викингов, Анатолию Николаевичу Кирпичникову, к его прекрасному юбилею. Статья не представляет собой исследования — это лишь три описания мечей, встречающиеся в памятниках древнескандинавской письменности, с небольшим сопутствующим комментарием.

Меч — «источник света»

Мой первый меч — светоносный. Об этих свойствах меча говорится в «Младшей Эдде» Снорри Стурлусона, уникальном литературном произведении, созданном в Исландии в начале XIII в. (1222–1225 гг.) и не имеющем аналогий в мировой литературе. Автором «Младшей Эдды» был знаменитый исландский хёвдинг, политик и историк Снорри Стурлусон. Один раздел этой книги — «Видение Гюльви» — содержит мифы и всевозможные сведения о скандинавских языческих богах; другой — «Язык поэзии» — является чем-то вроде учебника скальдического искусства, в котором мифы и сказания приводятся для пояснения используемых скальдами *хейти* (поэтических синонимов) и *кеннингов* (дву- или многочленных заменителей существительных обыденной речи). Самый простой пример, который всегда приводят для объяснения того, что такое кеннинг, — «корабль = конь моря». А вот в кеннингах меча присутствует составляющая «огонь»: «огонь крови», «огонь ран», «огонь Одина». Почему «огонь» и почему он связан именно с верховным божеством скандинавского пантеона Одином, мы узнаём из рассказа о морском великане Эгире:

> Одного человека звали Эгир или Хлер. Он жил на острове, что теперь называется Лесе. Он был изрядно сведущ в колдовстве. Он держал раз путь в Асгард, и, ведая о том, асы радушно его приняли, хотя не обошлось тут и без обманных чар. Вечером, как настало время для пира, О́дин велел внести в палату *мечи*. И они *так сверкали, что там стало светло, и*, пока все сидели за пиром, *не нужно было другого огня* (Младшая Эдда: 97; здесь и далее в цитатах курсив мой — *Т. Д.*).

В рассказе Снорри происходит как бы материализация метафорического словосочетания «сверкающие мечи»,

отражающего то реальное впечатление, которое производит на очевидца сражения разящий, острый, светлый стальной меч, — принесенные в палату мечи становятся источником света. Близко по семантике описан тот меч, которым Беовульф отсек голову Гренделю: «И тут победный / *меч изнутри* / *озарился светом* — / так ранним утром / горит на тверди / свеча небесная» (Беовульф: 1569–1574). «Сверкающие мечи» проходят через всю поэзию от глубокой древности до современности: «На поясе Нидуда / *меч* мой *сверкает*» (Старшая Эдда; Песнь о Вёлунде: 18); «Были кольчуги видны без труда, / светлые шлемы, *мечи* их *сверкали*. / Русским порядком они наступали» (Хроника Эрика: 1537–1539); «*Сверкай, мой меч*! играй, мой меч! / Лети, губи, как змей крылатый! / Пируй, гуляй в раздолье сеч! / Щиты их в прах! в осколки латы!» (Ф. Н. Глинка. Слова Адонаи к мечу (из Исайи)); *Меч* остр, я зрю, везде *сверкает*, / В различных видах смерть летает, / Над гордою главой паря» (Радищев. Ода «Вольность»); «Иный чудовище сражает — / Бесплодно *меч* его *сверкает*…» (А. С. Пушкин. Руслан и Людмила); «На испытанном луке дрожит тетива, / И все шепчет и шепчет *сверкающий меч*. / Он, безумный, еще не забыл острова, / Голубые моря нескончаемых сеч» (Н. С. Гумилев. После победы).

Снорри Стурлусон еще раз упоминает сверкающие мечи, перечисляя и комментируя различные кеннинги золота:

> Почему золото называют «огнем Эгира»? Это объясняет уже упомянутый рассказ об Эгире. Он был на пиру в Асгарде и, собравшись в обратный путь, пригласил Одина и всех асов прийти к нему в гости через три месяца. И отправились в путь Один и Ньёрд, Фрейр, Тюр, Браги, Видар, Локи, а с ними и богини Фригг, Фрейя, Гевьон, Скади, Идунн, Сив. Тора с ними не было: он тогда уехал на восток бить великанов. Когда боги расселись по местам, Эгир приказал внести в палату светящееся золото, и оно, как огонь, озарило всю палату и *светило* во время пира, *подобно тем мечам, что служили вместо огня в Вальгалле* (Младшая Эдда: 126–127).

Меч — подарок и отдарок

Мой второй меч — отдарок, ответный дар. Как нередко рассказывается в исландских королевских сагах, норвежские конунги дарили мечи своим приближенным и соратникам, дарили за службу, за верность, в знак дружбы и расположения. Так учит и одна из песней «Старшей Эдды — «Речи Высокого», — представляющая собой собрание афоризмов житейской мудрости: «Оружье друзьям / и одежду дари — / то тешит их взоры; / друзей одаряя, / ты дружбу крепишь, / коль судьба благосклонна» (Старшая Эдда; Речи Высокого: 41). У конунгов также было в обычае щедро одаривать скальдов, сочинявших хвалебные песни в их честь. Это был ответный дар в соответствии со старинной мудростью, советующей «одарять за подарки» (Старшая Эдда; Речи Высокого: 42). Е. А. Гуревич даже считает, что скальды воспринимали свои хвалебные песни как «товар, в обмен за который скальд был вправе рас-

считывать на богатое вознаграждение от прославляемого в ней правителя» (Гуревич, Матюшина 2000: 249).

Снорри Стурлусон в «Саге об Олаве Харальдссоне», центральной саге свода королевских саг «Круг земной» (ок. 1230 г.), немало внимания уделяет взаимоотношениям конунга Олава Харальдссона (1014–1028) и его скальда на протяжении пятнадцати лет, исландца Сигвата Тордарсона (ок. 995 — ок. 1045 гг.). Сигвату принадлежат «Викингские висы», рассказывающие о юношеских годах Олава, поэма о первом большом сражении Олава на норвежской земле («Висы о битве у Несьяра»), и многое другое. Незадолго до того эпизода, который будет процитирован ниже, в саге рассказывается, как скальд посетил в Англии Кнута Великого, противника Олава, претендовавшего в это время на Норвегию и подкупом привлекавшего на свою сторону людей Олава. Скальд вернулся в Норвегию и, холодно встреченный Олавом, произнес такую вису:

Кнут сказал: с охотой
Меня б он, как храбрый
Олав, взял, на кольца
Щедр, к себе в дружину.
Я ж в ответ: не служит
Скальд, и не пристало
Мне служить — я словом
Прям — вождям обоим.

После этого, как говорит сага, Олав разрешил скальду сесть на свое обычное место, и вскоре скальд «снова был у конунга в чести» (Круг Земной: 319). Тут пришло Рождество, и начались празднества:

Олав конунг пригласил много народа на йоль, и к нему приехало много знатных людей. На седьмой день йоля конунг вышел из палат. С ним было несколько человек. Сигват, который не расставался с конунгом ни днем, ни ночью, тоже был с ним. Они вошли в дом, где у конунга хранились сокровища. Конунг по обыкновению распорядился о больших приготовлениях к празднику. Он собирался на восьмой вечер йоля раздать подарки своим друзьям. В доме было *немало мечей, отделанных золотом*. Сигват тогда сказал:

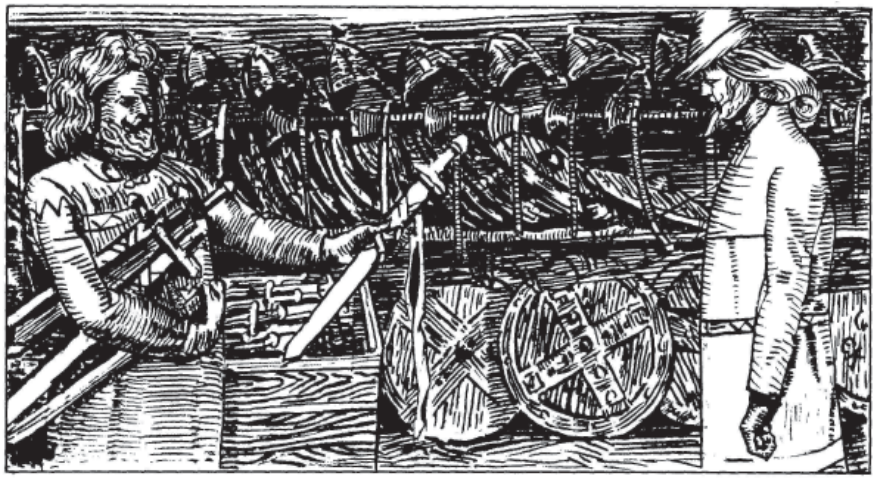


Рис. 1. Конунг Олав дает меч скальду Сигвату. Иллюстрация к изданию норвежского перевода «Круга земного» 1900 г. Рисунок Кристиана Крога

Вот, стоят — хвала им
Наша — *вёсла навьих*
Рек, покрыты златом.
Знаю щедрость князя.
Ратей вождь, за службу
Доброй сталью скальда
Награди, я ж дар сей
Принять не премину.

Тогда конунг взял один из мечей и дал ему (рис. 1). *У этого меча рукоять была из витого золота и навершие отделано золотом.* Такой меч был большим сокровищем (Круг Земной: 320–321).

Как пишет, со ссылкой на М. Мосса А. Я. Гуревич, обмен дарами являлся универсальным социальным фактом в жизни традиционного общества. Он охватывал «как общественные и экономические, так и религиозные и культурные связи. Обмен подарками укреплял отношения между людьми, упрочивая дружбу и предотвращая конфликты» (Гуревич 2003: 77). Исландские скальды, служившие у норвежских конунгов и преподносившие им хвалебные поэмы, не только гордились ответными подарками как определенными знаками отличия, но также были уверены, что приобщились к удаче того правителя, которого они выбрали себе в покровители. Меч среди такого рода ответных подарков занимал, пожалуй, первое место.

Меч Олава Святого

Мой третий меч — чудесный. Он фигурирует в рассказе о чуде св. Олава. Утром «в среду в четвертые календы августа месяца» (т. е. 29 июля) 1030 г. (Круг Земной: 367) норвежский конунг Олав Харальдссон готовился к своей последней битве против войска лендрманнов и бондов при Стикластадире. Снорри Стурлусон описывает, среди прочего, как Олав был экипирован:

Олав конунг был вооружен так: на голове у него был позолоченный шлем, в одной руке — белый щит со святым крестом из золота, в другой — копье, которое стоит теперь в алтаре в Церкви Христа, *у пояса — меч Хнейтир, очень острый меч с рукоятью, обвитой золотом.* На конунге была кольчуга (Круг Земной: 355).

Конунг рьяно сражался, но противники оказались намного сильнее:

Тут Торстейн Корабельный Мастер нанес Олаву конунгу удар секирой. Удар пришелся по левой ноге выше колена. Финн сын Арни тотчас сразил Торстейна. *Получив эту рану, конунг оперся о камень, выпустил меч и обратился к богу с мольбой о помощи.* Тогда Торир Собака нанес ему удар копьем. Удар пришелся ниже кольчуги, и копье вонзилось в живот. Тут Кальв нанес конунгу удар мечом. Удар пришелся с левой стороны шеи. Но люди по-разному говорят о том, куда Кальв ранил конунга. От этих трех ран конунг умер. После его гибели пали почти все, кто сражался рядом с ним (Круг Земной: 363).

Процесс превращения конунга Олава в святого начался почти незамедлительно после его гибели, и, согласно Адаму Бременскому, по крайней мере к моменту написания им «Деяний епископов гамбургской церкви» (ок. 1070 г.), культ Олава распространился по всей Скандинавии: «Празднование его [страстей] происходит в 4-е календы августа; вечное почитание его принято у всех народов северного океана — нортманнов, свеонов, готов, [сембов], данов и скла-

вов» (Adam: II, 61). Учреждение культа св. Олава повлекло за собой не только создание литургических текстов, но и возникновение его жития, а также собрания чудес (Holtsmark 1937). Чудеса, совершенные Олавом, упоминаются уже в скальдических стихах, созданных вскоре после его смерти: в поэме Торарина Славослова «Песнь спокойного моря» (1031–1035 гг.), в «Поэме креста» Торда Сьорекссона и в «Поминальной драпе» Сигвата Тордарсона (нач. 1040-х гг.). Дж. Линдоу справедливо полагает, что «чудо, выраженное скальдическим стихом, было для некоторых слушателей более могущественным чудом, чем чудо, описанное в прозе или языком церкви» (Lindow 2008: 120). Однако скальдические стихи не были частью письменной культуры, так что говорить о появлении первого собрания чудес св. Олава можно не раньше, чем через век после его гибели. Некоторое количество чудес описано в поэме «Луч» исландского скальда и священника Эйнара Скуласона, сочиненной им по заказу конунга Эйстейна во славу св. Олава и исполненной им в Церкви Христа зимой 1152/53 г. на церемонии учреждения архиепископской кафедры в Нидаросе (Тронхейме). Вместе с другим материалом источников это указывает на существование еще до 1152 г. десяти «базовых чудес», что в свою очередь означает, что первые чудеса, «вероятно, были записаны в 1140-х гг. или даже раньше» (Mortensen 2000: 97; Mortensen 2006: 257; Mortensen, Mundal 2003: 363–368). Собрание чудес претерпело определенные изменения и, с тех пор как Эйстейн Эрлендссон (нидаросский архиепископ в 1161–1188 гг.) в 1170-х или 1180-х гг. расширил «Passio Olavi» и добавил в него некоторое количество чудес, коллекция включает в себя сорок девять (пятьдесят) чудес. Но то чудо, о котором пойдет речь ниже, входит в число «базовых», описанных еще Эйнаром Скуласоном (Geisli: 43–50). Впрочем, подробный рассказ о нем я приведу в изложении Снорри Стурлусона — по «Саге о Хаконе Широкоплечем» из свода королевских саг «Круг земной»:

В битве при Стикластадире, о которой было написано раньше, случилось, что Олав конунг отбросил свой меч Хнейтир, когда был ранен. У одного человека, шведа родом, сломался меч, и он взял меч Хнейтир и сражался им. Этот человек выбрался из битвы и бежал вместе с другими. Он добрался до Швеции и вернулся к себе домой. *А меч тот* он сохранял всю жизнь. Потом он достался его сыну, и так он *передавался из поколения в поколение*, и каждый, кто передавал меч следующему, говорил, как он называется и откуда он.

Много позднее, во времена Кирьялакса, кейсара Миклагарда, в этом городе были большие дружины варягов. Одним летом, когда кейсар был в каком-то походе и был разбит лагерь, варяги стояли на страже и охраняли конунга. Они расположились в поле, вне лагеря. Всю ночь они по очереди стояли на страже, и те, кто раньше стоял на страже, ложились спать. Они все были в полном вооружении.

У них было в обычае, ложась спать, оставлять шлем на голове, класть щит на себя, а меч — под голову и держать правую руку на его рукояти. Один из этих сотоварищей, которому досталось стоять на страже в конце ночи, проснулся на рассвете и обнаружил, что его меч пропал. Он стал его искать и увидел, что тот лежит в поле далеко от него. Он встал и взял меч. Он думал, что это его товарищи, которые стоят на страже, шутят над ним, унося его меч. Те, однако, отрицали это. То же самое повторялось три ночи. Он сам, а также другие, кто видел или слышал, что происходит, очень удивлялись,

и люди спрашивали его, как такое может происходить. Тогда он сказал, что меч его называется Хнейтир и что он принадлежал Олаву Святому и был у него в битве при Стикластадире. Он рассказал также, что случилось с мечом потом.

Обо всем этом доложили Кирьялаксу конунгу. Тот вслед позвать человека, которому принадлежал меч, и дал ему золота втрое больше, чем стоил меч. *А меч конунг велел отнести в Церковь Олава, которую содержат варяги. Там он всегда и оставался над алтарем.*

Эйндриди Юный был в Миклагарде, когда происходили эти события. Он рассказал о них в Норвегии, как свидетельствует Эйнар сын Скули, в драпе, которую он сочинил о конунге Олаве Святом. В ней воспевается это событие (Круг Земной: 551).

События, описанные Снорри, приурочены ко времени правления византийского императора Алексея I Комнина (1081–1118), который скрывается в саге под именем «Кирьялакса, кейсара Миклагарда». Суть чуда заключается в том, что меч *Хнейтир* («Ранящий»), некогда принадлежавший конунгу Олаву (будущему св. Олаву), «не желает» более оставаться у своего нынешнего владельца (потомка того человека, который подобрал меч на поле боя, но не имел на него никаких прав по рождению), а исчезает несколько раз, пока император не выкупает меч у этого человека и не помещает его над алтарем церкви св. Олава. Это чудо — яркая демонстрация могущества Бога и св. Олава, полагает Д. Уэйли (Whaley 1987: 340). Мне этот вывод представляется слишком общим. Скорее, стоит обратить внимание на то, что среди «базовых» чудес, описанных Эйнаром в поэме «Луч», несколько чудес (и среди них интересующее нас) происходят в далеких от Норвегии странах (Гуревич, Матюшина 2000: 633–636). Поэтому на это чудо надо смотреть, в первую очередь, как на свидетельство широты раннего распространения культа св. Олава. Кроме того, как подчеркнула Е. А. Мельникова, это чудо, как и два других «византийских» чуда св. Олава, фиксирует важный момент для церкви св. Олава в Константинополе, в данном случае — обретение храмом реликвии святого патрона (Мельникова 1996: 98–106).

Итак, мой *светоносный* меч является *отдарком* — ответом на то, как щедро Анатолий Николаевич когда-то подарил мне Ладогу, проведя меня по ней, и как гостеприимно меня в ней в дальнейшем принимал. Я подношу его юбиляру с надеждой, что *чудесный* меч не раз еще окажется в опытных руках исследователя.

Литература

1. *Беовульф* — Беовульф / Пер. В. Г. Тихомирова // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М. 1975.

2. *Гуревич 2003* — Гуревич А. Я. Викинги // Словарь средневековой культуры. М. 2003.

3. *Гуревич, Матюшина 2000* — Гуревич Е. А., Матюшина И. Г. Поэзия скальдов. М. 2000.

4. *Мельникова 1996* — Мельникова Е. А. Культ Св. Олава в Новгороде и Константинополе // Византийский временник. Т. 56. 1996.

5. *Круг Земной* — Снорри Стурлусон. Круг Земной / Издание подготовили А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М. 1980.

6. *Младшая Эдда* — Младшая Эдда / Изд. подготовили О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский. Л. 1970.

7. *Старшая Эдда* — Старшая Эдда / Пер. А. Корсуна // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М. 1975.

8. *Хроника Эрика* — Хроника Эрика / Пер. А. Ю. Желтухина. Выборг. 1994.

9. *Adam* — Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum / B. Schmeidler // Hannover, Leipzig. 1917.

10. *Geisli* — Einarr Skúlason. Geisli // Finnur Jonsson. Den Norsk-Islandske Skjaldedigtning. B — Rettet text. B. I: 800–1200. Kobenhavn. 1973.

11. *Holtsmark 1937* — Holtsmark A. Sankt Olavs liv og mirakler // Festskrift til Francis Bul pÍ 50 Írsdagen. Oslo. 1937.

12. *Lindow 2008* — Lindow J. St Olaf and the Skalds // Sanctity in the North: Saints, Lives, and Cults in Medieval Scandinavia. Toronto. 2008.

13. *Mortensen 2000* — Mortensen L. B. Olav den Helliges mirakler i det 12. Írh.: Streng tekstkontrol eller fri fabuleren? // Olavslegenden og den latinske historieskrivning i 1100-tallets Norge. Copenhagen. 2000.

14. *Mortensen 2006* — Mortensen L. B. Sanctified Beginnings and Mythopoietic Moments: The First Wave of Writing on the Past in Norway, Denmark, and Hungary, *c.* 1000–1230 // The Making of Christian Myths in the Periphery of Latin Christendom (c. 1000–1300). Copenhagen. 2006.

15. *Mortensen, Mundal 2003* — Mortensen L. B., Mundal E. Erkebispesetet i Nidaros — arnestad og verkstad for olavslitteraturen // Ecclesia Nidrosiensis 1153–1537: S, kelys pÍ Nidaroskirkens og Nidarosprovinsens historie. Trondheim. 2003.

16. *Whaley 1987* — Whaley D. The Miracles of S. Óláfr in Snorri Sturluson's Heimskringla // Proceedings of the Tenth Viking Congress. Oslo. 1987.

Viking Age Swords

T. N. Jackson

This article deals with the swords of the Viking Age mentioned in examples of Old Norse-Icelandic literature. The author touches here upon three stories connected with swords, all of them written down by the thirteenth century Icelander Snorri Sturluson. The first one comes from his "Edda", and it qualifies the swords in Valhalla as so bright that light shines from them. The second story is part of "Saint Olaf's Saga" in "Heimskringla" (*c* 1230) by Snorri Sturluson, and deals with the tradition of gift-giving: skald Sigvat receives a precious sword from King Olaf as a 'return gift' for his loyalty and praise poetry. The third story comes from the skaldic poem "Geisli" ("Sunbeam") by Einarr Skúlason (1152/53) and the "Saga of Hakon the Broadshouldered" in "Heimskringla", and relates about a miraculous sword. This sword, called *Hneitir*, had belonged to St Olaf, but finally found its place above the altar in the church dedicated to St Olaf in Constantinople.

И. И. Еремеев

О фортификации городищ пражской культуры Белорусского Полесья

Раскопки последних лет в Приильменье показали, что изучение фортификационных сооружений дает нам важный материал для решения вопросов, связанных с начальными этапами славянского расселения. Наши исследования оборонительной стены с эскарпом V–VI вв. на городище Городок на Маяте в восточном Приильменье и открытие укреплений IX в. с внутривальными срубными конструкциями на Рюриковом Городище (Носов, Еремеев, Дорофеева, Медведева, Хвощинская, Юшкова 2004), ставят на повестку дня вопрос о поиске прототипов этих сооружений на землях, заселенных славянами до колонизации Ильменского региона.

Особое значение приобретает изучение фортификационных приемов на территориях, занятых в V–VII вв. пражской культурой. Для сравнения с материалами Северо-Запада Европейской России, на наш взгляд, в первую очередь важны городища, расположенные на территории Белорусского Полесья — на крайней северо-восточной периферии ареала памятников пражского типа. Принято считать, что здесь находится три пражских городища — Хо-

Рис. 1. Городище Хотомель, вид с юго-запада. Фото И. И. Еремеева (декабрь 2006 г.)

томель, Хоромск и Хильчицы (Вергей 1997: 28, 1999: 320).

Ещё П. А. Раппопорт, отметил, что ключевым вопросом в изучении древнерусской фортификации является происхождение у славян срубного типа укреплений. Такие укрепления были типичны для Руси, но не столь распространены у западных славян, которые при постройке валов предпочитали перекладную (рустовую) технику (Раппопорт 1967: 200, 201). В контексте этой проблемы особое место занимает городище Хотомель (рис. 1).

В научной литературе получило распространение утверждение, что на городищах пражской культуры Белорусского Полесья, укрепленных кольцевыми валами, применялись дубовые внутривальные клети. Именно так интерпретировал Ю. В. Кухаренко результаты своих раскопок на городище Хотомель (Кухаренко 1960: 119; 1961: 8, 23). Данная точка зрения бытует и в научной литературе и сейчас (Вяргей 1997: 28, 29; 1999: 320). Это утверждение переносится и на городище Хильчицы (Вяргей 1997: 28, 29; 1999: 320), в отношении которого Ю. В. Кухаренко ограничился лишь упоминанием того, что «в обнажениях вала городища виднеется много сгоревших бревен» (Кухаренко 1961: 30).

Можем ли мы каким-то образом уточнить наши представления о фортификационных сооружениях пражских городищ Белорусского Полесья? Для этого необходимо внимательно ознакомиться с сохранившейся до наших дней полевой документацией, поскольку публикации исчерпывающей информации не дают.

Городище Хотомель

Памятник считается одним из эталонных для пражской культуры. Нижний слой городища датируется исследователями достаточно широко — рамках VII — начала VIII вв. (Русанова 1958: 44; 1970: 70: 94; 1976: 21). По некоторым данным, гибель его в пожаре произошла не ранее середины VI в. (Гавритухин 2005: 415). В X–XI вв. жизнь на городище и прилегающем к нему селище возобновилась.

При подготовке статьи в нашем распоряжении находился отчет Ю. В. Кухаренко за 1954 г., хранящийся в Научном археологическом архиве Института истории Национальной академии наук Беларуси (Кухаренко 1954), его полевые дневники за 1954, 1955 и 1957 гг. из Архива Института археологии РАН (Кухаренко 1954; 1955; 1957а), а также отчет И. П. Русановой, находящийся в Минске.[1]

Раскопки на городище Хотомель начались в 1954 г. По разным данным в этот год на площадке было вскрыто 928 м^2 (Кухаренко 1957а: 8 об.) или 932 м^2 (Кухаренко 1954: 30; Русанова 1958: 39). Были заложены траншеи на северном и южном склонах площадки, к сожалению, не нашедшие отражения в публикации. В 1955 г. под руко-

[1] Отчет В. Ю. Кухаренко за 1954 г., находящийся в Архиве ИА РАН не может быть использован в работе из-за отсутствия в нем иллюстраций. Документация, оказавшаяся в Минске более информативна, поскольку содержит копии полевых чертежей.

водством К. В. Каспаровой восточный вал городища был прорезан траншеей размером 2×12 м (Кухаренко 1957а: 9). В 1957 г. на городище было дополнительно исследовано 240 м^2 (Кухаренко 1957а: 8 об.). На этот раз раскопом руководил сам Ю. В. Кухаренко, и это единственный полевой сезон на Хотомеле, отраженный в его полевых дневниках. В этом году был заложен раскоп на восточном валу рядом с траншеей К. В. Каспаровой, исследован въезд в северо-восточной части городища и прорезан траншеей западный вал (рис. 2).

Раскопки производились и на селищах при городище. В 1955 г. на восточном селище изучено 716 м^2 (Русанова 1958: 39). Раскопки здесь были продолжены в 1956 г. Всего Ю. В. Кухаренко вскрыл тут 744 м^2 (Кухаренко 1961: 22). На западном селище изучено 300 м^2 (Кухаренко 1961: 22). В 1964 г. И. П. Русанова вернулась к исследованиям в Хотомеле, дополнительно вскрыв на восточном селище 546 м^2. При этом на небольшой площади была раскопана внешняя часть восточного напольного вала (Русанова 1964).

Укрепления городища, согласно описанию Ю. В. Кухаренко, состоят из двух внутренних подковообразных валов на западном и восточном краях площадки, и двух внешних валов. У основания городищенского холма между внутренними и внешними валами вырыты рвы (рис. 3). С напольной стороны внешних валов также вырыты рвы (Кухаренко 1961: 22).

Поскольку городище использовалось в древнерусское время, и его укрепления совершенствовались, сразу же встает вопрос — какая их часть относится к X–XI вв. Очевидно, вслед за И. П. Русановой, мы без колебаний можем отнести к позднему времени дополнительную систему укреплений у подножия городища — внешние валы и два внешних рва (Русанова 1976: 51).

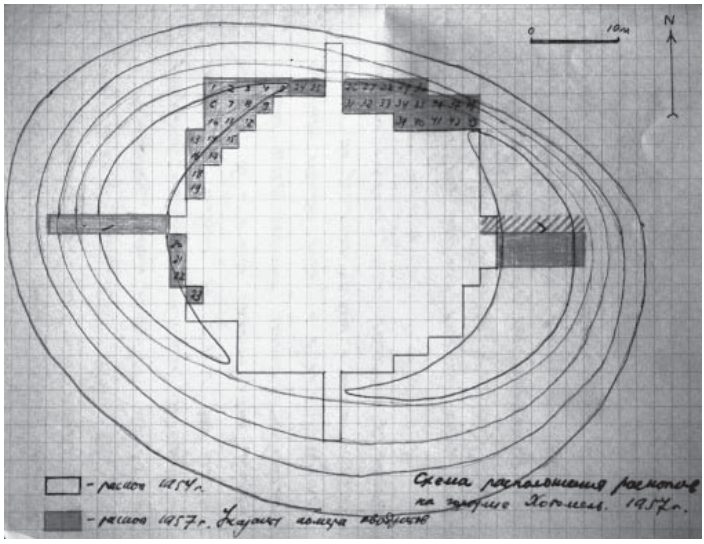


Рис. 2. Схема расположения раскопов 1954 и 1957 гг. на городище Хотомель. Страница из полевого дневника Ю. В. Кухаренко

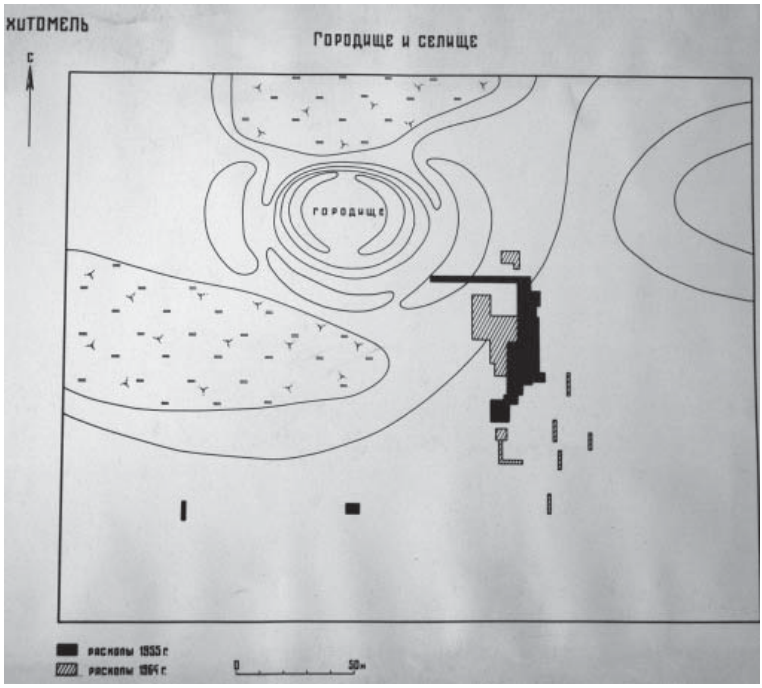


Рис. 3. Ситуационный план раскопов на селище близ городища Хотомель. Страница из полевого отчета И. П. Русановой

В раскопе 1964 г. исследовательница вскрыла часть восточного внешнего рва, обнаружив в нижней части его заполнения фрагменты гончарных сосудов (Русанова 1964: 1–2). Кроме того, на краю рва удалось зафиксировать следы разрушенного им жилища (рис. 4) с лепной керамикой, аналогичной посуде раннего слоя городища (Русанова 1964: 2).

Итак, внешние валы и рвы мы можем далее не рассматривать. Остается разобраться с верхними, внутренними валами и, соответственно с внутренними рвами, поскольку земля для верхних валов могла быть взята только из них. Предположение Ю. В. Кухаренко о том, что землю для валов брали из ям на площадке городища (Кухаренко 1961: 23) маловероятно — песка из ям не хватило бы на серьезное оборонительное сооружение.

Итоговое описание укреплений Хотомеля, вошедшее в монографию Ю. В. Кухаренко, звучит следующим образом: «Городище, таким образом, с трех сторон надежно защищено рекой и болотами, и лишь с восточной стороны к нему можно подойти по суше. … Северный и южный склоны возвышенности в том месте, где находится городище, круто спускались к реке. Строителям оставалось лишь укрепить две остальные стороны: западную и особенно восточную. С этой целью было насыпано по два дугообразных земляных вала с той и другой стороны. Между валами, а также с напольной стороны внешних валов вырыты рвы. Кроме того, северный и южный края площад-

ки городища были подсыпаны. … Вал песчаный, насыпной в верхней части. Мощность сохранившегося насыпного слоя на вершине вала достигает 0,6 м, на склонах — 1 м. Под этим насыпным слоем, непосредственно на поверхности погребенной насыпью почвы в нескольких местах были обнаружены остатки сгоревших дубовых бревен толщиною около 0,30 м. Судя по их положению, можно считать, что из этих бревен в свое время были сооружены своеобразные клети, засыпанные потом песком. Впоследствии, когда клети сгорели, на месте, т. е. на вершине вала, остались их основания. Все остальное, в том числе и песок, заполнявший клети, сползало вниз по склонам вала. Об этом свидетельствуют, например, остатки обуглившихся бревен, лежавшие на западном склоне вала. Этим же следует объяснить и наличие зольно-угольной прослойки по краям площадки городища» (Кухаренко 1961: 22, 23). Особенно следует обратить внимание на дубовые бревна, лежавшие параллельно краю площадки близ внешней границы золистого слоя (рис. 5).

Нужно сразу же сказать, что обращение к опубликованным материалам не дает оснований для интерпретации открытых на валу деревянных конструкций как внутривальных клетей. За полвека, прошедшие после раскопок Хотомеля, на территории Древней Руси исследованы десятки срубных дерево-земляных укреплений. В отличие от них, бревна или плахи в Хотомеле явно лежат не в том порядке, который позволил бы подобную реконструкцию. Ни в одном месте бревна не образуют прямых углов, ориентированных таким образом, чтобы можно было гово-

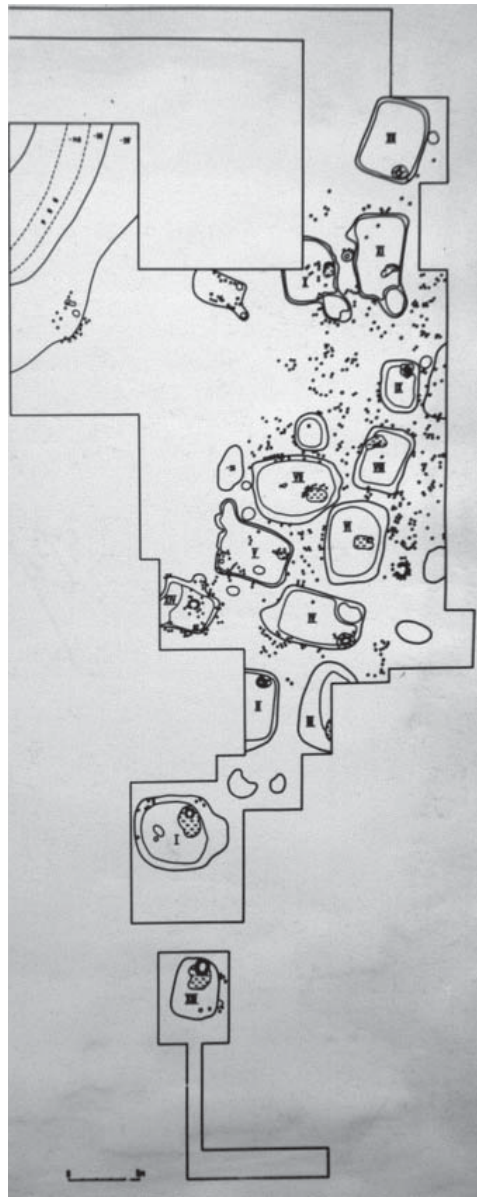


Рис. 4. Раскоп на селище близ городища Хотомель. В северо-западной части раскопа видны остатки постройки, разрушенной при строительстве восточного внешнего рва городища. Страница из полевого отчета И. П. Русановой

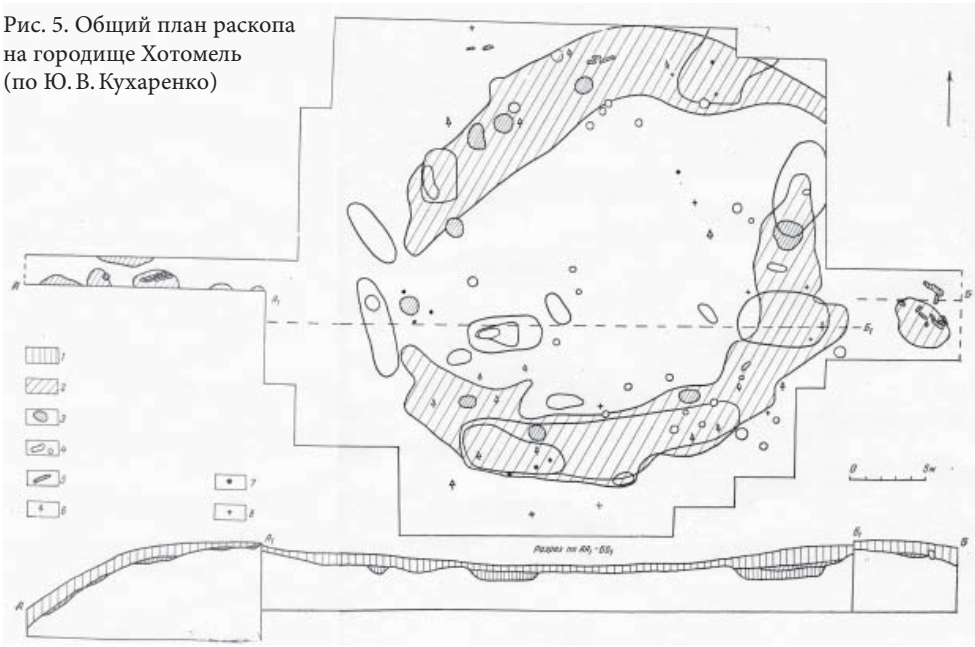


Рис. 5. Общий план раскопа на городище Хотомель (по Ю. В. Кухаренко)

рить о наличии вокруг площадки ряда срубов. Недаром И. П. Русанова, фактически руководившая раскопками в Хотомеле, была более осторожна, чем Ю. В. Кухаренко, и всегда писала только о валах Хотомеля VII в., предпочитая не упоминать о клетях (Русанова 1958: 39; 1970: 94; 1976: 51).

Возможно, уточнить ситуацию могла бы полевая документация. Но, к сожалению, отчеты в Москву были сданы без чертежей. Нет чертежей укреплений и в Минске. Архив К. В. Каспаровой в Государственном Эрмитаже не сохранился, а архив И. П. Русановой в Архиве Институте археологии в Москве не принят на хранение и недоступен для изучения. Только в дневнике Ю. В. Кухаренко за 1957 г., хранящемся там же (Кухаренко 1957а), содержится информация о раскопках оборонительных сооружений. В этом году Ю. В. Кухаренко докопал траншею 1955 г. в восточном валу и заложил рядом с ней раскоп размерами 4×10 м. Именно здесь были обнаружен развал дубовых бревен, принятый за внутривальные клети (Кухаренко 1957а: 17–19). Чертежи по этому раскопу не сохранилась, и мы вынуждены довольствоваться только публикацией (рис. 5).

Тогда же траншеей двухметровой ширины исследователь прорезал западный склон городища. С чертежами этого разреза дела обстоят лучше — они сохранились в полевом дневнике. На них мы и будем опираться.

Прорезав западный вал, сложенный серым песком, Ю. В. Кухаренко и здесь обнаружил остатки деревянных конструкций. Это оказались три бревна, лежавшие в один слой на склоне городища в золистом пятне (рис. 6). Уже одно их положение на склоне исключает возможность рассмотрения их как остатков клетей. Проблемы возникают и при интерпретации слоя серого песка как остатков вала раннего пражского городища. Во-первых, то обстоятельство,

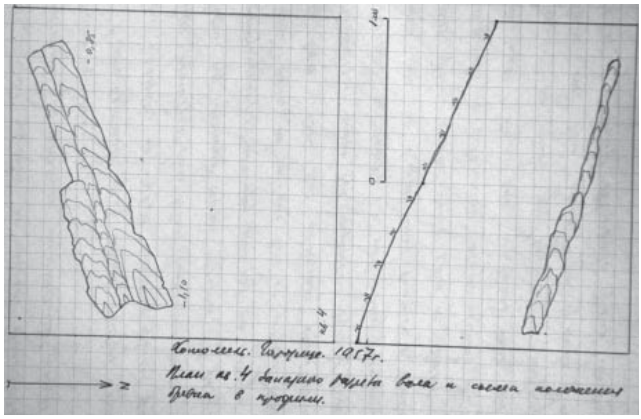


Рис. 6. Городище Хотомель. Остатки деревянных конструкций в западном разрезе вала 1957 г. Рисунок из полевого дневника Ю. В. Кухаренко

что песок, из которого насыпаны валы по краю площадки, был гумусирован, говорит о том, что валы возведены из культурного слоя, т. е. не могут принадлежать первоначальному укреплению. Материковый песок в Хотомеле — чистого желтого, почти белого цвета.

О том, что насыпь сложена из культурного слоя говорит и то, что в обоих валах — как в западном, так и в восточном, была найдена лепная керамика (Кухаренко 1957а: 14 об., 17, 19). И, наконец, в насыпи западного вала, причем неподалеку от обугленных бревен, найден фрагмент сосуда с волнистым орнаментом (рис. 7). Для ранних этапов пражской культуры такая керамика нехарактерна — черепок, несомненно, связан со временем культуры лукирайковецкой, или даже с более поздней эпохой. Эту находку Ю. В. Кухаренко отметил в своем полевом дневнике (Кухаренко 1957: 14 об., 17), но в публикации почему-то опустил.

Какой-либо другой, стратиграфически обособленный, массив грунта (кроме переотложенного культурного слоя), который мог бы быть слоем заполнения внутривальных срубов VI–VII вв. н. э., в разрезе не прослеживается. Вывод из всего этого может быть только один — внутривальных клетей в валу на древнейшем городище в Хотомеле не было, так же, как и не было ещё и самого вала по периметру площадки. Как же выглядели укрепления пражского городища?

Никаких обрывистых откосов сама природа здесь создать не могла — окрестности Хотомеля представляют собой плоскую равнину с отдельными выположенными холмами и гряда-

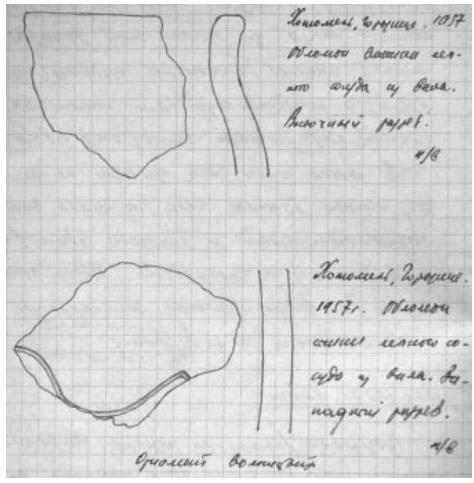


Рис. 7. Фрагменты сосудов из восточного и западного разрезов вала 1957 г. Рисунок из полевого дневника Ю. В. Кухаренко

ми — следами древних прирусловых валов (рис. 8). Какие-либо значительные «подсыпки» склонов для придания им крутизны, как писал Ю. В. Кухаренко (Кухаренко 1957б: 90), тоже маловероятны. Пойменная гряда, на которой стоит городок, сложена мелкозернистым, очень сыпучим и легко развеиваемым песком, который, будучи переотложен, не мог нести на себе никакой нагрузки. Придать необходимую крутизну склонам холма можно было только эскарпировкой. Этот простейший и самый дешевый прием широко применялся племенами лесной зоны Восточной Европы ещё с I тыс. до н. э.

Теперь уместно обратиться к единственному профилю склона городища, сохранившемуся в дневниках В. Ю. Кухаренко (рис. 9). Хотя рисунок был опубликован, в полевом дневнике он выглядит несколько иначе. Хорошо заметно, что бревна упали во врезанный в склон холма довольно глубокий (до 1 м) уступ. Он имеет плоское дно шириной около 2 м, его стенка расположена под углом не менее 30°, хотя общий естественный уклон составляет около 20°. На дне западины видна (не отраженная в публикации) перекрытая песком зольно-угольная прослойка, видимо, отмечающая поверхность погребенной почвы. Мне представляется, что все эти остатки сооружений можно толковать достаточно традиционно. На покатом пойменном всхолмлении подобная западина не могла образоваться естественным образом — это дело человеческих рук. Видимо, пологий склон городища на этом участке первоначально был эскарпирован. Ширина эскарпа, судя по профилю в полевом дневнике, составляла чуть больше 2 м, высота примерно столько же. Следует предположить, что выше по склону была поставлена дубовая наборная стена на вертикальных стояках (столбовые ямки читаются в той же бровке на гребне площадки). Спустя некоторое время, сгорев, стена (точнее — наиболее массивные недогоревшие бревна-стояки) рухнула в уже частично заплывший песком эскарп.

Эскарпировка прослеживается и на других склонах городища — на нерас-

Рис. 8. Городище Хотомель в окружающем рельефе. Вид с северо-запада.
Фото И. И. Еремеева (декабрь 2006 г.)

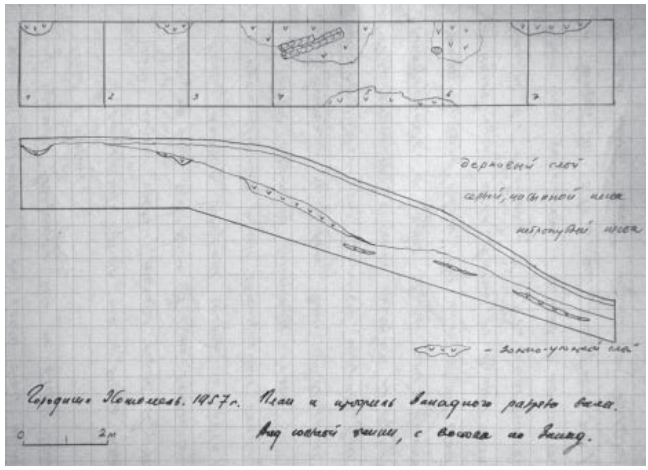


Рис. 9. Городище Хотомель. План и профиль западного разреза вала 1957 г. Рисунок из полевого дневника Ю. В. Кухаренко

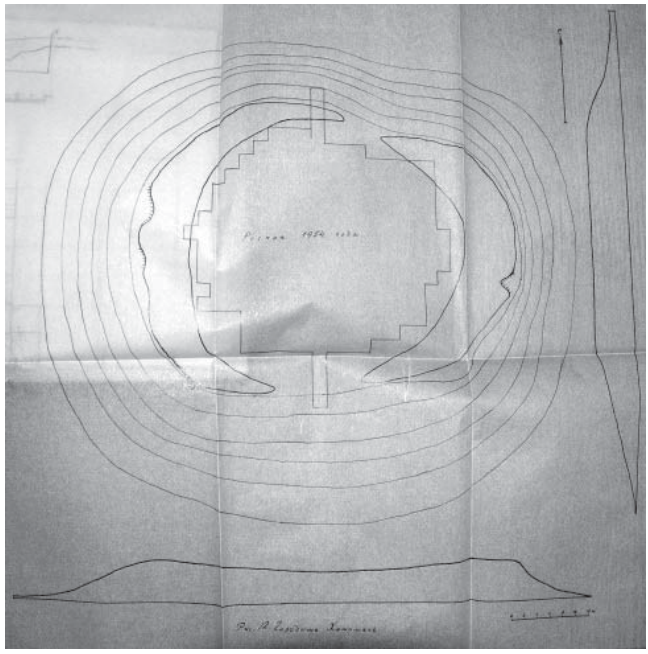


Рис. 10. Городище Хотомель. План раскопа 1954 г. и профили городища. Калька из отчета Ю. В. Кухаренко, хранящегося в Минске

копанном восточном склоне на профиле из отчета 1954 г. (рис. 10). На другом профиле из того же отчета эскарп угадывается и на прорезанном траншеей северном склоне холма к западу от въезда на городище. Здесь эскарп читается прямо под зольной прослойкой, в которой Ю. П. Кухаренко проследил дубовые бревна, лежавшие параллельно краю площадки (мы о них уже упоминали). Т. е., и здесь стена стояла фактически на краю эскарпа.

Въезд на городище располагался в северо-восточной части холма — он прослежен Ю. В. Кухаренко в виде пологой западины шириной около 3 м. Западина (её заполнение состояло из песка и золы) была перекрыта слоем золы (зале-

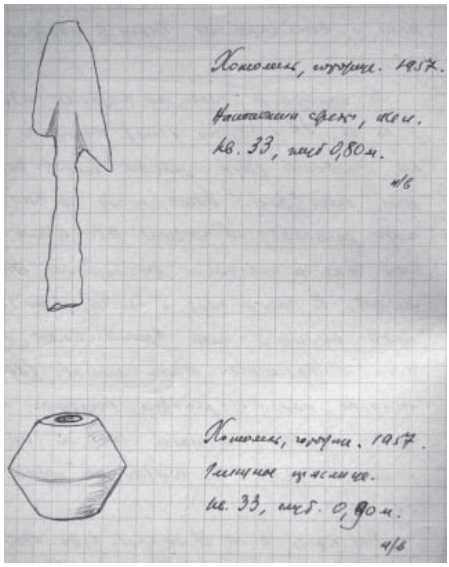


Рис. 11. Городище Хотомель. Находки из культурного слоя в районе въезда на городище. Рисунок из полевого дневника Ю. В. Кухаренко

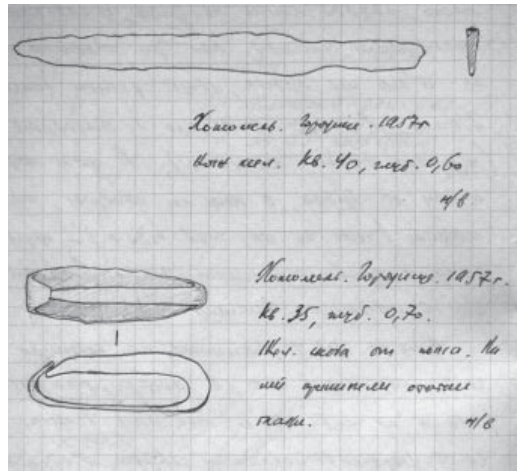


Рис. 12. Городище Хотомель. Находки из культурного слоя в районе въезда на городище. Рисунок из полевого дневника Ю. В. Кухаренко

гает здесь на глубине 0,5–0,7 м) и содержала только лепную керамику. Здесь же, в пределах въезда (рис. 11, 12) найдены двушипный наконечник стрелы, биконическое пряслице, железный нож и железная обойма со следами ткани (Кухаренко 1957а: 13–15). Все эти находки не противоречат предположению о том, что раскопанный в 1957 г. въезд относится к первоначальному городку.

Что же касается полутораметровой толщи серого песка с гончарной керамикой, перекрывшего пожарище — это уже, скорее всего, переотложенные остатки фортификационных сооружений древнерусского времени. Грунт для них брался у подножия городищенского холма, поэтому и внутренние рвы следует датировать так же, как и валы — а именно древнерусским временем.

Городище Хоромск

Городище представляет собой треугольный холм размерами 50×25 м высотой до 5 м (рис. 13). Впервые его осмотрел Ю. В. Кухаренко. Исследователь в 1955 г. снял глазомерный план холма, но городищем его тогда не признал (Кухаренко 1955: 62), поскольку не обнаружил на нем ни слоя ни подъемного материала. В 1961 г. городище обследовал П. А. Раппопорт, отметивший, что «в слое встречаются редкие фрагменты древнерусской керамики, а также единичные фрагменты ранней лепной (дославянской) керамики, в том числе

Рис. 13. Городище Хоромск (Бесова Гора). Фото И. И. Еремеева (декабрь 2006 г.)

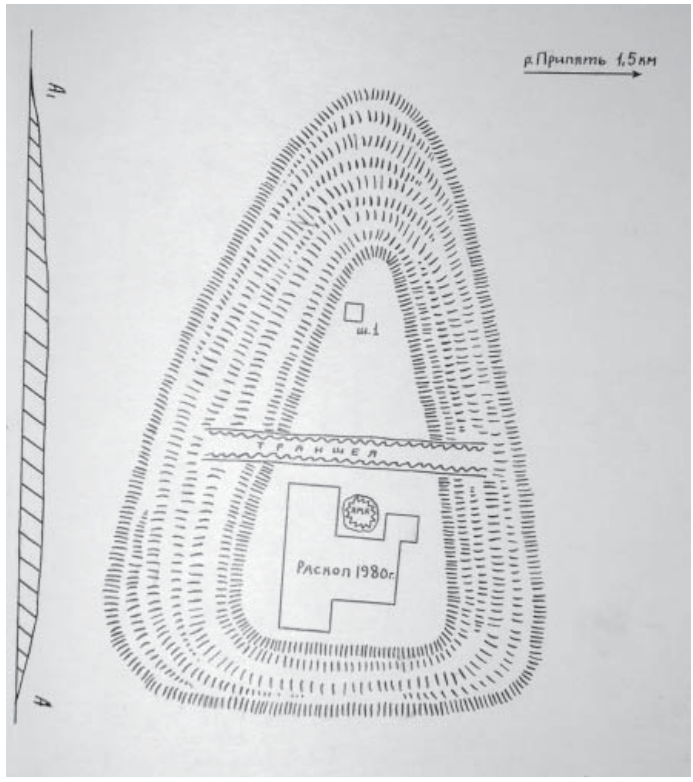


Рис. 14. План городища Хоромск (Бесова Гора). Рисунок из полевого отчета Г. М. Залашко

Рис. 15. Раскопки на городище Хоромск (Бесова Гора) в 1980 г.
Фото из полевого отчета Г. М. Залашко

один кусочек серо-лощеного сосуда» (Раппопорт 1961: 38).

Памятник (рис. 14) был исследован раскопками в 1980 г. (Залашко 1981: 335). Культурный слой оказался крайне незначителен и почти полностью распахан. На раскопе площадью 188 м^2 было найдено всего 79 фрагментов лепной керамики, из них только 7 невыразительных венчиков (Залашко 1980: 1, 2).

Строго говоря, на основании разведок и раскопок, к пражской культуре городище может быть отнесено сугубо предположительно. Каких-либо следов укреплений в раскопе обнаружить не удалось, площадка оказалась совершенно ровной. Форма городища сильно искажена распашкой — на фотографии из отчета Г. М. Залашко видно, что трактора пахали прямо поперек городища, заезжая на его склоны (рис. 15). Разумеется, в этом случае все сооружения и материковые ямы на бровках площадки оказались совершенно уничтожены.

Сама форма холма наводит, однако, на мысль о том, что склоны его были подрезаны, и следует согласиться с П. А. Раппопортом и В. С. Вергей, уже высказывавшим это предположение (Раппопорт 1961: 38; Вяргей 1997: 29; 1999: 321).

Городище Хильчицы

Памятник впервые был обследован А. Д. Коваленей и С. С. Шутовым в 1927 г. Городище имело круглую форму, склоны холма были, видимо, подрезаны, а у их подножия располагался кольцевой вал (рис. 16). Городище часто упоминается в литературе как пражское (Кухаренко 1960: 113; 1961: 29, 30; Русанова 1970: 94; 1976: 52; Вяргей 1997: 28; 1999: 318, 320, 334; Гавритухин 1997: 42; 2003: 124, 131). А. Д. Коваля и С. С. Шутов, как они сами писали, нашли на городище всего три фрагмента керамики. Профили двух обломков (без

лицевого изображения самих фрагментов) опубликованы и действительно напоминают пражскую посуду (Каваленя, Шутау 1930: 363, таб. XI, *69, 70*). Уверенно об этом говорить сложно, поскольку непонятно — насколько правильно были сориентированы черепки при зарисовке (представление об этом могли бы дать их размеры, оставшиеся неизвестными). О находке ещё нескольких обломков лепных сосудов «пражского типа» сообщает Ю. В. Кухаренко. Раскопок на городище не производилось, поэтому ничего определенного о характере и о датировке его укреплений мы сказать не можем. Рядом с городищем находился курганный могильник с древнерусскими погребениями X–XII вв. (Кухаренко 1961: 30), поэтому очень вероятно, что вал с непонятными деревянными конструкциями был возведен в древнерусское время.

* * *

Подведем итоги обзора. Предположение о бытовании в восточной части ареала пражской культуры уже в VI–VII вв. срубной техники возведения дерево-земляных укреплений не оправдывается. Ранние пражские укрепления Белорусского Полесья, судя по всему, сооружались при помощи двух простейших фортификационных приемов: эскарпировки склонов природных холмов и возведения над эскарпами стен столбовой конструкции. Техника фортификационного строительства городища Хотомель обнаруживает много общего с укреплениями культуры тушемли-банцеровщины. Происхождение этих инженерных традиций связано с фортификацией племен раннего железного века Белорусского Поднепровья. Таким образом, Рюриково Городище, где при

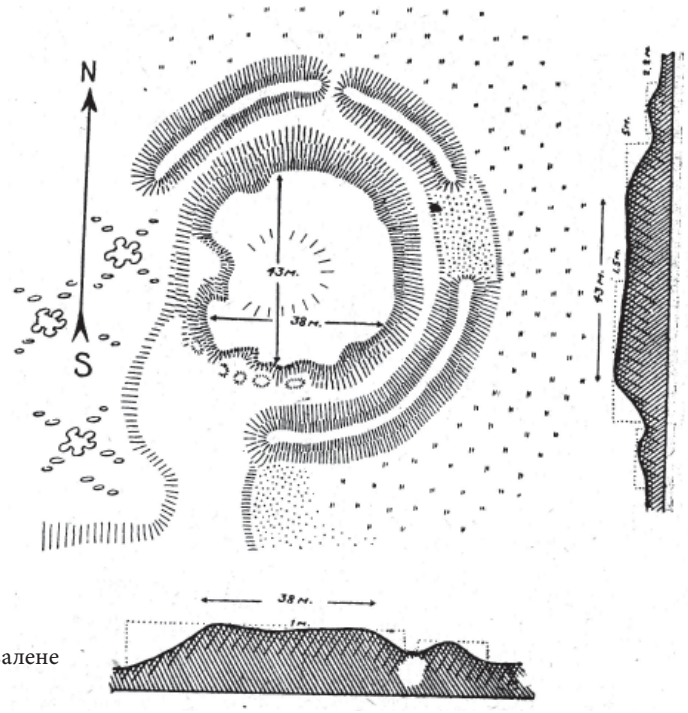


Рис. 16. Городище Хильчица (по А. Д. Ковалене и С. С. Шутову)

строительстве вала были применены бревенчатые клети, в настоящее время остается самым ранним укреплением такого типа в восточнославянском ареале.

В заключение необходимо добавить, что суммировать вышеизложенные наблюдения помог осмотр памятников у д. Хотомель и Хоромск, произведенный мною в начале декабря 2006 г. Хочется выразить глубокую признательность белорусским коллегам — В. С. Вергей (Минск, Институт истории НАН), А. И. Веренич и С. П. Веренич (Столин, Краеведческий музей), оказавшим мне помощь в организации этой поездки.

Литература

1. *Вергей 1997* — Вергей В. С. Поселения пражской культуры Белорусского Полесья // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3. М. 1997.

2. *Вяргей 1999* — Вяргей В. С. Помнікі тыпу Прагі-Карчак і Лукі-Райкавецкай // Археалогія Беларусі. Т. 2. Жалезны век і рянняе сярэднявечча. Мінск. 1999.

3. *Гавритухин 1997* — Гавритухин И. О. Хронология пражской культуры // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3. М. 1997.

4. *Гавритухин 2003* — Гавритухин И. О. Хронология пражской культуры Белорусского Полесья // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 18. Мінск. 2003.

5. *Гавритухин 2005* — Гавритухин И. О. Комплексы пражской культуры с датирующими вещами //Archeologia o początkach Słowian. Krakóv. 2005.

6. *Залашко 1980* — Залашко Г. М. Отчет об археологических исследованиях городища «Бесова Гора» возле д. Хоромск Столинского района Брестской области в 1980 г. // НАА ИИ НАНБ. № 700.

7. *Залашко 1981* — Залашко Г. М. Изучение памятников эпохи раннего железа на правобережье Припяти // АО-1980. М. 1981.

8. *Кавaленя, Шутау 1930* — Кавaленя А. З., Шутаў С. С. Матар'ялы з дагісторыі Тураўшчыны // Працы. Т. 2. 1930.

9. *Кухаренко 1954* — Кухаренко Ю. В. Отчет об археологических исследованиях в Белоруссии в 1954 г. // НАА ИИ НАНБ. № 29.

10. *Кухаренко 1955* — Кухаренко Ю. В. Второй полесский дневник за 1955 г. (тетрадь вторая) // Архив ИА РАН. Ф. 16. № 20б.

11. *Кухаренко 1957а* — Кухаренко Ю. В. Полесский дневник 1957 года (тетрадь первая — начало) // Архив ИА РАН. Ф. 16. № 13.

12. *Кухаренко 1957б* — Кухаренко Ю. В. Раскопки на городище и селище Хотомель // КСИИМК. № 68. 1957.

13. *Кухаренко 1960* — Кухаренко Ю. В. Памятники пражского типа на территории Приднепровья // Slavia antiqua. VII. 1960.

14. *Кухаренко 1961* — Кухаренко Ю. В. Средневековые памятники Полесья // САИ. Е1–57. М. 1961.

15. *Носов, Еремеев, Дорофеева, Медведева, Хвощинская, Юшкова 2004* — Носов Е. Н., Еремеев И. И., Дорофеева Т. С., Медведева М. В., Хвощинская Н. В., Юшкова М. Ю. Новые раскопки Рюрикова Городища и Шкуриной Горки // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. 2004. Вып. 18.

16. *Раппопорт 1961* — Раппопорт П. А. Отчет о работе Отряда по изучению крепостей на территории Белоруссии в 1961 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. № 11.

17. *Раппопорт 1967* — Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. // МИА. № 140. Л. 1967.

18. *Русанова 1958* — Русанова И. П. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян // СА. № 4. 1958.

19. *Русанова 1964* — Русанова И. П. Отчет о раскопках на поселении у с. Хотомель Брестской области в 1964 г. // НАА ИИ НАНБ. № 252.

20. *Русанова 1970* — Русанова И. П. Карта распространения памятников типа корчак (VI–VII вв. н. э.) // Древние славяне и их соседи. М. 1970.

21. *Русанова 1976* — Русанова И. П. Славянские древности VI–VII вв. М. 1976.

Fortification of Sites of the Prague Culture in Belorussian Polesye

I. I. Eremeev

This article deals with the fortifications of the Belorussian Polesye hillforts that are believed to be connected with the Early Slavic Prague culture. Analysis of archive sources shows that the widespread opinion about the framework wooden constructions of Early Slavic fortifications in Polesye is not correct. On the basis of field diaries it seems possible to reconstruct fortifications of the hillfort of Hotomel as a system of escarpments and wooden walls. This structure of defensives has its roots in the Early Iron Age fortifications of the Forest Zone of Eastern Europe.

Ершова Т. Е.

Серебряная подвеска с изображением тамги Рюриковичей из камерного погребения в Пскове

В 2003 г. в Пскове был открыт некрополь с престижными камерными захоронениями второй половины X в. Могильник располагался на возвышенной гряде в 350 м к востоку от берега р. Великой. В X в. территория могильника располагалась в 50 м к востоку от дороги, ведущей в Псков с юга, и в 1 км к югу от синхронного городского некрополя, открытого в Среднем городе в 70-х годах XX в. В древности здесь проходила граница местностей, обозначаемых летописными топонимами «Полонище» и «Поле» (Лабутина 1985: 109).

В настоящее время на месте обнаружения срубных гробниц раскопками исследована территория площадью ок. 1 га, открыто семь погребений расположенных на расстоянии от 5 до 40 метров друг от друга. Рядовых захоронений, либо совершенных по иному обряду, на этом участке не выявлено. Пространство между отдельными камерами исследовано не сплошной площадью: есть участки, на которых материковые отложения уничтожены в ходе хозяйственно-строительных работ в конце XX в. без надлежащего археологического изучения. Культурные отложения, перекрывавшие могильник, датируются временем от рубежа XI–XII до XV в.

Серебряная подвеска с изображением княжеского знака, являющаяся предметом настоящей публикации, была обнаружена в погребении № 6, открытом раскопками 2008 г. Могильная яма квадратной формы с отвесными стенками размерами 5,6×5,56 м прослежена на глубину 2,4 м от поверхности материка. На дне ямы выявлены остатки деревянного пола из брёвен или плах, которые были положены в направлении северо-восток — юго-запад. На этот пол был поставлен сруб размерами 3,96×3,9м. Камера разделялась на три части перегородками из досок, поставленных на ребро. При создании погребальной конструкции использовались корабельные детали, содержащие гвозди и заклепки. Вдоль стен и в придонной части заполнения камеры выявлены остатки сложных деревянных перекрытий.

В древности, когда перекрытия ещё держались, состоялось вторжение в камеру с целью грабежа. Часть костей погребенного была извлечена из могилы, другая — перемещена внутри камеры. Место нахождения костяка определяется по локализации остатков деревянного расписного ложа (кресла), занимавшего центральное положение в гробнице. В «головах» и в «ногах»

места погребения найдены два скелета обезглавленных птиц (предварительно определённых как глухарь и петух). В северном углу (у северо-восточной стены) находился большой деревянный сундук с железными оковками и большим количеством крупных железных заклёпок. Рядом стояло деревянное ведро с железными оковками. Здесь же была раскрыта доска с красочным слоем. В этой же части сруба на полу находилась деревянная чаша (диам. более 40 см), рядом с которой стояла большая коническая восковая свеча. Напротив, у юго-западной стены сохранился фрагмент одежды с многочисленными серебряными пуговицами. Рядом был обнаружен перевернутый деревянный ковшик с серебряной оковкой венчика. Внутри ковшика лежали чашечки весов с коромыслом в берестяной упаковке, в чашечках весов — два серебряных дирхема и монетовидный предмет из цветного металла с пятистрочной греческой (?) надписью.

Многие предметы, вероятно, находились на останках погребенного, но при вторжении были перемещены. В центре сруба в придонной части камеры найдены две серебряные подвески: литой крест и подвеска со знаком Рюриковичей. Здесь же лежали дирхем (возможно, в кожаном кошельке, шитом золотыми нитями) и железный нож с рукоятью, обмотанной серебряной проволокой (рис. 1). На некотором расстоянии от них найден костяной наборный односторонний гребень.

Публикуемая подвеска лежала на ткани полотняного переплетения, вероятно, фрагменте одежды. Она представляет собой цельнолитую трапециевидную пластину из серебра со слегка выпуклыми краями и слабо скруглёнными углами. Ширина верхней стороны трапеции — 2,3 см, ширина нижней части — 3,2 см, высота — 4,2 см. Подвеска увенчана подтреугольным ушком высотой 0,7 см, развёрнутом в плоскости перпендикулярно полю подвески. Толщина ушка от 0,15 см вверху до 0,7 см внизу. Диаметр отверстия — 0,25 см. В отверстие продето кольцо из серебряной проволоки, завязанное так называемым скандинавским узлом. Диаметр кольца — 1,5 см. Сечение проволоки — 0,15 см. Сохранность металла хорошая, лишь местами пластина покрыта небольшой тёмной патиной. Обе стороны подвески содержат изображения, выполненные в технике черни.

На стороне, обращённой вверх, изображён двузубец — родовой знак Рюриковичей. Между отрогами помещёно изображение ключа (рис. 2, 3, *А*). Это — ключ от нутряного замка первого типа, по Б. А. Колчину. Такой примитивный тип замка, у которого ключ единственная металлическая деталь, известен с древнейших времён и широко распространён по всей Европе. В хронологии Новгорода бытование этих предметов ограничено X — нач. XII вв. хотя в сельском обиходе Центральной и Западной Европы они используются и по сей день. (Колчин 1982: с. 161). Примечательно, что мастер изобразил на подвеске ключ именно такого типа. Видимо, эти ключи были для него самыми узнаваемыми.

Впервые в иконографии знаков Рюриковичей мы встретили изображение ключа. В истории Рюриковичей эта вещь символична и напоминает о положении матери равноапостольно-

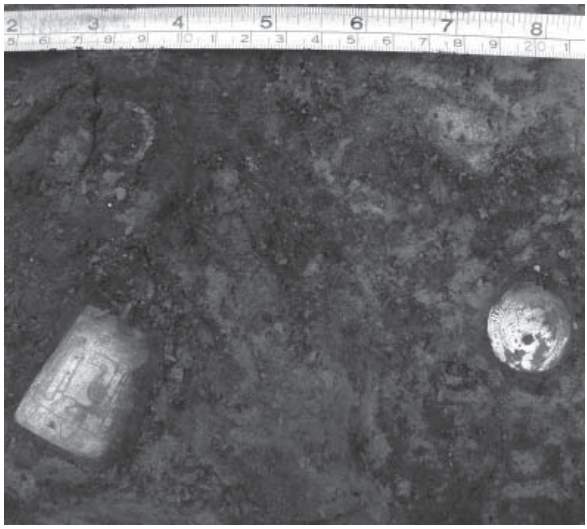


Рис. 1. Псков. Погребение № 6 (раскопки 2008 г.) Комплекс находок в центре погребения

Рис. 2. Подвеска со знаком Рюриковичей, открытая в погребении. Сторона А

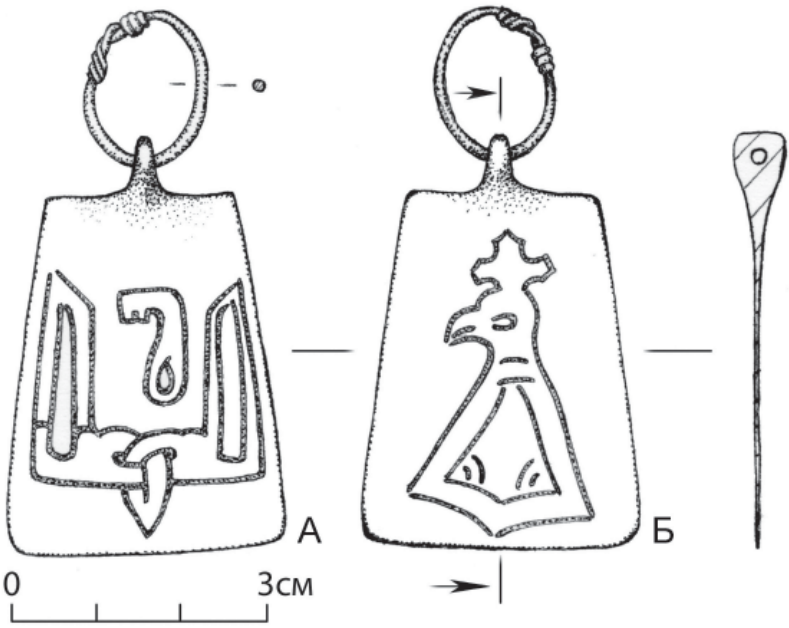


Рис. 3. Лицевая сторона подвески с изображением двузубца Рюриковичей

го кн. Владимира — Малуши-ключницы. Известно, что после смерти Ольги (969), Святослав раздает земли своим сыновьям. Новгород достается подростку Владимиру. Рядом с ним находится его дядя — Добрыня, брат Малуши, несомненно, влиявший на становление будущего великого князя. По мнению исследователей знаков Рюриковичей, тамга в форме двузубца могла принадлежать в это время Святославу или Ярополку. Некоторые исследователи (Белецкий 1995: 110) предполагают, что Владимиру не разрешалось, в силу его происхождения, использовать родовой знак.

Однако, на наш взгляд, являясь наместником своего отца Святослава в Новгороде и окрестных землях, в т. ч. и в Пскове, который имел особое значение для него, как родина бабки, Владимир располагал реальным военно-административным ресурсом и реализовал его, в том числе и в Псковской земле. Для осуществления властных полномочий он наверняка имел своих представителей в наиболее крупных городских центрах, и, конечно, в Пскове. Мы полагаем, что данный знак, мог использоваться Владимиром в «новгородский период» его политической карьеры: с 969 по 977 г., когда он был вынужден бежать в Скандинавию. Вернувшись оттуда, Владимир успешно провел компанию по захвату власти, в результате которой в 980 г. стал правителем одного из крупнейших государств своего времени. С этого момента, как легитимный монарх, он начинает использовать собственный знак-трезубец.

Резонно предположить, что ключ, впервые появившийся на личной эмблеме Владимира как третий вертикальный элемент между двумя отрогами, положил начало трезубому знаку, который унаследовали потомки крестителя Руси. Только Святополк, бывший приёмным сыном Владимира и биологическим отпрыском Ярополка, продолжал использовать двузубец предков, подчёркивая своё законное происхождение и приоритет в наследовании власти.

На другой стороне подвески помещено схематизированное изображение хищной птицы с головой повёрнутой влево. Голова птицы увенчана крестом с расширяющимися лопастями. Две поперечные чёрточки на шее, вероятнее всего, означают ошейник охотничьей птицы. Тело птицы передано схематично двумя параллельными линиями в виде подтреугольной фигуры с небольшим заострённым выступом внизу (хвост?). Парные косые линии по углам внутреннего треугольника, скорее всего, изображают лапы. (рис. 3, *Б*, 4). На наш взгляд, есть все основания считать птицу на псковской подвеске репликой изображения на одной из монет клада куфического серебра с о. Готланд, или предположить для них общий протограф. (Lindberger 2001: 61). Мастер, изготовивший подвеску, тщательно повторил все основные детали изображения на монете, слегка упростив и схематизировав их. Монета с Готланда — искусно выполненное северное подражание куфическим дирхемам (рис. 5).

Мы считаем, что публикуемая подвеска представляла собой медальон, предназначенный для ношения поверх одежды. Многочисленные микродефекты — потертости и небольшие ут-

раты черни со стороны птицы — свидетельствуют о том, что подвеска носилась двузубцем к зрителю и птицей — к владельцу. Полагаем, что эта подвеска являлась инсигния власти, делегированной погребенному в шестой камере лицу князем — обладателем двурогой эмблемы с ключом. Может ли ключ служить знаком должности погребенного? Исходя из того, что мы знаем о подобных предметах, скорее всего — нет. Во всех известных нам случаях княжеские двузубцы и трезубцы на монетах, подвесках, печатях не осложнены какими-либо «посторонними» знаками, не относящимися к символике суверена.

Изображение на оборотной стороне — сокол (?), увенчанный крестом, может означать принадлежность этого знака новокрещённой персоне, обладавшей суверенными правами. Подтверждением этому, на наш взгляд,

Рис. 4. Подвеска со знаком Рюриковичей, открытая в погребении. Сторона Б

Рис. 5. Монета с изображением птицы из клада на о. Готланд

является интереснейшая группа монет из циркумбалтийского региона. Шведская исследовательница Эльза Линдбергер отмечает присутствие среди куфических монет Северной Европы и Прибалтики значительной категории дирхемов — имитаций с весьма качественным воспроизведением арабских текстов. Таких монет учтено около двухсот. В этой категории выделяются две особенные группы псевдодирхемов. Первая — это монеты, на которых с обеих сторон нанесён арабский текст и небольшой широколопастной христианский крест. Подобных монет насчитывается 17, из них пятнадцать найдено на территории Швеции, одна — в Германии и еще одна — в Финляндии. Вторая группа — это дирхемы с классическим круговым арабским текстом, но на одной из сторон в центральной части монетного поля, вместо догматической исламской надписи, помещено изображение птицы в ошейнике с повёрнутой влево головой. Голова птицы увенчана большим широколопастным христианским крестом. Таких экземпляров насчитывается 11. Из них восемь найдены в Швеции, две — в Польше

и одна — в Эстонии (недалеко от Тарту). Исследовательница предполагает русское происхождение этих монет. Опираясь на датировку монет Готландского клада (850–950 гг.), она предлагает отнести эмиссию с изображением птицы к правлениям от Игоря до Владимира (Lindberger 2001: 29, 60–61). Нам представляется, что наиболее подходящей персоной в этом ряду может быть княгиня Ольга. Однако мы вполне осознаем противоречие с летописными данными, которое возникает при такой трактовке эмблематической птицы с крестом. Ольга умирает в 969 г., а Владимир посажен отцом на Новгородский стол только в 970 г. Хотя заманчиво выглядит предположение о том, что юный Владимир все же мог управлять Псковской землей — доменом своей бабушки — совместно с нею. В таком случае, погребенный в шестой камере представитель власти должен был находиться под двойным суверенитетом.

Литература

1. *Белецкий 1995* — Белецкий С. В. О лично-родовых знаках князей-Рюриковичей X–XI вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. 1995.

2. *Колчин 1982* — Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. М. 1982.

3. *Лабутина 1985* — Лабутина И. К. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М. 1985.

4. *Lindberger 2001* — Lindberger E. The Falcon, the Raven and the Dove. Some bird motifs on medieval coins. // Eastern Connections. Part One: The Falcon Motif. Stockholm. 2001.

Silver Pendant with the Representation of the Tamga of Ryurikovichi from a Chamber Burial in Pskov

T. E. Ershova

In 2003, a necropolis with prestigious chamber burials of the second half of the 10th century was discovered in Pskov. During the archaeological season of 2008, a number of burials were excavated. The total number of the graves investigated by now is seven.

The burial ground under consideration is located on a hilly ridge 350 metres to the east from the coast of the Velikaya River and one kilometre from the synchronous urban necropolis excavated in 1970s–1990s in the "Middle Town".

In this article, a silver pendant with the princely emblem found in burial no. 6 (excavation of 2008) is described. The pendant was found in the bottom part of the burial chamber lying on a piece of fabric, probably, a fragment of clothes. The side of the pendant which was turned upwards bore a bident — the familial emblem of the *Ryurikovichi*. Between the two teeth of the bident, a key is represented. This is the first such representation found in the iconography of Russian princely symbols. This object had a symbolic meaning in the history of the Ryurikovichi dynasty reminding of the status of Prince Vladimir's mother — Malusha-*Klyuchnitsa* (*i.e.* Malusha the Housekeeper). Some scholars hold the opinion that Vladimir was not allowed by his descent to use that symbol. In the present paper it is supposed that Vladimir may have used this symbol during the "Novgorod period" of his career (969–977 AD).

On the other side of the pendant there is a schematic depiction of a bird of prey, probably, a falcon. The bird's head is crowned with a cross. Perhaps, the bird on the Pskov pendant was copied from that on a coin similar to one from a hoard of Arabic silver dirhams found on the Gotland or had a common prototype with it.

Зиборов В. К.

О начальной части Устюжской летописи

Устюжская летопись (далее — УЛ) известна в научной литературе под разными названиями — Архангелогородский летописец, Устюжский летописец, Устюжская летопись. С XVIII в. текст летописи издавался неоднократно, последний раз она была опубликована в составе 37 тома Полного собрания русских летописей (УЛ: 17–103). УЛ дошла до нас в списках XVII в., они делятся на две редакции, имея общий текст до 7024/1516 г. По содержанию УЛ является общерусской, где начиная с XII в. помещены известия устюжские (г. Устюг Великий), отсюда ее название. В общих чертах история текста УЛ восстановлена (Лурье 1976: 185–186, 190–201; Сербина 1985: 9–86).

Поздние списки УЛ, ее провинциальный характер — все это служило основой к настороженному отношению исследователей к известиям начальной части, которая определялась как сокращение таких летописей как Лаврентьевская (далее — ЛЛ) и Ипатьевская (далее — ИЛ). В тоже время в литературе было высказано предположение о какой-то первичности текста ее начальной части в рамках Повести временных лет (далее — ПВЛ) по отношению к ЛЛ–ИЛ. Например, А. А. Шахматов в одной из своих ранних статей так оценивал ее начальную часть: «Архангелогородский летописец, или, вернее, оригинал его, содержал в себе ряд заимствований из очень древней редакции Начального свода, — редакции, по-видимому, предшествовавшей той, которая, с одной стороны, отразилась на втором летописном своде, а с другой — легла в основание ПВЛ» (Шахматов 2003: 69). В статье исследователь приводит несколько примеров первичности текста УЛ по отношению к ЛЛ–ИЛ и Новгородской первой летописи младшего извода (далее — Н1ЛМ). В последующих работах А. А. Шахматов не развил этого положения, т. е. в какой-то степени он отказался от своего первоначального взгляда. К начальной части УЛ обращался и М. Н. Тихомиров. В статье, посвященной этому вопросу, он привел несколько примеров первичности чтений УЛ в рамках ПВЛ по отношению к ЛЛ–ИЛ (Тихомиров 1979: 49–64), при этом исследователь определил начальную часть УЛ как сокращенную, дошедшую до нас в поздней обработке. А. А. Шахматов и М. Н. Тихомиров предполагали, что в тексте начальной части УЛ отразился в сокращенном и искаженном виде летописный свод, предшествовавший Начальному летописному своду, представленном в Н1ЛМ, и что этот свод был

составлен в 50–60-е годы XI в. Существует и другая точка зрения на начальную часть УЛ, ее высказал Я. С. Лурье в словарной статье, посвященной УЛ: «Начальная часть Л. У. весьма своеобразна и не находит близких аналогий в других летописях, однако едва ли возможно видеть здесь следы древнейшего летописания, не отразившегося в Повести временных лет и Начальном своде, — скорее это следы литературного творчества XV–XVI вв.» (Лурье 1989: 67). Таким образом Я. С. Лурье вообще поставил под сомнение какую-либо ценность начальной части УЛ для истории раннего русского летописания.

Здесь необходимо сделать отступление общего порядка. Более двухсот лет, начиная с XVIII в., считалось, что авторитетными летописями для характеристики раннего русского летописания являются ЛЛ и ИП. Тексты всех остальных летописей в рамах ПВЛ характеризовались как поздние сокращения ЛЛ–ИЛ. Только к концу XIX в. такое представление было поколеблено А. А. Шахматовым, обосновавшим положение о том, что текст Н1ЛМ в рамках ПВЛ донес до нас более ранний этап летописный работы, чем в ЛЛ–ИЛ. Это положение А. А. Шахматова было принято исследователями не сразу, однако на сегодняшний день оно является фундаментальным для всех работ, посвященных русскому летописанию XI в. Обоснование этого положения базируется на двух веских аргументах помимо других более мелких текстологических примеров: в Н1ЛМ нет заимствований из Хроники Георгия Амартола и нет договоров с греками, а в тексте ЛЛ–ИЛ они есть, следовательно, летописный свод, представленный в Н1ЛМ, составлен ранее летописного свода, отразившегося в ЛЛ–ИЛ. Этот свод А. А. Шахматов назвал Начальным летописным сводом, а его составление датировал 90-ми годами XI в. Таким образом, только в XX в. стало очевидным, что среди дошедших до нас летописей есть такие, где представлены, конечно, не в «чистом» виде, а с искажениями и поздними наслоениями, этапы летописной работы XI в.

Естественно, возникает вопрос: не сохранились ли в других летописях еще более ранние этапы летописной работы, чем в Н1ЛМ? Такой вопрос правомочен еще и потому, что в литературе в разное время разными исследователями высказывались предположения о древности летописца Переяславля Суздальского (далее — ЛПС) и Владимирского летописца (далее — ВЛ). Если эти предположения верны (Зиборов 1989: 15–18), то ранние этапы русского летописания будут представлены не гипотетическими летописными сводами, а реальными летописными текстами (УЛ, ЛПС, ВЛ). Одно дело, выстраивать историю раннего летописания, основываясь на гипотетических памятниках, другое, на текстах реальных летописей, хотя и имеющих поздние наслоения и искажения.

Высказывать предположения о существовании каких-либо гипотетических памятников летописания X–XI вв. легко. Таких гипотез набралось уже более десятка. Но они, не имея никакой доказательной базы кроме общих рассуждений, не решили ни одного из поставленных в науке вопросов и никак не прояснили картины истории раннего летописания. Любой гипотетический памятник, являясь интеллектуальным фантомом, естественно, не доступен для анализа. Появление гипотетических

памятников письменности на каких-то этапах исследовательской работы нужны, но необходимы и другие направления поиска. В данном случае необходимо продолжить попытки предшественников «увидеть» среди реально дошедших до нас летописей тексты, представляющие ранние этапы русского летописания, и не только «увидеть», а попытаться доказать их первичность по отношению к таким памятникам как ЛЛ, ИЛ, Н1ЛМ. О результативности такого направления исследования говорит следующий пример: положив в основу наблюдение А. А. Шахматова о Начальном летописном своде, представленном в Н1ЛМ, и сопоставив его с произведениями, принадлежащими перу монаха Киево-Печерского монастыря Нестора, было предложено новое решение вопроса об участии этого монаха в создании одной из русских летописей XI в. (Зиборов 1995).

Обратимся снова к тексту УЛ. При анализе цитат из Паремийника (богослужебный сборник, содержащий отрывки из Ветхого и Нового Заветов, которые читались во время литургии или вечерни; известен в Древней Руси с XI в.) оказалось, что в УЛ они полностью отсутствуют. Впервые все цитаты из Паремийника собрал и проанализировал А. А. Шахматов в работе посвященной источникам ПВЛ (Шахматов 1947: 38–41), при этом он в основном работал с текстами ЛЛ–ИЛ и Н1ЛМ. Идя вслед за А. А. Шахматовым, я при анализе цитат из Паремийника привлек тексты других летописей, в том числе и УЛ (Зиборов 2007: 147–186)[1]. Заимствования из Паремийника в Н1ЛМ и в ЛЛ–ИЛ отмечены под следующими годами: 6463 (955), 6477 (969), 6488 (980), 6496 (988), 6514 (996), 6523 (1015), 6545 (1037), 6586 (1078), 6611 (1093). Еще раз отмечаю: в известиях этих лет в УЛ цитат из Паремийника нет, т. е. текст летописного свода, представленного в этой летописи, был составлен до того как русские летописцы стали привлекать Паремийник, а привлекать его стали только начиная с конца 60-х годов XI в. (в рамках ПВЛ цитаты из Паремийника последний раз встречаются в летописной статье 6611 (1093) г.). Кроме факта отсутствия цитат из Паремийника текст УЛ под двумя из вышеперечисленных годов содержит дополнительные аргументы в пользу первичности ее текста по отношению Н1ЛМ и тем самым к ЛЛ–ИЛ. Речь пойдет об известиях 6463 (955) г. и 6477 (969) г. При обосновании предполагаемой древности УЛ ни А. А. Шахматов, ни М. Н. Тихомиров к чтениям этих лет не обращались.

Летописная статья 6463 (955) г., посвященная рассказу о крещении княгини Ольги в Константинополе, часто становилась объектом анализа исследователей. Например, она подробно рассмотрена (безотносительно к тексту УЛ) А. А. Шахматовым в его «Разысканиях» (Шахматов 2002: 125–127), где отмечены все цитаты из Паремийника и Псалтири. В одной из последних работ, посвященных разбору содержания известий этого года, отмечено общее для всех исследователей мнение о сложном

[1] О Паремийнике один из поздних переписчиков УЛ знал: краткий рассказ об убийстве Бориса и Глеба под 6527(1019) г. он сопроводил отсылкой «протчее в паремьях их» (УЛ: 27); нечто подобное он сделал и в статье 6564 (1059) г., где упомянуты Антоний и Феодосий Печерские — «Писано о них в патерице» (УЛ: 28); в другом месте при сообщении о мученической смерти варяга и его сына под 6491 (983) г. он отметил: «А о сих мученицах писано в пролозе» (УЛ: 23).

или многослойном его составе (Грихин 1992: 54–74). Отмечался не только сложный состав известий этого года, но и противоречия в тексте его находящиеся. Например, М. Х. Алешковский по поводу одного из них писал: «В рассказе о крещении Ольги дважды упомянут ее приход в Киев, и оба упоминания связаны с разными по своей стилистике слоями рассказа (955 г.)» (Алешковский 1971: 18). По наблюдениям А. А. Шахматова текст статьи этого года подвергся вставкам и перестановкам (Шахматов 2002: 126), в ходе которых и появились различные противоречия в тексте. Если мы обратимся к тексту УЛ, то увидим, что весь ее текст вошел в состав Н1ЛМ и тем самым ЛЛ–ИЛ, при чем не целой частью, а кусками разделенными друг от друга вставками из Паремийника и Псалтири, а также перестановками, отмеченными А. А. Шахматовым.

Прежде чем обратиться к сравнениям текстов УЛ и Н1ЛМ следует коснуться отмеченного М. Х. Алешковским противоречия в известиях этого года, о «двойном» приходе княгини Ольги в Киев. Исследователь не указал, в какой летописи находится это чтение. Скорей всего, он имел ввиду текст ЛЛ, где читаем, что княгиня Ольга «…иде с миромъ въ свою землю, и приде Киеву», далее следуют вставки богословского характера, в том числе и из Паремийника, после чего снова читается «Си же Ольга приде Киеву…» (ЛЛ: 62). Но если мы обратимся к текстам ИЛ и Н1ЛМ, то увидим, что отмеченное исследователем противоречие «не глубокого залегания»: оно возникло только в тексте ЛЛ, где было опущена все объясняющая отсылка летописца при втором упоминании ее прихода в Киев: «Сия же Олга, по внегда пришедши еи уже в Киевъ, и якоже о неи въпред рекохомъ…» (НПЛ: 115). Также читается в ИЛ, где с учетом разночтения списков Хлебниковского и Погодинского находим: «Си ж Ольга приде къ Киеву яко же рекохом» (ИЛ: 51). Летописец после значительной по объему вставки текста снова продолжил свой рассказ об Ольге, объяснив свой повтор фразой «яко же рекохом», если же эту фразу опустить подобно ЛЛ, то получится как бы «двойной» приход Ольги в Киев.

Кроме разобранного противоречия в текстах Н1ЛМ и тем самым в ЛЛ–ИЛ есть пример более глубокого по своему происхождению противоречия. Речь идет об известиях, связанных с князем Святославом. Если мы обратимся к тексту Н1ЛМ, а он полностью схож с текстами ЛЛ–ИЛ, и познакомимся с информацией о князе Святославе, то получим следующую картину. Княгиня Ольга после возвращения из Царьграда, где она приняла христианство, стала убеждать своего сына креститься. Он, судя по тексту Н1ЛМ, предстает перед нами довольно взрослым и самостоятельным человеком, столь самостоятельным, что решительно отказывает своей матери в ее просьбе. Его взрослость видна в том, как он относился к людям, принимавшим христианство: «но аще кто хотяще волею креститися, не възбраняху ему, но паче ругахуся тому», т. е. сам отказывался креститься, но другим не запрещал, хотя и ругался по этому поводу. К слову, ЛЛ в отличие от Н1ЛМ и ИЛ явно несколько затемняет смысл «не браняху, но ругахуся тому». И вдруг этот достаточно взрослый, самостоятельный, решительный даже мудрый князь в конце летописной статьи этого года оказывается еще ребенком, т. к.

княгиня Ольга «кормящи сына своего до мужества своего (ИЛ — его) и до возраста его». А возмужал князь Святослав только через 9 лет, о чем говорится в начале летописной статьи 6472 (967) г.: «Князю Святославу възрастъшю и возмужавшю, нача вои совокупляти…». Если остаться в замкнутом круге авторитетных летописей, таких как ЛЛ–ИЛ и даже с привлечением Н1ЛМ, то исследователь будет вынужден или пройти мимо явного алогизма или удачными, а скорей всего малоудачными рассуждениями объяснить происхождение «темного» эпизода в биографии князя Святослава, когда взрослый князь снова становится ребенком. Еще раз подчеркиваю, тексты летописей, считающихся авторитетными, не позволяют дать однозначный ответ на возникший вопрос. А привлечение текстов УЛ и ЛПС позволяет найти решение этого вопроса. В этих двух летописях представлены два варианта, при этом несхожие между собой, рассказа о князе Святославе. В УЛ это даже не рассказ, а всего лишь одно предложение, где князь предстает перед нами ребенком, хотя и решительным ребенком. В ЛПС о возрасте князя Святослава не говорится, судя по тексту, он уже достаточно взрослый молодой человек. В верности или неверности этих моих рассуждений можно убедиться на приводимых текстах:

УЛ	ЛПС	Н1ЛМ
…и дары многи даде еи. Она же учаше сына своего быти крестияну, он же не хотяше, и кормяше его до мужества. В лето 6472. Князю Святославу возмужавшу… (УЛ: 20)	И въдасть еи дары многы… И отпусти слы. И живяше съ сыном Святославомъ, учаше его крститись, он же ни в уши приимаше, но аще кто хощеть крститися, не възбраняху. Олга моляше бога за сына по вся дни и нощи. В лето 6472…. (ЛПС: 17–18)	…дасть еи дары многы… …и абие отпусти приходящая послове къ Царьскому град. Живущи же Олга съ сыномъ своимъ Святославомъ, и учаше его мати крститися, нь небрежаше того словесе, ни в уши влагаше себе; нь аще кто хотяще волею крститися, не възбраняху ему, нь паче ругахуся тому. (Вставка из Псалтири и Паремийника) Якоже и Олга часто глаголаше…Онъ же не внимаше, глаголя: «како азъ хощу инъ законъ приняти единъ, а дружина смеятися начнуть и ругатися». Олга же рече ему: «сыну, аще крстишися, вси имут то же творити». Он же не послушаше матери, творяше нравы поганьскыя…(Ольга) моляшеться за люди и за сына и по вся нощи и дни, кормящи сына своего до мужества своего и до возраста его. В лето 6472. Князю Святославу възрастьшю и възмужавшю, нача вои совокупляти… (НПЛ: 114–116)

Из-за ограниченности объема данной публикации при цитировании летописных текстов сделаны большие сокращения, отмеченные многоточиями, особенно это коснулось текста Н1ЛМ, где встречаются цитаты из Паремийника и Псалтири. При сравнении оказалось, что тексты УЛ и ЛПС полностью вошли в состав Н1ЛМ. Если руководствоваться общепринятой точкой зрения о со-

кращенном характере УЛ и ЛПС, то мы должны предположить, что составители этих летописей сокращали Н1ЛМ. В случае с УЛ провести предполагаемое сокращение просто не возможно, её два предложения, представленные в первой колонке, распределены по тексту столь замысловато, что собрать их в единое целое весьма трудно. Текст УЛ и ЛПС можно рассматривать не как сокращения Н1ЛМ, а как её источники, т. е. перед нами обычный приём работы летописца, представленный в истории русского летописания на протяжении всего существования, а именно — компиляция механическое объединение двух и более текстов при создании нового произведения. Именно при таком механическом соединении текстов чаще всего и появляются алогизмы и различного рода нестыковки текстов. В данном случае составитель Н1ЛМ имел две летописи с двумя разными вариантами известия о князе Святославе, при этом последнее предложение УЛ стало последним предложением большого рассказа Н1ЛМ, дополненного составителем или автором Н1ЛМ текстом ЛПС, своим оригинальным дополнением и насыщенный цитатами из Паремийника и Псалтири. В результате и получилось, что в начале рассказа Н1ЛМ князь Святослав рассуждает и действует как взрослый человек, а в конце статьи он оказывается ребенком.

Наличие текстов УЛ и ЛПС и восприятие их как источников Н1ЛМ позволяет выделить текст, принадлежащий перу летописца Н1ЛМ, т. е. восстановление летописного свода, представленного в Н1ЛМ, можно обосновать текстологической аргументацией, а не интуицией исследователя. Например, вариант данной летописной статьи, предложенный А. А. Шахматовым в восстановленном им тексте Древнейшего Киевского свода 1039 г. (Шахматов 2002: 366; Алешковский 1971: 18), будет значительно отличаться от варианта, учитывающего эволюцию текста, представленную в УЛ, ЛПС, Н1ЛМ. Но эта тема выходит за рамки данной публикации.

Говоря о летописной статье 6463 (955) г., необходимо отметить и текст Владимирского летописца, где сюжет, связанный с князем Святославом, отсутствует (ВЛ: 21). Вряд ли это можно отнести к поздним сокращениям текста.

Обратимся теперь к известиям 6477 (969) г., где также есть дополнительные аргументы в пользу первичности УЛ по отношению к Н1ЛМ. Эта летописная статья, посвященная смерти княгини Ольги, неоднократно анализировалась исследователями. Формально запись этого года можно разделить на две части: первая содержит информацию о смерти и похоронах княгини Ольги, вторая — «похвалу» княгини Ольги. Вторая часть названа «похвалой» условно, некоторые исследователи, например Е. А. Осокина, определяют её как цельное по форме произведение (Осокина 1992: 44). В таком виде «Похвала» появляется в Н1ЛМ. В УЛ похвала краткая, состоящая из трех предложений, но самое удивительное, что эти три предложения являются основным каркасом «цельного по форме произведения», находящегося в Н1ЛМ–ЛЛ–ИЛ, дополненного цитатами из разных внелетописных произведений. Эти цитаты отмечены в тексте Н1ЛМ, при этом использованы указания А. А. Шахматова (Шахматов 2003: 658–659) с некоторыми дополнениями:

УЛ	Н1ЛМ
Блаженная Ольга сия есть предтеча христианскои земли и аки же денница пред солнцем, аки пред тым сияше, аки луна в нощи светящи, аки бисер в калу сиречь в неверных.	Си бысть предтекущиа крестианьстеи земле, акы деньница предъ солнцемъ, акы заря пред светомъ; ибо сияше, акы луна в нощи; тако и сиа бысть в неверныхъ человецехъ светяшеся, акы биссеръ в кале*.
Мы же рцем к неи: «Радуися, позвание и познание к богу, первое от Руси, вниде во царство небесное».	Мы же речемъ к неи: «радуися, руское познание къ богу, начатокъ примирению быхомъ». Си пръвое вниде въ небесное царство от Руси…**
Сию хвалят русти сынове, видяща ю лежащу в теле за много лет (УЛ: 21).	Се бо вси человеци блажать, видяще бо ю лежащу за многа лета в теле свое*** (НПЛ: 120–121).

* Из «Слова о законе и благодати» Илариона, 3-я ред.
** Из Прит. XX1X, 2.
*** Из Пс. CX1, 6–8; Премудр. У, 15, 16.

Если опять же следовать общепринятому взгляду о сокращенном характере УЛ, то надо предположить, что ее составитель опускал все цитаты из Священных книг, что более чем странно для верующего человека. А вот дополнять текст своего предшественника такими цитатами — очень распространенный прием работы древнерусского автора.

М. Х. Алешковский отметил следующее противоречие в известиях этого года: «В одном и том же предложении о смерти Ольги автор одновременно сообщает и о ее тайных, и о всенародных похоронах» (Алешковский 1971: 18). Исследователь несколько не точен. Хотя он и не указал летописи, на основе которой он сделал свое наблюдение, но это скорей всего Н1ЛМ. Только там слово «тайное» относится не к похоронам княгини Ольги, а к тому, что она втайне держала у себя священника, именно так, судя по знакам препинания, думал публикатор этой летописи: «бе бо имущи прозвутера втаине; и тъи похорони ю…» (НПЛ: 120). Но М. Х. Алешковский прав в том, что в тексте говорится как бы о двух вариантах похорон. Сравним известия о похоронах в УЛ, ЛПС и Н1ЛМ:

УЛ	ЛПС	Н1ЛМ
Князь же Святослав погребе ю ту в Киеве. И заповеда Ольга ни тризна творить, ни могиле сыпати, бе бо имуще у себя прозвитера в таине. И тои погребе ю и похорони (УЛ: 21).	И плакася по неи сынъ ея, и внуци ея, и людие вси великом плачемъ, и несъше, погребоша ю на месте, и презвитером заповеда не творити тризны над собою (ЛПС: 19).	…и плакася по неи сынъ ея и внуци ея и людие вси плачемъ великымъ зело; и несъше, погребоша ю на месте. И бе заповеда Олга не творити трызны надъ собою: бе бо имущи прозвутера втайне; и тъи похорони ю, блаженую Олгу (НПЛ: 120).

В УЛ говорится о погребении княгини Ольги только священником, в ЛПС похороны описаны иначе: весь народ с плачем хоронил княгиню, а в Н1ЛМ оба варианта похорон объединены вместе, что и порождает впечатление о двойственности и нестыковке текста последней летописи.

Наблюдения, представленные в данной публикации, позволяют снова поставить вопрос о раннем происхождении начальной части УЛ и о ценности ее для истории русского летописания XI в. Предположение А. А. Шахматова и М. Н. Тихомирова подкрепляется новыми текстологическими аргументами. Конечно, летописный свод XI в., датируемый примерно 50-ми гг.XI в., не сохранился в тексте УЛ в чистом виде — он претерпел значительные изменения на протяжении длительной истории УЛ, охватывающий период в несколько столетий. Но все эти поздние наслоения, при наличии таких летописей как Н1ЛМ, ЛЛ, ИЛ, в текст которых летописный свод 50-х годов XI в. вошел, могут быть выявлены, а сам летописный свод восстановлен. Для характеристики работы летописца, чья работа представлена в Н1ЛМ (а это был Нестор, о чем мне приходилось неоднократно писать), наличие УЛ в сочетании с ЛПС незаменимы, т. к. они, являясь источником Н1ЛМ (а это пока только предположение), позволяют выявить весь оригинальный слой материала, внесенный Нестором в летописный текст.

На данном этапе исследования можно сделать следующий вывод: начальная часть УЛ не является ни поздним сокращением летописей (Н1ЛМ, ЛЛ, ИЛ), ни литературной работой позднего летописца XV–XVI вв. Она содержит один из ранних летописных сводов XI в.

Литература

1. *Алешковский 1971* — Алешковский М. Х. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. М. 1971.

2. *ВЛ* — Владимирский летописец // ПСРЛ. Т. 30. М. 1965.

3. *Грихин 1992* — Грихин В. А. Древнейшие памятники русской письменности о княгине Ольге // Герменевтика древнерусской литературы X–XVI вв. Сб. 3. М. 1992.

4. *Зиборов 1989* — Зиборов В. К. О перспективах изучения русских письменных источников XI в. // Вестник Ленинградского университета. Серия 2. Вып. 4 (№ 23). Октябрь 1989.

5. *Зиборов 1995* — Зиборов В. К. О летописи Нестора. Основной летописный свод в русском летописании XI в. СПб. 1995.

6. *Зиборов 2007* — Зиборов В. К. Паремийник — источник Киевских летописцев XI в. // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. 2. СПб. 2007.

7. *ИЛ* — Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М.; Л. 1962.

8. *ЛЛ* — Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М. 1962.

9. *ЛПС* — Летописец Переяславля Суздальского (Летописец русских царей) // ПСРЛ. Т. 41. М. 1995.

10. *Лурье 1976* — Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л. 1976.

11. *Лурье 1989* — Лурье Я. С. Летопись Устюжская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л. 1989.

12. *НПЛ* — Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. М.; Л. 1950.

13. *Осокина 1992* — Осокина Е. А. Летописная «похвала» и «стихиры», посвященные кн. Ольги // Герменевтика древнерусской литератур X–XVI вв. Сб. 3. М. 1992.

14. *Сербина 1985* — Сербина К. Н. Устюжские летописи XVI–XVIII вв. Л. 1985.

15. *Тихомиров 1979* — Тихомиров М. Н. Русские летописи. М. 1979.

16. *УЛ* — Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. 37. Л. 1982.

17. *Шахматов 1947* — Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Т. 4. М.; Л. 1947.

18. *Шахматов 2002* — Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. СПб. 2002.

19. *Шахматов 2003* — Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. СПб. 2003.

The Initial Part of the Chronicle of Ustyug

V. K. Ziborov

The Chronicle of Ustyug (further — УЛ) is found in scientific publications since the 18th century under different names: Archangel-City Chronicler, Ustyug Chronicler and Ustyug Chronicle. The text of УЛ has been published not once. It has survived for us in later copies (17th century). The initial part of УЛ differs considerably from such chronicles as the Novgorod First Chronicle (Н1ЛМ), Lavrent'evskaya Chronicle (ЛЛ) and Ipat'evskaya Chronicle (*ИЛ*). Alexey A. Shakhmatov and Mikhail N. Tikhomirov supposed that the initial part of УЛ reflected, although abbreviated and distorted, the earliest stage of the Russian chronicle-writing of the 11th century. That hypothesis has not been widely supported. A quite different origin of УЛ was proposed by Yakov S. Lur'ye who was of opinion that we deal here with "vestiges of the literary works of the 15th–16th century". In this paper, new textological arguments are presented in favour of the early origin of the initial part of УЛ in which the chronicle code of the 1050s is represented. The decisive argument is the fact that the text of УЛ contains no extracts from the Paremiynik — a prayer-service collection of Old and New Testament readings once commonly used in the practice of Russian church service. Excerpts from the Paremiynik are present in Н1ЛМ, ЛЛ and *ИЛ*; these citations were included into the chronicles in the 1060s–1090s AD. Analysis of chronicle articles under the years of 6463 (955) and 6477 (969) has yielded additional arguments in favour of the views proposed. The paper stresses the necessity of further studies of the Chronicle of Ustyug.

В. О. Казанский

Рёгнвальд Ульвссон: должность ярла в Швеции в начале XI в.[1]

Для XI в. — переходного периода в Швеции между эпохой викингов и ранним средневековьем — количество письменных источников очень ограничено. Лишь в общих чертах удается проследить социальные процессы в становлении древнешведского государства, среди которых распад традиционных социальных структур (изменений, вместе с ними, верований, традиций, идеологии); трансформацию административной системы и структуры престижа; формирование новой идеологической элиты; появление новых социальных идентификаций. В это время королевская власть в Швеции характеризуется существованием фактически лишь в местах пребывания конунга (Lindkvist 1998: 295). Также к XI в. относятся изменения в статусе, локализации и функциях института ярлства: от нескольких провинциальных ярлов до рикс-ярла (Kazanskij 2001; Казанский 2003).

В произведениях древнеисландской литературы ярлы упоминаются в эпоху викингов и даже раньше, когда они фигурировали как самостоятельные правители отдельных территорий, подчиненные конунгу.

В шведской историографии с начала XX в. появились различные предположения о локализации территорий, находившейся под властью рикс-ярла. Однако для эпохи ранее середины XII в. сведения недостаточно надежные: «Сообщения исландских саг о шведских ярлах ненадежны. Однако, вероятно, ярлов в Свеаланде никогда не было, а только в завоеванных землях — в Ёталанде (там ярлы, вероятно, относились к древнему ётскому роду), а так же в норвежских и русских завоеванных провинциях — там ярлы представляли короля. После времени правления Олава Шётконунга (ок. 995 — ок. 1022 гг. — *В.К.*) у нас нет сведений о существовании нескольких провинциальных ярлов» (Schück 1914: 316, 325).

Древнейшее, исторически подтвержденное ярлство или герцогство под властью рикс-ярла, составляла территория Руден (Roden) — охватывавшая прибрежные районы восточной Швеции (Tunberg 1920: 151–156, 164) или районы Упланда и восточного побережья Гестрикланда (Hjärne E. 1946: 54; 1947: 65–66, 88, 92). Считают также, что старейшим достоверно известным шведским ярлом над определенной территорией был Карл Сунессон, ярл в Вестеръётланде (1130-е гг.). Эта должность

[1] Статья написана в рамках работы над проектом для археологических исследований и образования, поддержаным Фондом Леннарта Й Хэгглунда.

в начале средневековья развивалась как своего рода дополнение к конунгу, прежде всего, в решении военных вопросов (Lönnroth 1940: 52–54). Ярл первоначально был «своего рода вице-конунгом в Ёталанде, который постепенно получил статус шведского рикс-ярла» (Tunberg 1940: 107).

Согласно распространенному мнению, главной функцией ярла, не ранее середины XII в., было командование ледунгом — шведским военно-морским ополчением, возникшим на основе племенных народных ополчений (обзор исследований см.: Gahrn 1988: 139–150; подробнее о ледунге: Ковалевский 1977: 105–107, 209–217). Характеризуя шведского рикс-ярла как командующего ледунгом, должность скандинавского ярла соотносят с должностями франкского графа и англосаксонского эрла, и предполагают ее заимствование из Англии через Данию (Hafström 1949: 53, 57–58). Высказывалось осторожное замечание: «В исландской литературе есть намеки на то, что в Швеции многие ярлы имеют свои области. Но местные (шведские. — *В.К.*) источники этого не подтверждают» (Rosén 1962). Шведских ярлов в XI в. можно считать местными самостоятельными правителями, однако, подчинявшимися конунгу (Sawyer 1991: 7–8). Но был ли ярл единственным, обладал ли леном и к каким округам относились ярлы, «мы не знаем» (Gahrn 1988: 147–149). Б. Фритц, единственная из исследователей, посвятившая специальную статью институту ярлства в Швеции, о времени до XII в. своего мнения не высказывает (Fritz 1971).

Итак, шведские исследователи говорят об общегосударственном шведском ярле — рикс-ярле — как командующем ледунгом не раньше середины XII в. О ярлах в Швеции XI в. упоминания крайне скупы и осторожны: «Ярлов в походе ледунга встречаем мы в источниках к концу XII в., но ярлы существовали и ранее» (Gahrn 1988: 148).

* * *

Вестеръётский ярл Рёгнвальд Ульвссон — одна из ключевых фигур в истории Швеции и в истории русско-шведских отношений первой половины XI в. Прежде всего, отметим его активную позицию в шведско-норвежских переговорах накануне заключения брака в 1019 г. шведской принцессы Ингигерд (дочери Олава Шётконунга) с Ярославом Мудрым, последующий отъезд на Русь и получение им в условное владение Ладоги и ее округи (Kazanskij 2007).

Политические причины, цели и условия этого брака были рассмотрены детально и многосторонне (Джаксон 1994: 153–161). Остановимся на участии ярла Рёгнвальда в событиях 1017–1019 гг., связанных с конфликтом Швеции и Норвегии. Одним из основных источников является уникальное произведение исландского скальда Сигвата Тордарсона (ок. 995 — ок. 1045 гг.) «Висы о поездке на Восток» (*Sigvatr Þórðarson "Austrfararvísur"*). Это своеобразный отчет о дипломатической миссии, с которой Сигват как посланец норвежского конунга Олава Харальдссона (995–1030 гг.) побывал в Швеции в начале XI в. Висы датируют 1019 г.; информация, содержащаяся в них, была предметом научных дискуссий среди шведских и норвежских исследователей (Toll 1924: 546–565; Finnur Jónsson 1932; Moberg 1941: 88–147; обзор исследований см.: Friesen 1942: 211 ff).

Снорри Стурлусон в «Круге Земном» (ок. 1230 г.) в «Саге об Олаве Святом» разъясняет сложившуюся ситуацию. Норвежский конунг Олав Харальдссон, вскоре после прихода к власти в Норвегии, взял под контроль пограничную со Швецией территорию, с которой шведский конунг Олав Шётконунг ранее взимал налоги. Олав Харальдссон приказал повесить шведских сборщиков налогов, пришедших по поручению своего конунга. После этого начались взаимные военные нападения на приграничные территории, в результате которых наносился значительный ущерб мирному населению, и были серьезно затруднены передвижения через границу. Олав Харальдссон отправил для переговоров о мире скальда Сигвата Тордарсона, окольничего Бьёрна и исландца Хьяльти Скеггьяссона. Вначале посланники прибыли к ярлу Рёгнвальду в Скара, в Вестеръётланд. Затем Хьяльти Скеггьяссон оправился в Свитьод для встречи с Олавом Шётконунгом. Хьяльти предложил заключить мир путем брака Ингигерд, дочери Олава Шётконунга, и Олава Харальдссона. Олав Шётконунг, резко отказавшись от этого предложения, позже вынужден был согласиться из-за угрозы его свержения. Но Олав выдал свою дочь Ингигерд замуж за князя Ярослава из Хольмгарда (Новгорода). Она отправилась на Русь вместе с Рёгнвальдом, ее родственником, ставшим ярлом в Альдейгьюборге (Ладоге). Олав Харальдссон, готовый вновь начать военные действия, был остановлен Сигватом и ярлом Рёгнвальдом, и вступил в брак с Астрид, другой дочерью Олава Шётконунга от наложницы (Круг Земной 1980: 201, 203 и далее).

Вне сомнений, что одним из основных источников для этого сообщения Снорри были «Висы о поездке на Восток» скальда Сигвата (Skj. A I: 233–240; B. I: 220–225). Основные сведения о Рёгнвальде, содержащиеся в висах, кстати сказать, современных ему, следующие.

Сигват говорит, что по поручению конунга Олава «посланники долгий путь держали к хёвдингам (*siklingar*)» (Skj. B I: 223). Эти хёвдинги, которых посетили посланники из Норвегии упомянуты: «Я встретил благородного и могущественного Рёгнвальда» (Skj. B I: 225); «Ульв взялся за переговоры о примирении»;[1] и еще один — без имени — "брат Ульва" (Skj. B I: 225).[2] Итак, Сигват называет Рёгнвальда, Ульва и брата Ульва, не говоря о том, как они связаны между собой; но в контексте читается, что Рёгнвальд — самый знатный из них. Он назван «благородным» (*ítr*), «могущественным» *(ríkr*), «щедрым» (*mildr*) — эпитетами правящего человека. Рёгнвальд взял на себя поручение Олава Харальдссона, но при этом предполагалось участие Ульва и брата Ульва.

Еще в одной висе Сигвата из «Флока об Эрлинге Скьяльгссоне» (1028–1029),

---

[1] В тексте: *Spacr Ulfr* «мудрый Ульв» (Skj. A I: 239). Финнур Йоунсон, обосновывая тем, что Ульву в это время было около 15–16 лет, посчитал необходимым в публикации текстов с нормализованной орфографией исправить на *Sunr Ulfs* «сын Ульва» (Skj. B I: 225), то есть Рёгнвальд (Finnur Jónsson 1932: 19). Ср. также *Spakr Ulfr* «мудрый Ульв»(Kock 1946: 117).

[2] Согласно установившейся традиции, в строфе 19 упомянут «брат Ульва» (Круг Земной 1980: 233), но порядок слов допускает различные толкования, ср. (Skj. B I: 225; Skaptason 1988: 100). Материал требует более детального рассмотрения; отмечу лишь, что один из вариантов прочтения допускает словосочетание *Ulfs frændi* «родич Ульва», то есть его «брат» или «отец» (Finnur Jónsson 1932: 15).

Ульв был назван сыном Рёгнвальда (*Ulfs feðr*) (Skj. B I: 230).[1] И Снорри упоминает, что Рёгнвальд, игравший важную роль на стороне шведов в переговорах с норвежцами, имел двух сыновей — Ульва и Эйлива (Круг Земной 1980: 235).

Отметим также, что «Висах», в отличие от сообщения Снорри, не названы ни Вестеръётланд, ни Скара (Skara). Сигват указывает, что поездка направлена «на восток в Свитьод (*austr til Svíþjóðar*)» (Skj. B I: 220), а этот топоним и в других стихах Сигвата, и в древнеисландской литературе вообще, характерен для обозначения восточного Свеаланда и часто противопоставлялся Ёталанду. А Снорри Стурлусон сообщает, что «они ехали по городу Скарар по дороге, ведущей ко двору ярла» и цитирует вису Сигвата, где упоминается «усадьба Рёгнвальда» (Круг Земной 1980: 208).

Что касается «усадьбы Рёгнвальда», то, согласно висе (Skj. B I: 223), посланники норвежского конунга проехали через нее (*riðum allsnúðula gögnum býRögnvalds*). Локализация усадьбы не установлена, но отмечалось, что в названии селения Йернсюсла (Järnsyssla), расположенного в 2,5 км на северо-восток от Скара, первая часть топонима восходит к древнешв. *Iaerl-, Iaerls* или *Iaerla* «ярл, принадлежащее ярлу», а вторая соответствует зап.-сканд. *syssla* с первоначальным значением «работа, деятельность, должность», и шире — «территория деятельности». Это позволяет рассматривать топоним со значением «двор ярла и центр его деятельности» (Modéer 1947).[2]

С этим выводом согласился Б. Греслунд и высказал предположение, что в раннее средневековье в Вестеръётланде соседствовали три центра — Йернсюсла, административно-политический; Скара, торговый, и Ётала (Götala), культовое место и место тинга, расположенное в 2 км к югу от Скара (Gräslund 1983/84: 46–47). Если это так, то посланники вполне могли проехать усадьбу, через резиденцию ярла Рёгнвальда, или административный центр в Йернсюсла, никого там не застав, и направились в Свитьод. Возможно, что их передвижение шло с юго-юго-западного побережья Швеции. В висах говорится об их путешествии на кораблях и передвижении в направлении «от данов» (Skj. B I: 222–223).

Сигват также говорит: «Я знаю, конунг, что здесь ты имеешь очень большого друга в Аустрвегах по всему зеленому морю (*á austrvega alt með grœnu salti*)» (Skj. B I: 225).[3] Упоминание Сигватом «Аустрвегов» (восточных путей) и «зеленого моря»,[4] наряду с другими деталями в «Висах», послужило основой для различных толкований информации источника и привело к появлению нескольких гипотез исследователей о месте пребывания Рёгнвальда и его статусе.

Например, в «Висах» различают две поездки Сигвата, из которых вторая

---

[1] «И вторую, славный (Олав Трюггвасон. — *В. К.*), / Сестру дал Рёгнвальду, / Ульвова надолго / Отца осчастливил». Перевод О. А. Смирницкой (Круг Земной 1980: 176).

[2] Ср. топоним Järrestad «поселение ярла» на юго-востоке Сконе (Ejder 1980: 9–10).

[3] Перевод Т. Н. Джаксон (Джаксон 1994: 74).

[4] еГидроним «зеленое море» обычно отождествляют с Балтийским морем, а «восточные пути / Аустрвег» редко включают в себя Швецию, обозначая в разное время маршруты, направленные на восток, и территории, расположенные на юго-востоке Балтики; см.: (Джаксон 1994: 154, 195–196).

состоялась в Гардарику (на Русь), где к тому времени и находился Рёгнвальд (Schreiner 1927/29: 32 ff.); указывают на его пребывание в Свитьод, в районе оз. Меларен (Moberg 1941: 112); на его резиденцию непосредственно в Сигтуне (Ros 2001: 29); допускается его присутствие на Руси (Turville-Petre 1976: 78) или непосредственно называется Новгород (Skaptason 1988: 98). Предполагают даже, что резиденция Рёгнвальда находилась «где-то в обитаемой местности от Аландских островов и до мыса Ханко. Из разных возможных вариантов на первом месте находятся Аландские острова» (Drejer 1983: 227–230); или настаивают на существовании в это время двух Рёгнвальдов, один из которых не был ярлом, но жил в Свитьод (Gahrn 1988: 112, 140).

Но, исходя из сообщения Адама Бременского о конфликте язычников с Олавом Шётконунгом (Адам Бременский 1999: 74; Ковалевский 1977: 96) и основании церкви и епископского стола в Скара, есть вероятность перенесения резиденции конунга в Вестеръётланд и кратковременность его пребывания в Свеаланде. В этом случае, только ярл как вице-конунг мог выполнять свои обязанности в Верхней Швеции. Фон Фрисен предполагал, что Снорри опирался на надежную, с его точки зрения, традицию, согласно которой Рёгнвальд какое-то время был ярлом в Вестеръётланде; обобщив это известие и для времени последующих событий, Снорри сделал ошибку (Friesen 1942: 231). Схожую позицию занимает и Б. Греслунд (Gräslund 1983/84: 44).

Обращалось внимание, что Рёгнвальд в висах ни разу не назван ярлом (Weibull 1921: 120). Действительно, Сигват все время использует хейти человека власти: *siklingr, þengill, hilmir* «король, князь, правитель»; *jöfra þrýstir* «победитель конунгов»; *heiðmaðr* «человек, служащий у конунга»; *nefi jarla* «родич ярлов»; говорит о его принадлежности к «роду Эрика» (*Eiriks ætt*) и использует обращение *minn dróttin(n)* «мой господин, король, князь».[1]Упомянутые синонимы правителя широко распространены не только в скальдической поэзии вообще, но и в стихах Сигвата в частности. Так в «Висах о поездке на Восток» он использует ту же лексику в отношении конунга Олава Харальдссона: *hilmir* (строфа 16), *þengill* (строфа 18), *jöfurr* (строфа 1); и в одной строфе (21) предлагает «могущественному конунгу» (*ríkr konungr*) жить в мире с «могущественным Рёгнвальдом» (*ríkan Rögnvald).*

Некоторые исследователи, связывая происхождение Рёгнвальда с родом норвежских ярлов, не считают его связь с Вестеръётландом достоверной (Weibull 1921: 122ff; Toll 1924: 546ff). Есть также точка зрения (исходящая из предположения о принадлежности Вестеръётланда в это время Дании), что Рёгнвальд был ярлом датского конунга, а не шведского (Guðmundsson 1927: 546). Фон Фрисен высказывает предположение, что «родич ярлов» у Сигвата определяется принадлежностью Рёгнвальда к шведской родне, чьи представители хотя бы в двух случаях были ярлами, а под «*Eiriks ætt*» подразумевается Олав Шётконунг, сын Эйрика Победоносного (Friesen 1942: 229–230).

Принимая во внимание перечисленные хейти для наделенного властью человека, правителя, можем учесть и све-

[1] Финнур Йоунссон считает вокативом к конунгу, Олаву Харальдссону (Finnur Jónsson 1932: 13).

дения Снорри Стурлусона, именующего Рёгнвальда ярлом. «За поэтическим сообщением Сигвата, — говорит фон Фрисен, — впервые в истории мелькает должность рикс-ярла. Вероятно, ярл действовал по заданию как вице-конунг в Ёталанде. Он занимался обороной от нападений извне, следил за внутренней безопасностью и при необходимости следил за соблюдением приговоров конунга» (Friesen 1942: 230–231).

С. Тунберг, отмечая «своеобразную дуалистическую конструкцию государства», то есть особые политические отношения между свеями и ётами, предполагает, что «ётский родовой хёвдинг — неизвестно с какими традициями в прошлом — стал особым представителем и доверенным лицом шведского конунга, своего рода шведским вице-конунгом в Ёталанде, который постепенно получил черты рикс-ярла» (Tunberg 1947: 29–30). Если совершенно не понятно, считает ли Тунберг Рёгнвальда таковым, то фон Фрисен прямо говорит о Рёгнвальде как о рикс-ярле (Friesen 1942: 232).

* * *

Итак, столь неоднозначные выводы в работах исследователей в отношении статуса ярла в Швеции в начале XI в. и локализации сферы его деятельности, отражают различные пути становления региональных социальных и политических структур в областях Свеаланд и Ёталанд.[1] Начавшийся в это время процесс христианизации Швеции с неравномерным развитием церковной организации в этих двух регионах оказал существенное влияние на формирование новой политической культуры. Поскольку в XI в. связи между областями в государстве были поверхностными и коммуникационное сообщение недостаточное, возможность осуществления постоянного контроля над обширной территорией была чрезвычайно ограниченной. На начальной стадии формирования жесткой социальной иерархии конунг был редко признаваем одновременно в двух главных провинциях, и в некоторые периоды допускалась форма соправления.

Литература

1. *Адам Бременский 1999* — Адам Бременский. Из ранней истории шведского народа и государства: Первые описания и законы. М. 1999.

2. *Джаксон 1994* — Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.): Тексты, перевод, комментарий. М. 1994.

3. *Казанский 2003* — Казанский В. О. К вопросу о происхождении должности ярла в Швеции / Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора М. И. Стеблин-Каменского. СПб. 2003.

[1] Ср. разницу в приоритетах провинций Свеаланда (Мельникова 2008: 18–19) и Ёталанда (Lindkvist 1991: 144) в процессе формирования древнешведского государства.

4. *Ковалевский 1977* — Ковалевский С. Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М. 1977.

5. *Круг Земной 1980* — Снорри Стурлусон. Круг Земной. Издание подготовили А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М. 1980.

6. *Мельникова 2008* — Мельникова Е. А. Свеаланд и Гаутланд: формирование древнешведского государства в региональной перспективе // Шведы. Сущность и метаморфозы. М. 2008.

7. *Drejer 1983* — Drejer M. Det ålandska folkets historia I:1. Från stenåldern till Gustav Vasa. Mariehamn. 1983.

8. *Ejder 1980* — Ejder B. Ingelstads och Järrestads häraders namn // Tomelilla hembygdskrets årsbok. 1980.

9. *Finnur Jónsson 1932* — Jónsson Finnur. Austrfararvísur // Avhandlinger utg. av Det Norske Videnskaps Akademi i Oslo. II, Historisk-filosofisk klasse 1931. № 1. Oslo. 1932.

10. *Friesen 1942* — Friesen O., von Fredsföhandlingarna mellan Olov Skötkonung och Olav Haraldsson // Historisk Tidskrift, bd. 62. 1942.

11. *Fritz 1971* — Fritz B. Jarladömet — sveahertigdömet // Historisk Tidskrift. Bd. 90. 1971.

12. *Gahrn 1988* — Gahrn L. Sveariket i källor och historieskrivning. Göteborg. 1988.

13. *Gräslund 1983/84* — Gräslund B. Snorre, Ragnvald Ulfsson och Brunnsbo Storäng // Västergötlands Fornminnesförenings Tidskrift. 1983/84.

14.Guðmundsson 1927 — Guðmundsson Barði. Gøtalands politiske stilling fra 950 til 1050 // Historisk Tidsskrift. Utg. av den Norske historiske forening, 5. rekke. Bd. 6. 1927.

15. *Hafström 1949* — Hafström G. Ledung och marklandsindelning. Uppsala. 1949.

16. *Hjärne 1946* — Hjärne E. Rod och runor // Kunglig. Humanistiska Vetenskapssamfundet i Uppsala. Årsbok. 1946.

17. *Hjärne 1947* — Hjärne E. Upphovet och namnet. Området och jarlen // Namn och Bygd. 1947.

18. *Kazanskij 2001* — Kazanskij V. Till frågan om det svenska jarlämbetets ursprung // Scandia. Bd. 67. 2001.

19. *Kazanskij 2007* — Kazanskij V. The meaning and significance of tilgjöf in the marriage conditions of Ingegerd, Olof Skötkonug's daughter // Cultural interaction between east and west: Archaeology, artefacts and human contacts in northern Europe. Stockholm Studies in Archaeology. 44. Stockholm. 2007.

20. *Kock 1946* — Kock E. Den norsk-isländska skaldediktningen. Bd. 1. Lund. 1946.

21. *Lindkvist 1991* — Lindkvist T. Social and Political Power in Sweden, 1000–1300: Predatory Incursions, Royal Taxation, and the Formation of a Feudal State // Social Approaches to Viking Studies. Ed. by Ross Samson. Glasgow. 1991.

22. *Lindkvist 1998* — Lindkvist T. Bishops, kings and aristocrats in the making of a European society in Sweden 1100–1320 // Culture Clash or Compromise? The Europeanisation of the Baltic Sea Area 1100–1400 AD. Papers of the XIth Visby Symposium held at Gotland Centre for Baltic Studies, Gotland University College, Visby, October 4th–9th, 1996. Acta Visbyensia, XI. Visby. 1998.

23. *Lönnroth 1940* — Lönnroth E. Statsmakt och statsfinans i det medeltida Sverige: Studier över skatteväsen och länsförvaltning // Göteborgs högskolas årsskrift, XLVI. 1940.

24. *Moberg 1941* — Moberg O. Olav Haraldsson, Knut den Store och Sverige. Lund. 1941.

25. *Modéer 1947* — Modéer I. Järsyssla vid Skara // Ortnamnssällskapet i Uppsala årskrift. 1947.

26. *Rosén 1962* — Rosén J. Jarl // Kulturhistoriskt lexikon för nordisk medeltid. Vol. I–XXII. København, Helsingfors, Reykjavik, Oslo, Malmö, 1956–1978. Bd. VII. 1962.

27. *Ros 2001* — Ros J. Sigtuna: Staden, kyrkurna och den kyrliga organisationen. Uppsala. 2001.

28. *Sawyer 1991* — Sawyer P. När Sverige blev Sverige. Alingsås. 1991.

29. *Schreiner 1927/29* — Schreiner J. Olav den hellige og nabolandene // Historisk Tidsskrift. Utg. av den Norske historiske forening, 5. rekke, Bd. 7. 1927/29.

30. *Schück 1914* — Schück H. Svenska folkets historia 1:1. Forntiden och medeltiden. Lund. 1914.

31. *Skaptason 1988* — Skaptason J. Material for an edition and translation of the poems of Sigvat Thotharson, skald. Ann Arbor. 1988.

32. *Skj.* — Finnur Jónsson. Den Norsk-Islandske Skjaldedigtning. A I-B I (800–1200). København. 1967.

33. *Toll 1924* — Toll H. Sigvat skalds resa till Svithjod // Historisk Tidsskrift. Utg. av den Norske historiske forening, 5. rekke. Bd. 5. 1924.

34. *Tunberg 1920* — Tunberg S. Till Svearikets äldsta historia // Fornvännen. Bd. 15. 1920.

35. *Tunberg 1947* — Tunberg S. Rod och Roslag i det gamla Svеariket // Det levande förflutna. Svenska historiska föreningens folkskrifter, 11. Stockholm. 1947.

36. *Turville-Petre 1976* — Turville-Petre E. O. G. Scaldic Poetry. Oxford. 1976.

37. *Weibull 1921* — Weibull C. Sverige och dess Nordiska grannmakter under tidigare medeltiden. Lund. 1921.

Ragnvald Ulvsson: the Status of a Swedish Earl (*Jarl*) in the Beginning of the 11th Century

V. O. Kazanskiy

This article considers the primary stage of formation of the *riksjarl* status in Sweden in the beginning of the 11th century. Ragnvald, the jarl of Västergötland, was one of the key figures in the history of Sweden and the Russian-Swedish relations in the first quarter of the 11th century.

Ragnvald's role in the events proceeding in Sweden (1017–1019) before his departure to Rus (*c* 1019) is described in the contemporary sources of *Austrfararvísur* (Verses on a journey to the East) by skald Sigvatr Þórðarson and later in *Heimskringla* by Snorri Sturluson. This information led the researchers to various hypotheses on the status of the jarl, the spheres of his activities and about his residence. Various conclusions drawn from these hypotheses suggest different ways of the formation of social and political structures in the provinces of Swealand and Götaland. At the initial stage of the establishment of a rigid social hierarchy, the kingship was seldom recognized simultaneously in the two main provinces at once, and in some periods co-regency were admitted. Thus, Ragnvald, the jarl of Västergötland, as the highest in rank after the king, was probably controlling some territories of the kingdom in the absence of the king.

М. М. Казанский

«Вождеские» погребения гуннского времени с мечами

Для эпохи великого переселения народов в «варварской» Европе выявлена серия могил воинских предводителей, сопровождавшихся мечом, иногда вместе с кинжалом или скрамасаксом и богатой поясной и обувной гарнитурой, часто украшенной декором в стиле перегородчатой инкрустации. Другие виды оружия в этих могилах, как правило, отсутствуют, зато часто представлены преметы конского снаряжения — удила, седла, сбруя и пр. Большая часть этих погребений принадлежит «княжескому» горизонту находок, получившему название Унтерзибенбрунн (по знаменитой находке в Нижней Австрии), и датируется периодом D2, то есть 380/400–440/450 гг. Некоторые из этих могил относятся к несколько более позднему горизонту Смолин, который соответствует периоду D2/D3, 430/440–470/480 гг. (Tejral 1997). В Восточной Европе периоды D2 и D2/D3 в целом соответствуют гуннскому времени. В данной

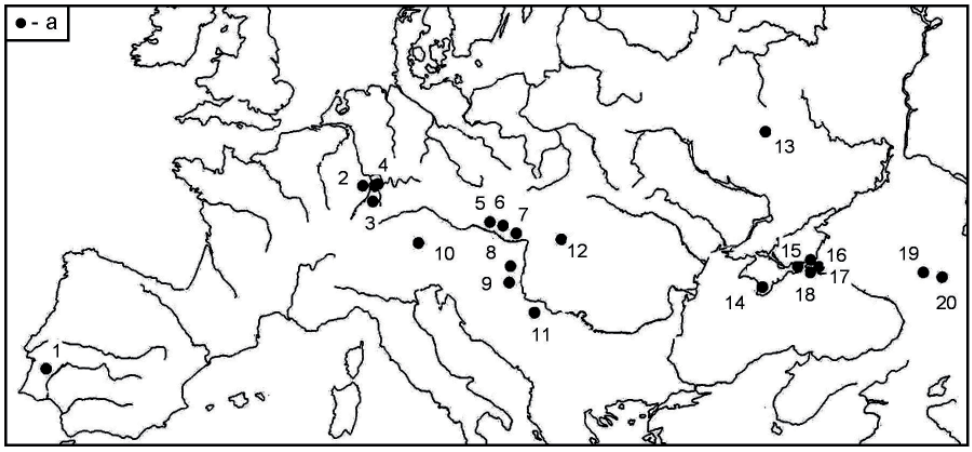


Рис. 1. Карта распространения «вождеских» погребений гуннского времени с мечами и гарнитурой. Учитывая масштаб карты, локализация памятников приблизительна:

1 — Бежа; *2* — Мундольсхейм; *3* — Вольфсхейм; *4* — Альтлюссхейм; *5* — Вена-Леопольдау; *6* — Унтерзибенбрунн; *7* — Лаа; *8* — Лебень; *9* — Ленделтоть; *10* — Фюрст; *11* — Нештин; *12* — Сирмабешенье; *13* — Круглица-Поршнино; *14* — Лучистое; *15* — Керчь; *16* — Фонтал; *17* — Фанагория; *18* — Тузла; *19* — Мокрая Балка; *20* — Брут

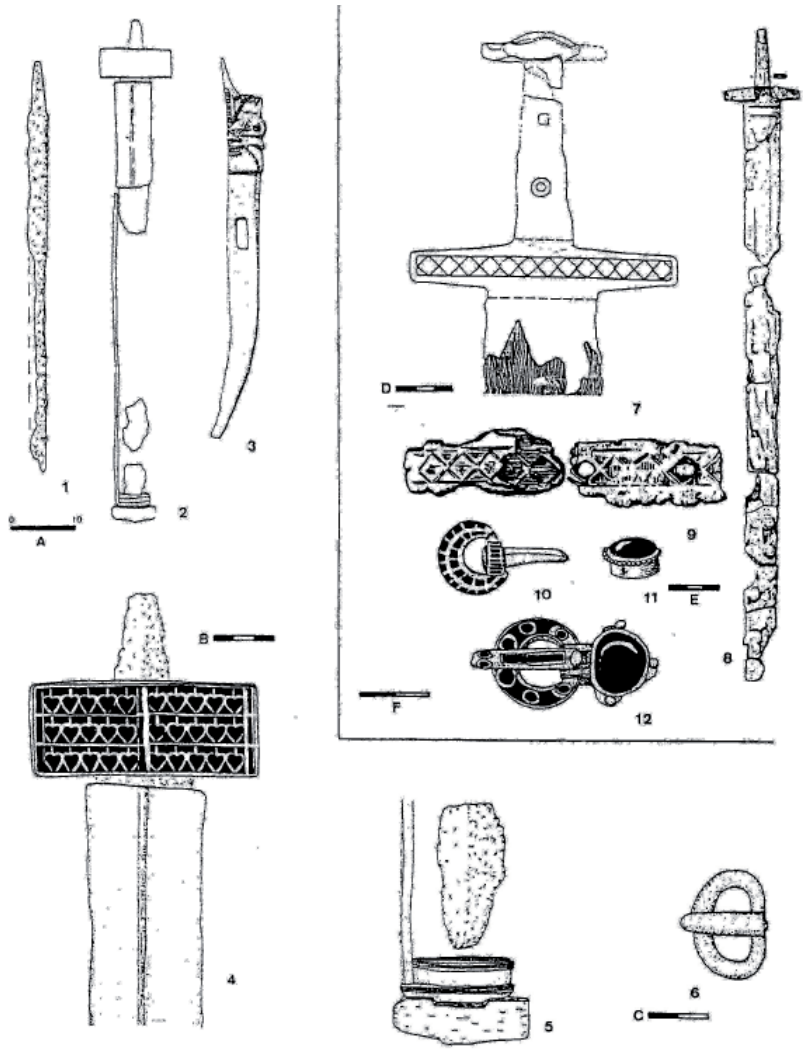


Рис. 2. Погребальный инвентарь могил Альтлюсссхейм (*1–6*) и Бежа (*7–12*). Масштабы: *A* — 1, *2*, *8*; *B* — *3*, *5*; *C* — *6*, *9*; *D* — *7*; *E* — *11*; *F* — *10*, *12* (Kazanski 1999)

работе я хочу кратко охарактеризовать воинскую экипировку и конское снаряжение, происходящие из этих могил и попытаюсь определить происхождение данного погребального обряда.

Погребения предводителей с мечами в континентальной Европе в гуннское время распространены так широко (рис. 1), что вряд ли могут быть связаны с каким то конкретным «народом» и явно отражают некую престижную «княжескую» моду. К их числу принадлежат погребения Бежа на Пиренейском полуострове (рис. 2, *7–12*), Мундольсхейм в Галлии (рис. 4, *1–7*), погребения Вольфсхейм (рис. 3) и Альтлюсссхейм (рис. 2, *1–6*), оба по соседству с галльским пограничь-

ем, но уже на территории «свободной» Германии, предположительно Фюрст[1] (рис. 4, *8–12*), на территории римского Норикума, погребения Лебень, Ленделтоть и возможно Нештин[2] в римском Подунавье (рис. 6, *10, 11*), видимо Лаа, погр. 2 (рис. 4, *13–18*), Вена-Леопольдау, погр. 3 (рис. 4, *19–24*), Унтерзибеннбрунн (рис. 5) и Сирмабешенье (рис. 6, *1–9*), все в подунайском Барбарикуме, Круглица-Поршнино на территории Центральной России[3] (рис. 6, *12*), Лучистое, склеп 88, в Юго-Западной Таврике, ряд погребений некрополя Пантикапея/Боспороса (погр. 11.1899; 165.5.1904; 179.6.7.1904; Новиковский склеп; Глинище 1896 и, возможно, какие то погребения 24.6.1904; см.: рис. 6, *13*; 7), Фанагория, склеп 50, погр. 2 в восточной камере и погр. 1 в западной камере (рис. 8), Фонтал[4] (рис. 6, *14–16*), Тузла, склеп 3 камера 2, 1951 г.[5], Мокрая Балка, погр. 123, в Пятигорье, Брут, погр. 2 и 7, на территории Северной Осетии (подробную библиографию см.: Kazanski 1996; 1999; Kazanski, Akhmedov 2007; Габуев 2005).

Перечисленные погребения различаются по степени богатства. Наиболее богатые мечи византийского/позднеримского происхождения, с декором closonné на гардах (рис. 2, *4, 7*) были найдены в погребениях Бежа, Альтлюссхейм, Мокрая Балка (о них см.: Menghin 1994–1995: 176–186; Kazanski 2001). Характерным элементом мечей из княжеских могил (рис. 2, *7*; 4, *22*; 6, *2, 12*; 8, *2, 4*) является железная гарда «азиатского» типа, по В. Менгину (Menghin 1994–1995: 165–175). Такие гарды существуют в Восточной Европе у сармат в римское время (см., напр.: Хазанов 1971: 16), а в Центральной и Западной Европе распространяются уже в гуннскую эпоху, точнее в период D2/D3 (Tejral 2003: 503–506).

Также выделяются богато украшенные мечи без гарды, наденные в Керчи-Глинище 1896 (рис. 7, *1, 2*) и Бруте, курган 2 (Габуев 2005: № 55). И. Бона обоснованно предполагает иранское происхождение подобных мечей (Bona 2002: 121, 199). Кинжал с четырьмя выступами на ножнах из кургана 7 в том же могильнике Брут (Габуев 2005: № 84) также является восточным, возможно иранским по прооисхождению. Кинжалы с такими выступами, в частности, известны в Южной Сибири, Иране, Сирии, изредка у сармат Восточной Европы (см. подробнее: Кубарев 1981; Bespalyi, Perevoztchikov 1995: карта). Другой кинжал из Брута, найденный в кургане 2, имеет параллели по декору в степных древностях гуннского времени, в частности в находках из Новогригорьевки (Засецкая 1994: табл. 5.13, 14).

---

[1] Погребения в Лаа и Фюрсте содержали элементы богатой, возможно портупейной гарнитуры, присутствие мечей или их деталей там не засвидетельствовано. Тем не менее, характер гарнитуры позволяет причислить эти находки к рассматриваемой группе.

[2] В Нештине найдены меч-спата и пряжка с декором cloisonné, однако неясно, происходят ли они из одного погребения.

[3] Находки в Круглице и Унтерзибенбрунн, судя по наличию женских украшений, происходят из парных погребений. Могила в Альтлюссхейм также была парной, как это показали антропологические исследования осхранившихся костных остатков.

[4] Неверно введен в научный оборот И. Вернером как «Ахтанизовская» (Werner 1956: Taf. 39, *27–29*). Здесь, как и в погребениях в Лаа и Фюрсте, сохранились лишь элементы гарнитуры.

[5] Меч и скрамасакс опубликованы (Сокольский 1954: 156, табл. 7, *1*). Принаждлежность склепа гуннскому времени устанавливается по найденной в нем характерной серьге (Зеест 1951: л. 37, 38; о них см.: Shchukin, Kazanski, Sharov 2006: 181, 182, fig. 163, *29*, 172, *31*, 176, *1*).

Скрамасаксы из Альтлюссхейма, Вены-Леопольдау, Сирмабешенье, Тузлы[1] (рис. 2, *1*; 4, *21*; 6, *3*), появившиеся в Европе как раз в гуннское время, скорее всего, принадлежат иранской и ранневизантийской воинской традиции, как показывают находки в Таджикистане, Азербайджане, Абхазии и на Балканах (Kazanski 1991: 132–134). Часто скрамасаксы считают степным элементом вооружения, привнесенным в Европу гуннами, но у восточноевропейских гуннов этот вид оружия практически не известен. Исключение составляет лишь большой, возможно боевой нож из погребения 2 кургана 8 в урочище Кубей, в Буджакской степи (Засецкая 1994: табл. 46, *18*). Другие ножи, происходящие из гуннских могил, не могут быть отнесены к числу боевых, поскольку либо они малой длины, либо их размер не известен. Обломки какого то однолезвийного оружия известны и в других гуннских могилах, но они вполне могут оказаться фрагментами палашей, вроде найденного в Тугозвоново (Уманский 1978: 134–139). Зато скрамасаксы и их фрагменты в гуннское время хорошо известны в Абхазии и на Балканах, то есть — в сфере позднеримского/ранневизантийского военного влияния, что и позволяет предположить их попадание к европейским варварам через посредство позднеримской армии (Kazanski, Mastykova, Périn 2002: 172–176).

Помимо мечей, кинжалов, скрамасаксов и гарнитур рассматриваемые погребения содержат предметы конского снаряжения, такие как удила (рис. 5, *13, 16, 17*), сбруйные разделители ремней, подвески и накладки (рис. 5, *10, 11, 14–19*), в частности, стиля Сёсдала (Унтерзибенбрунн), восходящего к римское военой традиции (Tejral 1973: 13, 14, 16, 18), а также (рис. 4, *5*; 5, *12*) пряжки (Мундольсхейм, Унтерзибенбрунн, Ленделтоть, Керчь, погр. 165.5.1904, Брут). Удила (рис. 5, *16, 17*) иногда имеют стержневые псалии с загнутым концом (Ленделтоть, Унтерзибенбрунн). Подобные вещи довольно широко распространены как у варваров, в частности, в Крыму, на Кавказе, в центральной России, на Урале (Kazanski 1999: 302; Akhmedov 2001; 2002) так и в Империи (например, в Сардах, в Малой Азии: Waldbaum 1983, pl. 7.89) и на территории ее сателлитов, в частности на Боспоре Киммерийском (Ахмедов 2001), в Абхазии (Ахмедов 2005) или в Нубии (Emery, Kirwan 1938: pl. 60a). Их прототипы известны в позднеримских древностях, например на Рейне (Kazanski 1999: 302). В погребении Мундольсхейм найдены металлические пластины от твердого седла (рис. 4, *1, 2*), но в целом этот элемент в гуннское время более характерен для погребений степных кочевников (см.: Засецкая 1994: 45–50; Kazanski, Akhmedov 2007: 250, 251).

Найденные в погребениях пряжки, наконечники, накладки, заклепки и ременные обоймы могут принадлежать как поясной, так и обувной или портупейной гарнитуре. Самые богатые гарнитуры, с декором полихромного стиля, происходят из находок горизонта Унтерзибенбрунн, таких как Вольфсхейм, Фюрст, Унтерзибенбрунн, Лаа, Нештин, Лебень, Ленделтоть, Керчь 11.1899, Глинище 1896 и Новиковский склеп, Фонтал,

[1] В погребении Бежа также было найдено навершие дополнительного клинкового оружия (рис. 2, *11*), однако сложно сказать, было ли оно однолезвийным скрамасаксом или двулезвийным кинжалом.

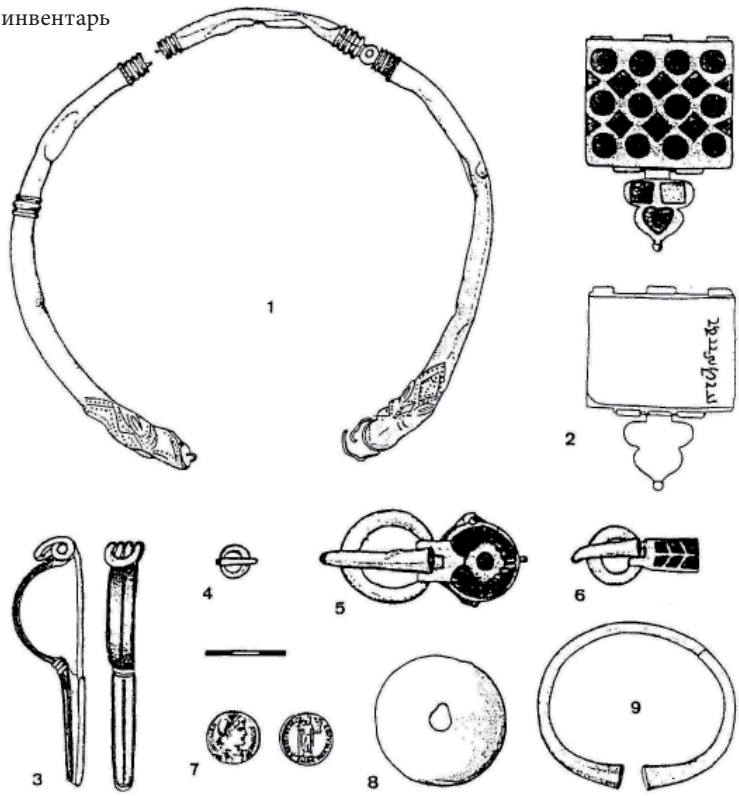


Рис. 3. Погребальный инвентарь могилы Вольфсхейм (Kazanski 1999)

Брут, курганы 2 и 7 (рис. 3, *5, 6*; 4, *10–12, 14–17*; 5, *2, 3*; 6, *10, 13–15*; 7, *10, 11, 13, 14*). Из погребений смолинского горизонта лишь захоронение в Бежа содержало подобную гарнитуру (рис. 2, *10, 12*). В других захоронениях гарнитура скромнее, она включает в себя элементы из серебра (напр. рис. 4, *3, 4*; 6, *6, 7*). Очень сложно определить, какие из этих элементов принадлежат поясной и обувной, а какие- портупейной гарнитуре[1]. Очень часто в погребениях встречаются пряжки с круглыми кольцом и щитком и хоботковидным язычком, с декором cloisonné на щитке. Предполагается, что они могли входить в состав как портупейных, так и поясных/обувных гарнитур. Они имеют очень широкую зону распространения, от Северной Африки до Туркестана, однко более всего их найдено на Среднем Дунае (Kazanski 1996; 1999: 302, 304, 307), причем в первую очередь на территории римской Паннонии (Bona 2002: fig. 146). Немало этих пряжек и в Северном Причерноморье (Kazanski 1996: fig. 9). Если принять во внимание достаточно сложную технику изготовления декора, можно предположить, что эти пряжки изготовлялись в паннонских и понтийских (боспорских?) ателье римской традиции. Гладкие язычковидные ременные наконечники, вроде найденных в Мун-

[1] Стоит уточнить, что в это время в Европе мечи носили и «по ирански», прикрепленными к поясу, как это видно на знаменитом портрете Стилихона из Монцы, и «по римски», на ремне через плечо, как например на диптихе Проба, датированном 406 г. (Kazanski 1991: fig. 3).

дольсхейме (рис. 4, *3*), также принадлежат понтийской традиции (Kazanski, Akhmedov 2007: 255, 256).

Среди других важных элементов погребального инвентаря «вождеских» могил с мечами необходимо назвать золотые массивные браслеты с расширенными концами, найденные в погребениях Вольфсхейм и Фюрст (рис. 3, *9*; 4, *9*). Как показал И. Вернер, эти браслеты у германцев носят статусный характер, они свидетельствуют о высоком, возможно королевском ранге погребенных вождей (Werner 1980). Также к разряду

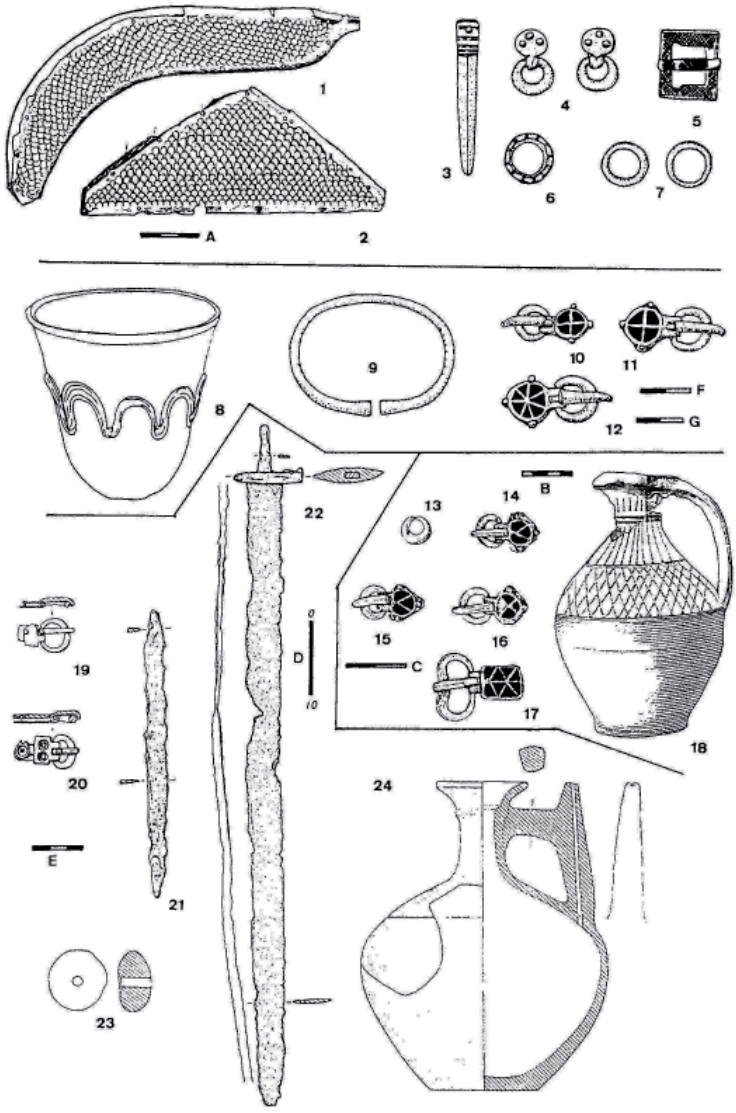


Рис. 4. Погребальный инвентарь могил Мундольсхейм (*1–7*), Фюрст (*8–12*), Лаа (*13–18*), Вена-Леопольдау (*19–24*). Масштабы:

A — *1*, 2; *B* — *18*; *C* — *13–17*; *D* — *21*, *22*; *E* — *19*, *20*, *23*, *24*; *F* — *8*, *9*; *G* — *10–12*; *3–7* — без масштаба (Kazanski 1999)

признаков высокого ранга принадлежат золотые гривны, происходящие из погребений Вольфсхейм и Унтерзибенбрунн (Keller 1967: 118).

В ряде случаев перечисленные погребения привязаны к совершено конкретному культурному контексту. Так, на Кавказе они принадлежат аланской знати, на Боспоре — местной сарматизированной аристократии, а в Юго-Западном Крыму — ираноязычному населению, которое обычно относят к аланам, хотя присутствие последних здесь для гуннского времени не зафиксировано никакими источниками. Погребальный инвентарь вождя из Мундольс-

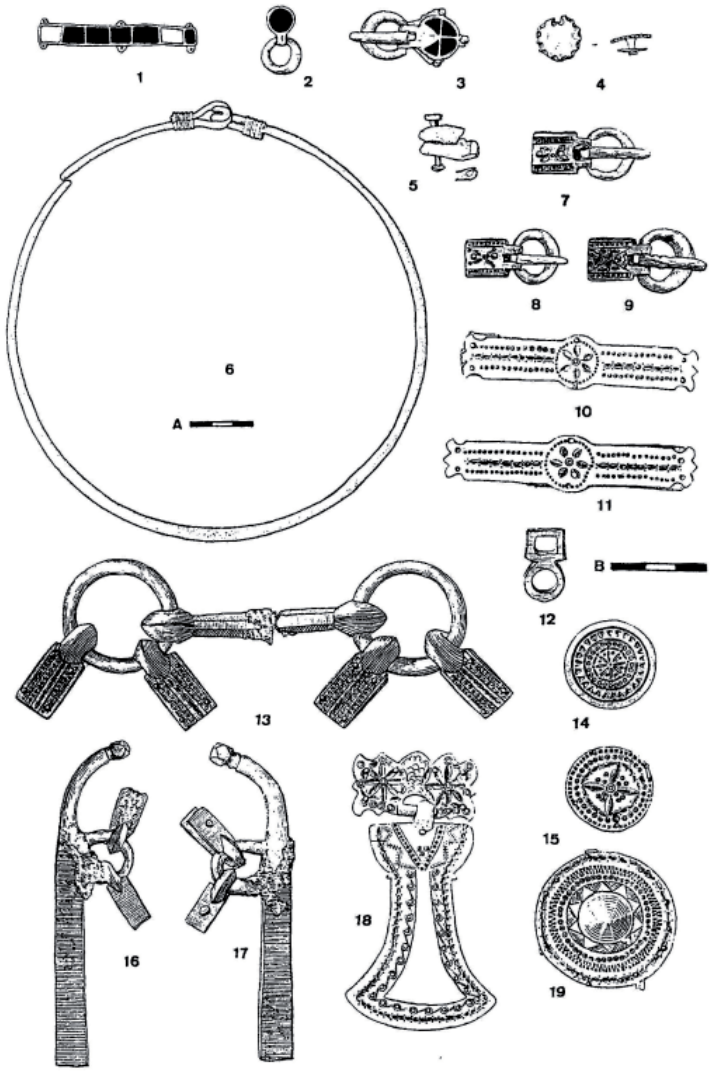


Рис. 5. Погребальный инвентарь могилы Унтерзибенбрунн (мужская часть). Масштабы: *A — 6*; *B — 1–5*, *7–19* (Kazanski 1999)

хейма указывает на его понтийское, возможно аланское или боспорское происхождение (Kazanski, Akhmedov 2007). Центральноевропейская золотая фибула германской традиции из Вольфсхейма может свидетельствовать о среднедунайском происхождении ее владельца (Kazanski 1999: 307). Загадку представляют некоторые восточные вещи из рейнских могил Альтлюссхейм и Вольфсхейм. В последнем случае в состав инвентаря входил фрагмент браслета (рис. 3, *2*) с сасанидской надписью «Ардашир» (Quast 1999). Ножны меча из погребения Альтлюссхейм имели в качестве бутероли вторично исполь-

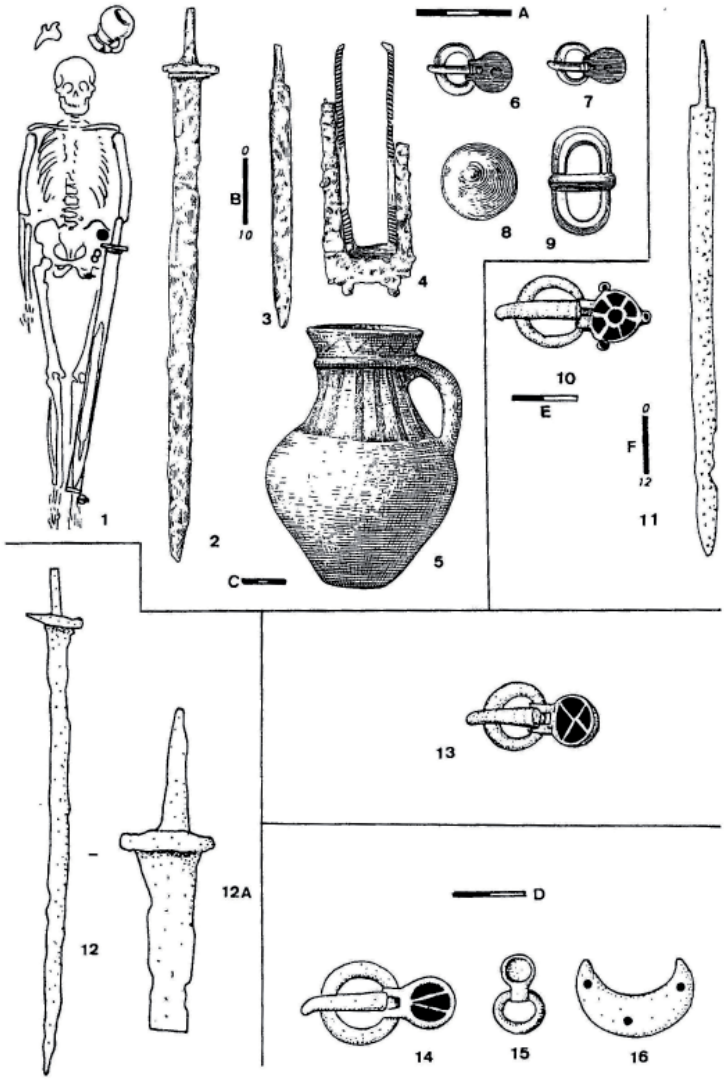


Рис. 6. Погребальный инвентарь могил Сирмабешенье (1–9), Нештин (10, 11), Круглица-Поршнино (12), Керчь, 11, 1899 (13), Фонтал (14–16). Масштабы:

A — *3*, *4*, *6–9*; *B* — *2*; *C* — *5*; *D* — *14–16*; *E* — *10*; *F* — *11*; *1*, *12* — без масштаба (Kazanski 1999)

зованную гарду восточного, возможно китайского меча, изготовленную из афганской ляпис-лазури (рис. 2, *5*), практически неизвестной на римском Западе (Quast 1999: 716). Можно только гадать, как эти экзотические вещи попали к рейнским варварам на римской службе. На ум приходит разве что месопотамская экспедиция галльских полков Юлиана Отступника. Впрочем, в биографии военных предводителей, погребенных на Рейне, могли быть и другие эпизоды, связанные со службой на восточной границе Империи.

Большая часть рассматриваемых погребений происходит из зоны римско-

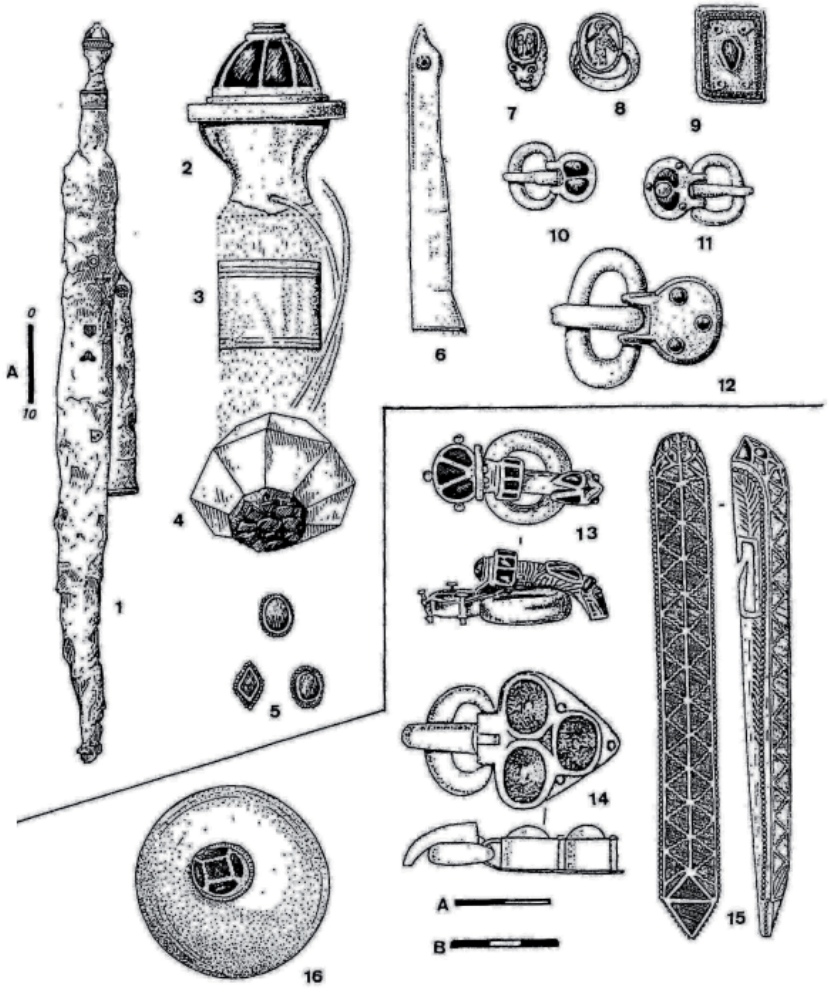


Рис. 7. Погребальный инвентарь могил Керчь-Глинище 1896 (*1–12*) и Керчь-Новиковский склеп (*13–16*). Масштабы:

A — 1; *B — 15*; *C — 13*, *14*; *2–12* — без масштаба (Kazanski 1999)

варварского пограничья Рейна и Дуная, либо с территории Боспорского царства, являвшегося сателлитом Римской империи (рис. 1). К Риму имеет отношение и захоронение в Бежа, совершенное на римской территори и по римскому погребальному обряду, в могиле из черепицы. Поэтому логично предположить, что вождеские погребения с мечами отражают прежде всего воинскую престижную культуру варварских офицеров римской пограничной армии. Собственно так их и интерпертировал Я. Тейрал, отнесший среднедунайские

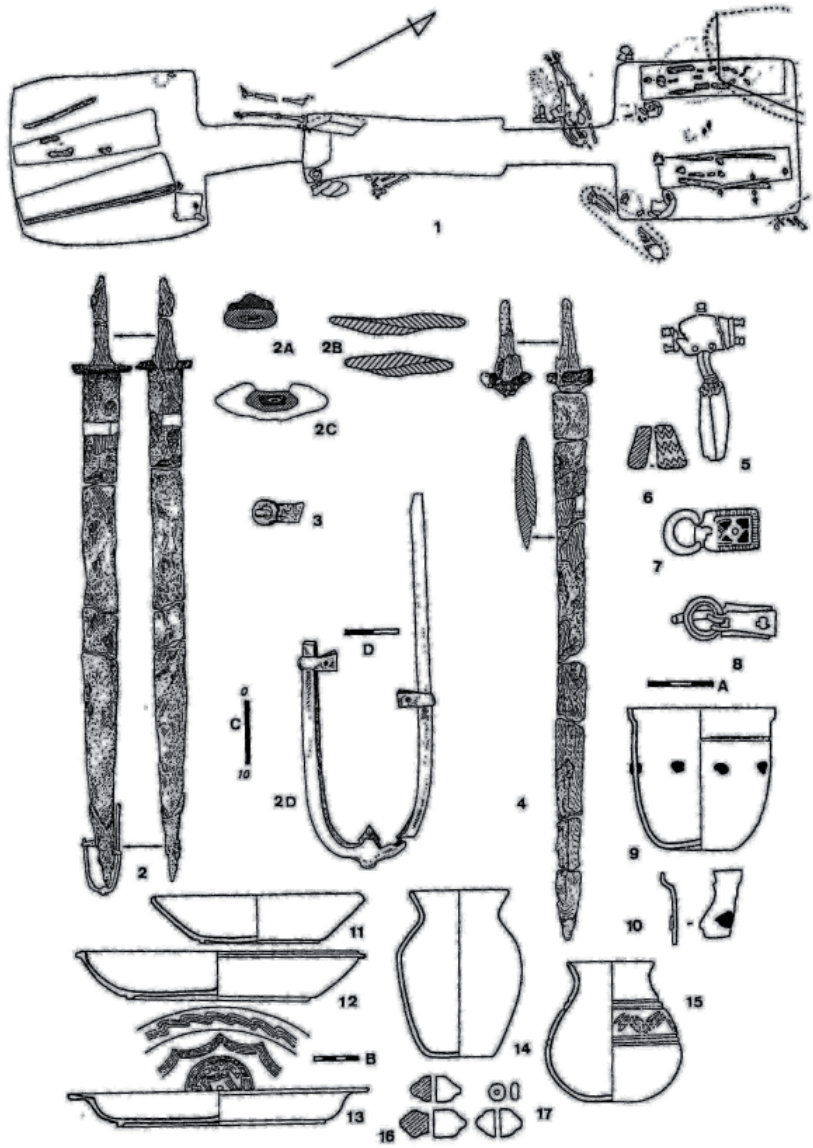


Рис. 8. Склеп 50 некрополя Фанагории. Масштабы:
A — 5–10, 16, 17; *B — 11–14*; *C — 2, 4*; *D — 2 D*; *1, 2A, 2B, 2C* — без масштаба (Kazanski 1999)

находки горизонта Унтерзибенбрунн к древностям римских пограничных федератов (Tejral 1973). Северокавказские находки в Бруте и Мокрой Балке а также погребение Круглица-Поршнино в Центральной России свидетельствуют о распространении этой пограничной моды вглубь Барбарикума, при дворах местных князей.

Хотя большинство рассматриваемых погребений и происходит с территории занятой германскими «народами», подобный погребальный обычай германцам чужд. Для них в позднеримское время и эпоху переселения народов гораздо более характерны вождеские погребения, которые помимо меча содержат и другие предметы вооружения, такие как щит с металлическим умбоном, копье, дротик, топор. Такие погребения хорошо известны в Скандинавии (Ilkjaer 1990: 294–310), Центральной Европе, в частности на Дунае (Tejral 1999: 242–248, fig. 23), у зарейнских варваров в «свободной» Германии и на территории римской Галлии (Böhme 1974; Schulze-Dörrlamm 1985: 551–560). В постгуннское время эта традиция получает дальнейшее развитие у германцев континентальной Европы, как об этом свидетельствуют многочисленные погребения меровингских, аламанских, тюрингских, гепидских или лангобардских предводителей, начиная со знаменитой могилы Хильдерика в Турнэ.

Мне представляется, что истоки вождеского обычая погребений с мечами надо искать в восточноевропейской культурной традиции. Общеизвестно, что такого рода могилы с мечом в римское время хорошо представлены в степи у алано-сарматских кочевников, а также у эллинизированного оседлого неселения Северного Причерноморья, в частности, на Боспоре Киммерийском или в Юго-Западном Крыму. Если учесть важную роль, которую играли восточноевропейские варвары, например аланы, в римской военной истории эпохи переселения народов, то такое предположение не кажется безосновательным. Высокие боевые качества алан, их присутствие в верхних эшелонах римской военной иерархии (вспомним Ардабура, Аспара, Саула или Саруса) могли способствовать быстрому распространению престижной «аланской» моды у самых различных варваров, в первую очередь тех, кто служил с аланами в одном строю. Разумеется, было бы нелепым видеть в каждом погребеном с мечом воине алана или другого восточноевропейского выходца, но роль восточных варваров в формировании «княжеской» перстижной культуры эпохи переселения народов несомненна. Напомним, что даже в женском аристократическом уборе горизонта Унтерзибенбрунн хорошо просматриваются такие понтийские элементы как, например, металлические зеркала или геометрические золотые бляшки-накладки (Kazanski 1996; Мастыкова, Казанский 2005; Mastykova, Kazanski 2006).

В заключение отметим, что ряд «вождеских» погребений, таких как Пуан в Галлии, Блучина, Бешенов, Апахида 2 в среднедунайском регионе, Лермонтовская Скала-2, погр. 11, Тамань 1912, Дюрсо, погр. 300, 479 и 500 в понтокавказском регионе, свидетельствуют о переживании традиции погребений с мечами в постгуннское время.

Литература

1. *Ахмедов 2005* — Ахмедов И. Р. Конский убор из некрополей Цебельдинской долины // II Городцовские Чтения. М. 2005.

2. *Габуев 2005* — Габуев Т. А., Аланский всадник. Сокровища князей I–XII веков. М. 2005.

3. *Засецкая 1994* — Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степкй в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб. 1994.

4. *Зеест 1951* — Зеест И. Б. Синдская экспедиция. Дневник. 1951 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 582а.

5. *Кубарев 1981* — Кубарев В. Д., Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск. 1981.

6. *Мастыкова, Казанский 2005* — Мастыкова А. В., Казанский М. М. О происхождении «княжеского» женского костюма варваров гуннского времени (горизонт Унтерзибенбрунн) // II Городцовские Чтения. М. 2005.

7. *Сокольский 1954* — Сокольский Н. И. Боспорские мечи // МИА. № 33. М. 1954.

8. *Уманский 1978* — Уманский А. П. Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск. 1978.

9. *Хазанов 1971* — Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М. 1971.

10. *Akhmedov 2001* — Akhmedov I. P. New data about the origin of some constructive parts of the horse-harness of the Great Migration Period // International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st–5th Centuries A. D. Aszód-Nyíregyháza. 2001.

11. *Akhmedov 2002* — Akhmedov I. Cheek-pieces and elements of harness with zoomorphic decoration in the Great Migrations period // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum. Brno. 2002.

12. *Bespalyi, Perevoztchikov 1995* — Bespalyi E. I., Perevoztchikov V. I. La cache du kourgane 1 de Datchi dans la banlieu d'Azov // L'Or des Sarmates. Nomades des steppes dans l'Antiquité. Abbayé de Daoulas. 1995.

13. *Böhme 1974* — Böhme H. W. Germanische Grabfunde des 4. bis. 5. Jahrhunderts zwischen unterer Elbe und Loire. München. 1974.

14. *Bona 2002* — Bona I. Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe (IVe-Ve siècles). Paris. 2002.

15. *Emery, Kirwan 1938* — Emery W. B., Kirwan L. P. The Royal Tombs of Ballana and Qustul. Cairo. 1938.

16. *Ilkjaer 1990* — Ilkjaer J. Illeurp Ådal. 1. Die Lancen und Speere. Aarhus. 1990.

17. *Kazanski 1991* — Kazanski M. A propos des armes et des éléments de harnachement «orientaux» en Occident a l'époque des Grandes Migratons // Journal of Roman Archaeology. 4. 1991.

18. *Kazanski 1996* — Kazanski M. Les tombes «princières» de l'horizon Untersiebenbrunn, le problème de l'identification ethnique // L'identité des populations archéologiques. Actes des XVIe rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Sophia Antipolis. 1996.

19. *Kazanski 1999* — Kazanski M. Les tombes des chefs militaires de l'époque hunnique // Germanen beiderseits des spätantiken Limes. Brno-Köln. 1999.

20. *Kazanski 2001* — Kazanski M. Les épées «orientales» à garde cloisonnée du Ve-VIe siècle // International Connections of the Barbarians in the 1st-5 st centuries A.D. Aszod-Nyiregyhaza. 2001.

21. *Kazanski, Akhmedov 2007* — Kazanski M., Akhmedov I. La tombe de Mundolsheim (Bas-Rhin): un chef militaire nomade au service de Rome // Barbaren im Wandel. Brno. 2007.

22. *Kazanski, Mastykova, Périn 2002* — Kazanski M., Mastykova A., Périn P. Byzance et les royaumes barbares d'Occident au début de l'époque mérovingienne // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum. Brno. 2002.

23. *Keller 1967* — Keller E. Bemerkungen zum Grabfund von Untersiebenbrunn // Germania. 45. 1967.

24. *Mastykova, Kazanski 2006* — Mastykova A., Kazanski M. A propos des Alains en Occident à l'époque des Grandes Migrations : le costume à appliques en or // Gallia e Hispania en el contexto de la presencia 'germánica' (ss.V–VII). Balance y Perspectivas (BAR International Series 1534). Oxford. 2006

25. *Menghin 1994–1995* — Menghin W. Schwerter des Goldgriffspathenhorizonts im Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin // Acta Praehistorica et Archaeologica. 26–27, 1994–1995.

26. *Quast 1999* — Quast D. Das „Pektorale" von Wolfsheim, Kr. Mainz-Bingen // Germania 77/2, 1999.

27. *Schulze-Dörrlamm 1985* — Schulze-Dörrlamm M. Germanische Kriegergräber mit Schwertbeigabe in Mitteleuropa aus dem späten 3. Jahrhundert und der ersten Hälfte des 4. Jarhunderts n. Chr. // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuzeums Mainz. 32. 1985.

28. *Shchukin, Kazanski, Sharov 2006* — Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. Des Goths aux Huns. Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations (BAR International Serie 1535). Oxford. 2006.

29. *Tejral 1973* — Tejral J. Mähren im 5. Jahrhundert. Praha. 1973.

30. *Tejral 1997* — Tejral J. Neue Aspecte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Sspätantike im mittleren Donauraum. Brno. 1997.

31. *Tejral 1999* — Tejral J. Die spätantiken militärischen Eliten biederseits der norisch-pannonischen Grenze aus der Sicht der Grabfunde // Germanen beiderseits des Spätantiken Limes. Brno; Köln. 1999.

32. *Tejral 2003* — Tejral J. Neue Erkenntnisse zur Frage der donauländisch-beziehungsweise Männergräber des 5. Jahrhunderts // Fundberichte aus Österreich. 41. 2003.

33. *Werner 1956* — Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Rechies. Munich. 1956.

34. *Werner 1980* — Werner J. Der goldene Armring des Frankenkönigs childerich und die germanischen Handgelenkringe der jüngeren Kaiserzeit // Frühmittelaltelich Studien. 14. 1980.

«Chieftain» Burials with Swords of the Hun Period

M. M. Kazanskiy

The Great Migration Period in "Barbarian" Europe is marked by a series of burials of military leaders with an accompanying sword, occasionally together with a dagger or a scramasax, and rich belt and footwear fittings, often decorated with ornaments in the style of cloisonné inlay. Any other types of weapons as a rule are absent in these graves, but the latter often contain items of horse gear: bits, saddles, harness etc. The most of those burials belong to the "Princely" category and are dated to periods D2 (380/400–440/450 AD) and D2/D3 (430/440–470/480 AD). In the present paper, the military equipment and horse gear found in them are briefly characterized and an attempt is undertaken to establish the origin of that burial rite.

The burials of leaders with swords are so widespread in continental Europe of the Hun period that they hardly may be connected with any particular "people" undoubtedly reflecting a certain "princely" fashion of prestige. They differ in the extent of their richness. Among the important elements of the mortuary offerings in "leaders' " graves with swords noteworthy are massive gold bracelets with broadened terminals (Wolfsheim, Fürst). These objects are of a status character suggesting a high, possibly royal rank of the interred leaders. The signs of the high rank include also gold neck rings (Wolfsheim, Untersiebenbrunn).

The burials under consideration are found predominantly in the zone of the Roman/Barbarian border on the Rhine and Danube or within the territory of the Bosporus Kingdom which was a satellite of the Roman Empire. Therefore it is logical to suppose that the leaders' burials with swords reflect in the first hand the military prestigious culture of the barbarian officers of the Roman frontier army. The finds from the north Caucasus and central Russia attest the spread of that frontier fashion inland of the Barbaricum to the courts of local princes. The majority of the considered burials are related with the German ethnocultural context although the custom of interment with a sword as a single weapon is alien to the Germans. Characteristic of the latter in the late Roman period and during the Great Migrations were chieftain burials which along with a sword contained also other items of armament: a shield with a metal umbo, a spear, a javelin and a battleaxe.

It seems that the origins of the chieftain custom of interment with swords should be searched for in the East-European cultural tradition. During the Roman times, graves of that kind with a sword are fairly widespread in the steppe among the Alan-Sarmatian nomads as well as among the Hellenized settled populace of the northern Black Sea littoral, particularly in the Cimmerian Bosporus and in the south-western Crimea. If one takes into account the important role which the East-European barbarians, e.g. Alans and Sarmatians, had in the Roman military history of the Migration epoch, then the impact of the East-European barbarians upon the common European culture of the military barbarian aristocracy seems to have been quite possible.

С. Ю. Каинов, К. А. Михайлов

Находки деталей сложносоставного лука на территории Древней Руси и их культурная атрибуция

Обобщающие своды древнерусского оружия, также как и ряд отдельных статей А. Н. Кирпичникова, очевидно продемонстрировали полиэтничность комплекса вооружения Древней Руси, где «несходство и разнообразие в составе и подборе вооружения были … разительными и контрастными» (Кирпичников 1977: 159–173; Кирпичников, Медведев 1985: 320–321). «Западное» и «восточное» влияния, взаимодействуя с местной традицией, слились, трансформировались и привели к созданию оригинальной русской оружейной культуры.

В настоящее время накопление новых материалов и появление новых исследований позволяет более подробно осветить проникновение ряда новаций в формирующийся древнерусский комплекс вооружения. В данной статье речь пойдет о сложносоставных луках — грозном оружии средневековых кочевников.

Большинство средневековых номадов использовали сложносоставные рефлексирующие луки, которые состояли из нескольких основных деталей — *рукояти* (середина лука), *концов* или *рогов* (концы лука) и *плечей* (часть лука между рукоятью и концами). Для придания жесткости и увеличения упругости *кибить* — деревянная основа лука — снабжалась костяными накладками, которые по местоположению разделяются на срединные и концевые, которые в свою очередь могут разделяться на фронтальные, боковые и тыльные.

К изучению сложносоставных луков обращались многие исследователи, которые как публиковали отдельные находки, так и пытались проследить пути эволюции этого оружия от Центральной Азии до Восточной Европы (Литвинский 1966; Хазанов 1966; 1971; Каминский 1982; Измайлов 1993; 1997; 1998; Савинов 1981; Худяков 1980;1986; 1991;1993;1997; Флёрова 2000; 2001 и др). Новый подход к изучению остатков средневековых луков использовали ленинградские исследователи А. И. Семенов и А. М. Савин. Они разработали типологию сложносоставных луков (рис. 1), которая опиралась на исследования венгерского этнографа К. Шебештьена (Sebestyén 1930; 1932).[1] Эта типология построена на особенностях технологии изготовления накладок на лук и способе

[1] Авторы с искренней благодарностью вспоминают консультации и помощь А. И. Семёнова, которые он оказал во время подготовки этой работы. Также мы хотим поблагодарить А. И. Семёнова и А. М. Савина за разрешение опубликовать их авторский рисунок-реконструкцию концевых накладок лука из могильника «в Березках».

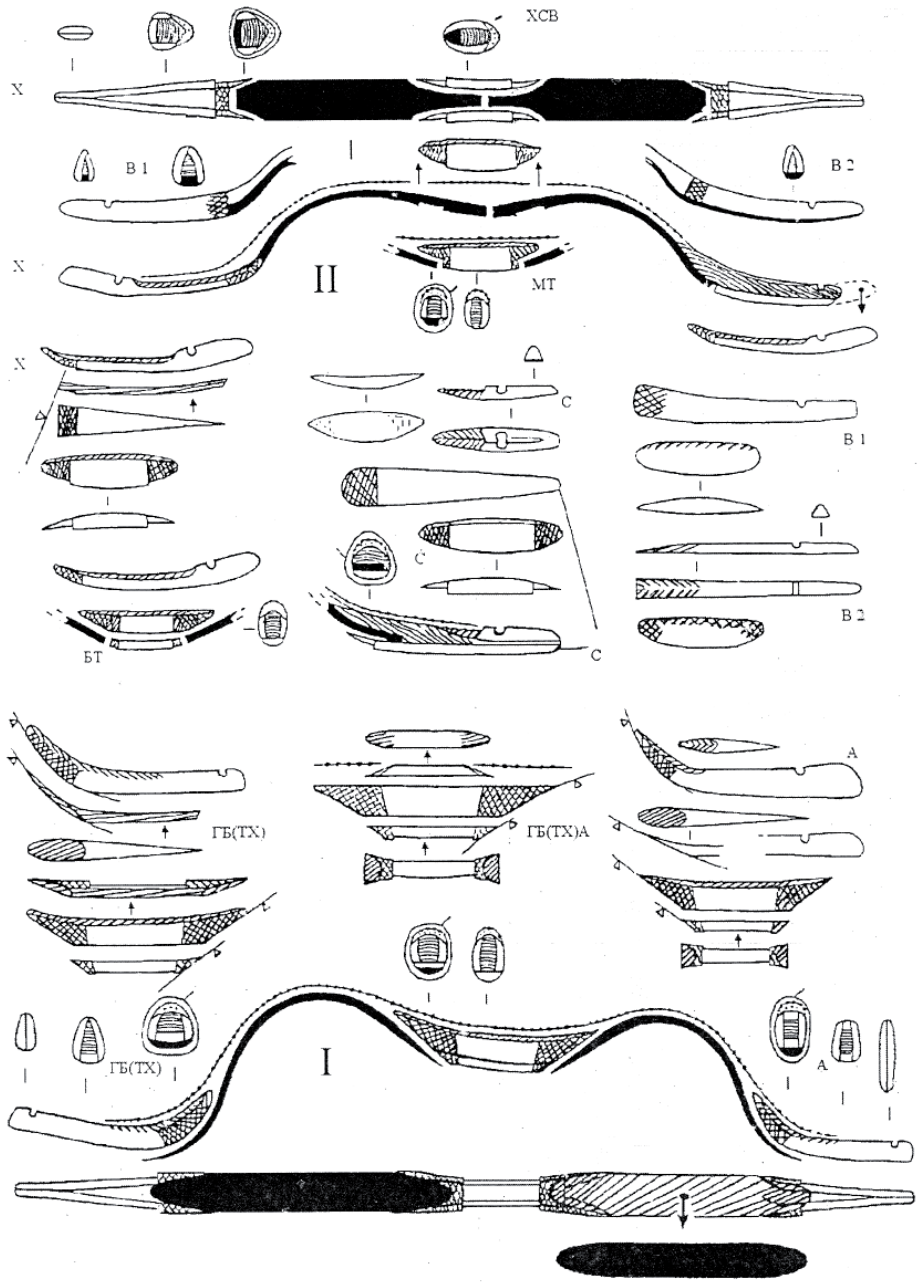


Рис. 1. Технологические линии развития раннесредневековых сложносоставных луков Восточной Европы:

I — «гунно-болгаро-аварская» («тюрко-хазарская», по Е. В. Круглову) линия. Способы и схемы сборки: А — «аварский» тип; ГБ –«гунно-болгарский» («тюрко-хазарский», по Е. В. Круглову) тип; II — «хазаро-салтово-венгерская» линия. Способы и схемы сборки: Х — «хазарский» тип; С — «салтовский» тип; В — «венгерский» тип, варианты 1 и 2; БТ — лук из Боротала; МТ — лук из Монгун-Тайги (Савин, Семенов 1997: 42, рис. 3; Круглов 2005а: 100–101, рис. 2)

их крепления к кибити. По мнению исследователей, в Восточной Европе выделяется несколько технологических вариантов степных сложносоставных луков, которые они объединили в две основные обособленные группы: гунно-болгарскую и хазаро-салтовскую. Эти группы имеют различные периоды бытования и свои географические зоны распространения (Савин, Семенов 1989; 1990; 1991; 1992а; 1992б; 1992в; 1995; 1997; 1998; 1999; Семенов 1996). В последние годы направление исследований А. И. Семёнова и А. М. Савина получило свое продолжение в работах Е. В. Круглова (Круглов 2005а: 307–320; Круглов 2005б: 73–142). Он опубликовал значительную часть из 150 находок раннесредневековых луков Восточной Европы и предложил свой вариант типологии конструктивно-технологических вариантов раннесредневековых луков. Е. В. Круглов подверг критике тезис А. И. Семенова и А. М. Савина об обособленности «гунно-болгарской» и «хазарской» технологических групп. По его мнению, развитие сложносоставного лука в Восточной Европе второй половины VII–VIII вв. имело «непрерывный эволюционный характер». Смена технологий изготовления и крепления к кибити роговых накладок произошла на рубеже VII–VIII вв. и была вызвана «необходимостью адаптации оружия к климатическим реалиям Восточной Европы» и столкновениями с противником, защищенным доспехом. Также автор подчеркивает, что сложносоставной лук на территории Восточной Европы «какой либо четко выраженной связи с каким то одним конкретным этносом не обнаруживает» (Круглов 2005а: 317; Круглов 2005б: 99). За одним единственным исключением, за пределами этих обобщающих работ остались находки на древнерусских памятниках, которые были хорошо известные к этому времени.

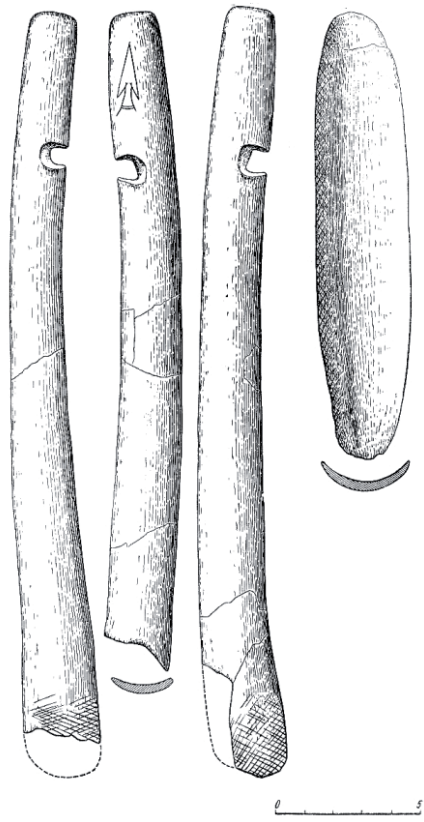


Рис. 2. Накладки на лук из кургана № 110 Шестовицкого могильника (Медведев 1966: 125, Табл. 5)

Первым детали сложносоставных луков на территории Древней Руси собрал и аннотировал А. Ф. Медведев (Медведев 1966: 37–38). По его мнению, к периоду IX–X вв. относятся обломки костяных накладок из девяти древнерусских комплексов:

1–5. Обломки боковых накладок на рукоять из курганов № № 47, 85, 290, 355, 365 могильника Тимерево;

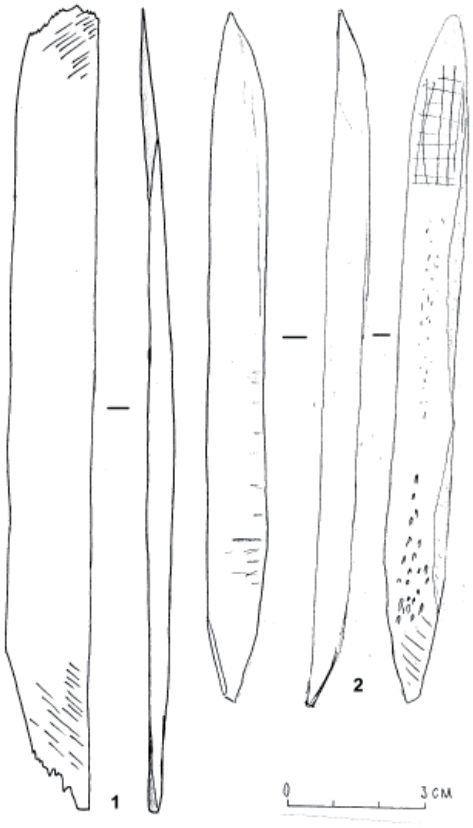


Рис. 3. Накладки на лук из Старой Ладоги (*1*) и Бирки (*2*)

6. Обломок боковой накладки на рукоять из кургана № 38 могильника Петровское;

7–8. Наборы из четырех концевых накладок и двух боковых накладок на рукоять из курганов № 42 и 110 могильника Шестовицы (рис. 2);

9. Боковая серединная накладка на рукоять (рис. 3, *1*) из Старой Ладоги (17,7×1,8×0,6 см; см.: Давидан 1966: 110, рис. 3, *12*)[1]

Впоследствии находки из шестовицкого могильника заново рассмотрели А. И. Семёнов и А. М. Савин. Они отнесли костяные накладки из комплексов № № 42 и 110 к технологической группе сложносоставных луков «венгерского» круга (Семенов, Савин 1998)[2].

За прошедшие, после написания работы А. Ф. Медведева, сорок лет во время раскопок на ранних древнерусских памятниках был сделан ещё ряд находок, которые связаны с остатками сложносоставных луков. Но, главное, благодаря разработанным технологически-конструктивным типологиям К. Шебештьена, А. М. Савина и А. И. Семенова, а также Е. В. Круглова разрозненные древнерусские находки удалось включить в общую систему развития сложносоставного лука в Восточной Европе. К неучтенным предыдущими исследователями деталям луков мы отнесли:

10–11. Обломки боковых накладок на рукоять из кургана № № 5 и 433 могильника Тимерёво (Недошивина 1991: 169);

12–13. Обломки концевых накладок[3] из курганов Ц-251 и Ц-255 могильника Гнёздово[4] (рис. 4);

14. Обломки двух концевых накладок (рис. 5) из кургана № 15 могильника

[1] Вторая боковая серединная накладка из слоя Староладожского Земляного городища была найдена в 1911 г при раскопках Н. И. Репникова в отложениях, где преобладали вещи XI–XIII вв. (Давидан 1966: 110, рис. 6, *7*).

[2] А. И. Семёнов и А. М. Савин на основании анализа срезов тыльного края боковых накладок предположили, что лук «венгерского» типа из шестовицкого кургана № 42 был снабжен тыльными концевыми накладками, изготовленными из несохраняющегося бычьего рога (Савин, Семенов 1992б: 205).

[3] Скорее всего, в кургане Ц-255 были обнаружены и фрагменты серединных накладок, но крайне плохая сохранность органики и фрагментарность сохранившихся деталей, позволяют достоверно выделить только обломок одной боковой концевой накладки.

[4] Благодарим Т. А. Пушкину за возможность воспользоваться неопубликованными материалами раскопок Гнездовского могильника.

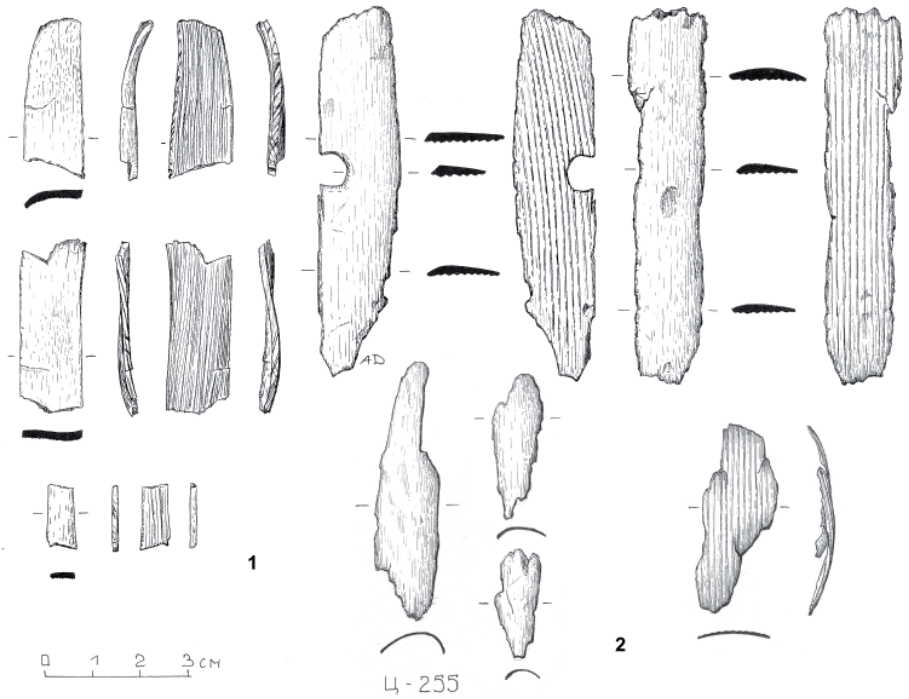


Рис. 4. Накладки на лук из курганов Гнездовского могильника Ц-251 (*1*) и Ц-255 (*2*). Рисунок А. Дементьевой

на старом кладбище «в Березках» в Чернигове (Бліфельд 1965: табл. III, *12*);

15. Обломок накладки из кургана № 40 могильника Шестовицы (Бліфельд 1977: 198, табл. IX, *8*). Фрагментарность находки не позволяет однозначно определить принадлежность обломка концевой или серединной накладкам[1].

16[2]. Обломок концевой накладки (рис. 6) из слоя Новгородского (Рюрикова) городища под Новгородом (11×2 см)[3].

К сожалению, фрагментарность большинства накладок и их «некомплектность» не позволяет во всех случаях соотнести лук с тем или иным типом в типологии «Савина — Семенова». Однозначно к «венгерскому» типу относятся накладки из курганов № 42 и 110 могильника Шестовицы, а также накладки из кургана № 15 могильника на старом кладбище «в Березках» в Чернигове (Савин, Семенов 1998). К тому же типу лука, очевидно, следует отнести

[1] Исходя из сохранившийся ширины фрагмента (более 2 см), он принадлежал серединной накладке.

[2] М. К. Каргер упоминает находки луков в погребениях № № 105 и 115 Киевского могильника (Каргер 1958: 167, 188). Более подробной информации об этих луках найти не удалось. Обломки орнаментированных костяных изделий, найденных в кургане Гульбище и определенных Б. А. Рыбаковым как обломки накладок на лук, на самом деле являются обломками роговых псалиев от удил типа Iв, по типологии А. Н. Кирпичникова (Рыбаков 1949: 36–37, рис. 11).

[3] Благодарим Е. Н. Носова за возможность воспользоваться неопубликованными материалами раскопок. Находка на Рюриковом городище была сделана на северном берегу Сиверсова канала в раскопе на месте древнего рва в 1999 г (№ полевой описи: НОЭ-99/РГ-СБ, № 272).

обломки накладок из курганов Ц-251 и Ц-255 Гнёздова, а также обломок концевой накладки, найденной на Новгородском городище.

В семи случаях находки деталей сложносоставных луков были зафиксированы в могильниках Ярославского Поволжья — Тимерево (6) и Петровское (1). Все они происходят из погребений по обряду сожжения и, что важно, представлены исключительно целыми и фрагментами боковых серединных обкладок рукоятей. Отсутствие концевых накладок во всех погребениях сложно объяснить только лишь разрушительным воздействием погребального костра. По всей видимости, большая часть луков, найденных в Ярославских

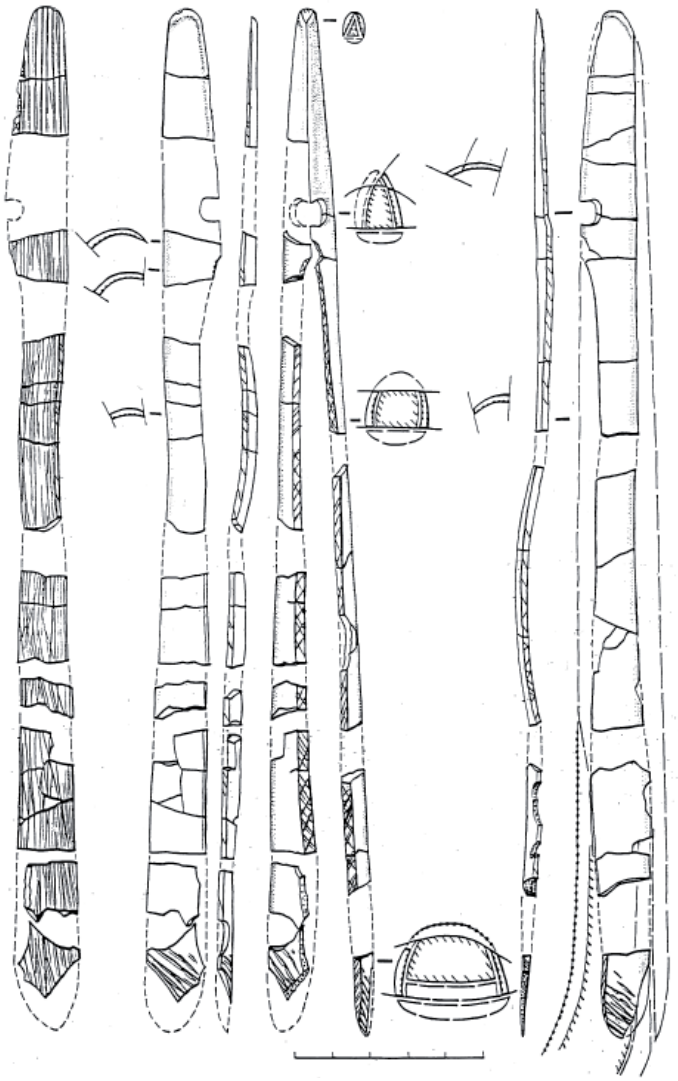


Рис. 5. Накладки на лук из кургана № 15 могильника на старом кладбище «в Березках» в Чернигове. Реконструкция А. И. Семенова

могильниках, относится к «печенежскому» типу сложносоставного лука, также входящего в «хазаро-салтово-венгерскую» группу луков по типологии «Савина — Семёнова»[1]. И. Л. Измайлов, вслед за Д. Г. Савиновым, предлагает называть сложносоставные луки, усиленные только двумя срединными боковыми накладками «вытянуто овальной формы с зауженными концами», луками «тюркского» типа. Луки этого типа проникают в Поволжье из районов Центральной Азии и Южного Приуралья и широко распространяются со второй половины VIII по X вв (Измайлов 1998: 244–247, 250–251). По мнению некоторых оружиеведов, такой лук был более приспособлен, чем его предшественники, для стрельбы на ближние дистанции и был более надежен в употреблении (Худяков 1980: 74). Отсутствие в этих комплексах концевых боковых накладок из рога могло быть связано с тем, что они их изготавливались из несохраняющихся материалов. Например, их могли сделать из мягкого бычьего или турьего рога.[2]

Таким образом, все определимые детали самых ранних сложносоставных древнерусских луков относятся к двум конструктивным типам — «венгерскому» (по типологии «Савина — Семенова») и «печенежского» (по типологии «Савина — Семенова») или «тюркского» (по И. Л. Измайлову). Стоит отметить, что сложносоставные луки «тюркского» типа встречены только в Ярославском Поволжье. Для памятников Поднепровья и Северо-Западной Руси стали характерны находки пластин от лука «венгерской» технологии. Убедительное объяснение этому факту пока предложить сложно. Возможно, что на формирование воинской субкультуры населения древнерусских памятников, где были обнаружены сложносоставные луки, оказали влияние контакты с разными этническими группами кочевников.

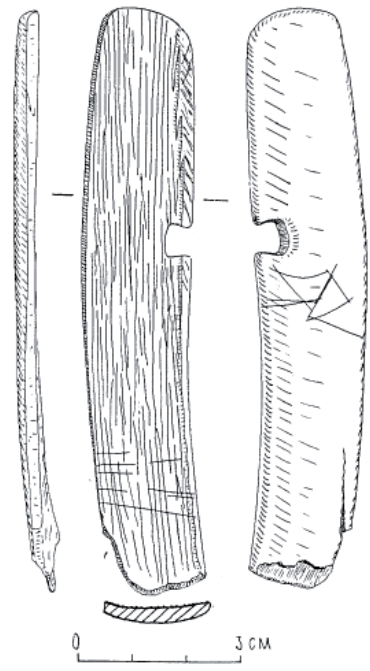


Рис. 6. Накладка на лук из слоя Рюрикова городища

Из этого ряда выпадает находка боковой серединной накладки из Старой Ладоги (15.3×1.3×0,8 см), которая, по мнению А. И. Семенова была изготовлена местным мастером, не слишком хорошо знакомым с образцами степных луков (Давидан 1966: 110,

[1] «Печенежский» тип фигурирует в статье 1992 г. (Савин, Семенов 1992в: рис. 1), в более поздних типологических таблицах, представленных в работах А. И. Семенова и А. М. Савина, этот тип отсутствует.

[2] А. М. Савин и А. И. Семенов считали эту особенность характерной для наиболее ранних вариантов луков II технологии (Савин, Семенов 1999: 27).

рис. 3, *12*).[1] Находка оказалась не единичной. На известном скандинавском поселении эпохи викингов в Бирке (Средняя Швеция) была найдена аналогичная пластина (рис. 3, *2*), изготовленная из кости (15,1×1,4 см).[2] Внутренняя сторона пластин из Бирки и Ладоги, предназначенная для приклеивания к кибити, была выровнена и отполирована. На концы пластин острым предметом были нанесены штрихи в виде перекрещивающихся линий.

Находки серединных боковых пластин из Бирки и Старой Ладоги являются редкими свидетельствами попыток ремонта или изготовления сложносоставных луков далеко за пределами регионов их распространения. Судя по несколько искаженным пропорциям этих пластин, они могли быть сделаны мастером, который не специализировался на изготовлении накладок на лук[3].

Помимо сложносоставных луков на территории Древней Руси найдены и другие характерные предметы снаряжения средневекового конного лучника.

Налучья. Значительно меньше место по сравнению с луком в исследованиях уделено предмету, непосредственно не относящемуся к сложносоставному луку, но являвшийся его характерным спутником. Речь идет о налучьях. Налучья — это футляры для ношения лука. Они предназначались для хранения сложносоставного лука в ситуациях, не предусматривающих его непосредственное применение. Они предохраняли лук от воздействия природной среды и механических повреждений. По конструкции и назначению можно выделить два типа налучий: жёсткие и мягкие. Жёсткие налучья изготавливались из твёрдой кожи и иногда украшались бляшками. В жестких налучьях луки хранили в натянутом положении, что определяло форму этих футляров. Мягкие налучья представляли собой длинные футляры из мягкого материала (материи или кожи). В них помещали лук со снятой тетивой. На концах мягких налучий иногда крепились костяные накладки, которые служили для более удобной фиксации отверстия чехла (рис. 7, *2*). Если мягкие налучья служили для хранения луков в ненатянутом положении, то жесткие позволяли хранить лук в натянутом — боевом положении.

Сведения о различных типах налучий и находках отдельных деталей таких футляров в степях Восточной Европы собраны в работах А. В. Крыганова и В. Е. Флеровой (Крыганов 1996: 344–352; Флёрова 2000; 2001: 45–56). В древнерусских материалах, датируемых X в., стали известны детали от обоих типов налучий. Мягкие налучья фиксируются по находкам парных чаще всего плоских костяных или роговых пластин, крепившихся на устье мягкого чехла, изготовленного из кожи. Эта деталь

---

[1] В сравнении с другими накладками, она казалась немного уже и толще.

[2] Находка из Бирки происходит из раскопок Х. Столпе на месте поселения Сварта Йорден (Черная Земля). Предмет хранится в Национальном историческом музее в Стокгольме. Шифр хранения: 5208: 1442. Этот предмет до сих пор не был атрибутирован и опубликован. Авторы хотят поблагодарить администрацию археологического отдела музея и лично И. Янсона за возможность ознакомиться с находкой.

[3] Присутствие во второй половине X в. восточноевропейских лучников в Бирке недавно нашло подтверждение в материалах новых раскопок места под названием «Гарнизон». Среди остатков жилой постройки были найдены характерные «восточные» типы стрел, железное кольцо для натягивания тетивы и железные фрагменты оковок колчанов «венгерского» типа (Lundström 2006).

(рис. 7, *1*) в X в, по-видимому, наиболее характерна для венгерских памятников (Sebestyén 1932; László 1955: 111–122).

Полный набор пластин на мягкое налучье сохранился в кургане № 110 Шестовицкого могильника (рис. 8, *1*). Пластины, изготовленные из кости, имеют продолговатую форму, оба конца закруглены и развёрнуты в разные стороны. Один конец пластины сбоку имеет выступ. Размеры — длина 17,5 см и ширина 4 см. На обоих концах пластины расположено по два отверстия (Бліфельд 1977: табл. XXXI, *1–2*). Близкие аналогии шестовицким пластинам происходят из венгерских могильников. Например, подобные пластины найдены в могильниках Kenézlö II и Tiszaeszlár в Венгрии (Sebestyén 1932; The Ancient Hungarians 1996: 154–155, № 11, 157, № 15, 194, № 2–3). Несколько пластин от мягких налучий известно на территории Дунайской Болгарии, где они найдены при изучении дворцового комплекса в Плиске, селища Одерцы и в слое Дерестра (Йотов 2004: 20, табл. IV, *29–31*). Болгарские находки датируются X в. Но они могут оказаться следами венгерских набегов на Балканы, а не частью снаряжения лучника эпохи I Болгарского царства.

Возможно, что обломки костяных пластин от мягкого налучья найдены в кургане № 15 могильника на старом кладбище «в Березках» в Чернигове и черниговском кургане Гульбище (рис. 8, *2*)., где сохранилось значительное число орнаментированных костяных деталей[1] (Бліфельд 1965: табл. III).

[1] Предмет, предположительно определяемый нами как обломок пластины от мягкого налучья, хранится в Государственном Историческом Музее (Опись 1540/47).

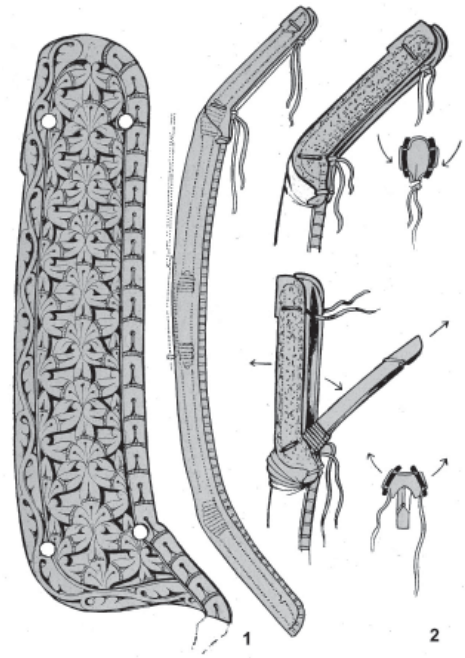


Рис. 7. *1* — накладка на мягкое налучье из Kenézlö, погр. 39 (László 1955: 111, fig. 16, XXVI. T. 1–2, XXVII.T. 1–2); *2* — реконструкция расположения и применения накладок на мягкое налучье (László 1955: 112, fig. 16)

Помимо мягких на территории Древней Руси могли бытовать и жесткие налучья. Это предположение основано на находках бляшек характерной «крыловидной» формы с прорезью для ремня. Точно такие бляшки, обнаруженные в погребениях по обряду трупоположения, венгерские археологи относят к деталям подвеса жестких налучий (Révész 1992). Подробная полевая фиксация находок позволила сделать реконструкции внешнего вида венгерских жестких налучий (рис. 9, *2*). Стоит заметить, что в венгерской литературе есть предположение, что в ряде случаев похожие бляхи служат и для подвеса к поясу и других предметов (The Ancient Hungarians 1996: 372).

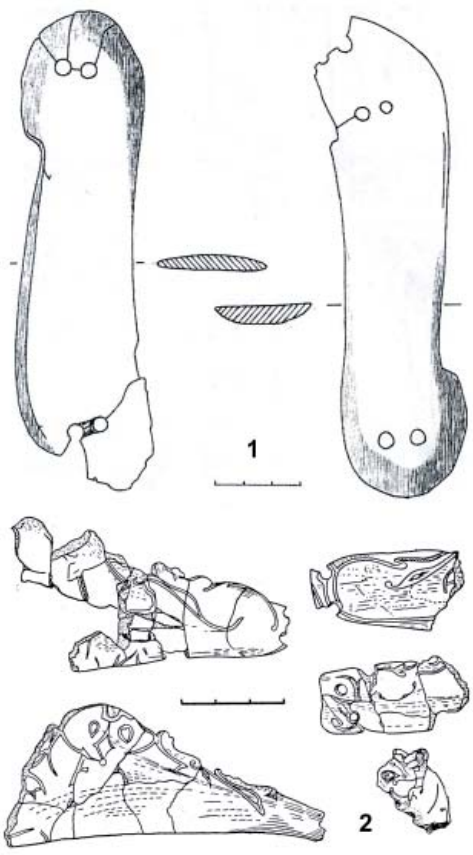


Рис. 8. Накладки на мягкое налучье:
1 — курган № 100 Шестовицкого могильника (Черненко 2007: рис. 45, *1, 2*); *2* — курган № 15 могильника на старом кладбище «в Березках» в Чернигове (Бліфельд 1965: табл. III)

На территории Древней Руси бляхи крыловидной формы предположительно от жесткого налучья были обнаружены археологами в трех киевских погребальных камерах: в погребении № 109 под апсидами и погребении № 113 в нефе Десятинной церкви, а так же в погребальной камере около церкви Александра Невского на Большой Житомирской улице. Еще одна крыловидная бляха (рис. 10) найдена в погребении по обряду трупосожжения в кургане Ц-253 могильника Гнёздово (Каргер 1956: 25, 29; Movtjan 2004: 54–55). Расположение и комплектность этих блях осталась неясна современным исследователям.

Полных аналогий древнерусским бляхам найти не удалось. Похожие подвесные бляхи происходят из венгерских могильников Карош/Karos II и Kenézlö I и из числа аматорских сборов на территории Северо-Восточной Болгарии (The Ancient Hungarians 1996: 100, fig. 32, 153, fig. 3; Йотов 2004: 31–33, табл. XXVI. 390–396)[1].

Колчаны. Новацией X века следует считать появление в древнерусском комплексе вооружения колчана полуцилиндрической формы, снабженного металлическими деталями — оковками днища (иногда и горловины) и подвесными петлями (Медведев 1966: 21). Подобные колчаны найдены, по меньшей мере, в 25 древнерусских погребениях X века (Гнёздово — 9, Тимерево — 5, Михайловское — 1, Петровское — 1 погребение, Шестовицы — 4, Чернигов — 2, Киев — 2, Табаевка — 1) и в культурном слое трех памятников — Новгороде, Гнёздово и Шестовицах (Медведев 1966: 41–42; Коваленко, Моця, Ситий, Скороход 2008: 184, рис. 7, *6*)[2].

В следствии плохой сохранности и в ряде случаев недостаточно точной фиксации взаиморасположения

[1] «Крыловидные» бляхи известны в погребениях Танкеевского могильника IX–X вв и материалах Билярского городища (Казаков 1992: 143, рис. 53, *14–16*; 215, рис. 79, *32–33*). Также подобная бляха встречена в Змейском катакомбном могильнике, датируемом XI–XII вв. (Кузнецов 1968: табл. XI, *3*)

[2] Пользуемся случаем поблагодарить С. С. Зозулю за предоставленную возможность ознакомиться с рукописью дипломной работы «Предметы вооружения Ярославского Поволжья X–XI вв.» (М. 2007).

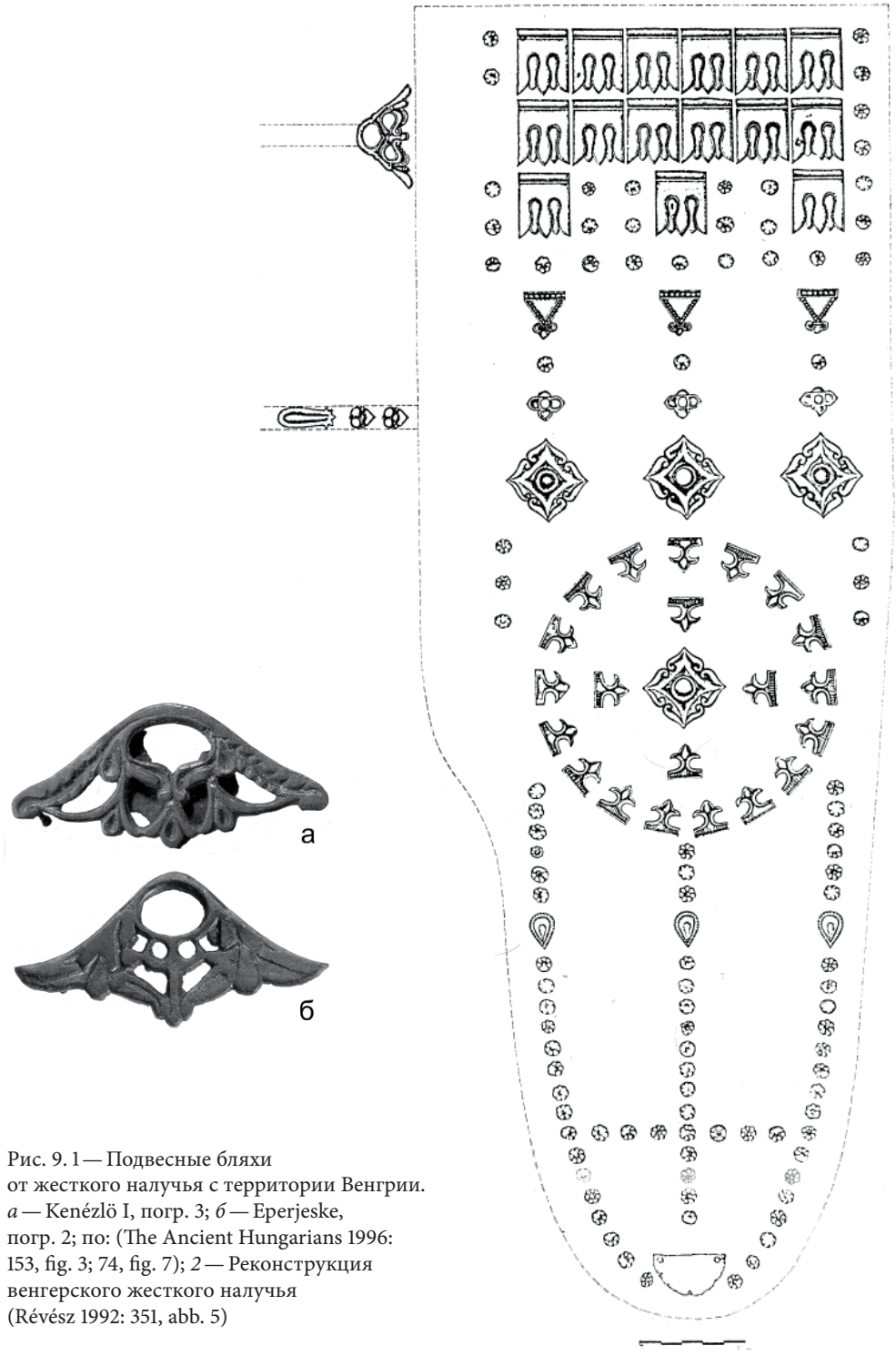


Рис. 9. 1 — Подвесные бляхи
от жесткого налучья с территории Венгрии.
а — Kenézlö I, погр. 3; *б* — Eperjeske,
погр. 2; по: (The Ancient Hungarians 1996:
153, fig. 3; 74, fig. 7); *2* — Реконструкция
венгерского жесткого налучья
(Révész 1992: 351, abb. 5)

деталей, реконструировать в полной мере древнерусский колчан пока не представляется возможным. Полные аналогии (рис. 11) металлическим деталям древнерусских колчанов можно найти в венгерском материале (Révész 1985: 50–53, Taf. I–VI; The Ancient Hungarian 1996: 277, fig. 1,2, 308, fig. 2). Интересно заметить, что за пределами Древней Руси и Венгрии колчан с железными оковками и бляха-подвеска «крыловидной» формы для крепления налучья от сложносоставного лука происходят из погребения № 1125В шведского могильника Бирка (Arbman 1943: Abb. 465).

Большинство деталей сложносоставных луков, налучий и колчанов происходит из погребений и только один обломок боковой концевой накладки на лук, одна серединная накладка и несколько деталей колчанов происходит из слоёв поселения. Основное количество обозначенных деталей происходит из погребений по обряду трупосожжения могильников Тимерево и Михайловское, и только в трёх случаях (Гнёздово Ц-255 и Шестовица № № 42, 110) сложносоставные луки и мягкие налучья (Шестовица, курган 110) происходят из погребений по обряду трупоположения. Почти во всех случаях,

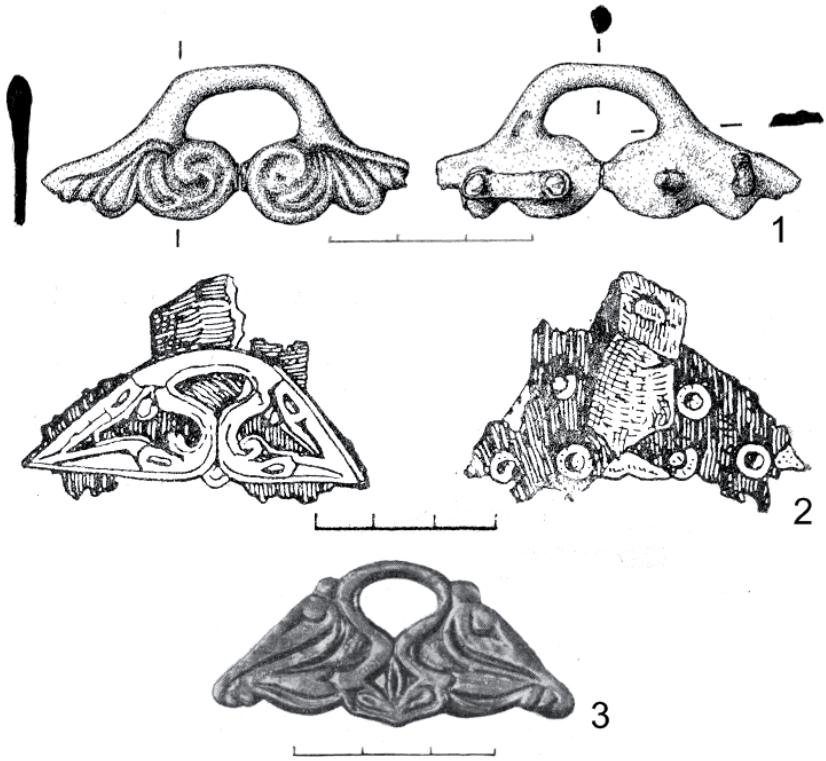


Рис. 10. Подвесные бляхи от жесткого налучья с территории Древней Руси:

1 — Гнездовский могильник, курган Ц-253; *2* — Киевский могильник, погребение № 113; *3* — Киевский могильник, погребение № 109 (Каргер 1958: 181, рис. 25; 29, *175*)

когда среди погребального инвентаря зафиксировано нахождение накладок на мягкое налучье, по-видимому, рядом с ними присутствовали детали сложносоставного лука. Наиболее полный набор снаряжения конного лучника найден в кургане 110 Шестовицкого могильника. Здесь представлены сложносоставной лук, мягкое налучье, колчан с металлическими деталями и так называемый саадачный пояс, к которому крепились налучье и колчан[1].

Хронология. В настоящее время ряд новых находок позволяет уточнить дату появления сложносоставного лука на территории Древней Руси. Концевая боковая пластина из раскопок на Новгородском (Рюриковом) городище происходит из слоя с лепной и раннегончарной керамикой (Носов, Михайлов, Дорофеева, Янссон 2000: 40–41). Находки из этого слоя аналогичны находкам из горизонта Д Старой Ладоги. Горизонт с органикой, из которого происходит накладка (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 89–96), не может датироваться ранее второй четверти X в. и не позднее 979 г. (скорее, середина — третья четверть этого столетия). В погребальной камере кургана № 42 могильника Шестовицы, где найдены остатки лука, был обнаружен меч типа W. Датируя этот тип мечей, Я. Петерсен замечал, что «у нас очень мало материала для разрешения хронологического вопроса». Опираясь на предложенную им самим датировку наконечников копий типа I первой половиной X в., а также орнамента «в елочку», аналогичного по мнению исследователя орнаментике одного из мечей типа P, некоторых мечей типа I и наконечников копий типа K, Я. Петерсен относит мечи типа W «прежде всего к первой половине X века», тем самым не исключая и более позднюю датировку (Петерсен 2005: 186). Меч того же типа из погребения № 100 могильника Тимерево найден с монетами конца X в. Они не позволяют датировать экземпляр меча типа W ранее 970–980-х гг. (Недошивина 1991: 166, рис. 1, *I*; Jansson 1991). Следовательно, мечи этого типа могли иметь в Восточной Европе более длительное бытование, чем в Скандинавии или же не совсем верна датировка Я. Петерсена. В погребении кургана 42 шестовицкого могильника также нашли роговой гребень II группы с футляром (по классификации О. И. Давидан) и парные костяные пластины украшенные орнаментом в скандинавском стиле Маммен/Mammen. Самые ранние вещи, декорированные подобным орнаментом датируются в Скандинавии не ранее 960–970 гг. (Jansson 1991: 284). Скорее всего погребение было совершено в 960–970-е гг X в. В камере № 110 могильника Шестовица нашли меч типа V, по классификации Я. Петерсена (Кирпичников 1966: 76, № 68; Бліфельд 1977: 61). На территории Древней Руси найдено 12 мечей этого типа, которые относятся к середине-второй половине X в. (Каинов 1998: 208–209). Не ранее второй — третьей четверти X в. должен датироваться вещевой набор из кургана № 15 на старом кладбище «в Березках» в Чернигове, где вместе с остатками венгерской сумки-ташки

[1] По мнению Г. В. Кубарева «классический» саадачный пояс имел в своем составе три тройника и крюк, иногда заменявшийся пряжкой. К подобному поясу с правой стороны при помощи двух тройников подвешивался колчан, а с левой с помощью одного тройника — налучье. Иногда пояс снабжался только двумя тройниками, в этом случае к нему подвешивался только колчан (Кубарев, 2005: 92).

Рис. 11. Реконструкция венгерского колчана (Révész 1985: tabl. V, *2*)

также был найден гребень второй группы (по классификации О. И. Давидан). Боковая накладка на лук из Старой Ладоги отнесена О. И. Давидан к горизонту Д земляного городища в Старой Ладоге, то есть может датироваться 930–960 гг. (Черных 1996: 115). Учитывая, что гончарный круг в Гнёздово появился не ранее второй четверти, а что более вероятно, — середины X века, сосуды, сделанные на гончарном круге из курганов Ц-251 и Ц-253 позволяют отнести эти курганы ко времени не ранее второй — третьей четверти X века. Погребение в кургане Ц-255 оказалось совершенно по обряду трупоположения в погребальной камере. Исходя из предположения о распространении камерных захоронений в Гнездове начиная с середины X в., комплекс может относиться ко второй половине X века (Жарнов 1998: 99; Мурашева, Ениосова, Фетисов 2007: 70). В Тимеревском и Петровском могильниках сложносоставные луки найдены в погребениях, датирующихся не ранее второй четверти X в. (Тимерево — № 47, 85; Петровское — № 38)[1].

Таким образом, появление сложносоставного лука (а также другого снаряжения конного лучника) на территории Древней Руси можно отнести ко времени не ранее второй четверти — середины X в.

Культурный контекст находок не связан с кочевническим компонентом в древнерусском погребальном обряде. Напротив, остатки трех сложносоставных луков происходят из погребений в деревянных камерах, обряд которых имеет неоспоримое скандинавское происхождение. Остальные находки происходят из погребений по обряду сожжения. Обряд не имеет прямого отношения к кочевникам и нельзя точно установить этнос погребенных. Стиль исполнения тамги в виде стрелы на концевой накладке из Шестовицы также, скорее всего, указывает на североевропейскую среду распространения этого оружия. Однако, наряду с предметами скандинавского происхождения, ряд вещей помещенных с по-

[1] Остальные четыре погребения (№ № 5, 290, 355, 365) не содержат узко датируемые предметы.

койными, имеет вполне определенное кочевническое происхождение (копьёпика, топор-чекан, сумка-ташка и серьги в Ц-255, сумка-ташка из кургана № 15 в Чернигове, ременные накладки из шестовицких и гнездовских курганов и др.). По всей видимости, появление и распространение сложносоставных луков и снаряжения конного лучника, а также целого ряда предметов степного вооружения, предметов одежды и аксессуаров, следует связывать как с изменениями в тактике боя руссов — перенимание навыков верхового боя[1], так и вызванного этим распространением в дружинной среде своего рода «степной» моды.

Целый ряд отечественных археологов считало лук (и сложный лук тоже), оружием «младшей дружины» или рядовых, малообеспеченных воинов (Кирпичников, Медведев 1985: 321). На первый взгляд, серия малоинвентарных погребений с деталями сложносоставного лука подтверждают это утверждение (Тимеревский могильник — курганы 5, 290, 355, 365)[2]. Но в тоже время следует отметить, что погребения с деталями лука из Шестовицы и Гнёздова относятся к одним из самых «богатых» инвентарем погребений могильников. Они происходят из погребальных комплексов с набором разнообразного оружия, всадническим снаряжением и погребением коня. Похожая картина наблюдается в Швеции, где в могильниках Вальсъерде и Бирка наборы стрел найдены в составе погребального инвентаря самых богатых погребений. Скандинавские исследователи связывают эти находки с высоким статусом погребенных, так как известно, что скандинавские военные предводители рассылали «ратные» стрелы при сборе ополчения. Свидетельствами того, что лук и стрелы могли быть символами северных правителей стали находки богато украшенных стрел из королевского погребения в ладье в Хедебю (Германия) и наборов стрел из погребений аристократического могильника Вальсъерде в Средней Швеции (Müller-Wille 1976: 80–82, Abb. 35–36). Скандинавские королевские саги сохранили свидетельства о то, что одним из достоинств конунга-викинга Олафа Святого и его сподвижника Эйнара Брюхотряса было то, что они владели искусством метко стрелять из лука (Снорри Стурлуссон: 176). Следовательно, лук и стрелы могут быть и знаком высокого социального статуса в знаковой системе погребального обряда. То, что эти находки сложносоставных луков связаны с профессиональными воинами также не вызывает сомнений. О том, что для того чтобы пользоваться сложным луком требуется долгое время и специфические навыки сообщают многие средневековые восточные источники. Косвенно принадлежность этих находок профессионалам подтверждает

[1] По всей видимости, одна из первых попыток русов попробовать свои силы в сражении верхом на конях была предпринята в битве под Доростолом в 971 году: «Вышли они (русы), выстроившись в боевой порядок, и тогда в первый раз появились верхом на лошадях, в предшествующих же сражениях бились пешими» (Лев Диакон: 128).

[2] В данном случае мы опять сталкиваемся с различиями в распространении сложносоставных луков у населения, оставившего Ярославские курганы и населения, проживавшего в Гнездово, Шестовицах, на Рюриковом городище. Если в Поднепровье находки сложносоставных луков сделаны в курганах с многочисленным инвентарем, то в Тимеревском могильнике ряд погребений можно отнести к малоинвентарным погребениям.

находка на Новгородском городище, которое, безусловно, являлось местом пребывания княжеской дружины. Было бы соблазнительно увидеть в этих находках второй — третьей четверти X в. отражение реальных исторических событий, которые связаны с военно-политическими контактами руссов и кочевников. Так, например, в походе князя Игоря на Византию в 944 г. его союзниками выступали печенеги. Иоанн Скилица и Лев Диакон утверждали, что союзниками князя Святослава во время военной кампании против Болгарии и Византии, вместе с печенегами были венгры-*гунны* (Лев Диакон: 58–59, 201). Вполне вероятно, что многочисленные характерные фрагменты поясных и уздечных наборов, предметы вооружения, некоторые детали снаряжения всадника и некоторые типы украшений, обнаруженные археологами на ранних древнерусских памятниках, подтверждают версию русско-венгерского союза во второй половине X в[1]. Например, А. Н. Кирпичников и Г. Ф. Корзухина отмечали следы взаимных венгерско-русских контактов в орнаментации парадных сабель X в О. А. Щеглова увидела отражение тесных связей между древнерусской и венгерской верхушкой в технологии изготовления и орнаментации знаменитых ритонов из больших «княжеских» курганов Чернигова (Щеглова 1997: 246–257). До сих пор эта интереснейшая тема всё ещё не разработана и ждет своих исследователей.

К сожалению, Клио донесла до нас только единичные упоминания о ранних венгерско-русских связях и стерла со своих скрижалей все другие. Мы можем подвести только самый общий итог:

1. Достаточно широкое распространение сложного кочевнического лука на территории Древней Руси в X столетии;

2. Концентрация этих находок в могильниках и поселениях связанных с ранними городами и формирующейся древнерусской верхушкой — «дружиной (?).

3. Применение на территории Древней Руси как минимум двух типов луков — «венгерского» (по типологии «Савина — Семенова») и «печенежского» (по типологии «Савина — Семенова») или «тюркского» (по типологии И. Л. Измайлова);

4. Наиболее ранние находки деталей «венгерского» лука ограничены второй-третьей четвертью X в (наиболее вероятна, с нашей точки зрения, середина — третья четверть X в.);

5. Появление сложносоставных луков — составная часть процесса распространения в древнерусской воинской субкультуре предметов вооружения, снаряжения коня, костюма и аксессуаров, связанных с кочевнической средой;

6. Принадлежность части сложносоставных луков профессиональным воинам с высоким социальным статусом, связанным с кочевниками, или участвовавшим в военных компаниях Святослава на Балканах и Дунае.

[1] С нашей точки зрения, в настоящий момент наиболее очевидно венгерское влияние на процесс распространения на территории Древней Руси кочевнического вооружения и снаряжения всадника (в том числе — сложносоставного лука и сопутствующего снаряжения конного лучника). Но, несомненно, что и другие кочевые народы оказали влияние на этот процесс и оставили свой след в древнерусском комплексе вооружения X в.

Литература

1. *Бліфельд 1965* — Бліфельд Д. І. 1965 Древньоруський могильник в Чернігові. // Археологія. Т. XVIII. Киев. 1965.

2. *Бліфельд 1977* — Бліфельд Д. І. 1977 Давньоруські памятки Шестовиці. Киев. 1977.

3. *Давидан 1966* — Давидан О. И. 1966 Староладожские изделия из кости и рога // АСГЭ. № 8. Л. 1966.

4. *Жарнов 1988* — Жарнов Ю. Э. Гнёздовские курганы с остатками трупоположения // Историческая археология. Традиции и перспективы. М. 1998.

5. *Измайлов 1993* — Измайлов И. Л. Об одной конструкции сложносоставного лука из Волжской Болгарии.// Народы Среднего Поволжья: история, культура (секция археологии): Тез. докл. краевед. чтений. Казань. 1993.

6. *Измайлов 1997* — Измайлов И. Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X — начала XI в. Казань; Магадан. 1997.

7. *Измайлов 1998* — Измайлов И. Л. К истории сложносоставного лука населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья конца VIII–X вв. // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Самара. 1998.

8. *Йотов 2004* — Йотов В. Въоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII–XI век). Варна. 2004

9. *Каинов 1998* — Каинов С. Ю. Мечи из раскопок Гнёздова // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб. 1998.

10. *Казаков 1992* — Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии. Этапы этнокультурной истории. М. 1992

11. *Каргер 1958* — Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л. 1958

12. *Каминский 1982* — Каминский В. Н. О Конструкции лука и стрел северокавказских аланов. // КСИА. № 170. М. 1982.

13. *Кирпичников 1966* — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли // САИ. Е1–36. М.; Л. 1966.

14. *Кирпичников 1977* — Кирпичников А. Н. Вооружение воинов Киевской державы в свете русско-скандинавских контактов // Скандинавский сборник. № XXII. Таллин, 1977.

15. *Кирпичников, Медведев 1985* — Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение // Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М. 1985.

16. *Коваленко, Моця, Ситий, Скороход 2008* — Коваленко В., Моця О., Ситий Ю., Скороход В. Дослідження шестовицького Подолу // Стародавній Шскоростень і слов'янські гради. Т. І. Коростень. 2008.

17. *Крыганов 1996* — Крыганов А. В. Налучья и их ношение раннесредневековыми кочевниками Евразии // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара. 1996.

18. *Круглов 2005а* — Круглов Е. В. Сложносоставные луки Восточной Европы хазарского времени // Тр. ГИМ. № 145. М. 2005.

19. *Круглов 2005б* — Круглов Е. В. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья // Степи Восточной Европы в эпоху раннего средневековья. Том V. Хазарское время. Донецк. 2005.

20. *Кубарев 2005* — Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая. По материалам погребальных памятников. Новосибирск. 2005.

21. *Кузнецов 1968* — Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Вып. 3. Орджоникидзе. 1968.

22. *Лев Диакон* — Лев Диакон История. М. 1988.

23. *Литвинский 1966* — Литвинский Б. А. Сложносоставной лук в древней Средней Азии. // СА. № 4. 1966.

24. *Медведев 1966* — Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. Е1–36. М. 1966

25. *Мурашева, Ениосова, Фетисов 2007* — Мурашева В. В., Ениосова Н. В., Фетисов А. А. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнёздовского поселения // Гнёздово. Результаты комплексных исследования памятника. М. 2007.

26. *Недошивина 1991* — Недошивина Н. Г. Предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового коня тимеревского могильника // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М. 1991.

27. *Носов, Михайлов, Дорофеева, Янссон 2000* — Носов Е. Н., Михайлов К. А., Дорофеева Т. С., Янссон И. Итоги изучения Рюрикова городища в 1999 г. // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 14. Великий Новгород. 2000.

28. *Носов, Горюнова, Плохов 2005* — Носов Е. Н, Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (Новые материалы и исследования). СПб. 2005.

29. *Петерсен 2005* — Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. СПб. 2005.

30. *Рыбаков 1949* — Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА. № 11. М. 1949.

31. *Савин, Семенов 1989* — Савин А. М., Семенов А. И. К типологии раннесредневековых луков Прикубанья // 1-я Кубанская археологическая конференция. Краснодар. 1989.

32. *Савин, Семенов 1990* — Савин А. М., Семенов А. И. К реконструкции лука хазарского времени // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Луганск. 1990.

33. *Савин, Семенов 1991* — Савин А. М., Семенов А. И. Две обкладки луков раннеболгарского периода // Болгаристика в системе общественных наук. Харьков. 1991

34. *Савин, Семенов 1992а* — Савин А. М., Семенов А. И. Кудергинские лучники // Проблемы сохранения, изучения и использования памятников археологии. Материалы конференции. Горно-Алтайск. 1992.

35. *Савин, Семенов 1992б* — Савин А. М., Семенов А. И. Средневековый лук из находки на р.Гогопс (по материалам архива М. П. Грязнова) // Северная Евразия от древности до средневековья. К 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. СПб. 1992.

36. *Савин, Семенов 1992в* — Савин А. М., Семенов А. И. Реконструкция шестовицкого лука // Архітектурни та археологічні старожитності Чернігівщини. Чернігів. 1992.

37. *Савин, Семенов 1995* — Савин А. М., Семенов А. И. К методике изучения и публикации средневековых кочевнических луков // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. Самара. 1995.

38. *Савин, Семенов 1997* — Савин А. М., Семенов А. И. Забытые, неопознанные и незамеченные луки гунно-болгарского типа // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков. 1997.

39. *Савин, Семенов 1998* — Савин А. М., Семенов А. И. О центрально-азиатских истоках лука хазарского типа. // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб. 1998.

40. *Савин, Семенов 1999* — Савин А. М., Семенов А. И. Лук хазарского времени из могильника Керчик, курган 27 // Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 4. Азов. 1999.

41. *Савинов 1981* — Савинов Д. Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск. 1981.

42. *Семенов 1996* — Семенов А. И. Луки Верхнего Чириюрта: пролемы культурной атрибуции // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX-е Крупновские чтения). М. 1996.

43. *Снорри Стурлуссон* — Стурлуссон Снорри. Круг Земной. М. 1980.

44. *Флёрова 2000* — Флёрова В. Е. Костяные детали луков, колчанов и налучий Белой Вежи.// Степи Европы в эпоху средневековья. Т. I. Донецк. 2000.

45. *Флёрова 2001* — Флёрова В. Е. Резная кость Юго-Востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела-Белой Вежи из коллекций Гос.Эрмитажа. СПб. 2001.

46. *Хазанов 1966* — Хазанов А. М. Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху.// Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М. 1966

47. *Хазанов 1971* — Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М. 1971

48. *Худяков 1980* — Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск. 1980

49. *Худяков 1986* — Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск. 1986

50. *Худяков 1991* — Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск. 1991

51. *Худяков 1993* — Худяков Ю. С. Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии // Военное дело Юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993.

52. *Худяков 1997* — Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск. 1997

53. *Черненко 2007* — Черненко О. Археологічна колекція Чернігівського історичного музею імені В. В. Тарновського (1896–1848 рр.). Чернігів. 2007

54. *Черных 1996* — Черных Н. Б. Дендрохронология и археология. М., 1996.

55. *Щеглова 1997* — Щеглова О. А. О возможном прототипе изображений на оковке большого рога из Черной могилы // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб-Кишинёв. 1997

56. *The Ancient Hungarians 1996* — The Ancient Hungarians. Exhibition catalogue (Ed by I. Fodor). Budapest. 1996.

57. *Arbman 1943* — Arbman H. Birka I. Die Gräber. Text. Stockholm. 1943.

58. *Jansson 1991* — Jansson I. 970/ 971 AD and the chronology of the Viking Age. Mammen. Grav, kunst og samfund i vikingetid // Viborg Stiftsmuseums rkke. Bd. 1. Jysk Arkæologisk Selskabs Skrifter. Bd. 28. Højbjerg. 1991

59. *László 1955* — László G. A kenézlöi honfoglaláskori íjtegez.[The Conquest period bow case from Kenézlöi] // Folia Archaeologica 7. Budapest. 1955.

60. *Lundström 2006* — Lundström F. Det vikingatida bågskyttet I Birka — ett exempel på en framstående stridskonst med främmande inslag // CD-uppsats I laboretiv arkeologi 2005/ 2006 Arkeologiska forskningslaboratoriet Stockholms universitet. Stokholm. 2006

61. *Movtjan 2004* — Movtjan I. I. Royal guard grave in Kiev (Väringagrav I Kiev) // Historiska Nyheter. Specialnummer om Olga & Ingegerd. Statens Historiska Museum 2004–2005. Stockholm. 2004.

62. *Révész 1985* — Révész L. Adatok a honfoglaláskori tegez szerkezetéhez [Angaben zum Bau des Köchers der Zeit der ungarischen landnahme] // Acta Antiqua et Archaeologica. Suppl V. Szeged. 1985.

63. *Révész 1992* — Révész L. Die bereitschafts-bogenbehalter (gorythos) in den grabern der Ungarischen Landnahmezeit // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 44. Budapest. 1992.

64. *Müller-Wille 1976* — Müller-Wille M. Das Bootkammergrab von Haithaby // Berichte uber die Ausgrabungen in Haithaby. B. 8. Neumunster. 1976

65. *Sebestyén 1930* — Sebestyén Cs. Rejtélyes csontok népvándorláskori sírokban // Dolgozatok A. M. Kir. Ferencz-József — Tudományegyetem Archaeologiai Intézetetéböl. Szeged. 1930.

66. *Sebestyén 1932* — Sebestyén Cs. «A sagittis Hungarorum…». A magyarok íjja és nyila [Bogen und Pfeil der alten Ungarn] // Dolgozatok A. M. Kir.Ferencz-József — Tudományegyetem Archaeologiai Intézetetéböl. Szeged. 1932.

Finds of Parts of Composite Bows in the Territory of Ancient Rus and their Cultural Attribution

S. Yu. Kainov & K. A. Mikhaylov

This paper is concerned with the problem of the appearance and distribution of the traditional nomadic weapon — composite bow — in Ancient Rus. The authors have summarized evidence on sixteenth complexes with new finds of composite bows at the most ancient Russian sites. The preserved mounts of the bows enable us to reconstruct the technology of assembling bows of various types. The article also summarizes evidence on the characteristic items of the equipment of eastern archers which constituted a single set with a composite bow: bowcases for keeping the bows and quivers. The results of the studies conducted have drawn the authors to the conclusion about the wide distribution of complex nomadic bows throughout Ancient Rus in the 10th century. The outmost concentrations of the finds have proved to be related with early towns and the culture of the raising Ancient-Russian elite — "*druzhinas*". In the present study, the use of two types of bows in Rus — the "Hungarian" and the "Pechenegian" ("Turkish") ones — has been established. Among the Ancient-Russian finds, bows of the "Hungarian" type hold a prominent place. The most ancient finds are dated to the third quarter of the 10th century. The appearance of composite bows was part of the process of distribution of items of armament, horse-gear, costume and accessories connected with the nomads of Eastern Europe among the Ancient-Russian military subculture. Some of the finds come from rich funerary complexes which belonged to professional warriors of a high social status who may have been participating in the war campaigns of Prince Svyatoslav at the Balkans and on the Danube.

Калинина Т. М.

Амазонки в арабской средневековой литературе

Арабская литература сохранила множество рассказов о чудесах, встречающихся в разных странах мира. Причиной тому был характер средневековой мусульманской культуры. Арабо-персидские писатели создавали свои произведения, в основе которых лежали готовые сюжетные и стилистические формы. При этом и ученые, и литераторы зачастую во многих случаях не считали нужным назвать первоисточник своей информации. Такой способ создания литературных и научных трактатов философ Ю. М. Лотман называл «эстетикой тождества». Термин означал сумму принципов, «которая основывается на полном отождествлении изображаемых явлений жизни с уже известными аудитории и вошедшими в систему "правил" моделями-штампами» (Лотман 1964: 173–175). Подобный метод создания книг востоковед Б. Я. Шидфар, в свою очередь, назвала «эстетикой привычного», когда автор предпочитал использовать и варьировать старый, давно известный слушателям или читателям сюжет (Шидфар 1974: 180). Такой метод существовал в древнеарабской словесности задолго до Мухаммада. С установлением ислама стремление выразить мысль путем обращения к штампу, канону, привычному сюжету, еще более усилилось, поскольку стремление к традиции было обусловлено и поклонением Корану. Книги, содержащие цитаты из Корана, из ранее известного произведения, клишированные сюжеты, повторенные ранее штампы, переданные от одного автора к другому, наиболее ценились в арабском мире (Рифтин 1969: 76–79). Античные, персидские, сирийские, индийские научные системы были восприняты арабскими учеными, на их основе были созданы свои представления о мире. Научные знания передавались арабскими мыслителями простому читателю в форме популярных историй, «чудесного», *мирабилий* (Демидчик 2004: 10–11). А поскольку средневековому мышлению в целом было свойственно поэтико-мифологическое видение мира, созданные еще в эпоху античности мифы были приняты как данность и охотно передавались. Легендарные истории, изложенные некогда античными авторитетами, были для восточных мыслителей несомненными и достоверными, поскольку специфику художественной системы средневековой и особенно восточной литературы обусловливал именно традиционализм.

К числу таких рассказов относились упоминания амазонок. Сведения

о них присутствуют в сочинениях как античных, так и арабских, и других восточных авторов. Греческие легенды об амазонках имеют очень древнее происхождение, восходя к догомеровской эпохе (Hennig 1940: 362). Античные авторы считали местом жительства амазонок долину реки Фермодонт на южном берегу Понта, а главным городом — Фемискиру, которая была разрушена в I в. до н. э. (Toepher 1894: Col. 1754 sq.; Максимова 1956: 329). Эллины, некогда исследовавшие эти области, не нашли здесь амазонок. Не исключено, что именно тогда возникла переданная Геродотом история (Hennig 1940: 363). Он писал, что некогда случилось сражение амазонок с эллинами, в котором они потерпели поражение. Греки разбили амазонок, взяли их в плен и повезли на трех кораблях на родину, однако в открытом море амазонки тех перебили. Но пользоваться кораблями они не умели, и ветер пригнал их в Меотиду. На ее берегах они поймали табун лошадей и стали грабить страну скифов. Скифы вступили с ними в борьбу и узнали, что пришедшие воители — женщины. По прошествии времени молодые воины и амазонки сблизились, вместе ушли «к востоку на расстояние трех дней от Танаиса и трех дней пути от Меотиды в направлении северного ветра. И с того времени жены савроматов придерживаются древнего образа жизни, выезжая на охоту на лошадях и вместе с мужьями, и отдельно от мужей; они также ходят на войну и носят ту же одежду, то и мужья». (Herodotus. IV, 110–117; Народы 1982: 143). Другие истории о связях амазонок с савроматами, жившими в областях вокруг Меотиды, были распространены в книгах многих греческих авторов. Были рассказы о том, что амазонки — это бывшие жены воинов-савроматов, отправившихся в поход; из-за чрезмерной длительности похода женщины, по прибытии мужей, не приняли их, а стали жить одни. Еще версия говорит о том, что среди скифского народа по имени савроматы, живущего вокруг Меотиды, есть женщины, которые ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики. Они не выходят замуж, пока не убьют трех неприятелей. Особенность их в том, что у них нет правой груди, т. к. в раннем детстве у девочек ее выжигают, чтобы не мешала стрелять из дука и владеть копьем (Косвен 1947: 36 и сл.). Существует также множество преданий о встречах и войнах Александра Македонского с амазонками и их предводительницей, но в этих вариантах амазонки связываются с Колхидой, а не с областями вокруг Меотиды.

И хотя Страбон говорил, что упоминавшиеся очень многими жившими до него писателями истории об амазонках весьма сомнительны (Strabo XI, V, 3–4; Страбон 1994: 478–479), традиция размещения амазонок на территории, так или иначе соответствовавшей Восточной Европе, была весьма живуча у античных авторов. Птолемей (II в. н. э.) размещал амазонок «ниже» области, находившейся между рекой Ра (Волга) и горами Гиппика, т. е. на территории Восточной Европы (Ptol. V, 8).

Первый арабский географ Мухаммад ал-Хорезми (первая треть IX в.), чья «Книга картины Земли» была основана на «Географии» Клавдия Птолемея, трансформировал сведения об амазонках, переместив в Северное Внешнее море (соответствовало Сарматско-

му океану Птолемея) острова женщин и мужчин. Он оставил искаженную греческую форму названий амазонок: *амазунис* и даже показал на этих островах некую вполне отчетливую систему рек (Das Kitab 1926: 89; Калинина 1988: 47–48, 52). Агапий Манбиджский (X в.) писал: «Шестой климат относится к Масубутамис, из островов моря. Населяют этот климат бурджаны, сакалиба и другие народы, из [которых] также женщины живут в [одной] из областей этого климата. Мужчины с ними не живут. Они — те, которые называются по-гречески *амузинас*, т. е. те, которые отрезают свою правую грудь всегда и прижигают ее, чтобы не увеличивалась, для того, чтобы быть готовыми к войне и битве. Называются ловкими. Так [принято] у них, потому что Самирис воевал с ними и убил всех их сыновей. По этой причине они обязались не выращивать сыновей, а воспитывать только дочерей. Однако ежегодно выходят они однажды и пересекают границы своей страны к стране бурджан. Мужчины бурджан оплодотворяют их, и они беременеют. Затем возвращаются на свою родину. Они всегда готовы к войне и битве» (Kitab al-ʻUnwan 1910: 614).

Ал-Идриси (XII в.) рассказал: «В море Мрака (т. е. в северных водных просторах Европы — *Т. К.*) есть множество пустынных островов. Обитаемых островов два, они называются островами амазонок (*амазаниус*) — язычников (*ал-маджус*). Из этих двух островов западный населен мужчинами, среди них нет ни одной женщины. Другой остров населен женщинами, среди них нет ни одного мужчины…». Ал-Идриси дал краткое описание пути к этим островам из трех городов, расположенных, по мнению исследователей, на берегу Балтики или Финского залива (Коновалова 2006: 104, 127, 288, примеч. 25). Однако сам ал-Идриси уточнял: «Едва ли кто из отправлявшихся в те края их достиг; это из-за густых облаков над этим морем, сильного мрака и отсутствия света над ним» (Коновалова 2006: 104, 127, 266, примеч. 24, 25).

Не все арабские авторы упоминали об амазонках на островах. Ибн ал-Факих (писал в 903 г.) расселял воинственных женщин, которые «отрезают себе грудь, пока она не стала большой», просто в 6-м климате (Compendium 1885: 6). Там же помещал их остров и Агапий Манбиджский (Kitab al-ʻUnwan 1910: 614). Шестой климат, по мнению арабских географов, охватывал в большой степени северную и западную Европу. Ибрахим ибн Йаʻкуб (X в.), в передаче ал-Бакри (XI в.), тоже упоминал «город женщин»: «На запад от русов — город женщин. Они владеют землями и рабами. Они беременеют от своих рабов, а когда кто-либо родит сына, то она его убивает. Они ездят верхом и сами воюют, они смелы и храбры» (Kitab al-Masalik wa-l-Mamalik 1992: 334; Вестберг 1903: 146. Перевод текста В. Р. Розена). Закарийа ал-Казвини (XIII в.), ссылаясь на Ибрагима ибн Йаʻкуба, и Бакуви (XV в.), взяв сведения у ал-Казвини, писали: «Город женщин — большой город с обширной территорией на острове в море Запада. [Сказал ат-Тартуши (фраза встречается только у ал-Казвини — *Т. К.*]. Жители его — женщины. Мужчины не имеют никакой власти над ними. Они ездят верхом и ведут между собой войны. Они неустрашимы в бою. У них есть белые рабы. Каждый раб по ночам посещает свою госпожу,

остается с ней всю ночь до зари и тайно уходит. Если одна из них родит мальчика, они сразу убивают его, оставляя лишь девочек» (Ал-Казвини 1969: 133; Демидчик 1977: 123; ʻАбд ар-Рашид ал-Бакуви 1971: 34).

Примеры упоминаний об амазонках можно было бы умножить, но и приведенных материалов достаточно, чтобы понять, что античная легенда об амазонках прочно вошла в литературный обиход восточных писателей. При этом арабы, в отличие от Страбона, зачастую уточняли, что известия достоверны: Ибрахим ибн Йаʻкуб ссылался на Оттона I Великого, с которым он общался при встрече в 965 г. в Магдебурге; Агапий утверждал, что «ни один ученый не сомневается в этом и не отвергает истинности известий о них»; ал-Идриси уточнял, что обычай амазонок всем известен.

Однако не все арабские авторы были доверчивы. Так, знаменитый лоцман XV в. Ахмад ибн Маджид писал: «Что касается острова мужчин и острова женщин, Малаги, и других, по окраинам земли, то нет нужды о них рассказывать и их узнавать подробно, ибо рассказчики не приводят нам известий со своих слов; по этой причине книга наша стала бы противоречивой…» (Ахмад ибн Маджид 1985: 65).

Отметим, что Ахмад ибн Маджид упоминал об островах женщин и мужчин как находящихся на окраинах земли. В литературе есть мнение, что упорное стремление мусульманских ученых «переселить» амазонок далеко на север могло быть связано с североевропейскими преданиями о «городе женщин» (*Kwennland*) на берегу Северного моря (Lewicki 1957: 282–307).

Археологи, занимающиеся исследованиями в степях Восточной Европы и Предкавказья, встречают среди захоронений сарматских и алано-болгарских кочевников женщин-воительниц с набором оружия. Их охотно называют амазонками. Отдельные примеры — данные раскопок на Кавказе и в Предкавказье (Апарин 1901; Березин 1984); данные раскопок в Удмуртии (Белицер 1947); материалы Дмитриевского могильника, расположенного в верховьях Северского Донца (Плетнева 1983); исследования на могильнике Мокрая Балка (Афанасьев 1976); раскопки в скифских степях (Фиалко 1991); материалы могильника с сарматскими погребениями женщин с конской и воинской утварью в Воронежской области (Гуляев 2000). И других примеров множество. Исследователи связывают эти захоронения с пережитками матриархата, особенно у кочевых народов Восточной Европы, хотя и многие другие общества всего мира еще в глубокой древности прошли периоды матриархата, иной раз сохранив его черты (Косвен 1947: 33–59; Толстов 1948: 325–331).

Однако переносить истории об амазонках на реально существовавшие в восточноевропейском регионе женские захоронения представляется излишне прямолинейным подходом к вопросу.

Ряд арабских авторов (как, например те же ал-Казвини и Бакуви) рассказывали еще и о женщинах, живущих совсем не Европе, а далеко на востоке: «Остров Женщин — остров в [море] Китая. Там [живут] одни лишь женщины, и у них совсем нет мужчин. Они беременеют от ветра и рожают таких же женщин, как и сами. Говорят, что они беременеют [также] от плода имеющегося у них

дерева: вкушают от плода, беременеют и рожают женщин» (Ал-Казвини 1969: 33; ʻАбд ар-Рашид ал-Бакуви 1971: 17).

Бузург ибн Шахрияр (сер. X в.) остров женщин помещал в просторы Окружающего океана, откуда нет возврата и где жители поклоняются солнцу, а небо так пурпурно, что имеет вид огненного барьера, за который нет хода. Здесь уже очевидны мотивы беспредельного загробного мира. Он так описывал нравы жительниц этого острова: «На каждого мужчину набросилось сразу около тысячи женщин или еще больше; они потащили путешественников в горы и беспрерывно принуждали их к новым наслаждениям. Более сильные женщины отнимали мужчин у своих товарок; и люди умирали от истощения один за другим. Но женщины бросались на труп каждого умершего, [не обращая внимания] на зловоние. Никто не остался в живых, кроме андаллусского шейха, которого увела одна из женщин. Она посещала его по ночам, а утром прятала недалеко от берега и приносила ему поесть» (Бузург ибн Шахрияр 1959: 36).

В «Шахнаме» Фирдоуси при описании приключений Искандера (Александра Македонского) упоминается некая страна Харум, которая отделена от остального мира широкой рекой. Там обитают 30 тысяч дев-воительниц, которые и рассказали о себе Искандеру. Для того, чтобы выйти замуж, дева должна перейти реку и зачать от жителей края по ту сторону реки. Если родится девочка, она попадет в царство Харум, мальчика туда никогда не попадают (Фирдоуси 1969: 60–64).

Итак, все истории об амазонках рассматривают их местожительство вдали от населенного мира, на севере, или востоке, или в неизвестных краях, или вблизи крайних пределов земли, за которыми нет жизни; здесь речь идет уже о границе с загробным миром. При этом не исключено, что древние предания накладывались и на какие-то реальные события, как в рассказе Бузурга ибн Шахрияра (Ковальская 1974: 58).

Воззрения арабских литераторов и ученых, как и других средневековых мыслителей, кто передавал легенды о странных народах на краю ойкумены, уходили корнями в традиционную мифологическую картину мира. Там известная территория противопоставлялась далекому краю, населенному чудищами, диковинными, враждебными народами. По мере развития знаний о дальних странах геомифологические образы античности отодвигались арабскими авторами все далее, на границы географического пространства, как это было свойственно средневековому мышлению в целом (Замятин 2004: 63). Вновь полученные реальные знания о народах и территориях при этом не уступали место легендарным сведениям; мифические материалы вплетались в ткань реалий, при этом местоположение легендарных стран или народов оказывалось отнесенным все далее и далее от известных конкретных местностей. Во многих сюжетах исследовались возможности человеческой природы, например, в тех легендах, где мужчины подвергались женщинами испытаниям, однако испытания эти происходили в некой труднодостижимой, фактически пограничной точке мира. Отдаленность во времени и пространстве способствовали распространенности мифа.

Литература

1. *Абд ар-Рашид ал-Бакуви 1971* — ʻАбд ар-Рашид ал-Бакуви. Китаб талхис ал-аṯар ва ʻаджаʼиб ал-малик ал-каххар («Сокращение книги о “Памятниках” и чудеса царя могучего») / Издание текста, перевод, предисловие, примеч. и приложения З. М. Буниятова. М. 1971.

2. *Ал-Казвини 1969* — Ал-Казвини. Асар ал-билад ва ахбар ал-ʻибад. Бейрут, 1969.

3. *Апарин 1902* — Апарин А. Амазонки на Кавказе: сказания и предания // Кавказский вестник. № 12. 1901; № 1–5. 1902.

4. *Афанасьев 1976* — Афанасьев Г. Е. Дохристианские религиозные верования алан (по материалам амулетов могильника Мокрая Балка) // СЭ. № 1. 1976.

5. *Ахмад ибн Маджид 1985* — Ахмад ибн Маджид. Книга польз об основах и правилах морской науки: Арабская морская энциклопедия XV в. / Критич. текст, пер., коммент, исслед. и указ. Т. А. Шумовского. Т. I. М. 1985.

6. *Белицер 1947* — Белицер В. Н. К вопросу о происхождении удмуртов (по материалам женской одежды) // СЭ. № 41. 1947.

7. *Березин 1984* — Березин Я. Б. К вопросу о кочевничестве сарматских племен в Центральном Предкавказье (III в. до н. э. — IV в. н. э.) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный. 1984.

8. *Бузург ибн Шахрияр 1959* — Бузург ибн Шахрияр. Чудеса Индии / Пер. с араб. Р. Л. Эрлих; Под ред. И. Ю. Крачковского. М. 1959.

9. *Вестберг 1903* — Вестберг Ф. Комментарий на Записку Ибрагима Ибн-Якуба о славянах. СПб. 1903.

10. *Гуляев 2000* — Гуляев В. И. Там, где жили амазонки. По материалам Потуданской археологической экспедиции на Среднем Дону, 1993–1997 // Донская археология. Ростов-на-Дону. № 3–4 (8–9). 2000.

11. *Демидчик 1977* — Демидчик В. П. «География» или «Памятники стран и предания о людях» Закарийа ал-Казвини. Душанбе. 1977.

12. *Демидчик 2004* — Демидчик В. П. Мир чудес в арабской литературе XIII–XIV вв. Закарийа ал-Казвини и жанр мирабилий. М. 2004.

13. *Замятин 2004* — Замятин Д. Е. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М. 2004.

14. *Калинина 1988* — Калинина Т. М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, перевод, комментарий. М. 1988.

15. *Ковальская 1974* — Ковальская М. Замечания о структуре «Путешествий Синдбада» // Problemy literatur orientalnych. Warszawa. 1974.

16. *Коновалова 2006* — Коновалова И. Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. Текст, перевод, комментарий. М., 2006.

17. *Косвен 1947* — Косвен М. О. Амазонки. История легенды // СЭ. № 2. 1947.

18. *Лотман 1964* — Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Труды по знаковым системам. Вып. 1. Уч. Зап. Тартуского гос. Университета. № 160. Тарту. 1964.

19. *Максимова 1956* — Максимова М. Н. Античные города юго-восточного Причерноморья. Синопа. Амис. Трапезунд. М.; Л. 1956.

20. *Народы 1982* — Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М. 1982.

21. *Плетнева 1983* — Плетнева С. А. Средневековые амазонки в европейских степях // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э. Воронеж. 1983.

22. *Рифтин 1969* — Рифтин Б. Л. Метод в средневековой литературе Востока // Вопросы литературы. № 6. 1969.

23. *Страбон 1994* — Страбон. География в 17 книгах. Перевод, статья и комментарии Г. А. Стратановского. М. 1994.

24. *Толстов 1948* — Толстов С. П. Древний Хорезм. М. 1948.

25. *Фиалко 1991* — Фиалко Е. Е. Погребения женщин с оружием у скифов // Курганы степной Скифии. Киев. 1991.

26. *Фирдоуси 1969* — Фирдоуси. Шахнамэ / Пер. Ц. Б. Бану-Лахути. Т. V. М. 1969.

27. *Шидфар 1974* — Шидфар Б. Я. Образная система арабской классической литературы. М. 1974.

28. *Compendium 1885* — Compendium libri Kitâb al-Boldân auctore Ibn al-Fakîh al-Hamadhâni… / M. J. De Goeje. Lugduni Batavorum. 1885.

29. *Hennig 1940* — Hennig R. Über die voraussichtlich völkerkundlichen Grundlagen der Amazonen-Sagen und deren Verbreitung // Zeitschrift für Ethnologie. Bd. 4–6. 1940.

30. *Kitab al-Masalik wa-l-Mamalik 1992* — Kitab al-Masalik wa-l-Mamalik d'Abu 'Ubaid al-Bakri / Edition critique avec introduction et indices A. P. Van Leeuween et A. Ferre. Vol. I–II. Tunis. 1992.

31. *Das Kitab 1926* — Das Kitab Surat al-ard des Abu Dja'far Muhannad ibn Musa al-Huwarizmi. / Hrsg H. v. Mžik. Leipzig. 1926.

32. *Kitab al-'Unwan 1910* — Kitab al-'Unwan. Histoire universalle ècrite par Agapius (Mahboub) de Menbidj, édite et traduite en français par A. Vasiliev // Patrologia Orientalis. Vol. V. Fasc. 4. Paris. 1910.

33. *Lewicki 1957* — Lewicki T. Arabskie legendy o kraiu Amazonek na północy Europy // Zeszity Naukowe Uniw. Jagiellońskiego. № 13. Filologia (2, 3). Kraków. 1957.

34. *Toepher 1894* — Toepher J. Amazonen // RE 1894. I.

Amazons in Mediaeval Arabian Literature

T. M. Kalinina

This paper is concerned with the problem of the geographic localization of the Amazons by Arabian authors. Legends about the Amazons were popular in antiquity beginning with the epoch preceding the Classical period. The ancient Greeks believed that Amazons lived in the valley of the Thermodon River on the southern shore of the Pontos Euxinos.

However, Herodotus held that they came to Maeotis in ships and began to live there together with the Scythians. In the writings of other Greek authors, the Amazons are mentioned as living together with the Savromatians around Lake Maeotis. According to Ptolemy's information, they were abiding between the Ra (Volga) River and the Hippica Mountains. In the opinion of the Arabian mathematician, geographer and astronomer al-Khwarizmi, the Amazons (*amaratus* in the distorted variant) inhabited an island in the North External Sea while the males lived on a nearby island. His information was passed to some other authors, such as al-Idrisi, al-Qazwini etc.
Some other Arabian writers follow the Greek tradition on the Amazons depicting their custom to cut off the right breast for better use of the bow. However, these authors, e.g. Ibn al-Faqih and Agapius al-Manbidji, place the Amazons at the northerner latitudes. Ibrahim ibn Ja'qub adds that the Amazons were neighbours of the Rus.

Many archaeologists are inclined to connect the Amazons with East-European mediaeval female burials containing pieces of weaponry. We must bear in mind that the legends about armed women are fairly widespread placing them not only in Europe but also in Asia. We know such stories from the works of Buzurg ibn Shahrijar, al-Qazwini, Bakuvi, Firdousi etc.

All the tales about the Amazons place their residence far from the familiar world — in the North or East, or in some unknown countries on the verge of the Earth with nobody living beyond them. The views of Arabian authors, as well as of other mediaeval scholars, were rooted in the traditional mythological picture of the world. The habitual territory was opposed to the remote borders inhabited by monsters and queer hostile peoples. With the development of the knowledge about distant lands, the geomythical figures of antiquity were being moved by Arabic authors ever further towards the limits of the geographical space. Such was indeed the character of the mediaeval thinking in general. The newly obtained knowledge about the real peoples and territories did in no way replace the mythical intelligence, the fantastic stories coming instead to be intertwined into the fabric of the realities. In the process, the location of legendary countries and peoples was being moved ever further from the habitual area.

Каргапольцев С. Ю., Каргапольцев М. Ю., Седых В. Н.

Методы и роль археологических исследований в реставрации садово-парковых архитектурно-ландшафтных комплексов

(по материалам изысканий в ГМЗ «Петергоф»)[1]

В современной археологии, охватывавшей до недавних пор памятники «с древнейших времён до 1700 года», наметился явный прорыв — исследовательский интерес стала представлять и эпоха Нового времени, что является сейчас общеевропейской тенденцией. Археология этого периода имеет явные преимущества перед своими «предшественницами» — обилие разнообразных письменных источников, картографический и иконографический материалы, фотографии и даже кинодокументы.

Потрясшие Старый Свет революции и войны прошлого века нанесли непоправимый ущерб большинству императорских резиденций европейских столиц, особенно в России (Санкт-Петербурге). Именно здесь новоявленные вандалы и богоборцы как будто соперничали с врагами внешними в темпах и масштабах уничтожения культурного наследия и теперь трудно даже оценить — кто преуспел больше…

Вслед за реставрацией дворцов и храмов, объектами восстановления в первоначальном виде стали и садово-парковые архитектурно-ландшафтные комплексы, воссоздание которых — процесс многоступенчатый и сложный, где одним из важнейших этапов предварительного анализа, определяющего успех дальнейших работ, и являются археологические изыскания. Они дают возможность уточнить планировочные структуры парка, определить местоположение архитектурных форм, расположение аллей, посадок деревьев, очертания водоемов и пр. Результаты археологических исследований показывают обоснованность выбора проектных решений и уточняют кабинетный анализ исторических документов и чертежей.

Масштабные реставрационные и восстановительные работы в Петергофском государственном музее-заповеднике (ГМЗ) последнего десятилетия сопоставимы лишь с послевоенным периодом конца 1940-х — начала 1960-х годов и, прежде всего, связаны с именем его генерального директора — Вадима

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Неизвестный Петергоф (результаты архитектурно-археологических исследований комплексов XVIII — начала XX в. в 2001–2006 гг.)», проект № 08–01–95363а/П.

Валентиновича Знаменова. Косвенным стимулом по их проведению послужили и мероприятия в связи с 300-летием Санкт-Петербурга (2003) и Петергофа (2005). Современные требования к работам по воссозданию музейных объектов потребовали применения археологических изысканий для уточнения и решения целого ряда исторических и технических вопросов.

Проведенные исследования (Каргапольцев 2004; 2005; 2006а; 2006б; 2007; Каргапольцев, Каргапольцев 2005; Каргапольцев, Каргапольцев, Бирюкова 2004а; 2004б; Каргапольцев, Каргапольцев, Волкова 2003; Каргапольцев, Каргапольцев, Седых 2002; 2003; 2005; 2006а; 2006б; 2007; 2008а; 2008б; Каргапольцев, Седых 2005; Мурашкин, Лисицын, Барашков, Каргапольцев, Седых 2005) охватили практически все парки (Верхний, Нижний, Колонистский, Александрия) и дворцы (Большой, Монплезир, Монкураж, Фермерский, Нижний) Петергофа. Археологический раскоп был заложен также в городской черте — на Торговой площади. Всего за период 2001–2006 гг. было раскрыто более семидесяти архитектурно-ландшафтных, дворцовых, садово-парковых и гидротехнических комплексов XVIII — начала XX в. общей площадью 1788 м². Топографически все изученные комплексы распределяются по пяти группам: Нижний парк (517,8 м² исследованной площади), Верхний сад (46 м²), парк Александрия (938,8 м²), Колонистский парк (273,8 м²) и Торговая площадь на городской территории (12 м²). В ходе работ были локализованы и изучены находившиеся в грунте основания, фундаменты и другие конструктивные элементы не сохранившихся построек и комплексов (в некоторых случаях фиксировалась и полная утрата объектов). Кроме того, в задачу исследований входило также обследование технического состояния ряда сохранившихся комплексов, нуждающихся в реставрации.

Несмотря на относительно высокие показатели результатов изысканий, сделанного недостаточно в виду необходимого масштаба реставрационных и строительных работ. Переоценить урон, нанесенный памятникам Петергофа событиями минувшего века, практически невозможно.

Определенный объем полученных данных имеет не только практический, но и чисто научный интерес. Дело в том, что утрата значительной части объектов культурного наследия Петергофа не всегда связана с разрушениями периода Великой Отечественной войны, как обычно принято считать, и, соответственно, не планируется к воссозданию. Многочисленные перепланировки садов и парков еще дореволюционного времени постоянно меняли их облик, при этом одна часть объектов просто демонтировалась, другая перестраивалась, что не всегда сопровождалось соответствующей документацией. Что-то исчезло уже в послевоенные годы: одно восстанавливали, другое разрушали, как, например, ансамбль Нижнего дворца Николая II в Александрии, городскую ратушу и часовню св. Иосифа-Песнопевца на Торговой площади и т. д. Проследить динамику этих изменений с составлением соответствующей технической документации также является одной из необходимых задач археологических работ. Других способов установить многие из утраченных объектов и их деталей просто не существует.

Несколько слов о методике выполненных работ. При раскопках (как правило, широкой площадью) использовался принцип послойного раскрытия грунта с промежуточными зачистками и фиксацией необходимых промеров в Балтийской системе высот. Выборка грунта производилась до материкового слоя в тех случаях, когда это не препятствовало сохранению архитектурных и строительных деталей или их конструктивных элементов. Традиционные в археологии раскопки «на снос», когда исследуемый памятник (комплекс) при этом фактически уничтожается, в реставрационных работах исключаются. Заповедь «не навреди», для максимальной сохранности уцелевшего материала, для нас всегда является приоритетной. Позитивной, в ряде случаев, оказалась и предварительная диагностика исследуемого слоя методом фотонной магнитометрии.

Методологически все обследованные объекты можно разделить на три условные группы. К первой относятся полностью раскрытые комплексы. Вторую образуют памятники, исследованные частично раскопами, а частично шурфами. По такому принципу обследовалось основное количество объектов. Третью составляют, как правило, полностью утраченные объекты, т. е. — без сохранившихся в грунте конструкций. В этом случае, обследование ограничивалось индикационными шурфами и зондажами. С зондажей и шурфов начиналось исследование всех комплексов. Но если в процессе обследования выяснялось, что памятник полностью утрачен — на этом раскопки. Если конфигурация памятника

Рис. 1. Восточный лабиринт в Нижнем парке Петергофа.

Рис. 2. 1-й шлюз у Руинного моста в парке Александрия.

ясна и степень сохранности скрытых конструкций удовлетворительная, а площадь объекта значительная — шурфы расширялись до раскопов, дополнялись другими шурфами, но полного раскрытия памятника не производилось. В случаях же спорных моментов, противоречивости исходных архивных данных, недостаточной информации по конфигурации контуров исследуемого объекта или иным мотивационным причинам — комплекс полностью раскрывался широкой площадью. Выбор вариантов осуществлялся на месте и в согласовании с Заказчиком работ.

При составлении ряда хронологически значимых типов встреченных вещей (хроноиндикаторов) особое значение имело установление верхних и нижних дат, то есть определение временных границ датировки памятника («terminus post quem» и «terminus ante quem»). Такой подход позволял уточнить и сузить даты инвентарных (замкнутых) комплексов исследуемых объектов в тех случаях, когда отсутствовали точные архивные сведения об их временном диапазоне существования.

Таким образом, культурный контекст или «замкнутый комплекс» в идеале выходит за рамки чисто археологических понятий и становится смысловым содержанием уже реставрационных работ, воссоздающих первоначальный облик и замысел памятника. Выявление многофакторных связей между различными аспектами одного памятника (архитектурно-ландшафтного комплекса) позволяло полнее раскрыть его как объект реконструкции и предмет историко-культурного и археологического изучения. Принципиальный

момент здесь — соотнесение имеющихся исторических планов, рисунков и других иконографических и текстовых документов, порой противоречащих друг другу, с реальной ситуацией. Последняя для реставраторов должна быть всегда приоритетна, поскольку имеет объективный характер.

С удовлетворением отметим, что данные археологии были учтены на целом ряде как уже воссозданных объектов — Царицын и Ольгин павильоны на островах Колонистского парка, комплексы ватерклозетов дворца Монплезир, южные трельяжные беседки у фонтанов «Адам» и «Ева», Лебяжий пруд у Восточного вольера и Восточный лабиринт (рис. 1) в Нижнем парке, 1-й шлюз у Руинного моста (рис. 2) и набивная площадка у Готического колодца в Александрии, так и находящихся в стадии реставрации (комплексы Фермерского и Нижнего дворцов, Новой фермы и Телеграфа в Александрии). Однако, современные технологии и практика реставрации не всегда, на наш взгляд, обоснованно подменяют подлинные сохранившиеся конструкции и элементы комплексов техническим новоделом. Конечно, в ряде случаев, при полной утрате памятника, без этого просто не обойтись. Но максимальная сохранность исторического контекста или, хотя бы, повторное использование строительных элементов (кирпич, камень, блоки, стяжки и др.) должно быть непреложным правилом для всех этапов и видов работ.

Применительно к Петергофу, не всегда обоснованный демонтаж «исторических» конструкций или отклонение от зафиксированной *in situ* планировки воссоздаваемых комплексов, были нами отмечены на объектах Царицыного сада (набивные дорожки, рабатки, фундаменты малых архитектурных форм, печи подогрева зимней оранжереи — «борова»), сада у Фермерского дворца (аллеи и дорожки, фундаменты скульптурных групп и столбов перголы, элементы водоотводных коммуникаций), Руинном мосту (подлинный валунный камень не использован и складирован на близлежащей территории), городской ратуши (полный демонтаж сохранившегося фундамента и воссоздание неисторического экстерьера здания). Впрочем, по сравнению с другими примерами (Константиновский дворец в Стрельне, здания Сената и Синода в Петербурге), восстановление петергофских объектов можно считать и образцом для подражания. Все в мире относительно…

Поскольку археологическую отчетность в ходе проектных и реставрационных работ изучают архитекторы и строители, выполненные чертежи соответствуют ГОСТ Единой системы конструкторской документации (ЕСКД) и Системы проектной документации для строительства (СПДС). Качество и этапы работ фиксировались фото- и видеоматериалами (отчеты о проведенных работах хранятся в архиве ГМЗ «Петергоф»).

В заключение несколько слов о трудностях и перспективах исследований. Петергоф, с точки зрения географической и геоморфологической характеристики, оказался не самым благоприятным районом для проведения масштабных археологических изысканий. Достаточно сказать о крайне высоком уровне грунтовых вод, суглинистой почве и развитой корневой системе де-

ревьев и кустарников садово-парковых площадей. Кроме того, Петергоф — действующий музей и работать приходится в условиях массового присутствия туристов и экскурсантов. Особую проблему представляют постоянные визиты «высоких» гостей, в ходе которых на прилегающей территории запрещается любое передвижение. Чего стоила одна только встреча «большой восьмерки» (G-8) в июле 2006 г., фактически парализовавшая жизнь целого региона (Стрельна, Петергоф, Ораниенбаум) и задержавшая важный этап археологических работ. Такого безобразия не было не только в эпоху Российской империи, но и в годы советской власти, подозрительность вождей которой считалась беспримерной.

Отдельно хотелось бы подчеркнуть и крайне острую в последнее время проблему вандализма и кладоискательства. Раскопы, находящиеся вне зоны охраны, постоянно и преднамеренно разрушались: страдали кирпичные и каменные кладки стен и фундаментов сооружений, ступени лестниц, мощение дорожного покрытия, булыжные отмостки зданий, обрушались бровки и отвалы раскопов, шурфы засыпались мусором и пр. Все это свидетельствует о полной социальной и культурной деградации значительной части современного общества. Дело доходило до того, что на ночь уже раскрытые конструкции приходилось временно засыпать и камуфлировать грунтом. Впрочем, осмысление причинно-следственных механизмов дегенерации населения — тема отдельного исследования, явно выходящего за рамки рассматриваемой проблематики.

В минувших сезонах 2007–2008 гг. осуществлялось лишь плановое археологическое сопровождение и мониторинг восстанавливаемых объектов дворцов и парков Петергофа. Карта (рис. 3) и список обследованных объектов по принципу Каталога с транзитной нумерацией пунктов и сжатой информацией справочного характера приводятся ниже.

Рис. 3. Карта исследованных памятников Петергофа XVIII — начала XX в.

Нижний парк

Монплезир (1–2)

1. Ватерклозеты дворца Монплезир (архит. И. Ф. Браунштейн, Ж.-Б.-А. Леблон, Н. Микетти, 1714–1718 гг.; восстановлены).

2. Фундамент Деревянного флигеля («Чайный дом») дворца Монплезир (архит. Ф.-Б. Растрелли, 1746–1756 гг.; утрачен в годы Великой Отечественной войны).

Менажерейный сад (3–5)

3. Купальня (фонтан «Солнце»), фундамент борта бассейна императорской купальни (архит. Ю. Фельтен, 1772–1774 гг.; сохранились; нарушена гидроизоляция стенок бассейна; нуждаются в ремонте).

4. Восточный Вольер (фундаменты) Менажерейного сада (архит. И. Ф. Браунштейн, 1721 г.; сохранился; отреставрирован)

5. Береговые откосы Лебяжьего пруда у Восточного вольера (вторая четверть XVIII в.; пруд засыпан в послевоенный период; восстановлен).

6. Фундаменты «Кривых галерей» у шлюза Гаванского (Морского) канала (архит. Н. Микетти, И. Ф. Браунштейн, 1723 г.; демонтированы во второй половине XVIII в.).

Большая Оранжерея (7–12)

7. Фонтан (чаша бассейна) западного оранжерейного булингрина (вторая — третья четверть XVIII в.; утрачен в ходе перепланировок конца XVIII — первой половины XIX в.).

8. Фундамент Померанцевой Оранжереи (вторая — третья четверть XVIII в.; утрачена в ходе перепланировок конца XVIII — первой половины XIX в.).

9. Пруд (береговая черта) западного булингрина (вторая — третья четверть XVIII в.; утрачен в ходе перепланировок конца XVIII — первой половины XIX в.).

10. Фундамент юго-восточного угла (Восточное крыло) Большой оранжереи (архит. Н. Микетти, И. Ф. Браунштейн, М. Г. Земцов, 1722–1725 гг.; засыпан в 1954 г. — вследствие сокращения параметров здания — в ходе осуществления проекта реконструкции архит. В. М. Савкова); и фундамент Померанцева лазарета (пристроен в 30-е гг. XIX в.; демонтирован в послевоенный период).

11. Фундамент теплицы XVIII века (70-е–90-е гг. XVIII в.; демонтирована в конце XVIII в. при перепланировке сада).

12. Фундамент теплицы начала XX века (1916–1917 гг.; демонтирована в послевоенный период).

13. Восточный лабиринт: фонтан, борта бассейна, дорожки (архит. Ж.-Б. Леблон, 1722 г.; заброшен со второй половины XIX в.; восстановлен).

14. Фундаменты южных трельяжных беседок у фонтана «Ева» (архит. А. Д. Захаров, начало XIX в.; утрачены в годы ВОВ; восстановлены).

15. Фундаменты южных трельяжных беседок у фонтана «Адам» (архит. А. Д. Захаров, начало XIX в.; обновлены в конце XIX — начале. XX в., утрачены в годы Великой Отечественной войны; восстановлены).

16. Террасный водоотводной коллектор («Западный грот») у Большого дворца (середина XVIII в.; сохранился с полузасыпанным входом).

Верхний сад

17. Партерные цветники у Церковного корпуса Большого Дворца (архит. Ф.-Б. Растрелли, 1747–1755 гг.; утрачены в годы Великой Отечественной войны; восстановлены в 1960-е гг.).

18. Столбы ограды (подкровельные площадки) Верхнего сада (архит. Ф.-Б. Растрелли, 1755–1760 гг.).

19. Театр («Оперный дом»), фундамент (архит. Ф.-Б. Растрелли, 1754 г.; разобран по ветхости в 30-е гг. XIX в.).

Александрия

20. Дворец А. Д. Меншикова Монкураж, фундамент (архит. И. Филимонов, 1726–1727 гг.; перестроен в охотничий Темпль в 1730-е гг.; стилизован в пейзажную руину А. А. Менеласом в 1828 г.; окончательный снос осуществлен в послевоенный период).

21. Водоотводные створы 1-й плотины-шлюза у Руинного моста (1828–1829 гг.; разрушен в годы Великой Отечественной войны, восстановлен).

22. Аллея у «Хмелёвой веранды», 2-я плотина-шлюз (архит. Э. Л. Ган, 1849 г.; заброшена в послевоенный период).

23. Аллея у Каменного дивана (вторая четверть XIX в.; заброшена в послевоенный период).

24. Аллея и набивная площадка у Готического колодца (вторая четверть XIX в.; засыпана в послевоенный период; восстановлена).

25. Аллея и береговые откосы у Большого пруда под Коттеджем (вторая четверть XIX в.; заброшены в послевоенный период).

26. Лодочный причал на Западном мысу Большого пруда — лестница и пирсовая площадка (конец XIX в.; разрушен в годы Великой Отечественной войны).

Собственный Сад Фермерского дворца (27–31)

27. Пергола Собственного Сада у Фермерского дворца — фундаменты столбов и скамеек, блоки связей (архит. Э. Л. Ган, 1862 г.; сильно пострадала в годы Великой Отечественной войны; демонтирована в послевоенный период; восстанавливается).

28. Розовая беседка (архит. А. И. Штакеншнейдер, 1841 г.; утрачена в послереволюционный период).

29. Основания скульптурных групп (архит. Э. Л. Ган, 1862 г.; демонтированы в послевоенный период).

30. Бассейн и водоотводные коммуникации фонтана «Ночь» (архит. Э. Л. Ган, 1862 г повреждены в годы Великой Отечественной войны; реставрируются).

31. Бассейн и водоотводные коммуникации фонтана «Мальчик с гусем» (архит. Э. Л. Ган, 1866 г.; поврежден в годы Великой Отечественной войны; реставрируется).

Детские сооружения (32–35)

32. Детская крепость (вал, бастион) у Фермерского дворца (1851 г.; утрачена в послереволюционный период; сохранилось ландшафтная конфигурация).

33. Детская пожарная каланча (фундамент) у Фермерского дворца (середина XIX в.; утрачена в послереволюционный период).

34. Детская водяная мельница, фундамент (1854 г.; утрачена в послереволюционный период).

35. Детская фермочка (середина XIX в.; утрачена в послереволюционный период).

Спортивные сооружения (36–37)

36. Спортивные игровые сооружения, «Игры» (вторая четверть XIX в.; утрачены в послереволюционный период).

37. Теннисный корт у Собственного сада Фермерского дворца (архит. А. И. Семенов, последняя четверть XIX в., утрачен в годы Великой Отечественной войны).

38. Фонтан у Кухонного корпуса — дома великих князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича (архит. А. А. Менелас, в 1826–1829 гг., перестроен А. И. Штакеншнейдером в 1838–1840 гг.; фонтан засыпан в послевоенный период).

39. Мраморная мемориальная скамья Александры Николаевны у Кухонного корпуса, фундамент (архит. А. И. Штакеншнейдер, 1840, 1844–1845 гг.; скамья перенесена в Нижний парк в 30-е гг. XX в.).

40. Колодец у Конюшенного дома (конец XIX в.; засыпан в послевоенный период).

41. Мостки через дренажную канаву у Конюшенного дома (конец XIX — начало XX в.; демонтированы в послевоенный период).

42. Въездные арочные мостки у Санкт-Петербургской заставы (вторая четверть XIX в.; частично сохранились при расширении шоссе в послевоенный период).

43. Огород у Константиновского (Адмиральского, Нижнекавалерского) дома (конец XIX — начало XX в.; утрачен в послереволюционный период).

Нижняя дача (44–47)

44. Морской причал (лестница и пирсовая площадка) для лодок и катеров (архит. А. О. Томишко, 1883–1897 гг.; пострадали при наводнении 1924 г. и в годы Великой Отечественной войны, окончательно разрушены и засыпаны в начале 1960-х гг.).

45. Аллеи у северного фасада Нижнего дворца (архит. А. О. Томишко, 1883–1897 гг.; заброшены в послевоенный период).

46. Фонтан в саду у Нижнего дворца (время сооружения неизвестно; пострадал в годы Великой Отечественной войны, заброшен в послевоенный период).

47. Фундаменты Кухонного флигеля у Нижнего дворца (архит. А. О. Томишко, 1883–1897 гг.; здание сильно получило сильные повреждения в годы Великой Отечественной войны, окончательно разрушено в начале 1960-х гг.).

48. Фундамент Дома наследника-цесаревича («Сосновый дом») (архит. А. И. Штакеншнейдер, 1858 г.; утрачено в годы Великой Отечественной войны).

49. Аллеи и ледник у Дома наследника-цесаревича (архит. А. И. Штакеншнейдер, 1858 г.; утрачены в годы Великой Отечественной войны; аллеи восстановлены).

50. Колодец у I–го Римского моста (третья четверть XIX в.; демонтирован в послевоенный период).

51. Березовая караулка у Капеллы, фундаменты и отмостка (середина XIX в.; переоборудована в конце 1940-х гг. в торговый павильон «Пиво-Воды», демонтирована в начале 1960-х гг.).

52. Аллея у западного фасада Капеллы (вторая четверть XIX в.; используется по настоящее время, но заброшены края, откосы и водоотводные лотки).

Телеграф (53–55)

53. Аллея на Телеграфном лугу (вторая четверть XIX в.; заброшена в послевоенный период).

54. Ледник императорского телеграфа у Новой Фермы (архит. А. И. Штакеншнейдер, 1857–1858 гг.; перепланирован А. И. Семеновым в 1893 г., перестроен в послевоенный период; реконструируется).

55. Хозяйственный двор императорского телеграфа у Новой Фермы (архит. А. И. Штакеншнейдер, 1857–1858 гг.; перепланирован А. И. Семеновым в 1893 г., перестроен в послевоенный период; реконструируется).

Хозяйственная зона фермы (56–57)

56. Фундамент Конюшни и Столовой для рабочих у дома пастухов на Новой Ферме (архит. А. И. Семенов, А. К. Миняев, конец XIX — начало XX в.; здание утрачено в годы Великой Отечественной войны).

57. Лебедяжник — фундамент и мощеная площадка домика для водоплавающих птиц на Лебяжьем пруду (вторая половина XIX — начало XX в.; утрачен в послереволюционный период).

Колонистский парк (острова Ольгиного пруда)

А) *Царицын остров*

59. Объекты Царицына павильона (перистиль, пергола, борова зимнего сада) (архит. А. И. Штакеншнейдер, 1842–1844 гг.; пострадали в послереволюционный период и в годы Великой Отечественной войны; восстановлены).

60. Цветники и рабатки сада, фундаменты вазонов Собственного сада Александры Федоровны у Царицыного павильона (архит. А. И. Штакеншнейдер, 1842–1855 гг.; пострадали в послереволюционный период, окончательно разрушены в годы Великой Отечественной войны В; восстановлены).

61. Дорожки сада у караулки, у дуба Вашингтона, у чугунного причала (архит. А. И. Штакеншнейдер, 1842–1844 гг.; восстановлены).

62. Фундамент стеклянной колонны (архит. А. И. Штакеншнейдер, 1842–1855 гг.; пострадала в послереволюционный период, окончательно разрушена в годы Великой Отечественной войны; восстановлена).

63. Античная руина, фундамент (архит. А. И. Штакеншнейдер, 1842–1855 гг.; пострадала в послереволюционный период, окончательно разрушена в годы Великой Отечественной войны; восстановлены).

64. Водоотводной коллектор фонтана «Нарцисс» (архит. А. И. Штакеншнейдер, 1842–1844 гг.; фонтан восстановлен).

Б) *Ольгин остров*

65. Летний театр (конец XIX — начало XX в.; разобран в послереволюционный период).

66. Дом майора В. И. Трувеллера, фундамент (нач. 40-х гг. XIX в.; постройка разобрана в 1848 г. в связи с перепланировкой территории и строительством караулки у Ольгиного павильона).

67. Фундамент караулки — «Домик гусара» (1848 г.; постройка разрушена в годы Великой Отечественной войны).

68. Дорожки (середина — вторая половина XIX в., заброшены в послевоенный период, восстановлены).

Город

Торговая площадь

69. Фундамент и бассейн портомойни (архит. С. В. Беляев, 1913 г.; постройка разобрана в 1946–1947 гг.).

70. Фундамент здания городской ратуши (архит. А. К. Миняев, 1913 г.; здание разобрано в 1946–1947 гг.; в 2008 г. начаты работы по восстановлению, проект Н. И. Явейна).

Литература

1. *Каргапольцев 2004* — Каргапольцев С. Ю. Архитектурно-археологические изыскания в ГМЗ «Петергоф» (итоги сезонов 2001–2003 гг.) // Доклады 61-й научной конференции профессоров, преподавателей, научных работников, инженеров и аспирантов Университета. Часть II. СПб. 2004.

2. *Каргапольцев 2005* — Каргапольцев С. Ю. Раскопки в Петергофе (итоги сезона 2004 г.) // Доклады 62-й научной конференции профессоров, преподавателей, научных работников, инженеров и аспирантов Университета. Часть II. СПб. 2005.

3. *Каргапольцев 2006а* — Каргапольцев С. Ю. Раскопки в Петергофе (итоги сезона 2005 года) // Доклады 63-й научной конференции профессоров, преподавателей, научных работников, инженеров и аспирантов Университета. Часть IV. СПб. 2006.

4. *Каргапольцев 2006б* — Каргапольцев С. Ю. Шпага цесаревича? // Новый часовой. Русский военно-исторический журнал. № 17–18. СПб. 2006.

5. *Каргапольцев 2007* — Каргапольцев С. Ю. Археологические исследования в Петергофе (итоги работ 2001–2006 гг.) // Вестник гражданских инженеров. Научно-технический журнал, № 2 (11). СПб. 2007.

6. *Каргапольцев, Каргапольцев 2005* — Каргапольцев С. Ю., Каргапольцев М. Ю. Раскопки на Торговой площади Петергофа // Реликвия (Реставрация. Консервация. Музеи). № 1 (8). СПб. 2005.

7. *Каргапольцев, Каргапольцев, Бирюкова 2004а* — Каргапольцев С. Ю., Каргапольцев М. Ю., Бирюкова И. Н. Раскопки в Петергофской Александрии (итоги сезона 2003 года), часть I // Реликвия (Реставрация. Консервация. Музеи). № 1 (4). СПб. 2004.

8. *Каргапольцев, Каргапольцев, Бирюкова 2004б* — Каргапольцев С. Ю., Каргапольцев М. Ю., Бирюкова И. Н. Раскопки в Петергофской Александрии (итоги сезона 2003 года), часть II // Реликвия (Реставрация. Консервация. Музеи.). № 2 (5). СПб. 2004.

9. *Каргапольцев, Каргапольцев, Волкова 2003* — Каргапольцев С. Ю., Каргапольцев М. Ю., Волкова О. Д. Методы и роль археологических исследований в реставрации садово-парковых архитектурно-ландшафтных комплексов (по материалам изысканий в ГМЗ «Петергоф») // Реликвия (Реставрация. Консервация. Музеи). № 2. СПб. 2003.

10.*Каргапольцев, Каргапольцев, Седых 2002* — Каргапольцев С. Ю., Каргапольцев М. Ю., Седых В. Н. Архитектурно-археологические изыскания в государственном музее-заповеднике «Петергоф» (краткие итоги сезона 2001 г. и перспективы) // Университетские Петербургские чтения. С.-Петербург — Петроград — Ленинград 1703–2002. СПб. 2002.

11. *Каргапольцев, Каргапольцев, Седых 2003* — Каргапольцев С. Ю., Каргапольцев М. Ю., Седых В. Н. Архитектурно-археологические изыскания в Нижнем парке и Верхнем саду ГМЗ «Петергоф» (итоги сезона 2002 г.) // Университетские Петербургские чтения. 300 лет Северной столице. СПб. 2003.

12. *Каргапольцев, Каргапольцев, Седых 2005* — Каргапольцев С. Ю., Каргапольцев М. Ю., Седых В. Н. Археологические раскопки в Петергофе (итоги работ 2001–2004 гг.) // Труды Санкт-Петербургской археологической экспедиции СПбГУ, т. 1. Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004 гг. СПб. 2005.

13. *Каргапольцев, Каргапольцев, Седых 2006а* — Каргапольцев С. Ю., Каргапольцев М. Ю., Седых В. Н. Раскопки на Торговой площади Петергофа (сезон 2004 г.) // Петербургские исследования. СПб. 2006.

14. *Каргапольцев, Каргапольцев, Седых 2006б* — Каргапольцев С. Ю., Каргапольцев М. Ю., Седых В. Н. Исследования Восточного лабиринта Ж.-Б.-А. Леблона в Нижнем парке Петергофа // Петровское время в лицах — 2006. Труды Гос. Эрмитажа. Т. XXXII. СПб. 2006.

15. *Каргапольцев, Каргапольцев, Седых 2007* — Каргапольцев С. Ю., Каргапольцев М. Ю., Седых В. Н. Археологические исследования дворца А. Д. Меншикова «Монкураж» в Петергофской Александрии // Петровское время в лицах — 2007. Труды Гос. Эрмитажа. Т. XXXVIII. СПб. 2007.

16. *Каргапольцев, Каргапольцев, Седых 2008а* — Каргапольцев С. Ю., Каргапольцев М. Ю., Седых В. Н. Памятники конца первой четверти XVIII века по материалам археологических исследований в Нижнем парке Петергофа // Реликвия (Реставрация. Консервация. Музеи). № 18. СПб. 2008.

17. *Каргапольцев, Каргапольцев, Седых 2008б* — Каргапольцев С. Ю., Каргапольцев М. Ю., Седых В. Н. Памятники конца первой четверти XVIII в. по материалам археологических изысканий в Нижнем парке Петергофа // Петровское время в лицах — 2008. Труды Гос. Эрмитажа. Т. XLIII. СПб. 2008.

18. *Каргапольцев, Седых 2005* — Каргапольцев С. Ю., Седых В. Н. Раскопки в Нижнем парке Петергофа (итоги сезона 2004 г.) // Проблемы исторического регионоведения. СПб. 2005.

19. *Мурашкин, Лисицын, Барашков, Каргапольцев, Седых 2005* — Мурашкин А. И., Лисицын С. Н., Барашков Е. И., Каргапольцев С. Ю., Седых В. Н. Работы Ленинградского областного отряда // АО-2004. М. 2005.

The Methods and Significance of Archaeological Investigations in Restoration of Landscape and Architectural complexes

(Researches in the State Museum Preserve "Peterhof")

S. Yu. Kargapol'tsev, M. Yu. Kargapol'tsev & V. N. Sedykh

The expansion of restoration works and reconstruction of the historical centre of St.-Petersburg and its nearest surroundings increase the actuality of the problems met by architects and restorers during the reconstruction of architectural sites, objects of landscape architecture and details of the layout of parks and gardens. Architectural and

archaeological investigations of the major sites carried out in Peterhof have resulted in localization and examination of the foundations and other elements of various structures and complexes of the Lower Park, Upper Garden, Alexandria Park, Colonists' Park etc. The results received allow us to conduct analysis of the entire complex of evidence on the problem under consideration. The diverse available written documents, cartographic and iconographic materials, photographs and even films are helpful in the most grounded treating of the historical reconstruction.

Reconstruction of landscape and architectural assemblages to their original form is a complicated multi-stage process. Archaeological researches are among the most important phases of the preliminary analysis determining the success of all further works. They allow us to establish more precisely the layout structure of a park, define the location of the architectural features, arrangement of alleys etc. The cultural context thus comes out from the frame of merely archaeological notions becoming the semantic contents of the restoration works for reconstruction of the original appearance and idea of a monument. Elucidation of multifactor ties between different aspects of a single site (architectural and landscape assemblage) leads to its more exhaustive revelation as an object of reconstruction and of historical and cultural studies. A moment of drastic importance here is to correlate the available historical plans, drawings and other iconographic or textual documents, now and then at variance with each other, with the real situation. The latter must always be of the ultimate priority for restorers as that of unbiassed character.

We must note here with satisfaction that archaeological evidence has been taken into account during restoration of a quite a number of objects. These are both the already completed Tsaritsyn and Olgin pavilions on islands of the Colonists' Park, complexes of the water closets in the Monplaisir Palace, southern trellis pavilions near the fountains "Adam" and "Eva" etc., and other objects still under the process of restoration. However, occasionally the modern technologies and practices of restoration are used to substitute (often unreasonably) for the preserved genuine structures and elements of the complexes. The most complete preservation of a historical context, or at least repeated use of the genuine building elements (brick, stone, blocks, coupling etc.) must be inviolable rule at all stages and types of restoration.

Кардаш О. В.

Позднесредневековые копья северо-западной Сибири

За последние десятилетия среди исследователей наметилась устойчивая тенденция перехода от чисто «вещеведческого» подхода в изучении археологических древностей к реконструктивному. Особым направлением стало воссоздание воинского вооружения и костюма. Значительные успехи в этом направлении достигнуты исследователями вооружения и военного дела в Сибири А. И. Соловьевым и А. П. Зыковым (Соловьев 1987; Зыков 2008). Они сделали важный шаг в углублении археологическое познание от изучения предмета к изучению человека.

Все ли такие попытки идеально достоверны и бесспорны? Пожалуй, нет, и, сейчас, возможно наступает период углубленного воссоздания исторических реалий прошлого. Своей статьей мне бы хотелось добавить некоторые археологические данные для такой работы.

Одним из типичных и обязательных предметов вооружения западно-сибирских воинов эпохи средневековья, по мнению исследователей, является копье, принадлежащее к классу копий с «втульчатым» насадом. Тот факт, что копья бытовали в данную эпоху не вызывают сомнения. Тем не менее, остается неразрешенным ряд вопросов связанных с использованием и бытованием такого оружия: каков был его статус, какие типы копий и насколько широко были распространены у таежного населения северной Сибири?

Изначально следует заметить, что на территории всей западной Сибири находки копий (в частности железных наконечников к ним) эпохи средневековья довольно редки. Так, в обобщающей монографии А. И. Соловьева на 1987 г. учтено 45 экз. «втульчатых» наконечников копий и лишь 4 экз. «черешковых». Точных данных о месте нахождения последних не приведено, а хронология группы изделий определена широко — в пределах XVI–XVII вв. (Соловьев 1987: 98–100, рис. 34).

В настоящее время, из публикаций и архивных источников, на территории северной части западной Сибири нам известно не более тридцати пяти наконечников в хронологическом интервале со II по XVIII вв.. В диссертационной работе А. П. Зыкова учтен 31 экз. наконечников копий, из них 19 экземпляров принадлежат к группе наконечников копий с «втульчатым» насадом, и лишь 12 отнесены к «черешковым» (Зыков 2008: 17). По результатам металлографического анализа значительная часть «втульчатых» наконечников

может быть отнесена к предметам импортного происхождения, а наконечники с уплощенным насадом «черешковым» связаны с местным кузнечным производством (Зыков 2008: 17–18). Мы рассмотрим именно последние. На территории северо-западной Сибири они появляются не ранее XI–XII вв., и получают наибольшее распространение в XV–XVIII вв., когда, практически полностью исчезают «втульчатые» наконечники. Это позволяет выделить наконечники копий с уплощенным насадом (черешковые) как специфическую группу, характерную для культуры позднесредневекового аборигенного населения Западной Сибири.

На сегодняшний день в нашем распоряжении имеются сведения о 14 наконечниках копий с уплощенным насадом «черешковых», но описания лишь пяти из них снабжены рисунками (рис. 1; 2, *1–5*).

К группе наиболее ранних находок (XI–XIII вв.) относятся 5 наконечников. Один происходит из погребения № 83 Сайгатинского I могильника, один с селища Нижний Кучук I, два происходят из погребения № 21 Сайгатинского IV могильника, а еще один найден при случайных обстоятельствах в пос. Кондинском. В целом, эту группу характеризуют небольшие размеры: длина не превышает 18–23 см., а ширина — 2–4 см (Зыков 2008: 16). Небольшие размеры, сопоставимые с размерами наконечников стрел, не позволяют однозначно отнести их к копьям, поскольку подобные наконечники могли быть использованы для сторожевых луков на крупного зверя.

Тем не менее, среди ранних находок, имеется один экземпляр, который выделяется своими размерами. Этот наконечник копья происходит с территории Среднего Приобья. Он обнаружен в 1986 г. при исследовании могильника Сайгатинский IV (Терехова, 1986). Некрополь расположен в 40 км к западу от города Сургут на правом берегу р. Обь на пойменном острове (рис. 1). В погребении № 21, по инвентарю, характеризующемуся, как мужское, поверх правой руки был обнаружен наконечник копья длинной 39,5 см (сохранившаяся часть) и шириной 6 см. (рис. 2, *1*). По вещевому комплексу захоронения и общей датировке группы погребений наконечник датирован XIII в. (Чемякин, Карачаров 2002: 63, рис. 20, *17*).

От конца XIV и XV вв. известно три наконечника копий с широким удлиненно-треугольным пером ромбического сечения и удлиненным плоским насадом. Два из них происходят из погребений № 155 и 259 могильника Сайгатинский IV, а еще один обнаружен при обследовании Ионинского могильника, расположенного к западу от урочища Сайгатино (рис. 1). По данным А. П. Зыкова, длина наконечников 21–39 см., а ширина 4–7 см.

Следующий по хронологии наконечник, так же происходит с территории Среднего Приобья из погребального комплекса могильника Усть-Балык. Этот некрополь расположен в 15 км к югу от города Нефтеюганск на левом берегу р. Юганская Обь на пойменном острове в дельте р. Бол. Балык (рис. 1). Памятник исследовался в 1982–1986 гг. экспедицией тюменского краеведческого музея под руководством В. И. Семеновой (Семенова 2001). В погребении № 116 был захоронен мужчина в возрасте 50 лет (Семенова 2001: 212). На груди погребенного находился наконечник

копья длиной 43 см (сохранившаяся часть) и шириной 7,5 см (рис. 2, *2*) По сопутствующему вещевому комплексу предмет датирован XV–XVI вв. (Семенова 2001: 45, рис. 12, *7*).

В хронологическом интервале XVII–XVIII вв. нам известно четыре наконечника. Один экземпляр обнаружен Дмитриевым-Садовниковым в могиле XVII–XVIII вв. у села Ларьяксого (Нижневартовский р-он ХМАО) на р. Вах. Он был передан в 1914 г. в Тобольский губернский музей (в настоящее время ТГИАМЗ) и описан А. П. Зыковым. Его длина 33,4 см, длина пера 21,5 см, ширина 5,7 см. К сожалению, более подробные сведения об условиях находки и его рисунок отсутствуют.

Следующий аналогичный наконечник был обнаружен при раскопках ритуального комплекса Халято I расположенного в левобережье р. Ясавей-яха (левый приток р. Юрибей) на п-ве Ямал в Ямальском районе ЯНАО. Исследования производились в 1990 г. археологической экспедицией ТГПИ под руководством А. В. Соколкова. Ритуальный комплекс находился на шестиметровом холме, расположенном на северном берегу оз. Халято (рис. 1).

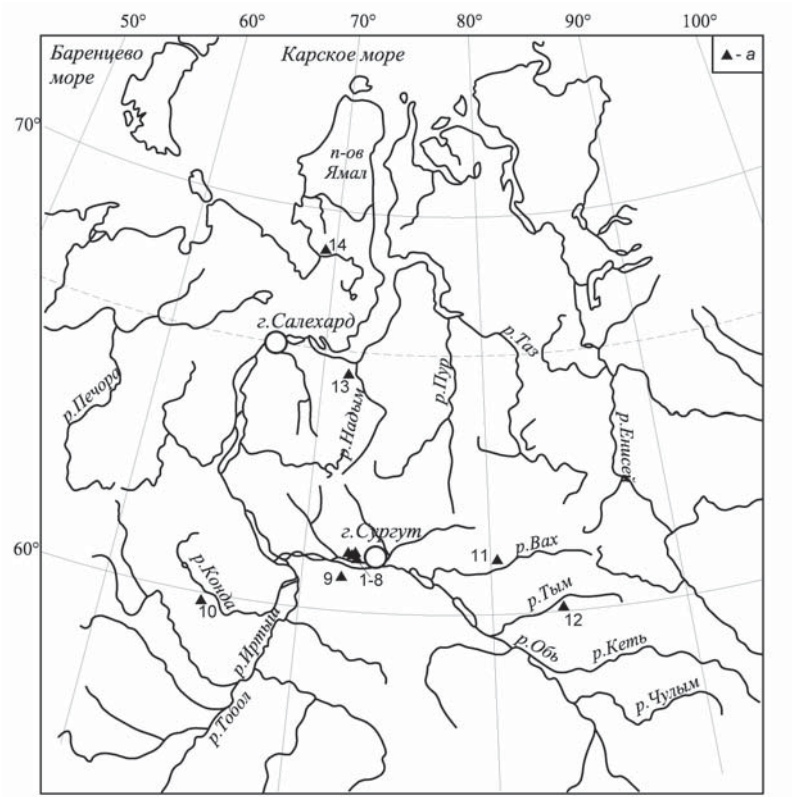


Рис. 1. Схема распространения находок наконечников копий с уплощенным насадом «черешковых» на территории Северо-Западной Сибири:

1–8 — могильники Сайгатинский I, Сайгатинский IV, Ионинский, *9* — могильник Усть-балык, *10* — находка у пос. Кондинский, *11* — могильник у села. Ларьякского, *12* — могильник Пыль-Карамо I, *13* — Надымский городок, *14* — ритуальный комплекс Холято I

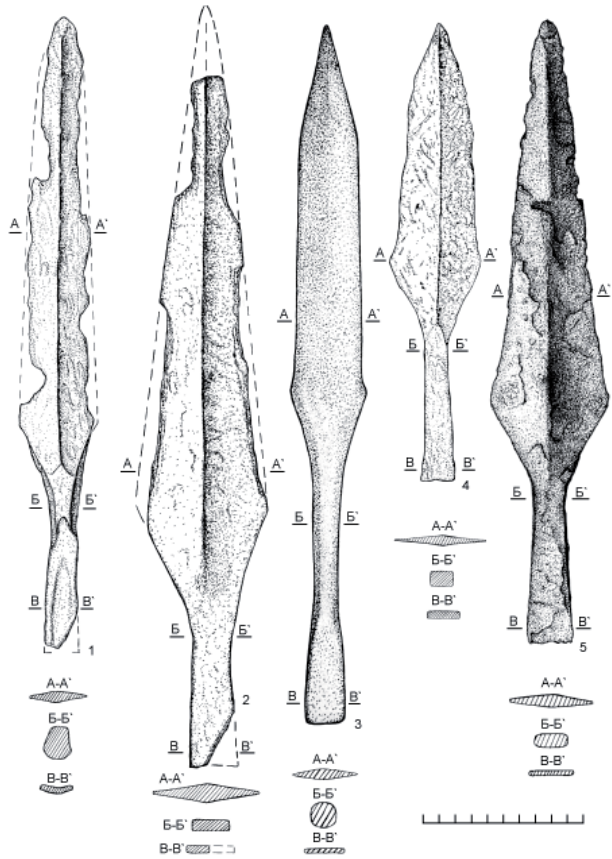


Рис. 2. Наконечники копий с уплощенным насадом с территории Северо-Западной Сибири:

1 — могильник Сайгатинский IV (погр. № 21), *2* — могильник Усть-Балык (погр. № 116), *3* — ритуальный комплекс Холято I, *4* — могильник Пыль-Карамо I (погр. № 6), *5* — Надымский городок, «клад» оружия. Ситуационный план культового места Халято 1

Комплекс включал жертвенное место представлявшее собой большое скопление оленьих костей, черепов и рогов, располагавшихся по кольцу вокруг антропоморфной фигурки выполненной из бивня мамонта и одиночное погребение близ неё. В погребении (судя по инвентарю, мужском), был обнаружен наконечник копья длиной 44 см, и шириной 4 см (рис. 1; 2, *3*). На основании комплекса находок обнаруженных в захоронении, наконечник датирован в пределах XVII — начала XVIII вв.

Еще один наконечник копья с уплощенным насадом был найден при раскопках селькупского могильника Пыль-Карамо I. Памятник расположен в среднем течении р. Тым (правый приток р. Обь) в Каргасокском р-не Томской обл. (рис. 1). В погребении № 6, судя по инвентарю, был захоронен взрослый мужчина. Погребенный был покрыт берестяным полотнищем, на котором размещался оружейный комплекс. Наконечник длиной 29 см и шириной 4,5 см располагался слева от головы, и, очевидно, был помещен в склеп вместе с древком (Рис. 1; 2, *4*). Это обстоятельство позволяет определить общий размер копья в пределах 1,8–1,9 м. (Кондрашов 2002: 65–66, рис. 2: *3*). По вещевому комплексу группы исследованных могил наконечник был отнесен к периоду XVII–XVIII вв. (Кондрашов 2002: 67)

Последний, из группы «черешковых», наконечник копья был обнаружен автором в 2003 году при комплексном археологическом изучении Надымского городка (рис. 1). Памятник расположен на пойменном острове в дельте р. Надым близ южного побережья Обской губы в 60 км к северу от г. Надым (ЯНАО). Наконечник входил в состав клада холодного оружия, залегавшего в слое дерна на южной многофункциональной площадке городка (Кардаш 2005: 31–36). Основное назначение площадки, по ряду признаков, в частности наличию большого кострища окруженного двумя кольцами черепов оленя и рогов, определено как ритуальное. Обнаруженный железный наконечник копья имел перо в форме удлиненного треугольника, ромбического сечения, и плоский черенок (рис. 2, *5*). Длина наконечника 39 см, ширина 7,5 см (Кардаш 2006: 126, табл. 2, *11*). Предполагается, что клад оружия был захоронен в 1729 г. при осаде городка, после которой поселение прекратило свое существование.

Из приведенного выше описания можно сделать ряд выводов. Во-первых, «черешковые» копья входят в состав инвентаря относительно богатых захоронений взрослых мужчин, интерпретируемых как «воинские». Во-вторых, прослеживается определенная связь таких погребений (и, соответственно, описанных предметов) с ритуальными комплексами. В третьих, такие копья вряд ли имели длинное древко и, скорее всего, их общий размер не превышал 2 м. На основании этих наблюдений, учитывая редкость распространения, можно сделать вывод об элитарности данного типа оружия.

По мнению А. П. Зыкова основным оружием средневековых воинов северо-западной Сибири были луки и стрелы. В условиях преимущественно дистанционных сражений в лесной местности, копья становились неудобным вспомогательным оружием для лучников, у которых при стрельбе заняты обе руки: для них удобнее было бы оружие, носимое в ножнах на поясе или за спиной — сабли, палаши, рубильные и боевые ножи, топоры (Зыков 2008: 16–17). Это логически обоснованное и вполне справедливое мнение объясняет далеко не все.

В значительной степени дополняет и позволяет интерпретировать отдельные стороны использования копий с уплощенным насадом в позднем средневековье анализ серии деревянных моделей наконечников копий XVI — первой трети XVIII вв., обнаруженных при раскопках Надымского городка. За десять лет исследований с 1998 по 2007 гг., проводившихся так же под руководством автора в культурном слое памятника обнаружено более 10 экземпляров целых деревянных моделей наконечников копий и фрагментов таких моделей, что сопоставимо с количеством всех известных на территории Северо-Западной Сибири железных наконечников рассматриваемого типа (рис. 3, *1–9*).

Деревянные модели — это копии бытовавших в тот же период железных наконечников. Большинство деревянных наконечников были выполнены в натуральную величину железных оригиналов. Причем следует обратить внимание, что именно наконечников, а не просто древков с вырезанным наконечником, поскольку зафиксировано, что, для отдельных изделий древко изготавливалось отдельно (рис. 3, *1, 2*). Это об-

стоятельство определяет особое отношение именно к наконечнику копья как некоему особо значимому предмету.

Некоторые деревянные модели сломаны и имеют следы забитости и ударов (рис. 3, *9*). Можно предполагать, что их использовали для имитации поединков и, скорее всего, «сражения» могли воспроизводить дети. Вместе с тем, есть отдельные наконечники, которые имеют орнамент и крепились к древку как настоящие копья (рис. 3, *1*). Не исключено, что их применение могло быть ритуальным.

Отдельные модели наконечников не монтировали в древко и использовали отдельно (рис. 3, *2*). Если соотнести этот факт с зафиксированным у жителей Надымского городка процессом имитации кузнечного производства при помощи деревянных клещей, молотков и напильников, то можно предположить, что моделировался и сам процесс ковки копья. Вероятно, эта процедура так же имела большое значение и с ней связано длительное сохранение формы изделия.

Важность процесса изготовления наконечников с уплощенным насадом для жителей Севера, косвенно подтверждается исчезновением к XVII в. из традиционной культуры наконечников копий с «втульчатым» насадом, которые параллельно бытовали в XI–XV вв. Это действительно не совсем понятно, поскольку, в период активной русской колонизации региона (XVI–XVII вв.) местные жители, в обмен на «пушнину», могли получить от частных промышленников и торговцев русские кузнечные изделия любой формы. Тем не менее, этого не происходило. Средневековые кузницы продолжали выковывать наконечники специфической формы, что само по себе может свидетельствовать об особых причинах воспроизводства формы.

Отчасти, раскрыть причины особого отношения именно к этому типа холодного оружия помогут этнографические данные. У нганасан в обряде сватовства при совершении «сговора» атрибутом свата служил посох (чере) в форме полутораметровой палки с Т-образным металлическим или костяным навершием или обычное копье, символизирующее угрозу конфликта со стороны свата в случае отказа отдать невесту (Семейная обрядность 1980: 45, Народы Западной Сибири 2005: 604). У эвенков при сватовстве использовалась палма (копье) на длинном деревянном древке, которую сват втыкал посреди жилища перед началом переговоров (Семейная обрядность 1980: 55–56). Оба факта, зафиксированые в XIX–XX вв. у аборигенных народов севера, можно охарактеризовать как рудиментарное использование предмета вооружения определяющего статус и полномочия владельца, в данном случае представителя одного рода, ведущего переговоры с представителями другого рода. Это обстоятельство позволяет предполагать, что в позднем средневековье копье могло определять статус владельца в более широком смысле.

Подтверждением этого предположения могут служить сведения из культуры южных ханты, в частности юганских, у которых до настоящего времени существует культ Ягун-ики — Юганского мужа. Этот персонаж религиозного пантеона персонифицируется местными жителями в образе военного вождя — легендарного косатого богатыря. Как было положено таежному

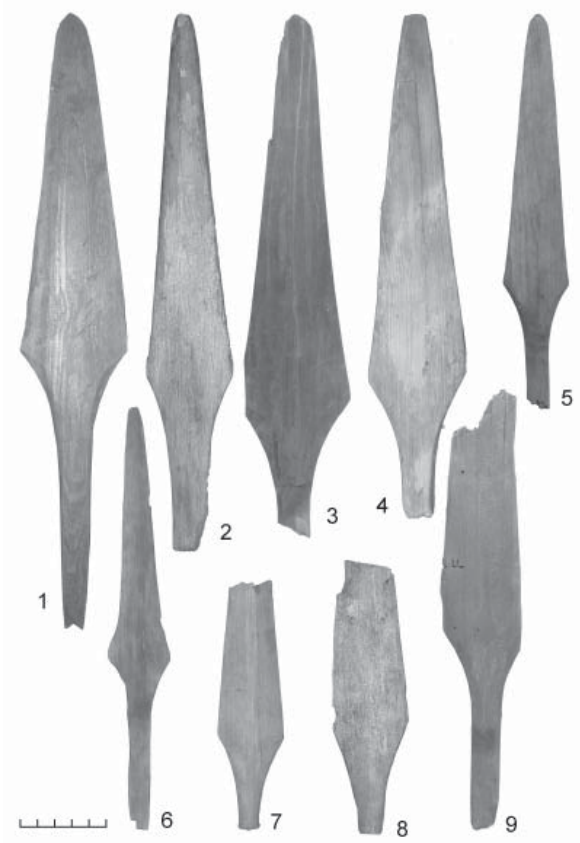


Рис. 3. Надымский городок
1–9 — деревянные модели наконечников копий с уплощенным насадом «черешковых» из слоя XVI — первой трети XVIII вв.

Рис. 4. Юрты Каюковы (оз. Бол. Каюково). Железный наконечник копья (на медведя?). Возможно, принадлежало местному божества «Ягун-ики»

богатырю, у Ягун-ики была своя свита, которая повсеместно сопровождала его в поездках по своей территории и за ее пределами. Впереди находился Янг-тор-имиин-ики-пахтын — Ледяного озера мужчины и женщины сын, а сзади, спиной к Ягун-ики, располагался Вонт-ики — лесной муж. Они считались и почитались как его телохранители и оруженосцы. Передний связывался с духами водного мира, а задний с духами леса. Оба персонажа неотступно сопровождали Ягун-ики. Они не носили луки, а только стрелы и копья (Ивасько, Кардаш 2000: 274–275).

Кроме этих сведений во время своего пребывания в юртах Каюковых на оз. Бол. Каюково нам сообщили, что местный житель А. Н. Каюков долгое время был хранителем священной скульптуры Ягун-ики и его атрибутов. Одним из них было копье. Во время повторной поездки нам показали железный наконечник копья на медведя (?) которое, кстати, также принадлежит к типу «черенковых» (рис. 4). Предположительно, именно оно почиталось как атрибут Ягун-ики, но осталось по какой-то причине в юртах, после возвращения священной скульптуры в юрты Каюковы на р. Большой Юган.

Приведенные археологические и этнографические данные позволяют охарактеризовать позднесредневеко-

вые копья с уплощенным насадом как предмет элитного вооружения. Тем не менее, остается не решенным вопрос о специфической форме наконечника. В качестве гипотезы можно предположить, что такая форма ассоциировалась с архаической формой черешковых каменных стрел, дротиков и копий, которые ассоциировались у коренного населения северо-западной Сибири с «громовыми стрелами» божества громовержца. В «Былине про богатырей города Эмдер», записанной С. К. Патрановым в конце XIX в. на р. Иртыш, кондинские воины «вознеслись к Золотому Свету, своему отцу, и поразили обоих эмдерских мужей, пустив на них в виде грома каменные стрелы» (Патканов 2003: 295). По материалам исследований В. Н. Чернецова, у манси Северной Сосьвы торум санкв (божий наконечник, божий клин) считался оружием Чахил Торума — божества грома и молнии, младшего брата верховного божества Нуми Торума (Источники по этнографии 1987: 36–39).

Сакральное происхождение архаичной формы предмета могло обусловить её неизменное воспроизводство на протяжении длительного времени, что позволяло маркировать привилегированный статус, как самого предмета, в частности копья, так и его владельца.

В заключении можно еще раз подчеркнуть, что на территории северо-западной Сибири в позднем средневековье копье с «черешковым» наконечником, было специфическим элитным предметом вооружения. Скорее всего, такое копье могло принадлежать лишь общинным, родовым вождям или их ближайшему окружению. Наличие такого копья, вероятно, маркировало владельца, как члена общины, выполняющего важные общественные функции, в том числе — ритуальные.

Литература

1. *Зыков 2008* — Зыков А. П.. Кузнечные изделия населения Северо-Западной Сибири во II–XVII веках. / Автореф. дис. … канд. ист. наук. М. 2008.

2. *Ивасько, Кардаш 2000* — Ивасько Л. В, Кардаш О. В.. Религия // Салымский край. Екатеринбург. 2000.

3. *Источники по этнографии 1987* — Источники по этнографии Западной Сибири. Томск. 1987.

4. *Кардаш 2005* — Кардаш О. В.,. Комплексное изучение Надымского городища. Итоги исследований 1998–2003 годов // Обдория. История, культура, современность. Салехард. 2005.

5. *Кардаш 2006* — Кардаш О. В.,. Вооружение воина Северо-Западной Сибири XVII–XVIII вв. (по материалам археологических исследований Надымского и Обдорского городков) // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Том II. Новосибирск. 2006.

6. *Кондрашов 2002* — Кондрашов А. Н. Материалы исследований грунтового могильника Пыль-Карамо 1 и поселения Усть-Порос на севере Томской

области // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург. 2002.

7. *Народы Западной Сибири 2005* — Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М. 2005.

8. *Патканов 2003* — Патканов С. К. Сочинения в пяти томах. Т. 5. Тюмень. 2003.

9. *Семейная обрядность 1980* — Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. М. 1980.

10.*Семенова 2001* — Семенова В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск. 2001.

11. *Соловьев 1987* — Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск. 1987.

12. *Терехова 1986* — Терехова Л. М. Отчет о НИР: Отчет о раскопках в районе пос. Сайгатино Сургутского района Тюменской области в 1986 г. Т. 1. Екатеринбург, 1986 г. // Архив ИА РАН Р-1. № 11431.

13. *Чемякин, Карачаров 2002* — Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древня история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу) 2-е издание, исправленное и дополненное. Екатеринбург. 2002.

Late Mediaeval Spears from North-Western Siberia

O. V. Kardash

This paper is a publication of archaeological finds of tanged spearheads of the 11th–18th century used by the indigenous population of West Siberia. At least fourteen objects of that kind are now known. In addition, during the excavations of Nadymsky Gorodok, over ten wooden models of similar spearheads made of actual size have been recovered. These all are dated to the 16th–first third of the 18th century. The author supposes that in West Siberia during the late mediaeval epoch, spears with tanged spearheads belonged to communal or tribal chieftains or to their close circles.

Л. С. Клейн

Красный демон археологии. Сага о Равдоникасе

В конце 20-х годов в ленинградскую археологию ворвался как метеор никому не известный провинциал и сразу же стал ее идейным лидером. Он стал также на всю жизнь предметом ненависти московских археологов, и ненависти заслуженной. Фигура бурная, мятущаяся и значительная, он продержался на первых ролях два десятилетия, создавая классику науки и сея зло. А затем исчез так же внезапно, как появился. В те годы в нашей стране люди исчезали внезапно не так уж редко, но их выхватывали «черные вороны». А этот отрекся от всего, что достиг, и ушел из науки. Следующие тридцать лет он провел отшельником, живя на пенсию и ни с кем не знаясь. Подлинно, как живой труп.

Подумать только, что вся его громкая и плодотворная карьера уместилась в двух десятилетиях! А за эти годы он создал теорию стадиальности, раскопал знаменитый Оленеостровский могильник эпохи мезолита, описал и издал петроглифы Онежского и Беломорского побережья, организовал многолетние раскопки Земляного городища в Старой Ладоге, гораздо более древнего, чем Новгород и Киев, написал первый советский учебник истории первобытного общества. Первые послевоенные годы он возглавлял ленинградское отделение ГАИМК, 15 лет — с момента восстановления — заведовал кафедрой археологии Ленинградского университета, где почти не оставил учеников. И необъяснимый парадокс: этот красный громовержец, вдохновенный строитель марксистской археологии, гневный обличитель буржуазной науки и разоблачитель ее пережитков — все эти годы, Сталинские годы самого жестокого всевластия партийного аппарата — был беспартийным.

Он очаровывал многих. Пришедший к нему в экспедицию школьником А. Д. Столяр, завкафедры в 1980-е – 1990-е гг., вспоминает: «Прежде всего, он был действительно красив… красив по-человечески изысканно… Стройная, осанистая, но и легкая фигура с точеной, гордо поставленной мужской головой. Орлиные черты лица не утрированы. Светлые, с оттенком высокомерия смотрящие куда-то вдаль (над собеседником) и, вдруг, неожиданно лучистые, озаренные внутренним светом глаза. В общем, какой-то поясняющей иллюстрацией, мне кажется, может быть совмещение фигуры ”Мефистофеля” Антокольского с Дюреровским ликом Христа…» (Столяр 1988: 19).

Я-то, пришедший на кафедру позже, знал лишь Равдоникаса времени его последних баталий. Ничего от лика Христа я в нем не видел, а от Мефистофеля, это верно, было очень много. Запомнились высокий рост, а вверху большие очень светлые глаза, орлиный нос, презрительно выпяченная нижняя губа с эспаньолкой под ней и темная шевелюра. В довершение демонического облика, он носил черную крылатку. Булгаковского Воланда я представлял себе именно таким.

Впрочем, и в воспоминаниях Столяра, если убрать его сохраненную до старости юношескую влюбленность, у Равдоникаса прорезаются не очень привлекательные черты — «замкнутость и внешняя суровость с оттенком презрительного высокомерия, обидная острота суждений и изысканно-грубоватая непосредственность». Эти черты, по признанию Столяра, «должны были с фатальной неизбежностью обречь (Равдоникаса) на одиночество в живой среде, создать вокруг него поле изоляции и людского вакуума». И еще: «В личном общении нередко был крайне лаконичен, ответом порой была очень типичная для него вольтерьянская усмешка, сопровождаемая характерным покашливанием (кхе, кхе…). Острейшая наблюдательность и беспощадный, уничтожающий, иногда оскорбительный, с издевкой сарказм, прямота, порой изрядно выходящая за черту общепринятого» (Столяр 1988: 19).

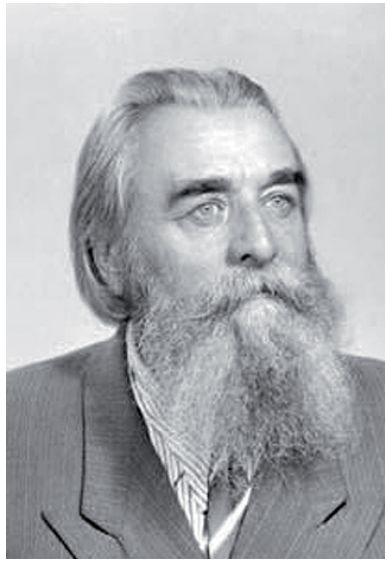
Студентов поражала и забавляла его манера читать лекции — изображая всем длинным телом то, о чем шла речь. Столяр описывает это так: «Отточенное по логике, насыщенное образностью,… богатое… звуковой арранжировкой изложение дополнялось жестом и мимикой, даже пластикой всей гармоничной фигуры, порой создавая озвученные изобразительные миниатюры. Перед слушателями то разворачивалась картина перехода к прямохождению в антропогенезе, то представала Венера из Костенок, то происходило особенно впечатляющее перевоплощение в "Колдуна" из пещеры Трех Братьев…» (Столяр 1994: 6)

Добавлю к этому, что иногда, наклонившись над кафедрой и вскинув руки, он застывал на одной ноге, как бы собираясь нырнуть в аудиторию — делал «ласточку». Студенты так и называли его «Ласточкой».

Коллеги, над которыми он то парил, то проносился на бреющем полете, не признавали этой ласковой клички. Для них это был не стриж, а хищник — ястреб или орел. Они хорошо знали, что то и дело из своих высей он вдруг обрушивался стремглав и терзал, исполняя совсем другую сценку — «целовал ястреб курочку до последнего перышка».

Гнездо, где вывелся ястреб, находилось в Тихвине, маленьком старинном городке неподалеку от Петербурга. Владислав Иосифович Равдоникас был сыном обрусевшего литовца, фельдшера уездной больницы. По-литовски фамилия звучала Раудóникас — *'рыженький'*, *'красненький'* (тот же корень, что в русском *рудой*, *рыжий*), в русской глубинке она стала звучать Равдоникáс, с жестким ударением на последнем слоге. Родившись в декабре 1894 г., мальчик к 4 годам потерял мать, к 5 годам — отца, умершего от алкоголизма. Сироту воспитало семейство учителя сельской школы Остроумова. Среднее образование он получил в Петербурге, в реальном училище.

В. И. Равдоникас.
Фото 1930-х гг.



В. И. Равдоникас.
Фото нач. 1970-х гг.

В общем он вырос очень образованным человеком, с большими культурными запросами. Знал языки, много читал, хорошо играл на рояле. Его любимыми композиторами были Бах и Вагнер — это кое-что говорит о его натуре.

По окончании школы вернулся в Тихвин. Там его ждал друг отца краевед-просветитель И. П. Мордвинов. Под наставничеством этого человека Равдоникас начал краеведческую деятельность. В 1914–1915 гг. по поручению Новгородского общества любителей древностей 20-летний любитель раскапывает курганы в верховьях р. Сяси. На Тихвинщине это были первые русские курганы (до того исследователям попадались только курганы финского населения).

Война прервала вхождение в археологию. В 1916 г. Равдоникас призван в армию. Окончив Михайловское артиллерийское училище, молодой офицер ушел на фронт. Участвовал в боях, за мужество награжден офицерским Георгиевским крестом. Но и в армии его не покидала мысль об археологии. В его личной библиотеке сохранился русский перевод книги Мортилье «Первобытный человек» (1903), на титульном листе этой книги почерком Равдоникаса надпись: «Поручик Равдоникас. Западный фронт». Значит, читал на фронте между боями. До этой поры сюжет очень напоминает биографию Городцова — тоже артиллерийского офицера. Только тот читал в поле Леббока.

В конце 1917 г., когда уже разразилась Октябрьская революция, недавний офицер возвратился в Тихвин и устроился на железную дорогу помощником машиниста. В 1918 г. поступил в Петербургский университет, но

вскоре оставил учебу, чтобы вступить в Красную Армию. Сначала рядовым, потом командиром артиллерийской батареи на Северо-Западном фронте. Он участвовал в боях против белого генерала Юденича и финнов. Затем он становится адьютантом начальника Петроградского укрепрайона Аврова, а под конец военной карьеры он — начальник артиллерии Петропавловской крепости. В начале 1919 г. вступает в партию большевиков.

В 1920 г. он, теперь уже красный командир, демобилизуется и опять возвращается в Тихвин. Время от времени ездит в Петроград, где — с рядом перерывов — учится в Университете. В археологии его наставником является профессор А. А. Спицын, сам провинциал. В основном же он проживает в Тихвине, где возобновляет раскопки курганов, но кроме того, в сотрудничестве с Мордвиновым, занимается самой разной краеведческой и просветительской работой вообще. Он заведует тихвинским краеведческим музеем, организует работу кино, редактирует местную газету, создает педагогический техникум с уровнем образования, близким к институтскому.

Хотя среди местных недоучек-партийцев он — белая ворона, но его выдающиеся способности признаны: перед ним открывается партийная карьера. В 1921 г. он направляется делегатом от череповецкой губернии на IX Всероссийский съезд советов, где слушает речь Ленина. В 1922 г. получает партийный приказ: в связи с централизацией печати и закрытием тихвинской уездной газеты свернуть все дела в Тихвине за неделю и переехать в Череповец. Это значит, что он должен бросить свою работу в музее, свое детище Педтехникум, да и поездки в Петербургский университет затрудняются, но кого в партии интересуют его личные интересы? Партия, как иезуитский орден, требует железной дисциплины, и всё личное должно быть принесено в жертву.

На сей раз приказ натолкнулся на личность. 28-летний Равдоникас взорвался и объявил, что выходит из партии! «Я хочу — и имею право хотеть — работать только по моей специальности, так как только здесь я вижу результаты — и большие результаты — от своей работы… *Я буду работать только по своей специальности*». Его заявление в Центральную Контрольную Комиссию РКП(б) было еще более резким: он заявил, что «будучи членом партии нельзя быть ни ученым, ни педагогом». А в партии он наделен «дурной кличкой интеллигент». «Моя интеллигентность была для меня всегда в условиях революционной борьбы источником самых тягостных и унизительных переживаний» (Столяр 1994: 7–8). Казарменная дисциплина в партии и диктатура недоучек над интеллигентами были ему явно не по душе, и он откровенно об этом заявлял.

В будущем этот резкий поступок молодого максималиста возымеет двоякие следствия. С одной стороны, это сделает его очень уязвимым и зависимым — над ним на всю жизнь повиснет дамоклов меч: в нашей стране бывшему партийцу приходилось куда хуже, чем просто беспартийному. Во всех анкетах наряду с вопросами «Не служил ли в белой армии?» и «Не состоял ли в других партиях?» стоял вопрос: «Не состоял ли ранее в коммуни-

стической партии и если состоял, почему выбыл?». С другой стороны, это его спасло в 1937 г., когда вся старая партийная гвардия ГАИМК была подчистую ликвидирована.

Но тогда, в 1922 г., он просто получил некоторую свободу. Смог спокойно закончить Университет в 1923 г. Издал несколько брошюр на темы своей разнообразной деятельности. Однако, после смерти Мордвинова в 1925 г., Равдоникас вдруг прекращает всякую активность и уходит в себя. Несколько лет его не видно и не слышно. Возможно в эти годы, потеряв всех близких и отрубив прежние связи и пути продвижения, он попросту ударился в запой (это с ним бывало и позже — наследственный недуг). Но скорее проявилось другое: он осмысливал перемены в стране (дело шло к полной диктатуре Сталина) и усердно штудировал литературу по отечественной археологии. Иначе не понять стремительность его старта в конце двадцатых.

В 1927 г. педтехникум переводят в Белозерск, и Равдоникас уезжает из Тихвина. В 1928 он уже в Ленинграде и поступает на работу в Кунсткамеру — Музей антропологии и этнографии Академии наук. Повидимому, он вполне в курсе положения в науке, и достаточно нескольких встреч, бесед на заседаниях, чтобы его потенциал оценили те, кому это могло бы пригодиться. Через несколько месяцев его зачисляют аспирантом в ГАИМК и поручают подготовить важный доклад. В это время назревало резкое обострение политической ситуации в стране (отказ от нэпа, оттеснение ленинской гвардии от руководства, коллективизация в селе, разгром церкви) и в связи с этим — яростная кампания за немедленный перевод на марксистские рельсы всех очагов общественных наук. Нужна была очистка науки от старых традиций и кадров, полная идеологическая перестройка. За несколько лет до того в Москве группа молодых археологов-аспирантов во главе с А. В. Арциховским попыталась разработать в РАНИОН марксистскую археологию. Партийное руководство ГАИМК — Быковский, Кипарисов — были недовольны. Во-первых, москвичи перехватывали инициативу, во-вторых, само существование археологии было связано со старыми традициями. Академия-то в Ленинграде была нацелена на историю материальной культуры!

Осенью 1929 г. никому до того не известный 35-летний провинциал, аспирант, выступил в зале Академии с громовым докладом «Археологическое наследство», потрясшим аудиторию. Ярко, грамотно, с блеском и сарказмом были подвергнуты сокрушительной критике основы дореволюционной русской археологии и ее еще живой носитель, В. А. Городцов. Досталось и продолжателям ее традиций — Арциховскому, Жукову, Я. И. Смирнову, Шмидту, Эдингу, Мацулевичу и др. Вполне в марксистском духе был произведен классовый анализ этих традиций, и «анализируемые» археологи были расклассифицированы по этим разрядам — кто попал в буржуазные, кто в мелко-буржуазные, а кто и в дворянские. Доклад было решено немедленно издать. В 1930 г. он вышел в виде отдельного выпуска Известий ГАИМК — как книга-памфлет «За марксистскую историю материальной культуры».

За этим (хотя и не вследствие этого) последовала «чистка», при которой работники Академии и Эрмитажа должны были проходить проверку и обсуждение не только в своих партийных и профсоюзных организациях, но и в рабочих (фабрично-заводских) коллективах. Равдоникас был активным и безжалостным проработчиком на этих собраниях, так что в результате его активности (не его одного, правда) многие старые работники — А. А. Миллер, А. В. Шмидт, Богаевский, Бонч-Осмоловский и др. пережили тяжелые времена: некоторые лишились своих постов, иные — свободы, а то и жизни. Так, на собрании коллектива работниц табачной фабрики им. Урицкого в 1931 г. проходил чистку Л. А. Мацулевич, работавший в Эрмитаже. Равдоникас, выступавший перед табачницами, честил и разоблачал его как сына жандармского полковника. Правда, Мацулевич уцелел и даже потом читал леции на кафедре археологии в Университете.

А. А. Формозов, относящийся к «мастеру обличительного жанра» Равдоникасу сугубо отрицательно, не верит в самостоятельность действий тогдашнего Равдоникаса: «Человек он был, безусловно, умный, достаточно начитанный, умелый оратор, ловкий полемист. Тем не менее, ясно, что диктовать, как жить целой академии, недавний тихвинский краевед, автор двадцати мелких заметок, мог только при том условии, если за его спиной кто-то стоял, кто-то приказал издать его доклад и принять как директиву на будущее. Это было время выдвиженцев, сменявших старые кадры» (Формозов 2004: 56).

Вот именно. Не требовалось особой силы за спиной. Можно было стать руководителем Академии и не имея двадцати заметок. Вокруг были такие же сравнительно молодые и инициативные, хотя и с партийным билетом.

Расчищал ли Равдоникас место для себя, разбрасывая маститых коллег, зарабатывал ли прощение за выход из партии, или искренне полагал, что делает благое дело, прокладывая новые пути в науке? Скорее всего тут было намешано и то, и другое, и третье, а в каких пропорциях — судить сейчас трудно. Вполне искренним он явно не был, потому что клеймил Бухаринские идеи, а втайне (и с огромной опасностью!) сохранил испещренные пометками труды Бухарина даже тогда, когда всякий сжигал их в пепел.

За книгой-памфлетом последовал ряд полемических статей, посвященных разработке идей исторического материализма применительно к археологии и истории первобытного общества. Это статьи о диалектике развития, закономерностях и периодизации докласового общества, о методах социологической интерпретации материалов археологии разных эпох — от палеолита до средневековья. «В те годы, — пишет В. С. Бочкарев, — сам В. И. Равдоникас постоянно находился под огнем критики. Почти каждое его выступление, устное или письменное, вызывало враждебную реакцию. Он не уклонялся от полемики. Очень часто сам ее намеренно вызывал. Дискуссии были его родной стихией. В них ярко проявился его талант оратора и полемиста» (Бочкарев 1994: 14). Реакция противников выдает одну из главных направленностей полемики — это видно по двум «Ответам Арциховскому», 1931 и 1934 гг.

Равдоникас не подлаживался, не прислуживался, имел свои позиции. Очень существенно, что в то время, когда его покровитель Быковский, партийный руководитель ГАИМК, требовал ликвидации археологии как не соответствующей марксистскому делению исторических наук (материал нужно, де, распределить по формациям), Равдоникас отстаивал существование археологии, пусть и как вспомогательной науки. Видимо, благодаря его усилиям, эта точка зрения победила на Всесоюзном археолого-этнографическом совещании 1932 г. (Аникович 1994).

Еще одна статья размером с книгу — «Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья» (1932). Здесь Равдоникас сделал второй решительный шаг к лидерству в Академии. Еще в 1923 г. глава ГАИМК академик Н. Я. Марр выдвинул «новое учение о языке», отринувшее генеалогию языков как буржуазную концепцию. Но «колдовские камлания» Марра не побуждали основной состав Академии — археологов — к каким-то изменениям стратегии исследований: археологи лишь использовали для частных трактовок отдельные цитаты. Марр искренне страдал. Равдоникас и тут оказался нужен. Он выстроил грандиозную общую концепцию стадиальных трансформаций материальной культуры местного населения под воздействием социальных сдвигов, так, что при этом менялась этническая принадлежность: яфетиды-киммерийцы превращались в ираноязычных скифов, те в германцев-готов, а готы — в славян. Возникла теория стадиальности. Этнические превращения — это, конечно, революционная фантастика, но внимание к значению социальных сдвигов и общих линий развития — плодотворно. Еще в нескольких работах сотрудников ГАИМК (Быковского, Кричевского, Борисковского) проводились те же идеи, у Быковского — даже раньше («Яфетический предок восточных славян — киммерийцы», 1931), но только у Равдоникаса эти идеи были развернуты на материалах археологии широко и эффектно. Он, в сущности, является подлинным создателем теории стадиальности в археологии. Конечно, в этой статье Равдоникас тоже критиковал тех, у кого брал материал.

По мнению Столяра (Столяр 1994: 9), Равдоникас внутренне терзался, что приходится так расправляться с коллегами, и когда это стало *для них* смертельно опасно (приближался 1937 год), он прекратил свою «археологическую публицистику». В статье Бочкарева (1994: 15), цитирующей Столяра, допущена очень ехидная опечатка: в 1934 году Равдоникас оборвал свою «археологическую публиЧистику». Ну, после 1934 г. все теоретические работы в отечественной археологии оборвались: в обстановке террора после убийства Кирова это стало смертельно опасно прежде всего *для самих авторов*.

Если бы Равдоникас в эти годы (до 1934) занимался только этой «публичистикой», он был бы сейчас интересен только для историографов науки. Ему отвели бы видное место в истории советской археологии — как создателю теории стадиальности и виднейшему проводнику марксистских идей в археологии. Поскольку идеи эти отразились в мировой археологии, очевидно, что зачинатель направления — фигура значительная. Но это была только одна

сторона деятельности Равдоникаса в грозовое пятилетие.

Все эти годы он продолжал раскапывать курганы лесного Севера. В 1930 г. в Стокгольме вышел на немецком языке его труд «Норманны эпохи викингов и Приладожье». Апологетические биографы Равдоникаса пишут, что в нем Равдоникас борется с норманизмом (Столяр, Белановская 1977), и пишут напрасно. Это они потому, что хотят приписать Равдоникасу очередной подвиг, поскольку в годы выхода этих биографий борьба с норманизмом еще ставилась в заслугу. На самом деле, никакой борьбы с норманизмом в книге нет. Наоборот, Равдоникас ввел в научный обиход материалы из прежних раскопок Старой Ладоги и признал ее нижний слой не финским, как прежде считалось, а скандинавским — преднорманским или ранненорманским. Старая Ладога предстала в томе как форпост норманнов на Востоке, правда, в чуждой среде. В общем, подход Равдоникаса к норманнской проблеме был спокойным, вполне объективным. Но ведь откат советской исторической науки от Покровского к антинорманизму еще не начался. В 1934 г. Равдоникас трактовал норманские вещи уже не как этнический показатель, а как социологический — атрибуты феодальной верхушки.

В 1934 г. Равдоникасу без прохождения ступени кандидата наук и без защиты диссертации была присуждена степень доктора наук — он был удостоен этого вместе с маститыми учеными Городцовым, Орбели, с автором капитального труда по палеолиту Ефименко. Трудно сказать, что тут сказалось больше — идеологическая «публичистика» или капитальный труд, вышедший за рубежом (у нас всегда делали вид, что признание заграницы нам безразлично и даже зазорно, но на деле «международно признанному» завидовали и с таким фактом весьма считались все, включая и власти).

Летом 1934 г. во время раскопок курганов на р. Свири Равдоникас впервые познакомился с петроглифами Бесова Носа и увлекся этой проблемой, хоть это уже была, по сути, не материальная культура. Но — археология! На следующий год он организовал небольшую экспедицию от Кунсткамеры, т. е. Музея и Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР. Включив в ее состав карельского ученого Линевского, уже давно занимавшегося обследованием петроглифов, он начал планомерную съемку наскальных изображений. За два года небольшая по составу (шесть человек) экспедиция проделала огромную работу. Было скопировано и описано 570 изображений (из них 150 новых, Линевскому неизвестных). Линевский, хотя и был тогда мужем археолога Н. Н. Гуриной, работал как любитель — копировал неточно, публиковал выборочно. Разошлись исследователи и в трактовке. Линевский интерпретировал петроглифы в духе наивного материализма — как натуральные изображения производственных и бытовых сцен: охоты, рыбной ловли на лодках и т. п. В этом его поддерживал московский археолог А. Я. Брюсов, соратник Арциховского по марксистской социологизации археологии. Равдоникас же на базе широких европейских аналогий и под впечатлением установки Марра на увязку материальной культуры с языком и мышлением трактовал наскальные

галлереи как отражающие первобытную идеологию — магию, культы, религиозные представления. Исследователи рассорились навсегда, и на второй год Линевский уже не участвовал в экспедиции, работавшей на открытых им памятниках.

Результаты работ Равдоникас издал двумя томами — «Наскальные изображения Онежского озера» (1936) и «Наскальные изображения Белого моря» (1938). Издания, как и полевые исследования, были осуществлены на высоком методическом уровне. Ознакомившись с ними, шведы, также готовившие издание онежских петроглифов из своих дореволюционных сборов, отказались от запланированной монографии. Книги Равдоникаса служат иследователям незаменимым источником и сейчас. Был запланирован и третий том, по изображениям Карелии, но он не вышел. Сначала война с Финляндией, потом Отечественная сорвали публикацию.

В годы после 1934 (года убийства Кирова и кончины Марра) ГАИМК находилась при смерти. Она подверглась опустошительным волнам арестов — были схвачены как враги народа и ликвидированы все партийные соратники Марра. Равдоникаса эти волны не задели — в какой-то мере из-за того, что он не был членом партии, а отчасти потому, что главным его местом работы в это время была не ГАИМК, а Кунсткамера — Институт антропологии, этнографии и археологии. Когда в 1936 г. было разрешено создать археологический альманах на месте угасших изданий ГАИМК, именно Равдоникас стал его идеологическим лидером. Альманах был назван «Советская археология» («археология» была и в названии Института) и на обложке его была изображена лосиха с петроглифа — как личное клеймо Равдоникаса. Одновременно Равдоникасу было поручено заведовать кафедрой истории доклассового общества на истфаке ЛГУ, где он сменил Быковского. Так что ГАИМК шла вниз, Равдоникас — вверх. На следующий год Академия истории материальной культуры была ликвидирована, а ее остатки были слиты с археологической секцией Института антропологии, археологии и этнографии в Институт в составе Академии наук.

Этот следующий год был 1937. Третий выпуск «Советской археологии» открывался анонимной редакционной передовой, написанной Равдоникасом: «О вредительстве в области археологии и ликвидации его последствий». Об этой статье, жестоко бичевавшей «врагов народа», недавних коллег Равдоникаса, Столяр пишет: «Равдоникас совершил над собой роковое насилие… Далее ничто не могло успокоить его совесть — именно с этой отметки при возрастающей остроте духовного кризиса начал всё сильнее проявляться его недуг, который трагически оборвал жизнь отца… Непреодолимым было стремление Равдоникаса забыться, уйти из общества, да и от самого себя» (Столяр 1994: 10). Состоятельность этого медицинского диагноза сомнительна. «История болезни» не документирована. Личности, склонные к алкоголизму (да еще и наследственному), не нуждаются в каких-то особых реальных мотивах и всегда находят повод реализовать свою тягу. Коллизий же подобного рода у Равдоникаса

и раньше было немало. Да и в будущем он еще попытается разок использовать подобное оружие…

Между тем 1937 год принес Равдоникасу еще одно счастливое археологическое открытие первой величины. В этом году Равдоникас начал раскопки Оленеостровского могильника в Карелии. За три года была раскопана 141 могила со 177 скелетами. Равдоникас увязал могильник с петроглифами и датировал его второй половиной II тысячелетия до н. э. Гурина в полной публикации могильника (с предисловием Равдоникаса) удревняет дату на тысячу лет. А теперь ясно, что этот комплекс относится к мезолиту и представляет собой один из самых больших мезолитических могильников мира. После споров, относить ли его к концу VI — началу V тысячелетия до н. э. или к IV и последующему тысячелетиям, сейчас склоняются к VI.

Со следующего года, параллельно с раскопками Оленеостровского могильника, Равдоникас начинает раскопки Староладожского городища. Кафедра истории доклассового общества преобразуется в археологическое отделение (такого не было в СССР нигде) с научной и учебной базой в Старой Ладоге. Экспедиция продолжается до войны и затем возобновляется после войны. Учитывая обилие постов Равдоникаса, конкретными работами на памятнике всё больше и больше занимался его заместитель, Г. П. Гроздилов, очень дотошный и въедливый археолог-полевик. Памятник такого возраста (на три века старше Новгорода и Киева!) мог бы стать эталонным по крайней мере для лесной полосы России, если бы был раскопан так же полно, как Новгород. Но Равдоникас не сумел использовать этот последний дарованный ему шанс в науке.

Он вообще многого не успел, не успел реализовать свое великолепное дарование, хотя жизни ему было отпущено немало.

Какой это был великолепный мыслитель, показывает его учебник «История первобытного общества» (Савинов 1994). Часть первая вышла в 1939 г., часть вторая — в 1947 г., часть третья не вышла. Говорят, она была написана, но Равдоникас сжег рукопись в пьяном угаре.

Учебник много ругали — обвиняли автора в космополитизме (много иностранных фамилий), в норманизме, бог весть в чем еще. Книга не лишена недостатков, но это первый настоящий учебник преистории, полный, серьезный, конкретный. Преистория в нем выступает как дисциплина, строющая свое повествование на основе синтеза разных видов источников, которые для нее готовят этнография, лингвистика, антропология, археология. Синтез, в общем, не получился. Но нет и подгонки этнографических примеров под археологический материал. Равдоникас возражал против «комплексного метода» Никольского — метода «сшивки». Те и другие источники рассмотрены раздельно. Но как проводить синтез, еще и сейчас не совсем ясно. Существенно, однако, что археология оказывается лишь одной из источниковедческих дисциплин, обрабатывающих свой вид источников для этого синтеза. Это позиция, противостоящая пониманию археологии Арциховским, для которого археология — это сама «история, вооруженная лопатой». К сожалению, про-

должению и развитию научного спора Равдоникас предпочел силовое решение. Но об этом чуть дальше…

Всю страшную блокадную зиму 1941–1942 гг. он провел со своей кафедрой в Ленинграде. Потом его вывезли в Елабугу, оттуда он переехал в Саратов, где тогда находился Университет. Между тем, центр Института истории материальной культуры в Ленинград так и не вернулся — его перевели в Москву. В Ленинграде же сделали его отделение (как раньше было в Москве). По возвращении после войны в Ленинград Равдоникас становится заведующим этого отделения. Видимо, его, как и многих ленинградцев, гложет сожаление об утраченных позициях и возможностях. Теперь распределение денег на экспедиции, издательских фондов, открытых листов — всё переместилось в Москву.

Между тем, он на вершине своей карьеры. В 1945 г. Норвежская Королевская Академия наук избирает его действительным членом. В следующем году он избирается член-кором нашей Академии наук.

В 1948 г. в обстановке сменяющих одна другую кампаний «борьбы за» и травли взорвалась биологическая дискуссия. Хитрый шарлатан «народный академик» Лысенко прогремел на июльско-августовской сессии ВАСХНИЛ своим докладом «О положении в биологической науке». Опираясь на поддержку ЦК, он разгромил генетику как буржуазную науку и разделался со своими оппонентами, заклеймив их как вейсманистов-морганистов, противников мичуринской биологии, после чего начались их массовые увольнения. В октябре («черная пятница» 22 октября) прошла аналогичная сессия языковедов в Ленинграде, на которой Сердюченко и Филин вынудили академика Мещанинова сделать доклад «О положении в лингвистической науке». На этой сессии к презренным Менделю и Вейсману были приравнены Гумбольдт и основоположник структурализма Соссюр. Заклеймены были виднейшие отечественные лингвисты, и началась их травля.

Равдоникас, к этому времени заведующий ленинградским отделением ИИМК и кафедрой археологии ЛГУ, вдруг узрел шанс покончить раз навсегда с давними конкурентами из Москвы и захватить господствующие высоты в археологии страны. Он организует осенью в ленинградском филиале Академии наук расширенное заседание Ученого совета ЛОИИМК, на котором выступает с докладом «О положении в археологической науке». В докладе он выдвигает идею, что в археологии сложилось два течения — передовое и формалистическое. Первое состоит у него в основном из ленинградцев, второе — из москвичей. Докладчик громит Арциховского, Брюсова, впрочем, также и Руденко. Подразумевалось, что стоит только задать тон докладом и несколькими заранее подготовленными выступлениями в поддержку — и всё будет кончено.

Запланированные выступления с поддержкой состоялись (Каргер честил москвича Воронина, Максимова и Гайдукевич сделали выпады против москвича Блаватского), но общей картины разгрома не получилось. Ленинградцы говорили о несамокритичности Равдоникаса и отвергли идею разделения направлений по городам. И резонно: это было чрезвычайно опасно — центр-то

был в Москве. Там доклад был повторен. Москвичи Киселев, Монгайт, Федоров и др. дружно выступили с резкой отповедью. Назревало «ленинградское дело» — политический разгром всей ленинградской партийной верхушки и руководства наукой. Их всех вскоре расстреляли по подозрению в сепаратизме. Покушение на археологический переворот было затеяно с негодными средствами, не во время и не там. На заседании ученого Совета института в Москве и позже, в 1949 г., Равдоникаса подвергли жесточайшей критике — не только за мятеж, но и за всевозможные грехи, в том числе — за космополитизм. Он получил отставку от руководства.

В 1950 г., после произведенного Сталиным посмертного низвержения Марра московские археологи еще порезвились на предмет «теории стадиальности» и прочих марровских экскурсов Равдоникаса. «Этот археолог, — желчно писал Арциховский, — вообще наиболее восприимчив ко всем веяниям, лишь бы они были вредные» (Арциховский 1953: 60).

Равдоникас отреагировал на всё это в своей обычной манере — беспробудным запоем. Он пил вместе с одним студентом, который в белой горячке покончил с собой. Скандал принудил факультет уволить профессора.

Я слышал тогда, что Президиум Академии наук вызвал Равдоникаса на правеж. Равдоникас прибыл на заседание пьяным и короткими перебежками — от опоры к опоре — добрался только до дверей зала заседания, а в проеме упал. Члены Президиума стали тихонько выбираться из зала, переступая через распростертого на полу во весь рост Владислава Иосифовича. При этом один из них сказал другому: «Осторожно, не *вступите в* Равдоникаса». Возможно, это лишь археологический фольклор, но он показателен для отношения научного истэблишмента к Равдоникасу.

Староладожская экспедиция еще некоторое время продолжалась, во время хрущевской «оттепели» (1957–1959) даже вновь под номинальным руководством Равдоникаса, потом прекратилась.

Равдоникас решил покончить со всем и показать, что не так уж он всё это ценит — чины, уважение коллег (было бы чье!), славу и саму науку. На рубеже шестидесятых в возрасте 65 лет он ушел со всех своих постов на пенсию и жалованье членкора (оно выплачивалось вне зависимости от работы), распродал научную библиотеку, многое из рукописей сжег и больше ничего не писал. Фактически отход от дел начался десятью годами раньше.

Он жил отшельником еще двадцать лет. Уже не пил. За ним ухаживала последняя из его жен (их сменилось четыре), а дом был наполнен животными — ежами, кошками, собаками. Когда в день его восьмидесятилетия коллектив кафедры отправился к нему на квартиру с поздравлениями (и я со всеми), нам навстречу вышел совершенно незнакомый Равдоникас — высокий умиротворенный старик с двупрядной седой бородой и белой шевелюрой.

Его успели похоронить заживо и забыть, или делали вид, что забыли. Когда в 1976 г. он умер, основанная с его участием «Советская археология», давно редактируемая Арциховским и заменившая онежскую лосиху на обложке вятичским кольцом, не напечатала даже скромного некролога. Забыли? Видать, ничего не забыли…

Литература

1. *Аникович 1994* — Аникович М. В. В. И. Равдоникас о предмете и задачах истории материальной культуры // Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора В. И. Равдоникаса. Тезисы докладов. СПб. 1994.

2. *Арциховский 1953* — Арциховский А. В. Пути преодоления влияния Н. Я. Марра в археологии // Против вульгаризации марксизма в археологии. М. 1953.

3. *Бочкарев 1994* — Бочкарев В. С. В. И. Равдоникас и революция в советской археологии // Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора В. И. Равдоникаса. Тезисы докладов. СПб. 1994.

4. *Рабинович 1949* — Рабинович М. Г. О положении в археологической науке // КСИИМК. № 29. 1949.

5. *Савинов 1994* — Савинов Д. Г. Перечитывая учебник Равдоникаса // Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора В. И. Равдоникаса. Тезисы докладов. СПб. 1994.

6. *Столяр 1988* — Столяр А. Д. Деятельность Владислава Иосифовича Равдоникаса // Тихвинский сборник. Вып. 1. Тихвин. 1988.

7. *Столяр 1994* — Столяр А. Д. Предисловие // Памятники древнего и средневекового искусства. Сборник памяти В. И. Равдоникаса (Проблемы археологии. Вып. 3). СПб. 1994.

8. *Столяр, Белановская 1977* — Столяр А. Д., Белановская Т. Д. Памяти В. И. Равдоникаса // Вестник Ленинградского университета. № 14 (сер. ист. 3). Л. 1977.

9. *Федоров 1949* — Федоров Г. Обсуждение положения в археологической науке на расширенном заседании Ученого совета ИИМК АН СССР // ВДИ. № 2. 1949.

10. *Формозов 2004* — Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. Москва, 2004.

The Red Demon of Archaeology: Ravdonikas' Saga

Leo S. Klejn

In Russian archaeology, V. I. Ravdonikas (from the Lithuanian Raudonikas) is a very controversial figure. Some authors describe him as the embodiment of evil, one of the initiators of the Communist rout of old Russian archaeology, the inventor of fantastic ideological doctrines. Others see him as the founder of a new understanding of prehistory, a discoverer of very important monuments, a brilliant scholar. He was all of these. He was not a member of the party, but he was an avowed Marxist; he was a member of the establishment, but he was also a rebel. How were all these traits combined in him? The author tries to gain an understanding of this post-war leader of Leningrad archaeologists.

Кононенко Т. В.

Расстрелянный Кремль. Вандализм и начало реставрации исторических памятников

В 2007 году незаметно прошла 90-летняя годовщина расстрела Московского Кремля 27 октября — 3 ноября 1917 г. (по ст. стилю) по приказу Военно-революционного комитета.

В отличие от Петрограда осуществить быстрый захват власти в Москве большевикам не удалось, сторонники Временного правительства создали Комитет общественной безопасности (КОБ), во главе с городским головой, эсером В. В. Рудневым и вместе со штабом Московского военного округа под командованием К. И. Рябцева пытались противостоять Московскому Военно-революционному комитету (МВРК) боевому органу, созданному большевиками при Советах рабочих и солдатских депутатов для руководства борьбой за установление Советской власти.

После того, как юнкерам удалось захватить Кремль, начальник оперативного штаба по руководству военными действиями Московского военно-революционного комитета (МВРК) А. Я. Аросев санкционировал расстрел Кремля.

В обращении к ВРК, подписанном 2 ноября В. В. Рудневым, говорилось о том, что артиллерийский расстрел Кремля и всей Москвы не вредит войскам, но разрушает исторические памятники и приводит к ранениям и гибели мирных жителей. В обращении указывалось, что в сложившихся условиях КОБ считает необходимым прекратить вооруженное противоборство и перейти к методам политической борьбы, «предоставляя будущему разрешение в общегосударственном масштабе вопроса о конструкции власти в центре и на местах».

В тот же день было подписано соглашение, согласно которому, по свидетельству участника событий большевика Яна Пече, «предусматривалось «прекращение своего существования» Комитетом Общественной Безопасности, расформирование Белой Гвардии и сдача оружия. При этом офицеры оставались при присвоенном их званию оружии, а в юнкерских училищах сохранялось оружие, которое необходимо для обучения. ВРК гарантировал всем свободу и неприкосновенность личности» (Пече 1929). Условия не были выполнены: все оружие, включая холодное, конфисковали, часть участников белого сопротивления была расстреляна на месте, других уничтожили после регистрации всех офицеров в Москве.

Даже на фоне бурных революционных событий того времени, методичное

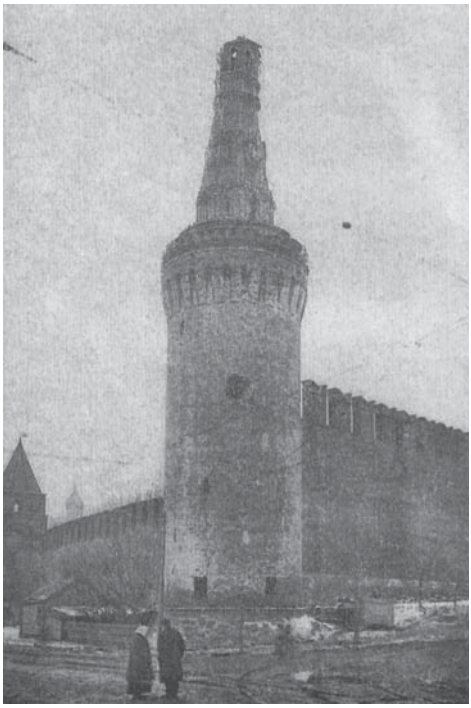


Рис. 1. Обезглавленная снарядами Беклемишевская башня (по: Нестор 2005)

уничтожение символа России вызвало настолько сильное возмущение, что проходивший в те дни Священный Собор Православной Российской Церкви в протоколе от 9 декабря 1917 г. за № 65 постановил разрешить делегату Собора Епископу Камчатскому Нестору (Анисимову) напечатать брошюру «Расстрел Московского Кремля» (Нестор 1917), признавая чрезвычайную важность немедленного опубликования в широких народных массах сведений о повреждениях русских святынь — Кремлевских Соборов.

Таким образом, историческое решение о восстановлении патриаршества на Руси созрело и воплотилось на фоне апокалипсической картины обстрела Московского Кремля. Здесь и отзвук октябрьского переворота и предсказание грядущих испытаний Империи.

Стремясь остановить уничтожение Кремля, Епископ Нестор образовал по благословлению Собора епископов делегацию депутатов Собора, которая зафиксировала значительные разрушения Успенского собора, Чудова монастыря, колокольни Ивана Великого, Николо-Гостунского собора, Благовещенского собора, Архангельского собора, Патриаршей ризницы, Собора 12 Апостолов, Малого Николаевского Дворца, Здания Судебных Установлений, Кремлевских башен, из которых угловая, Беклемишевская, была сбита и стояла без вершины (рис. 1)[1], а Спасская башня пробита и расстреляна.

В числе прочих была расстреляна и Никольская башня со знаменитой иконой св. Николая Чудотворца (рис. 2–4)[2]. Епископ Нестор пишет о ней следующее: «На Никольской башне, которую разбили в 1812 году французы, образ Святителя Николая, оставшийся не-

[1] «По вышеуказанным причинам (близость к Москве реке — *Т. К.*) Беклемишевская башня выстроена, надо думать, преднамеренно необыкновенно прочно, что лежит, вероятно, в особых качествах ее фундамента. Она менее всех других башен Кремля подверглась ветшанию и не нуждалась никогда, насколько мне известно, в капитальной перестройке… Тонкий верх ее несколько склонился в сторону уже очень давно, но при недавнем исследовании было выяснено, что в таком положении он может простоять безо всякой опасности неопределенное число лет. Так прочно это изящное и легкое по виду сооружение!» (Бартенев 1912: 203).

[2] «Против Никольских ворот ими была поставлена батарея, бившая по воротам прямой наводкой. Были там у них и пулеметы. Внутри Кремля, против Никольских ворот, была оставлена наша 2-я рота, построившая себе баррикаду из ящиков с винтовками, пришедших из Америки. Огня мы не открывали, так как противника за Кремлевской стеной не было видно» (Невзоров 1968).

вредимым от французского нашествия, ныне подвергся грубому расстрелу. Как Никольская башня, так и Никольские ворота совершенно изрыты снарядами, пулеметами, ручными гранатами и ружейными пулями. Совершенно уничтожен киот, прикрывающий икону Св. Николая, сень над иконой сбита и держится на одном гвозде. С одной стороны изображение Ангела сбито, а с другой прострелено. Среди этого разрушения образ Св. Николая уцелел, но вокруг главы и плеч святителя сплошной узор пулевых ран. При первом взгляде кажется, что иконы нет, но, всматриваясь внимательнее, сквозь пыль и сор вырисовывается сначала строгое лицо Святителя Николая и в правом виске видна рана, а затем становится яснее и весь этот чудотворный образ – стена и ограждение Священного Кремля» (Нестор 1917).

Второе издание расширено, в том числе включен новый эпизод происшествии перед образом Святителя Николая»: «В 1918 году произошел необычайный случай перед этим образом Святителя Николая, который вызвал даже в большевиках большое недоумение и смущение. Здесь я приведу дословно сообщение члена Церковного Собора А. А. Салова, правдиво описавшего чудо с образом Святителя Николая, что на Никольских воротах Кремля.

«1 мая (по новому стилю), в Великую среду, властители, засевшие в Кремле и назвавшие себя народными, устроили торжество социализма; они долго его подготовляли и много денег на него затратили, но торжество их не удалось: в манифестациях и шествиях участвовали жалкие кучки в несколько сот человек; улицы и площади, обвешанные красными тканями, были безлюдны,

Рис. 2. Никольские ворота Московского кремля. Вид со стороны кремля

Рис. 3. Никольская башня Московского кремля после расстрела

Рис. 4. Расстрелянная бальшевиками икона св. Николая («Раненый Никола»), находившаяся на Никольской башне Московского кремля (по: Нестор 2005)

и напрасно гремели на пустых перекрестках оркестры музыки…

Эта икона, (Святителя Николая) чудесно уцелевшая в дни Наполеоновского нашествия в 1812 году и несколько поврежденная (в левом краю своем) в дни Октябрьского переворота, была завешена красным широким полотнищем, которое на глазах тысячных очевидцев крестообразно разорвалось, и суровый лик Святителя открылся взорам толпы, и ткань, до того времени крепкая и неповрежденная, постепенно изменила свой цвет в коричневый и скрученными клочками стала падать на каменную мостовую у ворот. Это всенародное чудо быстро облетело Москву, и к иконе Святителя со всех концов потекли вереницы богомольцев».

Спустя 50 лет после этих событий в юбилейный год Великой Октябрьской социалистической революции 15 декабря 1967 года состоялась научная конференция Научно-методического Совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР и Советского комитета ИКОМОС[1] «Охрана, реставрация, пропаганда памятников культуры в СССР за 50 лет».

К этому времени Научно-методический Совет, основанный И. Э. Грабарем по постановлению Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры» за подписью Председателя Совета Министров СССР И. В. Сталина, первоначально как Совет по охране памятников культуры при Президиуме Академии наук СССР, представлял ведущий коллегиальный орган страны по вопросам охраны культурного наследия.

Главный доклад на тему «Из истории охраны и реставрации памятников культуры в СССР» делал заслуженный деятель искусств РСФСР Н. Н. Померанцев (Померанцев 1967: 1–95). Этот не публиковавшийся и неизвестный до сих пор документ является интересным источником по истории первых лет советской власти.

С 1918 Н. Н. Померанцев являлся сотрудником Комиссии по сохранению и раскрытию древних памятников под началом И. Э. Грабаря, с 1919 по 1934 — работал в Московском Кремле искусствоведом, хранителем Оружейной палаты, заведующим памятниками

[1] ICOMOS (International Council on Monuments and Sites) — Международный совет по охране памятников и исторических мест. ICOMOS — это международная, неправительственная организация, которая была образована в 1965 году. Сегодня организация имеет Национальные комитеты в более чем 107 странах.

Кремля. Одновременно занимался музейной деятельностью, организовывал местные музеи на базе Донского, Новодевичьего монастырей.

3 января 1934 года ОГПУ арестовало Н. Н. Померанцева по делу художников и искусствоведов, работавших в Центральных Государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ). На следствии Померанцев Н. Н. вел себя достойно, ни в чем себя виновным не признал. По окончании трехлетней ссылки в Вельске Н. Н. Померанцеву было запрещено жительство во многих областях страны. Только в 1946 г. ему было разрешено вернуться в Москву, где он продолжил работу в тех же Центральных реставрационных мастерских.

В 1967 году Н. Н. Померанцеву было уже 76 лет и его роль на этой конференции, очевидна — живое свидетельство об истоках ленинского отношения к наследию.

В качестве одного из таких примеров Померанцев упоминает о том, что: «Несмотря на царящие разруху и полуголодное существование, в период острейшей политической борьбы, Ленин и Луначарский находят время, чтобы проявить заботу о памятниках Московского Кремля».

Далее он ссылается на записку Ленина коменданту Кремля П. Д. Малькову от 17.05.1918 г. о состоянии памятников Кремля и с указанием произвести реставрацию одной из Кремлевских башен. Имеется в виду следующее предписание: «Предлагаю в срочном порядке произвести реставрацию Владимирских ворот (кремлевская башня, выходящая к Историческому музею), поручив кому-либо из архитекторов по указанию П. П. Малиновского представить смету и наблюсти за исполнением работ. Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)» (Ленин 1945: 21–22).

Впоследствии именно это поручение рассматривалось советскими исследователями как момент зарождения советской школы реставрации (Смирнов 1960: 329). Отсутствие материалов у Ленина на тему охраны культурного наследия вынуждало дальнейших толкователей использовать служебные документы вроде вышеупомянутой записки или воспоминания современников, воспроизводящих диалоги с Ильичем.

19 мая комендант Мальков доложил Ленину, что им сделано распоряжение о срочной реставрации (Владимирских) Никольских ворот, Никольской башни у Исторического музея и что работы будут проводиться срочным порядком с 22 мая (Из истории 1964: 29). Мальков деликатно поправляет вождя, Владимирские или Никольские ворота располагались в конце Никольской улицы со стороны Лубянской площади и были частью стены Китай-города[1].

Приведенное выше свидетельство Епископа Нестора о явлении иконы Николая особенно важно, так как он прекрасно представлял недопустимость распространения слухов о мнимых чудесах и последующем народном почитании. Вполне вероятно, что Ленин решил в срочном порядке физически уничтожить икону Святого Николая, грозящую превратиться в символ борьбы с большевизмом. Попутно был решен и вопрос с уничтожением па-

[1] Владимирские ворота разобраны в 1934 г.

мятной мраморной доски Императора Александра I[1].

В этой связи любопытно замечание И. О. Трифоновой: «Надвратные храмы на русской почве также закрепили за собой выраженную сакральную градозащитную функцию, которая, несмотря на утрату в XV в. ими реальной фортификационной значимости, сохранялась на протяжении веков» (Трифонова 2005).

Указания Ленина были выполнены Мальковым: «По всем четырем стенам Троицкой башни спускались полотнища с лозунгами, а место древней, тусклой иконы (со стороны Кремля: образ Святой Троицы с тремя странниками, со стороны Неглинки: образ Знамения Пресвятой Богородицы) в центре башни заняло огромное панно, на котором был изображен могучий красный витязь, вознесшийся над землей.

Здание Совнаркома и ВЦИК так и пылало в огне алого кумача. Украсились и другие кремлевские здания, даже монастыри и соборы. Все подъезды и ворота внутри Кремля увивала свежая зелень. В эти дни мне пришла мысль избавиться от икон, *торчавших* (выделено мною — *Т. К.*) на Кремлевских башнях и соборах и постоянно мозоливших глаза. Решил, однако, спросить Владимира Ильича или Якова Михайловича, а тут и случай представился. В канун праздника Владимир Ильич и Яков Михайлович вместе пошли по Кремлю осматривать украшения. Пригласили и меня. Выйдя из подъезда Совнаркома, мы миновали Царь-колокол и поравнялись с Благовещенским собором; тут я спросил Владимира Ильича, не следует ли убрать иконы.

— Правильно, — отвечает Ильич, — совершенно правильно. Обязательно следует. Только не все: старинные, представляющие художественную или историческую ценность, надо оставить, а остальное убрать.

Вдруг Владимир Ильич всплеснул руками и звонко расхохотался.

— Товарищ Мальков, только вот эту не вздумайте трогать, — и он указал пальцем на икону, вделанную в стену Благовещенского собора, — а то так от Луначарского попадет, так попадет, что и не говорите. Не только вам, и мне заодно достанется. Так что уж вы меня не подводите!» (Мальков 1968).

Реакция Ленина, скорее всего, объясняется эпизодом, описанным Джоном Ридом: «15 (2) ноября комиссар народного просвещения Луначарский разрыдался на заседании Совета Народных Комиссаров и выбежал из комнаты с криком:

«Не могу я выдержать этого! Не могу я вынести этого разрушения всей красоты и традиции…» (т. е. расстрела Кремля — *Т. К.*)

Вечером в газетах появилось его заявление об отставке…» (Рид 1957).

В статье посвященной памяти Луначарского Лев Троцкий также вспоминает этот случай в свойственном ему стиле: «Недостатка в импрессионистских скачках (Луначарского — *Т. К.*) не было и теперь. Так, он чуть-чуть не порвал с партией в самый критический момент, в ноябре 1917 года, когда из Москвы

[1] «В 1812 году, во время неприятельского нашествия, твердыня сия почти вся была разрушена подрывом неприятеля; но чудесною силою Божией св. образ великого угодника Божия, святителя Николая, зде начертанный на самом камени, а не токмо самый образ, но и самое стекло, прикрывавшее оный, фонарь со свещею остались невредимыми. Кто Бог велий, яко Бог наш! Ты еси Бог, творяй чудеса: дивен Бог во святых своих» (Бартенев 1912: 174).

пришел слух, будто большевистская артиллерия разрушила церковь Василия Блаженного. Такого вандализма знаток и ценитель искусства не хотел простить! К счастью, Луначарский, как мы знаем, был отходчив и сговорчив, да к тому же и церковь Василия Блаженного нисколько не пострадала в дни московского переворота» (Троцкий 1934).

Как вспоминает сам Луначарский, Ленин в ответ заявил: «Как вы можете придавать такое значение тому или другому старому зданию, как бы оно ни было хорошо, когда дело идёт об открытии дверей перед таким общественным строем, который способен создать красоту, безмерно превосходящую всё, о чём могли только мечтать в прошлом?» (Луначарский 1934: 39).

«Отходчивый» Луначарский не выдержал давления соратников и был вынужден забрать заявление обратно[1].

В январе 1918 г. Комиссия Совнаркома заслушала сообщение Луначарского о ремонте Кремля и удовлетворила ходатайство московской Комиссии по охране памятников об отпуске средств на это.

На основании сметы ремонтно-реставрационнные работы в Кремле, составленной архитектором Н. В. Марковниковым 8 декабря 1917 г. (ГАРФ. Ф. 1056. Оп. 1. Д. 4. Л. 51), было постановлено ассигновать 450 тысяч рублей «на реставрацию кремлевских зданий, пострадавших во время гражданской войны». В данном постановлении указано и средство погашения непредвиденных трат: «причем сумма эта подлежит возмещению путем особого налога на виновников гражданской войны, сопротивляющихся Советской власти» (ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2, Д. 3).

Трагические события в Москве нашли свое отражение в прессе еще не подконтрольной большевикам, так в журнале «Нива» были опубликованы 12 фотографий Петра Адольфовича Оцупа[2] под заголовком «Революция в Москве», включая фотолетопись разрушений в Кремле и в остальном городе (Революция 1918).

Особый интерес с точки зрения истории возникновения советской реставрации представляет «Акт осмотра Московских памятников искусства и старины», опубликованный в приложениях к Известиям Государственной Российской Археологической Комиссии[3] (Акт осмотра 1918: 226–230). Комиссию

[1] «Отставка т. Луначарским в настоящее время взята обратно, и он заявляет, что остается на своем посту» («Правда», № 180, 17 (4) ноября 1917 г.), см. также: (Луначарский 1917: 2–3).

[2] Петр Адольфович Оцуп (1883–1963) — выдающийся российский фотограф. В ряду классических произведений этого автора, посвященных историческим событиям XX в. и вошедших во все издания мира, портреты В. И. Ленина, деятелей русской революции 1917 года, русской культуры и первых лиц Советского государства 1920–1930-х гг.

[3] Российская государственная археологическая комиссия была образована после революции 1917 г. на базе Императорской Археологической комиссии Министерства Императорского двора, основанной в 1859 г. В свою очередь в 1919 г. комиссия послужила основой Российской Академии истории материальной культуры (с 1926 г. — Государственная Академия истории материальной культуры). В 1937 г. ГАИМК реорганизована в Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, который вошел в систему учреждений АН СССР. В 1945 г. руководство института было переведено в Москву (Институт археологии РАН), а в Ленинграде организовано его отделение. В 1959 г. институт переименован в Институт археологии с отделением в Ленинграде. С 1991 г. отделение ИА АН СССР в Ленинграде преобразовано в самостоятельный Институт истории материальной культуры. Наряду с Московским Археологическим обществом, Императорская Археологическая комиссия в начале XX в. ведущий научно-методический центр Империи, объединяющая талантливых ученых занятых проблемами сохранения памятников культуры.

Российской государственной археологической комиссии возглавил один из основоположников реставрационной деятельности в России П. П. Покрышкин «с целью определить повреждения, причиненные памятникам искусства во время беспорядков, начавшихся в Москве 2 ноября 1917 г.» (Акт осмотра 1918: 226)[1]. В описании повреждений Никольских ворот говорится об ударах и ранениях кладки снарядами и пулями, что свидетельствует об особом отношении членов комиссии к расстрелянной святыне.

В статье «Отношение Владимира Ильича к памятникам старины» Бонч-Бруевич рассказывает еще об одном случае, который полностью подпадает под определение мифотворчества, описанного еще в советское время в основательном труде И. С. Смирнова[2]. По версии Бонч-Бруевича: «Владимир Ильич прочитал в книге С. П. Бартенева, что одно крыло собора (Двенадцати апостолов — *Т. К.*), находящегося близ Ивана Великого, заложено кирпичом во времена Николая I и превращено в сарай для фуража. Владимир Ильич с негодованием сказал:

— Ведь вот была эпоха, — настоящая аракчеевщина… Все обращали в сараи и казармы: им совершенно была безразлична история нашей страны. Надо сейчас же; немедленно это крыло открыть. Смотрите, какое оно интересное, судя по чертежу, который здесь приложен.

Через несколько дней реставрационная комиссия, которая была образована при Советском правительстве, стала работать над восстановлением крыла. Владимир Ильич, гуляя, не раз останавливался около места работ и смотрел, как постепенно открываются старые очертания древнего собора.

— Совсем иной вид, — говорил Владимир Ильич, — тут виден художник-архитектор, а раньше было удивительно смотреть, — так не гармонировала эта пристройка со всем собором. Оказывается, тут не в соборе дело и не в архитекторе, а в Николае 1, в аракчеевщине!» (Бонч-Бруевич 1963).

Однако в книге Бартенева отсутствуют подобные сведения о Соборе Двенадцати апостолов. Открытие арок последовало только после прямого попадания снарядов в собор (рис. 5–6). Это подтверждает и Н. Н. Померанцев в своем докладе на конференции Научно-методического Совета в 1967 году: «Говоря о восстановлении памятников Кремля, пострадавших во время октябрьских боев, следует отметить, что они были все тогда же реставрированы с тщательным соблюдением существующих научных принципов реставрации. Мало того, следует отметить интересный момент, когда осколок одного ·из снарядов попал в первый этаж собора 12 апостолов и повредил толстый намет штукатурки, вдруг открылась часть белокаменной кладки одной из двух проездных арок, позже заложенных проездов, в которых в XVШ веке были устроены квартиры. Тотчас же

[1] В архиве Института истории материальной культуры сохранилось около 20 негативов с точным указанием даты съемки — 10 ноября 1917 года.

[2] «К сожалению, в популярной и даже научной литературе фигурируют факты из жизни и деятельности В. И. Ленина, которые не подтверждаются никакими прямыми документальными данными и не находят подтверждения при сопоставлении источников и исследовании вопроса. Некоторые утверждения фигурируют в литературе десятилетиями и приобрели силу традиции» (Смирнов 1960: 37).

Рис. 5–6. Собор 12 апостолов после расстрела

был поставлен вопрос о необходимости освобождения этих квартир, после чего началось открытие заложенных арок» (Померанцев 1967: 88).

Далее в своем докладе Померанцев более подробно останавливается на этапах реставрации Кремля и упоминает ряд архитекторов и исследователей того времени: «В той же мере необходимо напомнить об указаниях В. И. Ленина Архитектору Бондаренко И. Е., руководившему работами по архитектурной реставрации Кремля. В своих воспоминаниях Бондаренко говорит, что «Ильич посоветовал нам восстановить первоначальный вид зданий, освободить их от более поздних наслоений, искажавших подлинно народную архитектуру Кремля» (Померанцев 1967: 1–95).

Говоря о Беклемишевской башни восстановление, которой как мы помним, представлялось наиболее сложным, Померанцев отмечает следующее: «Эта башня Кремля, имеющая необычайно тонкий силуэт и очень стройные пропорции, несмотря на большие трудности, была удачно восстановлена крупным специалистом реставрационной науки Советского Союза И. В. Рыльским. Вначале работу по реставрации вел архитектор Н. В. Марковников. Реставрация производилась по решению только что организованного архитектурного подотдела Отдела музеев Наркомпроса, руководителями которого были И. Э. Грабарь и И. Е. Бондаренко. Секретарем подотдела был, недавно умерший, Н. Р. Левинсон» (Померанцев 1967). Всех троих вышеупомянутых архитекторов, т. е. И. Е. Бондаренко, Н. В. Марковникова и И. В. Рыльского объединяла совместная деятельность в рядах Императорского Московского Археологического Общества (ИМАО), основанного графом А. С. Уваровым.

Таким образом, у истоков реставрации Кремля в советский период стояли ведущие специалисты по реставрации памятников архитектуры конца XIX — начала XX в., как петербуржской школы (Императорская Археологическая комиссия: П. П. Покрышкин, К. К. Романов), так и московского направления, представленного членами Московского археологического общества И. Е. Бондаренко, Н. В. Марковниковым и И. В. Рыльским.

Выполнять поставленные задачи им пришлось в условиях крайне запутанного взаимодействия разнообразных учреждений созданных в те годы. В ноябре 1917 г. Московский Кремль оказался в ведении нескольких организаций: как архитектурно-художественный комплекс РСФСР в ведении Коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса; как московский архитектурный ансамбль — Комиссии по охране памятников искусства и старины при Московском Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; как один из московских дворцовых комплексов — Комиссии по приему, охране и заведованию дворцовым имуществом в г. Москве, образованной еще весной 1917 г. по распоряжению Комиссара Временного правительства над бывшим Министерством императорского двора Ф. А. Головина. В это же время (декабрь 1917 г.) Советское правительство создает для руководства, охраны и использования учреждений бывшего Министерства императорского двора Народный комиссариат имуществ республики. В его ведение пере-

ходят царские дворцы, имения и т. п. со всем находящимся в них имуществом, в том числе и Московский Кремль.

Новые революционные власти начали с тотальной критики предшественников, после осмотра расстрелянного Кремля, комиссия по охране памятников искусства и старины Моссовета «единогласно постановила, что все снаряды, попавшие в здания Кремля, меньше нанесли вреда художественно-историческим памятникам, чем невежественная малярная реставрация дивных фресок Успенского собора» (Известия художественно-просветительного отдела 1918: 17).

Среди современных исследователей существует точка зрения, согласно которой ведущей мотивацией повлиявшей на концепцию ведения реставрационных работ в Кремле, а затем и в масштабах страны, являлось пристрастие ведущего деятеля советской эпохи в сфере охраны наследия на протяжении почти полувека И. Э. Грабаря, «главного идейного руководителя, организатора и вдохновителя всех начинаний в области охраны и реставрации памятников культуры» (Померанцев 1967: 94) к исследованиям и раскрытиям древнерусской живописи, что впоследствии воплотилось в стремление обнаруживать на всех объектах, включая памятники архитектуры, первоначальный замысел «без последующих искажений».

В результате жесткой конкурентной борьбы с бывшими союзниками эсерами, которые контролировали Комиссариат имуществ в Правительстве Российской Республики с 9 декабря 1917 г. (РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 23: Л. 2–4), закончившейся 11 июля 1918 г., утверждением Совнаркомом постановления комиссии по объединению Комиссариата имуществ с Комиссариатом по просвещению (РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 154. Л 5), охрана памятников в полностью перешла в компетенцию органов, находившихся в структуре народного образования[1].

По инициативе И. Э. Грабаря в составе Музейного отдела в июне 1918 г. была создана Комиссия по реставрации памятников иконописи и живописи в Москве и ее окрестностях, называвшаяся также Всероссийской комиссией по сохранению и раскрытию памятников древнерусской живописи, с иконописно-реставрационной мастерской. Возглавил Комиссию сам Грабарь, а реставрационную мастерскую — реставратор Г. О. Чириков. Как вспоминал Грабарь, «в июне 1918 года приступила к работе реставрационная группа, организованная мною из нескольких реставраторов-иконников, во главе с Г. О. Чириковым и историком искусства В. Т. Георгиевским. Мы начали с обследования стен старого собора Спасо-Андроникова монастыря, расписанного некогда фресками Андрея Рублева… Из Спасо-Андрония мы перебросились в Кремль, где обследовали стены Благовещенского собора. Вскоре мне удалось организовать в помещении бывшей московской конторы синода реставрационную мастерскую — первичную ячейку учрежденной вслед за тем «Всероссийской комиссии по делам реставрации», превратившейся впоследствии в «Центральные государственные реставра-

[1] В статье «О музейных делах» И. Э. Грабарь утверждает: «Худо ли, хорошо ли, но центральный музейный орган был создан в Москве весной 1918 года в виде Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины» (Грабарь 1920).

ционные мастерские». Вначале в комиссии принимали участие П. П. Муратов и вернувшийся из плена Н. М. Щекотов, ближайшее же руководство ею лежало на мне. Первые вскоре отошли от этого дела, мало их интересовавшего».

Падение традиционных устоев общества, фактическая отмена частной собственности и уничтожение церкви, оказалось непреодолимым искушением для части интеллигенции, стремящейся «профессионально» изучать и судить культуру и искусство России. Уязвленные отсутствием собственных средств к собирательству и исследованиям, оскорбленные «неправильным» с их точки зрения обращением богачей с доставшимися им дворцами, усадьбами, картинами, эта категория людей создала социальную базу для создания модели социалистической культуры, в которой владение культурными ценностями и культурным наследием является монополией государства[1].

Впрочем, за особые заслуги в реализации государственной политики, государство закрывало глаза на личное коллекционирование, здесь характерен пример того же Грабаря. Таким образом, начав борьбу с «драконом буржуазии и дворянства» и победив его, верхушка творческой интеллигенции заняла место национальной элиты, перераспределив остатки культурных ценностей, оставшиеся вне государственных хранилищ и изъятых ранее у их владельцев.

Памятники культуры оказались в этой ситуации более уязвимы по сравнению с ценностями: будучи капиталоемкими и менее ликвидными, они остались на обочине общественного интереса. Эта тенденция сохраняется до настоящего времени. Единственным исключением стали культовые объекты Русской православной церкви. Оставшись единственной социальным институтом, пережившим 1917 год (рубеж создания подавляющего большинства объектов наследия, находящихся на государственной охране), Русская православная церковь впервые в истории за короткий период восстановила десятки тысяч храмов и монастырей.

В интервью, опубликованном в 2006 г. французским журналом «Пари матч», почивший Патриарх Алексий II привёл статистику, согласно которой в 1986 г. в стране насчитывалось лишь 6 800 православных храмов, а сегодня их 27 тыс., было лишь 18 монастырей, теперь — 680.

Возвращаясь к событиям по восстановлению Московского Кремля в первые послереволюционные годы, предлагаем проследить, в частности, дальнейшую судьбу расстрелянной в упор Никольской башни.

В 1923 году была опубликована статья И. В. Рыльского «Реставрационные работы в Кремле с 1917 по 1922 год», которая представляет особый интерес как авторский материал руководителя этой реставрации, кстати, с 1920 года являющегося заместителем председателя Московского Археологического Общества. В описании концептуальной части проведенной реставрации у Рыльского уже чувствуется влияние идей раскрытия «первоначальных форм»: «К концу 1918 года почти все эти повреждения с соблюдением старой техники и примене-

[1] Понятия «культурных ценностей» и «культурного наследия» (памятников культуры), понимаются здесь и далее в терминах действующего законодательства, т. е. — как движимые предметы и недвижимые объекты.

нием соответствующего размера кирпичей были исправлены, кроме зданий с крупными повреждениями и потребовавшими особо-тщательного подхода, как-то: Никольская, Беклемишева башня и фасад Чудова монастыря, в которых починка перешла в реставрацию, и законченных только в 1921–22 годах.

С зимы 1918 года, когда срочные работы по заготовкам миновали, было приступлено к обследованиям зданий и поставлены задачи чисто реставрационного порядка: выявления древних первоначальных форм там, где они не утеряны окончательно в своей многовековой жизни, но были искажены позднейшими застройками, пристройками, приспособлениями, благолепия ради или для нужд повседневной жизни. Таким искажениям подвержены здания в XIX в.» (Рыльский 1923: 17).

Описанию реставрации Никольской башни, «вид которой помнит вся Москва» (т. е. после обстрела) Рыльский уделяет значительное место: «Вне Соборной площади следует отметить реставрацию портала Чудова м-ря (пристройка Казакова), в котором, кроме точнаго восстановления разрушенных частей, счищена покрывавшая его двухцветная масляная окраска и реставрацию Никольской и Беклемишевской башни по особенностям их выполнения. Никольская башня, восстановленная Бове, была единственной из башен с силуэтом верха, не восходящим по стилю к XVII в., и была выполнена в технике начала XIX в. т. е. белый камень, штукатурка и лепнина, с окраскою в два тона (белые детали и цветной фон), хотя революция застала ее уже окрашенною в сплошной серый тон. При восстановлении ее возник значительный спор, штукатурить ее, производить ли смазку или вообще не штукатурить».

В результате долгих обсуждений Никольская башня окончательно лишилась иконы Святого Николая которая по свидетельству Сергея Бартенева «в старину имела в Московской жизни особое значение».

Восстановление Красного крыльца Грановитой палаты, Иверских ворот с часовней, а также Казанского собора на Красной площади стали важными вехами в возрождении российской государственности. Следующим шагом на пути исторической преемственности должно стать возвращение на свои законные места в проездных башнях Московского Кремля надвратных икон — символов российской славы и национального единства.

Итак, в результате принятия решения о переносе столицы из Петрограда в Москву, власть была вынуждена привлечь к восстановлению Кремля ведущих специалистов, согласившихся сотрудничать с новой властью. Не скрывая своего презрения и непонимания ценности, разрушенных ими символов государства, большевики приступили к реставрации правительственной резиденции, попутно решая новые идеологические задачи. Эти контрасты в дальнейшем породили еще больший вандализм в отношении памятников Москвы. Впоследствии другая власть, пришедшая на смену Ленину, восприняла этот негатив как сигнал к уничтожению памятников старины почти буквально и снесла старейшие постройки Кремля. В итоге были заложены элементы отношения власти к памятникам российского прошлого, повлекшие в дальнейшем тотальные уничтожения культурного наследия.

Литература

1. *Акт осмотра 1918* — Акт осмотра Московских памятников искусства и старины // Известия Государственной Российской Археологической Комиссии. Вып. 66. Пгр. 1918.

2. *Бартенев 1912* — Бартенев С. П. Московский Кремль в старину и теперь. Кн. 1, М. 1912

3. *Бонч-Бруевич 1963* — Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения в трех томах. Том 3. Воспоминания о В. И. Ленине. 1917–1924. М. 1963.

4. *Грабарь 1920* — Грабарь И. Э. О музейных делах // Художественная жизнь. № 1. 1920.

5. *Из истории строительства 1964* — Из истории строительства советской культуры. Москва, 1917–1918 гг. Документы и воспоминания. 1964.

6. *Известия 1918* — Известия художественно-просветительного отдела Московского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. № 1. 1918.

7. *Ленин 1945* — Ленин В. И. Записка коменданту Кремля П. Д. Малькову от 17.05.1918 г. о состоянии памятников Кремля // Ленинский сборник. Т. XXXV. М. 1945.

8. *Луначарский 1917* — Луначарский А. В. В трудный час // Известия. № 218. 7 ноября 1917 г.

9. *Луначарский 1934* — Луначарский А. В. Ленин и литературоведение. М. Советская литература. 1934.

10. *Мальков 1968* — Мальков П. Д. Записки коменданта Кремля. М. 1968.

11. *Невзоров 1968* — Невзоров А. Г. 4 -я Московская школа прапорщиков // Военная Быль. № 90–91 (март-май). 1968.

12. *Нестор 1917* — Нестор (Анисимов), епископ. Расстрел Московского Кремля (27 октября — 3 ноября 1917 г.). М. 1917.

13. *Нестор 2005* — Нестор (Анисимов). Вернувшийся домой. Жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора (Анисимова). Том 1. М. 2005.

14. *Пече 1929* — Пече Я. Красная гвардия в Москве в боях за Октябрь // Библиотека революционера. Вып. 3. М.; Л. 1929.

15. *Померанцев 1967* — Померанцев Н. Н. 1967. Из истории охраны и реставрации памятников культуры в СССР» делал заслуженный деятель искусств РСФСР // Архив Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. РНИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева. Оп. 1. 1967. № 94.

16. *Революция 1918* — Революция в Москве // Нива. № 2–3. 1918.

17. *Рид 1957* — Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. М. 1957.

18. *Рыльский 1923* — Рыльский И. В. Реставрационные работы в Кремле с 1917 по 1922 год // Архитектура. № 1–2. 1923.

19. *Смирнов 1960* — Смирнов И. С. Ленин и советская культура. Государственная деятельность В. И. Ленина в области культурного строительства (октябрь 1917 г. — лето 1918 г.). М. 1960.

20. *Трифонова 2005* — Трифонова И. О. Город как сакральное пространство // Русь средневековая. Интернет-альманах. 2005 г. http://medievalrus.narod.ru/trifonova.htm

21. *Троцкий 1934* — Троцкий. Л. Анатолий Васильевич Луначарский // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). № 38–39. 1934 / Л. Д. Троцкий. Против Сталина: двенадцать лет оппозиции. Статьи, речи и письма Л. Троцкого из «Бюллетеня оппозиции», июль 1929 — август 1941. http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotm373.htm

The Kremlin Shooted. The Vandalism and the Beginning of Restoration of Historical Sites

T. V. Kononenko

The bombardment of the Moscow Kremlin on October 27 / November 3, 1917, by order of the Moscow Military-Revolutionary Committee (the militant body organized by the Bolsheviks under the Soviets of the Workers' and Soldiers' Deputies in order to direct the struggle for the establishment of the Soviet rule) subjected many cultural sites and sacred places of Russia to considerable battering. The deplorable list includes the Uspensky Cathedral, Chudov Monastery, Blagoveshchensky Cathedral, Arkhangelsky Cathedral, The Patriarch's Sacristy, the Church of the Twelve Apostles and the Kremlin towers.

After the resolution to transfer the capital from Petrograd to Moscow, the Bolsheviks were compelled to engage in restoration of the Kremlin the leading experts who agreed to collaborate with the new authorities. Making no secret of their contempt and incomprehension of the value of the state symbols they had destroyed, the Bolsheviks started to restore the governmental residence solving at the same time their own ideological tasks. Such contrasts were engendering further on still more fierce vandalism respective Moscow monuments. Lenin's successors recognized almost literally the demolition of Russia's sacred places started in 1917 as a signal for annihilation of the relics of the past: some of the most ancient buildings of the Kremlin were wiped out. In this way, the foundations of the authority's attitude towards the monuments of the national history and culture have been established resulting in the future total annihilation of the cultural heritage.

Ю. В. Кривошеев

Фольклорный вариант рассказа о событиях 1071 г. в Верхнем Поволжье

В фонде известного советского историка Н. Н. Воронина, хранящемся в Государственном архиве Владимирской области, находятся переписанные вручную тексты А. Я. Артынова — ростовского крестьянина, собиравшего, записывавшего и пересказывавшего исторические и фольклорные сочинения (о нем см.: Воронин 1975: 175–180; Сказания Великого Новгорода: 262–285; Сказания Ростова Великого 2000: 7–12), позднее составившие коллекцию крупного ростовского купца, собирателя и публикатора рукописей А. А. Титова (о нем и о судьбе его собрания см.: Смирнов: 2001).

Известно, что Н. Н. Воронин, в поисках новых источников по истории Северо-Восточной Руси, интересовался творчеством местного сказителя-краеведа А. Я. Артынова и просматривал материалы его наследия еще в 1935 г. Так, в довоенном «Кратком отчете о командировке в г. Ростов» Н. Н. Воронин, в частности, отметил, что А. Я. Артынов «сообщает ряд новых фактов или их новое освещение (отражение в преданиях событий 1175 года, движение смердов XI в., топография Ростова, старое боярство и богатырство)» (Воронин 1935: 50; см. также: Воронин 1975: 175). А в конце жизни им была написана статья, где он вновь обращается к этой теме (Воронин 1975: 175–198). Впрочем, Н. Н. Воронин, надо сказать, скептически отнесся к его многочисленным произведениям как к историческому источнику, и, таким образом, на многие годы посодействовал тому, что исследователи потеряли какой-либо интерес к изучению богатого наследия А. Я. Артынова. Лишь в последние годы вышли публикации «сказов Артынова», и опыты их источниковедческого анализа (Сказания Ростова Великого; Сказания Великого Новгорода; Николаева 2002: 46–48).

Автор статьи уже обращался к анализу событий 1071г., привлекая для объяснения того или иного сюжета письменные, археологические и этнографические материалы (Кривошеев 1985: 124–131; Кривошеев 2002: 28–33). В данном случае для нас оказались любопытными несколько текстов о Ростово-Владимирском крае. Так, в рассказе о князе Ростиславе Всеволодовиче, включенном в текст «Ростова Великаго князья, иерархи и великие люди (Артынов)», среди прочих фольклорно-исторических сюжетов, содержится сюжет о неких Астрюке (Острюке)

и Калине.[1] Текст заканчивается пояснением: «Рукопись П. В. Хлебникова, и словесно сообщил города Ростова посадской человек Никита Яковлев Малков» (Ростова Великого князья: 4)[2]. Этот сюжет является фольклорным вариантом известного летописного сообщения о событиях 1071 г. в Верхнем Поволжье (ПВЛ 1996: 76–78)[3].

Рассмотрим артыновский рассказ. «Два обманщика жители города Ярославля по имени Калина и Острюк пошли по Волге и в каждом селении объявляли, что причиной частых поженёй страны голодом, и это зло есть бабы, которыя скрывают в самих себе хлеб, мед и рыбу. Простосердечныя поселяне поверили тому, приводили к кудесникам, и приводили к ним своия матерей, жен и сестер. А те будто бы подрезывая женщинам этим плечи и высыпали из своя рукавов жито и кричали: "видит, что лежало у них за кожей". Эти злодеи с шайкой злодеев помощников убивали невинных женщин, грабили имения богатых и дошли наконец до Бела озера, где скопилось уже их до трех сот человек» (Ростова Великого князья: 2). Эта часть «артыновского» текста (кроме имен Калины и Острюка, имеющих, скорее всего, сказочно-былинное происхождение) в качестве пересказа вполне соответствует летописи (ПВЛ 1996: 76; см. также: Фроянов 1995: 146–152; Кривошеев 2002).

Близко к летописи и непосредственное продолжение. «В это время в Белозерске был некто Ян Вышатич, посланный туда князем Святославом Ярославичем черниговским, при котором был сын его князь Олег Святославич, для сбора дани. Услышав о таком безумии, он призвал к себе обманщиков, обличил их злодейство и многих из них казнил, а прочия все разбежались» (Ростова Великого князья: 2). К этому необходимо отметить, что в ПВЛ дается намного более пространное изображение трагических событий, разыгравшихся на Белоозере, правда, без упоминания князей (ПВЛ 1996: 76).

Но из дальнейшего «артыновского» текста становится ясно, почему автора не очень заинтересовали летописные подробности. А. Я. Артынов сосредоточил все свое внимание на «ростовском» материале, что не случайно, ибо «его постоянное желание состоит в приурочении к Ростову "исторических событий" и "знаменитых людей", способных прославить "многонародный великий Ростов"» (Воронин 1975: 179).

Кара постигла и зачинщиков «безумия». «А главных злодеев, — сообщает сказание, — ярославцев Калину и Острюка заточил в окрестностях Ростова, первого в дремучия леса за реку Сару (на этом месте стоит ныне деревня Калинино Новоселко-Пеньковской волости). А последняго за сахотское болото (на этом месте стоит ныне деревня Острюково Корашской волости). Пер-

[1] Собрание А. А. Титова, № 3494 (Ростова Великого князья). Согласно «Хронологическому списку сочинений А. Я. Артынова», составленному Н. Н. Ворониным, близкий сюжет содержится в рукописи ГПБ/РНБ. № 1940, названной «Сказки и легенды Ростовского края» (в 2-х томах). Здесь, в разделе III «Князья и бояра Ростовския от великого князя Рюрика до великого князя Константина Всеволодовича», приведены имена некоторых действующих лиц «воронинской» рукописи — Малах, Каптилина, Олег Святославич (Воронин 1975: 193).

[2] См. в этой связи «Схему литературной истории рукописных источников А. А. Артынова» (Сказания Великого Новгорода 2000: 287).

[3] Наиболее развернутый и адекватный анализ этих событий в современной историографии см.: (Фроянов 1995: 139–162).

вый из них скоро кончил жизнь свою от руки оскорбленных и обманутых им женщин, которыя различно мучили его и наконец повесили его стремглав на дереве, последний был закоренелый язычник и изувер, он был убийцей св. Леонтия епископа Ростовского» (Ростова Великого князья: 2–2 об.).

Здесь, наряду с указанием ростовских топографических реалий, не всегда, впрочем, корректных (Воронин 1975: 176, 179), которыми, кстати говоря, изобилуют его тексты, еще прослеживаются отголоски летописной версии. Во-первых, это гибель «злодея» Калины. ПВЛ подробно останавливается на казни ярославских «бунтовщиков», однако называет в качестве «мстителей» не женщин, а, наоборот, их родных и близких.[1] Во-вторых, это убийство известного, прежде всего по позднейшему Житию, ростовского епископа-миссионера Леонтия.[2]

Далее события разворачиваются, говоря современным языком, как в хорошо закрученном детективном произведении. На арену выходит неизвестная ни по каким другим источникам дочь летописного Яна Вышатича. Это случилось при следующих обстоятельствах. «Злодейство Острюка смертией св. Леонтия удовлетворено не было, он простер злодейство свое далее. Взор его остановился на боярина Яна Вышатича дочери по имени Каптелина, мстя ему за заточение свое. На обратном пути Яна с Белозерска с богатством князя своего, собранном им в Белозерске, в окрестностях Ростова при второй его переправе через реку Котрость, Острюк похитил дочь его, находящуюся тут в особой колымаге. Отягощенный скорбию Ян о потере своей дочери, встретил на пути калеку перехожаго, который за поданную Яном милостыню, стал утешать его в печали его и не велел ему так печалиться, не велел ему ехать в Чернигов ко князю своему, а поселиться на время на берегу реки Сотьмы на развалинах храма бога Ярила (на этом месте стоит ныне деревня Язвицево Ивашевской волости). Там боярин построил себе небольшой терем, и по словам калеки стал ждать тут прихода своей дочери» (Ростова Великого князья: 2 об.).

Ну, а далее повествование принимает еще более сказочный характер: помещение в тереме, находящейся в обмороке девицы, притязания похитителя, хитрости похищенной, наконец, счастливое освобождение.[3] «Острюк,

[1] В целом, в ПВЛ данный эпизод расписан более пространно, но не всегда прозрачно (Фроянов 1995: 154–160).

[2] В летописи о миссионерской деятельности и обстоятельствах гибели Леонтия ничего не говорится. «Правда, нам известно, что в схватке Яна со смердами из окружения волхвов, был убит поп, с которым боярин прибыл на Белоозеро. В литературе высказывается также догадка о гибели епископа Леонтия, проповедовавшего христову веру в Ростове, примерно в ту пору, когда кудесники побивали “лучших жен”» (Фроянов 1995: 161–162). Однако Леонтию посвящено Житие, претерпевшее впоследствии, согласно В. О. Ключевскому, шесть редакций (Ключевский 1988: 4–22). Отголоски Жития, особенно поздних редакций (Кривошеев 1990), прослеживаются и в сказании «Святой Леонтий, епископ Ростовский, и жрец Кича», где, впрочем, тоже дается довольно туманное описание обстоятельств смерти епископа: «Настало определенное Богом время блаженной кончины святителя Леонтия, и давно задуманное злодейство совершилось по внушениею оставшихся жрецов и волхвов. Святитель был замучен язычниками во время кормления детей кутьей в лето 6581-е (1073), июля в 17-й день» (Сказания Ростова Великого: 227).

[3] «Причудливая ткань его преданий наполнена образами ‘щастливых любовников’, ‘злых волшебников’ и т. п.», — писал Н. Н. Воронин (Воронин 1975: 179).

похитивши Каптелину, и полумертвуй и принес ее в укрепленный свой терем и хотел поступить с ней по своему произволу, как обыкли они делать с товарищем своим Калиной, но здесь он в этом ошибся. Каптелина была девица очень благоразумна, знала разные науки, которыми она иногда и занималася, теперь наука ей пригодилась к делу, посредством которыя оградила она себя от злодейства Острюкова. Сделала светлицу свою для его одного не доступную, для чего призывал он различных знахарей, чтобы сделать и для него ее доступной, но это ни к чему не послужило. Светлица Каптелины осталась для него недоступной, это ево до бесконечности бесило» (Ростова Великого князья: 2 об.).

Итак, это промежуточный этап фольклорной истории, не имеющей аналогов в других источниках. Далее же следуют пассажи, характерные для местных преданий. «В это самое время был намесником в Ростове князь Ростислав Всеволодович, прозванный Малах, сын князя Всеволода Ярославича, по летам и оружию товарищ князю Изяславу Святославичу Черниговскому. Теперь он жил в своем тереме, построенном ему отцом ево на берегу реки Сахты (ныне на этом месте стоит деревня Малахово Вощажниковской волости).

Находясь теперь без родителя своего, с князем Изяславом Святославичем проводили время большей частиею на охоте, в одно время ходя по дремучему лесу растущему по обеим сторонам реки Суходонки. Малах пришел он к небольшой курной избушке, в которой жил уединенно старик пустынник, извесный по окресности под именем Добролюба, которой принял его радушно и посадил его за скудную свою трапезу и стал спрашивать о его дедине отчине. Узнав, что он сын князя Всеволода Ярославича, вестма был рад тому, что удостоился принять у себя сына князя своего. Разговор у Малаха со старцем лился рекой. В это время старик не чувствительно завел речь о настоящем житье бытье его, а тот что знал отвечал ему. На ответы Малаха старик сказал ему: “Худо жить без хозяйки в доме, одно полено и в печи не горит! Тебе, добрый молодец, надо хозяюшку, а я знаю где и найти тебе. Это дочь друга моего боярина Яна Вышатича”, — “Как дочь Яна Вышатича, отвечал ему князь, — да о ней уж давно прошла молва, что она пропала без вести”» (Ростова Великого князья: 3). Так на сцене вновь появляется известнейшее русским летописям лицо — Ян Вышатич.

А далее вновь следует погружение в сказочные сюжеты: девица в заточении у злого волшебника, отгадывание загадок, поединок. «“Вот в том-то и дело-то, — сказал ему старик, — что она пропала-то не пропала, а только в злыя руки попала и при том живет не далеко от селя.” Малах пришел от этого в великое удивление, потом спросил у старика: “Где же она теперь находитса?” — “У злого вора и разбойника Острюка, — отвечал ему старик, — но там нашла коса на камень, теперь они стерегут друг, она не пускает Острюка в свою светлицу, а тот никого не впускает и не выпускает из своего терема, обнес ево тыном, а караулит ее день и ночь, поэтому до терема добраться не легко, я помогу тебе в этом, только ты сходи прежде к другу моему и товарищу Яну

Вышатичу, возми у него обручальной ево перстень для передачи его дочери, иначе она не поверит, что ты был у ея отца. — И при этом, чтоб дойти до нее надобно отгадать три ея притчи, на которыя у ней никто не отгадывает. Теперь запомни, что я скажу тебе: Сперва она тебя спросит, а что бы ты мне прислал веселого с веселым, а умнаго с умным. На это отвечай ей: скомороха с вином и мудреца с книгами. — Потом спросит она, если наполнить море водой до верху, то куда потекут реки? На это ты отвечай ей — на небо. — Она скажет тебе, да разве могут течь реки на небо? А ты отвечай ей — разве можно наполнить море доверху. — Потом она спросит у тебя: что на земле не гниет? Ты отвечай ей — душа человеческая и соль, не в число в последние она спросит у тебя, двое берут из кузова орехи, один в карман, а другой в рукав, что это были за люди. Ты отвечай ей: это были парень и девка, парень клал орехи в карман, а девка в рукав. — О битве твоей с Острюком я и не говорю, ты победишь его, потому я вижу у бедра твоего друга моего исконнаго Антония меч кладенец"» (Ростова Великого князья: 3 об.).

«Князь поблагодарил пустынника Добролюба за ево науку и доброе слово, пошел от него прямо к Яну Вышатичу и сказал ему, что пустынник Добролюб зачем прислал его к нему и что из этого должно выдти. Ян Вышатич услышал от князя такие слова, стал благодарить его, что он принимает участие в освобождении его дочери, немедленно вручил ему свой обручальный перстень.

От Яна Вышатича князь спешно пошел к жилищу Острюка, он издали увидел стоящаго на пути его вооруженнаго с головы до ног разбойника Острюка, который преградил ему путь и гордо спросил у него: Куда ты идешь деревенщина? — У нас в деревне мужики-то учтивия тебя, — отвечал ему князь: сперва даст прохожему выпить и закусить, а потом и будет спрашивать куда идешь, а с такими грубиянами как ты они и речи не поведут — Поведешь и речь, как заставят, — сказал ему Острюк, — и обнажил свой меч. — Давно бы так! — ответил ему князь, вынимая свой булатный меч, — мне давно хотелось посмотреть сколько у тебя за кожой жита и мёду, а как [слово неразб. — *Ю. К.*] они-то [слово неразб. — *Ю. К.*] мужика деревенщины! Такия слова Острюку за беду стали, ярость его за жито и мёд не имела границ.[1] — Ответ бранных слов ко князю не сошел у него с языка, он как бешеной бросился на князя и хочет разить его своим мечем, но князь предупредил его, половина шлема вместе с ухом ево отделились и упали на землю. А за ним в беспамятстве падает туда же и сам Острюк. Он обезоруженный и раненый делается пленником князя, который велит ему показывать путь к светлице Каптелины, все в тереме Острюка пред князем к

[1] Это довольно искусная вставка в фольклорный сюжет канонических летописных строк. Как известно, в летописи, наоборот, кудесники-волхвы вырезают из спин женщин продукты и материальные ценности. Объявившиеся в Ярославле волхвы говорят: «Ве свеве, кто обилье держить». «И поидоста по Волзе, иде приидуча в погост, ту же нарекаста лучшие жены, глаголюще, яко си жито держить, а си мед, а си рыбы, а си скору. И привожаху к нима сестры своя, матере и жены своя. Она же в мечте прорезавша за плечем, вынимаста любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, и именье их отъимашета собе». А перед судом Яна Вышатича свою расправу они объяснили тем, что убитые держали «обилье, да еще истребиве сих будеть гобино» (ПВЛ 1996: 76). Анализ этого эпизода см.: (Фроянов 1995: 146–152).

земле клонятся. Подойдя к дверям светлицы Каптелининой, он постучался в них и просил отворить их. И взять от него челобитье и подарок от Яна Вышатича. Каптелина по не знакомому стуку узнала, что стучал чужой человек — отвечала: не пущу, прежде отвечай на мои притчи. Князь охотно согласился на это, и Каптелина за дверью стала ево спрашивать, а тот скоро отвечать ей стал. С последним ответом ево об орехах дверь в светлицу отворилася сама собой на пяту. Князь входит туда один и видит посреди светлицы стоящую Каптелину, красота и величественный вид ея до того поразил князя, что он забыл отдать ей челобитье и подарок ея родителя, не менея ево смутилася и Каптелина, увидев пред собой такого молодаго, красиваго и статнаго витязя и при всем том победителя ея хищника, они не долго стояли бесгласны и смотрели друг на друга, князь прервал молчание, стал справлять ей челобитье от ея родителя. Перстень он ей не отдал, а сказал ей, что он будет просить у ея родителя, чтобы он позволил надеть этот перстень обручальным на руку моей суженой. Каптелина ничего на это не ответила ему, а только зарумянилась и потупила очи свои долу.

Во время пути от Острюка к Яну Вышатичу князь и без его спросу надел перстень на руку Каптелины, котору она протянула ему, при виде дочери Ян весма обрадовалса, а пуще того, когда узнал он, что обручальный перстень его не просто был надет на руку Каптелине а как невесте князя Ростислава Всеволодовича» (Ростова Великого князья: 3 об-4).

Как и во многих других русских сказочных повествованиях, здесь также все заканчивается достойно и счастливо. Но как — с источниковедческой точки зрения — отнестись к этому тексту из артыновского наследия.

Н. Н. Воронин склонялся к тому, что А. Я. Артынов многое сочинял сам. Вместе с тем, «в свои фантастические баснословия в духе сентиментально-романтического направления и псевдоисторической лубочной литературы Артынов, видимо, вводит и реальные исторические данные, заимствованные из рукописей местных коллекционеров или преданий, но выделить их почти невозможно» (Воронин 1975: 178–179).

Более внимательно и дифференцированно подошел к артыновскому наследию Ю. К. Бегунов. «Весьма разнородный этот материал, — пишет он, — можно разделить на несколько групп: записи подлинных фольклорных и древних исторических и литературных текстов; пересказы подобных же текстов; переработки и переделки тех же текстов в целях создания сводных литературных текстов; исторические сочинения (местные ростовские летописцы, сказания о князьях, их родословные и пр.), созданные на основе известного ему местного материала; литературные сочинения (одна-две повести) и несколько десятков стихотворений и поэм, созданных А. Я. Артыновым» (Сказания Ростова Великого: 9).

Окончательный вывод Ю. К. Бегунова носит по отношению наследия А. Я. Артынова еще более оптимистичный характер. Констатируя, что «сказочные повести Артынова — это в общей сложности несколько сотен неизданных текстов разной ценности», он настаивает на том, что «их необходимо исследовать и ввести в научный оборот,

так как они содержат первоклассный материал … Однако, — уточняет он, — здесь есть одна особенность. Если эти сказочные повести сочинил Артынов, то они могут рассматриваться только в ряду лубочной литературы XIX в. Но если Артынов не сочинял, а составлял сводные тексты из услышанного и записанного, тогда ценность его наследия возрастает. Установить источники и отслоить хронологически этапы его работы — задачи исследователя» (Сказания Ростова Великого: 9–10).

Нами был приведен и прокомментирован лишь один из образчиков богатого наследия А. Я. Артынова. Конечно, везде здесь явно ощущается его фольклорная основа. Вместе с тем, очень вероятно, что летописный текст А. Я. Артынов взял из Хлебниковского летописца, а сказочные мотивы услышал от горожанина Н. Я. Малкова.

Литература

1. *Воронин 1935* — Воронин Н. Н. Краткий отчете о командировке в г. Ростов // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. 1935. Оп. 135. Ед. хр. 215. Д. 64.

2. *Воронин 1975* — Воронин Н. Н. «Сказание о Руси и о вечемъ Олзе» в рукописях А. Я. Артынова (К истории литературных подделок начала XIX в.) // Археографический ежегодник за 1974 год. М. 1975.

3. *Ключевский 1988* — Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М. 1988.

4. *Кривошеев 1985* — Кривошеев Ю. В. Языческая обрядность и социальная борьба в Верхнем Поволжье в 1071 г. // Историческая этнография. Вып. III. Л. 1985.

5. *Кривошеев 1990* — Кривошеев Ю. В. Крещение Северо-Восточной Руси: источниковедческий аспект // Общественно-политическая жизнь дореволюционной России. Сб. научных трудов. Тюмень. 1990

6. *Кривошеев 2002* — Кривошеев Ю. В. К событиям 1071 г. в Верхнем Поволжье: этнографические и топографические дополнения // Мавродинские чтения. СПб. 2002.

7. *Николаева 2002* — Николаева М. Р. «Недооткрытый» источник по истории древнего Ростова // Мавродинские чтения. СПб. 2002.

8. *ПВЛ* — Повесть временных лет. СПб. 1996.

9. *Ростова Великаго князья* — Ростова Великаго князья, иерархи и великие люди // ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 1061.

10. *Сказания Великого Новгорода* — Сказания Великого Новгорода, записанные Александром Артыновым / Составитель Ю. К. Бегунов. Б. М. 2000.

11. *Сказания Ростова Великого* — Сказания Ростова Великого, записанные Александром Артыновым / Составитель Ю. К. Бегунов. Б. М. 2000.

12. *Смирнов 2001* — Смирнов Я. Е. Андрей Александрович Титов. М. 2001.

13. *Фроянов 1995* — Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб. 1995.

A Folklore Variant of the Story about the Events of 1071 on the Upper Volga

Yu. V. Krivosheev

This paper is concerned with the events in north-east Rus of the 11th century known in the historiography as the Revolt of the Magi. The author, who earlier has already discussed this subject, now turns to studies of a 19th century document found by the well-known historian and archaeologist Nikolay N. Voronin in the archives of a Rostov peasant A. Ya. Artynov. Analysis of the text suggests that Artynov included into it evidence from some ancient chronicle along with the folklore sources.

Кузьмин С. Л.

Два варяга и мечи

Драматические события усобицы 1015 г. постоянно привлекают внимание исследователей. Достаточно сказать, что результатом этих событий стала кодификация законов (древнейшая часть Русской Правды). Они послужили основой сюжета «борисоглебского цикла» — самых ранних памятников древнерусской житийной литературы. Без преувеличения можно сказать — 1015 год стал историческим рубежом. Уже это заставляет еще раз взглянуть на имеющиеся в нашем распоряжении источники и попытаться понять, что на самом деле тогда произошло, то есть предпринять попытку реконструкции хода реальных событий.

Казалось бы, такие попытки неоднократно делались, а круг источников уже не пополнится. Но, на мой взгляд, большинство исследователей не учитывали ряд важных моментов, а их методические установки не позволяли им замечать ряд существенных деталей, от которых зависит сама суть реконструируемых событий. К сожалению, для большинства историков, критически настроенных в отношении источников (что в принципе оправдано), люди прошлого обращались в кукол, которые ведут себя в соотвествии с установками авторов и редакторов соответствующих текстов.

Ситуация осложняется тем, что слабо принимался во внимание характер мышления и поведения реальных прототипов персонажей «Повести временных лет» и произведений «борисоглебского цикла». При объяснении их поступков в наименьшей степени учитывалась персональная мотивация действий героев и их жизенная судьба. В их умы вкладывалось слишком много рационалистичного (или, напротив, религиозного), мало традиционного и практически ничего индивидуального. Вопрос об эмоциональной составляющей, вообще не ставился, а она-то, как раз, иногда и проявляется ярче всего, определяя ход конкретных событий.

Чтобы раскрыть истинные пружины действий тех или иных лиц, мне кажется, целесообразнее всего обратить внимание на те мелкие «немотивированные» логикой текстов детали, которые, однако, совпадают в источниках. Мы подобно криминалистам будем вести своеобразное доследование «дела» или «дел» абстрагируясь от самих текстов, тем более, что по справедливому замечанию А. С. Хорошева, предлагаемые версии о взаимосвязях

летописной статьи «Повести временных лет», «Сказания» и «Чтения» во многом гипотетичны и требуют специального изучения.

Еще один источник, часто привлекаемый исследователями к истории об убийстве Бориса Владимировича, положившего начало междоусобице 1015–1026 гг., породивший столько споров и столько головокружительных реконструкций — это т.н. «Эймундова сага» («прядь об Эймунде»). Он может быть, если не сброшен со счетов, то, по крайней мере, задвинут на самый дальний план. Строя версии на его материалах, исследователи не обратили внимания на самое главное — Эймунд и его варяги не могли быть не только участниками или непосредственными свидетелями убийства, но в этот момент вообще находились за пределами Руси. Эймунд попал на Русь, будучи вынужден покинуть Норвегию, когда власть над страной взял Олав Толстый (будущий Олав Святой), а это не могло произойти ранее осени 1016 г., а, скорее, уже в 1017 г. после битвы у Несьяра. То, что потом на родине рассказывали его люди, было смешением собственных «деяний» и «подвигов» соотечественников, включенное в контекст жанра саги и далее развивавшееся по его законам.

Нам важно не упустить из виду поиск реального свидетеля событий на Альте (а он, похоже, есть), известия которого теми или иными путями попали на страницы летописей и житий. Нам вообще важен поиск тех источников информации («информантов»), которые были очевидцами. Для более позднего времени мы их можем указать (например, Ян Вышатич и его отец, несомненно, многие из князей, монахов Печерского монастыря и т. д.).

Исходя из вышесказанного, события вокруг убийства Бориса Владимировича выглядят следующим образом. 15 июля 1015 г. в Киеве умирает Владимир Святославич. В городе на этот момент нет ни одного из сыновей, которые пережили его. Все они, за исключением ростовского князя Бориса, отправленного с дружиной отца и ополчением для предотвращения набега печенегов, «сидят» на своих столах, причем новгородский Ярослав, если и не в состоянии войны с отцом, то на грани ее. Однако в Киеве находится его опальный пасынок — Святополк. С одной стороны, он считался сыном Владимира. С другой, не для кого не являлось секретом, что бывшая жена Ярополка, старшего, причем сводного, брата Владимира, была им беременна, когда Владимир захватил Киев, коварно расправился с братом, а его жену взял себе. «Бе бо от двою отцю, от Ярополка и от Володимира», — так характеризуют ситуацию летописи. Незадолго до этого Святополк с женой, дочерью польского короля Болеслава Храброго, и епископом Рейнберном находился в заключении и обвинялся в заговоре, о чем свидетельствует Титмар Мерзебургский. Но к моменту кончины Вдадимира, вероятно, он был на свободе, но никакого стола не получил.

Согласно имеющимся источникам, тело Владимира тайно ночью из пригородного села Берестова доставляют в Киев и «ставят» в Десятинной церкви. Святополк занимает киевский стол, богато одаривая при этом горожан. Видеть в дарах подобного рода подкуп, вряд ли имееет смысл. Раздачи при вступлении

на престол характерны для многих времен и народов. «Тайность» же захоронения Владимира тоже относительна. Уже на следующий день «людье бещисла снидошася и плакашася», при этом, они активно участвуют в самом обряде погребения.

Далее, тесно связанные между собой источники, изображают, что Святополк изначально задумывал «избить» своих братьев. Однако так ли это?

Борис возвращался из похода, и весть о смерти отца застала его на Альте, под Переяславлем, т. е. в одном-двух быстрых дневных переходах от Киева. Еще быстрее расстояние до стольного града можно было преодолеть верхом (Мономах в своем «Поучении» отмечал, что многократно покрывал вдвое больший путь из Чернигова в Киев за световой день). Но Борис почему-то не спешит ни на похороны отца, ни занять стол, мотивируя это тем, что готов принять Святополка «во отца место», хотя войско готово поддержать именно его. Войско и дружина отца покидают Бориса, и он остается только с личной дружиной. Никаких враждебных намерений Святополк не выказывает, напротив, посылает сообщить ему: «хочю любовь имети и ко отню придам ти», то есть — готов расширить его владения. Летописная и житийная традиция видит в этом априори коварный замысел Святополка. Но ведь и нежелание Бориса, как можно скорее предстать пред светлы очи двоюродного брата, которого он признал старшим, было подозрительным. А не выглядело ли подозрительным, что Борис не нашел печенегов?

Что творилось в голове Святополка в этот момент, мы никогда не узнаем, но основания для подозрений у него имелись. Во-первых, Борис являлся сыном христианской (т. е. с 988/989 гг. единственной законной) жены Владимира и его любимцем. Трудно поверить, что, выдавая замуж сестру,императоры Василий II и Константин VIII, не оговорили особого положения потомства от этого брака[1]. В противном случае, плата за взятие мятежного Херсона была бы чрезмерно высока. Косвенно об этом свидетельствуют проволочки в отправке Анны на Русь. Ведь в самом «крещении Руси» Византия была крайне заинтересована. Во-вторых, именно под формальное начало ростовского князя отдал Владимир свою дружину и киевских воев-ополченцев в походе на печенегов — значит, действительно готовил его в преемники. Не зная истинных намерений Бориса, Святополк просто не стал тянуть время, тем более, что неприязнь к отцу и его любимцу, непонятное нежелание получить из его рук долю наследства могли активизи-

[1] Повесть временных лет содержит два списка сыновей Владимира (статьи 980 и 988 гг.). В первом указываются жены и дети от них, во втором, сыновья и раздаваемые некоторым из них в управление волости. Судя по первому списку, Борис и Глеб были сыновьями от некой «болгарыни». Но этот список явно легендарен и мало достоверен. В списке статьи 988 г., которая повествует о принятии Владимиром христианства и крещении Руси, называется более полный перечень сыновей князя, а затем следует перечисление их столов. Из него явствует, что вскоре после принятия крещения их получают только взрослые сыновья. Следующее распределение и перераспределение происходит после сметри Вышеслава. По данным В. Н. Татищева, он умер в 1010 г. Именно в связи с этим Борис становится князем в Ростове, а Глеб — в Муроме. Анна скончалась в 1011 г. Согласно всем источникам Борис выглядит молодым человеком, только вышедшим из юношеского возраста, а Глеб почти отроком. Если бы они не были детьми Анны, то в 1015 г. им было бы не меньше 26–27 лет, что для той эпохи возраст более чем зрелый.

ровать страсть выместить старые обиды, о чем речь пойдет ниже. Святополк отправляется тайно в Вышгород.

Вышгород, город-спутник Киева, по крайней мере, со времен Ольги, находился на особом положении, недаром он упомянут Константином Багрянородным. Это фактически ее владение, куда шла треть дани с Древлянской земли. Свой особый статус город сохранял и позднее. Тогда естественно, что Святополк приблизительно с 989 по 1010 гг. княживший в Турове, обратился за поддержкой к вышегородской верхушке, которую должен был особенно хорошо знать, отмечала Н. И. Милютенко.

Любопытно, что, назвав имена, наши источники дают и обобщающие характеристики людей, вовлеченных в замыслы князя: «Путша с вышегородцы», «Путша и вышегородские болярцы» и «Путшина чадь». Заметим — Путша выделен особо. Кто он? Вероятно, тысяцкий или же посадник. Именно в таком качестве предстает (предстают?) упомянутый в Правде Ярославичей Чудин Микула (если это одно лицо), отождествляемый со «старейшина огородником» Сказания о переносе мощей Бориса и Глеба. Весьма высока вероятность соотнесения Путши с Путятой — сподвижником Добрыни в крещении Новгорода. Даже если это не так, то просто отправить человека из самых верхов древнерусского общества в качестве банального убийцы было бы, по меньшей мере, странно. Из Сказания явствует, что первоначально Святополк убеждается в верности «вышегородцев», даже, скорее всего, приводит к присяге, а лишь потом требует убийства Бориса. Но откуда мы можем знать, о чем конкретно шла речь на этом тайном совещании? Вряд ли его участники остались на Руси после поражения Святополка, а впоследствии вообще были преданы церковному проклятью и их слова мало чего стоили.

Здесь следует сделать одно замечание. Гибель князя в междоусобном бою от руки соотечественников воспринималась древнерусским обществом спокойно. «Диво ли, оже мужь умерлъ в полку ти? Лепшие суть измерли и роди наши», — восклицает в послании к своему двоюродному брату Олегу Святославичу Владимир Мономах по поводу гибели собственного сына в их междоусобице.

Другое дело, непосредственное убийство князя или даже нанесение увечья. Эта роль всегда отводилась иноземцам, может быть рабам. Единственным исключением является некий Нерадец, смертельно ранивший Ярополка Изяславича в 1086 г., хотя его происхождение и статус неизвестны. Так об убийстве ли договаривались Путша и «вышегородские болярци» Талец, Еловит и Ляшко? И составители «Повести временных лет», и авторы «борисоглебского цикла», творившие в конце XI — начале XII вв., стояли перед фактом церковного проклятия Путши и иже с ним. Такого потока брани нет даже в адрес самого Святополка: «отец же их Сотона, сици бо слугы бесы бывают, бесы бо на злое посылаемы». Логика рассказа требовала их согласия на убийство. Но произошло ли оно действительно от рук вышгородцев?

Посланные Святополком люди достигают стана Бориса ночью (прошли сутки?). Они застают Бориса во время

ночной молитвы[1]. Как бы не отрицательно относились источники к людям Святополка, они едины в одном — нападавшие дождались конца молитвы. Обратим внимание: если дата «убиения» на Альте верна, и это 24 июля, то получается, что наступал «девятый день» со смерти Владимира, день поминовения. Вряд ли Борис был таким провидцем, чтобы готовиться к смерти именно в это время, когда положено оплакивать отца. Какими бы изуверами не были люди «Путшиной чади», но они вряд ли не учитывали это обстоятельство.

Что на самом деле происходило в шатре, да и в нем ли, остается только гадать. Все источники отмечают самоотверженное поведение Георгия Угрина — отрока Бориса. Оно вызвало такое озлобление, что его труп был обезглавлен. Наивно полагать, будто невозможность стянуть золотую гривну (награду от Бориса) вызвала эту жестокость: древнерусские гривны легко снимаются, а в порыве гнева сдергиваются. Была же схватка, или ее не было, не суть важно. Важнее, что «убийцы» знали, что Борис жив, а если бы и был ранен предприняли меры для сохранения ему жизни, в противном случае он по просту бы не выдержал пути в Киев. О том что убивать Бориса не входило в планы «Путшиной чади», то что князь жив и просто взят в плен говорит факт, которому на мой взгляд не придавали значения.

Как бы ни были жестоки междоусобные столкновения, но случаев глумления над поверженным противником высокого ранга, тем более князьями, мы для этой эпохи не знаем. Напротив, старались воздать почести или по крайней мере соблюсти необходимые похоронные ритуалы[2]. Одним из них была традиционная доставка тела к месту захоронения на санях, не взирая на время года. Исследователи давно подметили, что выражение Мономаха в его Поучении «седя на санех» означает «близость конца», «одной ногой в могиле». Возможно, сани являются престижной ипостасью погребальных носилок, тогда не исключен и другой вариант, запечатленный в «Слове о полку Игореве», описывающий доставку с поля боя на Нежатиной Ниве трупа Изяслава Яро-

[1] Наиболее пространно, но крайне запутанно выглядит описание событий на Альте в «Сказании о Борисе и Глебе». Летописный текст проще и лишен повторов, но «Сказание» указывает важную деталь — присутствие в ближайшем окружении Бориса «попина его». В общем, и так ясно, что «попин» должен был сопровождать князя в походе. Не только у князя, но и у данщика Яна Вышатича во время поездки по северным русским землям был свой «попин». Важно другое. Когда дружина Бориса была перебита, «попина» видимо не тронули, иначе такой факт несомненно вошел бы в число «грехов» Путшиной чади. Не он ли мог быть источником информации о нападении на Бориса, которая в итоге легла в основу рассказов наших источников, снабдивших на свой лад содержание его ночных молений.

[2] Казалось бы этому противоречит сообщение о гибели Глеба. Его бросают «на пусте месте межю дъвема колодома» по Сказанию или «на брезе межи двена колодома». Убийцы действительно могли бросить труп, но сделали это, скорее из-за спешки. С севера двигалось или было готово выступить в поход войско Ярослава. Трудно представить, что на оживленной торговой артерии, вблизи Смоленска, где бы в это время он не находился (еще в Гнездове или уже на нынешнем месте), тело Глеба осталось не замеченным. Если бы, согласно «Сказанию», труп пролежал на пустынном месте четыре года (!), то останки Глеба, попросту растащило бы зверье. Вероятно, он мог быть спешно захоронен, для чего могли использовать две однодеревки, лодки-долбленки, массовое изготовление которых в верховьях Днепра отмечал еще Константин Багрянородный. Позднее в летописном рассказе и житийных произведениях они трансформировались в «колоды», которыми, по сути, и были.

славича: «Съ тоя же Каялы Святополкъ полелея отца своего междю угорьскими иноходьцы ко святей Софии к Киеву».[1] Однако, Бориса кладут в телегу. Для сравнения, именно в телеге везет своего пленника Василька Теребовльского Давыд Игоревич, причем часть пути он проделывает еще до злодейского ослепления.

Но если до этого момента описания источников хоть как-то сходятся со здравым смыслом, то дальше они полностью теряют всякую логику. Уже на подъезде к Киеву «убитый» Борис неожиданно оживает и с этим известием «Путшина чадь» отправляет гонца к Святополку. Тот высылает для добивания князя двух варягов, и один из них наносит ему смертельный удар мечом.

Даже если отбросить все наши предшествующие рассуждения, кажется странным, почему «вышгородцам» срочно самим не исправить свою «ошибку» и довершить обещанное Святополку? Зачем Святополк посылает именно двух варягов, а не одного или трех, или больше, ведь только один пронзает Бориса?[2] Какие-либо внятные комментарии этого мне не встречалось. Думается ответ на вопрос, как ни странно лежит почти на поверхности — Святополк таким способом отомстил уже покойному Владимиру за смерть своего настоящего отца — Ярополка Святославича. Отомстил наиболее адекватно принципу «око за око, зуб за зуб», с сознанием собственной правоты, и обставив месть соответственно обстоятельствам гибели своего отца.

Обратимся к «языческому» периоду жизни Владимира Святого. Ничего приглядного, и не только с позиций нашей эпохи, мы здесь не обнаружим. Более того, ясно проступают подлинные отношения его старших сыновей и пасынка с Владимиром, с одной стороны, Владимира с женой Рогнедой, с другой, и Рогнеды со своими детьми с третьей.

Лаврентьевская летопись под 1128 г. сохранила предание о захвате Владимиром Полоцка, в расширенном варианте повторяющем сведения Повести временных лет (под 980 г.). Оно гласит, что после взятия города по указке своего дяди (Добрыни) Владимир насилует Рогнеду на глазах у отца и матери, а потом убивает отца. Никоновская летопись добавляет, что были убиты еще и мать, и братья. Только после этого позора она становится женой Владимира. Далее следует рассказ о попытке Рогнеды убить князя в постели и о том, как на ее защиту встал маленький сын Изяслав.

Не менее ужасными выглядят обстоятельства другого брака Владимира. Вступив в борьбу со своим старшим сводным братом Ярополком и победив в ней путем предательства, Владимир Святославич коварно убивает его, став единоличным правителем Руси. Закрепляется эта победа женитьбой на неизвестной нам по имени беременной жене брата. Появившемуся на свет Святополку пришлось всю жизнь носить клеймо, что он «от двою отцю» («от

---

[1] То есть помещают его на носилки между конями. Справедливости ради надо отметить, что красивый образ «Слова» расходится с действительностью. «Повесть временных лет» под 1078 годом сообщает, что Изяслава вначале везли на ладье, а затем традиционно на санях, хотя в начале октября снег вряд ли лежал.

[2] «Сказание» не очень четко сообщает, убивают Бориса сразу оба варяга или только один. Если они действуют одновременно, то схожесть обстоятельств умерщвления Ярополка и Бориса возрастает еще больше.

двух отцов»). Обратим внимание, что нелюбимый пасынок Владимира, заняв киевский стол, декларирует восстановление династической справедливости, избрав своим геральдическим знаком не «трезубец Владимира», дополненный еще чем либо, как это сделал Ярослав, а «двузубец» своего настоящего отца, Ярополка, деда Святослава и, возможно, прадеда Игоря. Он прямой наследник в ветви Рюриковичей по старшинству, вдобавок, другие отпрыски Владимира являются внуками Святослава не по линии неизвестной нам жены, а по линии его наложницы — ключницы княгини Ольги Малуши.

В этой связи стоит задаться вопросом: а не диктовалось ли решение убить Бориса, не столь прагматичными целями устранить потенциального претендента на наследство Владимира, рожденного в христианском браке с византийской царевной, сколь спонтанным стремлением реализовать право кровной мести и отплатить за все унижения нелюбимого пасынка, вымесить их на сыне-любимчике? Такая версия смотрелась бы как романтическая гипотеза, если не сравнить, как именно были умерщвлены Ярополк Святославич и Борис Владимирович.

Дело в том, что непосредственными убийцами Ярополка выступают тоже два варяга (!) и орудием убийства служат мечи. Летописец дает точную характеристику способа нанесения этих ударов: «подъяста и два Варяга мечьми под пазусе». Переводя эти слова в современную терминологию, можно сказать, что колющие удары были нанесены снизу вверх. Нет сомнения, что в руках варягов были типичные для этого времени каролингские клинки, достаточно длинные, предназначенные в основном для рубящих ударов. Здесь явно действовали мастера своего дела — не боя, а убийства (киллеры, как ныне мы их именуем), причем один из них или левша, или одинаково владел оружием обеими руками. Владимиру нужно было, чтобы находившиеся за дверью люди Ярополка не услышали ни шума борьбы, ни даже предсмертного вскрика.

Вероятно, Святополк действительно получил известие, что Борис взят, жив и вышгородцы направляются со своей добычей к нему. Заворачивание же Бориса в шатер (не в ковер!), есть не элемент погребальной церемонии, а средство скрыть, кого везут в Киев в телеге. Учитывая разницу в скорости верхоконного гонца и движения телеги с пленником, а так же имея представление о ее маршруте, у Святополка было время принять решение и отправить двух варягов, то есть продемонстрировать, что это не убийство брата, а законная месть за убийство отца. Почему бы тогда ему не повторить его обстоятельства, в точности воспроизвести смерть Ярополка? Почему, судя по летописному рассказу, единственный смертельный удар наносит один варяг («един ею извлек мечь, проньзе и ко серцю»)? Здесь я осмелюсь высказать смелое, впрямую ничем не подтвержденное предположение.

Повторю, убийство Бориса не было расчетливым политическим убийством. Даже в наш прагматический век заказные убийства носят долю эмоциональной окраски со стороны Заказчика, при отстуствии эмоций со стороны Исполнителя. В ту же эпоху, в обстоятельствах, при которых мститель не мог

сам, собственноручно выплеснуть свои чувства, момент убийства обставлялся каким-либо особым образом. Таким способом мог быть удар, носивший у скандинавов название «сделать орла». Такой удар иногда применялся викингами. Вот как он описан в «Круге Земном»: «Эйнар ярл подошел к Хальвдану и вырезал на спине орла, раскроив ему спину мечом, перерубив все ребра сверху и до поясницы и вытащив легкие наружу» (Круг Земной. Сага о Харальде Прекрасноволосом.). Так Эйнар (незаконорожденный сын) отомстил за своего отца Регнвальда, сожженного в доме сыном Харальда Прекрасноволосого Хальвданом Высоконогим, плененным на Оркнейских островах. Желание отплатить за смерть близкого еще более ужасной гибелью ярко предстает в летописном рассказе о мести Ольги древлянам.

Если это предположение верно, то понятно почему «вышгородские болярцы» тайно досталяют тело Бориса в Вышгород и спешно его захоранивают у церкви Св. Василия.

Подведем некоторые итоги. Наше «расследование» показывает, что действия Святополка в отношении Бориса нельзя рассматривать вне контекста как их собственной жизненной судьбы, так и поведенческих стереотипов именно их эпохи, переломного времени в жизни Руси. Времени, когда еще актуальным оставались ценности варварского общества, государственность еще не окрепла, а христианская духовность и мораль еще только входили в сознание. И Святополк, и Борис оказались заложниками своей судьбы, став жертвами как поведения Владимира, до поры до времени всецело зависившего от всесильного дяди Добрыни, так и не устоявшихся представлений о разделе власти как доли наследства[1]. Стоит ли после этого называть Святополка Окаянным, а Путшу и вышгородцев числить извергами и иудами?

Two Varangians and Swords

S. L. Kuz'min

The present author proposes his reconstruction of the causes and circumstances of the death of Prince Boris Vladimirovich in 1015. The hypothesis suggested is based on the particular course of the historical events and on the psychological stereotypes of the epoch under consideration. Evidently, giving the order to murder his stepbrother made captive on the Alta River, Prince Svyatopolk demanded to reproduce the circumstances of the death of his father Yaropolk Svyatoslavich who was killed with swords by two Varangians sent by Vladimir Svyatoslavich.

[1] Сложнейший вопрос о способах наследования власти в раннегосударственных образованиях типа «варварских королевств», а именно таквым являлась Русь X — первая половины XI вв., требует специального исследования. Известны различные варианты наследования — минорат, майорат, «corpus fratrum» и т. д. На Руси после мнонополизации высшей власти Рюриковичами возможны были разные пути наследования власти. Вокняжение Святополка открывало перспективы принципу майората, но в результате длительной борьбы возобладал принцип «лествичного права», недостаточно четкий по своей природе и периодически нарушавшийся.

А. В. Курбатов

О специальной воинской обуви в средневековой России

В древнерусское время, надо полагать, конные воины были обуты в сапоги, рациональность которой при верховой езде подтверждает и практика кочевых народов. Однако, не следует считать, что сапоги в русских средневековых городах были принадлежностью преимущественно воинов. Комплексы находок в различных городах показывают, что значительное увеличение процентного соотношения высокой глухой обуви (сапог) в слоях древнерусских городах начинается с XIII в., что показывает приоритет этого вида обуви у большей части жителей городов. Среди сапог нельзя выделить варианты, которые могли быть связаны именно с воинской деятельностью. Трудно использовать для положительного ответа на данный вопрос и изобразительные источники.

Некоторые основания предполагать существование воинской обуви дает анализ письменных источников московского времени об условиях комплектования войска и его обеспечения. Документы XVI в. дают основание говорить о наличии в русском войске определенного единообразия в воинском одеянии. Сведения десятен о вооружении и снаряжении русских конников упоминают в качестве боевого снаряжения шеломы и панцири у одних групп воинов, железные шапки и толстые тягилеи — у других, «бумажные» стеганые шапки и тонкие тягилеи — у третьих. В то же время, по мнению историков, покрой воинской одежды конников не имел существенных различий. В летописных миниатюрах русского воина всегда легко отличить от иноземного. В целом, воинское одеяние XVI в. можно считать сплавом вековых традиций, в которых сочетаются боевая практика войск и ремесленные приемы изготовления одежды, брони и оружия. Требования к унификации одежы отмечаются и для пеших воинов. Так, новгородские пищальники должны были явиться в поход 1547 г. одетыми «в однорядки или сермяги крашены» (ААЭ: № 205). П. П. Епифанов приводит наблюдение Дж. Горсея о московских стрельцах, которые были «очень опрятно одеты» — «в бархатные, разноцветные шелковые и стаметные одежды». По мнению историка, покрой этой одежды — высокая шапка, длиннополый кафтан и сапоги из цветного сафьяна, возможно, был близок к одеяниям стрельцов, известным по рисункам XVII в. При этом, несколько различались одежды рядового и начальствующего состава (Епифанов 1977: 314–315).

В XVII в. воинская одежда становится отличной для каждого разряда войск (Епифанов 1979: 259–260). Пышное и яркое одеяние московских дворян состояло из длинных ферязей и терликов, коротких красных полукафтанов и шапок, украшенных драгоценными камнями, золотом и серебром. По восхищенному описанию Б. Таннера, весь отряд московской знати «так и горел, как жар своим светлым убранством» (Таннер 1891: 45–46). Походная одежда поместной конницы состояла из тех же традиционных форм одежды, обуви и конской сбруи, которые отличали русского конника от татарского или польского. Согласно документам этого времени, стрельцы и солдаты относительно регулярно получали «сукна на кафтаны» — летние и зимние, которые изготовлялись «по образцу». Московские стрельцы получали сукна на платье «ежегодь», городовые — один раз в 3–4 года, а казаки — «на пятый год» (Котошихин 1884: 82).

Письменные свидетельства, непосредственно касающиеся воинской обуви. единичны и могут иметь разную трактовку. Известно только одно упоминание, которое указывает на некую особенность солдатской обуви: «[1674] А везенъ (самозванец) в кафтанишке въ черномъ въ сермяжномъ, да въ чюлкахъ белыхъ, да въ бахилкахъ въ салдацкихъ» (СлРЯ 1975: 81).

Положительно ответить на вопрос о существовании воинской обуви помогает представительный комплекс кожаных предметов, открытый в раскопах Петровский VIII и IX на ул. Гоголя в Пскове в 2007 г. Охранные исследования на этих раскопах продолжили изучение восточной части Окольного города, близ Петровских ворот и охватили площадь около 1000 кв.м.[1] По результатам раскопок в предыдущие годы установлено, что в этом районе города жилая и производственная застройка началась не ранее последней четверти XV в., что подтверждают датировки ранних дворовых строений на раскопе Петровский IV и найденные в них кожаные изделия (Харлашов 2003: 9, 11; Курбатов 2008; Курбатов, Харлашов 2008).

На площади раскопов Петровский VIII и IX зафиксированы локальные скопления очень большого числа отходов от раскроя, составляющие 2.3–15.4 тысяч находок, показывающие существование здесь кожевенной пошивочной мастерской. Многочисленные обрезки от раскроя новых кож показывают использование разного сырья, а также различные способы выделки кож. Больше всего обрезков принадлежит плотной, хорошо выдубленной коже крупного рогатого скота (КРС) толщиной 1.1–2.0 мм. Значительно меньше встречается кож мелкого рогатого скота (МРС) — коз или овец. Некоторую часть отходов представляют кожи хорошего качества дубления, толщиной до 4.0–5.0 мм. Основная масса обрезков принадлежит коже, используемой первый раз. В данной коллекции этот показатель значительно превышает норму, отмеченную на памятниках конца XIII — первой половины XV в., например, в Тверском кремле. Вторая, по величине, составляющая материала — это голенища сапог и детали рукавиц. Го-

[1] Пользуюсь случаем поблагодарить сотрудников Псковского археологического центра Б. Н. Харлашова и Е. В. Салмину, предоставивших материалы для изучения и публикации.

ленища лучше всего сохранялись при износе обуви и всегда использовались вторично. Здесь же найдено более 600 обрезанных деталей изношенных рукавиц — голиц, не считая множества мелких обрезков, принадлежность которых менее очевидна. Данный показатель не имеет сравнительных аналогов в материалах русских городов.

При определении специализации мастера — кожевника встает вопрос о критериях оценки его работы, поскольку мы не можем встретить на месте ремесленной деятельности результат работы, т. е. готовые изделия. На участке мастерской преимущественно остаются обрезки, несущие негативы от выкроек определенных деталей. На Петровских раскопах большая часть материала несет следы выкраивания деталей рукавиц — как основы, так и отдельной детали для большого пальца. Стандартность обрезков, в этом случае, служит показателем работы одного мастера, а объем отходов предполагает длительное функционирование мастерской. На наш взгляд, можно однозначно говорить, что на участке раскопов Петровский VIII и IX находился двор, на котором работал специалист по пошиву кожаных рукавиц — голиц. Этот мастер, один или с подмастерьями, продолжительное время (несколько лет?) шил и ремонтировал кожаные рукавицы, складируя отходы от раскроя на ограниченном участке двора и в ямах. Преобладание в использованном материале новых кож, а также обрезков вторично использованных голенищ, на наш взгляд, соответствует данному виду

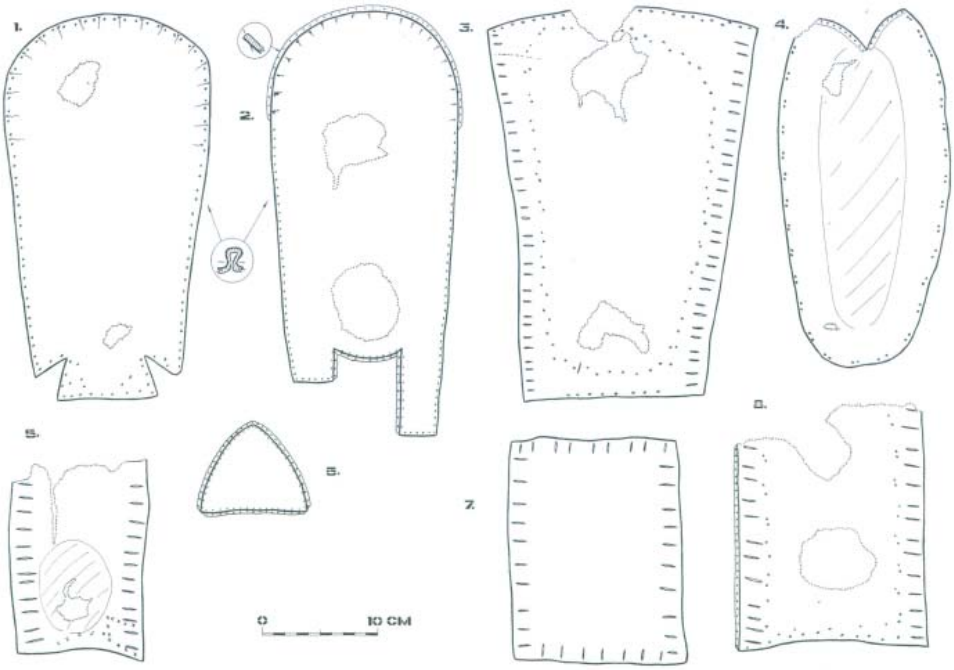


Рис. 1. Петровский IX, 2007 г. Раскройки основы и дополнительных деталей поршней второго — четвертого вариантов

деятельности. Этот мастер — *рукавичник* также шил и ремонтировал сумки и мешки, в т. ч. вьючные *торока*, показателем которых могут служить серии однотипных завязок.

В рамках деятельности *рукавичника* инородными включениями в массиве кожевенных отходов выглядят серии деталей изношенной обуви — сапог и поршней. Если использование голенищ объяснимо потребностями работы рукавичника, то многочисленные обрезки изношенных головок, задников, подошв и подметок надо воспринимать как показатель работы здесь же, или по- соседству, мастера — сапожника. Отходы его деятельности не так многочисленны и предполагают кратковременность пошива обуви. Тем не менее, мастер — сапожник определенно шил новую обувь — сапоги, используя обрезки изношенных сапог в качестве внутренних и дополнительных деталей. На раскопах выделено несколько вариантов обувных конструкций, рассмотрение которых важно в рамках предложенной темы.

Среди поршневидной обуви выделены 4 варианта, различающиеся по крою и оформлению. *Первый* вариант имеет раскройки трапециевидной формы с декоративным оформлением носка в виде частых прорезов на подъеме, длиной 1.6–2.0 см, придающих краю вид гребня с выделенными зубцами. В каждой из узких полуотрезанных полос кожи делался продольный прорез, в который продергивалась обора. При стягивании оборы ленты разворачивались на 90°, создавая контрастный рельеф-

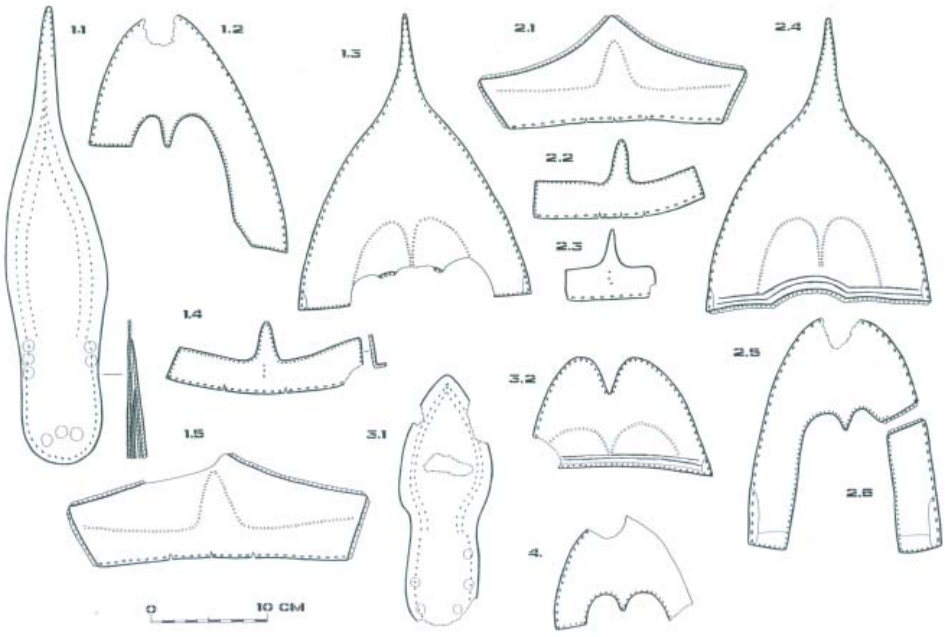


Рис. 2. Петровский IX, 2007 г. Наборы деталей сапог (*1–3*) и отдельный поднаряд (*4*)

ный пояс на подъеме. Передний шов на изделиях мог дополняться декоративным *плетешком*. Передний край имеет фигурный обрез — с центральным язычком и изгибом к углам, что дает при сшивании необходимую полноту носка, бóльшую плотность и влагонепроницаемость шва. Для формирования пятки делали два прореза длиной 3–4 см примерно на равном расстоянии от боков, и три образовавшихся клапана сшивались между собой «встык» и «в наклад». Такие изделия прослежены в Ивангородской крепости (Курбатов 1991: 72–73). Ко *второму* варианту отнесены изделия с раскройкой прямоугольной или трапециевидной формы, которые отличает упрощенность изготовления (рис. 1, *3, 5, 7, 8*). *Третий* вариант включает всего два изделия, состоящих из основной детали и треугольной вставки в носок. Основная деталь имеет подтрапециевидную форму, расширенную в носке, с овальным обрезом переднего края. В конструкции использован оригинальный метод получения необходимой объемности носка — он стягивался растительной нитью, пропущеной сквозь мелкие парные отверстия до получения регулярных складок по всему краю. Дополнительная треугольная деталь, вшитая в носок, закрывала пальцы и подъем стопы. Между основной и дополнительной деталями, при сшивании носка, вставлялась узкая кожаная прокладка. Задник оформлялся тремя полуотрезными клапанами, сшиваемыми друг с другом «в наклад». На боковых обрезах были сделаны регулярные мелкие отверстия для стягивающего корда — нити из растительного волокна или сухожилий

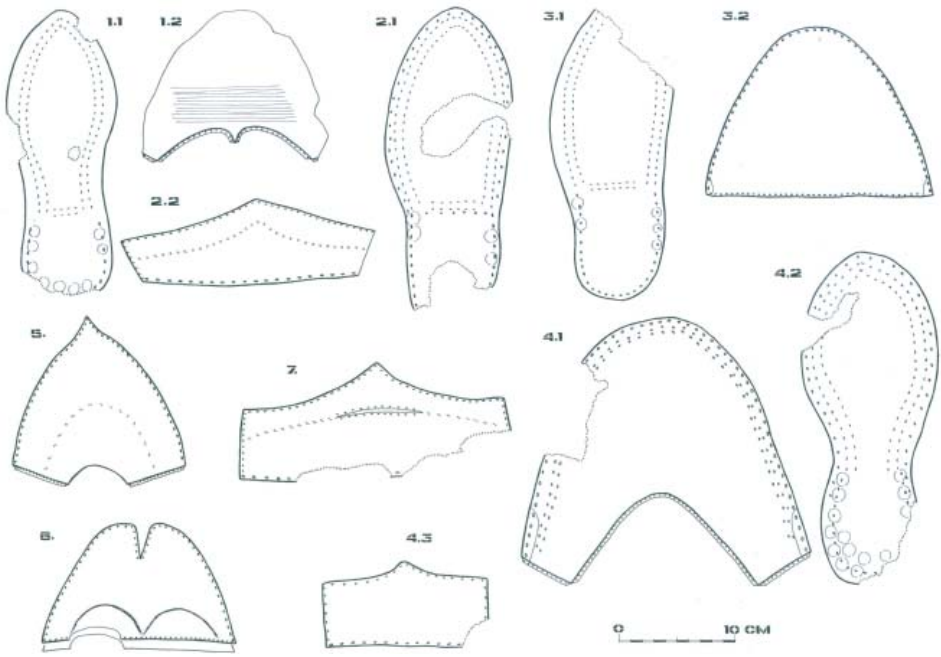


Рис. 4. Петровский IX, 2007 г. Отдельные подошвы (*1–3*, *5*) и наборы деталей сапог (*4*, *6*, *7*)

животных (рис. 1, *1, 2, 6*). *Четвертый* вариант представлен одной раскройкой овальной формы, с неровно обрезанными краями и треугольным вырезом в носке. Края носка сшивались выворотным швом. На боковых сторонах и пятке по краю сделаны парные мелкие отверстия для корда из сухожилий, как в моделях третьего варианта (рис. 1, *4*).

Второй вариант поршней можно считать универсальным, равно встречающимся в разных регионах России в позднем средневековье. Другие варианты встреченной поршневидной обуви находит соответствия в моделях, отмеченных на памятниках арктической зоны Евразии — в Мангазее и Пустозерске. В поршнях первого варианта к признакам северных моделей можно относить треугольный язычок на переднем крае и оформление пятки тремя полуотрезными клапанами. Третий вариант можно назвать полностью специфической северной конструкцией. Её экземпляры выделены при раскопках Мангазеи в 1968–1973 гг. (Курбатов, Овсянников 1999: 250–253), а наибольшее число такой обуви найдено в раскопках этого поселения в 2001–2007 гг. (Визгалов, Пархимович, 2007). Примером северной обуви можно считать и единственный поршень четвертого варианта. Хотя северные формы обуви изучены в слоях арктического города, относящихся только к первой половине XVII в., но длительное сохранение традиций пошива в одежде народов Севера и рациональность кроя такой обуви позволяют считать возможным её использование и ранее. Отметим, что отдельные экземпляры «северной» обуви и ранее были выделены в городах северо — за-

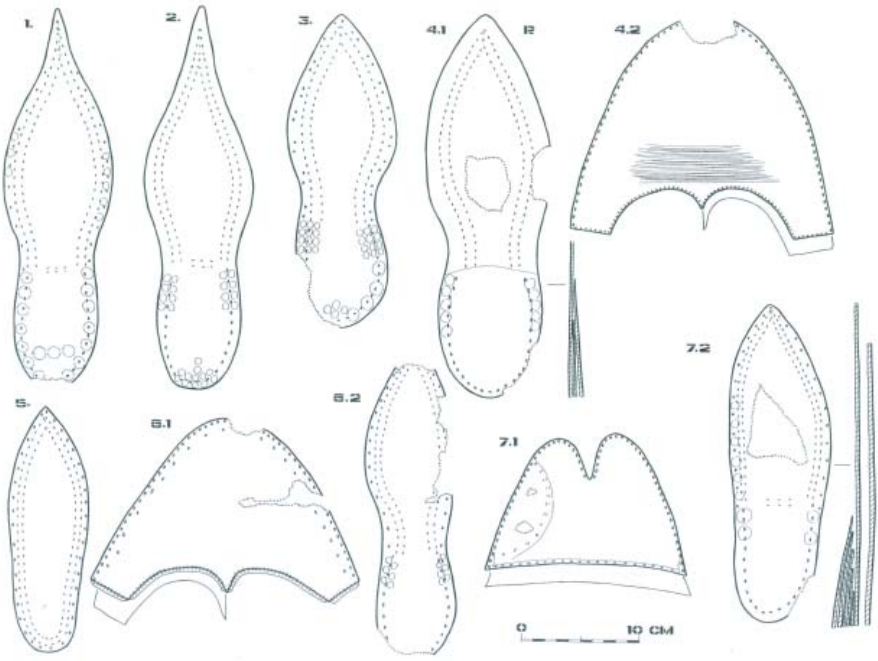


Рис. 3. Петровский IX, 2007 г. Наборы деталей сапог (*1–4*) и отдельные головки (*5, 6*) и задник (*7*)

пада России — Пскове, Старой Ладоге и Орешке (Курбатов 2007: 157 и сл.).

Все сапоги имеют основное соединение «в подтай», что было характерно для русской обуви в XIV–XVII вв. На протяжении этого периода изменялась форма деталей и совершенствовалась техника исполнения данного соединения. По отдельным деталям и их наборам выделено три варианта сапог. *Первый* вариант имеет подошву вытянутых пропорций с длинным, сильно зауженным носком. Под пятку, с внутренней стороны пришивали 3–4 подкладки общей высотой 0.8–1.0 см. Головка имеет узкий, вытянутый носок и поперечно срезанный или слегка вогнутый подъем. Такое оформление носка головки и подошвы приводит к созданию вытянутого «клювовидного» носка, свободно загибающегося вверх. У головки отсутствуют боковые выступы — «крылья». Поднаряд на подъеме не распространяется на всю площадь головки, что создает большую эластичность этого участка при сгибании кожи во время хождения. Задник состоит из наружной детали и внутренней деталей. Все детали верха кроились преимущественно из эластичной кожи МРС толщиной 1,2–2,0 мм (рис. 2, *1, 2*; 3, *5*). *Второй* вариант также имел подошвы несколько зауженных пропорций, с вытянутым заостренным носком и 3–5 подкладок под пяткой высотой до 1,2–1,5 см. Для этого варианта характерен особый технический прием соединения головки с подошвой, при котором заостренный носок подошвы, загнутый вверх, вшивался в специальный вынез на головке. Задник, относительно узкий и низкий, имел незначительное скругление по

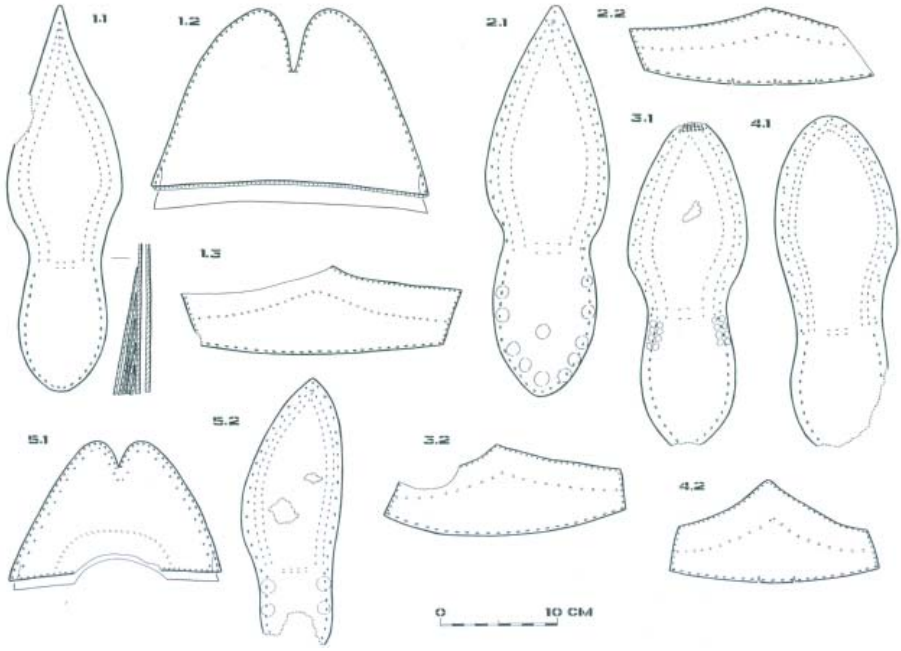


Рис. 5. Петровский IX, 2007 г. Наборы деталей сапог

нижнему краю и оформление верхнего края тупым углом. Карман также был относительно низким, охватывая примерно 2/3 высоты задника. В оформлении характерно использование мелких декоративных гвоздей, набитых на носок и пятку подошвы, а также особый раскрой некоторых подошв — с узким язычком на пятке (рис. 2, *3*; 3, *6*; 4, *1, 2, 7*; 5, *1, 3, 5*; 6, *4*; 7, *1*). *Третий* вариант имеет подошвы большой ширины в пальцах и пятке, с незначительным или отсутствующим перехватом в области свода стопы (т.н. *перейма*), с округлой пяткой и слегка зауженным, приостренным или совершенно округлым носком. Таким подошвам соответствуют головки с округлым носком и короткими боковыми крыльями. Край на подъеме мог иметь небольшой язычок или округлый вырез. С головками использовался только цельный, одно- или двудетальный поднаряд. Задник соответствует форме детали второго варианта, но здесь возможно использование дополнительных внутренних вставок в карман (рис. 3, *1–4*; 4, *4, 6*; 6, *1–3*; 7, *2–4, 6–8*; 8, *1–6*).

Не разделяемыми по описанным вариантам сапог выглядят голенища, встреченные только в обрезках и отдельно от основной части обуви. Можно считать, что почти все голенища были двудетальными, со швами на боковых сторонах (рис. 9). Одинаковым было оформление нижнего и верхнего края. В сшитом виде голенища имели высокий и округлый передний край и скос назад. На задней половине, у верхнего края, имелись два симметричных круглых выреза диаметром 2,5–3,3 см. В эти вырезы вшивалась узкая полоска кожи, свернутая кольцом. Вдоль верх-

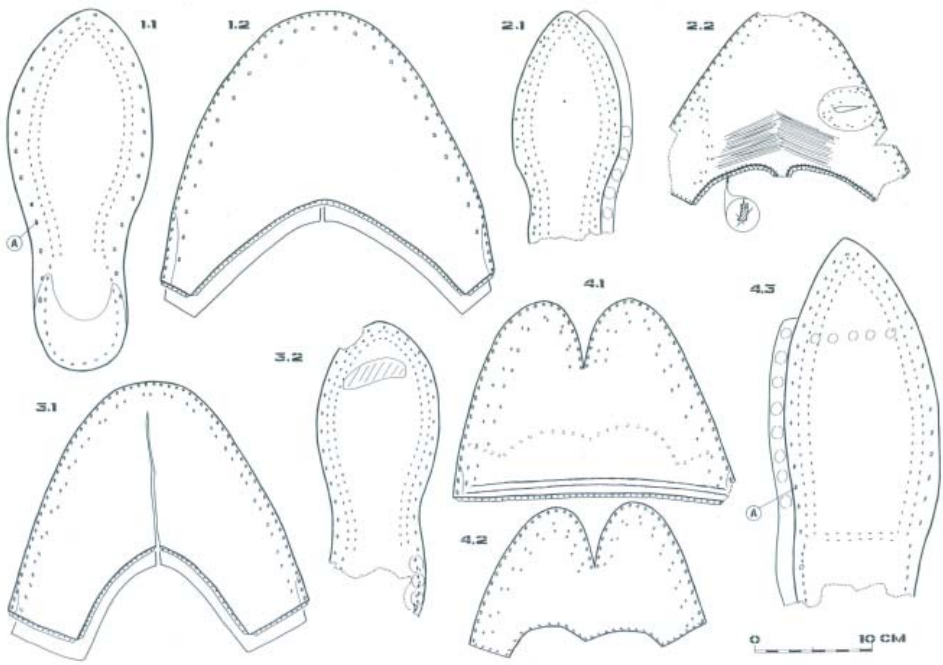


Рис. 6. Петровский IX, 2007 г. Наборы деталей сапог

него края всех голенищ сохраняются следы обшивки.

Сапоги с «клювовидным» носком являются вариантом моды в странах Западной Европы, привнесенной в Россию в последней четверти XV в. Он существовал в русских городах не более одного поколения и, вероятно, к самому началу XVI в. уже исчез. Точно датируемые формы такой обуви встречены в Гдове, Яме, Твери и Чернигове. Второй вариант является видоизменением на русской почве западного аналога и появляется в русских городах, по — видимому, на рубеже XV/XVI в. (Курбатов 2004: 111). Третий вариант является развитием русской конструкции сапог предшествующего времени, смыкающимся по основным принципам раскроя и сшивания со вторым вариантом. Для него характерны особые приемы декорировки: поперечное линование на головке и художественное оформление швов на соединениях головки с задником и голенище (рис. 3, *1.2*; 4, *4.2*; 6, *2.2*; 7, *2.1*; 8, *1, 6*; 9, *8, 11*). Этот декоративный шов был выполнен цветной нитью и выведен на лицевую сторону.

В данной коллекции присутствуют модели сапог почти исключительно больших размеров, соответствующих обуви взрослого мужского населения. В ней единичны детали детских и подростковых моделей, а также отсутствуют негативы от раскроя такой обуви. Большинство сапог второго и третьего вариантов были дополнительно усилены подметкой из толстой кожи, пришиваемой уже изначально, а также подбиты гвоздями с широкой шляп-

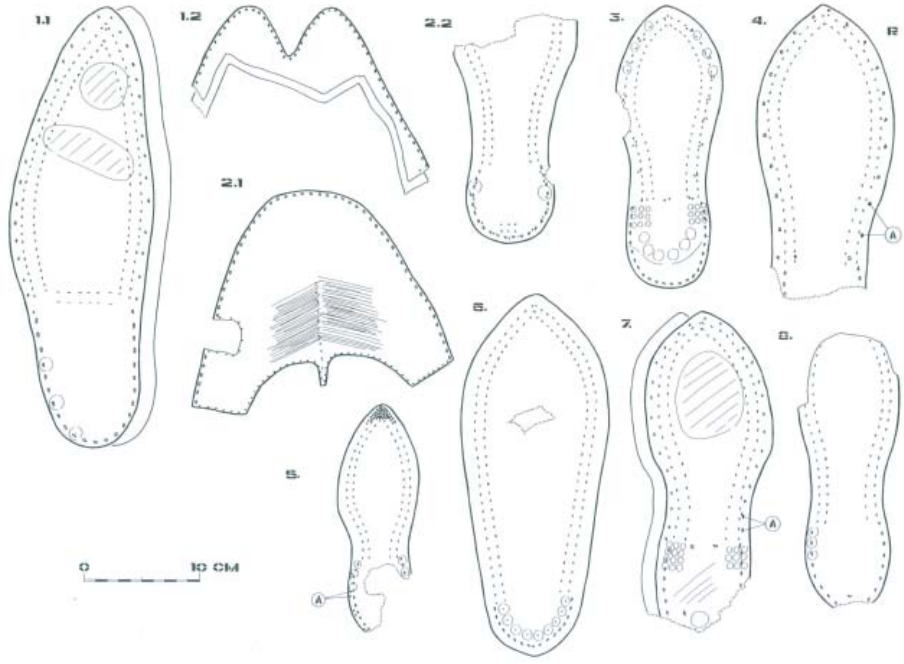


Рис. 7. Петровский IX, 2007 г. Наборы деталей сапог (*1, 2*) и отдельные подошвы (*3–8*, *А* — деревянные шпеньки)

кой — только под пяткой или по всему периметру (рис. 3, *2.1, 4.2*; 4, *7.2*; 5, *2.1, 5.2*; 6, *1–4*; 7, *1.1, 3, 4, 7*). В XVI–XVII в. такие сапоги называли *подшивками* или *подшитками* (СлРЯ 1990: 75).

Определяя вероятный период функционирования кожевенной мастерской можно руководствоваться анализом сочетания выделенных форм сапог. К первому варианту отнесены всего 4 образца, тогда как обувь 2-го и 3-го вариантов более представительна и разнообразна. По стилистическим и конструктивным деталям такое сочетание вариантов сапог указывает на рубеж XV–XVI вв. Основанием является сопоставление находок с Петровского VIII и IX раскопов с находками на Васильевском раскопе в Пскове (Курбатов, Харлашов 2004: 141–143, 150) и материалами из Гдова, Кингисеппа, Ивангорода и Твери (Курбатов 2004). Развитые формы конструкций второго и третьего вариантов реконструируются по материалам Ивангорода первой половины XVI в. (рис. 10). Таким образом, отмеченные аналогии в моделях обуви с раскопов Петровский VIII и IX позволяют относить деятельность кожевников на раскопанном участке примерно к рубежу XV/XVI в. исходя из сочетания встреченных форм обуви. Они достаточно узко локализованы в пределах усадьбы рукавичника и позволяют предполагать кратковременный пошив обуви на этом месте, проводимый параллельно с пошивом рукавиц. Археологические находки показывают, что здесь шили не разнообразную обувь, а только сапоги больших размеров из толстой и прочной кожи,

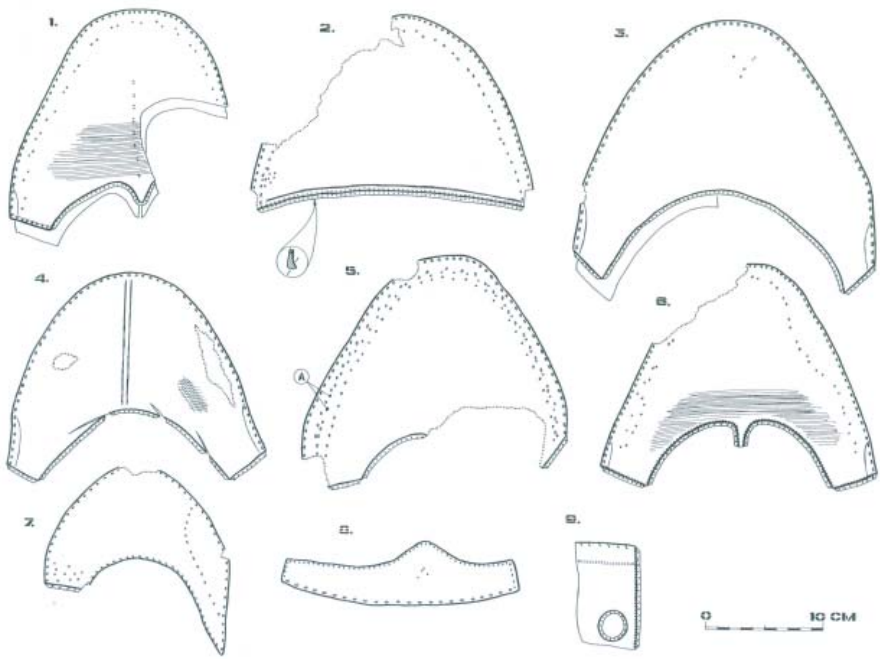


Рис. 8. Петровский IX, 2007 г. Отдельные головки (*1–6*), поднаряд (*7*), задник (*8*) и обрезок голенища (*9*). *А* — деревянные шпеньки

подбиваемые при пошиве железными гвоздями с широкой шляпкой. Уже при пошиве пришивалась или прибивалась (деревянными шпеньками и железными гвоздями) подметка из очень толстой кожи (до 5–6 мм). Гвозди с широкой шляпкой набивали по всему краю обуви, а не только под пяткой. По негативам от раскроя подошвы можно видеть, что это была не модельная обувь, а широкие и удобные при длительной ходьбе сапоги, в которые вкладывали толстые войлочные стельки, а на ноги наматывали, вероятно, суконные обертки. Невысокие голенища сапог, не доходившие до колен, кроились из толстой (более 2 мм) и жесткой кожи. Пошитая обувь, надо полагать, не предназначалась под размеры отдельных стоп. Такую обувь вполне правомерно определять как «воинскую».

Более точно установить время деятельности сапожника можно на основании фактов общерусской истории и причастности псковичей к этим историческим событиям. Появление поршневидной обуви, характерной для северных народов, в комплексе конца XV — начала XVI вв. надо связывать с конкретно — исторической ситуацией во Пскове, отраженной в ряде летописей. В Псковской 1-й летописи под 1499 г. имеется короткая запись о военном походе на Югру: «В лето 7007 … Того же лета посылал князь великой воевод своихъ на Югорскую землю» (П1Л: 271). Из сообщений Устюжской летописи (УЛ: 51) Устюжского летописца Второй редакции (УЛ2: 115), а также Архангелогородского летописца (АЛ: 98) летописей становится понятным, что речь идет о зимнем походе. Никоновская летопись помогает уточнить сроки начала и окончания похода. В ней события под 7007 г. перечисляются в календарном порядке. Перед сообщением о походе отмечено иное событие: «Того же лета, июля 14, в неделю, поставлен на епископию Сарскую на Крутицю Трифон игумен Богоявленский Симоном митрополитом всея Руссии». Далее следует запись о походе, близкая Софийскому и Воскресенскому спискам, но с добавлением: «И приидоша на Москву к великому князю вси здрави, лета 7008, Марта» (Ник.: 249). Время начала похода помогает определить и уточнение времени закрепления прав Василия на Новгород и Псков, что произошло, по мнению А. Л. Хорошкевич, 29 июля 1499 г. (Хорошкевич 1980: 112), а по оценке К. В. Базилевича — 21 марта 1499 г. (Базилевич 1952: 375). В целом, можно принять во внимание, что поход видимо начался не ранее конца июля — начала августа 1499 г., а завершился в марте 1500 г. Этот поход получил общеевропейскую известность и в «Записках» С. Герберштейна приводится подробная дорожная роспись маршрута за Камень, составленная по распросам участников похода и содержавшая расстояния между отдельными пунктами (Герберштейн 1988: 156–157, 160–161).

По мнению С. В. Бахрушина, этот «грандиозный» поход был предпринят Москвой, спешившей воспользоваться выгодой от присоединения Новгорода и закрепить за собой старинные новгородские владения за Уралом. Целью похода историк называет остяцкое княжество Кода на р. Оби, в пределах Березовского уезда. Учитывая неудобство Печерского пути — его удаленность от Москвы, что затрудняет прочное покорение Зауралья, единственным резуль-

татом похода было то, что временами отдельные югорские князьки обязывались платить дань в великокняжескую казну (Бахрушин 1928: 67–68).

Наиболее подробно история похода изложена в работе К. В. Базилевича, где подробно перечислены воинские отряды отдельных русских областей. В походе участвовали ратные люди, набранные исключительно из северных уездов, знакомые с суровыми природными условиями и трудностями пути по безлюдным пространствам Заполярья. Экспедиция обследовала область до р. Сосьвы на юге и низовья Оби, до Обской губы — на севере (Базилевич 1952: 403–406). Всего в походе приняли участие 4041 человек. Историк специально упоминает, что в каждом отряде были несколько детей боярских и вятчан, «которые живут в московской земле». Среди них могли быть и люди, переселенные во Псков. Их участие в походе объясняется тем, что непосредственно перед его началом великий князь Василий Иванович официально провозглашается наместником Новгорода и Пскова и преемником Ивана III на великом московском княжении. Поэтому, участие представителя в.к. Василия Ивановича, вместе с псковским контингентом, было весьма вероятным — как для общего руководства, так и для наблюдения со стороны высшего лица государства, желавшего ознакомиться с состоянием новоприсоединяемых территорий.

Летописные источники позволяют считать, что весной 1500 г. псковский отряд вернулся домой, проведя в походе около года. Длительность экспедиции позволяет предполагать дополни-

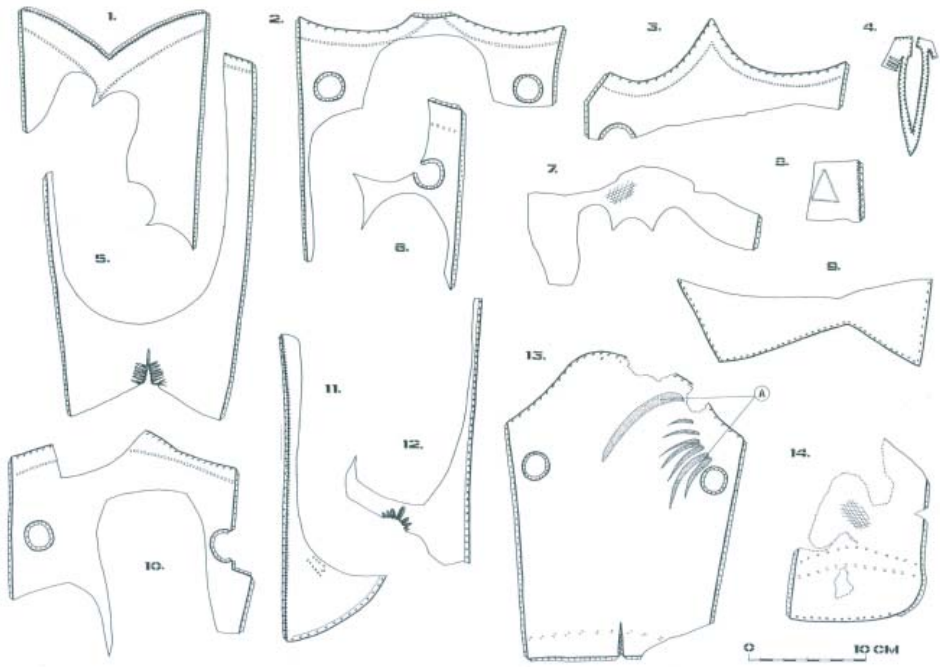


Рис. 9. Петровский IX, 2007 г. Целая (*13*) и обрезки деталей (*1–12*, *14*) голенищ

тельную экипировку воинов непосредственно в Сибири и возвращение их во Псков уже в «северной обуви». Сразу же по возвращении из Сибири псковский воинский отряд включается в подготовку к новой кампании, для чего производится срочный заказ на амуницию, включая и обувь. Такой заказ на рубеже XV–XVI вв. мог исходить от великого князя Московского Ивана III или от наместника Пскова и Новгорода его сына Василия. Срочность заказа связана с военными действиями Пскова и Москвы против Ливонского ордена в 1500–1503 гг. В это же время Иван III вел военные действия против Литовского государства, и принятие мер по подготовке Пскова к отражению возможного нападения противника должно было входить в комплекс необходимых мер московского правительства в 1500 г. Подобная подготовка псковичей к военным действиям логично вытекает из внешнеполитической подготовки к войне на западных границах (Базилевич 1952: 432 и сл.). По данным ливонских источников, подготовка к боевым действиям с русской стороны велась уже зимой и весной 1500 г. В письме дорпатского епископа 14 апреля 1500 г. к магистру Ливонского ордена Вольтеру фон Плеттенбергу сообщаются сведения, полученные от псковских купцов. Последние сообщали, что как только сойдет паводок, псковичи по приказу великого князя Московского вторгнутся во владения Ордена. Подтверждением этих сведений можно считать тот факт, что посольство магистра, направленное во Псков с предложением продлить перемирие, удостоилось только оскорблений со стороны псковского «штатгальтера» (посадника), отказавшего в продлении мирного договора с Ливонией (Бессуднова 2007: 159).

Рис. 10. Реконструкция сапог первой половины XVI в. из Ивангородской крепости

Знание отмеченных фактов указывает нам достаточно точный период заказной деятельности сапожника — осень 1499 г. — весна 1500 г. Но учитывая, что русские в 1500 г. не начинали боевых действий против Ордена, тогда как сам Орден предпринял нападение весной 1501 г., то срок подготовки военного снаряжения можно продлить ещё на год. В этом контексте получает объяснение и наличие среди отходов раскроя сапожника деталей обуви, характерной для народов полярных областей. Это изношенная обувь псковских служилых людей, вернувшихся из похода на Югру, которая была отдана мастеру — сапожнику в виде частичной компенсации его работы и как материал для ремонта.

Особого внимания заслуживает уже сам факт массового использования самых толстых кож для подметок. Такие кожи, надо полагать, выделывались в ограниченном количестве и стоили достаточно дорого из-за длительности процесса выделки. Кроме того,

сбор толстых шкур был несомненно намеренным и занимал определенное время. Толстые кожи в русских городах не были обычным товаром хотя бы потому, что домашний скот в России в XVI–XVII вв. был очень низкорослым, а следовательно имел тонкую шкуру (Цалкин 1971: 172–179). Низкорослость русского скота неоднократно отмечали иностранцы, посетившие в то время Россию. В первой четверти XVI в. на эту особенность указал С. Герберштейн, а в конце XVI в. — Дж. Флетчер (Герберштейн 1988: 130, 239; Флетчер 1906: 12–13). Павел Алеппский в своих впечатлениях от Московии, высказывал предположение о причинах низкорослости домашнего скота: "коровы в этой стране очень малы, с теленка, по причине сильного холода,… у них нет сил для пахоты и они служат для получения молока зимой и летом" (Алеппский 1898: 123). Посредственность размеров русского скота отмечает и И. Кильбургер в середине XVII в. (Курц 1915: 100). В связи с этим не случайными выглядят случаи выделки и продажи бычьих кож, отмечаемые в русских деловых записях: «[1581] Меншой казначей Саватея … купил 20 кож воловых больших на квасные мехи» (Словарь 2003: 95). Из всего сказанного можно сделать вывод, что заказ большого количества прочной «армейской» обуви может быть только государственным заказом в силу большой стоимости этой срочной работы.

Комплекс кожаных изделий и обрезков с раскопов Петровский VIII и IX, вместе с сопутствующими им находками, является эталоном археологических коллекций такого рода, помогающим раскрывать многие вопросы изучения русского города и русской средневековой культуры в целом. Массовость найденных кожаных изделий, а также выделение специализированных мастерских конкретизирует связь археологических комплексов с историческими событиями во Пскове. На этом материале впервые раскрывается особая форма обувной продукции — воинские сапоги. Кратковременная работа по их пошиву была выполнена сапожником в мастерской рукавичника в период с осени 1499 г. по весну 1501 г.

Для сравнения добавим, что наиболее ранняя специфическая воинская обувь в Западной Европе фиксируется только во второй половине XVI в. Именно в период Семилетней войны в 1560-е гг. проявляется мода на высокую «глухую» обувь — сапоги, которые в Германии и Швеции называли «польскими», «венгерскими» или «русскими» (Курбатов 2005: 237–238; Swann 2001: 94). М. Н. Мерцалова отмечала, с одной стороны типовое сходство венгерского костюма с польским, а с другой — большой вклад венгерской национальной одежды в историю мирового костюма. В первую очередь, надо полагать, это относилось к военному мундиру, преимущественно конных воинов. Вероятно, одно из самых ранних изображений сапог в шведском костюме дает портрет шведского короля Густава I, написанный неизвестным художником до 1560 г. По предположению французского историка моды Ф. Буше, в форме сапог угадывается рука русских мастеров. Среди польских изображений высоких сапог назовем изображение на портрете Яна Кшиштофа Тарновского, написанном в конце XVI в. (Мерцалова 2001: 311, 363–364, 392–393, рис. 350, 453).

Литература

1. *ААЭ* — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук. Т. 1. СПб. 1836.

2. *АЛ* — Архангелогородский летописец // ПСРЛ. Т. 37. Л. 1982.

3. *Алеппский 1898* — [Алеппский П.] Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским // ЧОИДР, кн. V. 1898.

4. *Базилевич 1952* — Базилевич К. В. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М. 1952.

5. *Бахрушин 1928* — Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М. 1928

6. *Бессуднова 2007* — Бессуднова М. Б. Походы магистра Вольтера фон Плеттенберга на Псковщину в 1501 и 1502 годах (по данным ливонских источников) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. 2007.

7. *Визгалов, Пархимович 2007* — Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея — первый русский город в Сибирском Заполярье (по материалам раскопок 2001–2004 гг.). Нефтеюганск — Екатеринбург. 2007.

8. *Герберштейн 1988* — Герберштейн С. Записки о Московии. М. 1988

9. *Епифанов 1977* — Епифанов П. П. Оружие и снаряжение // Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1. М. 1977.

10. *Епифанов 1979* — Епифанов П. П. Войско // Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. М. 1979.

11. *Котошихин 1884* — Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб. 1884.

12. *Курбатов 1991* — Курбатов А. В. Коллекция кожаных предметов из Ивангорода (по раскопкам 1980- 1986 гг.) // КСИА. № 205. М. 1991.

13. *Курбатов 2004* — Курбатов А. В. Обувная мода в средневековой Руси (по находкам из раскопок в Твери) // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сб. статей памяти проф. И. В. Дубова. СПб. 2004.

14. *Курбатов 2005* — Курбатов А. В. История обувной моды в Скандинавии и восточноевропейские параллели. Рец. на: June Swann. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Prehistory to 1950. Stockholm. 2001 // Археологические вести. № 12. СПб. 2005

15. *Курбатов 2007* — Курбатов А. В. Этапы освоения Севера в связи с развитием кожевенного ремесла средневековой России // Археологические вести. № 14. СПб. 2007.

16. *Курбатов 2008* — Курбатов А. В. О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах // Записки ИИМК РАН. № 3. СПб. 2008.

17. *Курбатов, Овсянников 1999* — Курбатов А. В., Овсянников О. В. Изделия кожевенного производства в городах русского Заполярья (Мангазея) // Археологические вести. № 6. СПб. 1999.

18. *Курбатов, Харлашов 2004* — Курбатов А. В., Харлашов Б. Н. Кожевенное производство древнего Пскова по материалам Васильевского раскопа 1990 г. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. 2004.

19. *Курбатов, Харлашов 2008* — Курбатов А. В., Харлашов Б. Н. Кожаные предметы с раскопа Петровский — 4 // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. 2008.

20. *Курц 1915* — Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев. 1915.

21. *Мерцалова 2001* — Мерцалова М. Н. Костюм разных времен и народов. Т. II. СПб. 2001

22. *Ник.* — Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 11. СПб. 1897.

23. *П1Л* — Псковская первая летопись // ПСРЛ. Т. 4. СПб. 1848.

24. *Словарь 2003* — Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. Вып. 1. СПб. 2003.

25. *СлРЯ 1975* — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М. 1975.

26. *СлРЯ 1990* — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16. М. 1990.

27. *Таннер 1891* — Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. Пер. с латинского И. Ивакина // ЧОИДР. Кн. III. Отд. III. М. 1891.

28. *УЛ* — Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. 37. Л. 1982.

29. *УЛ2* — Устюжский летописец. Вторая редакция // ПСРЛ. Т. 37. Л. 1982.

30. *Флетчер 1906* — Флетчер Д. О государстве Русском. СПб. 1906.

31. *Харлашов 2003* — Харлашов Б. Н. Петровский 4 раскоп // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. 2003.

32. *Хорошкевич 1980* — Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М. 1980.

33. *Цалкин 1971* — Цалкин В. И. Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок Москвы // Древности Московского кремля. М. 1971.

34. *Swann 2001* — Swann J. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm. 2001

Special Military Footwear in Medieval Russia

A. V. Kurbatov

The assemblage of leather objects and cuttings recovered in 2007 from excavations Petrovskiy VIII and Petrovskiy IX in Pskov (together with associated finds) is a standard example of archaeological collections of that kind. The mass character of the leather products found, as well as the possibility to distinguish particular workshops, demonstrate the relation between archaeological complexes and historical events in Pskov. The materials recovered have first characterized a special type of footwear products viz. military boots. A boot-maker was occupied with their short-term manufacturing in a gauntlet-making workshop from Autumn 1499 until Spring 1501.

В. А. Лапшин

Две усадьбы XIV в. в Тверском кремле

Культурный облик Твери, одного из важнейших русских средневековых городских центров, по сей день недостаточно изучен. Это объясняется почти полным уничтожением тверских древностей, причиной чему стали события российской истории от разгромов Твери татарскими и московскими войсками в XIII–XV вв. и перевоза в 1486 г. тверских художественных ценностей в Москву до разорения тверских архитектурных памятников и музейных коллекций в 30–40-е гг. XX в.

Единственный на сегодняшний день источник новой информации о средневековом городе — его культурный слой. Профессиональные археологические раскопки ведутся в Твери относительно недавно. Тем не менее, в 90-е годы она стала одним из наиболее активно исследуемых городов России (Лапшин 2001б). В 1993–1997 гг. совместной экспедицией Института истории материальной культуры Российской академии наук и Тверского музея были проведены широкомасштабные раскопки на площади 1400 кв. м и впервые был раскрыт целый квартал средневековой Твери с сохранившимися следами улиц и усадеб. На раскопе были взяты 646 образцов дерева, для 351 удалось получить дендродаты. Средневековая часть образцов датируется в интервале 1271–1439 гг. Дарированы 53 сооружения (срубы, мостовые, настилы, частоколы, колодцы). Материалы раскопа послужили основой для разработки дендрохронологической шкалы Твери (Черных, Карпухин 2001; 2004). На основе дендродат, стратиграфических и планиграфических наблюдений выделены 11 средневековых строительных горизонтов с несколькими усадьбами в каждом из них (Лапшин 2001в).

Изменения топографии застройки Тверского кремля, прослеженные в раскопе 1993–1997 гг. сводятся к следующему: застройка в восточной части Тверского кремля возникает в конце XIII в.; границы усадеб оформляются на рубеже XIII и XIV вв.; весь XIV в. характеризуется частой сменой планировки, размеров и количества усадеб; на рубеже XIV–XV вв. происходит стабилизация застройки, выразившаяся в преемственности территории усадеб и появления мощения улиц (Лапшин 2001а: 223).

Распределение находок по территориям усадеб позволяет выявить их специфику. Для сопоставления были выбраны несколько социально значимых категорий: следы мастерских, восточные и западные импорты, оружие, доспех и снаряжение коня, берестяные грамоты и предметы с надписями, а также костяные и вислые свинцовые печати, предметы из золота (таблица).

Прослеживается корреляция восточных и западных импортов, посуды из стекла русской рецептуры и оружия и амуниции воина-всадника. Бросается в глаза отсутствие корреляции между берестяными грамотами и другими предметами с надписями. Наиболее полным набором социально значимых признаков обладают усадьбы 6-А и 5-А. Они выделяются и своими размерами и количеством построек (не менее 7 и 10 соответственно). Усадьба 6-А (1333–1364 гг.) занимает территорию двух усадеб предшествующего времени — 7-А и 7-Б. Сменившая её усадьба 5-А (1364–1385 гг.) ещё более расширяется, занимая уже три усадебных участка. На территории этих двух усадеб был найден наиболее полный и многочисленный набор репрезентативных находок — импортов и оружия. На усадьбе 5-А, по сравнению с усадьбой 6-А появляются новые категории находок — две костяные печати-матрицы, предметы с надписями и золотой энколпион.

Еще одна особенность выделенных усадеб — рацион их обитателей. На усадьбе 5-А наблюдается максимальная для раскопа концентрация костей животных, а усадьба 6-А выделяется концентрацией костей белуги и относительно высоким содержанием костей диких животных, что указывает на занятия охотой — спортом феодалов (Лапшин 2001а: 224–225).

Остановимся подробнее на некоторых находках. На первой из двух печатей (рис. 1, *1*) вырезано изображение архангела очень редкой иконографии — не только без обычных атрибутов (сферы, посоха, меча, лабарума), но и без рук. Такая иконография не имеет аналогов на других костяных печатях, она была неизвестна также в древнерусской иконописи и прикладном искусстве. Единственной аналогией являются изображения на группе свинцовых вислых печатей Михаила Ярославича Тверского периода его княжения в Новгороде (1304/1305–1318) и его сына Дмитрия Михайловича (1322–1325) (Янин 1970, II: 13–14, № 396–398, 400, 404). Не исключено, что образцом для столь нетрадиционной иконографии патронального святого Михаила Ярославича могла быть, например, принадлежавшая тверскому княжескому дому и не дошедшая до нас икона с изображением архангела Михаила. Печать попала в землю только около 1385 года, т. е. при Михаиле Александровиче, внуке Михаила Ярославича. Возможно, при изготовлении печати Михаила Александровича в качестве образца была использована новгородская печать его деда-тезки, но скорее можно предположить, что нетрадиционное изображение архангела Михаила к этому времени уже стало родовым знаком тверских князей. Во всяком случае, сюжет получил дальнейшее развитие в тверском прикладном искусстве, что видно на примере рельефных изображений на тверской поливной керамике XV в. (Лапшин 1997).

На второй печати (рис. 1, *2*) вырезано изображение кошачьего хищника. За этим типом изображения закрепилось название «лютый зверь» — по надписям на некоторых новгородских печатях — «а се лютъ зверь» (Клейненберг 1969). Близкие тверской печати изображения известны на тверских пулах (Гайдуков 1993) и печати из Болгара (Полубояринова 1983), а также на тверской рельефной керамике XV в.

Таблица. Распределения некоторых категорий находок по территориям усадеб

Находки	Усадьба									
	1–2-А	1-А	2-Б	3-А	3–4-Б	4-А	5-А	5-Б	6-А	6-Б
Мастерские: бронзолитейная							+			
костерезная									+	
кожевенная	+					+			+	
Восточные импорты: кашинная керамика		3	9	12	3	12	26	6	11	
сиро-египетское стекло		2		2	8	1	35		35	1
Западные импорты			1	1	1	1	2		3	
Русское стекло							6		9	2
Оружие				1	2	1	4		1	1
Доспех				1		1	3			
Снаряжение коня	1				1	4	6		2	
Берестяные грамоты										
Предметы с надписями							5			1
Золотой энколпион							1			
Золото (бусина, проволока)									1	
Костяные печати							2			
Вислая печать					1					
Максимальная насыщенность костями:							+			
- в т. ч. белуги									+	
- в т. ч. диких животных									+	

Находки	Усадьба											
	6а-В	7-А	7-Б	7-В	7-Г	8-А	8-Б	8-В	8-Г	8-Д	9	10
Мастерские: бронзолитейная								+				
костерезная			+									+
кожевенная				+	+							
Восточные импорты: кашинная керамика	1	5									1	
сиро-египетское стекло	2		3	2		1	2	5			4	
Западные импорты			1	1			1					
Русское стекло	2	6		1		1		4			1	
Оружие	1	3	1			1	1		1		1	
Доспех	1				1							2
Снаряжение коня	3	3					1		1	1		
Берестяные грамоты	2		1									
Предметы с надписями		1										
Золотой энколпион												
Золото (бусина, проволока)		1										
Костяные печати												
Вислая печать												
Максимальная насыщенность костями:												
- в т. ч. белуги												
- в т. ч. диких животных		+										

Костяные печати указывают на принадлежность усадьбы одному из высших чиновников великокняжеской администрации. На очень высокий статус владельца усадьбы указывает и находка золотого энколпиона (рис. 1, *3*). Он мог принадлежать только представителю светской или духовной элиты. В духовных грамотах великих и удельных князей золотые наперстные кресты на цепи выделяются особо и передаются старшему сыну, наряду с «отчиной» (ДДГ: 16, № 4). В текстах ряда завещаний на первом месте стоит крест, после него уже «отчина» (ДДГ: 249, № 71; 345–346, № 86). Со временем московские великие князья могли завещать по золотому кресту всем сыновьям (ДДГ: 197, № 61; 362, № 89), при этом каждый крест имел свое имя, особую историю и судьбу: «крест золот, что мя благословила моя мати, великая княгини, коли есмь шол к своеи отчине, к Великому Новугороду» (ДДГ: 197). Князь Волоцкий Федор Борисович, оставляя беременную княгиню, оговаривает в духовной, что если родится сын, ему передается крест, «чем мя благословил брат мой князь Иван Борисович», а если дочь — крест, «чем мя благословила мати моя» (ДДГ: 408).

Последнее заставляет вспомнить предположение В. С. Борзаковского, что в великокняжеский период в Твери были служилые князья из числа бывших удельных. Под 1375 г. упоминаются во множественном числе князья в Твери, во время её осады Дмитрием Донским (Борзаковский 1994: 229).

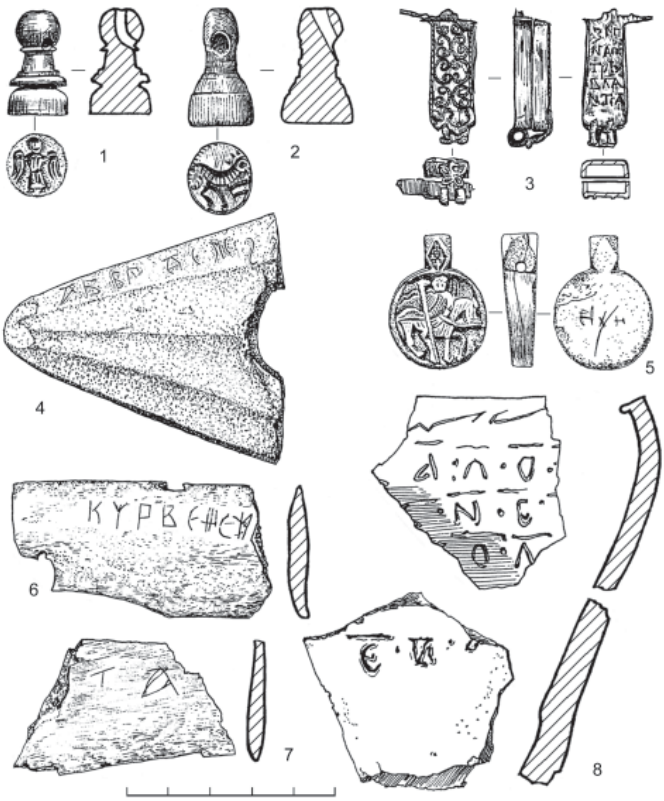


Рис. 1. Раскоп Тверской кремль-11. Находки из комплексов усадеб 6-А (1333–1364 гг.) и 5-А (1364–1385 гг.). *4* — усадьба 6-А, *1–3*, *5–8* — усадьба 5-А:
1, *2*, *6*, *7* — кость;
3 — золото;
4, *5* — камень;
8 — керамика

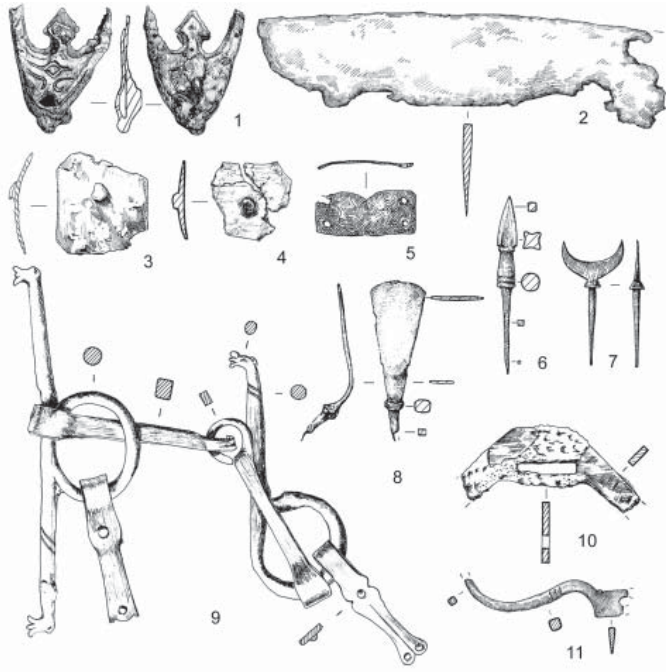


Рис. 2. Находки из комплексов усадеб 6-А и 5-А.
1, *10* — усадьба 6-А, *2–9*, *11* — усадьба 5-А:
1 — цветной металл; *2–11* — железо

Характерна концентрация предметов с надписями именно на усадьбе 5-А (рис. 1, *4–8*). Ругательство, небрежно нацарапанное на обломке кости (рис. 1, *6*; см.: Рождественская 2001: 211), говорит о грамотности её обитателей больше, чем высокохудожественные ремесленные изделия.

Среди предметов вооружения, найденных на тверских усадьбах — фрагмент лезвия сабли (рис. 2, *2*). По ширине (3,7 см) он соответствует средней ширине клинка сабель XII–XIII и XIV–XV вв. (Кирпичников 1966а: 67; 1976: 27). Наконечник ножен (рис. 2, 1) имеет аналогии в Латвии и Литве (Корзухина 1950: 68, табл. I: 56; Kazakevicius 1992: 103, fig. 9: 6). Найдены наконечники стрел типа 87 (Медведев 1966: 82, табл. 30: 80, 28: 6) граненые пирамидальные квадратного сечения с круглой шейкой (рис. 2, *6*); типа 48 (Медведев 1966: 68–69); двурогие срезни с упором (рис. 2, *13*) и типа 66 (Медведев 1966: 75, табл. 24: 10) срезень (рис. 2, *8*). Чешуйчатый доспех представлен тремя пластинами (рис. 2, *3–5*), которые датируются XIII–XV вв. (Кирпичников 1971: 19).

Снаряжение коня и всадника представлено удилами, фрагментами стремян и шпор, подпружными пряжками, ременными накладками. Удила украшенные насечкой и объемными головками животных на псалиях (рис. 2, *9*) относятся к типу 2, по А. Н. Кирпичникову. Этот тип появляется в X в. и получает распространение в XII–XIII вв. (Кирпичников 1973: 15–16). В настоящее время это, вероятно, наиболее поздний известный образец из серии раннесредневековых удил с зооморфными навершиями псалий, генетически связанных с металлическими псалиями эпохи Великого переселения народов (Ахмедов 2002: 23, рис. 1, *5*) и костяными псалиями эпохи викингов (Кулаков

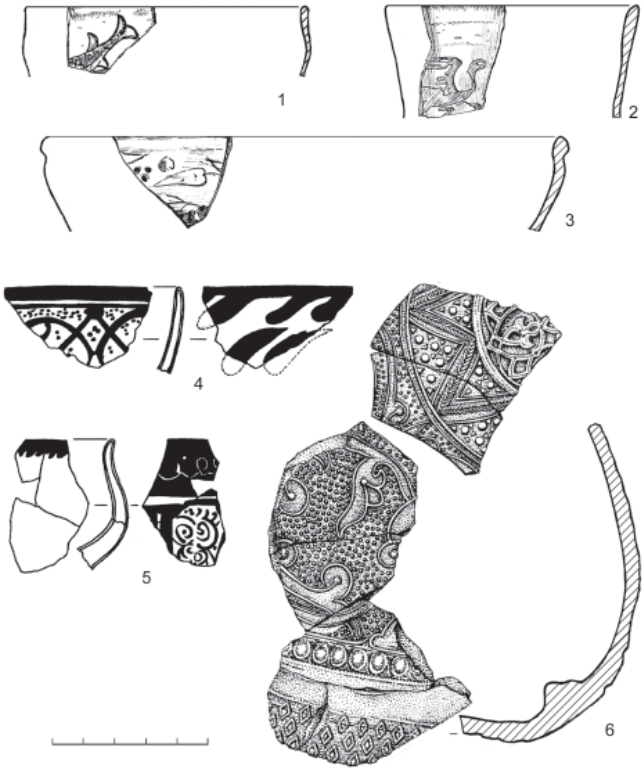


Рис. 3. Находки из комплексов усадеб 6-А и 5-А. *2*, *3*, *6–10* — усадьба 6-А, *1*, *4*, *5* — усадьба 5-А:
1 — позолоченное серебро;
2 — свинцово-оловянистый сплав;
3, *6–8* — бронза;
4, *5*, *9* — железо;
10 — кожа

2004: рис. 4). Фрагмент (ушко) стремени (рис. 2, *10*) относится к типу X и датируется XII–XIV вв. (Кирпичников 1973: 54). Петля шпоры типа 7 (рис. 2, *11*) и заготовка колесика шпоры с шестью лучами типа 5 датируются первой половиной XIII–концом XV в. (Кирпичников 1973: 67–70, рис 38).

Накладки фигурные луженые орнаментированные со шпеньками, по-видимому, служили украшениями сбруи, часть из них равным образом могли быть частями поясного набора. Две фигурные накладки (рис. 3, *5*), вероятно, являются частями тройников оголовья. Подобные тройники, но бронзовые известны в домонгольское время (Кирпичников 1973: 30–31, рис. 15, табл. XII). Железные накладки в целом, по-видимому, генетически связаны с кочевническими древностями Евразии. Ближайшие аналогии части их находятся на памятниках Волжской Булгарии, в слоях как домонгольского так и золотордынского времени, где отнесены к «аскизскому кругу» древностей (Руденко 2000). Сложносоставная накладка, состоящая из трёх розеток (рис. 3, *4*) имеет аналогии на памятниках Волжской Булгарии золотоордынского времени (Руденко 2000: рис. 4, тип Д1), на территории Руси подобная накладка найдена в районе Куликова поля на Верхнем Дону на селище XIV в. Вединец 1 (Гоняный 2005: 89, рис. 8, *10*).

Выделяются тисненая орнаментированная бляшка из свинцово-оловянистого сплава (рис. 3, *2*), подобные датируются в Новгороде 1025–1382 гг. (Лесман 1990: 80, *VI. 1*), и бляшка из

позолоченного серебра (рис. 3, *1*). Интересна бронзовая накладка (рис. 3, *3*), орнамент на которой характерен для аскизской культуры Южной Сибири X–XIV вв. (Кызласов 1983: табл. IX, *55*; XXII, *22, 23*; XXVI, *48*; XXXVIII, *18, 23*). Но если аскизские оригиналы выполнены в технике аппликации серебром по железу, то тверская накладка имитирует орнамент в более простой форме — она отлита целиком из бронзы. На усадьбе 6-А найден комплекс металлических деталей сбруи состоящий из 6 железных пряжек-петлей и набора из 21 бронзовой накладки в форме розеток со шпеньками и шайбочками. Здесь же найден фрагмент кожаного ремня (рис. 3, *6–10*). Орнаментация железных пряжек-петлей нарезкой по краю характерна для аскизской культуры (Кызласов 1983: табл. XIV, *24, 28, 29*; XXXIII, *4, 5*). Аналогия бронзовым накладкам-розеткам имеется среди византийских поясных украшений XIV в. (Fingerlin 1971: 90, Abb. 155).

Восточные импорты, попадавшие на Русь из Золотой Орды или через неё, представлены в Тверском кремле двумя категориями — стеклянной и кашинной посудой. Наибольшая из концентрация наблюдается на усадьбах 6-А и 5-А (таблица). Натриевое стекло, орнаментированное цветными эмалями и позолотой происходит из одного из сиро-египетских ремесленных центров и датируется XIII–XIV вв. (Lamm 1929–1930). В Тверь стекло попадало, очевидно, из Золотой Орды, которая поддерживала с Египтом дипломатические и торговые отношения (Закиров 1966). По технике орнаментации выделяются несколько групп. Количественно преобладают фрагменты с росписью цветными эмалями и позолотой. Геометризованное изображение рыбы (рис. 4, *1*) часто встречаются на изделиях из сиро-египетского стекла. Они появляются в конце XII в. и особенно были популярны в пределах так наз. “дамасской” группы датируемой 1250–1310 гг. (Lamm 1929: Taf. 95: *15, 19, 20*; 100: *9, 10, 15*; 113: *12, 22, 23*; 116: *16*; 117: *2, 23*; 118: *27*; 119: *7, 18*; 123: *9, 12, 22*; 124: *1*; 131: *14*; 136: *16*; 142: *5, 7, 15, 16*; 143: *14–24*; 144: *1–4, 16–20*; 147: *1*; 148: *17–21*; 149: *10, 12–16*; 151: *14–17*; 152: *10–13*; 153: *1–10*; 157). Вторым популярным мотивом были изображения летящей птицы (рис. 4, *2*). В Египте он встречается на изделиях XIII — начала XIV в. (Lamm 1929: Taf. 120: *10–12, 15–17, 22*; 122: *1*; 126: *3*; 133: *14, 19*; 154: *4*). Преобладают фрагменты двух категорий посуды: стаканы (или бокалы) и горлышки бутылок. Другие категории сиро-египетской стеклянной посуды в Твери не представлены.

Большая часть кашинной керамики представлена образцами характерными для городов Золотой Орды XIV в. Но с усадьбой 5-А связана и уникальная находка фрагментов четырёх кашинных сосудов с росписью люстром, изготовленных в Иране в последней трети XII — первой трети XIII в. (рис. 4, *4, 5*). По гипотезе В. Ю. Коваля, такую керамику мог привести в Тверь золотоордынский аристократ, купивший или получивший её в подарок в Иране, где только и могла храниться более 100 лет после изготовления эта раритетная и очень дорогая посуда (Коваль 2009).

Время функционирования усадеб приходится на два важных периода в истории Тверского княжества. Усадьба 6-А (1333–1364 гг.) существовала в период возникновения великого княжества

Тверского — по Э. Клюгу в 1339–1368 гг. (Клюг 1994: 153–193), когда должна была формироваться великокняжеская администрация. Время жизни на усадьбе 5-А (1364–1385 гг.) приходится на первую половину княжения Михаила Александровича (1368–1399 гг.). Хотя в целом тридцатилетнее правление князя характеризуется как время «укрепления политической независимости Твери» (Клюг 1994: 233–253), начало его было весьма неспокойным. В 1368 г. Михаил Александрович был вынужден бежать от войск Дмитрия Московского в Литву. Вернувшись в Тверь, благодаря походу Ольгерда на Москву, в 1369 г. он строит новые оборонительные сооружения. В 1370 г. вновь бежит от московских войск в Литву. В его отсутствие татарские послы привезли в Тверь ярлык на великое княжение Тверское. В итоге Тверь оказалась без верховной власти: Михаил Александрович находился в изгнании, а его двоюродный брат и конкурент, поддерживаемый Москвой — Михаил Васильевич Кашинский не мог стать правителем Твери без татарского ярлыка. В 1370

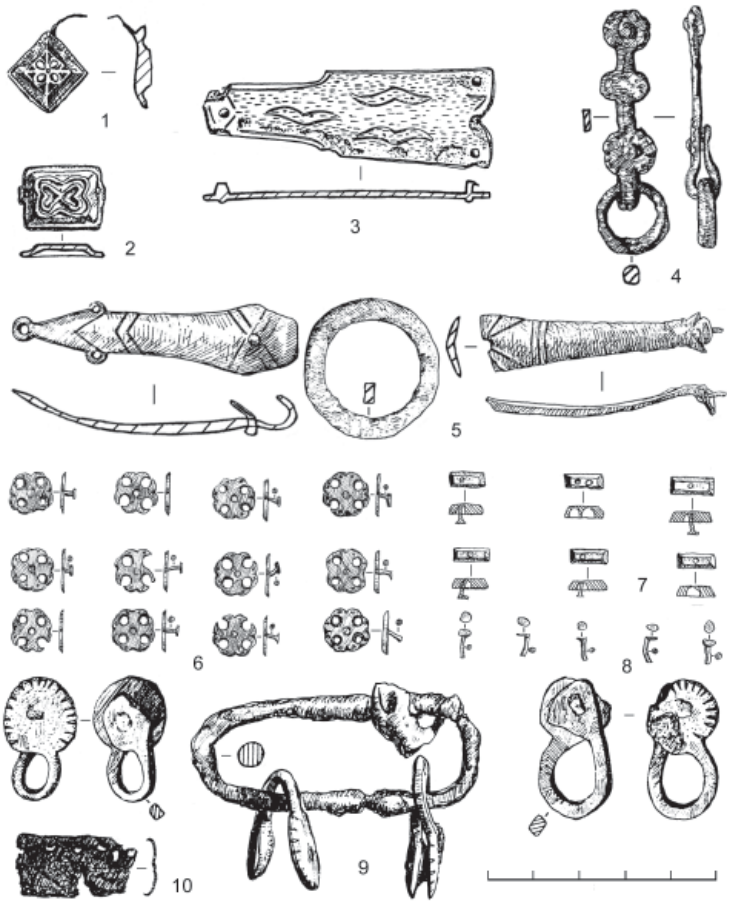


Рис. 4. Находки из комплексов усадеб 6-А и 5-А. *2* — усадьба 6-А, *1*, *3–6* — усадьба 5-А:
1–3 — бесцветное стекло с росписью золотом и цветными эмалями; *4*, *5* — кашинная керамика с росписью люстром; *6* — колыбная керамика

и 1371 гг. Михаил Александрович дважды получал в Орде ярлык на великое владимирское княжение, но не смог получить реальную власть. В 1372 г. Михаил участвует в походе литовцев на Москву. В 1375 г. московские войска осадили Тверь и Михаил попросил мира (Клюг 1994: 195–212). Таким образом в первые семь лет своего правления Михаил почти не бывал в Твери. В этот период должна была укрепиться реальная власть чиновника, замещавшего великого князя в Твери. В частности, он должен был регулярно собирать татарский «выход».

Кажется, предположение В. Ю. Коваля можно конкретизировать. В интересующий нас период татарские послы приезжали в Тверь дважды: в 1370 и 1375 гг. (Клюг 1994: 198, 211). Для нас особенно интересен первый случай. В 1370 г. татарские послы Каптагай и Тюзак привезли в Тверь ярлык на великое тверское княжение Михаилу Александровичу, но не застали его — он бежал от московских войск в Литву (РЛ: 92). В этих условиях татарских послов должен был принимать глава администрации князя. Соблазнительно связать находки люстровой посуды, а также колыбной приседельной фляги (рис. 4, *6*) с пребыванием на усадьбе татарских послов.

Усадьба погибла в пожаре около 1385 г. Соответствующего летописного известия нет. Расхождения между дендродатами строительных горизонтов (верхняя их граница определяется порубочной датой наиболее ранней постройки вышележащего горизонта) и известными летописными датами пожаров составляют от 1 до 5 лет (Лапшин 2001а: 222). На 1377–1382 (6885–6890) гг. приходится лакуна в тверском летописании (Малыгин 2001: 81). Возможно, на неё приходится и данный пожар. Во всяком случае, в 1386/1387 г. в Твери были сооружены дополнительные укрепления (Ник: 93). Обычно, всякого рода перестройки и перепланировки производились после пожаров. На то, что это был не рядовой пожар, указывает находка в нём нижней части золотого энколпиона (рис. 1, *3*). Судя по обстоятельствам находки (нижние части створок вместе, верхняя часть отсутствует), крест был разрублен на груди его владельца.

Кем был этот высокопоставленный княжеский чиновник, мы никогда не узнаем. Позволим себе осторожное предположение, что таковым мог быть тверской тысяцкий. Известно, что представители боярского рода Шетневых многократно занимали этот пост, по-видимому, он сохранялся в этом роде и переходил от отца к сыну. Первый из рода ставший тысяцким — Михаил Шетен приходился внуком черниговскому боярину Федору, погибшему в Орде в 1246 г. (Борзаковский 1994: 224–225). Н. Н. Воронин связывает с Михаилом Шетневым род Борисовичей, известный по писцовым книгам XVI–XVII вв. Его представители стали героями «Песне о Щелкане», отражающей события 1327 г. (Воронин 1944).

На вторую, более спокойную часть правления Михаила Александровича приходится существование горизонта 4 (1386–1400 гг.). Участок подвергся коренной перепланировке: на месте усадьбы 5-А возникла улица, разделявшая две небольшие усадьбы. С этого времени планировка в этой части Тверского кремля стабилизировалась.

Литература

1. *Ахмедов 2002* — Ахмедов И. Р. Детали конского убора с зооморфным декором в гуннское и постгуннское время // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Тр. ГИМ. № 135. М. 2002.

2. *Борзаковский 1994* — Борзаковский В. С. История Тверского княжества. Тверь. 1994.

3. *Воронин 1944* — Воронин Н. Н. «Песня о Щелкане» и тверское восстание 1327 г. // Исторический журнал. № 9. 1944.

4. *Гайдуков 1993* — Гайдуков П. Г. Медные русские монеты конца XIV–XVI веков. М. 1993.

5. *Гоняный 2005* — Гоняный М. И. Тюркские элементы в материальной культуре древнерусских поселений конца XII — третьей четверти XIV в. района Куликова поля (на примере украшений ременной гарнитуры) // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М. 2005.

6. *ДДГ* — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л. 1950.

7. *Закиров 1966* — Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М. 1966.

8. *Кирпичников 1966а* — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. // САИ. Е1–36. М.; Л. 1966.

9. *Кирпичников 1971* — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. // САИ. Е1–36. Л. 1971.

10. *Кирпичников 1973* — Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1–36. Л. 1973.

11. *Кирпичников 1976* — Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л. 1976.

12. *Клейненберг 1969* — Клейненберг И. Э. «Лютый зверь» на печатях Великого Новгорода XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. II. Л. 1969.

13. *Клюг 1994* — Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь. 1994.

14. *Коваль 2009* — Коваль В. Ю. Керамика Востока в Тверском Кремле // Лапшин В. А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993–1997 гг.). СПб. 2009 (в печати)

15. *Корзухина 1950* — Корзухина Г. Ф. Из истории древнерусского оружия XI в. // СА. № XIII. 1950.

16. *Кулаков 2004* — Кулаков В. И. Зооморфные роговые навершия эпохи викингов в Пруссии и на Руси // КСИА. № 216. 2004.

17. *Кызласов 1983* — Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // САИ. Е3–18. М. 1983.

18. *Лапшин 1997* — Лапшин В. А. Костяная печать-матрица из раскопок в Твери // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти В. Д. Белецкого (1919–1998). Т. I. СПб; Псков. 1997.

19. *Лапшин 2001а* — Лапшин В. А. Вместо заключения (комментарий археолога) // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. СПб. 2001.

20. *Лапшин 2001б* — Лапшин В. А. История археологического изучения Тверского кремля и обзор источников // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. СПб. 2001.

21. *Лапшин 2001в* — Лапшин В. А. Строительные горизонты раскопа Тверской кремль-11 // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. СПб. 2001.

22. *Лесман 1990* — Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М. 1990.

23. *Малыгин 2001* — Малыгин П. Д. Средневековые письменные источники о топографии Твери // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. СПб. 2001.

24. *Медведев 1966* — Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. Е1–36. М. 1966.

25. *Полубояринова 1983* — Полубояринова М. Д. Две костяные печати из Болгара // КСИА. № 175. 1983.

26. *Ник.* — Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. Т. XI. СПб. 1897.

27. *РЛ* — Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. XV.1. Пгр. 1922.

28. *Рождественская 2001* — Рождественская Т. В. Надписи на предметах // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. СПб. 2001.

29. *Руденко 2000* — Руденко К. А. Датировка находок «аскизского круга» из Волжской Булгарии // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань. 2000.

30. *Черных, Карпухин 2001* — Черных Н. Б., Карпухин А. А. Результаты дендрохронологического исследования дерева построек из раскопа Тверской кремль-11 // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. СПб. 2001.

31. *Черных, Карпухин 2004* — Черных Н. Б., Карпухин А. А. Абсолютная дендрохронологическая шкала Твери XI — начала XX вв. // РА. № 3. 2004.

32. *Янин 1970* — Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. II. М. 1970.

33. *Fingerlin 1971* — Fingerlin E. Gurtel des honen und spaten Mittelalters // Kunstwissenschaftliche Studien. Bd. XLVI. 1971.

34. *Kazakevicius 1992* — Kazakevicius V. Sword chapes from Lithuania // Die kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im fruhen Mittelalter. Internationale Konferens 23–25 Oktober 1990. Riga. Studia Baltica Stockholmiensia. 9. Uppsala. 1992.

35. *Lamm 1929–1930* — Lamm C. J. Mittelalterliche Glasser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten. B. I. Text, B. II. Abbildungen. Berlin. 1929–1930.

Two Homesteads of the 14th century in the Tver Kremlin

V.A. Lapshin

In the course of archaeological excavations of 1993–1997 in the Tver Kremlin, two homesteads were investigated which were notable for their dimensions and the richness of the finds: oriental and western imports, tableware of Russian glass, weaponry and armament of mounted warriors. Homestead 6-A (1333–1364) occupied the territory of two homesteads of the precedent period — 7-A and 7-Б. Homestead 5-A (1364–1385) having taken the place of 6-A was expanded even further occupying already three homestead areas. From these two homesteads, the most comprehensive and numerous assemblages of representative objects have been recovered. In homestead 5-A contrary to 6-A new categories of finds appeared — two seals-matrices of bone, objects with inscriptions and a gold encolpion. Occupation of these homesteads belongs to two important periods in the history of the Tver Principality. Homestead 6-A (1333–1364) was functioning during the period of the rise of the Grand Principality of Tver in 1339–1368. According to Ekkehard Klug, during that period the Grand Prince's administration must have been established. Occupation of homestead 5-A (1364–1385) covers the first half of the reign of Mikhail Aleksandrovich (1368–1399). Although the thirty years of that Prince's reign generally are characterized as the time "of strengthening the political independence of Tver" (E. Klug), its beginning was fairly anxious: the first seven years of his rule Mikhail almost never came to Tver. During that period, the real power of a functionary acting for the Grand Prince in Tver must have been consolidated. Possibly, it was the Tver Tysyatsky (thousandman — city governor) who held that office.

L. Leciejewicz

The Origin of Kołobrzeg in the Light of Recent Research

On the 6th International Congress of Slavic Archaeology held at Novgorod in 1996 I have presented the current problems of research into the beginning of an important early town on the southern Baltic coast, Kołobrzeg (Leciejewicz 1997) Since that time some complementary excavations and analyses were carried out as well as the detailed study of the archaeological sources obtained there has been published (Kołobrzeg 2007). Some dendrochronological data acquired for the oldest settlement levels were an approach of essential importance. I suppose the results of these investigations would be interesting for Anatolij Nikolaevič Kirpičnikov whose jubilee is being celebrated.

Since the seat of one of the bishoprics founded during the Gniezno Summit was situated in Kołobrzeg in the year 1000, its history must have a significant importance for the study of the transformations taking place in Poland at the turn of the first and second millennia. The choice of Kołobrzeg as the seat of bishop Reinbern in the year 1000 was not only dictated by its status in the organisation system of the state of Bolesław the Brave at that time. Of course, this town was a much more secure place than Wolin, lying at the mouth of the Oder, which militarily contested the primacy of the Piasts, or Gdańsk, founded on the border with the unruly Prussians. Situated in central Pomerania, Kołobrzeg gave the best possibilitiy for the development of missionary activity in the whole region between the mouths of the Oder and the Vistula. The direct land connection, along the valley of the Parsęta river and then further down along the river Gwda, on a route well documented in the following century, gave optimal contact possibilitiy with the centres of the young state and the Polish Church.

The practical rules for performing missions, observed in the early Middle Ages over all of central and northern Europe, recommended to head first to the rising commercial settlements, places of exchange and handicraft production, as well as the significant accumulations of people, that is to say, the potential early towns. The settlement at mouth of the Parsęta was precisely such an early urban site (Leciejewicz 1962).

Excavations carried out in the years 1954–1958, mainly in the area of the early medieval stronghold site in contemporary Budzistowo, are now supplemented by the relevant discoveries from the years 1996–1997. They have significantly deepened our knowledge of the formation of the early town at the mouth of the Parsęta (cf. Rębkowski 1999; Kołobrzeg 2007).

The studies by Władysław Łosiński on the hinterland of Kołobrzeg were equally important for gaining a better knowledge on this process, especially the excavations in Kędrzyno and Gołańcz Pomorska on the Dębosznica River (1959–1961), as well as in Bardy and Świelubie, a dozen kilometres up the Parsęta (1962–1974). The results of these studies have been presented in a separate monograph (Łosiński 1972; cf. recently idem 2000), but it is noteworthy to add here that the exploration of the barrow cemetery in Świelubie has given an European scope to these studies. They unearthed the structure of a marketplace settlement near the stronghold in Bardy — apparently the tribal centre in this region in the 8th–9th century — of a type well-known in the Baltic area of that time and sometimes considered as a proto-town (Łosiński 1994, 104ff.).

One should devote a few words to the natural environment in which the town at the mouth of the Parsęta was established (cf. Rębkowski 2002). It had an important influence on its shape and determined to a great extent the economic position of the centre of power.

Kołobrzeg lies in the so-called Western Pomeranian Coastal Area, on the coast of the sea. The Baltic Sea and the Parsęta flowing into it there have constituted for many centuries the most important elements of the natural landscape. The lower part of the Parsęta valley, which concerns us here, 4–5 km in length from the sea coast, may be divided into two sections: a deep steep-sided valley and the mouth. In the former situated approximately between the villages of Zieleniewo and Budzistowo, the river cuts through the moraine upland. The other section on the other hand, between the sea coast and the northern boundary of Budzistowo, is characterised — especially on the right bank — by a wide, boggy depression, being the remainder of the proglacial stream valley of the river, forming its present flood plain.

Among the particular landscape traits in the vicinity of the Parsęta estuary there are salt springs. Natural springs of saline water occur in this area within the flood plain of the Parsęta, and are the result of the dissolution of salt deposits by the underground waters. The greatest concentration of the saline springs, and where the content of NaCl was highest, reaching 7.5 %, was located in the northern part of the so-called "Solna (Salt) Island", lying between the two arms of the Parsęta's lower course as well as on the right bank of the river, in a place formerly called "Zillenberg". These are areas filled with the river's silt, in the Middle Ages probably difficult to access and impossible to permanently settle. The present ground level oscillates here between 1–4 m above sea level but the observations performed in building trenches and the results of the excavations carried out in 1958 prove that this level was originally much lower — the thickness of the cultural accumulations, grown mainly in the modern period, reaches 3 m on Solna Island (Kołobrzeg 2007:171–175).

Traces of settlement from the 6th–7th century have been found on Solna Island, called in the Middle Ages Mons Salis, Salzberg. Taking under consideration the characteristics of the natural landscape at that time, we can link this with a great probability to the exploitation of the salt springs. Loose finds of ceramics from the 6th–7th century were also discovered during construction works on the right bank of the Parsęta, in the area called in the Middle Ages "Zillenberg"; this name had been in-

terpreted already as originating from the Slavonic etymological root "solny" ("salt"). Additionally, trace of settlement of this period has been recently discovered in the chartered town area, in the shape of a sunken-floored hut with early Slav ceramics (Rębkowski 1999).

Settlement traces were thus originally limited to the rather inconvenient zone of the floodplain of the Parsęta — an area exposed to frequent inundations. Better conditions were found on the eminences of the ground moraine, lying approximately 4 km from the contemporary mouth of the river, in the area of Zieleniewo and Budzistowo. The valley narrowed there, creating convenient conditions for a ford. Excavation works in Budzistowo have unearthed the remains of settlement, which could be dated to the 8th century, or to the 9th century. It is, however, difficult to say more about this early outpost. The central tribal site was at that time — judging from the size of the defensive edifices and the existence of the market — the stronghold in Bardy, situated approximately 10 km in a straight line to the southeast. The fortified centre closest to the settlement in Kołobrzeg was located on the other bank of the Parsęta, approximately 5 km upstream, in Rościęcino; unfortunately, we do not know much about its function.

This situation changed diametrically at the time of the erection in the area of contemporary Budzistowo of a stronghold encircled with a wooden-earthen rampart (Leciejewicz 2005). Until recently, on the basis of the discovered ceramics rather well-dated in this area thanks to finds of Arab dirhams at Kędrzyno and Bardy, we have assumed that it was established in the middle of the 9th century. The trench dug in 1997 as part of the research grant of the Committee for Scientific Research was intended to provide wood samples for further dendrochronological analyses by Tomasz Ważny, which allowed more precise dating. The settlement layers adjoined to the rampart turned out to be later than we assumed by 20–30 years: the erection of the stronghold should be dated to the end of the 9th century. Further analyses by Mieczysław Krąpiec confirm this chronology. The samples were taken from two, very well shaped planks, which were derived from trees cut down c. 880. This could allow us to connect the creation of the stronghold to the abandoning of the centre in Bardy, which, in the light of the imports and chronology of the adjoined burial ground in Świelubie, must have been active during the whole 9th century, until its end (Łosiński 1972; 2000).

The new stronghold in Budzistowo occupied, it would seem, an area of approximately 1 ha. In the excavated section, the interior was built-up with wooden huts of wattle construction and only occasionally with log construction. The dendrochronological analyses allow to date the successive second and third construction phase to the years after 917 and after 927–928, with a possible tolerance of 7 years. The domination of the wattle construction seems astonishing; at the same time in Szczecin and slightly later in Gdańsk, log construction huts were commonly in use, while in Wolin there were post-frame constructions. It is possible that the vicinity of Kołobrzeg, because of the constant, intensive exploitation of wood as a fuel for the salt-works, was already largely deforested and that timber, as a deficit good, had to be imported from a considerable distance. It is noteworthy that in the 12th century we hear of timber floating on the rivers Radew and the Parsęta.

The archaeological finds indicate that inhabitants of the stronghold had been engaged in fishing. Remains of herring constituted not less than 93.4 % of all ichthyological remnants in the oldest cultural deposits (Kołobrzeg 2007:195). This quantity is specially noteworthy because only very few herring remains have been registered in the cultural layers related to the pre-stronghold settlement as well as on the Salt Island (analysis of Daniel Makowiecki). Was then an appearing of shoals of herring one of the reasons of intensification of production of salt used to fish-preserving, what afterwards resulted in shifting the main centre of the region north, to the vicinity of the estuary of the Parsęta River? (cf. Leciejewicz 2007).

Working of iron, antler and amber was witnessed already in the oldest cultural deposits of the stronghold (Kołobrzeg 2007:187–197). In the first half of the 10th century, between one of the buildings and the rampart, there was a workshop producing antler combs and comb cases as well as amber beads and pendants. An analogical comb to one of the discovered here was found in the burial ground in Birka in central Sweden, which was formerly considered as an import. In the light of the newer studies it seems however that an itinerant or peddling handicraftsman was simply active in Kołobrzeg. A fragment of a bronze balance, a Norwegian bracelet of the same metal, beads of glass, carnelian and rock crystal confirm the maintaining of far-reaching contacts. The stronghold in Kołobrzeg gained therefore the traits of a market-handicraft centre of an early urban type.

At the turn of the 9th century, not only was the stronghold in Bardy abandoned, but also other upland defensive outposts, which could be considered as the seats of local neighbouring communities. Simultaneously, there appeared in the river valley small defensive settlements, probably the seats of the local, tribal aristocracy. The creation of the early town in Kołobrzeg was therefore the expression of a socio-economic integration and — judging from the character of the settlement transformations — probably also of the tribal organisation's political integration.

In the second half of the 10th century Pomerania was included by the Polanian duke Mieszko I into his emerging state (Historia 1972:307ff.). The small defensive sites were subsequently eliminated, only the strongholds in Kołobrzeg and in Białogard, "lying one day away" (Herbord) upstream, were preserved. In Kołobrzeg a general reconstruction of the fortifications, noted in the course of the excavations, took place. The dendrodate obtained for a beam originating probably from these renovation works could show that they were carried out perhaps after 979, probably however after 986. These dates, together with the construction details typical of the early Piast defensive constructions, as for instance the re-used oaken timber with a projecting branch stub forming a hook, allow us to connect the reconstruction of the rampart in Kołobrzeg to the strengthening by the Polish duke of his power over the Baltic Sea. At the same time, in the light of the archaeological exploration, to the north of the stronghold's fortifications behind a water course fulfilling the functions of a moat, an open settlement started to develop.

Taking under consideration these facts, it is not astonishing that Mieszko's son, Bolesław the Brave, chose precisely this place as the bishop's seat. However, as

we know, Reinbern, who would soon take the office, did not stay there long. Between 1005 and 1012 he was sent, as a member of the duke's daughter's retinue, to Rus, where he would soon be made captive and died. We do not have any information on his successor. It is possible that the leaving of Kołobrzeg by the bishop meant the collapse of the Christian mission in Pomerania.

Unfortunately, we do not have either any data which would inform us on the investments connected to the activity of Reinbern. Judging from the analogies, a cathedral should have been erected inside the stronghold. We only have a fragment of ceramic tile found in the settlement layer of the turn of the 10th and 11th centuries to confirm any project of erection of a monumental edifice (Leciejewicz 2005). The tile was decorated in a way which could support its origin as a part of the ornamentation of a more significant architectonic structure. Unfortunately, art historian Klementyna Żurowska, consulted on this matter, expressed scepticism as to the possibility of using such ceramic decorative elements in the pre-Romanesque construction style. But a stone plate found nearby as well as another one, identified in the same part of the stronghold, seem to be noteworthy in this context. However, these are only circumstantial evidence which can not forejudge whether possible building of the cathedral had been only begun or also completed.

The inhabitants of Pomerania became politically independent at the latest in the thirties of the 11th century, at a time of a crisis of the Piast monarchy. The power was taken over by the local dukes, while according to the account of Gallus Anonymous, it was this very region at the Parsęta, with Kołobrzeg and Białogard, which was the cradle of the independent Pomeranian state (Historia 1972:316ff.). However, in the twenties of the 12th century, the duke Warcisław resided already in Kamień Pomorski, located at the mouth of the Oder. The early town on the Parsęta was known then for its "sea riches" (Gallus Anonymous) and its inhabitants "as is the merchants' custom" journeyed on business matters to the Baltic islands (Herbord). At that time, at the beginning of the year 1125, Otto of Bamberg arrived in Kołobrzeg in order to perform this time a permanent Christianisation of the inhabitants.

In the light of the archaeological studies, there were no major disturbances to the development of the town at that time. In the second half of the 11th century the extent of the stronghold was significantly enlarged. Inside the stronghold, on the site of the former fortifications, metallurgic and smithing workshops were established in the 12th century. Not merely traces of production activity (slate, forged metal, slag) but also products such as spurs, made probably for the duke's stronghold retinue, were discovered. The finds document the presence of other handicrafts: bronze processing, antlers and amber products as well as the development of commercial contacts with Scandinavia, Germany and Russia. Fishing, especially sea fishing was also present. During the 10th and 11th century the settlement extended beyond the boundaries of the fortifications — there were appeared suburbia, where the production activity, such as for instance iron processing, was located. In the light of the written sources, in the 12th century some inns were active there, as well as probably a marketplace (Leciejewicz 2002a). What is more, at least two churches were erected

at that time: in 1125 the future collegiate church dedicated to the Blessed Virgin Mary, and before 1222, in the northern periphery, the church of St John the Baptist and St John the Evangelist, preserved until this day. This last church was donated to the Benedictines from Mogilno in Great Poland, who, as it seems, founded a monastic house next to it.

Because of the later intensive exploitation of the area, we cannot make any closer conclusions on the basis of archaeological observations, concerning the salt-works of that time. The written records, documents confirming grants to ecclesiastical institutions, hint however at their rapid development during the 12th and the first half of the 13th century. Among the owners of the salt-works' sheds we find the Pomeranian bishop and canons from the local collegiate church, the first western and eastern Pomeranian monasteries and even the monastery from Trzebnica in Silesia, as well as the monastery at Mogilno in Great Poland, probably yet before the town's chartering. The security of the salt-works was ensured by the castrum mari proximum, mentioned by Gallus Anonymous at the beginning of the 12th century (cf. also Schich 1998:301ff.). On the base of the later cartographic data we can locate it in the area of the contemporary town, in the neighbourhood of the intersection of Pomorska and Zwycięzców Streets, at a site levelled during the fortification works carried out in the second half of the 18th century.

That is how Kołobrzeg, even before its location according to Lübeck law, had become a sizeable settlement complex stretching along the right bank of the river Parsęta, from its mouth into the sea to the moraine eminences in the area of contemporary Budzistowo. Its core was composed of the enlarged former tribal and early Piast stronghold, which became the seat of castellans and other ducal clerks, who administered the lands in the catchment area of lower Parsęta, from Chełmska Mountain in the east, to the rivers Radew and upper Drawa in the south, as well as the Dębosznica in the west. It is possible that a ducal mint was located in the stronghold, mentioned in the first half of the 13th century, but, as confirmed by the numismatic finds, it had already functioned in the previous century. The nearby open settlements and the more distant salt-works fulfilled important economic functions. The collegiate church and St John's church as well as the chapel of St Paul, known only from a later mention, inside the ramparts, made of the town a significant centre of religious life. In total, in the area of the stronghold and the associated open settlements there could have lived approximately 2–4 thousand people. This figure would be yet increased, if we took into consideration the salt makers. It is therefore not without a reason that after the chartering of the town the complex in contemporary Budzistowo was designated as antiqua civitas, Oldenstadt, Altstadt that is to say, the Old Town, a name which was preserved until the end of the Second World War.

Archaeological research has uncovered some features of the oldest development phase of Kołobrzeg which are illegible or weakly legible in the written sources. First of all, they confirmed that the early town was created in a well-developed settlement environment, in which agriculture and animal breeding were the basis of the inhabitants' existence. Kołobrzeg had therefore a hinterland, which on one hand provided the material means necessary to live,

mainly food, on the other hand it was a receptive market for locally manufactured items or for goods imported from distant lands. The varied connections to the hinterland are confirmed by the distribution of hoards of the end of the 10th and 11th century, which formed a significant accumulation in the closest vicinity and belonged, as it seems, to the magnates residing in the stronghold on the Parsęta (Leciejewicz 2002b). The information from the 12th–13th century documents is also noteworthy. They describe the neighbouring villages which were the basis of the income of many ecclesiastical institutions.

Secondly, thanks to the archaeological discoveries, we know that similarly to other Baltic early urban settlements of that time, the main premise for economic development was commercial exchange and handicraft production by the inhabitants. In Kołobrzeg, a special place was occupied by sea fishery. It is characteristic that among the ichthyologic remnants found there, approximately 90 % represented herring remains, both in the case of the oldest layers from the end of the 9th century, as well as in the later layers up to the 12th–13th century. Some data seem to point at the fact that herring was, at least to the 11th–12th century, an important good, exported inland, to Great Poland and Silesia.

One of the necessary procedures, permitting the export of this popular fish, was its conservation e.g. through salting. We come back thus to the question of the role of the salt springs in the oldest history of Kołobrzeg. Apart from the settlement traces on Solna Island, the domination of herring among the ichthyologic remnants from the town seems to constitute archaeological confirmation of the importance that this branch of the economy had for the existence of the early town established at the mouth of the Parsęta.

The development of the oldest phases of Kołobrzeg has many common traits with the beginnings of other early urban centres in the Baltic zone. In comparison however with other known market-handicraft outposts of that region (such as Birka on Lake Mälar in central Sweden, Hedeby at the base of the Jutland peninsula on the Saxon-Danish boundary, Wolin at the mouth of the Oder), the location of Kołobrzeg offered considerably worse communication possibilities. Despite of this, it fulfilled an important economic function as a production and exchange place, not only with the closest, relatively well developed hinterland, but also with more distant lands. Kołobrzeg owed its special position to local natural resources, the saline waters from which high valued salt was produced. This was probably a decisive factor in the assumption by the stronghold here of the function of a principal tribal centre in the 10th century, becoming later a state centre, as well as an ecclesiastical centre in the year 1000. We should add that in the late Middle Ages salt production was one of the economic bases of the town chartered on the Lübeck law, located in 1255 directly near the salt-works. Kołobrzeg consequently can be included in the category of early medieval European cities, whose origins and development were connected to the obtaining of a mineral resource, coveted as an important diet component, often also as a conserving product for goods which go bad easily.

However, we also would like to stress here the function fulfilled by the early town on the Parsęta in the cultural transformations taking place one thousand years ago in this part of Europe. It became

the capital of a bishopric because it fulfilled all the conditions set in the Piast state for the newly created bishop's seats. It was a former tribal stronghold, which, thanks to its convenient location, could ensure in a most efficient way the control over the Baltic coast between the mouth of the Oder and the Vistula. It maintained its political importance later as well, being the cradle of the western Pomeranian statehood taking form in the 11th century. Reinbern's seat was located in an early urban settlement, which fulfilled not only central administrative and military functions, but had also an economic role, as a place of commercial exchange and production. As in the case of all places of this kind it was distinguished by the presence of a large population.

Unfortunately, the further political history of Pomerania did not allow Kołobrzeg to fulfill a similarly multilateral function in the culture transformation, as the role played by the other episcopal seats appointed during the Gniezno Summit: Gniezno and Poznań in Great Poland, Wrocław in Silesia and Kraków (Cracow) in Little Poland. When, more than one hundred years later, Otto of Bamberg permanently christianized the lands on both banks of lower Oder, the capital of the created diocese was located in Wolin and slightly later — in Kamień Pomorski. The town at the mouth of the Parsęta still remained, actually, an important centre, but with a secondary importance in the religious and intellectual life of the Pomeranian duchy. We should also keep in mind that the eastern area of the coastal region, subjected directly to the Polish duke Bolesław the Wry-Mouthed, was included into the diocese, the capital of which was located in the town of Włocławek in the Kujawy area. The choice of Kołobrzeg as the seat of bishop Reinbern shows, however, that important tasks were set for the town on the Parsęta by the first Piasts in a period decisive for the Christianisation of the Polish territory, at the turn of the first and second millennia, when the bases of the new socio-political and civilisation order were being formed.

Literatura

1. *Historia 1972* — Historia Pomorza. I/1. Poznań. 1972.

2. *Kołobrzeg 2007* — Kołobrzeg. Wczesne miasto nad Bałtykiem. Warszawa. 2007.

3. *Leciejewicz 1962* — Leciejewicz L. Początki nadmorskich miast na Pomorzu Zachodnim. Wrocław; Warszawa; Kraków. 1962.

4. *Leciejewicz 1997* — Leciejewicz L. Kołobrzeg — miasto pomorskie na południowym wybrzeżu Bałtyku // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. 1. М. 1997.

5. *Leciejewicz 2002a* — Leciejewicz L. Suburbium wczesnośredniowiecznego Kołobrzegu // Civitas et villa. Miasto i wieś w średniowiecznej Europie Środkowej. Wrocław; Praha. 2002.

6. *Leciejewicz 2002b* — Leciejewicz L. Kim byli właściciele skarbów ukrytych w okolicy Kołobrzegu w XI wieku? // Moneta medievalis. Warszawa. 2002.

7. *Leciejewicz 2005* — Leciejewicz L. Czy biskup Reinbern budował katedrę w Kołobrzegu? // Archaeologia Historica Polona 16/1. Toruń. 2005.

8. *Leciejewicz 2006* — Leciejewicz L. Kiedy został wzniesiony gród w Kołobrzegu? // Świat Słowian wczesnego średniowiecza. Wrocław; Szczecin. 2006.

9. *Leciejewicz 2007* — Leciejewicz L. Salz und Hering in der Entstehungsgeschichte einer Ostseestadt // Aedificatio terrae. Beiträge zur Umwelt und Siedlungsarchäologie Mitteleuropas. Rahden. Westf. 2007.

10. *Łosiński 1972* — Łosiński W. Początki wczesnośredniowiecznego osadnictwa grodowego w dorzeczu dolnej Parsęty (VII–X/XI w.). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk. 1972.

11. *Łosiński 1994* — Łosiński W. W sprawie genezy osiedli wczesnomiejskich u Słowian Nadbałtyckich // Slavia Antiqua. XXXV. 1994.

12. *Łosiński 2000* — Łosiński W. Osadnictwo plemienne w dorzeczu Parsęty we wczesnym średniowieczu // Salsa Cholbergiensis. Kołobrzeg w średniowieczu. Kołobrzeg. 2000.

13. *Rębkowski 1999* — Rębkowski M. Ślad osadnictwa wczesnośredniowiecznego // Archeologia wczesnośredniowiecznego Kołobrzegu. 4. Kołobrzeg. 1999.

14. *Rębkowski 2002* — Rębkowski M. Umwelt und Siedlungsentwicklung des mittelalterlichen Kolbergs/Kołobrzeg // Forschungen zu Mensch und Umwelt im Odergebiet in ur- und frühgeschichtlicher Zeit. Mainz am Rhein. 2002.

15. *Schich 1998* — Schich W. Die pommersche Frühstadt im 11. und frühem 12. Jahrhundert am Beispiel von Kolberg (Kołobrzeg) // Die Frühgeschichte der europäischen Stadt im 11. Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien. 1998.

Происхождение Колобжега в свете новых исследований

Л. Лециевич

Дендрохронологические данные указывают, что ранний город в Колобжеге возникает еще в конце IX в., когда приблизительно в 880 г. была воздвигнута крепость в устье реки Парсента. Особое положение города было вызвано близостью природных соляных источников. Массовый лов сельди, по-видимому, повлиял на увеличение производства соли, которая была чрезвычайно необходима для консервации рыбы. Об обработке железа, оленьего рога и янтаря свидетельствуют уже самые ранние культурные слои укрепленного поселения. Само оно было построено как центральная племенная крепость. В 1000 г. здесь было создано одно из старейших польских епископств. Колобжег становится одним из первых городов первостепенной экономической и политической важности. Упадок города вызван привилегиями 1255 г., когда центр поселения переместился ближе к морю.

Лупиненко Ю. М., Макушников О. А.

О чешуйчатом доспехе восточнославянского ратника XII–XIII вв.

(по материалам раскопок в Гомеле)

Структурное разнообразие русских доспехов X–XIII вв., определённое в работах А. Н. Кирпичникова (Кирпичников 1971: 7–21; 1976: 33–43) и А. Ф. Медведева (Медведев 1959а: 119–134; 1959б: 173–182), подтверждается обширным археологическим материалом с территории средневековой Руси. Значительное количество артефактов было обнаружено на юго-востоке Беларуси.

В 1987 г. на окольном граде летописного Гомия-Гомеля экспедиция под руководством О. А. Макушникова вскрыла остатки оружейной (слесарно-сборочного направления) мастерской конца XII — начала XIII вв. Часть ее материалов уже опубликована (Макушников 1993: 121–130; Макушников, Лупиненко 2003: 213–225; Лупиненко, Макушников 2006: 162–173). Среди находок доминируют железные пластинки от доспехов (рис. 1).

Значительное количество пластинок из мастерской, судя по системе расположения отверстий, не могут являться составляющими элементами ламеллярного доспеха (рис. 1). Так, вдоль широких сторон пластинок отсутствуют симметричные системы парных отверстий, через которые они связываются между собой в ряды. Имея ввиду, что на Руси в эпоху средневековья сосуществовали две, определённые А. Н. Кирпичниковым, основные структуры пластинчатых доспехов: ламеллярная (ременного скрепления) и чешуйчатая (Кирпичников 1971: 15–21), условно отнесём описанную выше категорию находок к структурным элементам чешуйчатого доспеха. Его особенностью является наличие мягкой основы для нашивания бронирующих элементов. Косвенно об этом свидетельствуют фрагменты обугленной толстой ткани на поверхности некоторых пластинок, раскрытых в мастерской.

В основу системного описания пластинок положена классификационная схема, предложенная В. В. Горбуновым (Горбунов 2003: 30–32). Их признаки разбиты на пять уровней: группа — разряд — отдел — тип — вариант. Группа выделяется по материалу изготовления, разряд — по структуре набора пластин в составе доспеха, отдел — характеризует систему расположения крепёжных отверстий в пластинке и их назначение, тип определяется формой пластинки, вариант уточняет пропорции пластинки и взаиморасположение отверстий (рис. 2).

Обратимся к классификации пластинок из Гомельской мастерской, ко-

торые могут относиться к чешуйчатому доспеху.

Группа I. Железные. Все пластинки изготовлены из кованого железа.

Разряд I. Чешуйчатые. Пластинки соединялись в ряды путем пришивания к мягким органическим материалам: ткани или коже. Ряды между собой крепились также посредством мягкого органического посредника.

Отдел I. С отверстиями вдоль скруглённых сторон.

Тип 1. Полукруглой формы. *Вариант А* — с 14 отверстиями, расположенными вдоль скруглённой стороны с интервалом 6–15 мм. Размеры пластинки 95×70 мм, толщина 1 мм, степень изгиба 2 мм (рис. 1, *1*). Идентифицировано 2 экз. Ближайшие аналогии: Полоцк, слой пожара середины XIII в. (Штыхов 1975: 57), Друцк, XIII–XIV вв. (Медведев 1959а: рис. 5, *1*), Новгород, XII в. (Медведев 1959а: рис. 3, *6*), Новгород, середина XIV в. (Медведев 1959а: рис. 5, *6*), Новогрудок, середина XII в. (Плавінскі 2001: мал. 5, *19*).

Тип 2. Прямоугольной формы со скруглённой узкой стороной и углами. *Вариант А* — с 15 отверстиями, расположенными вдоль скруглённой и боковых сторон с интервалом 7–15 мм. Размеры пластинки 83×63 мм, толщи-

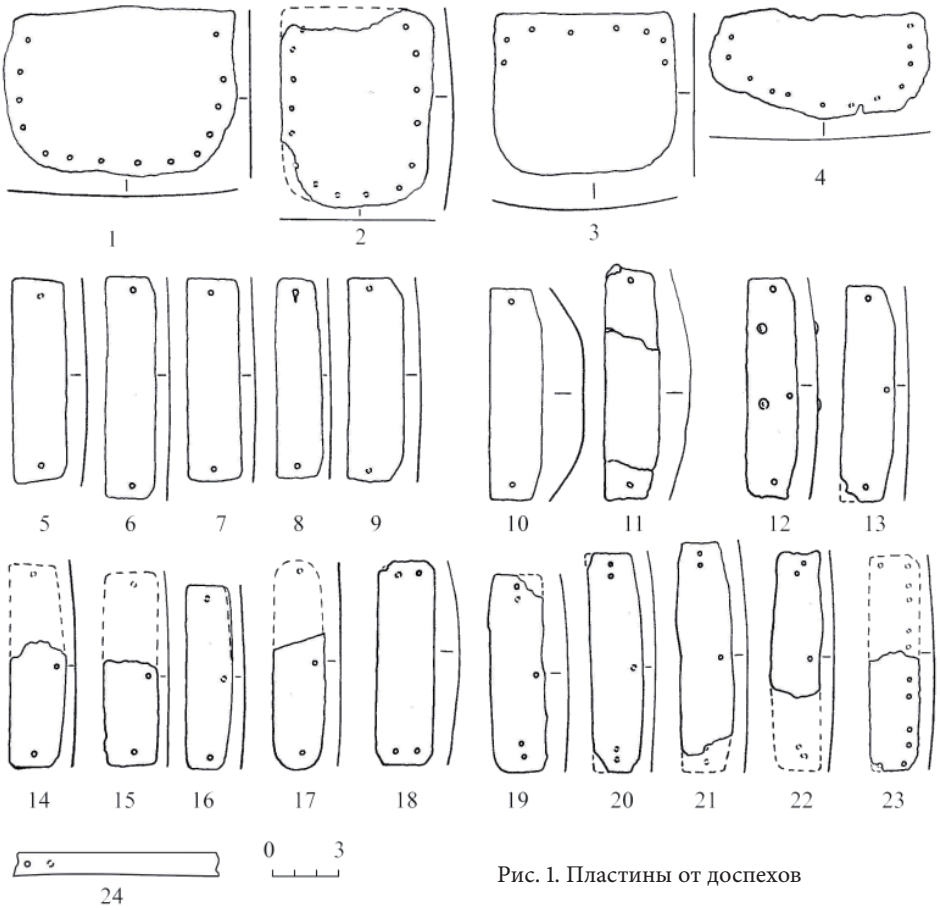


Рис. 1. Пластины от доспехов

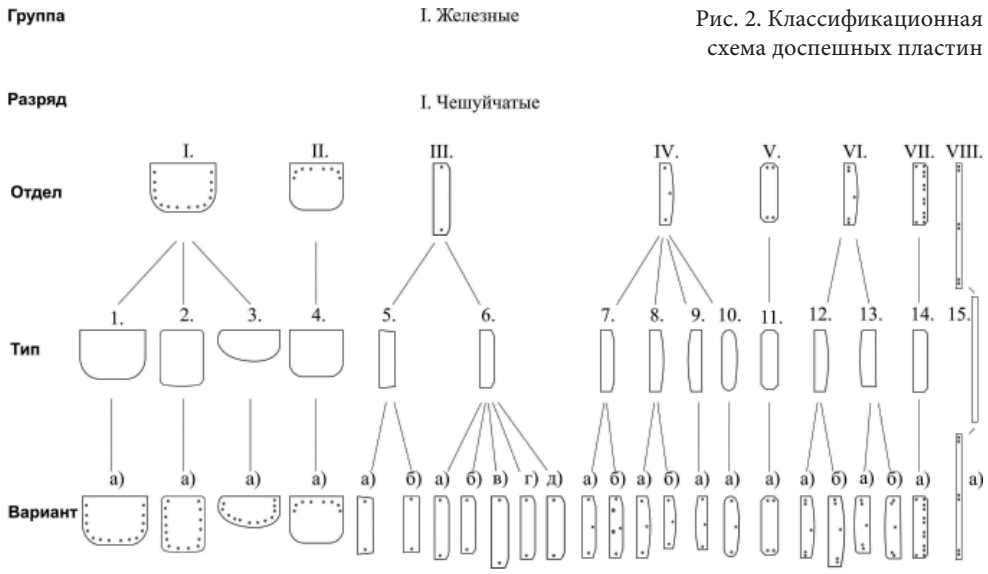


Рис. 2. Классификационная схема доспешных пластин

на 1 мм, степень изгиба 4 мм (рис. 1, *2*). Идентифицирован 1 экз.

Тип 3. Сегментовидной ассиметричной формы. *Вариант А* — с 12 отверстиями, расположенными вдоль скруглённой стороны с интервалом 6–12 мм. Размеры пластинки 90×40 мм., толщина 1 мм, степень изгиба 1,5–2,0 мм (рис. 1, *3*). 9 отверстий имеют незавальцованные заусенцы, то есть их обработка не завершена. Идентифицирован 1 экз. Ближайшая аналогия происходит из Новгорода и найдена в слое X–XII вв. (Медведев 1959а: рис. 2, *4*).

Отдел II. С одиночными отверстиями вдоль прямых сторон.

Тип 4. Прямоугольной формы, с двумя скруглёнными прилежащими к широкой стороне углам. *Вариант А* — с 8 отверстиями вдоль широкой, без скруглённых углов, и узких сторон с интервалом 6–17 мм. Размеры пластинки 74×65 мм, толщина 1 мм, степень изгиба 4 мм (рис. 1, *4*). Идентифицировано 2 экз. Ближайшие аналогии: Новгородок, середина XII в. (Плавінскі 2001: мал. 5, *20*), Новгород, середина XIV в. (Медведев 1959а: рис. 5, *7*).

Отдел III. С одиночными отверстиями напротив узких сторон. Отдалённой аналогией можно считать пластинки отдела VI группы I типа 1 (по классификации Ю. С. Худякова и А. И. Соловьёва) от нагрудников VII–VIII вв. из Забайкалья и Минусы (Худяков, Соловьёв 1987: рис. 8). Однако, значительная хронологический разброс и особенности крепления не дают оснований для вывода о заимствовании либо эволюции.

Тип 5. Четырёхугольной формы, с параллельными широкими сторонами. *Вариант А* — с узкими сторонами, скошенными по направлению друг к другу под углом 10°, имеет форму трапеции. Отверстия диаметром 2 мм расположены в 5 мм от краёв узких сторон. Размеры пластинки 83 ×23 мм, толщина 1 мм, степень изгиба 2 мм (рис. 1, *5*). Идентифицировано 24 экз. *Вариант Б* — прямоугольной формы. Отверстия

диаметром 2 мм расположены в 5 мм от краёв узких сторон. Размеры пластинки 85×22 мм, толщина 1 мм, степень изгиба 1,5 мм (рис. 1, *7*). Идентифицирован 1 экз. Ближайшая аналогия происходит из Белой Вежи и датируется X–XII вв. (Медведев 1959а: рис. 2, *3*).

Тип 6. Четырёхугольной формы, со скруглёнными концами широкой сторон. *Вариант А* — размеры пластинки 90×21 мм, ширина узкой стороны 17 мм, толщина 1 мм, степень изгиба 1 мм. Отверстия диаметром 1,5 мм расположены в 5 мм от узких сторон (рис. 1, *6*). Идентифицировано 17 экз. Ближайшие аналогии: Гольшаны, XIII — начало XIV вв. (Плавінскі 2001: мал. 6, *11*), Брест, середина XIII в. (Лысенко 1985: рис. 149). *Вариант Б* — размеры пластинки 85×20 мм, ширина узкой стороны 16 мм, толщина 1 мм, степень изгиба 1 мм. Отверстия диаметром 2 мм расположены в 5 мм от узких сторон. На одном экземпляре в месте пробивки отверстия скол металла (рис. 1, *8*). Идентифицировано более 10 экз. *Вариант В* — размеры пластинки 97×23 мм, ширина узкой стороны 19 мм, толщина 1 мм, степень изгиба 8 мм, отверстия диаметром 2 мм расположены в 5 мм от узких сторон (рис. 1, *11*). Идентифицирован 1 экз. *Вариант Г* — размеры пластинки 100×23 мм, ширина узкой стороны 17 мм, толщина 1 мм, степень изгиба 14 мм. Отверстия диаметром 2 мм расположены в 5 мм от узких сторон (рис. 1, *10*). Идентифицировано 2 экз. *Вариант Д* — размеры пластинки 85 ×24 мм, ширина узкой стороны 16 мм, толщина 1 мм, степень изгиба 2 мм (рис. 1, *9*).

Отдел IV. С одиночными отверстиями напротив узких сторон и центра одной из широких сторон.

Тип 7. Имеет шестиугольнуюой форму. Одна широкая сторона имеет трёхгранную поверхность. *Вариант А* — размеры пластинки 90×22 мм, ширина узкой стороны 16 мм, толщина 1 мм, степень изгиба 1,5 мм. Отверстия диаметром 2 мм. Расположены в 5 мм от края узких сторон и в 4 мм от края широкой стороны (рис. 1, *13*). Иденцифицировано 17 экз. Ближайшая аналогия происходит из Новгорода (Медведев 1959б: 178, рис. 17, *3*). *Вариант Б* — размеры пластинки 92×21 мм, ширина узкой стороны 16 мм, толщина 1 мм, степень изгиба 4 мм. Отверстия диаметром 3 мм расположены в 5 мм от краёв узких сторон и диаметром 2 мм в 3 мм от края трёхгранной стороны (рис. 1, *12*). В 6 мм от края ровной широкой стороны вдоль неё расположены 2 умбоновидных выступа диаметром 4 мм с интервалом в 28 мм. Расстояние от выступов до узких сторон 37 и 20 мм. Идентифицирован 1 экз.

Тип 8. Четырёхугольной формы с одной скруглённой широкой стороной. Ближайшиие аналогии: Новогрудок, середина XII в. (Плавінскі 2001: мал. 5, *9–12*). *Вариант А* — размеры пластинки 85×22 мм, ширина узкой стороны 17 мм, толщина 1 мм, степень изгиба 1,5–2 мм. Отверстия диаметром 1,5 мм расположены в 4 мм от края узких сторон и в 3 мм от широкой стороны (рис. 1, *14*). Идентифицировано 4 экз. Ближайшая аналогия происходит из Новгорода, X–XII вв. (Медведев 1959б: рис. 17, *5*, табл. 14). *Вариант Б* — размеры пластинки 76×20 мм, ширина узкой стороны 14 мм, толщина 1 мм, степень изгиба 1,5–2 мм. Отверстия диаметром 2 мм расположены в 4 мм от края узких сторон и в 3 мм от края широкой сторо-

ны (рис. 1, *16*). Один край скруглённой стороны обработан не до конца. Идентифицирован 1 экз.

Тип 9. Четырёхугольной формы. *Вариант А* — размеры пластинки 80×23 мм, толщина 1 мм, степень изгиба 1 мм. Отверстия диаметром 2 мм расположены в 6 мм от края узких сторон и в 4 мм от края широкой стороны (рис. 1, *15*).

Тип 10. Скруглены две узкие стороны и одна широкая. *Вариант А* — размеры пластинки 90×21 мм, толщина 1 мм, степень изгиба 0,5–1 мм. Отверстия диаметром 1,5 мм расположены в 5 мм от края узких сторон и в 3 мм от края широкой стороны (рис. 1, *17*). Идентифицирован 1 экз. Ближайшая аналогия происходит из Суздаля, XI в. (Седова 1997: рис. 19, *18, 19*).

Отдел V. С парными отверстиями вдоль края узких сторон.

Тип 11. Восьмиугольной формы. В изначально четырёхугольной пластинке срезаны углы. *Вариант А* — общие размеры пластинки 85×24 мм, толщина 1 мм, степень изгиба 6 мм. Отверстия диаметром 2 мм расположены в 5 мм от края узких сторон. Расстояние между отверстиями 7 мм (рис. 1, *18*). Идентифицирован 1 экз.

Отдел VI. С парными отверстиями у края узких сторон вдоль продольной оси и с одиночным отверстием напротив центра края одной из широких сторон. Аналогия (без одиночного отверстия): Золотарёвское поселение (Пензенская обл., Россия), XII–XIII вв. (Белорыбкин 2001: 135, рис. 81, *8*). На поверхности одного из спёкшихся скоплений пластинок данного отдела обнаружены обугленные фрагменты толстой ткани, похожей на плотную мешковину.

Тип 12. Четырёхугольной формы с одной скруглённой широкой стороной. *Вариант А* — размеры пластинки 90×22 мм, ширина узкой стороны 18 мм, толщина 1 мм, степень изгиба 1–1,5 мм. Отверстия диаметром 1,5 мм расположены в 5 мм от края узких сторон и в 3 мм от скруглённой широкой стороны. Расстояния между отверстиями в парах 3 мм (рис. 1, *20*). Идентифицировано 9 экз. Ближайшая аналогия происходит из Минска, последняя четверть XI в. (Загорульский 1982: 220, табл. XI, *2*). *Вариант Б* — размеры пластинки 95×22 мм, ширина узкой стороны 16 мм, толщина 1 мм, степень изгиба 2 мм. Отверстия диаметром 2 мм расположены в 3 мм от края узких сторон и в 4 мм от края широкой стороны. Расстояние между отверстиями в парах 5 мм (рис. 1, *21*). Идентифицировано свыше 33 экз.

Тип 13. Прямоугольной формы со скруглённой широкой стороной и прилежащими к ней углами. *Вариант А* — размеры пластинки 83×23 мм, толщина 1 мм, степень изгиба 2 мм. Отверстия диаметром 1,5 мм расположены в 5 мм от края узкой стороны и в 3 мм от края широкой прямой стороны. Расстояние между отверстиями в парах 5 мм (рис. 1, *19*). Идентифицировано свыше 9 экз. *Вариант Б* — размеры пластинки 90×21 мм, толщина 1 мм, степень изгиба 1,5–2 мм. Отверстия диаметром 1,5 мм расположены в 4 мм от края узких сторон и в 4 мм от края широкой прямой стороны. Расстояния между отверстиями в парах 4 мм, пары отверстий повёрнуты относительно продольной оси пластинки под углом 10° по направлению друг к другу (рис. 1, *22*). Идентифицировано 4 экз.

Отдел VII. С серией парных отверстий вдоль края широкой стороны и краёв узких сторон.

Тип 14. Прямоугольной формы со скруглёнными концами широкой стороны. *Вариант А* — размеры пластинки 90×21 мм, ширина узкой стороны 16 мм, толщина 1 мм, степень изгиба 1,5–2 мм. Отверстия диаметром 1,5 мм расположены в каждом угле пластинки в 2–3 мм от краёв и вдоль широкой стороны со скруглёнными концами четырьмя парами с интервалом 12 мм в 4 мм от края. Расстояние между отверстиями в паре 5 мм (рис. 1, *23*). Идентифицирован 1 экз.

Отдел VIII. С системой парных отверстий вдоль центральной продольной оси пластинки. Зафиксированы при полевой расчистке археологических остатков мастерской и из-за крайне плохой сохранности уцелели лишь маловыразительные фрагменты.

Тип 15. Прямоугольной формы. *Вариант А* — изначальные размеры пластинки 250–300×8–10 мм. Отверстия диаметром 1,5–2 мм расположены в 10–12 мм друг от друга (рис 1, *24*). Изначально идентифицировано более 20 целых экземпляров.

Обращает на себя внимание, что все аналогии описанным выше пластинкам обнаружены на территории Руси или в непосредственной близости от неё. Их нет в Северной и Центральной Азии VI–XIV вв. (Худяков, Соловьёв 1987: 135–163; Горелик 1993: 149–179), на Алтае III–XIV вв. (Горбунов 2003: рис. 30–33), в регионах, оказавших влияние на развитие пластинчатого доспеха на Руси (Макушников, Лупиненко 2003: 231–225; Лупненко 2006: 115–122). Отсутствуют аналогии гомельским пластинкам и среди болгарского защитного вооружения VII–XI вв. (Йотов 2004: 120–129; табл. LVII–LXV), испытывавшего, вероятно, сильное византийское влияние. Уже эти факты наталкивают на мысль о своеобразии и неоднозначности развития средневекового русского защитного вооружения.

Однако ряд факторов осложняет детальное изучение русских средневековых пластинчатых доспехов. Иконы и миниатюры XI–XIV вв., следуя церковным канонам, редко отображают реалии жизни. Летописи этого периода не заостряют внимания на описании защитного вооружения. Археология, к сожалению, пока не располагает целиком сохранившимся пластинчатым русским доспехом X–XIV вв. Фундаментальные исследования А. Н. Кирпичникова и А. Ф. Медведева, посвящённые русским доспехам X–XV вв. (Кирпичников 1971; 1976; Медведев 1959а; 1959б) дают всё же недостаточный на сегодняшний день комментарий к археологическому материалу. Поэтому, исходя из характера и информативности источников, авторы статьи предлагают метод историко-археологического моделирования в области изучения пластинчатого доспеха средневековой Руси XII–XIII вв.

Пластинки *отдела I,* несмотря на большое количество отверстий, не рассчитаны на возможность связывания между собой. Этому препятствует как нестрогая форма самих пластинок, так и неравномерно-хаотичное расстояние между отверстиями. Пластинки однозначно нашивались на основу (рис. 3, *1–4*). Вероятнее всего, пластинки отдела I являлись оторочкой нижнего края кирасы и её плечевых вырезов. Это вносило декоративный элемент в дизайн

доспеха, оживляло монотонное чередование одинаковых рядов. Наличие пластинок вокруг плечевых вырезов создавало дополнительный, подвижный защитный элемент. Такие лепестковые окантовки по нижнему краю и плечевым вырезам кирас святых воинов видны на фресках второй половины XII в. из Спасо-Мирожского монастыря в Пскове (Кирпичников 1971: рис. 18; табл. VII, *2*), на миниатюре Фёдоровского евангелия 1321–1327 гг. (Кирпичников 1971: рис. 20), на клеймах житийной иконы «Святой Георгий» начала XIV в. (Кирпичников 1971: табл. VI) (рис. 4, *1, 2*). Своё происхождение подобного рода отделка ведёт со времён поздней античности. Так, лепестковую оторочку имеет нижний край и плечевые вырезы кирасы, показанной на табличке III в. с изображением Юпитера Долихена (Толна, Венгрия, см.: Венгерский 1978: 68–69, рис. 21), статуе императора Гонория, V в. (Барлетта, Италия; см.: Кибалова, Гербенова 1987: рис. 106). Византийское искусство VI–X вв. также отображает подобный элемент: диптих Барберини VI в. и Арбавилльский триптих X в. (Париж; см.: Райс 2003: рис. 60; 78). На территории Руси самая ранняя находка пластинки отдела I датирована серединой XII в. (Плавінскі 2001: мал 5, *19*). Остаётся открытым вопрос о непрерывности существования пластинок отдела I и самой традиции лепестковой декорации на протяжении почти тысячи лет, до времени появления их на территории Руси. Главная причина этого — крайняя скудость археологических источников по защитному вооружению Византии. Возможно, пластинки отдела I появились на Руси в первой половине — середине XII в. под влиянием православной иконописной традиции. Мастера-бронники пошли навстречу представителям военной элиты Руси в их желаниях быть внешне похожими на святых воинов византийских икон. Аналогичный случай в истории оружиеведению известен. В XVII в. польская знать, считавшая себя потомками древних кочевников-сарматов, узнала о триумфальной колонне римского императора Трояна. На ней среди прочих были изображения закованных в чешуйчатую броню всадников: это были, скорее всего, сарматы. И польские оружейники получили множество заказов на защитную амуницию из железных чешуек (Горелик 1998: 60). В XIV в. лепестковая отделка плечевых вырезов появляется у западноевропейских доспехов: трёх бригандин 1361 г. из Висби (Швеция; см.: Thordeman 2001: pl. 102, 112, 132), бригандины 1395 г. из Таны (Азов; см.: Горелик, Фомичёв 1989: 73–78). Этот элемент доспехи получили, видимо, не без русского влияния.

Пластинки *отдела II* имели аналогичное пластинкам отдела I назначение. Варианты вязки пластинок отделов I и II показаны на рис. 3, *1–4*.

Пластинки *отдела III*, снабжённые всего двумя отверстиями напротив узких сторон, предусматривают возможность для формирования рядов посредством связывания между собой. Убедительным доказательством этому является находка фрагмента деревянных жалюзей XI и XIV вв. из Новгорода (Колчин 1968: 85, рис. 75), планки которых в точности повторяют форму пластинок отделов III и IV. Планки жалюзей XI в. связаны вместе двумя парами ремешков так, что перекрывают друг друга на 30 %. Учитывая то, что ремешок проходит в одно и то же отверстие

дважды, а вязка проходит только по торцевым сторонам, связывание рядов между собой не создаст подвижной и надёжной конструкции. Поэтому представляется наиболее вероятным нашивание пластинок сразу на мягкую органическую основу. Для того, чтобы ряды перекрывали друг друга на 20–30 %, основа доспеха должна быть составной, сшитой из отдельных полосок, которые перекрывают одна другую на 40–50 %. В результате разницы в перекрытии ряды пластинок имеют свободный ход, необходимый для подвижности конструкции (рис. 3, *7, 10*).

При нашивании пластинок *типа 5 отдела III* стяжки швов могут быть расположены перпендикулярно узким сторонам пластинок. Для увеличения жёсткости ряда его край, выходящий на наружную поверхность доспеха, должен быть обёрнут кожей либо тканью и прошит (рис. 3, *10*), аналогично конструкции деревянных жалюзей XIV в. Пластинки *типа 6* имеют скруглённые концы широкой стороны пластинки. Это делалось для того, чтобы при создании перекрытия пластинками друг друга, стяжки швов располагались параллельно узким сторонам пластинок и не перетирались (рис. 3, *2, 7*).

Пластинка *варианта Г типа 6* (рис. 1, *10*) имеет необычайно большую степень изгиба — 14 мм. Изгиб симметричен и имеет форму трапеции со скруглёнными углами. Столь значитель-

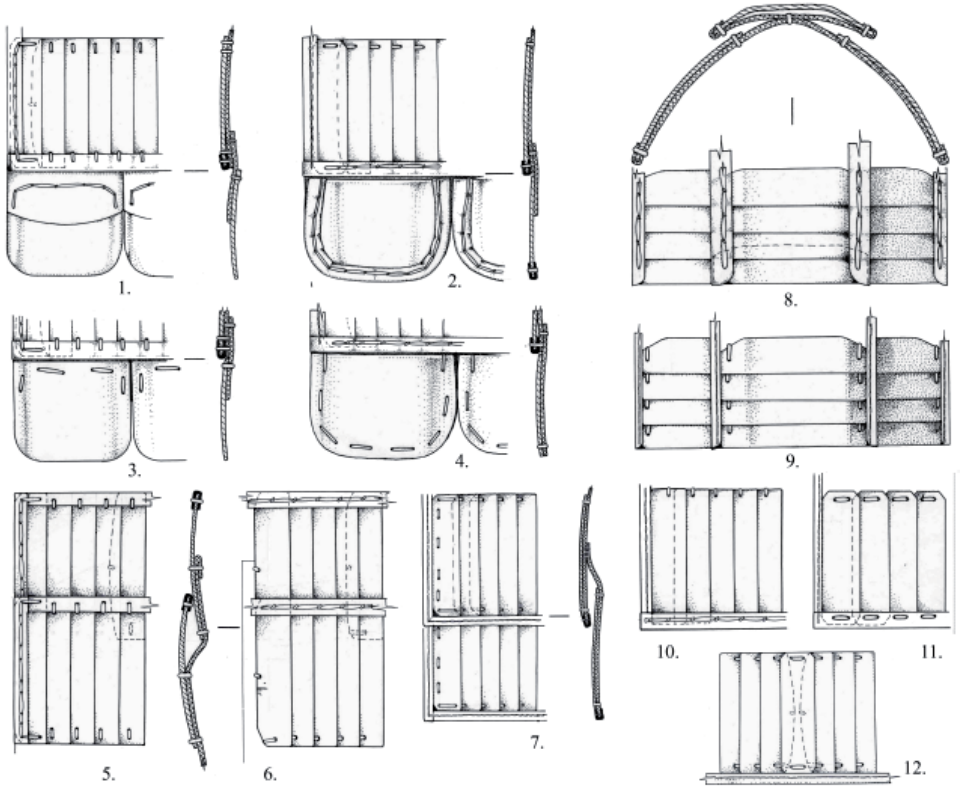


Рис. 3. Варианты структуры доспеха

Рис. 4. Изображения воинов. Первая половина XIV в.:
1, 2 — клейма иконы «Георгий в житии»; *3* — ложка Ивана Варфоломеевича

ный и симметричный изгиб позволяет предположить, что пластинка являлась составной частью чешуйчатого оплечья с горизонтальным расположением пластинок и вертикальным расположением рядов. Подобную конструкцию оплечья можно видеть на изображении воина на деревянной ложке Ивана Варфоломеевича начала XIV в. (рис. 4, *3*) из Новгорода (Колчин 1971: 69–60, табл. 46, *1*), а также на изображениях стражников (рис. 4, *1, 2*) на клеймах житийной иконы «Святой Георгий» XIV в. (Кирпичников 1971: табл. VI). Оплечье собирается из пластинок *варианта Г*, которые формируют центральный ряд, и пластинок *варианта В*, которые, будучи наиболее длинными из типа 6 (97 мм), формируют боковые ряды. Все пластинки пришиты к составной основе, что обеспечивает подвижность рядов. Края рядов могли быть с обёрткой и прошивкой либо без них, с окантовкой лишь края основы, это определялось требованиями к степени жёсткости всей конструкции (рис. 3, *8, 9*). Обрабатывались края видимо всегда, хотя бы из эстетических соображений. Схематически это и показано и на вышеупомянутых изображениях.

Пластинки *отдела IV* по способам нашивания и формирования рядов аналогичны пластинкам отдела III, но являются результатом их эволюции. Разница заключается в том, что пластинки отдела IV могут нашиваться не только на составную основу, но и на сплошную. Этому способствует третье отверстие, расположенное напротив центра одной из широких сторон. В результате ряд пластинок пришивается за один край и центр, а второй край ряда обертывается кожей либо тканью и прошивается, не соприкасаясь с основой. Соседний ряд пластинок заходит под него так, что остаётся свободной часть основы для обеспечения свободного хода рядов (рис. 3, *6*).

Пластинка *варианта А типа 7 варианта IV* имеет два умбоновидных выступа вдоль прямой широкой стороны. Это, на наш взгляд, декоративный эле-

мент. При полировке доспеха ряды выступов блестят наиболее сильно, придавая доспеху нарядный вид.

Пластинки *отдела V* могли использоваться для формирования самостоятельных рядов, но ввиду их малочисленности они могли иметь и другое назначение. Так, в ряду пластинки отделов III, IV и VI могли расходиться от центра в разные стороны. Тогда пластинка отдела V закрывала стык в центре ряда подходящих по высоте пластинок (рис. 3, *2, 11, 12*).

Пластинки *отдела VI* нашивались и формировали ряды аналогично пластинкам отдела IV. Разница заключалась лишь при пришивании краёв рядов пластинок: не через одиночные отверстия, а через парные (рис. 3, *5*).

Назначение пластинок *отдела VII* определяется находкой из Новгорода. Здесь на территории Ярославова дворища в слое XI в. обнаружены фрагменты рядов из пластинок, по большинству признаков аналогичных пластинкам отдела III нашей классификации (Медведев 1959б: рис. 17, *1–7*, 18, *1*). Отличие их лишь в том, что новгородские пластинки имеют у края одной из узких сторон парные отверстия, расположенные вдоль продольной оси, что сближает их с пластинками отдела VI. Примечательно, что один из фрагментов ряда новгородских пластинок завершён пластинкой, аналогичной гомельской пластинке отдела VII (Медведев 1959б: рис. 17, *6*). Моделирование подтвердило, что такое взаиморасположение пластинок даёт возможность надёжно прошивать торцы рядов, что придаёт доспеху аккуратный вид (рис. 3, *1, 5, 7*).

Пластинки *отдела VIII* сохранились фрагментарно. Первоначальная их длина (250–300 мм) и парные отверстия, расположенные вдоль центральной продольной оси, позволяют, посредством пришивания к жёсткой кожаной основе, собирать из них наручи и поножи шинного типа (Макушников, Лупиненко 2003: 217). Следует упомянуть о некоторых аналогичных конструкциях. В погребении № 8 в Вальсгарде (Уппланд, Швеция), раскопанном в 1936 г. и относящимся к Вендельскому периоду VII–VIII вв., обнаружены узкие и длинные пластины от наручей и поножей шинного типа в количестве 21 шт. (Cederlöf 1955: plate XX; XXII: *A, B, C*). Поножи шинного типа из продолговатых узких полос очень реалистично показаны на одной из фресок XII в. Кирилловской церкви в Киеве (Кирпичников 1971: 20; Щербаков, Дзысь 2001: 22). В контексте вышеприведённых параллелей и аналогий пластинки отдела VIII не стоят особняком, являясь чем-то нетипичным и неоднозначным — они вполне вписываются в доспешные традиции своего времени.

Таким образом, пластинки всех восьми отделов формируют защитное покрытие только посредством пришивания их к мягкой основе, создавая доспех чешуйчатой структуры.

Пластинчатый доспех оказался востребован в условиях складывания государственности у восточных славян, что способствовало его производству в регионах использования как минимум с X в. (Медведев 1959а: 126). Изготовление и применение на местах заимствованных защитных средств, как и вооружения вообще, неизбежно ведёт к творческой переработке заимствований и максимальному приспособлению их для местных условий. Это произош-

ло и с пластинчатым доспехом. Уже в XI в. в результате глубокой модернизации конструкции ламеллярных пластинок и творческого поиска русских мастеров-бронников появляются пластинки отделов III, IV и VI, рассчитанные на пришивание к основе. Расположение пластинок и рядов такое же, как и в ламеллярном доспехе, что создаёт с ним внешнее сходство без снижения защитных функций последнего.

В результате экспериментальных работ по историко-археологическому моделированию определён ряд характеристик структуры чешуйчатого доспеха:

– при нашивании пластинок на основу имеется возможность регулировать степень перекрытия пластинками и рядами пластинок друг друга (до 50 %), создавая рациональность бронирования и регулируя весовые параметры доспеха;

– края рядов пластинок оформляются двумя способами: с прошивкой основы вдоль края ряда пластинок (рис. 3, *3, 6*) и с обёрткой и прошивкой края ряда пластинок (рис. 3, *1, 2, 4, 5*). Первый способ применяется в случае придания элементу доспеха (подол, оплечья) повышенной эластичности, второй способ — для придания жёсткости (кираса);

– ряды пластинок могут перекрывать друг друга двумя способами: верхний ряд перекрывает нижний (рис. 3, *3*) и наоборот, нижний ряд перекрывает верхний (рис. 3, *3*). Первый способ наиболее подходит для изготовления подола, второй — для изготовления кирасы. Для изготовления оплечий подходят оба способа;

– ряды пластинок в элементах доспеха могут располагаться двумя способами: горизонтально и вертикально в зависимости от практической необходимости.

Распространение чешуйчатого доспеха на Руси в было вызвано рядом причин. В первую очередь, это стремление к усилению доспеха, вызванное распространением в XII в. таранного удара копьём (Кирпичников 1971: 73). Сражения XII–XIII вв. начинались с массированной перестрелки противоборствующих сторон. Затем в борьбу вступали главные силы — копейщики (Кирпичников 1971: 65–67).

Перед мастерами-бронниками встала задача максимально упростить производство пластинчатого доспеха, повысив тем самым объём выпускаемой продукции без ущерба защитным характеристикам. По справедливому замечанию Б. А. Колчина, «резкий подъём производительных сил в эпоху создания Киевского государства обеспечил достаточной технической базой бурное и стремительное развитие всей материальной культуры русского народа» (Колчин 1978: 196). Визуальное изучение спёкшихся скоплений пластинок из Гомейской мастерской показывает, что пластинки от чешуйчатого доспеха составляют около 70 % от общего их количества. Это даёт основания говорить о степени распространённости чешуйчатого доспеха в первой половине XIII в.

Созданный русскими мастерами чешуйчатый доспех оказался настолько удачным по всем параметрам, что к концу XIII в. на территории Руси он почти полностью вытесняет кольчатый (Кирпичников 1976: 33) и ламеллярный, а в XIV в. становится доминирующим (Медведев 1959б: 180).

Литература

1. *Белорыбкин 2001* — Белорыбкин Г. Н. Золотарёвское поселение. СПб. 2001.

2. *Венгерский 1978* — Венгерский Национальный музей. Ред. Ф. Фюлеп. Будапешт. 1978.

3. *Горбунов 2003* — Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I. Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул. 2003.

4. *Горелик 1993* — Горелик М. В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н. э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. 1993.

5. *Горелик 1998* — Горелик М. В. Пришедшие из небытия. // Магнум. Новый оружейный журнал. Май — июнь. М. 1998.

6. *Горелик, Фомичёв 1989* — Горелик М. В., Фомичёв Н. М. Рыцарские доспехи XIV в. из Азова // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XIV вв. Ростов — на — Дону. 1989.

7. *Загорульский 1982* — Загорульский Э. М. Возникновение Минска. Минск. 1982.

8. *Йотов 2004* — Йотов В. Въоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII–XI век). Варна. 2004.

9. *Кибалова, Гербенова 1987* — Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М. Иллюстрированная история моды. Прага. 1987.

10.*Кирпичников 1971* — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. // САИ. Е1–36. Л. 1971.

11. *Кирпичников 1976* — Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси XIII–XV вв. Л. 1976.

12. *Колчин 1968* — Колчин Б. А. Новгородские древности: Деревянные изделия // САИ. Е1–55. М. 1968.

13. *Колчин 1971* — Колчин Б. А. Новгородские древности: Резное дерево // САИ. Е1–55. М. 1971.

14. *Колчин 1978* — Колчин Б. А. Оружейное дело Древней Руси (техника производства) // Проблемы советской археологии. М. 1978.

15. *Лупиненко 2006* — Лупиненко Ю. М. Пластинчатый доспех восточных славян // Русь на перехресті світів (міжнародні впліві на формування Давньоруської держави). Чернігів. 2006.

16. *Лупиненко, Макушников 2006* — Лупиненко Ю. М., Макушников О. А., Кольчатый доспех восточнославянского ратника конца XII — начала XIII вв. (по матеріалам раскопок в Гомеле) // Материалы по археологии Беларуси. № 12. Минск. 2006.

17. *Лысенко 1985* — Лысенко П. Ф. Берестье. Минск. 1985.

18. *Макушников 1993* — Макушников О. А., Древнерусская оружейная мастерская из Гомия // Старожітності Південної Русі. Чернігів. 1993.

19. *Макушников, Лупиненко 2003* — Макушников О. А., Лупиненко Ю. М., Ламеллярный доспех восточнославянского ратника начала XIII в. (по материалам раскопок в Гомеле) // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 18. Мінск. 2003.

20. *Медведев 1959а* — Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси // СА. № 4. 1959.

21. *Медведев 1959б* — Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого // МИА. № 65. 1959.

22. *Плавінскі 2001* — Плавінскі М. А. Застерагальнае ўзбраенне IX–XIII ст. на тэрыторыі Беларусі // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 16. Мінск. 2001.

23. *Райс 2003* — Райс Д. Т. Византийцы. Наследники Рима. М. 2003.

24. *Седова 1997* — Седова М. В. Суздаль в X–XV вв. М. 1997.

25. *Худяков, Соловьёв 1987* — Худяков Ю. С., Соловьёв А. И. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск. 1987.

26. *Штыхов 1975* — Штыхов Г. В. Древний Полоцк (IX–XII вв.). Минск. 1975.

27. *Щербаков, Дзысь 2001* — Щербаков А., Дзысь И. Ледовое побоище. М. 2001.

28. *Cedelöf 1955* — Cederlöf O. The Sutton Hoo ship — burial and armour during the Vendel period // Journal of the Arms and Armour Society. Vol. I. No. 9. March. 1955.

29. *Thordeman 2001* — Thordeman B. Armour from the battle of Wisby 1361. Chivalry Bookshelf. 2001.

Scale Armour of the East-Slavic Warrior in the Late 12th – First Half of the 13th century
(Materials from Excavations in Gomel)

Yuriy Lupinenko & Oleg Makushnikov

This article presents studies of a category of lamellar armour of the Kievan Rus period — "scale" armour. The studies are based on the materials from a unique weaponry workshop excavated in Gomel and dated to the first half of the 13th century. Among the miscellaneous finds, a variety of elements of the structure of scale armour have been distinguished out and their features determined. The armour platelets found in the workshop have been summarized within a classification scheme and their parallels from Rus and neighbouring countries are presented.

Analysis of archaeological evidence gives us grounds to speak about elaboration of an original structure of scale armour on the territory of Rus in the 11th century. The armour of that type was developing in the 12th and 13th century and became the predominant one in the 14th century. It has proved possible to identify its characteristics by the method of historical and archaeological modelling. Manufacturing of scale armour is less laborious than of the lamellar one proper. The weight and protective qualities do not differ essentially for both types. That important fact allowed the armourers to increase the volumes of their production and probably to reduce its price.

Materials from the Gomel weaponry workshop not only attest the high level of handicrafts in Rus of the 12th and 13th century but also suggest that gradual unification and standardization was taking place in manufacture of military equipment.

З. А. Львова

Стеклянные бусы Любши[1]

Расположенное в двух километрах севернее Ладоги на противоположном берегу Волхова, раннесредневековое Любшанское городище не может рассматриваться иначе, как на фоне и в связи с материалами Ладожского поселения. Особенно это касается бус, поскольку многотысячная коллекция бус из раскопок Земляного городища, проанализированная в связи с распределением типов бус по горизонтам стратиграфии, является той базой, в сравнении с которой выявляются особенности любшанской коллекции и появляется возможность предложить их возможное объяснение.

Раскопки на Земляном городище В. И. Равдоникаса и Г. П. Гроздилова 1938–1940, 1945, 1947–1950, 1957–1959 годов, а затем А. Н. Кирпичникова и Е. А. Рябинина в 1973–1975, 1981–1985 гг. дали не только изобилие стеклянных бус, но и некоторое количество бракованных украшений или сильно деформированных, или без отверстий, а также бесформенные кусочки стекла и полуфабрикаты. Анализ материалов из раскопок В. И. Равдоникаса и Г. П. Гроздилова (6456 бус и 116 отходов их производства) свидетельствует о том, что отходы и бракованные бусы составляют около 7 % и распространяются по слоям городища в такой же последовательности, как и готовые изделия (Львова 1970: 94, табл. 3).

По предположению автора находимые на городище в жилых комплексах и возле них отходы стекольного производства и брак свидетельствуют в первую очередь о характере торговли бусами, центром которой в VIII–X вв. (и, в особенности, во второй половине IX–X вв.) была Старая Ладога. Привозимые из стран Средиземноморья или аридной зоны или же производившиеся на месте где-то на севере Европы на привозном сырье бусы закупались торговцами мерою, а затем сортировались. Брак выбрасывался, а годные для продажи бусы нанизывались на нитки и увозились для продажи. Судя по тому, что бóльшая часть бус была зафиксирована на Земляном городище в слоях второй половины IX–X вв., можно думать, что торговля бусами развернулась после прихода в Ладогу в середине IX в. легендарных князей-русов

[1] Анализ коллекции стеклянных бус, происходящих из раскопок Любшанского городища, проведенных Е. А. Рябининым в 1997–2001 гг., выполнен в рамках проекта РФФИ № 03–06–80431 «Любшанское городище. Материалы и междисциплинарные исследования».

(Львова 1970)[1]. Ряд наблюдений свидетельствуют о том, что эта торговля была трехступенчатой: приобретенные бусы русы везли в районы, богатые пушниной, для обмена на меха, за меха в Великих Булгарах получали у арабов восточное серебро, которое затем переправлялось в лишенные своего серебра страны Западной Европы (Львова 1977: 106–109).

Однако раскопанная Е. А. Рябининым стекольная мастерская начала IX в. (Рябинин, Черных 1988: 87, 89) говорит о большом интересе к торговле бусами задолго до прихода русов, и можно думать, что и организация этой торговли, и создание на ее основе и с целью торговли работавшей на привозном сырье стекольной мастерской осуществлялись инициативами тех варягов, которые господствовали в Ладоге еще до прихода русов, но были изгнаны в 859 г. (по Б. А. Рыбакову — в 867 г.). Находки бракованных бус и отходов их производства в более ранних, чем мастерская, слоях и поблизости от мастерской в буром гумусе I горизонта E_3 (800–830 гг.) говорят о том, что привозные бусы конца VIII в. — начала IX в., изготовлявшиеся в мастерской, могли приобретаться мерой с последующей сортировкой. Свидетельствуют об этом также и обнаруженные в районе мастерской, но в слое черного гумуса горизонта E_3 днища березовых туесов (Рябинин, Черных 1988: 82).

Однако, предварительный анализ стеклянных бус из раскопок Любши, просмотренных автором (92 экз. без учета 1 экз., испорченного огнем, и двух неизвестных на земляном городище бус с недосверленным отверстием) не выявил каких-либо бракованных бус ладожского типа или отходов их производства. По видимому, или Любша не была включена в сферу торговли бусами, и ее население приобретало эти украшения (поштучно или низками) только для собственных нужд, или, что более вероятно, жизнь в этой крепости прекратилась еще до или одновременно с основанием поселения на Земляного городища.

Обращаясь к бусам Любши, прежде всего, следует отметить или полное отсутствие или редкие находки среди них бус, характерных для слоев VIII–IX вв. Земляного городища Старой Ладоги и, наоборот, преобладание украшений, редких на Земляном городище. В первую очередь это относится к бусам из черного, печеночного желтого и зеленого стекла, сделанных путем наборки жидкого стекла на конец инструмента и украшенных плоскими глазками в виде округлого ядрышка в концентрических кругах, сделанных посредством многократного капанья. На Земляном городище эти бусы составлют 1,64 % из общего количества бус и преобладают в горизонтах E_1, E_2 и E_3 и на уровне построек горизонта Д (Львова 1968: 70–72, табл. I). Но шесть бракованных экземпляров этих бус известны среди 26 ранних синих и черных образцов, типичных для нижних слоев городища (E_2 и E_3) и составляют в горизонте E_2 23, 07 % (Львова 1970: 100). В раскопках Е. А. Рябинина 1984 г. эти бусы зафиксированы в количестве 27, а преобладают в горизонте E_3 (780–800 гг.). Из 20 просмотренных экземпляров, бракованной оказалось одна

[1] Согласно корректуре Б. А. Рыбакова это событие датируется не 862, а 868 г., а изгнание варягов за море не 859, а 867 г. (Рябинин, Черных 1988: 91; Рыбаков 1963: 169,170).

бусина. Не исключена возможность, что такого рода бусы могли изготовляться в раскопанной Е. А. Рябининым стекольной мастерской. Но в Любше бусы этого рода, появившиеся в Ладоге в конце VIII в., полностью отсутствуют.

Обращаясь к бусам, делавшимся из тянутых стеклянных палочек, следует отметить полное отсутствие среди бус Любши самой многочисленной категории этих бус в Старой Ладоге — рубленого бисера. В материалах раскопок Земляного городища 1938–1959 гг. рубленый бисер составляет 69,39 % от общего количества стеклянных бус. Здесь бисер появляется в самом нижнем горизонте $Е_3$ (VIII в.). В горизонте $Е_2$ (IX в.) количество его значительно увеличивается. В горизонте $Е_1$ и, в особенности, на уровне горизонта Д количество стеклянных бус на Земляном городище резко возрастает главным образом за счет массовой продукции из одноцветных трубочек и палочек. Возрастает в этих слоях и количество делавшегося из тянутых трубочек рубленого бисера, который в горизонте Д составляет около 63 % (2838 экз.) от общего количества (4480 экз.) бисера (Львова 1968: 86, табл. I и II).

Находки подобного ладожскому бисера к югу и востоку от Ладоги в памятниках IX — начала XI в. и в особенности в курганах Южного Приладожья (Львова 1968: 87) и Прикамья (Львова 1973: 93) свидетельствуют о том, что именно он играл известную роль в меновой торговле бусами IX–X вв. Вероятно, с подобными же целями бисер завозили в Старую Ладогу и в более раннее время — в VIII — начале IX вв. Говорят об этом и находки бисера в горизонтах $Е_2$ и $Е_3$ раскопок В. И. Равдоникаса и Г. П. Гроздилова, и бисер из раскопок А. Н. Кирпичникова и Е. А. Рябинина.

В материалах раскопок Е. А. Рябинина 1984 г. 19,3 % бисера (17 экз. из 88) было зафиксировано в слоях 760–770 гг. горизонта $Е_3$ и 71,6 % (63 экз.) в слоях 780–800 гг. Но в Любше рубленого бисера нет. И это косвенно свидетельствует о датировке материалов Любши временем не позднее середины VIII в.

Наиболее многочисленной в Любше категорией стеклянных бус из тянутых трубочек являются бусы *1-ой группы* — серебрёные пронизки, насчитывающие 33 экземпляра (рис. 1, *1*). Пронизки изготовлялись из отрезков тянутых трубочек, покрытых сверху серебряной фольгой и защитным слоем просвечивающего голубого, бесцветного и коричневато-желтого стекла, расчлененных щипцами на округлые дольки. Завершающим этапом изготовления была шлифовка концов[1].

В материалах раскопок В. И. Равдоникаса и Г. П. Гроздилова серебрёные пронизки встречаются на Земляном городище, начиная с горизонта $Е_3$ и $Е_2$ и преобладают в $Е_1$ и Д, доживая в виде отдельных экземпляров до горизонта В (Львова 1968: 86, табл. II: 3). Пронизки горизонтов $Е_3$ и $Е_2$ отличаются от более поздних по материалу и характеру исполнения. Среди них встречаются полностью исчезающие в верхних слоях экземпляры с голубым покрытием и преобладают бусы с коричневато-желтым верхним слоем, тогда как в верхних слоях встречаются по большей части пронизки с бесцветным и грязно-жел-

[1] Группа объединяет пронизки разных размеров, исполненных из трубочек разного диаметра щипцами разной конструкции и представляет собой группу родственных типов (Рис. 1, *1*).

тым покрытием. Меняется и характер их формовки — перехваты щипцами на ранних пронизках уже, чем на поздних. Меняется длина — ранние пронизки состоят из 3-х — 4-х — 5-ти и более долек. Поздние — одно-, двух- и трехчастные (Львова 1970: 95).

В этом отношении серебреные пронизки из Любши сопоставимы с пронизками из ранних слоев Земляного городища и, в частности, с пронизками из раскопок Е. А. Рябинина 1984 г. Как и у пронизок из раскопок нижних слоев Земляного городища, среди серебреных пронизок Любши встречаются 5-ти, 7-ми и даже 8-ми частные экземпляры, но преобладают 3-х и 4-х частные. Встречаются и единичные лимонообразные и двучастные экземпляры

Однако, сходство прослеживается не во всем. Способ наложения верхнего защитного слоя стекла на серебреную основу у пронизок Восточной Европы был разным, и его не всегда удается опознать. У большей части серебреных пронизок из могильников салтовской и поломской культур верхний слой стекла ровный и сравнительно тонкий — до 1 мм, и в нем просматриваются продольно растянутые элементы структуры. В некоторых случаях он бывает частично или полностью отколот от основы, по-видимому, из-за того, что иногда бывает с ней скреплен только в местах наложения щипцов во время членения бусы на дольки. И это дало основание высказать предположение о возможном способе наложения на основу пронизок верхнего покрытия. Первоначально он представлял собой дутую трубку, подобную тем, из которых изготовлялись дынеобразные дутые бусы. В такую

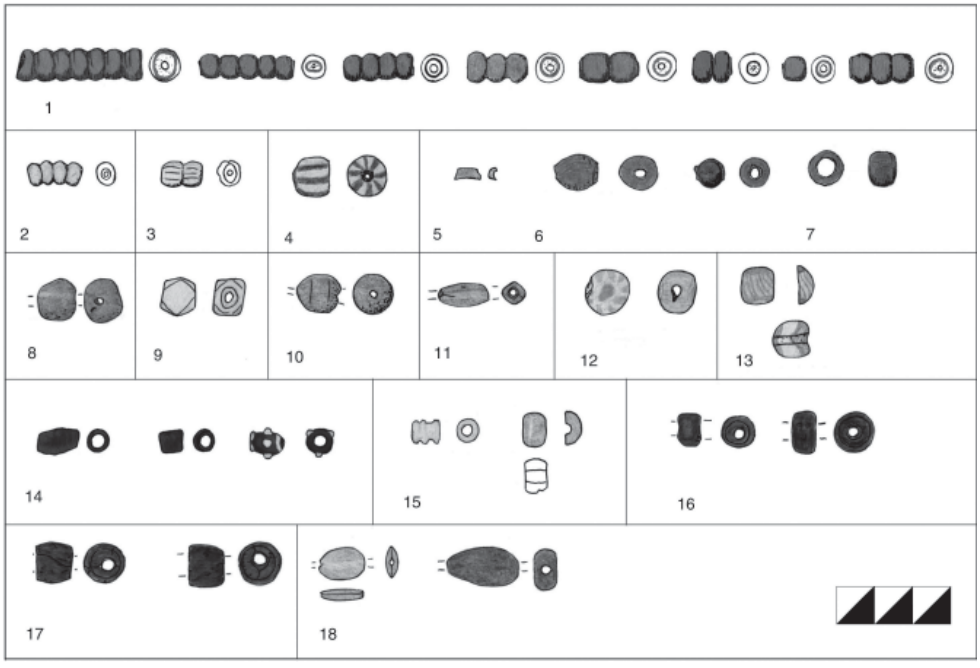


Рис. 1. Основные группы бус из раскопок Любшанского поселения (рисунок выполнен М. М. Козловой по эскизу З. А. Львовой)

трубку вводилась покрытая серебряной фольгой тянутая трубочка меньшего диаметра. Полученную таким образом заготовку размягчали и членили щипцами на округлые дольки (Львова 2000: 258). Бракованные экземпляры среди такого рода пронизок, как правило, не встречаются уже хотя бы потому, что они известны в основном из раскопок могильников — то есть уже были приобретены, отсортированы и носились в ожерельях. Такой же характер имеют и бусы Любши, среди которых, кроме некоторых исключений, бракованных экземпляров нет.

Однако, среди пронизок с коричневато — желтоватым покрытием Земляного городища помимо такого рода пронизок встречаются и другие. Их поверхностный слой нанесен неровно, с продольным утолщением, а иногда покрывает не всю поверхность, а только ее часть (Львова 1970: рис. 4, № № 1–3; Львова 2000: 258). И это дает основание говорить, что при их изготовлении защитный слой стекла наносился на серебрёную заготовку в виде продольных глыбок расплавленного стекла. Цвет покрытия таких пронизок яркий, продольных свилей не наблюдается. Промежутки между дольками узкие, но не глубокие. На Земляном городище среди таких бус зачастую встречаются бракованные экземпляры с заплывшим отверстием, а также брак в виде не до конца отжатых щипцами трубочек (Львова 1970: рис. 4, *1*), или заготовки для бус в виде тянутой трубочки, покрытой сверху неровным толстым слоем защитного стекла, но еще не расчлененной на дольки (Львова 1970: рис. 4, *5*). Среди исследованных пронизок из раскопок В. И. Равдоникаса и Г. П. Гроздилова такой брак составляет 21,97 % (Львова 1970: 101, табл. 9). Показателен и график распространения по слоям городища пронизок с коричневато-желтым верхним слоем. Они преобладают в горизонтах E_2/E_3 и E_2, неожиданно уменьшаясь в количестве в горизонте E_1 и вновь возрастая на уровне построек горизонта Д (Львова 1970: 95, табл. 5), как уже говорилось, в новом качестве. И это не случайно, так как в горизонте E_3 (800–830 гг.) Е. А. Рябининым была открыта стекольная мастерская, в которой предположительно они изготовлялись. При раскопках Е. А. Рябинина в 1984 г. в районе мастерской и ниже серебрёные пронизки были зафиксированы во всех слоях горизонта E_3 от самого нижнего (750–760 гг.) до верхнего (800–830 гг.), но преобладают в слоях 760–770 и 780–800 гг. Как и в материалах раскопок 1940–1950-х гг., среди них обнаружены бракованные экземпляры с заплывшим отверстием, куски не отжатых щипцами трубочек и единичные экземпляры пронизок, по которым видно, что их верхний слой наносился на основу в виде глыбок расплавленного стекла. Кроме того, у большей части просмотренных бус первоначально зашлифованные концы оказались сколотыми.

Если о находке мастерской свидетельствуют скопления шлаков и оплавленного стекла, о которых пишет Е. А. Рябинин, то найденные в районе мастерской бусы со сколотыми концами и заплывшим отверстием свидетельствуют о характере их сбыта. Как уже говорилось, скорее всего, бусы приобретались мерой, возможно, прямо в мастерской, затем сортировались и разбивались на части уже приобре-

тавшими их коробейниками. Но как уже упоминалось, среди серебрёных пронизок Любши нет ни образцов староладожского типа, верхний слой которых нанесен горячим способом, ни брака, ни бус со сколотыми концами. И это позволяет предполагать, что серебрёные пронизки Любши датируются временем ранее 760–770-х гг.

Следующую, *2-ю группу* составляют всего две бусины (рис. 1, *2*). Это четырехчастные пронизки из желтого заглушенного стекла, сделанные, как и серебрёные, из отжатых щипцами тянутых трубочек. Многочастность, неширокие перемычки между дольками и зашлифованные концы позволяют сопоставить их с ранними пронизками VIII — нач. IX вв.

3-ю группу составляют тоже две пронизки (рис. 1, *3*). Они желтого заглушенного стекла с продольными валиками — двучастная и часть пронизки с отколотым концом. Сохранившиеся концы зашлифованы. Валики достигались наложением на первоначальную еще не растянутую в трубочку наборку стекла продольных глыбок стекла одного цвета с основой (Львова 1979: 93). Неширокие перемычки и зашлифованные концы позволяют сопоставлять эти бусы с ранними пронизками VIII — начала IX в.

При публикации ладожских бус в 1968 г. гладкие, и с валиками пронизки были объединены вместе в 4 подгруппу VIII группы (Львова 1968: 88, 83, табл.). Многочастные гладкие и с продольными валиками пронизки из желтого заглушенного стекла встречаются на Земляном городище в горизонтах $Е_3$–Д в такой же последовательности, как и рубленный бисер, преобладая в горизонте Д. В северо-западных районах Восточной Европы они также датируются X — началом XI в. (Львова 1968: 88). Но, в то же время, они характерны для могильников Поломской культуры Прикамья VIII–IX вв. Так, в I Поломском могильнике желтые пронизки по большей части с продольными валиками (вид 50) составляют 0,71 %, а частота их встречаемости 32,2 % (Львова 1973: с. 93, 103, примеч. II).

Еще одну *4-ю группу* составляет пронизка из непрозрачного бурого зеленоватого стекла с продольными желтыми полосками, не отжатая щипцами до конца. Поверхность гладкая (рис. 1, *4*). Полоски достигались наложением на первоначальную еще не растянутую в трубочку наборку стекла продольных глыбок стекла иного цвета, чем основа, с последующим сглаживанием поверхности (Львова 1979: 93). На Земляном городище в материалах раскопок В. И. Равдоникаса в горизонте Д была зафиксирована только одна такая пронизка. По материалам Новгорода, курганов Южного Приладожья, Гнездовского, Лядинского и Томниковского могильников такого рода пронизки датируются X — первой четвертью XI в. (Львова 1968: 85, 86). Судя по общему набору бус Любши, она попала сюда случайно.

Группа 5. Еще одной бусиной, в основе изготовления которой лежит обработка тянутых стеклянных трубочек, является обломок тянутой трубочки из черного непросвечивающего стекла (рис. 1, *5*). Тянутые необработанные щипцами трубочки — менее выразительная форма бус, обычно сопутствующая рубленому бисеру (Львова 1968: 90). В Любшу такая бусина могла попасть случайно.

Группа 6. Дутые бусы делались из слегка раздутой, а затем растянутой стеклянной трубочки, в которую в некоторых случаях вдувалась краска. Группу составляют три бусины — две из желтовато-коричневого и одна из синего просвечивающего стекла (рис. 1, *6*) Стенки бус тонкие, концы сколоты. Внутри следы краски. На Земляном городище, на уровне построек горизонта Д найдено всего 5 экземпляров дутых бус. В Европе они известны в Моравии (IX–X вв.) и в памятниках каролингского времени в районе Верхнего Пфальца. Но наиболее богато представлен этот тип бус в памятниках Северного Кавказа VIII–IX вв. (Львова 1968: 80).

Группа 7. Четвертая дутая бусина отличается от первых трех по цвету стекла и характеру обработки (рис. 1, *7*). Бусина из просвечивающего золотисто-желтого стекла имеет зонную форму. Канал отверстия повторяет форму бусины, у концов он достаточно широк и зашлифован, хотя здесь наблюдаются еле заметные следы от щипцов. Элементы структуры продольно растянуты. Бусина, как и предыдущие, сделана из дутой трубочки, но обработана тщательнее, чем дутые бусы VIII–X вв. (зашлифованы концы отверстия). Кроме того, если производство дутых бус VIII–X вв. было связано с производством серебрёных пронизок, то описанная дутая бусина группы 7 во многом схожа (форма, канал отверстия, цвет) с золочеными зонными бусами зарубинецкой культуры, и не исключено, что производство тех и других также было связано между собой (для зарубинецких бус дутые заготовки могли использоваться как верхнее покрытие золоченой основы).

Следующие несколько групп бус Любши сделаны из тянутых стеклянных палочек.

Бусы из тянутых трубочек и палочек были характерными украшениями Восточной Европы второй половины I тысячелетия н. э. Однако, для VI, VII, VIII–IX и X вв. их типовой состав был разным.

Как показал обзор бус из тянутых и дутых трубочек, в Любше полностью отсутствует типичный для VIII–IX вв. рубленый бисер, а из четырех дутых бус одна по характеру обработки близка к золоченым бусам зарубинецкой культуры. А для набора бус из тянутых палочек характерно преобладание другого, редкого в VII–IX вв. типа бус (рис. 1, *8*). Бусы *8-ой группы* состоят из голубого просвечивающего стекла в форме куба со слабовыраженными четырьмя боковыми гранями. Слегка расширяющийся к одному концу и переходящий здесь в глубокую щель с покатыми краями, канал отверстия говорит об изготовлении бус этого типа посредством прокола стеклянной палочки. Используемые при этом заготовки откалывались на глаз от первоначальной длинной палочки, поэтому и размеры сделанных из них бус, как и других бус из тянутых палочек, были неодинаковыми и не являются типологическим признаком. Завершающей операцией изготовления бус было двукратное прессование с боков заготовки, по-видимому, еще насаженной на конец инструмента.

Отличительной особенностью бус 8-ой группы является стандартная форма, а главное — окраска специально варившегося для них стекла. В памятниках VIII–X вв. Восточной Европы бусы, сделанные посредством прокола

тянутой стеклянной палочки, встречаются достаточно часто. Однако, среди них насчитывается множество родственных типов разной расцветки и формы. По-видимому, мастера не ставили себе целью изготовление бус определенного типа. Исключение составляют лишь некоторые, в том числе и голубые четырехгранные бусы, сделанные одинаковым способом по определенному образцу, которые с полным правом можно отнести к бусам одного типа. В Любше бусы 8–ой группы обнаружены в количестве 19 экз. В то же время из 6456 бус Земляного городища они составляют всего 4 экз. (Львова 1968: 90). В материалах раскопок Е. А. Рябинина 1984 г. было зафиксировано всего 3 четырехгранные голубые бусины в слоях E_3 (760–800 гг.).

Четырехгранные голубые бусы известны в погребениях Бирки с монетами IX в. (Львова 1968: 90), но совсем неизвестны в других памятниках на территории Швеции, а также по торговым магистралям Западной Европы, по которым везлись в Ладогу бусы VIII–IX вв. Автором в 70-х годах были просмотрены материалы из раскопок Швеции, бывших Югославии, Чехословакии, Болгарии и Польши[1], где эти бусы обнаружены не были. Но, разумеется, это не исключает возможности их присутствия в материалах раскопок более позднего времени, которые автору неизвестны. В то же время, четырехгранные голубые бусы известны в могильниках Северного Кавказа VIII–IX вв. (Львова 1968: 90), и крайне редко встречаются в памятниках Поломской культуры на Каме, куда они привозились, скорее всего Волжским путем (I Поломский могильник: тип 71–0,03 %, частота встречаемости — 3,38 %; см.: Львова 1973: 95,101, рис. 2, *43*, табл. 1).

Приведенные данные говорят о возможности попадания в Любшу четырехгранных голубых бус не через Западную Европу по Балтийскому морю, как большая часть ладожских бус VIII–IX вв., а с юга и еще до основания Земляного городища.

Группа 9. Четырехгранная бусина из желтого просвечивающего стекла, исполненная тем же способом, что и голубые бусы 8 группы, найдена в Любше в единственном экземпляре (рис. 1, *9*).

Группа 10. Округлые бусы из непросвечивающего черного или темного винного окрашенного марганцем стекла, сделанные путем прокола тянутой

[1] *Стокгольм,* Исторический музей, материалы раскопок Helgo (1–1, 2, 3, 8; B — 4, 5, 6; J — 1, 2; g — 1, 2), Paviken (№ № 1552–3418 и др.), Gotland (Go — Lokrume, Levide, Lansu, Linde, Hemse, Hellvi, Sanda, Stånga, Öja, Othem), Svarta Jorden (№ № 7343–13038 и др.). *Белград,* Народный музей, раскопки в Сербии, д. Брестовек, Институт археологии, раскопки у Рибници, Великий Град. *Нови Сад,* Музей города Нови Сад, раскопки могильников Нунадцы, Циглана, Акадас. *София*, Национальный музей, раскопки у крепости Константция у г. Семеновграда, Некрополь III. *Прага*, Народный музей, материалы из городища у Жалова Levy Hradec. *Брно*, Институт археологии (раскопки Великой Моравы), Угорское городище, Staré Město. *Микульчицы*, Музей археологии при Институте археологии — материалы раскопок Dolni Věstonice. *Братислава*, Национальный музей — раскопки могильника у замка Deven, могильника Záhorská Bystrice. *Нитра*, Новые Возоканы — филиал Института Археологии, материалы аварских могильников VII–VIII вв. Želovce, Prša. *Варшава*, Исторический музей, материалы раскопок в Люблинском воеводстве — Strzyźow; *Вроцлав*, Университет, раскопки в Острове Тумском 1949–1964 гг. *Штетин*, Muśeum Pomorza Zachodniego, раскопки в Волине. *Познань*, Museum archeologiczne, Материалы раскопок в Крушвице. *Гнезно*, Филиал — Museum archeologiczne в Познани, раскопки в Гнезно. *Ополе* Museum Slaska Opolskiego.

стеклянной палочки с последующим окатыванием по гладкой поверхности, обнаружены в Любше в количестве 11 экз. (рис. 1, *10*). На Земляном городище Старой Ладоги эти бусы выделены не были. Бусы из палочек из винного стекла совершенно других типов здесь имеют неправильную форму и встречаются в слоях E_2 и E_1, преобладая в горизонте Д (Львова 1968: 91). В памятниках VIII–IX вв. расположенных на территории Швеции и по торговым магистралям Западной Европы округлые винные бусы также зафиксированы не были. В то же время бусы 10 группы известны на Северном Кавказе. Однако В. Б. Ковалевская объединяет их под № 90 с округлыми бусами других цветов. В целом каждая входящая в эту ячейку разновидность бус характеризуется немногочисленностью и неустойчивостью. На Северном Кавказе округлые бусы разных цветов были зафиксированы в погребениях VIII–IX вв. (Ковалевская 2000: 6). В Любшу такие бусы могли попадать по торговым путям Восточной Европы, но не через Земляное городище.

Группа 11. Бусина этой группы овальная, легка приплюснутая продольно из синего просвечивающего стекла сделана путем прокола согнутой тянутой палочки. По форме напоминает бусы группы 17 со сверленым отверстием (рис. 1, *11*).

Бусы, сделанные из поперечно-проколотых мозаичных палочек зафиксированы в Любше в двух экземплярах, однако они не одинаковы.

Одна из них — *группа 12* (рис. 1, *12*) сделана посредством двукратной наборки (красное в желтом) жидкого стекла на конец инструмента с последующим обложением наборки продольными глыбками зеленого стекла. После этой операции наборку вытянули. В результате поперечного прокола такой палочки с последующим окатыванием получилась округлая бусина с двумя симметричными глазками — красное в желтом, соединенными чередующимися зелеными и желтыми полосками.

Вторая бусина — *группа 13* (рис. 1, *13*) почти той же расцветки сделана несколько иначе. Двукратную наборку (желтое в красное) вначале растянули, а потом обложили двуслойными тоненькими стерженьками — желтое в зеленом. Готовая бусина украсилась двумя симметричными глазками — желтое в красном, соединенными чередующимися желтыми и зелеными полосками, которые выглядят иначе, чем у первой бусины.

В предыдущих работах автора эти два типа бус ошибочно рассматриваются вместе. На Земляном городище они встречаются в слоях E_2, E_3 и на уровне построек горизонта Д. Известны они в погребениях IX в. в Бирке, а также в южных и центральных районах Восточной Европы. На Северном Кавказе, согласно данным В. Б. Деопик они являются датирующим признаком VIII–IX вв. Встречаются такие бусы в Подонье — в памятниках салтовской культуры, на территории Мордвы — в Лядинском и Томниковском могильниках, в Прикамье — в Поломском могильнике (Львова 1968: 88; Деопик 1961: 226, 231; Львова 1973: 68). В более поздних работах В. Б. Ковалевской и З. А. Львовой эти два типа бус уже различаются между собой. Говорится и о находках желто-красно-зеленых бус в памятниках VI–VII вв., однако, без указания тех-

ники изготовления (Ковалевская 2000: 68–70, 75–76, МЕР 231, 232, 253, 254, 255; Львова 2000: 259).

Следующие две группы родственных типов бус сделаны путем навивки или многократного обертывания стекла на твердую основу с последующим окатыванием по гладкой поверхности.

Группа 14 представлена тремя экземплярами из печеночно — красного заглушенного стекла, сделанными посредством обертывания вокруг основы стеклянной ленты (рис. 1, *14*). Одна из них имеет веретенообразную форму и коническое отверстие, блестящая поверхность была оплавлена. Вторая имеет цилиндрическую форму, но слегка сужена к одному концу. Третья бусина боченкообразной формы, с концов украшена наложенными на основу полосками из желтого заглушенного стекла, а в средней части тремя желтыми глазками — каплями. Как видно из описания, группа объединяет несколько родственных по способу изготовления типов бус.

Еще одна группа родственных типов бус — *группа 15* — представлена двумя экземплярами, сделанными посредством навивки (рис. 1, *15*). Одна из них изготовлена из зеленоватого просвечивающего стекла, имеет цилиндрическую форму и украшена тремя поперечными поясками из желтого заглушенного стекла. Вторая сделана из заглушенного зеленовато-серого стекла имеет зонную форму. Способ изготовления неясен — или навивка, или обертывание вокруг основы стержнеобразной стеклянной заготовки. Вокруг одного из концов отверстия следы от щипцов, которыми бусину сбрасывали с основы после ее изготовления.

Группа 16 представлена зонными бусами из печеночного заглушенного стекла, их три (рис. 1, *16*). Бусы делались из округлого стержня, который сгибали вокруг основы в кольцо, сваривая его концы. Площадочки вокруг отверстия округлые, и на одной из них вмятинки от щипцов, которыми бусину сбрасывали с основы после ее изготовления.

Группу 17 составляют боченкообразные прессованные бусы из печеночного заглушенного стекла. В Любше они представлены 5-ю экземплярами (рис. 1, *17*). Бусы имеют хорошо выраженную зонную или боченообразную форму, площадочки вокруг концов отверстия гладкие. Шероховатый канал отверстия слегка расширяется к одному концу. Беспорядочное расположение элементов структуры стекла говорит о возможности их изготовления путем прессования вокруг инструмента кусочков стекла.

В материалах раскопок 1940-х и 1950-х годов Земляного городища среди 6456 просмотренных образцов было зафиксировано 99 бус этого типа (1, 54 %). В слоях E_3 и E_2 (VIII — начала IX в.) было найдено 36 экземпляров бус, в E_1 и Д нижнее (вторая половина IX в.) — 12 экземпляров, на уровне построек горизонта Д (X в.) — 28 экземпляров (Львова 1968: 72, 73, табл. I). При раскопках Е. А. Рябинина в 1984 г. в районе стекольной мастерской было найдено 19 бус этого типа, из них 1 экземпляр в E_3 нижнее (750–700 гг.), 11 экземпляров в E_3 (760–770-е гг), 7 экземпляров в горизонте E_3 среднее (780–800 гг.).

За пределами Ладоги бусы 17-ой группы встречаются по большей части в памятниках Северной Европы VIII–IX вв. На острове Готланд они об-

наружены в трех кладах, и в одном из них — с монетами начала VIII в. В Хельго в памятниках VIII — первой трети IX в. боченкообразные бусы из печеночного стекла составляют 50 %. В Туне они известны в погребении нач. IX в, в Бирке в 64-х погребениях, их них в девяти с монетами нач. IX в., в одном — начала X в., в другом X в[1] Известны эти бусы в Восточной Латвии. Но южнее этот тип бус крайне редок (Львова 1968: 72, 73). Узкий, но вполне определенный ареал прессованных печеночных бус позволяет думать, что и в Любшу и, позднее, на Земляное городище они попадали из Скандинавских стран.

18-ю группу родственных типов составляют две бусины, при изготовлении которых применялись приемы холодной обработки (рис. 1, *18*). Бусы овальной формы продольно-сплюснутые из синего просвечивающего стекла. У одной из них элементы структуры опоясывают бусину, по краям от одного конца отверстия к другому идут два ребра. Канал отверстия сверленый. Площадочки вокруг концов отверстия сглажены предположительно посредством шлифовки. Вторая бусина овальная приплюснутая, бракованная: элементы структуры растянуты продольно, отверстия начали сверлить с двух концов, но не досверлили. Происхождение бус неясно.

В целом анализ немногочисленных стеклянных бус Любши свидетельствует о том, что население этой крепости не принимало участия в торговой жизни Земляного городища второй половины VIII–X вв. Одним из объяснений этого факта может служить предположение, что крепость существовала еще до возникновения Земляного городища во второй половине VIII в. и не была включена в сферу его торговой деятельности именно по этой причине.

Литература

1. *Деопик 1961* — Деопик В. Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI–IX вв. // СА. № 3. 1961.

2. *Ковалевская 2000* — Ковалевская В. Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. Хронология восточноевропейских древностей V–IX веков. Вып. 2. Стеклянные бусы и поясные наборы. М. 2000.

3. *Львова 1968* — Львова З. А. Стеклянные бусы Старой Ладоги. Часть I. Способы изготовления, ареал и время изготовления // АСГЭ. № 10. Л. 1968.

4. *Львова 1970* — Львова З. А. Стеклянные бусы Старой Ладоги. Часть II. Происхождение бус // АСГЭ. № 12. Л. 1970.

5. *Львова 1973* — Львова З. А. Бусы I Поломского могильника // АСГЭ. № 15. Л. 1973.

[1] См. также: Стокгольм, Исторический музей, материалы раскопок Gotland (Dalhem № Go 5644, Endre № Go 1306, 4150, 25111; Alva № Go 5128 и др. Helgo (1–2: I 2083, II 733, 2222 и др., III 2213 и др.; A — 1; I 377, 524 и др.)

6. *Львова 1977* — Львова З. А. К вопросу о причинах проникновения стеклянных бус X — начала XI века в северные районы Восточной Европы // АСГЭ. Вып. 18. Л. 1977.

7. *Львова 1979* — Львова З. А. Технологическая классификация изделий из стекла (по материалам раннесредневековых стеклянных бус // АСГЭ. Вып. 20. Л. 1979.

8. *Львова 2000* — Львова З. А. Техника изготовления северокавказских бус второй половины I тыс. н. э. // Ковалевская В. Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. Хронология восточноевропейских древностей V–IX веков. Вып. 2. Стеклянные бусы и поясные наборы. М. 2000.

9. *Рыбаков 1963* — Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М. 1963.

10. *Рябинин, Черных 1988* — Рябинин Е. А., Черных Н. Б. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // СА. № 1. 1988.

Glass Beads from Lyubsha

Z. A. L'vova

This paper is concerned with glass beads from excavations of Evgeniy A. Ryabinin at the settlement-site of Lyubsha in 1997–2001. The materials under study were classified into 18 groups or technically kindred types. Comparison with the parallels, dating and mapping of those groups of beads allow us to conclude that the overwhelming majority of them came to Lyubsha from the southerner regions of Eastern Europe or from Scandinavia still before the appearance of Zemlyanoye Gorodishche (Earthen Hillfort) in the mid-8th century.

А. В. Майоров

О поисках и забвении. Список Новгородской Первой летописи Государственной библиотеки в Берлине

Новгородская Первая летопись — один из важнейших памятников русского летописания. С открытия ее В. Н. Татищевым, собственно говоря, начинается история изучения древнерусских летописей. Летопись неоднократно издавалась как в нашей стране, так и за рубежом. По мере увеличения числа вновь найденных списков, переиздания памятника становились более основательными: восполнялись утраты текста, имеющиеся в древнейших рукописях, учитывался все более широкий круг выявленных разночтений.

В начале XX в. А. И. Яцимирским в Прусской королевской библиотеке в Берлине была выявлена и описана рукопись, атрибутированная как «Первая Новгородская Летопись 1738 года». Как явствует из описания рукописи, составленного Яцимирским, текст писан скорописью: «скоропись русская, канцелярская, малотипичная, местами близкая к поморскому письму, крупная, небрежная, бледными чернилами, по 29 строк на странице… На полях скорописью, по-видимому, рукой Татищева сделаны интересные заметки-справки». В конце рукописи (л. 169) сделана запись рукой писца иными чернилами, в которой указан 1738 г. как дата ее изготовления (Яцимирский 1921: 468).

Список Новгородской Первой летописи из Прусской королевской библиотеки (или список Филиппса, — по имени одного из владельцев) ныне хранится в Отделе рукописей библиотеки, современное официальное название которой — «Государственная библиотека в Берлине — Прусское культурное наследие» (Staatsbibliothek zu Berlin — Preussischer Kulturbesitz). Рукопись поступила в библиотеку в конце XIX в. и была атрибутирована как «список Новгородской 1-ой летописи попа Ивана с добавлением отсутствующего начала», изготовленный в 1738 г. «для русского историка В. Н. Татищева в деревне Болдино Владимирской губернии» (Die orientalischen Meerman-Handschriften 1892: 20–21).

Этот список практически неизвестен современным исследователям. Он полностью выпал из круга рукописей, привлекаемых как для издания, так и для изучения текста памятника. Этот список не значится среди рукописей, использованных при издании Новгородской Первой летописи Археографической комиссией в XIX в. (в изданиях, подготовленных Я. И. Бередниковым и П. И. Савваитовым), а также при издании памятника Академией наук в XX в. (в издании 1950 г., подготовлен-

ном А. Н. Насоновым, и в его переиздании Б. М. Клоссом в 2000 г.).

Список Филиппса в свое время не был учтен А. А. Шахматовым при исследовании текста летописи, хотя ученый был знаком с его копией, составленной в первой половине XIX в. для гр. Н. П. Румянцева. Вслед за Шахматовым и другие исследователи по каким-то причинам не привлекали список Филиппса к изучению. В многочисленных работах по истории русского летописания, опубликованных в середине и второй половине XX в., их авторы ограничивались лишь общим признанием вторичности Толстовского и более поздних списков летописи по отношению к Академическому списку (см.: Приселков 1996; Бугославский 2006: 65–66, 77–78, 289–290; Лихачев 1947: 443; Насонов 1969; Лурье 1976; Гиппиус 1997). В действительности же, вопрос о соотношении упомянутых поздних списков с Толстовским и Академическим списками остается нерешенным до сих пор.

Только в монографии А. Г. Боброва, посвященной новгородскому летописанию XV в., указан более широкий круг существующих ныне списков Новгородской Первой летописи младшего извода — Комиссионный, Академический, Троицкий, Толстовский, Уваровский, Румянцевский первый, Воронцовский, Румянцевский второй — всего восемь рукописей (Бобров 2001: 66–68).

Между тем, еще в XIX и начале XX вв. многие исследователи отмечали необходимость привлечения к изучению и изданию памятника его поздних списков, прежде всего, Румянцевского второго (№ 248 собрания Румянцевского музея) (Срезневский 1853: 76; Шахматов 2003: 32–33; Иконников 1908: 700, примеч. 4). Это также касается Воронцовского списка: после его изучения в 1919 г. А. А. Шахматов пришел к выводу, что «при новом издании текста Новгор[одской] 1-й летописи список Воронцовский должен быть принят во внимание» (Шахматов 1919: 1).

В академическом издании летописи 1950 г. подобные пожелания были реализованы лишь отчасти. В Приложении I А. Н. Насоновым были «даны те места неизданного Воронцовского списка, которые воспроизводят, хотя и с некоторыми изменениями, утраченные листы Академического списка». Свое решение Насонов мотивировал тем, что «Воронцовский список восходит к Академическому, когда в нем не был еще утерян ряд листов».

Воронцовский список Новгородской Первой летописи — один из наименее изученных ее списков. Он возник в 20-х годах XIX в. и долгое время не был введен в научный оборот: лишь в 1920 г. список поступил в Библиотеку Академии наук из собрания Воронцовых (Описание 1959: 312). В 1919 г. с ним познакомился А. А. Шахматов. Этим годом датирована небольшая заметка ученого о Воронцовском списке, остающаяся неопубликованной. Шахматов пришел к заключению, что в ряде случаев Воронцовский список дает более исправные по сравнению с Толстовским и Академическим списками чтения и тем самым предположил существование неизвестной нам рукописи, положенной в основу этого списка.

Такой рукописью, содержащей в ряде случаев чтения, отличные от Академического и Толстовского списков, и был список Филиппса, известный в России еще в первой половине XIX в., но во

времена Шахматова уже основательно забытый. В дальнейшем рукопись и вовсе превратилась в какой-то почти неосязаемый фантом, утратив черты реального существования: ее изредка упоминали лишь как некую сокращенную переработку Академического списка, существовавшую в XVIII в. (Насонов 1950: 11; Бобров 2001: 68, примеч. 9).

Иногда о существовании рукописи вспоминали также в связи с характеристикой ученой деятельности В. Н. Татищева. Но подобные упоминания и вовсе носили курьезный характер. Как утверждали, к примеру, Б. М. Клосс и В. И. Корецкий, копия с Новгородской Первой летописи, подаренной Академии наук, была отправлена Татищевым «в 1738 г. в Берлин» (Клосс, Корецкий 1981: 13). В действительности, как мы знаем, упомянутая копия (т. е. список Филиппса) была отправлена из России в 1749 г. и не в Берлин, а в Лондон, в Берлине же она оказалась только в конце XIX в.

Еще более вольное обращение со сведениями о списке Филиппса демонстрирует А. П. Толочко в своих новейших работах, посвященных творчеству Татищева. Указав на несоответствие изложенной Татищевым истории получения «Летописи попа Иоанна» от раскольника с датой и обстоятельствами составления списка Филиппса, Толочко приходит к выводу, что история приобретения Академический список Новгородской Первой летописи была сфальсифицирована Татищевым. Согласно Толочко, Татищев нашел этот список «около 1738 года в архиве Сената и, надо думать, изъял его оттуда. Позднее он не вернул рукопись в Сенат, а почему-то решил передать ее библиотеке Академии наук. Видимо, это обстоятельство и вынудило его скрывать источник рукописи» (Толочко 2005: 58). Установленный таким образом факт подлога явился для Толочко одним из веских оснований для общего вывода о «криминальном» характере археографии Татищева, с легкостью допускавшего фальсификацию источников.

Однако подобное утверждение не может быть принято, так как основано на явном недоразумении. В действительности Академический список Новгородской Первой летописи был передан Татищевым в Библиотеку Академии наук еще до появления на свет списка Филиппса. Точную дату его поступления в библиотеку можно определить по записи, оставленной на переплете рукописи А. И. Богдановым — библиотекарем Академии: «Летописец попа Ивана по названию В. Н. Татищева 1737 году». В виду этой записи 1737 г. признается в качестве даты поступления Академического списка в Библиотеку Академии наук.

Более того, можно утверждать, что «Летописец попа Ивана» был передан Татищевым в Академию наук несколькими годами раньше даты, указанной Богдановым. Известно, что уже в 1734 г. в Академии существовал проект первого печатного издания русских летописей (Миллер 1890: 321). Принадлежавший Татищеву список также предназначалась для этого проекта. Из опубликованного А. И. Андреевым в обратном переводе с латинского языка письма В. Н. Татищева к И. Д. Шумахеру от 21 декабря 1735 г. (хранящегося в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН) следует, что уже в начале 1734 г.,

перед отъездом Татищева из Петербурга, Академия наук приступила к печатанию полученной от него «Новгородской истории». Обращаясь к Шумахеру, историк пишет: «При моем отъезде Вы обещали напечатать полученную от меня Новгородскую историю и показали мне один лист» (Андреев 1994: 18). Этой «Новгородской историей», несомненно, была «Летопись попа Иоанна», т. е. Академический список Новгородской Первой летописи, с которого в начале 1734 г. уже был напечатан один пробный лист.

* * *

Впервые о Берлинском списке Новгородской Первой летописи как об одной из рукописей собрания Меерманов, стало известно в 1824 г. В этом году в Гааге был опубликован каталог библиотеки Г. и И. Меерманов, в котором под № 1092 значилась рукопись на славянском языке, озаглавленная «О князьях и России с 853 по 1436 г.»; далее указывалось, что рукопись происходит из архивов Сената, написана в 1444 г. и переписана в 1738 г., имеет старинный переплет (Bibliotheca 1824: 180).

В середине 1820-х годов к ней проявил большой интерес известный собиратель и издатель древнерусских памятников гр. Н. П. Румянцев, на средства которого была изготовлена и доставлена в Россию копия с рукописи, к тому времени уже сменившей владельца и «принадлежащей англичанину сир Филипсу», будучи «купленной сим последним на аукционе в Голландии» (Востоков 1842: 340). Ныне эта рукопись известна как Румянцевский второй список Новгородской Первой летописи. В 1825 г. Филипсом отдельно был доставлен Румянцеву «снимок» с приписки, завершавшей рукопись: «Сия книга списывана 1738 году с древняго летописца Сенатской Архивы…».

Одновременно с Румянцевским списком, очевидно, возник и Воронцовский список. Это подтверждается сопоставлением обеих рукописей, проведенным Г. Л. Гейермансом. Обе они «имеют одинаковый формат, переплеты их оклеены почти одинаковой бумагой, обе имеют одинаковые кожаные наклейки в середине верхней крышки с надписью „Slavonick manuscript anno 853–1444“ и обе написаны на одинаковой бумаге фабрики Ватмана, со знаком 1820 и 1822 гг.» (Гейерманс 1940: 167).

Сличение почерков также показывает, что оба списка были написаны одним писцом. При этом Румянцевский список «написан более старательно и чисто», однако в нем «имеется целый ряд пропусков по сравнению с Воронцовским». Это обстоятельство, а также «наблюдаемые в Румянцевском списке повторения разночтений Воронцовского списка», позволили Гейермансу сделать вывод о том, что «Румянцевский список является или копией Воронцовского или что он был списан с их общего протографа, который уже содержал все общие этим спискам разночтения». Так или иначе, Воронцовский список «по исправности текста является лучшим из этих двух списков».

Воронцовский список мог возникнуть по инициативе гр. С. Р. Воронцова, который после своей отставки в 1806 г. с поста полномочного посла России в Англии постоянно проживал в Лондоне и с 1816 г. курировал копирование для Н. П. Румянцева документов из английского Посольского архива и Коттонианской библиотеки, касавшихся

истории России. Воронцов был непосредственно причастен к производству копии летописи из коллекции Филиппса (Козлов 1999: 198–199).

Происхождение этой копии от «древнего летописца Сенатской Архивы» отметил А. Х. Востоков в своем описании Румянцевского собрания рукописей, указав на многочисленные отличия текста Румянцевского списка от Академического списка и от Софийского временника. Оригинал, с которого была снята Румянцевская копия, Востоков атрибутировал как «Летописец новгородский Иоанна попа с продолжениями по 1445 год».

Под названием «Списка Сенатской Архивы» список Филиппса (по Румянцевской копии) наряду с Академическим списком уже в XIX в. стал использоваться для изучения содержащегося в нем варианта Краткой редакции Русской Правды. В 1930-х годах он вновь привлек внимание исследователей в связи с подготовкой академического издания Русской Правды. Фрагмент списка был издан в 1947 г. в виде специального приложения ко второму тому, посвященного группе списков памятника, возникших в связи с изучением его Татищевым. Как и Академический список, список Филиппса содержит один из вариантов Краткой Правды. С изучения его Татищевым, подготовившим первое печатное издание памятника, началась история изучения Русской Правды.

Созданный в первой половине XVIII в. список Филиппса до начала XIX в. принадлежал голландскому правоведу, собирателю древних рукописей и редких книг Г. Меерману и его наследникам, затем в 1824 г. на аукционе в Гааге вместе с другими книгами Меермана его купил английский коллекционер Т. Филиппс, предоставивший копию со своего экземпляра гр. Н. П. Румянцеву. После смерти Т. Филиппса его собрание было распродано. Часть книг поступила в Национальную библиотеку в Париже. Другую часть, в том числе рукописи из коллекции Меермана, в 1887 г. приобрела Прусская королевская библиотека в Берлине. В числе последних был и список 1738 г. Новгородской Первой летописи.

Долгое время Берлинский список был практически недоступен исследователям, и о его судьбе вообще не было известно. Во время Второй мировой войны весь фонд Прусской государственной библиотеки (в то время — ок. 3 млн. ед. хр.) был вывезен из Берлина и размещен в тридцати специальных хранилищах, оборудованных в монастырях, замках и закрытых шахтах по всей территории Германии. После 1945 г. единый фонд Прусской государственной библиотеки был разделен. Только незначительная его часть со временем вернулась в основное здание библиотеке на улице Унтер ден Линден в восточной части Берлина, на базе которого была создана Германская государственная библиотека. Большая часть фонда (в том числе большая часть собрания рукописей) вплоть до конца 1970-х годов была рассредоточена по разным учреждениям на территории Западной Германии (ФРГ), где содержалась на условиях временного хранения, что весьма затрудняло, а нередко и полностью исключало возможность доступа читателей (См.: Breslau 1995; Voigt 1995).

В 1947 г. при публикации Академией наук СССР небольшого фрагмента списка Филиппса, содержащего текст Рус-

ской Правды, оригинал рукописи уже был недоступен, и о его судьбе ничего не было известно. Издатели вынуждены были воспользоваться фотоснимками, полученными еще до начала Второй мировой войны, отметив, что в довоенный период «рукопись находилась в Прусской Государственной библиотеке в Берлине в собрании Меермана, где она значилась под № 1987» (Мюллер 1947: 821).

О послевоенной судьбе рукописи не было известно и С. Н. Валку, в 1950 — начале 1960-х годов специально занявшемуся изучением татищевских списков Русской Правды. Установив местонахождение всех известных ныне списков татищевских редакций Правды 1740 и 1749–1750 гг., историк отмечает: «Работой Г. Л. Гейерманса, а за ней и Академическим изданием „Правды Русской“ поставлен на очередь вопрос еще об одном татищевском списке, который в этом издании назван Татищевским I списком, т. е. самым ранним…». Об этом списке, являющемся «составной частью списка Новгородской летописи „попа Ивана“», Валк (изучавший список по довоенным фотоснимкам) мог сообщить только, что он был отправлен Татищевым «в 1749 г. в дар лондонскому Королевскому обществу» (Валк 1957: 616). Не имея сведений о судьбе списка, исследователь избегал не только ссылок на его прежнее местонахождение — Прусскую государственную библиотеку, — но и на имена владевших рукописью в XVIII–XIX вв. Меермана и Филиппса, неопределенно именуя ее «одной сохранившейся копией», снятой для Татищева с Академического списка Новгородской Первой летописи (Валк 2000: 190).

Вопрос о местонахождении списка Филиппса обошел в своей работе о Русской Правде А. А. Зимин. При характеристике списков Краткой Правды XVIII — начала XIX вв., возникших в результате ученой деятельности Татищева, исследователь указал рукописные собрания, в которых ныне находятся их оригиналы (с указанием современных шифров рукописей), за исключением важнейшего из этих списков, к которому все они восходят — Татищевского I (Филиппса); его существование подтверждается лишь ссылкой на академическое издание Русской Правды 1947 г. (Зимин 1999: 31–32).

Только в 1978 г. на территории Западного Берлина (по адресу Потсдамерштрассе, 33) было построено новое библиотечное здание, в котором разместилась вновь созданная Государственная библиотека — Прусское культурное наследие, где были собраны разрозненные доселе фонды бывшей Прусской государственной библиотеки, остававшиеся на территории ФРГ (см.: Schneider-Kempf 2004). Среди славянских рукописей новой библиотеки наибольший интерес представляла коллекция книг из собрания Вука Караджича, насчитывавшая несколько десятков манускриптов XIII–XVIII вв. в основном сербского происхождения

Что касается Берлинского списка Новгородской Первой летописи, то после Второй мировой войны он в числе немногих славянских рукописей оказался в Восточном Берлине и до 1992 г. хранился в Германской государственной библиотеке, в старом здании на Унтер ден Линден. В опубликованном в 1960 г. К. Гюнтером исследовании о судьбе славянских рукописей в Германии отмеча-

лось, что из 156 таких рукописей после войны в Германской государственной библиотеке уцелели только четыре, одной из которых был Cod. Phill. 1987, т. е. Берлинский список Новгородской Первой летописи (Günther 1960: 331).

В 1992 г. после объединения Германии обе главные библиотеки страны также были объединены, в результате чего возникла нынешняя Государственная библиотека в Берлине — Прусское культурное наследие, активно пропагандирующая свои фонды во всем мире. Берлинский список Новгородской Первой летописи попал в фонд объединенного Отдела рукописей и был перемещен в новое здание библиотеки на Потсдамерштртассе.

Ключевое значение для атрибуции Берлинской рукописи имеет выполненная в конце ее приписка следующего содержания: «Сия книга списывана 1738 году с древняго летописца Сенатскои Архивы, в которомъ подписано тако: в лето 6952 написана книга сия на почитания православным христианомъ; в переписывании же хотя прилежное смотрение оупотреблено, обаче от ветхости и многие буквы не видимы, а инде повреждено, особливо первой лист, и для того от погрешности не безопасно».

К рукописи было приложено письмо Татищева к неизвестному лицу от 12 октября 1749 г., в котором он сообщает: «Прошедшего Сент[ября]. 17 я послалъ къ вамъ для отдания препочтенному королевскому собранию русскую географию, а 1 сего месяца чрез лекаря Фреера древний манускрыптъ русской истории, ныне третии посылаю: копию с новогородского попа Иоанна, а при томъ новейшая карта Оренбургской губернии, какой, чаю, есче не имели <…> междо темъ, дожидаю, какъ сии посланные понравятся, и подлинного уверения о принятии меня членомъ того собрания, что более оному, нежели мне пользы принесетъ…».

В письме речь идет, несомненно, о Лондонском королевском обществе по развитию знаний о природе (The Royal Society of London for the Improvement of Natural Knowledge), основанном в 1660 г. и быстро ставшим одним из наиболее авторитетных научных учреждений в мире. Упоминаемый Татищевым «древний манускрыптъ русской истории», также предназначавшийся для Лондонского королевского общества, отправленный 1 октября 1749 г. «чрез лекаря Фреира» — это, несомненно, принадлежавшая историку Ростовская летопись, точнее ее Ярославский список XVII в. Об отправке оригинала рукописи в Лондон, а ее копии — в Петербург, в Академию наук Татищев говорит в седьмой главе «Истории Российской». К сожалению, ни оригинал, ни копия этой летописи до настоящего времени не разысканы, что подавало повод для различных спекуляций и необоснованных предположений. Приведенное нами письмо Татищева от 12 октября 1749 г. является новым подтверждением факта существования летописи и отправки ее в Лондон.

О желании Татищева установить отношения с Лондонским королевским обществом известно также из его письма, датированного 1747 г. Татищев информирует своих корреспондентов в Англии о намерении отослать в Королевское общество свою «Историю Российскую», для чего считает нужным перевести ее на немецкий язык (Андре-

ев 1994: 35). Однако дело с переводом затянулось, и историк, видимо, решил ограничиться отправкой в Лондон оригинала и копии двух найденных им русских летописей. Об отправке «Летописи попа Иоанна» он сообщает Л. Л. Блюментросту в письме от 6 марта 1750 г. (Андреев 1951: 293). По каким-то причинам отосланная в Лондон рукопись не дошла до адресата и через некоторое время оказалась в Гааге.

Дальнейшее изучение списка, возможное после знакомства с его оригиналом и получения его полной фотокопии, поможет ответить на вопрос о происхождении рукописи и определить место, которое принадлежит ей в истории русского летописания.

Литература

1. *Андреев 1951* — Андреев А. И. Переписка В. Н. Татищева за 1746–1750 гг. // Исторический архив. Т. VI. М. 1951.

2. *Андреев 1994* — Андреев А. И. Труды В. Н. Татищева по истории России // Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. I. М. 1994.

3. *Бобров 2001* — Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб. 2001.

4. *Бугославский 2006* — Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. Т. 1. Повесть временных лет. М. 2006.

5. *Валк 1957* — Валк С. Н. Татищевские списки Русской Правды // Материалы по истории СССР. Т. V. М. 1957.

6. *Валк 2000* — Валк С. Н. Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII — начала XIX века // Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб. 2000.

7. *Востоков 1842* — Востоков А. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского Музеума. СПб. 1842.

8. *Гейерманс 1940* — Гейерманс Г. Л. Татищевские списки Русской Правды // Проблемы источниковедения. Сб. 3. М.; Л. 1940.

9. *Гиппиус 1997* — Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб. 1997.

10. *Зимин 1999* — Зимин А. А. Правда Русская. М. 1999.

11. *Иконников 1908* — Иконников В. С. Опыт русской историографии. Т. II. Кн. 1. Киев. 1908.

12. *Клосс, Корецкий 1981* — Клосс Б. М., Корецкий В. И. В. Н. Татищев и начало изучения русских летописей // Летописи и хроники. 1980. М. 1981.

13. *Козлов 1999* — Козлов В. П. Российская археография конца XVIII — первой четверти XIX века. М. 1999.

14. *Лихачев 1947* — Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л. 1947.

15. *Лурье 1976* — Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л. 1976.

16. *Миллер 1890* — Миллер Г. Ф. История Академии наук (1725–1743) // Материалы для истории Академии наук. Т. VI. СПб. 1890.

17. *Мюллер 1947* — [Мюллер Р. Б.] Татищевские списки Правды // Правда Русская. М.; Л., Т. II. 1947.

18. *Насонов 1950* — Насонов А. Н. Предисловие // Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л. 1950.

19. *Насонов 1969* — Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. М. 1969.

20. *Описание 1959* — Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. III. Вып. 1. М.; Л. 1959.

21. *Приселков 1996* — Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб. 1996.

22. *Срезневский 1853* — Срезневский И. И. Исследования о летописях новгородских // Известия Отделения русского языка и словесности. Т. II. СПб. 1853.

23. *Толочко 2005* — Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев. 2005.

24. *Шахматов 1919* — Шахматов А. А. О списке Новгородской I летописи, поступившем в А[кадемию] Н[аук] из Воронцовского собрания // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 318.

25. *Шахматов 2003* — Шахматов А. А. О Начальном Киевском летописном своде // Шахматов А. А. История русского летописания. Т. I. Кн. 2. СПб. 2003.

26. *Яцимирский 1921* — Яцимирский А. И. Описание южнославянских и русских рукописей заграничных библиотек. Т. I // Сборник Отделения русского языка и словесности РАН. Т. 98. Пгр. 1921.

27. *Bibliotheca 1824* — Bibliotheca Meermanniana; sive Catalogus librorum impressorum et codicum manuscriptorum … quos … collegerunt … Gerardus et Joannes Meerman … T. IV. Hagae Comitum. 1824.

28. *Breslau 1995* — Breslau R. Verlagert, verschollen, vernichtet… Das Schicksal der im Zweiten Weltkrieg ausgelagerten Bestände der Preußischen Staatsbibliothek. Staatsbibliothek zu Berlin. Berlin, 1995.

29. *Die orientalischen Meerman-Handschriften 1892* — Die orientalischen Meerman-Handschriften des sir Thomas Phillipps in der Königlichen Bibliothek zu Berlin / Beschreiben von L. Stern. Berlin, 1892.

30. *Günther 1960* — Günther K. Slawische Handschriften in Deutschland // Zeitschrift für Slavistik. Bd. V. Hft. 3. 1960.

31. *Schneider-Kempf 2004* — Schneider-Kempf B. 25 Jahre Scharoun-Bau // 25 Jahre Staatsbibliothek an der Potsdamer Straße. Berlin. 2004.

32. *Voigt 1995* — Voigt G. Die kriegsbedingte Auslagerung von Beständen der Preußischen Staatsbibliothek und ihre Rückführung. Eine historische Skizze auf der Grundlage von Archivmaterialien // Kleine historische Reihe des Laurentius Verlages. Bd. 8. Laurentius; Hannover. 1995.

Search and Oblivion: a Copy of the Novgorod First Chronicle in the State Library of Berlin

A. V. Mayorov

The Berlin Copy (or Phillipps's Scroll) of the Novgorod First Chronicle is practically unknown to modern researchers. Before the beginning of the 19th century, the manuscript belonged to Dutch collector Gerard Meerman (1772–1771) and his heirs. In 1824, at an auction in Hague, it was bought along with other Meerman's books by British collector Thomas Phillipps, (1792–1872), and in 1887 it was acquired by the Prussian Royal Library.

In the early 20th century the scroll was described by Alexander Ivanovich Yatsimirskiy (1873–1925) sent specially to Berlin. In the 1930s, the manuscript was studied again in connection with preparation of the complete publication of the Russkaya Pravda by the Academy of Sciences of USSR. During the World War II and after it, the copy was considered lost and it was not used during the preparation of the academic issue of the Novgorod First Chronicle. It was disregarded by the authors of numerous studies on the history of Russian chronicling. Today, the Phillipps's Scroll may be considered completely forgotten.

In the end of the manuscript there is an addition which gives us grounds to date its writing to 1738, and to assert that it is a copy of some ancient chronicle once kept in the archives of the Senate. An appendix to the manuscript contains a authentic letter of Vasily N. Tatishchev dated by October 12, 1749, to an unknown person. From the letter it is obvious that the manuscript was intended to be sent to London as a present for the Royal Society for the Advancement of the Knowledge of Nature, but it has never reached the addressee and some time later was found in Holland.

Е. А. Мельникова

«По обычаю и закану»: об одном из источников сведений Константина Багрянородного о Восточной Европе

Рассказывая о кочевых народах Северного Причерноморья, печенегах и венграх, Константин VII Багрянородный дважды употребляет слово «закан» (ζάκανον) для характеристики специфических обычаев этих племен. В первом случае речь идет о принесении клятвы печенегами в ходе переговоров с представителем византийских властей:

«Когда послан отсюда (из Константинополя — *Е. М.*) василик с хеландиями, то он может… найти здесь тех же пачинакитов, обнаружив которых, он оповещает их через своего человека… Пачинакиты сходятся к нему, и, когда они сойдутся, василик дает им своих людей в качестве заложников, но и сам получает от пачинакитов их заложников и держит их на хеландиях. А затем он договаривается с пачинакитами. И, когда пачинакиты принесут василику клятвы **по своим заканам** он вручает им царские дары и принимает друзей из их числа…» (Константин 1989: 44/45, гл. 8.16–17).

Во втором случае Константин, как считается, пересказывает венгерское по своим истокам историческое предание о происхождении династии Арпадов — по инициативе хазарского кагана первоправитель венгров Леведия передает власть избранному «народом турок» Арпаду, который становится основателем династии венгерских королей:

«Через недолгое время упомянутый каган, архонт Хазарии, сообщил туркам (венграм — *Е. М.*), чтобы они послали к нему Леведию, первого своего воеводу. Посему Леведия, явившись к кагану Хазарии, спросил о причине, ради которой каган отправил посольство, (требующее), чтобы Леведия пришел к нему. Каган сказал ему: “Мы позвали тебя ради того, чтобы избрать тебя, поскольку ты благороден, разумен, известен мужеством и первый среди турок, архонтом твоего народа и чтобы ты повиновался слову и велению нашему”. Отвечая кагану, тот произнес: “Твое отношение ко мне и твой выбор я высоко чту и изъявляю тебе подобающую благодарность, но поскольку я неспособен к такой власти, то не могу повиноваться. Есть, впрочем, иной, помимо меня, воевода, называемый Алмуц и имеющий сына по имени Арпад. Лучше, чтобы один из них, либо этот Алмуц, либо его сын Арпад, стал архонтом и повиновался слову вашему”. Итак, довольный такой речью, упомянутый каган дал Леведии своих людей и послал их с ним к туркам. Когда они

беседовали об этом с турками, то турки предпочли, чтобы архонтом скорее оказался Арпад, чем его отец Алмуц, как более достойный, более желанный из-за его разума, рассудительности и мужества и способный к такой власти. Его-то они и сделали архонтом, **по обычаю и закану** хазар подняв его на щите. До этого Арпада турки никогда не имели другого архонта, и с тех пор до сего дня они выдвигают архонта Туркии из этого рода» (Константин 1989: 160/161, гл. 38.52).

Слово ζάκανον, по общему мнению, является заимствованием из славянских языков: праслав. **zâkanŭ*, ст.-слав. *законъ*, болг. *зако́н*, сербохорв. *зáкон*, чеш., слов. *zákon* и др. (Фасмер 1967: 75). Проникновение слова в греческий произошло, очевидно, задолго до Константина, т. е. до середины X в., на что указывает, во-первых, вокализм слова: праслав. **ă* передается в трактате Константина в других случаях только через омикрон или — изредка — омегу (Тохтасьев 2009: 2.2.1. 6.1). Во-вторых, автор (авторы) глав 8 и 38 сочли слово «закан» знакомым и понятным будущему читателю и не требующим пояснений, тогда как, например, слово «полюдье» было снабжено глоссой: «полюдия, которые именуются “кружением”» (Константин 1989: 50/51, гл. 9.107). Действительно, заимствование «закан», видимо, было достаточно хорошо известно, поскольку этот термин приведен в лексиконе «Суда» (Σοῦδα, вт. пол. X в. или, скорее ок. 1000) под словом δατόν (Suidae Lexicon: 9; DAI: 145–146; Бибиков 1989: 290).

Исследователи и комментаторы «кочевнического досье» Константина Багрянородного обращали преимущественное внимание на второй случай употребления слова «закан» — в пересказе венгерского социоэтиологического предания в гл. 38[1]. Обращение лишь к этому контексту привело к постулированию прямолинейной связи появления этого слова у Константина (и вообще в среднегреческом языке) с венграми. Так, Г. Вернадский предположил, что славянское слово *законъ* было заимствовано венграми, как и слово «воевода» (βοšβοδος — для обозначения первых венгерских вождей в отличие от их более поздних предводителей; см.: Константин 1989: гл. 38.5), и они попали в текст Константина из предания о происхождении династии Арпадов (Vernadsky, Ferdinándi 1957). По его мнению, эти заимствования должны свидетельствовать о ранних славянских влияниях на венгерскую элиту. Действительно, оба славянских термина встречаются здесь в «венгерском» контексте, восходящем, вероятно, к информации, полученной от венгров (Deér 1955: 93–121).

Однако Константин пишет здесь об «обычае и закане» хазар, а отнюдь не венгров (что, впрочем, может быть объяснено ошибочной атрибуцией хазарам венгерского обычая: традиция поднятия вождя на щит, как полагают венгерские ученые, была несвойственна мадьярам и, возможно, приписана им Константином по аналогии с римскими или германскими обрядам) и, что самое главное, в гл. 8.16–17 указывает на печенежский «закан» принесения клятвы. Очевидно, что Константин соотносит слово «закан» и с хазарами

[1] Так, в классическом издании трактата пассаж 8.16–17 не комментируется вовсе, а лишь снабжается отсылкой на комментарий к 38.52 (DAI: 15).

(венграми), и с печенегами в равной степени. Трудно предположить, что и печенеги, и венгры независимо друг от друга заимствовали славянское слово *законъ* (или, попав в язык одного народа, оно было передано другому) с достаточно расплывчатым и еще нетерминологическим значением «обычай как норма поведения, установленный порядок действий» (Никольский 2004: 16–19; ср. также «юридический обычай»: Ключевский 1956: 220),[1] в отличие от слова «воевода». Более того, на прямое заимствование из славянских языков без какого-либо (в том числе — венгерского) посредства указывает и вокализм греч. ζάκανον. Наконец, более ранний, нежели время написания трактата, принцип передачи праслав. ѧ через альфу, а не омикрон или омегу, равно как и отсутствие необходимости пояснять слово свидетельствуют о том, что Константин использовал уже существующее в греческом языке (и достаточно распространенное, по крайней мере, в близком ему круге) слово, а не вводил некое новое обозначение, почерпнутое от венгерских информаторов. Против воспроизведения слова «закан», заимствованного у информатора-венгра говорит и то, что, по мнению венгерских исследователей, ритуал поднятия на щите избранного вождя не был характерен для мадьяр, и Константин перенес на них обычай, распространенный в Римской и Византийской империях, а также у германцев (Györffy 1983: 114, 147; см. также: Шушарин 1989: 393, комм. 19).

Таким образом, использование Константином в «кочевнических» контекстах славянского слова указывает не на его заимствование у кочевников и не на усвоение «самого этого понятия, а, возможно, и норм права» печенегами (Константин 1989: 290)[2] — тогда надо предполагать параллельное его заимствование и хазарами или венграми — у славян. Оно свидетельствует о проникновении, более раннем, чем составление «Об управлении империей», в среднегреческий язык общеславянского слова *законъ* (Тохтасьев 2009: 2.2.1; Фасмер 1967: 75) как обозначения нормативных обычаев, принятых у «варваров» Северного Причерноморья (безотносительно к конкретным народам).

Каков же возможный источник слова «*законъ*» в труде Константина и вообще в греческом языке X в.?

Наиболее близким по времени и актуальным для императорской канцелярии источником были тексты русско-византийских договоров 911 и 944 гг. (ПВЛ 1996: 17 под 907 г. 18–20 под 911 г., 23–26 под 944 г.). В них слово *законъ* употребляется многократно и в разных контекстах, означая еще не «правовую норму, санкционированную государством» (Свердлов 1988: 12, примеч. 1)[3],

---

[1] Как на историографический курьез, можно указать на мнение И. Маркварта, истолковавшего ζάκανον Константина как обозначение должности (Marquart 1903: 35).

[2] Невозможность такого заимствования отмечали и авторы немецкого перевода «Об управлении империей» (Die Byzantiner 1995: 77. Anm. 32).

[3] Это и другие определения «закона русского» в договорах (С.В.Юшкова, Л.В. Черепнина и др.) исходили из понимания древнерусского общества X в. как феодального с развитой системой государственного управления и формирующимся на основе обычного феодальным правом (Свердлов 1988: 9–12). А.А. Зимин считал (Зимин 1965: 234–240; 1999), что при Олеге еще существовало обычное право («законы»), тогда как при Игоре оно уже трансформировалось в княжеское право («уставы», «поконы»).

а, скорее, «юридический обычай» (Ключевский 1956: 220; ср. близкое определение: Никольский 2004), т. е. — устойчивые, общепринятые действия и нормы поведения, в том числе (или по преимуществу?) в официальных ситуациях. На древность и традиционность такого обычая или порядка действий указывают многочисленные случаи употребления слова *законъ* с определением «отець своих» в описаниях восточнославянских племен (ПВЛ 1996: 10, 11 и др.). Причем выражение «по закону (обычаю) отець своих» несколько раз повторяется при характеристике «беззаконных» нравов «поганых» — язычников-печенегов (со ссылкой на Григория Амартола, см.: ПВЛ 1996: 11–12). В договорах слово *законъ* нередко употребляется с определением «руский» (иногда в противопоставлении «закону греческому» — два раза в договоре 944 г.)[1] или «наш» (два раза в договоре 911 г., один раз в договоре 944 г.)[2], отмечающим принадлежность этого обычая определенной этнокультурной общности — русам. В значительном количестве случаев слово *законъ* сочетается с иным обозначением нормативного действия: «по вере и по закону нашему», «по закону и по покону языка нашего» (договоры 911 г., 944 г.), «по уставу и по закону рускому» (договор 944 г.), причем в трех из четырех случаев эти выражения употреблены в формулировке или описании клятв, приносимых русами при ратификации договора.

Последнее представляется особенно важным — в тексте Константина слово «закан» употреблено именно и исключительно в связи с официальным подтверждением кочевниками согласованных с ними договоренностей (соглашения печенегов с императорским чиновником, утверждения хазарским каганом избрания вождем Арпада). И печенеги, и венгры у Константина, равно как и русы в договорах с Византией, ратифицируют достигнутое соглашение согласно своему «закану» («закону»). В «Повести временных лет» встречается и прямое соответствие выражению Константина: «κατὰ τὸ τω ν Χαξάρων ἔθος καὶ ζάκανον» («по обычаю и закану хазар») — «обычаи свои и законъ отецъ своих» в характеристике восточнославянских племен (ПВЛ 1996: 10; Константин 1989: 160/161).

Учитывая все эти данные, представляется правомерным предположение, что славянское слово *законъ* стало известно в византийской императорской канцелярии в ходе заключения древнейшего договора с русами (в 907 или 911 г.) как местный *terminus technicus*, обозначающий регламентированные обычаем нормы, принятые в среде «северных варваров». Проникнутому духом римского права юридическому сознанию византийских чиновников понятие обычая как правовой нормы было чуждо, оно не находило и прямого соответствия в греческом языке, поэтому слово *законъ*, которым сами росы обозначали свои традиционные порядки, могло быть использовано в греческом тексте договора. Показательно, что греческое слово «обычай» (ἔθος) оказалось близким по значению, но не

[1] Дважды в договоре 944 г.: «…и *тъ* показненъ будеть **по закону гречьскому, и по уставу и по закону рускому**»; «…да будеть повиненъ **закону руску и гречьску**» (ПВЛ 1996: 25).

[2] «.. по закону <…> языка нашего» дважды в договоре 911 г. (ПВЛ 1996: 18, 20).

полностью адекватным слову *законъ*: не случайно Константин употребляет их вместе как формульную пару: «по обычаю и закану».

Возникнув для характеристики правовых обычаев росов в контексте договорной практики, слово «закан» могло было быть легко распространено византийцами на типологически сходные «юридические обычаи» соседних с росами народов. Это были также «северные варвары», как и росы. Византия вступала с ними в такие же дипломатические отношения и вела сложную политическую игру в Северном Причерноморье, то объединяя, то сталкивая друг с другом печенегов, венгров, болгар и росов. Косвенным подтверждением того, что ни печенеги, ни другие кочевники не использовали слово *законъ*, а оно было достоянием византийских дипломатических служб, говорит ссылка Константина на νόμος («закон») печенегов при описании порядка у них наследования власти (Константин 1989: 37.25–26): для характеристики собственно печенежских, внутренних, дел Константин прибегает к адекватным греческим обозначениям.

При подготовке материалов для трактата «Об управлении империей» имперские дипломатические службы сыграли роль первостепенной важности: «информаторами были, безусловно, образованные византийские чиновники ведомства внешних сношений или дворцовых канцелярий» (Литаврин 2009). Именно они снабжали составителей отдельных разделов информацией о различных народах и отношениях Византии с ними или сами писали соответствующие справки. Вероятно, составителям были известны и хранящиеся в архивах документы, в том числе русско-византийские договоры. Таким образом, источником слова «закан», использованного Константином при описании официальных церемониалов печенегов и венгров, вероятнее всего послужили тексты русско-византийских договоров из имперской канцелярии.

Литература

1. *Бибиков 1999* — Бибиков М. Б. [Комментарий] // Константин Багрянородный. Об управлении империей М. 1989.

2. *Зимин 1965* — Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская Правда // Исторические записки. Т. 76. М. 1965.

3. *Зимин 1999* — Зимин А. А. Правда русская. М. 1999.

4. *Константин 1989* — Константин Багрянородный. Об управлении империей. М. 1989.

5. *Ключевский 1956* — Ключевский В. О. Сочинения. Т. 1. М. 1956.

6. *Литаврин 2009* — Литаврин Г. Г. Константин VII Багрянородный и названный его именем труд // Константин Багрянородный. Об управлении империей. Исправленное и дополненное изд. М. 2009 (в печати).

7. *Никольский 2004* — Никольский С. Л. О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси // Средневековая Русь. Вып. 4. М. 2004.

8. *ПВЛ* — Повесть временных лет. 2-е изд. исп. и доп. СПб. 1996.

9. *Свердлов 1988* — Свердлов М. Б. От Закона Русского к Правде Русской. М. 1988.

10. *Тохтасьев 2009* — Тохтасьев С. Р. Иноязычная лексика в De administrando imperio Константина Багрянородного // Константин Багрянородный. Об управлении империей. Исправленное и дополненное изд. М. 2009 (в печати).

11. *Фасмер 1967* — Фасмер М. Этимологический словарь. Т. II. М. 1967.

12. *Шушарин 1989* — Шушарин В. П. Комментарий // Константин Багрянородный. Об управлении империей. М. 1989.

13. *Die Byzantiner 1995* — Die Byzantiner und ihre Nachbarn. Die De administrando imperio gennante Lehrschrift des Kaisers Konstantinos Porphyrogennetos für seinen Sohn Romanos. Wien. 1995.

14. *DAI* — Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Commentary by F. Dvornik, R. J. H. Jenkins, B. Lewis, Gy. Moravcsik, D. Obolensky, S. Runciman. Vol. II. London. 1962.

15. *Deér 1955* — Deér J. Le problème du chapitre 38 du D. A.I. // Mélanges H. Grégoire. T. IV. Brussels. 1955.

16. *Györffy 1983* — Györffy Gy. István király és műve. Budapest. 1983.

17. *Marquart 1903* — Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jh. Leipzig. 1903.

18. *Suidae Lexicon* — Suidae Lexicon. T. II. Leipzig. 1930.

19. *Vernadsky, Ferdinándi 1957* — Vernadsky G., Ferdinándi M. de. Studien zur ungarischen Frühgeschichte I. Lebedia, II. Almos // Sudosteuropäische Arbeiten. Bd. 47. Münich. 1957.

"According to the Custom and *Zakan*": One of the Sources of Information of Constantine Porphyrogenitus on Eastern Europe

E. A. Mel'nikova

In *De administrando imperio*, Constantine VII Porphyrogenitus uses the word ζάκανον twice while describing the customs of Pechenegs (8.16–17) and Hungarians (in the latter case actually the customs the Khazars are implied: 38.52). It is generally accepted that the word *zakan* is of Slavic origin, Protoslav. **zâkanй*, O.Sl. *законъ*. Its penetration into the Greek language, judging by its vocalism, took place still before the mid-tenth century.

It must have been fairly well known by the time of Constantine, since the latter did not explain its meaning and it was attested also in the *Souda* lexicon. The widespread supposition that this word was borrowed from Hungarian informants contradicts both its form and its application to the Pechenegs. The only written documents of the first half of the tenth century where the word *законъ* is widely used are the treaties of 911 and 944 AD between the Rus and the Greeks. Especially noteworthy are the formulae of oaths ratifying the treaties "according to the [Russian] *законъ*". The author suggests that the term *законъ*, denoting a "juridical custom" (rather than a law sanctioned by the state) alien to Byzantine legal notions, was on purpose introduced into the texts of the treaties. Functionaries of the Byzantine imperial chancellery and diplomatic offices, who wrote or supplied materials for Constantine's book, used to apply it as a general designation of traditional actions of the "northern barbarians" juridical consequences, and therefore inserted it into their about the ratification of agreements between the Pechenegs and the Byzantine offices. One of such relations was concerned with the election of the chief of the Arpad through the mediation of the Khazars.

Е. Р. Михайлова

Сопка у деревни Вындин Остров (результаты доследования)

В окрестностях Старой Ладоги и по берегам Волхова высятся крутобокие величественные насыпи — сопки. Каждая из них представляла собой в древности сложное культово-меморативное сооружение и была по-своему уникальна. В этой связи оказываются важны новые сведения об устройстве еще одной волховской сопки, расположенной близ деревни Вындин Остров.

Сопка расположена на левом берегу р. Волхов, напротив южной оконечности острова Вындин, между деревнями Вындин Остров и Помялово Гостинопольской волости Волховского района. Насыпь была возведена на песчаной возвышенности у края речного берега, на высоте 12 м над уровнем воды (рис. 1).

Местное название холма и участка волховского берега под ним — «Сопка». Урочище активно посещается местными жителями и рыбаками. Здесь ведется добыча песка для нужд местных домохозяйств. Верхушка холма и берег Волхова рядом с ним покрыты многочисленными кострищами и ямами.

Впервые сопка на Волхове напротив острова Вындин упомянута в 1840 г. (Сведения 1840: 8 об.). Позднее памятник обследовали Н. И. Репников в 1904 г., Н. Н. Чернягин в 1929 г., С. Н. Орлов в 1949 и 1968 гг., О. В. Овсянников в 1966 г., Е. М. Колпаков в 1987 г. (Поездка 1904: 60; Чернягин 1929: 26; Орлов 1968: 13–14; Овсянников 1966). Эту сопку неоднократно осмотривал в 1970–1980-х гг. В. П. Петренко. Сопка отмечена в нескольких археологических сводах (Чернягин 1941: № 347; Седов 1970: № 324; Петренко 1994: № 23-I). В архиве Департамента по гос. контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Комитета по культуре Правительства Ленинградской области хранится паспорт памятника, составленный Е. М. Колпаковым.

Согласно обмерам Н. Н. Чернягина, это была высокая крутобокая насыпь с закругленной вершиной. Диаметр сопки составлял около 23 м, высота достигала 6 м. В 1929 г. насыпь еще не имела существенных повреждений. К концу 1960-х гг. сопка сохранилась уже в виде останца высотой 4,6 м. Ее центр и восточная пола были срыты на глубину до 3,25 м. Сама насыпь оказалась окружена песчаными карьерами, края которых прошли у самых ополин сопки. В таком виде останец простоял до конца 1980-х гг. В 1989 г. в связи с прокладкой здесь трассы газопровода памятник раскапывался Д. Л. Яблоником (Яблоник 1989). Была исследована

большая часть останца — за исключением его северо-западной части, занятой в момент раскопок вековой сосной. Охранные раскопки 1989 г. позволили в основном реконструировать способ возведения и внутреннюю структуру сопки. Были встречены следы разрушенных погребений по обряду трупосожжения на стороне. Выяснилось также, что насыпь была возведена на месте раннесредневекового поселения. Материалы селища в раскопе 1989 г. представлены лепной гладкостенной керамикой второй половины I тысячелетия н. э. Под культурным слоем поселения на материке тогда же были зафиксированы следы древней распашки.

Предметов, которые могли бы узко датировать памятник, при раскопках 1989 г. встречено не было. По наличию в перекрытом сопкой культурном слое исключительно лепной керамики, селище было предварительно датировано VIII–IX вв. Д. Л. Яблоник предположил, что время сооружения сопки недалеко отстоит от верхней хронологической границы существования селища.

В 2005 г. в рамках работ Северо-Западной археологической экспедиции НИИКСИ СПбГУ в зоне строительства Северо-Европейского газопровода памятник был вновь осмотрен С. Л. Кузьминым. Осмотр выявил сохранность оставшегося не исследованным в 1989 г. участка насыпи. Кроме того, результаты работ Д. Л. Яблоника позволяли предположить наличие культурного слоя поселения под нераскопанным краем насыпи и рядом с ним. С целью

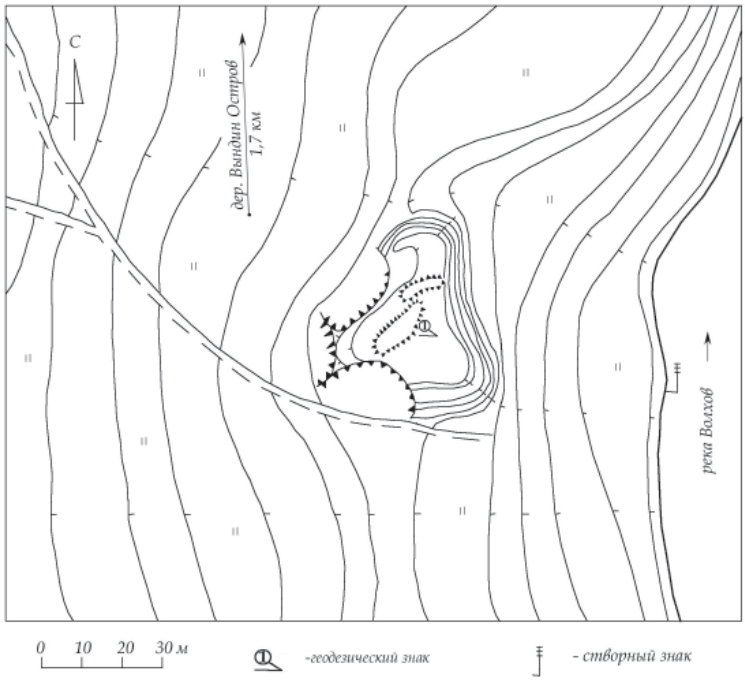


Рис. *1* — План останца сопки у д. Вындин Остров. Горизонтали проведены через 1 м. Съемка С. Л. Кузьмина, 2005 г.

окончательного доследования останца сопки у д. Вындин Остров в июне 2006 г. под руководством автора этой статьи были проведены охранные раскопки.

К моменту начала наших работ останец насыпи представлял собой неправильной формы низкое расплывчатое задернованное всхолмление размером 7,5–8×6–7 м. Над верхней площадкой холма оно возвышалось на 1,3–1,6 м. Его северо-западный край сильно ополз по нарушенному добычей песка склону холма. Юго-западный край, судя по всему, в основном сохранил крутизну края насыпи сопки. Пологий восточный край останца плавно переходил в песчаную площадку на вершине холма (рис. 2).

В западной поле до раскопок прослеживалась западина неправильной четырехугольной в плане формы, размером приблизительно 3×4 м и глубиной 0,4 м. По северо-западному и западному краям этой западины прослеживались низкие бесформенные хорошо задернованные возвышения с плоскими верхушками — отвалы раскопа 1989 г.

Основная часть отвалов предыдущего раскопа оказалась сложена в юго-западной части исследованного участка.

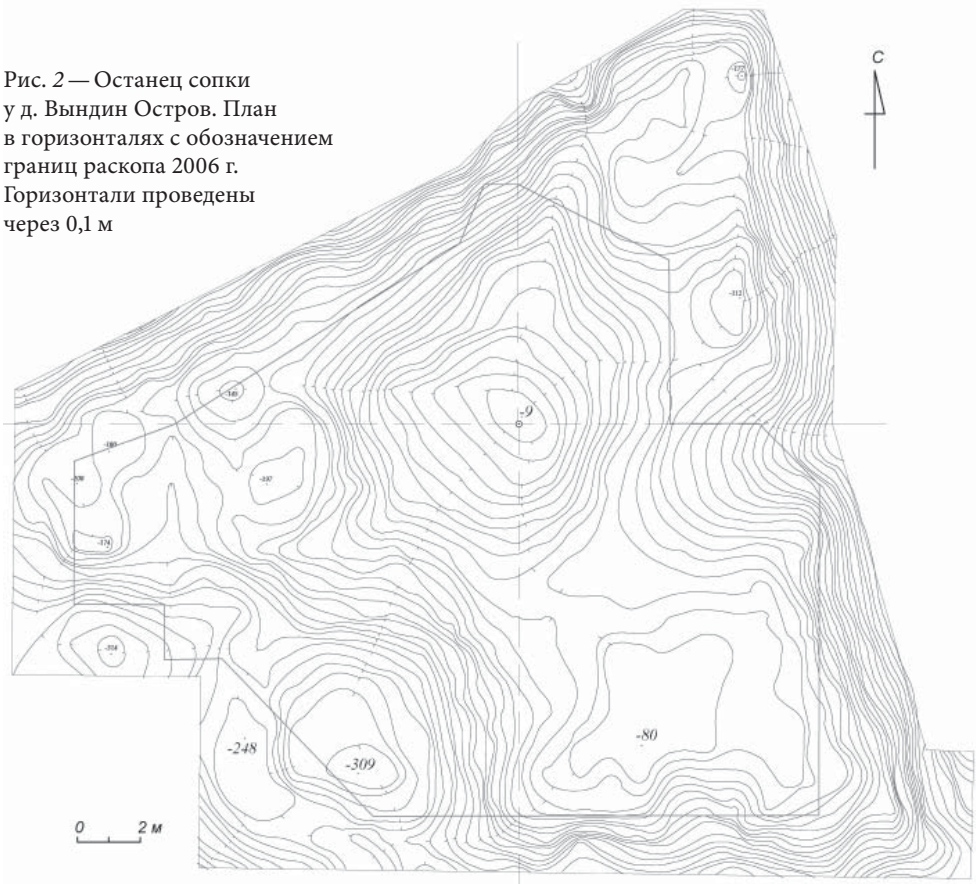


Рис. *2* — Останец сопки у д. Вындин Остров. План в горизонталях с обозначением границ раскопа 2006 г. Горизонтали проведены через 0,1 м

Здесь до раскопок наблюдалось плоское возвышение неправильной четырехугольной в плане формы размером приблизительно 7×11 м, поднимавшееся над основанием останца на 20–30 см, и оползавшее вниз по обрывистому склону камовой возвышенности, а также — частично — в упомянутую выше крупную западину.

В центре останца насыпи был вкопан государственный геодезический знак 3-го класса — выступающая над поверхностью железная втулка с надписью белой масляной краской.

После раздерновки останца выяснилось, что часть площади раскопа занята балластным слоем — отвалом раскопов 1989 г. Этот слой состоял из чередующихся прослоек сильно гумусированного почти черного песка (погребенного дерна) и аморфного светлого песка. При разборке балластного слоя были собраны несколько гильз от винтовочных патронов, мелкие фрагменты разновременной керамики, осколки пережженных человеческих (?) костей, отдельные кремневые изделия.

Под отвалом прежнего раскопа залегала прослойка черно-серого гумусированного песка, пронизанного остатками корней травы — погребенный дерн, сформировавшийся за промежуток 1989–2006 гг. В слое погребенного дерна под старым отвалом были найдены сферический свинцовый грузик и металлическая пуговица от униформы чинов Инженерного ведомства Российской империи.

На темном фоне погребенного дерна (дневной поверхности 1989 г.) проступили контуры нескольких узких прямоугольных ям, заполненных мягким мешаным светло-коричневым песком. Судя по тому, что все они были заполнены перемешанным песком старого отвала, в 1989 г. это были свежие канавы, только что вырытые на территории памятника.

Еще один обширный перекоп располагался в западной части раскопа. Его контуры прослеживались еще до начала работ. Это был четырехугольный в плане котлован с крутыми, почти отвесными стенками, заложенный когда-то вплотную к останцу насыпи. Размеры котлована составили приблизительно 3×3–4 м, глубина от уровня материка 0,25 м. Своей продольной осью котлован ориентирован по линии северо-запад — юго-восток, как и остальные поздние ямы, упомянутые выше. В заполнении котлована (перемешанный темно-серый песок), помимо обрывков полиэтилена, битого бутылочного стекла и прочего современного мусора, найдены осколок сельтерской бутыли из каменной массы, два фрагмента лепной керамики и ножевидная пластина из светлого кремня.

Вдоль северо-западного склона холма ниже балластного слоя был разобран завал переотложенной красной глины, в верхней части частично перемешанной с кусками дерна из старого отвала (в 2006 г. это были уже прослойки черно-серого гумусированного песка со следами корней в них). В отдельных местах слой красной глины был нарушен неглубокими ямами, заполненными аморфным песком вперемежку с сажей и гумусными включениями — засыпанными поздними кострищами.

Сама насыпь оказалась сложена из светло-желтого песка, который брался, судя по всему, здесь же, на месте. Высота сохранившейся части насыпи

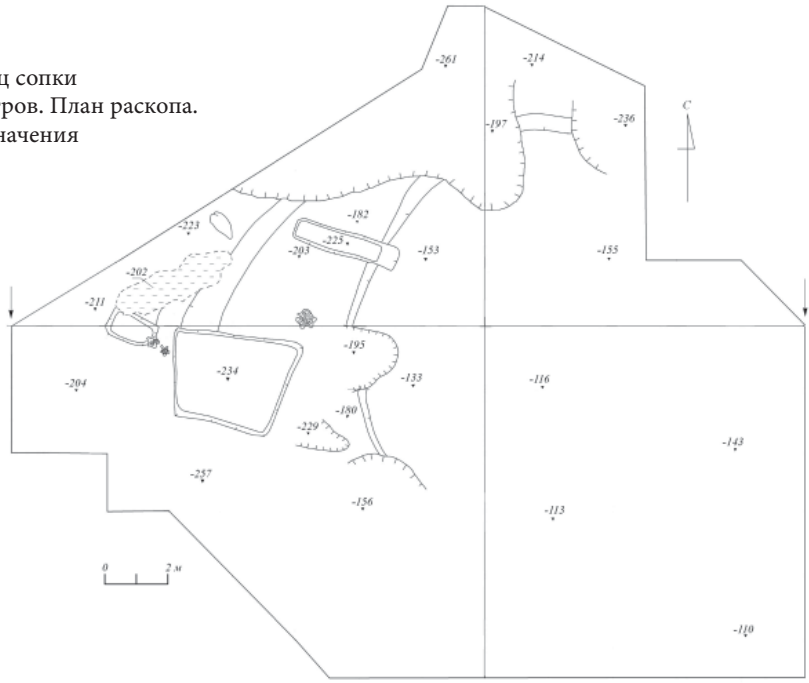


Рис. *3* — Останец сопки у д. Вындин Остров. План раскопа. (Условные обозначения см. на рис. 4)

составила 0,6 м (рис. 3–4). В желтом песке насыпи были собраны немногочисленные фрагменты стенок лепных сосудов. Большинство черепков происходит от гладкостенных сосудов, но на нескольких имеются оттиски гребенчатого штампа. В желтом песке насыпи были найдены и отдельные кремневые отщепы.

В сохранившейся части насыпи были заметны и значительные прослойки черного сильно гумусированного песка, чередующиеся с прослойками желтого песка. Это следы дерново-земляных валиков в основании сопки — характерного конструктивного элемента, применявшегося при возведении многих высоких насыпей. Отсыпанный по контуру будущей монументальной насыпи невысокий (до 1 м) валик из земли и дерна крепил возводимую насыпь, не позволяя грунту беспорядочно расползаться в стороны (Петренко: 1994: 54 сл.; Кузьмин 1997: 109).

Высота валика, зафиксированного во фрагменте выдиноостровской сопки, составляла 40–60 см, однако первоначально, конечно, была больше — вся верхняя часть останца срезана земляными работами предшествующих лет. Зафиксированная ширина валика — не менее 3 м.

В прослойках погребенного дерна, образующего описанный валик, собраны многочисленные мелкие фрагменты лепной керамики (в т. ч. с поверхностью, штрихованной пучком травы), осколки пережженных костей и кремневые изделия (отщепы, проколка, микролитическая пластина). В этих же прослойках встречались мелкие расколотые, покрытые копотью и обожженные камни. Очевидно, дерн для сооружения сопки также был нарезан на мес-

те — на вершине холма, ранее занятого поселением.

В основании сопки залегал слой погребенной почвы — черный сильно гумусированный песок мощностью 10–12 см, поверхность которого полого понижалась к краю насыпи, отмечая дневную поверхность периода сооружения сопки. Пятно погребенной почвы под насыпью было ограничено рвом, окружавшим сопку и лишь частично исследованным ранее.

Вскрытый нами ров должен быть отнесен к числу так называемых подрезок, формирующих подкурганную площадку путем обработки склонов естественного возвышения. При этом одна, внутренняя стенка такой подрезки обладает значительной высотой и крутизной, а другая, противоположная представляет собой чрезвычайно пологий склон или отсутствует вовсе.

Этими признаками характеризуется и описываемый ров. По внутренней, крутой стенке его глубина составляла 0,4–0,5 м; далее плоское дно, постепенно повышаясь, выходило на уровень древней дневной поверхности. Зафиксированная ширина рва составила 3,6 м. Ров сохранился лишь частично — его края оказались нарушены поздними перекопами. На дне рва частично сохранилось заполнение — плотный светло-серый гумусированный песок, местами перемешанный с рыхлой красной глиной.

Ниже погребенной почвы под насыпью по всей площади раскопа прослеживался слой плотного крупного красновато-оранжевого песка с многочисленными ленточными ожелезнениями. Мощность этого слоя составляла 0,4–0,6 м. В отдельных местах в красноватом песке были заметны почти черные аморфные гумусированные пятна.

В слое красновато-оранжевого песка были найдены кремневые изделия — ножевидные пластины, микролитическая треугольная пластинка и отщеп.

Важно отметить, что слой красновато-оранжевого песка в течение своей истории прошел период интенсивного природного воздействия. Об этом свидетельствуют и неправильной формы железистые «разводы» в его структуре, и своеобразная растворенность в песке черноватых гумусных включений, и нижняя неровная, так наз. языковатая граница слоя.

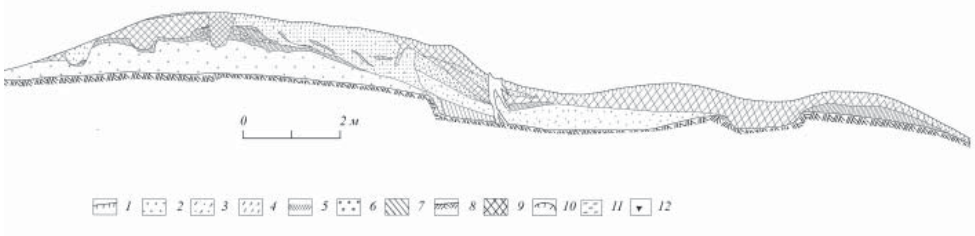


Рис. *4* — Останец сопки у д. Вындин Остров. Разрез насыпи по линии восток — запад. Условные обозначения:

1 — дерн; *2* — желтый песок насыпи; *3* — светло-коричневый песок; *4* — темно-коричневый песок; *5* — погребенная почва; *6* — красновато-оранжевый крупный песок; *7* — светло-серый песок; *8* — материк; *9* — заполнение перекопа; *10* — граница перекопа на уровне материка; *11* — перемешанная красная глина; *12* — нивелировочная отметка материка

Под красновато-оранжевым песком лежал материк — светло-желтый плотный слоистый песок. При зачистке раскопа по материку были найдены отдельные фрагменты лепной гладкостенной керамики.

Можно утверждать, что доследование останца сопки у деревни Вындин Остров, несмотря на сравнительно небольшой объем работ, позволило получить важные результаты. Удалось дополнить имевшиеся сведения о структуре данной сопки и, следовательно, ее месте среди прочих монументальных насыпей Северного Поволховья. Ее сравнительно простая структура (однородная песчаная насыпь с кольцевым дерново-земляным валиком в основании), а также топографическое положение одиночной насыпи и сведения о первоначальном облике и размерах насыпи, — все это позволяет отнести сопку у деревни Вындин Остров к выделенному В. П. Петренко типу I. К этому же типу исследователь относил несколько сопок южнее Старой Ладоги — насыпи 13–I, 15–III, 15–VI по разработанной им индексации (Петренко 1994: 53). Тем самым мы получаем определенные основания для датировки сопки, хотя в ней и не встречено каких-либо датирующих находок. Сопки I типа по В. П. Петренко датируются в пределах IX–X вв., возможно, ближе к верхней границе этого хронологического отрезка.

В общих чертах реконструируется процесс сооружения сопки (вернее, ее изученной при раскопках нижней части). Для возведения сопки была выбрана возвышающаяся над местностью точка — песчаный холм на второй береговой террасе Волхова. На вершине холма было оконтурено рвом-подрезкой имевшееся здесь естественное повышение. Крутизна дуги выявленного нами рва-подрезки соответствует диаметру сопки по обмерам Н. Н. Чернягина — 22–23 м.

Поверхность получившейся таким образом округлой площадки дополнительно не выравнивалась — прослеженный при раскопках слой погребенной почвы сохранил естественный уклон в сторону рва.

По краю намеченной площадки был отсыпан валик из взятого на месте дерна и песка. Возможно, на сооружение этого валика пошел грунт, вынутый при сооружении рва-подрезки. Высота валика составляла не менее 0,6 м в раскопе 2006 г., а в действительности — больше (многочисленные прослойки погребенного дерна в теле насыпи отмечены Д. Л. Яблоником в 1989 г.).

На ограниченном валиком пространстве была возведена из песка сопка высотой ок. 6 м. Можно предполагать наличие в ней захоронений по обряду трупосожжения на стороне, позднее разрушенных вместе с большей частью насыпи. Переотложенные разрозненные кальцинированные кости были неоднократно встречены и в 1989 г., и в 2006 г.

Открытым остается вопрос о характере поселения, перекрытого сопочной насыпью. Зафиксированный Д. Л. Яблоником сильно гумусированный почти черный культурный слой, содержавший значительное количество лепной керамики конца I тысячелетия н. э., нами в раскопе 2006 г. не обнаружен. Вместе с тем, часть керамики, найденной в 2006 г. в переотложенных слоях и в прослойках погребенного дерна

должна быть отнесена к эпохе раннего средневековья. Можно предположить, что раннесредневековое селище имело незначительную площадь и располагалось в основном на восточной, несохранившейся части холма.

Важное значение имеет открытие под сопочной насыпью нового памятника — поселения эпохи раннего металла. Поселения этого времени известны в Северном Поволховье (Гурина 1961: 116–119); ближайшее к исследованному нами памятнику находится на острове Вындин (Орлов 1968а: 7). Однако подробное изучение этого пласта памятников только начинается (Юшкова 2004).

Основные характеристики слоя красновато-оранжевого песка, с которым связаны находки эпохи раннего металла — языковатая нижняя граница, ожелезненные «разводы», малочисленность и явная разрозненность находок и т. п. — позволяют предположить, что этот культурный слой уже после завершения своего формирования подвергся сильному воздействию вторичных почвообразующих факторов. Тем удивительнее столь значительная — до 60 см — мощность этого слоя. Можно допустить, что рассматриваемый слой накапливался в продолжение длительного времени — возможно, в течение нескольких исторических периодов. Вероятно, о том же свидетельствует и заметная неоднородность кремневого инвентаря — на фоне массивных и грубых сколов из разнородного кремня выделяются серия геометрических микролитов и группа из нескольких ножевидных пластин из одинакового светлого кремня.

Совпадение границы слоя эпохи раннего металла и контура сопки объясняется просто: зафиксированный нами контур распространения культурного слоя образован рвом-подрезкой, окружавшим сопку. Попытки проследить распространение этого слоя или выявить другие пятна культурного слоя за пределами рва успеха не имели — повсюду на уцелевшей части холма под современным дерном залегал либо материковый песок, либо старый отвал, под которым успел сформироваться погребенный дерн.

Литература

1. *Гурина 1961* — Гурина Н. Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР // МИА. № 87. М.; Л. 1961.

2. *Кузьмин 1997* — Кузьмин С. Л. Волховские сопки на современном этапе изучения // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской. СПб. 1997.

3. *Овсянников 1966* — Овсянников О. В. Отчет о командировке в Волховский район // РА ИИМК РАН. Ф.35. Оп.1. Д. 79/1966 г.

4. *Орлов 1968а* — Орлов С. Н. Отчет Волховского отряда за 1968 г. об археологическом обследовании долины р. Волхов // Архив Департамента по охране и использованию памятников истории и культуры Комитета по культуре Правительства Ленинградской области.

5. *Орлов 1968б* — Орлов С. Н. Отчет о работах Волховского отряда ЛОИА в 1968 г. // РА ИИМК РАН. Ф.35. Оп. 1. Д. 123.

6. *Петренко 1994* — Петренко В. П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволховья. СПб. 1994.

7. *Поездка 1904* — Поездка Н. И. Репникова в Старую Ладогу // ЗОРСА. Т. V. Вып. 2. 1904.

8. *Сведения 1840* — Сведения о древностях, существующих в Санкт-Петербургской губ., составленные по распоряжению гражданского губернатора С.-Петербургской губ. в 1840 г. // РА ИИМК РАН. Ф. 6. 1840 г. Д. 51. Ч. 2.

9. *Седов 1970* — Седов В. В. Новгородские сопки // САИ. Е1–8. М. 1970.

10.*Чернягин 1929* — Чернягин Н. Н. Отчет о маршрутной рекогносцировке по р. Волхов в 1929 г. // РА ИИМК РАН. Ф. 6. 1929 г. Д. 122.

11.*Чернягин 1941* — Чернягин Н. Н. Длинные курганы и сопки (археологическая карта) // МИА. № 6. М.; Л. 1941.

12.*Юшкова 2004* — Юшкова М. А. Памятники эпохи раннего металла в Нижнем Поволховье // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 18. Вел. Новгород. 2004.

13.*Яблоник 1989* — Яблоник Д. Л. Отчет о работе Ленинградского областного новостроечного отряда в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14793.

A Sopka-Kurgan near the Vilage of Dyndin Ostrov. The Results of Additional Excavations

E. R. Mikhaylova

This paper presents the results of rescue excavations of 2006 of the remains of a sopka-type barrow near the village of Vyndin Ostrov in the lower reaches of the Volkhov River. The excavations have yielded information for reconstruction of the main elements of the internal structure of the mound and the technique of its construction. The barrow investigated belongs to type I of sopka-barrows according to Valeriy P. Petrenko which are dated presumably to the 9th–10th century. Beneath the mound of the sopka, the remains of several settlements were revealed.

А. П. Моця

Волга — Днепр — Дунай: средневековый путь Булгар — Киев — Регенсбург

Сухопутные торговые магистрали, вместе с водными, а позже и воздушными, с древних времен связывали между собой разные страны и народы. Эта аксиома ни у кого не вызывает возражений. Поэтому историков интересуют, в первую очередь, время появления того или иного конкретного пути и восстановление более точного его маршрута. Говоря о территории Восточной Европы средневековых времен, то на протяжении довольно длительного времени исследователи отдавали предпочтение изучению именно водных магистралей (Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 218–235; Кирпичников 2006: 5–12). Сухопутный вариант контактов в определенной степени оставался на втором месте в этом плане, что обуславливалось географической спецификой региона. Но в отношении степной и лесостепной зон такое утверждение не является аксиомой, а поэтому проблема заслуживает дальнейшего внимания.

В самых общих чертах, говоря о времени начала функционирования конкретного пути, можно констатировать следующее: с переходом к эпохе цивилизации торговые связи между крупными географическими регионами интенсифицируются, в первую очередь в направлении транзитных перевозок. Купцы начинают играть все более важную роль, а их деятельность даже получает «идеологическое обоснование». Как говорили на Востоке: «Купец равно блажен в сем мире и в будущем» и «Кто зарабатывает деньги, угоден Аллаху».

Что касается второго вопроса, то он частично и будет рассмотрен ниже. Речь пойдет о Великом Шелковом пути, а вернее об его средневековом участке между волжским, днепровским и дунайским регионами. Ведь караванные дороги еще с первых веков Христовой эры связывали Китай с Передней Азией и Европой. Лишь в своей средней части — в Центральной Азии — путь был сравнительно узок и един. Далее, ближе к концу, он дробился на множество ответвлений, направлявшихся к разным городам и странам. С одной стороны, они заканчивались у берегов Ирландии и норвежских фиордов, в Португалии и Дании, в Суздале и около Уральских гор, с другой — тянулись к Японии, к островам Пряностей за Индонезией, к Цейлону и Филлипинам. Поэтому можно согласиться с мнением, что это — обобщенное название большого количества торговых караванных дорог, связывавших Китай с Передней Азией и Европой (Радкевич 1990: 71).

В разные времена, в зависимости от конкретной исторической ситуации, торговые операции производились между отдельными регионами евразийского материка по определенным артериям. И если решения каких-либо правителей, войны или же экологические изменения затрудняли передвижение по определенной местности, то восточно-западные связи усиливались севернее или южнее этой небезопасной в данный момент зоны контактов. Не были исключением и средневековые времена, когда также формировались новые торговые нити в европейском регионе (как и на других территориях).

Одним из таких маршрутов между восточными и западными регионами стал путь из Поволжья до Подунавья через Среднее Поднепровье, где основными пунктами были булгарский Великий город — Биляр/Булгар (Волжская Булгария 1986: 4 — древнерусский Киев и германский Регенсбург.

Более тщательная проработка отдельных участков невозможна без полевых археологических исследований, которые и были проведены на протяжении нескольких лет, а результаты опубликованы в разных изданиях (Моця, Халиков 1997; Звіздецький, Моця 1998: 77) Весь вышеупомянутый путь вполне обоснованно можно условно разделить на две части, каждая из которых имеет свои специфические особенности.

В первом случае (Булгар — Киев) можно выделить три отрезка: «волжско-булгарский», «древнерусский» и «нейтральный», на который не распространялась власть ни одного из государств. Но интернациональный торговый закон «время — деньги» заставлял купцов рисковать, проходя караванами по незащищенному межгосударственному пространству.

Сам маршрут пути между двумя столицами государств был проложен при оптимально выгодном использовании природного ландшафта и на кратчайшем расстоянии между конечными пунктами — почти напрямик. Дорога пересекала слабо заселенные водораздельные пространства между Днепром, Десной, Доном, Окой, Сурой и Волгой. Выбор водоразделов для передвижения избавлял караваны от необходимости переправ через многочисленные водные преграды, кроме тех случаев, когда их невозможно было обойти. Но и тогда выбиралось место, где посреди реки находился остров, а один из рукавов можно было перейти вброд. Вероятнее всего, середина пути находилась в районе современной речки Эртель, что в Воронежской обл. — ведь само это название следует трактовать как древний тюркский (булгарский) топоним, что обозначал именно средину пути. Здесь, можно предполагать, и заканчивалась первая, тридцатидневная часть путешествия. А все расстояние маршрута караваны преодолевали за два месяца в теплые времена года (т. е. в целом в оба конца купец передвигался на протяжении четырех месяцев). Сам темп передвижения в одном направлении определялся следующим образом: 40 дней перехода и 20 дней отдыха и местной торговли, т. е. два дня пути, затем день остановки.

На древнерусской и булгарской государственных территориях путь фиксируется наличием торговых факторий, своеобразных “караван-сараев”, где люди и животные отдыхали, где

производились торговые операции и пополнялись запасы продовольствия, а также фуража. Некоторые из таких пунктов превращались в настоящие города в средневековом понимании этого термина. Одним из них был летописный город Вьяхань на территории современной Сумской обл., где, вероятно, происходила стыковка международной торговой магистрали с внутренней дорогой Киев — Курск. По всем имеющимся данным грузы между Булгаром и Киевом перевозились на лошадях и верблюдах. На них же передвигались и люди из состава караванов: купцы, слуги, охрана.

По прибытию в Киев торговцы проводили свои основные операции на многих торжищах, в первую очередь на Подоле, где продавались товары не только попавшие сюда сухопутными путями, но и водным — знаменитым путем "из варяг в греки". В восточном направлении вывозились меха, рыба, мед, воск, полотно, серебряные, бронзовые, костяные предметы, янтарь, а также изделия литейного, ювелирного и керамического ремесел. С Востока на среднеднепровскую территорию также поступали разнообразные товары из Средней Азии, Ирана, Сирии, Египта: бусы из сердолика и горного хрусталя, стеклянная и глазированая посуда, ткани. Следует отметить, что одним из наиболее качественных сортов горного хрусталя считался согдийский, а наиболее искусными мастерами по его обработке славилась Басра. Среди восточной керамики выделялась люстровая — к ней относились вещи-шедевры средневекового времени. Расширению сферы древнерусско-восточной торговли способствовали и крестовые походы. Восточные славяне, наравне с поляками и норвежцами, в 1097 г. сражались в Никейской битве, а в Иерусалиме (после его завоевания в 1099 г.) появилась древнерусская монашеская община.

Но, следует еще раз подчеркнуть, контакты между Киевом и Булгаром, между Русью и Волжской Булгарией определялись, в первую очередь, посреднической ролью между цивилизациями Востока и Запада, Азии и Западной Европы. А поэтому основную прибыль киевские и булгарские купцы получали именно в результате этих посреднических операций, в которых кроме них участвовали торговцы из многих стран евразийского материка. Это не исключает, а наоборот — предусматривает проживание представителей разных этносов в столице Киевской Руси. В частности об этом, помимо письменных источников, свидетельствуют вещи, изготовленные в восточных и западных странах. Среди оригинальных киевских находок следует выделить иранскую бронзовую крышку от курильницы и костяную статуэтку льва из Кельна. А образными свидетельствами славяно-восточных связей является ювелирная формочка из овручского розового шифера, месторождения которого известны на Волыни, с арабской надписью «Благословение… (Аллаха владельцу сего)» из культурного слоя киевского Подола или же кости свиньи (запрещенного животного у мусульман) в мастерской ювелира, работавшего с янтарем около главной мечети Великого города (Новое 1981: 307; Халиков 1989: 92).

Далее на запад — из Среднего Поднепровья к верховьям Дуная — проходил новый отрезок этой торговой

магистрали: через земли современной Украины, Польши, Чехии, Австрии и Германии. Его изучение (в археологическом плане) находится лишь на первом этапе. Но о пути Киев — Регенсбург имеются свидетельства у таких авторитетных средневековых авторов как Географ Баварский, Ибрагим ибн Якуб и других (Назаренко 2001: 77–112). Наиболее крупными городами вдоль этой дороги были Владимир-Волынский (до него при благоприятных погодных условиях из столицы Руси можно было добраться за семь дней), Судомир, Краков, Прага. В XII в. это был традиционный путь купцов из городов Верхнего Дуная и Рейна.

Как показали полевые исследования, и в этом случае использовались наиболее оптимальные природные условия местности для прямого и наиболее быстрого передвижения, но при необходимости делались и отклонения. Так случилось в районе летописного «Чертового леса» южнее первой столицы племени древлян Искоростеня (современного Коростеня), где залесенная и болотистая местность не позволяла путникам двигаться про прямой линии.

Отличительной чертой между восточным и западным участками было то, что если в первом случае «караван-сараи» строились через 60–70 км, то во втором — через 30 км. Вероятно, на это повлиял и сам способ транспортировки грузов: на вьючных животных (Булгар — Киев) и телегах, запряженных лошадьми, как в Центральной, а также Западной Европе эпохи Средневековья (Киев — Регенсбург). В документах XII в. из этого баварского города говорится о существовании специализированной категории купцов, которые торговали с Русью — «рузариев». А конкретным примером тесных отношений между двумя вышеупомянутыми городами может быть сообщение, что в 1178–1180 гг. регенсбургский купец Гартвиг, проживавший в это время в Киеве, пожертвовал монастырю Святого Эммерима в его родном городе 18 фунтов серебра. Но выплатить эти деньги монастырю должны были его должники, которые проживали в Регенсбурге. Там же находились и «Русские врата», вероятно названные так по месту, где проживали «рузарии» и пребывали очень часто русские купцы.

Из товаров, поставляемых из Западной Европы на Русь, выделяются, прежде всего, амулеты-обереги, украшения, оружие (в первую очередь знаменитые мечи из мастерских «Ultberht» и «Ingelred»), а также изделия романского литья — колокола, подсвечники. Завозились и бытовые предметы, в том числе с эмалевыми накладками, изготовленными в Лиможе; декоративные ложечки для причастия, изделия из резной кости, сбруйные наборы. А в группах экспорта из Руси следует отметить натуральное сырье и ремесленные изделия: кресты-энколпионы, предметы из овручского шифера (в первую очередь популярные пряслица), пасхальные глиняные яйца-писанки, замки трубчатой формы. Однако наибольшую прибыль как европейсуим купцам, так и их древнерусским партнерам, давали товары, поступавшие из дальних стран Востока.

Изучение пути, для маршрута которого учитывались многие факторы — рельеф местности, запасы продуктов, воды и кормов для животных, опреде-

ленная удаленность от государственных границ и другие — еще раз подчеркивает, насколько средневековые жители понимали окружающую их природу, приспосабливались к ней, без необходимости «не лезли напролом», объективно взвешивали все факторы до принятия решения. Прослежено также, что на восточном участке пути маршрут был проложен по тем местам, где отдельные группы людей начали кочевать еще за несколько тысячелетий до рассматриваемого здесь времени. Тут были зафиксированы курганы эпохи меди-бронзы, а также раннего железного века. Вероятно, возведенные в древние времена высокие земляные насыпи сами по себе являлись хорошими ориентирами и о них рассказывали опытные путешественники молодым коллегам, отправлявшимся в дальний путь в средние века.

Еще одна важная проблема, которую удалось затронуть при изучении населенных пунктов на маршруте Булгар — Киев — Регенсбург, это формирование и развитие средневековых урбанистических центров, их региональные особенности, связанные со спецификой социально-экономической эволюции того или иного общества.

А в частности — в выяснении принципиальных отличий западного и восточного, и одновременно в принципиальном сходстве мусульманского и византийского городов средневековых времен. Немаловажное значение имеет и уточнение качественных этапов раннегородского развития в разных частях средневекового мира (Большаков 1984: 8; Херрман 1986: 76). На Руси становление городских форм жизни не происходило по единой социологической схеме. Процессы эти были многолинейные и разновыраженные. Условно можно выделить три основных пути градообразования: торгово-ремесленный, общинно-феодальный и феодальный (или государственный). Определились они примерно в одно и то же время, но питались различными условиями развития и поэтому сыграли неодинаковую роль в социально-экономической истории древнерусского города. Первый путь оказался фактически тупиковым, поскольку обуславливался не столько внутренними, сколько внешними причинами (Толочко 1989: 223). Такая же ситуация складывалась и в других регионах средневековой Европы. Судьба значительной части «караван-сараев» на рассматриваемом пути подтверждает эту точку зрения: после исторических изменений в восточноевропейском регионе в XII–XIII вв. большинство из них превратилось в ординарные населенные пункты, а на части из них жизнь вообще прекратилась.

Еще одним важным наблюдением на всем протяжении маршрута было то, что «караван-сараи» западной его части (Гочево, Зеленый Гай, Липовое и другие) по своим размерам укрепленных территорий значительно уступали размерам населенных укрепленных пунктов на восточной (Кокрятское, Юловское и другие городища). Это также находит свое объяснение в разных частях средневекового мира, в зависимости от социально-экономической модели развития общества и экологических возможностей отдельных регионов. Тот факт, что размеры восточных городов приблизительно на 50 % превышали в средневековые времена раз-

меры западноевропейских (Большаков 1984: 264), нашло отражение в данном конкретном случае. Поэтому можно уверенно говорить, что Киевская Русь еще находилась в сфере европейской цивилизации, а Волжская Булгария уже пребывала в зоне влияния восточной. Подтверждением этому могут быть хотя бы топографические особенности Липового (небольшое городище, обширное открытое селище, огромный могильник), весьма похожие на шведскую Бирку, или же Кокряти, аналогии которой нужно искать на востоке (Самарканд, Мевр и другие средневековые города).

Но все эти отличия не мешали эффективному функционированию торгового пути между разными странами и народами. На взаимовыгодные торгово-экономические контакты не оказывали давление ни институты государственной власти, ни различия в идеологических представлениях. Об этом историческом опыте необходимо помнить и сегодня.

Литература

1. *Большаков 1984* — Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока (VII–XIII вв.). М. 1984.

2. *Волжская Булгария 1986* — Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора). 1986. Казань.

3. *Звіздецький, Моця 1998* — Звіздецький Б. А., Моця О. П. Вивчення «української» частини середньовічного торгового шляху Київ — Регенсбург у 1998 р. // Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр. Київ. 1998.

4. *Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986* — Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени). // Славяне и скандинавы. М. 1986.

5. *Кирпичников 2006* — Кирпичников А. Н. Великий волжский путь и Ладожско-Волховский север Руси в эпоху раннего средневековья. // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб. 2006.

6. *Моця, Халиков 1997* — Моця А. П., Халиков А. Х. Булгар — Киев. Пути, связи, судьбы. Киев. 1997.

7. *Назаренко 2001* — Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–X веков. М. 2001.

8. *Новое 1981* — Новое археологии Киева. Киев. 1981.

9. *Радкевич 1990* — Радкевич В. А. Великий Шелковый путь. М. 1990.

10. *Толочко 1989* — Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. Киев. 1989.

11. *Халиков 1989* — Халиков А. Х. Татарский народ и его предки. Казань. 1989.

12. *Херрман 1986* — Херрман И. Славяне и норманны в ранней истории балтийского региона. // Славяне и скандинавы. М. 1986.

The Volga — Dnieper — Danube: Route of the Medieval Bulgars from Kiev to Roegensburg

A. P. Motsya

Trade routes from the ancient times have been linking various territories and ethnoses. The Middle Ages in this respect were not an exception. Among the major conduits, along with the "Road from the Varangians to the Greek" and the Great Volga Route, a prominent role was held by the road Bulgar — Kiev — Roegensburg which was one of the threads of the Great Silk Road. Archaeological investigations conducted along that route have yielded new information concerning its functioning during the Kievan Rus period.

The Bulgar — Kiev section of the route may be divided into three components: "Volga-Bulgarian", "Ancient-Russian" and the "Neutral" (the latter subjected to none of the states). The international law "time is money" compelled the merchants to a risk of driving their caravans via the unprotected inter-state space in order to avoid a considerable detour to the north. Throughout the Russian and Bulgar state territories, the route is marked by the presence of trading stations — caravanserais where humans and animals took rest, replenished their food stores and where trading transactions were conducted.

From Kiev further to the west, another section of that road ran via the lands of what are now Ukraine, Poland, Czechia, Austria and Germany. The archaeological studies of that section, however, have been conducted only as far as the Polish-Ukrainian borderland, although numerous mediaeval written sources allow us to reconstruct more or less exactly this part of the international conduit.

В. В. Мурашева, Н. П. Довгалюк, А. А. Фетисов

Византийские импорты с территории пойменной части Гнездовского поселения

Для варварского мира X–XI вв. Византия была, безусловно, одним из главных центров притяжения. Она была самой культурной страной Европы и Ближнего Востока, красота и мощь Константинополя действовали неотразимо на каждого иноземца. Великолепие построек, роскошь одеяний, удивительные яства возбуждали, безусловно, желание обладать всем этим богатством. Северную варварскую периферию с Византией, центром цивилизации, соединял Волхово-Днепровский речной путь — «путь из варяг в греки…». По мнению историков, активные торговые и политические связи Руси с Константинополем и Херсонесом сложились уже во второй половине — конце IX в. (Литаврин 1999: 421–429), при этом, по версии Г. Г. Литаврина, только в Константинополь с торговыми караванами в год прибывало не менее 1000 русов (Литаврин 1999: 458, 464).

Парадоксально, но при столь, казалось бы, интенсивных и хорошо зафиксированных в письменных источниках связях, археологические свидетельства русско-византийских связей, довольно скудны. Цель статьи — анализ находок «византийского» происхождения из раскопок хорошо стратифицированного культурного слоя в пойменной части поселения Гнездовского археологического комплекса, расположенного в верховьях Днепра и являвшегося одним из узловых пунктов на трансъевропейском пути «из варяг в греки».

В течение полевых сезонов 1999–2008 гг. на территории пойменной части Гнездовского поселения исследовано четыре участка, игравших различную роль в системе исторической топографии Гнездова:

– «Притеррасный» участок, расположенный на границе пойменной части и террасы (раскоп П-2). На участке были зафиксированы остатки жилых построек, возведенных в начале XI в. (Мурашева, Авдусина 2007: 8–30) и относящихся, таким образом, к финальной стадии существования поселения.

– «Производственный» участок — территория около оз.Камыши на которой был расположен ювелирно-кузнечный производственный центр, а также жилые и хозяйственные постройки (раскоп П-8). Сооружения, сменявшие друг друга на этом участке датируются в диапазоне от второй четверти X в. до рубежа X–XI вв. (Мурашева, Ениосова, Фетисов 2007: 31–77).

– «Портовая зона» — участок на северо-восточном берегу оз. Бездонка, которое, вероятно, использовалось

в качестве внутренней гавани (раскоп БД-1). Обнаруженные деревянные настилы могли быть использованы как «тверди» в рамках портового хозяйства древнего Гнездова. Напластования на данном участке, в целом, могут быть датированы в рамках X в. (Мурашева 2007: 106–114)

– «Прибрежная зона» — участок в районе южной границы распространения культурного слоя, вблизи берега древнего русла Днепра, практически на «пляже». На участке была исследована смолокуренная яма и целая группа углубленных построек, возможно складов (?). Данная территория может быть интерпретирована как вторая «портовая зона». Исследованные объекты могут быть датированы в рамках X в.

На каждом из участков найдены предметы, относящиеся к византийскому культурному кругу. Перейдем к рассмотрению различных категорий находок.

Монеты. Наиболее ранними находками являются две медные монеты Византийского Херсонеса. Довольно необычен контекст находок. Монеты были найдены на «производственном» участке на дне двух ям расположенных вплотную друг к другу (или углубленных частей древнейших сооружений исследованной части поселения). Назначение ям загадочно: их глубина составляет более 1 м, на дне каждой зафиксирован слой крупных углей, фрагменты лепной посуды. Ямы существовали очень недолго, были плотно забутованы суглинком и сверху, повторяя их конфигурацию, был выкопан двухкамерный кузнечный горн. Совокупность данных позволила предположить культовый характер данных построек в контексте производственного комплекса и датировать объекты второй четвертью X в.

Одна из редчайших для территории Древней Руси монет Византийского Херсона (рис. 1, *8*) — фоллис Юстина I (518–527 гг.).[1] На лицевой стороне монеты изображен бюст императора, на оборотной стороне — император в рост, в правой руке держит длинный крест, левой опирается на щит (Анохин 1977: 98–99. Табл. XXII, *312*).

Вторая монета (рис. 1: *7*) отчеканена при Василии I (867–886 гг.; см.: Загреба, 1998). И. В. Соколова относит подобные монеты к первому типу монет Василия I. На лицевой стороне помещена бета, которая расшифровывается как имя императора, на оборотной стороне — буквы «пи» и «омикрон», которые рассматриваются как первые буквы слова «полис». Монеты первого типа выпускались очень непродолжительное время — с 867 по 869 гг. (Соколова 1983: 39–40).

По всей видимости, обе монеты являются первыми подобного рода находками в составе культурного слоя древнерусских археологических памятников.

Кроме херсонских монет, на территории пойменной части поселения зафиксированы две монеты столичного чекана, обе они найдены при исследовании «производственного» участка. Фоллис Льва VI Мудрого (886–912 гг.) был превращен в подвеску. Он был найден в заполнении ямы, датированной концом второй четверти X в. (Мурашева, Ениосова, Фетисов 2008: 46). Медная монета Романа I (919–944 гг.) была обнаружена в слое финального

[1] Здесь и далее — определения византийских монет даны Зайцевым В. В. (ОН ГИМ).

горизонта, который может быть датирован концом X — начала XI вв.

Амфорная тара. Амфоры были предназначены для морских и речных перевозок жидких продуктов, в первую очередь, вина, реже — оливкового масла. Амфоры неудобны для сухопутной транспортировки и использовались именно для перевозки на кораблях.

Фрагменты амфор встречены при раскопках всех четырех участков. Наибольшее количество фрагментов зафиксировано на «производственном» участке. Все 5 фрагментов найдены в напластованиях, уверенно датированных второй половиной X в. Большая часть фрагментов найдена в заполнении ямы, которая изначально являлась углубленной частью производственного сооружения, а на финальном этапе использовалась, как помойная.

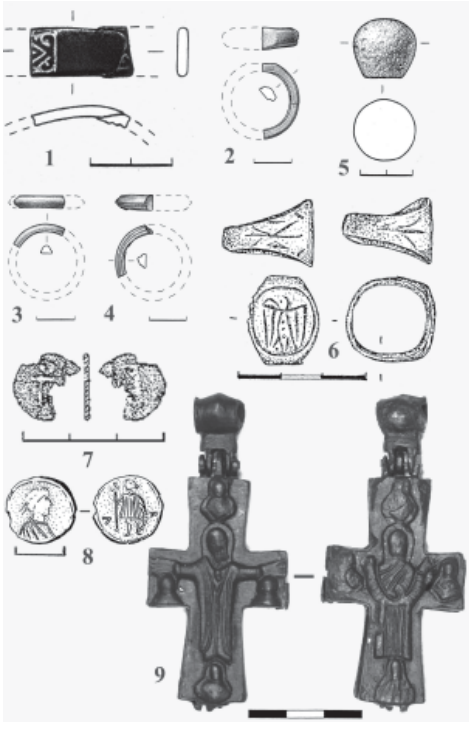


Рис. 1. Предметы из стекла и цветного металла:

1–5 — стекло; 6–9 — цветной металл. 1 — «притеррасный» участок; *2–9* — «производственный» участок

На территории «притеррасного» участка найдено 3 фрагмента, в различных слоях. Два из них относятся к «трапезундской» группе и один неопределим. Один фрагмент сосуда был найден в слое второй половины X в. около оз. Бездонка. Все перечисленные фрагменты амфор относятся к «трапезундской» группе по классификации И. В. Волкова (Волков 1996: 91–93; Волков 2005: 148–157) или к типу I, виду 1 по классификации В. Ю. Коваля (Коваль 2003: 347). В качестве отличительных особенностей формовочной массы амфор данной группы, И. В. Волков отмечает примесь слюды и мелких минеральных отощителей (Волков 1996: 91).

Наиболее интересная находка была сделана во время полевого сезона 2007 г. на раскопе вблизи берега древнего русла Днепра (ДП-1), где в слое второй половины X в. был найден полный развал красноглиняной амфоры, что позволило выполнить ее реконструкцию (рис. 4). Высота сосуда — около 37 см, высота горла — около 9 см, ручки отходят с небольшим подъемом. На одной из ручек — граффито из четырех параллельных линий (одна из них прочерчена слабо), возможно, это знак собственника. Аналогичные метки зафиксированы на ручках амфор из Плиски (Абоба-Плиска 1905: Табл. LX, *4*). Тесто содержит обильные включения слюды и крупные зерна карбоната. Из аналогий, происходящих с территории Древней Руси, самой близкой является амфора из Новгорода, которая датируется второй — третьей четвертью XI в. (Волков 2005: 150).

Находки амфор в слоях конца IX — начала XI вв. чрезвычайно редки. По одному фрагменту найдено в Тимерево и Старой Ладоге и лишь в Киеве и в Гнездове зафиксировано по несколько сосудов. Самым ранним из датированных экземпляров является знаменитая амфора из кургана Л-13 (раскопки Д. А. Авдусина, 1949 г.) с надписью. Все находки из культурного слоя пойменной части Гнездовского поселения происходят из слоев, надежно датируемых второй половиной X в. Также второй половиной X–XI вв. датируются и все амфоры из закрытых комплексов Киева (Булгаков 2000).

Поливная керамика На территории пойменной части Гнездовского поселения обнаружено три фрагмента византийской поливной керамики. Два из них найдены на «притеррасном участке». Один из них настолько мал, что не поддается определению, второй же является обломком белоглиняного блюда, на внутренней поверхности которого сохранились остатки росписи в виде «шахматного» рисунка с желтовато-коричневой подцветкой «клеток». В. Ю. Коваль относит фрагмент данного блюда (Коваль 2005: 165) к полумайолике с трехцветной росписью (группа 6, тип I). Исследователи византийской поливной керамики полагают, что она происходит из императорских мастерских Константинополя (Коваль 2005: 165). Третий фрагмент обнаружен на территории «прибрежного» участка. Это небольшой фрагмент белоглиняного кувшина, покрытого зеленой поливой. По мнению Т. И. Макаровой, подобная, относительно скромная, неорнаментированная посуда носила утилитарный характер (Макарова 1967: 9).

Три фрагмента — казалось бы, ничтожно малое количество. Однако, на X–XI вв. на всей территории Древней Руси зафиксированы фрагменты лишь 21 фрагмент поливного византийского сосуда (Коваль 2005: 165), из них к X в. относятся около 10. Семь сосудов найдены в Гнездове (4 из них в погребениях), один — в Новгороде (конец X в.) три фрагмента происходят из Киева, однако их отнесение к X в. не вполне достоверно.

Фрагменты поливных византийских сосудов из слоя пойменной части Гнездовского поселения, относятся ко второй половине X в., к этому же периоду относятся два «больших» Гнездовских кургана (кург. 20, раскопки В. И. Сизова; кург. 18, раскопки С. И. Сергеева), из которых происходят поливные блюда (Жарнов 1991: 216–217). Известна также кружка с геометрическим орнаментом, обнаруженная во время любительских раскопок в конце XIX в. (Путь 1996: 58). Единственной находкой, которая может быть отнесена к более раннему времени (930–950 гг.) является поливная ойнохойя из уже упоминавшегося кургана Л-13, содержавшего амфору с граффити.

Стеклянные изделия. Византийское происхождение стеклянных изделий, найденных в археологических памятниках Восточной Европы, установить не просто. Во-первых, целых сосудов византийского происхождения, которые можно было бы использовать в качестве эталонов, известно очень мало. Во-вторых, поскольку, византийское стеклоделие вобрало в себя традиции нескольких известных школ: провинциально-римской, столично-римской, сирийской, выделить продукцию собственно византийских мастеров, опи-

раясь только на химический состав или стилистические особенности предмета сложно (Щапова 1998). Некоторые отечественные исследователи вообще не рассматривают византийское стеклоделие как самостоятельный центр (Галибин, 2001; Егорьков 2007).

Надежно установить византийское происхождение можно, сочетая данные о составе стекла с технологией и морфологией предметов (формы, пропорции, цвет, декор, художественная стилистика). По мнению специалистов, изделия византийских стеклоделов на фоне синхронной им продукции отличают прозрачность и чистота цвета, роспись золотом и эмалями, прекрасная сохранность (Гуревич, Джанполадян, Малевская, 1968; Щапова 1991: 170). Особенности химического состава стекол византийского происхождения выделены ЮЛ. Щаповой (Щапова 1998: 94–99).

Ассортимент византийского стеклянного импорта на территории Восточной Европы достаточно широк: сосуды, игральные шашки, бусы, пуговицы, браслеты, перстни, оконное стекло (Седова 1997: 185; Щапова 1998).

Степень изученности различных изделий византийской стеклоделательной школы неравнозначна. Например, о византийской посуде к настоящему времени накоплено немало сведений. Изучены сосуды, в основном, XI–XII вв. (Гуревич, Джанполадян, Малевская 1968; Щапова 1998; Плохов 2007; Егорьков 2007). Более ранние коллекции, относящиеся к X в. не опубликованы. Специальных исследований, посвященных византийским стеклянным перстням, нет. Исключение составляет работа Ю. Л. Щаповой, в которой они характеризуются наряду с перстнями другого происхождения из древнерусских памятников (Щапова 1997). Наиболее полно изучены стеклянные браслеты (Львова 1959; Щапова 1991; 1997; 1998).

По наблюдениям Ю. Л. Щаповой, византийская посуда на Руси относительно редка и её совокупная часть составляет в XI–XII вв. не более 1–2 % от всех стеклянных сосудов; в коллекциях с памятников второй половины X в. известны единичные находки (Щапова 1998: 171).

Доля византийских браслетов в культурном слое древнерусских городов составляет от 1,55 % в Новгороде до 9 % в Киеве. Еще на рубеже 50–60-х гг. XX в. исследователи заметили, что византийские браслеты массово появляются в конце X в. и бытуют на протяжении всего XI в. (Львова 1959; Davidson 1952). Полевые и кабинетные исследования подтверждают это суждение (Щапова 1998: 129–131; Захаров 2004: рис. 263). В целом, наибольшее распространение стеклянные изделия византийского производства получили в середине XI — второй половине XII в.

В связи с этим коллекция византийских стеклянных изделий с территории пойменной части Гнездовского поселения представляет особый интерес. В ней представлены игральная шашка (1 экз.), фрагменты сосудов (30 экз.) и украшений (4 экз.). Подавляющее большинство изделий обнаружено в слоях, надежно датированных второй половиной X в. Один фрагмент сосуда найден в заполнении ямы, относящейся к первой половине X в (рис. 2, *7*)[1].

[1] Часть находок (5 экз.) происходит из объектов, узкая датировка которых затруднительна: с некоторой долей вероятности они могут быть отнесены и к первой половине X в.

Стеклянные украшения представлены фрагментами трех перстней (рис. 1, *2, 3, 4*) и одного браслета (рис. 1, *1*). Фрагмент плоского браслета (ширина — 1,2 см, толщина — 0,25 см), включает место соединения стеклянной полосы, на конце читается часть полустертой орнаментальной композиции в виде двух симметричных полупальметт и ромба. Орнамент был нанесен, видимо, золотом. Аналогичные элементы декора встречаются на византийской чаше X–XI вв. из сокровищницы в Сан-Марко (Fife Thousand 1991: 146, Fig.187). Наиболее близкие аналогии можно указать среди браслетов византийского времени из Коринфа (Davidson 1952: 264–265, pl.112–113), где узкие плоские браслеты с растительным и геометрическим орнаментом в целом датируются XI–XII вв. З. А. Львова отмечает, что уплощенные браслеты с росписью были распространены на территории Византии, Дунайской Болгарии и в Причерноморье в XI–XII вв. (Львова 1961: 12). Браслеты с росписью золотом изготавливались в сложноорганизованных мастерских, где наряду с чисто стекольными работами была и роспись по стеклу. В состав продукции таких мастерских входили не только готовые изделия, но и заготовки, которые дополнительно обрабатывали в иных технологических режимах, нанося роспись и позолоту (Щапова 1998: 115, 128). По наблюдению Ю. Л. Щаповой, расписные браслеты встречаются либо на территории Византийской империи, либо в столичных и крупных городах Хазарии, Болгарии и Руси (Щапова 1998: 129; Comşa 1967: 133, fig. 174).

На территории Древней Руси они встречаются редко, исключение составляют лишь Тмутаракань и Белая Вежа (Львова 1961: 14). По одному фрагменту подобных браслетов было найдено в Белоозере (Захаров 2004: рис. 263, *16*) и в слое XI в. в Ростове (Леонтьев 1998: 146, рис. 10), одна находка зафиксирована в Сигтуне (Makt och människor 1990: 94, fig.3). На примере стеклянных браслетов из Новгорода и Плиски Ю. Л. Щапова доказала, что большая часть плосковыпуклых браслетов из темного, почти черного стекла, сваренного на соде, декорированных росписью золотом и светлыми эмалями, относится к периоду до 1025 г. (Щапова 1998: 105, 131).

Все фрагменты стеклянных перстней были найдены на «производственном участке». Перстни в сечении плоско-выпуклые (подтреугольные) изготовлены навивкой из темно-пурпурного стекла. Один из перстней щитковый. Щиток сделан путем прессования на плоскости еще не остывшего изделия. По результатам анализа химического состава установлена принадлежность стекла к Na-Ca-Si классу[1] (табл. 1–2). В качестве источника щелочного сырья была использована зола растения поташник (calidium caspicum), произрастающего в пустынной зоне.

[1] Исследование химического состава стекла проведено на электронно-зондовом микроанализаторе MS-46 фирмы Cameca в лаборатории анализа минерального вещества ИГЕМ РАН (оператор С. Е. Борисовский). Предварительно отобранные для исследования стекла были вмонтированы в эпоксидную шашку и отполированы алмазными пастами. Анализ осуществлялся при ускоряющем напряжении 20 kV, токепоглощенных электронов 30 nA и диаметре зонда 10 мкм. Для обеспечения электропроводимости, образцы напылялись тонким слоем углерода. Расчет поправок осуществлялся по методу ZAF-коррекции с использованием программы PUMA.

Таблица 1. Химический состав стеклянных изделий

№	№ по описи ГИМ	Предмет	Цвет	SiO_2	Na_2O	K_2O	CaO
1	оп. 2768/208	пластинка	бесцветн.	57,2	0,7	7,0	24,1
2		дно сосуда	зелено-голубой	68,0	17,0	0,9	7,7
3	оп. 2786/587	стенка сосуда	зелено-голубой	68,7	17,4	1,0	7,0
4	оп. 2799/334	стенка сосуда	фиолетово-синий	70,4	16,9	0,3	6,8
5	оп. 2778/418	дно сосуда	зелено-голубой	70,6	14,4	0,7	9,5
6	оп. 2768/450	венчик сосуда	зелено-голубой	68,6	16,5	0,6	8,6
7	оп. 2786/457	стенка сосуда	зелено-голубой	69,9	16,5	0,6	8,6
8	оп. 2786/423	стенка сосуда	зелено-голубой	68,5	17,9	0,7	7,8
9	оп. 2768/192	перстень	пурпурный	63,7	15,8	1,4	8,1
10	оп. 2799/162	стенка сосуда	зелено-голубой	68,2	15,5	1,7	7,4
11	оп. 2786/307	стенка сосуда	зелено-голубой	67,5	18,3	1,1	7,4
12	оп. 2766/54	стенка сосуда	пурпурный	72,1	18,8	0,2	6,2

Таблица 2. Основные стеклообразующие и вспомогательные компоненты

№	Химический класс	R_2O	RO	Относительное содержание K_20	Относительное содержание Mg0	Источник щелочного сырья
1	$K_2OCaOSiO_2$	7,66	27,77	91,4	13,3	древесная зола
2	$Na_2OCaOSiO_2$	17,90	8,66	5,1	11,1	натуральная сода
3	$Na_2OCaOSiO_2$	18,39	8,33	5,5	15,7	натуральная сода
4	$Na_2OCaOSiO_2$	17,20	7,32	1,6	7,7	натуральная сода
5	$Na_2OCaOSiO_2$	15,06	10,15	4,3	6,7	натуральная сода
6	$Na_2OCaOSiO_2$	17,04	8,86	3,3	3,0	натуральная сода
7	$Na_2OCaOSiO_2$	17,06	9,43	3,6	8,5	натуральная сода
8	$Na_2OCaOSiO_2$	18,52	8,73	3,6	11,2	натуральная сода
9	$Na_2OCaOSiO_2$	17,19	10,20	8,1	20,2	зола calidium caspicum наземные части
10	$Na_2OCaOSiO_2$	17,18	9,58	9,7	23,1	зола calidium caspicum наземные части
11	$Na_2OCaOSiO_2$	19,37	8,78	5,8	16,3	натуральная сода
12	$Na_2OCaOSiO_2$	18,92	6,83	0,9	9,7	натуральная сода

№	MgO	Al_2O_3	Fe_2O_3	MnO	TiO_2	PbO	SnO_2	CuO	CoO	Sb_2O_5	NiO	BaO
1	3,7	2,65	0,71	1,42	0,20	0	0	0,02	0	0	0	0,51
2	1,0	2,53	1,00	0,88	0,20	0,32	0	0,03	0	0	0	0
3	1,3	2,36	0,85	0,49	0,13	0	0	0,02	0	0	0	0
4	0,6	1,02	1,80	0,03	0,05	0	0	0,28	0,14	0	0	0
5	0,7	2,66	1,00	0,32	0,30	0	0	0	0	0	0	0
6	0,3	2,57	0,98	0,53	0,23	0	0	0,02	0	0	0	0
7	0,8	2,72	0,93	0,49	0,23	0	0	0,00	0	0	0	0
8	1,0	2,87	0,94	0,68	0,22	0	0	0,02	0	0	0	0
9	2,1	2,72	1,33	4,17	0,13	0,18	0	0,02	0	0	0	0
10	2,2	2,19	0,96	0,04	0,10	0	0	0	0	0	0	0
11	1,4	2,36	0,90	0,41	0,15	0,20	0	0,02	0	0	0	0
12	0,7	1,04	0,31	1,02	0,05	0	0	0	0	0	0	0

№	Источник щелочно-земельного сырья	Рецепт. норма	Красители	Обесцвечиватели
1	доломитовые известняки	0,28	–	марганец
2	доломитовые известняки	2,07	–	марганец
3	доломитовые известняки	2,21	–	марганец
4	доломитовые известняки	2,35	кобальт	-
5	известняки	1,48	–	марганец
6	известняки	1,92	–	марганец
7	доломитовые известняки	1,81	–	марганец
8	доломитовые известняки	2,12	–	марганец
9	доломитовые известняки	1,69	марганец	–
10	доломиты	1,79	–	–
11	доломитовые известняки	2,21	–	марганец
12	доломитовые известняки	2,77	марганец	-

Коллекция ***сосудов*** (рис. 2) представлена 30 фрагментами, из них 6 венчиков, 3 обломка дна, 1 ручка, 18 стенок. Еще 2 фрагмента оплавлены и не поддаются определению. Все сосуды были изготовлены с помощью выдувания в открытую одночастную форму из прозрачного, хорошо проваренного стекла. Для подавляющего большинства фрагментов использовано стекло очень светлого зелено-голубого оттенка. Толщина стенок сосудов составляет 0,5–1,7 мм, причем только у трех фрагментов она превышает 1,0 мм. Один фрагмент декорирован способом наклада стеклянной нити с последующей обработкой штампом (рис. 2, *5*). В пурпурный цвет окрашен 1 фрагмент (рис. 2, *21*), 4 — в интенсивный фиолетово-синий (рис. 2, *25–27*). Все 4 фиолетово-синих фрагмента сохранили следы росписи золотом.

Химический состав стекла исследован для 10 фрагментов сосудов (табл. 1–2). Интерпретация результатов анализа химического состава проведена по методике Ю. Л. Щаповой. Все стекла относятся к классу Na-Ca-Si, для их изготовления были использованы различные источники щелочного сырья: натуральная сода (9 образцов) и зола поташника (1 образец).

Для окрашивания стекла в пурпурный цвет был использован марганец, фиолетово-синее стекло получали с помощью кобальта. В составе образца, окрашенного кобальтом, присутствуют марганец (0,03 %) и медь (0,28 %). По наблюдению В. А. Галибина, такие особенности характерны для химического состава древних и средневековых содовых стекол, сваренных в античных традициях. В фиолетово-синих (кобальтовых) стеклах, сваренных на золе в традициях ближневосточной («иранской») школы, марганец и медь не встречаются (Галибин 2001: 37).

Итак, образцы характеризуются низким содержанием щелочных земель (RO = 6,28 % – 10,2 %) и использованием соды или золы растений пустынной зоны в качестве щелочного сырья. Именно на эти признаки указывает Ю. Л. Щапова, характеризуя особенности химического состава стекол византийского происхождения (Щапова 1998: 94–99). Таким образом, как по химическому составу, так и по морфологическим признакам (очень тонкие стенки, пурпурный, фиолетовый, светлый зелено-голубой цвет прозрачного стекла, роспись золотом) исследованную коллекцию стеклянных сосудов можно отнести к продукции византийских столичных мастерских.

Номенклатура византийской посуды достаточно обширна: тарелки, кубки, стаканы, чаши, бутылки, лампы, кувшины (Henderson, Mango 1995). Примерно для половины фрагментов сосудов рассматриваемой коллекции с определенной долей условности, можно реконструировать форму сосуда. Это кувшины (7 экз.), чаши (4 экз.), кубки-стаканы (2 экз.), лампа (1 экз.), подвесная лампа (1 экз.).

Для византийского стеклоделия рассматриваемого периода характерно три направления в производстве посуды: бытовая, культовая посуда и посуда для нужд двора и дарений (Щапова 1998: 245). В коллекции представлена культовая посуда, например лампы. Чаши, расписанные золотом, безусловно, являются предметом роскоши и вряд ли были предметом торговли на

Рис. 2. Фрагменты стеклянных сосудов:

8 — «притеррасный» участок; *1*, *5–7*, *9–13*, *15–17*, *19–28* — «производственный» участок; *4* — «портовая зона»; *2–4*, *18* — «прибрежная зона»

длинные расстояния. Стоимость работ, необходимых для декорирования существенно превышала стоимость изготовления самого сосуда. Это исключало всякую выгоду от торговли подобными изделиями. Скорее подобные сосуды были предметом высокого дарения. Сосуды, расписанные золотом, производили в специализированных мастерских, объединявших мастеров разных специальностей. Кроме того, согласно «Книге эпарха» работа с золотом подразумевала жесткий государственный контроль за расходованием сырья (Сюзюмов, 1949: 17), Все это позволяет отнести изделия к продукции константинопольских дворцовых мастерских, занятых изготовлением предметов роскоши для нужд двора и дипломатии.

Рассмотрев метрику византийских сосудов на примере сохранившихся целых форм, Ю. Л. Щапова предложила алгоритм, позволяющий реконструировать форму сосуда по его фрагментам. Следуя предложенной методике, мы попытались восстановить форму сосуда из нашей коллекции[1].

Отдельно необходимо остановиться на фрагменте плоской стеклянной пластинки из бесцветного прозрачного стекла толщиной 1,0 мм (рис. 2, *10*). Анализ химического состава показал принадлежность образца к классу K-Ca-Si стекол (табл, 1–2), образец отличается высоким содержанием щелочных земель (в сумме 27,8 %, из них на CaO приходится 24,1 %). Для изготовления стекла была использована зола растений континентальной зоны. Стекло специально обесцвечено марганцем. Подобные признаки характерны для западноевропейского позднесредневекового стекла. Однако археологический контекст и условия залегания в слое не позволяют датировать фрагмент позднее второй половины X в.

Игральная шашка была изготовлена литьем в одностороннюю форму из темного (почти черного) стекла (рис. 1, *5*). Находок стеклянных полусферических шашек X — начала XI вв. на территории Древней Руси относительно немного. Около десятка (сохранилось четыре) найдено в камерном погребении в Киеве (№ 108 по М. К. Каргеру; см.: Каргер 1957: 170); семь подобных шашек[2] (не считая двух антропоморфных фигурок «королей») найдено в Шестовице (курган XXI по П. Смоличеву; курган 33 по Д. И. Блифельду; см.: Бліфельд 1977: 127); 24 округлых стеклянных шашки (помимо двух фигурок «королей») найдены в камерном парном погребении в Шестовице (курган № 26 по Я. В. Станкевич; курган № 98 по Блифельду; см.: Андрощук 1999: 52–53); одна стеклянная шашка найдена в Гнездово в составе «клада» 1909 г.; 13 стеклянных шашек найдено в Гнездово в кургане Оль-30; одна стеклянная шашка найдена на территории Гнездовского поселения (Путь 1996: 68); 4 оплавленных стеклянных шашки най-

[1] Фрагмент позволил нам понять образ сосуда: скорее высокий, чем низкий, скорее узкий, чем широкий. Сам кусочек содержал информацию только о диаметре дна сосуда (≈ 4,6 см). Поскольку все размеры византийского стеклянного сосуда связаны между собой, а диаметр дна в большинстве случаев является модулем, нам удалось рассчитать вероятную высоту сосуда (13,8 см или 9,2 см) и диаметр венчика (9,2 см). В качестве аналогий для реконструкций выступили: кубок из Коринфа, стакан на поддоне из Новгорода (Щапова 1998: 271, рис. 44; Davidson 1952).

[2] В сводке Г. Ф. Корзухиной говорится о шести шашках и двух высоких стеклянных цилиндрических фигурках «королей» (Корзухина 1963: 85).

дены в Седневе (кург. 2 по С. С. Ширинскому; см.: Ширинский 1968: 240). Помимо этого из нескольких курганов с кремацией происходит некоторое количество оплавленных стеклянных предметов, которые Г. Ф. Корзухина по характерному цвету и размерам считает возможным отнести к игральным шашкам: это целый ряд курганов в Седневе (из раскопок Н. Е. Бранденбурга и Д. Я. Самоквасова), погребение в Черной Могиле, ряд курганов Гнездово — № Л-12, Л-65, Л-74, Л-86 (Корзухина 1963: 85–88).

Единственная специальная работа, посвященная этой категории находок — это статья Г. Ф. Корзухиной, вышедшая в 1963 г. В этой статье собраны и проанализированы все известные на тот момент игральные шашки (из стекла, кости, камня, глины и янтаря) на территории Древней Руси и приведены аналогии подобных находок за ее пределами (Корзухина 1963). Обнаружив аналогии древнерусским игральным шашкам лишь на территории Дании, Швеции, Норвегии и Исландии, и проследив эволюцию этих категорий находок от позднеримского времени до средневековья, Г. Ф. Корзухина приходит к выводу, что как сама игра, так и ее атрибуты попадали на Русь через Северную Европу. Эта точка зрения широко признана и сегодня (Древняя Русь 1997: 110; Толочко 1990: 120). Византийское происхождение стеклянных шашек предположила Ю. Л. Щапова, высказав при этом мнение о поступлении их на территории Древней Руси с севера следующим путем: изначально скандинавы везли стеклянные шашки из Византии в Северную Европу, а затем эта категория находок попадала при помощи скандинавских дружин и купцов на Русь (Щапова 1991: 166).

Тем не менее, остается еще ряд моментов, позволяющих вновь поставить вопрос о путях поступления на древне-

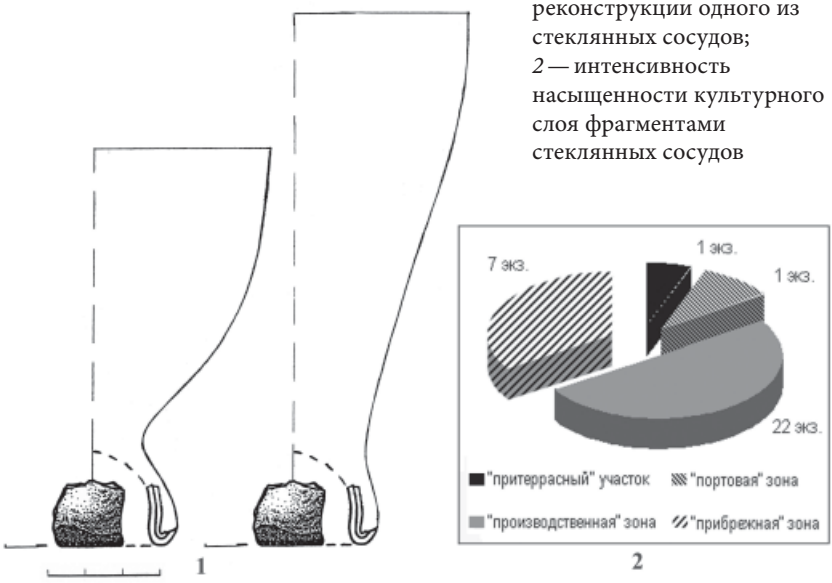


Рис. 3. *1* — варианты реконструкции одного из стеклянных сосудов; *2* — интенсивность насыщенности культурного слоя фрагментами стеклянных сосудов

русские территории стеклянных шашек.

Сама игра в шашки по свидетельствам письменных источников была широко распространена во всей Средневековой Европе. О популярности этой игры в Скандинавии сообщают саги («Сага о Гуннлауге Змеином Языке»; см.: Стеблин-Каменский 1997), а о широком распространении игры в шашки в Византии говорит Анна Комнина в «Алексиаде» (Комнина 1965: 417). Вероятно, нельзя делать однозначного вывода о большей распространенности этой игры в северогерманском или византийском мире и связывать с этим направление поступления самой игры (и ее материальных атрибутов) на Русь.

В первую очередь обращает на себя внимание несовпадения ареалов распространения на Руси стеклянных и костяных (а также глиняных, каменных) шашек. За исключением Гнездова, стеклянные шашки присутствуют только на памятниках Среднего Поднепровья и Днепро-Деснинского междуречья (Киев, Чернигов, Шестовица, Седнев). Севернее этого ареала они не заходят — там найдены лишь шашки из кости, глины и камня, которые присутствуют и на памятниках Южной Руси. Допуская «скандинавскую версию» попадания шашек на Русь, логично было бы предположить, что и стеклянные шашки должны были оседать в первую очередь на памятниках северного региона (например, в Старой Ладоге или Городке на Ловати, где, однако встречены только экземпляры из кости и янтаря). Однако этого не наблюдается. Важно также отметить, что количество погребальных комплексов со стеклянными шашками в самой Скандинавии вполне сопоставимо с Южной Русью: они найдены в шести погребениях в Бирке, по одному погребению в Туне, Вальсъерде и Лангторе (Швеция), по одному погребению в Хёгге и Сторхауге (Норвегия). Северная Европа — регион подавляющего господства шашек из кости, камня и глины: около 90 комплексов по сводке Г. Ф. Корзухиной (Корзухина 1963: 90). Достаточно важен также и хронологический момент: костяные шашки на территории Скандинавии имеют практически непрерывную историю с позднеримского времени до средневековья, в то время как стеклянные шашки появляются здесь только в X в[1]. На основе анализа находок костяных игральных фигур X–XII вв. в Северной Европе и их аналогов на древнерусских территориях современные украинские исследователи так же приходят к выводу о скандинавском происхождении костяных игральных наборов, найденных в Киеве, Чернигове, Гнездово, Старой Ладоге и др. (Сагайдак, Хамайко, Вергун 2008: 143).

Второй момент, заставляющий усомниться в «скандинавской версии» попадания стеклянных шашек на Русь — совпадение хронологии и ареалов распространения таких шашек и византийской амфорной тары. Как было показано выше ранние амфоры фиксируются на территории Руси только с середины — второй половины X в. и только на территории Среднего Поднепровья и Днепро-Деснинского междуречья. Как и в случае со стеклянными шашками единственное территориальное исключение здесь составляет Гнездово. Камер-

[1] Стеклянные шашки позднеримского времени, зафиксированные в единичных случаях в Восточной и Северной Европе, исчезают в начале V в. и относятся совсем к иной традиции (Корзухина 1963: 92).

ные погребения в Киеве (№ 108), Шестовице (№ № 33, 98) и Гнездово (Оль-30) со стеклянными шашками относятся к середине — второй половине X в. (Михайлов 2005: 18). Второй половиной X в. датируется раскопанное С. С. Ширинским погребение со стеклянными шашками в Седневе (Ширинский 1968: 240). Стеклянная шашка с пойменной части Гнездовского селища также найдена в слое второй половины X — начала XI вв.

Отмеченные обстоятельства позволяют предположить, что процесс поступления стеклянных шашек на древнерусские территории шел с юга по Днепровскому пути не ранее чем с середины X в.

Украшения из цветных металлов. Среди металлических украшений к категории византийских импортов можно отнести лишь один пластинчатый щитковый перстень, он найден в составе финального горизонта (конец X — начало XI в.) «производственного» участка. На его округлом щитке — гравированное изображение птицы с распростертыми крыльями (рис. 1, *6*). Форма перстня характерна для украшений византийского происхождения, на щитках перстней часто встречаются монограммы или различные гравированные изображения (напр.: Българите 2004: Кат. № 27, *7*). Перстни с изображением птицы известны на территории Балкано-Дунайского региона: в Болгарии (могильник IX–X вв. на территории Варны; см.: Българите 2004: Кат. № 27, *7*; Абоба-Плиска 1905: Табл. LX, *4*) и Румынии (могильник Temisoara, конец X — начало XI в.; см.: Radulescu, Gáll 2001: Abb.11, *14*; Barnea 1967b: 285, fig.170). На территории Древней Руси найден лишь один перстень, аналогичный гнездовскому — он происходит из культурного слоя поселения Тимерева (Sedyh 2000: 188, fig.9, *2*).

Энколпион. Особое место среди находок занимает энколпион, найденный на территории «производственного» участка (рис. 1, *9*). Он найден вне построек почти у верхней кромки залегания культурного слоя и может быть отнесен к финальной стадии позднего горизонта, то есть — к концу X — началу XI в.

Энколпион относится к категории рельефных крестов-реликвариев[1]. Лицевая створка несет на себе изображение Распятия. Два поясных изображения неизвестных святых несут на себе верхняя и нижняя ветви креста. На средокрестье оборотной стороны — изображение Богоматери Оранты. В конце каждой из ветвей креста — погрудные изображения святых, возможно, евангелистов.

За ранними, гравированными и литыми крестами-складнями в литературе прочно закрепилось название «сирийские». Точка зрения об их «греко-восточном» происхождении была высказана еще Н. П. Кондаковым (Кондаков 1914: 258) в начале XX в. который указывал, что максимальное количество находок происходит из Египта и Сирии. Идеи Н. П. Кондакова были поддержаны и развиты Г. Ф. Корзухиной и В. И. Залесской (Корзухина 1958: 132; Залесская 1988: 96–98), которые полагали, что производство было налажено в восточных провинциях Византии, откуда паломники или торговцы разносили кресты-мощевики во все стороны христианского мира.

[1] Энколпиону будет посвящена отдельная публикация, поэтому в настоящей статье детальный анализ находки опускается.

Однако, болгарская исследовательница Л. Дончева-Петкова, после изучения корпуса энколпионов, найденных в слоях поселений X–XI вв., выдвинула предположение, что часть крестов могла быть изготовлена на территории Болгарии в эпоху византийского владычества (Дончева-Петкова 2004: 230). Ее мнение разделяют А. А. Пескова и Б. Питаракис (Пескова 2007: 268–279; Pitarakis 2006: 68–71), которые, изучив детали иконографии ранних крестов, выделяют набор признаков, характерных для крестов, изготовленных на территории Балкано-Дунайского региона. Эти кресты представляют собой один из вариантов классической схемы: в изображении Распятия на месте возглавия и подножия появляются чрезвычайно схематичные погрудные изображения неопознаваемых святых без медальонов, а предстоящие изображаются не в рост, а оплечно, под руками распятого Христа. Исследователи подчеркивают, что на территории Сирии, Египта и Греции точных аналогий таким реликвариям не обнаружено. Энколпион, найденный в Гнездове, отвечает всем признакам, выделяемым исследователями.

Действительно, наибольшее количество точных аналогий кресту из Гнездова происходит из Балкано-Дунайского региона. На территории Болгарии они зафиксированы в слоях поселений, которые датируются X — началом XI вв. (Абоба-Плиска 1905: Табл. LVI, *3 а, в*). Три креста рассматриваемого типа были обнаружены при раскопках Диногеции на территории Добруджи. Диногеция была отстроена византийцами после победы над князем Святославом и занятия Добруджи, материал из раскопок датируется по нумизматическим данным X–XII вв. (Barnea 1967a: 359, 363, fig. 193, *9–10*, 191, *20*). Не менее пяти точных аналогий энколпиону из Гнездова зафиксировано также на территории Венгрии (The Ancient Hungarians 1996: 193, fig.1). На территории Венгрии найдено еще четыре подобных крестамощевика (Gábor 2000: tábl. 89, *6*. 92, *15*; Pitarakis 2006: 230, Cat.146–149).

Вероятно, основные центры их производства находились на территории Первого Болгарского царства, где самостоятельные модели крестов создавались, путем переработки основного иконографического типа византийских нагрудных крестов-реликвариев, широко бытовавших в этих землях и широко известных болгарским мастерам. За пределами Балкано-Дунайского региона находки энколпионов рассматриваемого типа немногочисленны. Три находки происходят из средневекового Херсонеса (Залесская 1988: 97, рис. 5). На древнерусской территории известны находки трех крестов этого типа; два из них лишены точного археологического контекста (Корзухина, Пескова 2003: 46, табл. 3. кат. № I.1/10; Захаров 2004: рис. 45, *7*); третий происходит из воинского погребения конца X — первой половины XI вв. в Подгорцах (Liwoch 2007: 375, фото 30).

Вопрос о социальной принадлежности владельцев крестов-мощевиков неоднократно поднимался в литературе. Г. Ф. Корзухина, проанализировав данные русских письменных источников и собрав информацию, оказавшуюся довольно скудной, о находках крестов-реликвариев из закрытых археологических комплексов приходит к выводу о том, что данные письменных и архео-

логических источников не позволяют конкретизировать гипотетических владельцев энколпионов в рамках раннесредневековой социальной иерархии (Корзухина, Пескова 2003: 37–39). Однако, гнездовский энколпион — особый случай, он найден на памятнике, который в целом относится к языческой эпохе и, являясь предметом личного благочестия, входит в перечень относительно немногочисленных находок, свидетельствующих о существовании в Гнездове группы христиан. Очевидно, что обладание крестом-реликварием не могло быть ординарным явлением. Не исключено, что крест принадлежал священнослужителю-миссионеру или, во всяком случае, человеку, принявшему христианство. К сожалению, контекст находки не позволяет реконструировать объект (постройку), к которой он относился, однако интересно отметить, что практически рядом была найдена византийская медная монета Романа I (919–944 гг.).

Существование группы христиан (христианской общины?) в Гнездове документировано находками предметов личного благочестия — крестов в ряде погребений Гнездова (Мусин 2002: 132–133). Кроме того, крестик «скандинавского типа» входил в состав клада 950-х гг. (Пушкина 1996: 177, 186, рис. IV). О распространении христианства в среде гнездовской элиты свидетельствуют и находки свечей и воска в погребениях 950–970-х гг. (Пушкина 1997: 123–126). Приведенные данные свидетельствуют о проникновении христианства на территорию Верхнего Поднепровья еще в середине X в.

Балкано-дунайское происхождение энколпиона заставляет обратиться к роли Болгарии в процессе распространения христианства на Руси. Как уже отмечалось, энколпион был найден в слое конца X — начала XI вв., то есть — ко времени после официального акта принятия христианства в 988 г. Однако период последней четверти X — начала XI вв. был одним из самых неблагоприятных моментов для развития русско-болгарских отношений на государственном уровне. Это связано с тем, что Болгария с 976 по 1018 гг. находилась в состоянии войны с Византией, что никак не могло способствовать развитию международных контактов (Литаврин 1999: 403). Однако, очевидно, что только Болгария, с уже укоренившейся славянской письменностью и сложившимся богослужением на славянском языке, могла сыграть решающую роль, как в распространении письменности, так и в становлении богослужения на Руси. Г. Г. Литаврин предположил, что при практически полной нереальности официальных контактов по госу-

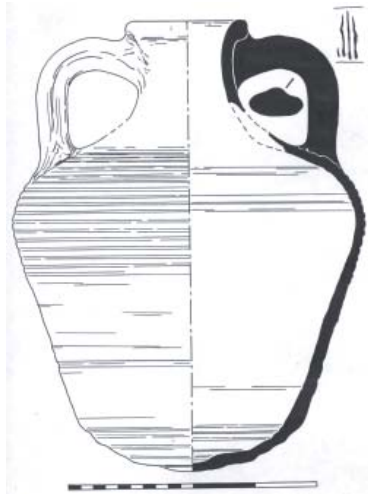


Рис. 4. Реконструкция амфоры (автор И. В. Волков), найденной на «прибрежной» зоне

дарственно-церковной линии, неофициальные связи, тем не менее, успешно развивались (Литаврин 1999: 405). Возможно, гнездовский энколпион является материальным воплощением такого рода контактов. Однако, это не единственный вариант объяснения попадания креста на территорию Верхнего Поднепровья. Как уже отмечалось, за пределами Балкано-Дунайского региона, максимальное количество (не менее трех экземпляров) энколпионов рассматриваемого типа обнаружено в Херсонесе. Как известно, первыми священнослужителями на Руси, были приехавшие с Анной «корсунские» попы. Однако, некоторые исследователи полагают, что епископы Анастасий и Иаким были не коренными жителями Корсуни, а выходцами из Восточной Болгарии (Медынцева 2000: 257). Таким образом, крест-мощевик из Гнездова может быть иллюстрацией связей Болгария — Херсон — Русь.

* * *

В заключение обзора находок, подведем некоторые итоги. Анализ находок византийского круга (44 предмета) с пойменной части гнездовского поселения, позволяет поставить вопрос о динамике развития связей Верхнего Поднепровья с Византией.

Гнездовский контрольно-административный пункт, находясь на пересечении нескольких крупнейших торговых магистралей, способен выступить своего рода «индикатором» основных этапов развития пути «из варяг в греки» и т. н. «широтного» пути (Зап. Двина — Днепр — Ока — Волга). Одной из основных исследовательских проблем в этом отношении остается вопрос о путях и времени поступления в Гнездово импортов византийского круга.

Контакты киевских князей с Константинополем были своего рода легитимизацией в X в. власти первых Рюриковичей на международном уровне. (Петрухин 1995: 50). При этом удивительным кажется факт крайней малочисленности по данным археологии византийских элементов в «дружинной культуре» Древней Руси. Т. Нунен отмечал, что роль русско-византийской торговли в IX–X вв. в историографии традиционно сильно преувеличивается: в IX в. никаких однозначных свидетельств такой торговли нет, а в X в. ее масштабы были гораздо скромнее, чем обычно считается (Noonan 1987: 399).

В связи с этим встает можно попытаться поставить вопрос о «беспрерывности» (по маршруту Балтика — Ладога — Гнездово — Киев — Византия) Балтийско-Днепровского пути в первой половине X в., а также о времени начала функционирования некоторых отрезков пути и динамике их развития. Где начинался и где заканчивался путь «из варяг в греки» на разных этапах своего существования? Функционирование отдельных отрезков этой магистрали в качестве торговых путей доказано уже для IX в. Так, например, И. И. Еремеев показал формирование системы переходов из Ловати в Днепр, маркированных скандинавскими находками (Еремеев 2005). При этом, с одной стороны «Повесть временных лет» говорит о транзитном непрерывном пути, с другой стороны есть ряд свидетельств, говорящих о том, что волховско-днепровская магистраль долгое время существовала лишь в виде нескольких самостоятельных отрезков.

Традиционный взгляд на путь «из варяг в греки» представляет его как единую сквозную магистраль от Балтики до Черного моря уже с конца IX — начала X вв. Поход Олега в 882 г. из Новгорода в Киев, как считается, способствовал освоению этого пути и положил начало торговому движению через территорию Древней Руси от Ладоги до Константинополя.

В современной историографии уже неоднократно высказывалась идея о том, что описанный в летописи путь «из варяг в греки» как транзитная магистраль от Балтики до Константинополя сложился достаточно поздно, либо до середины X в. мог существовать в виде северного и южного отрезков (Зоценко 2001: 121–125; Андрощук 2001: 133; Леонтьев 1986). В последнее время все большее распространение получает мнение о том, что для Гнездово на ранних этапах его существования больший приоритет, чем южные связи, имели «широтные» торговые пути и контакты с Балтикой (Зоценко 2001: 121).

Подавляющее большинство предметов византийского круга по материалам пойменной части поселения в Гнездово относятся к середине — второй половине X в.: все фрагменты амфорной тары и поливной посуды, подавляющее большинство стеклянных изделий, энколпион. В комплексах более раннего периода зафиксированы лишь три византийские монеты (из 4 найденных) и фрагмент одного стеклянного сосуда (из 35 найденных стеклянных изделий).

В связи с этим обращает на себя внимание датировка вещей византийского круга в Северной Руси. О. И. Богуславский специально отмечает, что основная масса византийских монет попадает в Скандинавию, Финляндию и Приладожье только во второй пол. X в. (Богуславский 1995; Андрощук 2001: 132). В частности, в Приладожье малочисленные византийские серебряные монеты впервые попадают в 950–980-е гг. (Богуславский 1993: 8). Что примечательно, Т. Нунен относит появление первых византийских монет в Киеве также лишь к середине X в. (Noonan 1987: 398). Говоря о проникновении арабского серебра в районы Новгородской земли и Ладоги, А. Е. Леонтьев предположил, что куфические монеты могли попадать на северный отрезок Днепровско-Балтийского пути не с юга, а через Сев. Донец по Пслу и Сейму, или с Оки через Десну (Леонтьев 1986: 7).

Появление в 920–970 гг. в Приладожье вещей дунайского круга О. И. Богуславский, вслед за Г. С. Лебедевым, связывает с Волжским путем и варягами наемниками, которые, проведя какое-то время в Византии, возвращались на север т. н. «кружным путем» через Каспий (Богуславский 1993: 7; Лебедев 1985: 252–255). При этом наибольшее число вещей венгерско-дунайского круга попадает в Приладожье именно в 950–980-х гг (Богуславский 1993: 8).

При рассмотрении хронологии византийских импортов на территории Древней Руси необходимо помнить, что характер их может быть различен для разных этапов: в одних случаях это может быть случайным эпизодическим попаданием вещей византийского круга в торгово-ремесленные центры Руси, в других — отражением движения торговых потоков по торгово-коммуникационным путям.

Среди рассмотренных византийских находок пойменной части Гнездовского поселения лишь монеты относятся к периоду, более раннему, чем весь корпус византийских импортов. Находок византийских монет на древнерусских территориях X в. достаточно мало. Т. Нунан отмечет, что они не играли какой-либо существенной роли в экономической жизни раннегородских центров Древней Руси (Noonan 1987: 398), а значит динамика их распространения в это время ничего не говорит о направлениях и масштабах русско-византийских торговых связей. Попадавшие на древнерусские памятники византийские медные и золотые монеты были своего рода «сувенирами», привезенными из поездок, и, по мнению Т. Нунана, не являются индикаторами отношений Руси с Византией или Херсонесом (Noonan 1987: 398). В этом отношении необходимо помнить, что изображение на византийских монетах креста, образов Христа или Богоматери могло быть чем-то вроде «символа веры» для ранних христиан Древней Руси (Богуславский 1990: 61; Бутырский 2000; Мусин 2002: 172). В пользу этого предположения говорит и несистематичность находок византийских монет на древнерусских памятниках. Подобная возможность использования византийских монет не в торговых операциях может быть зафиксирована и в Гнездово. Т. А. Пушкина отдельно отметила «явное употребление обитателями Гнездовского поселения значительной части медных византийских монет в качестве украшений или амулетов» (Молчанов, Пушкина 2003: 53). Тем не менее, находки в пойменной части Гнездовского поселения ранних херсонских монет являются редким подтверждением связей Древней Руси с крымскими владениями империи.

Количество находок, свидетельствующих о русско-византийских связях существенно возрастает в слое, который начал формироваться после 50-х. гг. X в. Ассортимент предметов византийского происхождения значительно расширяется, среди находок представлены фрагменты стеклянных сосудов, глиняных амфор, стеклянная шашка, перстень, крест-мощевик.

Из описания торговли Киева с Константинополем у Константина Багрянородного видно, что до середины X в. в качестве торговой магистрали используется отрезок Днепра от Киева до Византии. Ни о каком едином для Восточной Европы торговом пути от Балтики до Черного моря речи здесь не идет[1]. Как мы видим из текста трактата «Об управлении империей», в Киев приходят лишь однодревки от данников среднеднепровской Руси, причем эти приходящие однодревки русы *покупают*. Загрузка их товарами для отправки в Византию (как и «достройка» самих од-

[1] «Приходящие из внешней Росии в Константинополь моноксилы являются одни из Немогарда… а другие из крепости Милиниски, из Телиуцы, Чернигоги и из Вусеграда. Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава, называемой Самватас. Славяне же, их пактиоты, а именно: кривитеины, лендзанины и прочие Славинии — рубят в своих горах моноксилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти [водоемы] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] входят в эту самую реку и отправляются в Киову. Их вытаскивают для [оснастки] и продают росам. Росы же, купив одни эти долбленки и разобрав свои старые моноксилы, переносят с тех на эти весла, уключины и прочее убранство… снаряжают их» (Об управлении 1989: 45–47).

нодревок для дальнейшего плавания) также происходят только в Киеве. То есть, налаженная магистраль прохождения судов уже существует, и начинается она от Новгорода, но непосредственно торговый поток отмечается только для отрезка Киев — Черное море. Учитывая время создания трактата «Об управлении империей» (948–952 гг.), возможно, здесь фиксируется состояние пути «из варяг в греки» *непосредственно накануне* превращения его в транзитную торговую магистраль от Балтики до Византии. Похожую картину дают и русско-византийские договоры 912 и 945 гг. (по хронологии ПВЛ). Соглашаясь с Т. Нунаном, можно предположить, что представления о масштабах русско-византийской торговли по материалам договоров несколько преувеличены, по крайней мере, для первой половины X в. В договоре Олега торговые вопросы затрагиваются лишь вскользь, основное внимание уделяется правовому регулированию отношений между руссами и греками, вопросам службы русских наемников в Византии и др. (ПВЛ: 18–19).

В середине X в. акцент русско-византийских отношений меняется: договор Игоря посвящен уже преимущественно вопросам торговли: в нем (в отличие от договора 912 г.) детально разбираются вопросы пребывания русских купцов в Византии (ПВЛ: 24–26). Договор середины X в. фиксирует значительное усложнение торговых контактов Руси и Византии, по сравнению с началом X в. (Сахаров 1980: 241). Для нас особенно важно, что в тексте соглашения 907 г. и в договоре 945 г. в качестве торговых центров Руси, отправляющих купеческие корабли в Византию, названы лишь Киев, Чернигов и Переяславль, а в отношении остальных центров в тексте присутствует неопределенная фраза «и прочие гради», не позволяющая соотнести их с каким-либо известным торгово-ремесленным или раннегородским поселением[1]. Договор 945 г. и сочинение Константина Багрянородного фиксируют один общий «хронологический срез» развития русско-византийской торговли. Важен также тот факт, что проблема обеспечения легитимности пребывания русских купцов в Византии (верительные грамоты и ответственность за возможные конфликты с греками) по договору 945 г. ложится на киевского князя (ПВЛ: 24) — т. е., он полностью контролирует торговые караваны, прибывающие с русских территорий.

Распространение византийских импортов в Гнездово связано не только с экономическими, но и с политическими процессами: около 50-х гг. X в. происходит, вероятно, усиление великокняжеской власти Киева в этом регионе либо прямое подчинение Гнездова власти киевских князей (Мурашева, Ениосова, Фетисов 2007: 70).

На основании вышеизложенного можно предположить, что либо только около середины X в. «путь из варяг в греки» начал функционировать как единая сплошная транзитная торговая магистраль от Балтики до Черного моря (а не в виде отдельных отрезков), либо в середине X в. происходит значительное увеличение объемов торговли на тран-

[1] Список городов в соглашении 907 г., в которые идет часть дани (Полоцк, Ростов, Любеч), в данном случае не может учитываться, поскольку он показывает участников военного похода, но не участников международной торговли.

зитном Днепровско-Балтийском пути. Последняя точка зрения была впервые высказана Д. А. Авдусиным на основании анализа хронологии гнездовского могильника (Авдусин 1972: 165). Материалы византийского происхождения с территории пойменной части поселения подтверждают и уточняют эту гипотезу.

Результат поиска аналогий гнездовским находкам указывает не только на связи с основной территорией Империи, но на и на Балкано-Дунайское направление контактов. Вероятно, характер связей был разнообразным, речь может идти не только о торговле, но и о военных трофеях или процессах христианизации. Скорее всего, в результате торговли на территорию Верхнего Поднепровья попали амфоры, может быть, часть стеклянных и поливных сосудов. Как уже отмечалось, драгоценные сосуды с росписью не были статьей экспорта, они были предназначены для дарений. Часть предметов могла происходить не из метрополии, а с территорий, находившихся под сильным византийским влиянием, например из Дунайской Болгарии.

Интересно отметить, что находки византийских импортов зафиксированы на всех исследованных участках пойменной части поселения, однако максимальная их концентрация отмечена на «производственном» участке. Все предметы византийского происхождения на периферии цивилизованного мира являлись предметами роскоши. Исследования показывают, что они могут быть надежным социальным и имущественным индикатором, позволяющим выявить на поселениях усадьбы аристократов, купечества и священнослужителей. Можно предположить, что исследованные ювелирно-кузнечные мастерские («производственная зона») находились на территории усадьбы, принадлежавшей человеку высокого социального ранга. Находка же разбитой амфоры на «прибрежном» участке может свидетельствовать о том, что в этом районе происходила разгрузка кораблей.

Распространение византийских импортов в Гнездово позволяет, таким образом, отметить новый этап в развитии трансъевропейского Днепровского пути.

Литература

1. *Абоба-Плиска 1905* — Абоба-Плиска // Альбом к X тому Известий Русского археологического института в Константинополе. Вена. 1905.

2. *Авдусин 1972* — Авдусин Д. А. Гнездово и Днепровский путь // Новое в археологии. М. 1972.

3. *Андрощук 2001* — Андрощук Ф. А. Гнездово, днепровский путь и финал Бирки // Археологический сборник. Гнездово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. № 124. М. 2001.

4. *Андрощук 1999* — Андрощук Ф. О. Нормани і слов'яни у Подесенні. Київ. 1999.

5. *Анохин 1977* — Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев. 1977.

6. *Бліфельд 1977* — Бліфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ. 1977.

7. *Богуславский 1990* — Богуславский О. И. О находках византийских монет в южном Приладожье // Новгород и Новгородская земля. Новгород. 1990.

8. *Богуславский 1993* — Богуславский О. И. Южное Приладожье в системе трансевразийских связей IX–XII вв. //Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб. 1993.

9. *Богуславский 1995* — Богуславский О. И. Об одной группе древностей Юго-Восточного Приладожья (к проблеме распространения христианства на северо-западе Руси) // Церковная археология. Ч. 1. СПб; Псков. 1995.

10. *Булгаков 2000* — Булгаков В. В. Византийские амфоры IX–XIV вв. // Восточноевропейский археологический журнал. № 4 (5). 2000. http://archaeology.kiev.ua/journal/040700/ bulgakov

11. *Бутырский 2000* — Бутырский М. Н. Сакральная иконография византийских монет // Нумизматический Альманах. № 4 (15). 2000.

12. *Българите 2004* — Българите и техните съсе през V–X век. Каталог на изложба. Варна. 2004.

13. *Волков 1996* — Волков И. В. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином //Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. 1996.

14. *Волков 2005* — Волков И. В. Амфоры Новгорода: хронология и распределение в слое // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. 2005.

15. *Галибин 2001* — Галибин В. А. Состав стекла как археологический источник. СПб. 2001.

16. *Гуревич, Джанполадян, Малевская 1968* — Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В. Восточное стекло Древней Руси. Л. 1968.

17. *Дончева-Петкова 2004* — Дончева-Петкова Л. О некоторых типах крестов-энколпионов из Херсона и средневековой Болгарии // Россия — Крым — Балканы: диалог культур. Екатеринбург. 2004.

18. *Древняя Русь 1997* — Древняя Русь. Быт и культура // Археология СССР. М. 1997.

19. *Егорьков 2007* — Егорьков А. Н. Результаты эмиссионно-спектрального анализа фрагментов стеклянных сосудов Рюрикова городища // У истоков русской государственности. СПб. 2007

20. *Еремеев 2005* — Еремеев И. И. Волок «с верха Днепра до Ловати» и варяги // Археологические вести. № 12. СПб. 2005.

21. *Жарнов 1991* — Жарнов Ю. Э. Женские скандинавские погребения в Гнездово. М. 1991.

22. *Загреба 1998* — Загреба М. Монеты византійского Херсонеса IX–XII ст. // Нумізматика і фалеристика. № 3. 1998.

23. *Залесская 1988* — Залесская В. И. Связи средневекового Херсонеса с Сирией и Малой Азией в X–XII вв. // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV–XVI вв. Л. 1988.

24. *Захаров 2004* — Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М. 2004.

25. *Зоценко 2001* — Зоценко В. Н. Гнездово в системе связей Среднего Поднепровья IX–X вв. // Археологический сборник. Гнездово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. вып. 124. М. 2001.

26. *Каргер 1957* — Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л. 1957.

27. *Коваль 2003* — Коваль В. Ю. Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X–XIII вв.) // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М. 2003.

28. *Коваль 2005* — Коваль В. Ю. Византийская керамика на Руси в IX–XV вв. // Русь в IX–XV веках. Взаимодействие севера и Юга. М. 2005.

29. *Комнина 1965* — Комнина А. Алексиада. М. 1965.

30. *Кондаков 1914* — Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. Т. I. СПб. 1914.

31. *Корзухина 1958* — Корзухина Г. Ф. О памятниках «корсунского дела» на Руси // Византийский временник. Вып. 14. М. 1958.

32. *Корзухина 1963* — Корзухина Г. Ф. Из истории игр на Руси.// СА. № 4. 1963.

33. *Корзухина, Пескова 2003* — Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб. 2003.

34. *Лебедев 1985* — Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л. 1985.

35. *Леонтьев 1986* — Леонтьев А. Е. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. № 183. 1986.

36. *Леонтьев 1998* — Леонтьев А. Е. Ростов эпохи Ярослава Мудрого (по материалам археологических исследований // Историческая археология. Традиции и перспективы. М. 1998.

37. *Литаврин 1999* — Литаврин Г. Г. Византия и славяне. СПб. 1999.

38. *Львова 1959* — Львова З. А. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела Белой Вежи // МИА. № 75. М. 1959.

39. *Львова 1961* — Львова З. А. Восточноевропейские стеклянные украшения VIII–XI вв. Л. 1961.

40. *Макарова 1967* — Макарова Т. И. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси. М. 1967.

41. *Медынцева 2000* — Медынцева А. А. Грамотность в Древней Руси. М. 2000.

42. *Михайлов 2005* — Михайлов К. А. Древнерусские элитарные погребения X — начала XI вв. (по материалам захоронений в погребальных камерах) // Автореферат дис…. канд. ист. наук. СПб. 2005.

43. *Молчанов, Пушкина 2003* — Молчанов А. А., Пушкина Т. А. Новые находки византийских монет на Гнездовском селище // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов. СПб. 2003.

44. *Мусин 2002* — Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб. 2002.

45. *Мурашева 2007* — Мурашева В. В. В поисках Гнездовского порта // РА. № 1. 2007.

46. *Мурашева, Авдусина 2007* — Мурашева В. В., Авдусина С. А. Исследования притеррасного участка пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб. 2007.

47. *Мурашева, Ениосова, Фетисов 2007* — Мурашева В. В., Ениосова Н. В., Фетисов А. А. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб. 2007.

48. *Об управлении 1989* — Константин Багрянородный. Об управлении империей. М. 1989.

49. *ПВЛ* — Повесть Временных Лет. СПб. 1999.

50. *Петрухин 1995* — Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск; М. 1995.

51. *Плохов 2007* — Плохов А. В., Средневековая стеклянная посуда Новгородского (Рюрикова) городища // У истоков русской государственности. СПб. 2007.

52. *Пескова 2007* — Пескова А. А. Памятники культового литья балкано-дунайской традиции в древнем Новгороде // У истоков русской государственности. СПб. 2007

53. *Пушкина 1996* — Пушкина Т. А. Новый Гнездовский клад // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 г. Новое в нумизматике. М. 1996.

54. *Пушкина 1997* — Пушкина Т. А. Воск и свечи в древнерусских погребениях // Археологический сборник. Погребальный обряд. Труды ГИМ. № 93. М. 1997.

55. *Путь 1996* — Путь из варяг в греки и из грек… М. 1996.

56. *Сагайдак, Хамайко, Вергун О. И. 2008* — Сагайдак М. А., Хамайко Н. В., Вергун О. И. Новые находки древнерусских игральных фигурок из Киева // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Т. 2. Коростень. 2008.

57. *Сахаров 1980* — Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. IX — первая половина X в. М. 1980.

58. *Седова 1997* — Седова М. В. Суздаль в X–XV веках. М. 1997.

59. *Соколова 1983* — Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсонеса. Л. 1983.

60. *Стеблин-Каменский 1997* — Стеблин-Каменский М. И. Корни Иггдрасиля. М. 1997.

61. *Сюзюмов 1949* — Сюзюмов М. Я. Книга Эпарха. Уставы византийских цехов X века // Ученые записки Свердловского государственного педагогического института. Т. 6. Свердловск. 1949.

62. *Толочко 1990* — Толочко П. П. Спорные вопросы ранней истории Киевской Руси // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). Киев. 1990.

63. *Щапова 1991* — Щапова Ю. Л. Византия и Восточная Европа. Направление и характер связей в IX–XII вв. (по находкам из стекла) // Византия. Средиземноморье. Славянский мир (к XVIII Международному конгрессу византинистов). М. 1991.

64. *Щапова 1997* — Щапова Ю. Л. Украшения из стекла // Древняя Русь. Быт и культура / Апрхеология СССР. М. 1997.

65. *Щапова 1998* — Щапова Ю. Л. Византийское стекло. Очерки истории. М. 1998.

66. *Ширинский 1968* — Ширинский С. С. Курганы полян у с. Седнев // АО-1967. М. 1968.

67. *The Ancient Hungarians 1996* — The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue. Budapest. 1996.

68. *Barnea 1967a* — Barnea I. Obiecte de cult // Dinogetia. Bucureşti. 1967.

69. *Barnea 1967b* — Barnea I. Podoabele de metal // Dinogetia. Bucureşti. 1967.

70. *Comşa 1967* — Comşa E. Podoabele de sticlă // Dinogetia. Bucureşti. 1967.

71. *Davidson 1952* — Davidson G. R. Corinth. Vol. XII. The minor objects. New Jersey. 1952.

72. *Fife Thousand 1991* — Fife Thousand Years of Glass. London. 1991.

73. *Gábor 2000* — Gábor K. Vas megye 10–12. századi sir- és kincsleletei. Szombathely. 2000.

74. *Henderson, Mango 1995* — Henderson J, Mango M., 1995. Glass at Medieval Constantinople Preliminary Scientific Evidence // Constantinople and its Hinterland. Papers from the Twenty-seventh Spring Symposium of Byzantine Studies, Oxford, April 1993. Variorum 1995.

75. *Liwoch 2007* — Liwoch R. Wielkie kurhany latopisowego Plesniska. // Материали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вип. 11. Львів. 2007.

76. *Makt och människor 1990* — Makt och människor I kungens Sigtuna. Sigtuna. 1990.

77. *Pitarakis 2006* — Pitarakis B. Les croix — reliquaries pectorales Byzantines en bronze / Bibliothèque des Cahiers archeologiques. XVI. Paris. 2006.

78. *Radulescu, Gáll 2001* — Radulescu A., Gáll E. Das landnahmezeitliche Gräberfeld von Temesvár (Timişoara)-Csókaerdő // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 52. Budapest. 2001.

79. *Sedyh 2000* — Sedyh V. Timerevo — un centre proto-urbain sur la grande voie de la Volga // Les centres proto-urbain russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris. 2000.

80. *Noonan 1987* — Noonan T. Monetary history of Kiev in the pre-Mongol period // Harvard Ukrainian studies. Vol. XI. № 3–4. 1987.

Byzantine Imports from the Flood-Land Area of the Gnezdovo Settlement

V. V. Murasheva, N. P. Dovgalyuk & A. A. Fetisov

The paper analyses finds of Byzantine provenance (coins, amphorae and glazed pottery, objects of glass and non-ferrous metals) from excavations of a well-stratified cultural layer in the flood-land area of the Gnezdovo Settlement which was one of the key points on the trans-European Road "from the Varangians to the Greeks". The predominant numbers of the artefacts are dated from the middle-second half of the 10th century. Analysis of these finds allows us to distinguish out a particular stage in the development of the trans-European Dnieper route.

Мусин А. Е.

Христианская культура и церковная структура Ладоги в X–XVI веках

Древнерусская Ладога VIII–X вв., сыгравшая важнейшую роль в сложении державы Рюриковичей, ее культуры и всей системы общественных взаимоотношений, становится в XII–XIV вв. полноправной частью «волости Новгородской». Однако эпизодический характер упоминания древнерусским летописанием Ладоги предшествующего времени не позволяет создать цельной картины истории средневекового города. Существенную роль в исторической реконструкции способны сыграть исследования в области исторической топографии и картирования археологических памятников (Кирпичников 1985а: 170–180; Лебедев 1985: 205–210; Лебедев, Седых 1985), изучение данных сфрагистики (Кирпичников, Сарабьянов 1996: 98–100; Янин 1953: 111–112; Янин 1970б; Янин, Гайдуков 1998: 79–83; Белецкий, Петренко 1994: 184–283) и архитектурно-археологические исследования (Кирпичников, Сарабьянов 1996: 96–97; Раппопорт 1982: 189; Пескова, Раппопорт, Штендер 1982).

Начало христианизации населения Ладоги, весьма нестабильного, может быть отнесено к эпохе становления древнерусского государства. Этот город уникален присутствием христианских древностей в его археологических материалах уже во второй половине IX — первой половине X в.[1] Имеющиеся находки можно надежно связать с «дружинным периодом» в истории древнерусского христианства. О христианизационных процессах в Ладоге свидетельствует и раскопанное В. П. Петренко культовое сооружение (т.н. «большая постройка») на Варяжской улице в Старой Ладоге, представлявшее собой частокол из плах размером 11×11 м, ориентированный по сторонам света, внутри которого были найдены черепа животных, культовые статуэтки, деревянная посуда и руническая подвеска. Это сооружение возникло не ранее 950 г., а его преднамеренное разрушение пришлось на период между 986 и 991 г. (Петренко 1985: 105–113, рис. 15–19), то есть, вероятнее всего, связано с деструктивными изменениями в культуре языческого времени, связанными с христианизацией Ладоги.

Открытие В. И. Равдоникасом и Г. П. Гроздиловым в X ярусе старола-

[1] Фризский кувшин их кургана № 7 в могильнике Плакун вполне может быть отнесен к третьей четверти IX в. (Корзухина 1971: 59–64). Крест-энколпион из Подунавья без изображений найден в раскопе на Варяжской улице в слоях VII–VIII строительного горизонта, датированных 900–924 гг. (Петренко 1976; 1985: 93, рис. 4А). Неопубликованный бронзовый крест (накладка?) происходит из слоев середины X в. в раскопе на Варяжской улице (Петренко 1974: САЭ-1974/ЛП1–507, кв. Ж-8, 6–7 штых, гл. 100–120 см)

дожского городища (970–990 гг., по С. Л. Кузьмину и А. Д. Мачинской, см: Кузьмин, Мачинская 1989: 29–30) так называемого «большого сооружения» (сруб 9,6×9,3 м, соединеный переходом с жилым домом X–XI вв.), в котором отсутствовали бытовые находки, но зато был найден крест, позволило поставить вопрос о существовании в Ладоге деревянной церкви (Гроздилов 1950). Известно и раннее христианское кладбище XI–XII вв. на Земляном городище (Равдоникас 1945: 31, 34; 1949: 11–13; Платонова 1997а: 67–71; 1997б: 25–27). Однако первое определенное свидетельство о существовании в Ладоге церковной организации относится к 1153 г., когда архиепископ Нифонт строит здесь каменный храм в честь свт. Климента, папы Римского (НПЛ: 29).

Такое положение дел мы связываем с торгово-ремесленным характером поселения и постоянной сменой обитателей раннесредневековой Ладоги, что не способствовало непрерывной и поступательной христианизации ее жителей. Археологические исследования А. Н. Кирпичникова 1991–1992 гг. выявили для раннесредневековой Ладоги факт существования парцелл IX–X вв. (Кирпичников, Сарабьянов 1996: 92–93), объединявших в себе жилую и производственную зону и имеющих аналогии в прибрежной планировке в г. Рибе (Дания). Подобный тип городской застройки, связанный с функционированием здесь стабильных административных структур, может свидетельствовать о частичной, но постоянной смене населения в связи с периодами торгово-ремесленной активности.

Очевидно, именно с мобильностью местного населения может быть поставлена в связь найденная в 1998 г. уникальная печать византийского митрополита Леонтия Лаодикийского, не имеющая, к сожалению, стратиграфической даты (Казанский, Кирпичников 1998: 115–125). Сопоставление держателя буллотирия с митрополитом Леоном Переславским 1070–1080-ых гг. (Щапов 1989: 56–62; Назаренко 2007: 85–103), казалось бы, подтверждается общей идеей о возведении этой кафедры в ранг митрополии в связи с перемещением сюда митрополит Леонтия, получившего на Руси сокращенное, хотя и не обоснованное греческой грамматикой, имя Леон после падением Лаодикии под ударами сельджуков. Появление в Ладоге документов, вышедших из южно-русской канцелярии, могло быть оправдано обширной территорией и миссионерским характером Переславского диоцеза в XI–XII вв. Известно, что до второй четверти XII в. Смоленская и Суздальская земли входили в церковном отношении в состав Переславской епархии, что явствует из факта церковного строительства в Суздале, осуществлявшегося переяславским митрополитом Ефремом (до 1096 г.), а также запретом Уставной грамоты Смоленской епархии 1136–1139 гг. на последующее присоединение Смоленска к церковному округу Переславля (ЛЛ: 445; ИЛ: 228; Российское законодательство 1984: 212–223). Не исключено также, что до 1148 г. Ростовская кафедра управлялась из Переславля, пока на этой кафедре на короткий срок не появляется самостоятельный епископ Нестор (Щапов 1989: 48).

Известно, что Черниговская митрополия — Маврокастрон Новой России из епископской нотиции, сохранившейся в 14 списках и опубликованной

Ж. Даррузесом под № 11 (Darrouzès 1981: 341–346) — основана в промежутке между 1060 и 1071 гг., поскольку в списке ей предшествует митрополия Василеона, получившая этот ранг при Константине X Дуке (1060–1067), а последует Назианзская, ставшая таковой при Романе IV Диогене (1068–1071). В свою очередь Назианз, как митрополия Мефимны (не позднее 1072 г.; см.: Oikonomidès 1960: 55–78), предшествует здесь митрополии Переславля. За ней следует митрополия Лакедемона, созданная в 1081–1083 гг. (Laurent 1963: 129–141).

Однако, принято считать, что Лаодикия пала под ударами сельджуков не ранее 1084 г. Соответственно, появление на Руси малоазийского митрополита вряд ли возможно ранее этого времени, тогда как статус Переславской кафедры был со всей очевидностью повышен еще до этого события. К тому же, как считает А. Поппэ, в 1085–1086 гг. переславским митрополитом был Ефрем, находившийся в это время в Константинополе (Поппэ 1996: 452). Следовательно, возведение Переславля в ранг митрополии никак не связано с историей Ладоикийской церкви по соображениям хронологического характера, а появление в Ладоге документа, скрепленного представителем этой церкви — с историей русской иерархии[1].

Появление на Руси документа, скрепленного епископом Лаодикии Леонтием, должно быть поставлено в связь с уже начавшимся паломничеством русских и скандинавов в Святую Землю по Восточному пути — Пути из Варяг в Греки. Дело в том, что для паломнических маршрутов через Малую Азию Лаодикия являлась ключевым пунктом, особенно в период 1042–1084 гг. (Foss 2003: 129–151). Лаодикия была последней остановкой на границе с государством Фатимидов, хорошо известной западным паломникам. Так, именно через Лаодикию путешествовали в Иерусалим епископы Лиетберт из Камбре и Гюнтер из Бамберга в 1055 и 1065 гг. (Jacoby 2005: 267–285). В 1082 г. Алексий Комнин упоминает в грамоте, данной Венеции, этот порт как главный на пути в Константинополь (Madden 2002: 23–41). Вообще, в европейской историографии епископские печати из Святой Земли и Малой Азии традиционно рассматриваются как скрепы паломнических документов: таким образом интерпретируется найденная в Винчестере печать (Laurent 1964: 49–50) патриарха Иерусалимского Софрония II (1048–1076/1083). Таким образом, печать митрополита Лаодикийского Леонтия могла быть связана не столько с его возможным пребыванием на Руси, сколько с подорожной или охранной грамотой, выданной паломникам и вместе с ними попавшей на Русь. Связь известных печатей малоазийских и ближневосточных иерархов XI в. с паломническими документами является гораздо более надежным аргументом в пользу того, что Леонтий Лаодикийский и Леон Переславский являются со-

[1] Мнение же о том, что митрополит Леон Переславский занимал эту кафедру в 1073–1076 гг., ни на чем не основывается. В том же, что, попав на Русь и получив в управление Переславль, некий малоазийский митрополит мог в принципе сохранять в номинальном подчинении свою прежнюю кафедру, которую он оставил в результате военных нестроений, мы не усматриваем ничего невероятного. Восточные патриархи, со времен арабского нашествия, большей частью проживали в Константинополе, сохраняя все свои права. Однако в данном случае, это не имеет отношение ни к ранее неизвестному Леонтию Лаодикийскому, ни к малоизвестному Леону Переславскому.

вершенно различными историческими персонажами, нежели хронологические выкладки или же мнение о невозможности перехода греческих имена Леон и Леонтий друг в друга. Речь идет не греческой, а о славянской языковой среде, где превращение Леонтия в Леона представляется оправданным.

К характеристике христианской культуры средневековой Ладоги необходимо привлечь выявленные здесь христианские древности, которых к 2003 г. было учтено нами в количестве 38. Коллекция предметов личного благочестия, найденных здесь, весьма немногочисленна, а входящие в нее предметы представлены, в основном, подъемным материалом или же происходят из нарушенного культурного слоя. Это создает проблемы в области предлагаемых абсолютных дат, однако все предметы представляются достаточно типичными для своего времени вещами (Мусин 2002а: 758–765, рис. 115).

Несмотря на присутствие в материалах Ладоги христианских древностей IX–X вв., здесь до сих пор не замечены наиболее распространенные в это время кресты «из листового серебра» (Мусин 1999: 134–150), что может свидетельствовать об отсутствии здесь в это время поступательно развивающейся христианской культуры. Впрочем, из раскопок 1986 г. на земляном городище происходит крестик «скандинавского типа», который может быть отнесен к древностям первого периода христианизации Древней Руси. К сожалению, он происходит из переотложенного слоя. Систематическое появление христианских древностей в Ладоге только в конце XI в. должно быть поставлено в связь с отсутствием здесь древностей предшествующего времени — крестов с так называемым «грубым изображением распятия» XI в. (Мусин 1997: 17–18, 20–22; 2000: 99–102.). Они указывают на процесс христианизации древнерусского города и сельских поселений в условиях изменившихся социальных связей после заката открытых торгово-ремесленных поселений и дружинных некрополей и становления княжеской администрации в новых городских и погостских центрах. Очевидно, в период 1000–1100 гг. Ладога выпала из зоны активной феодализации.

В основном в материалах Старой Ладоги представлены нательные кресты XII–XV вв., относительно равномерно распределяющиеся во времени. Большая часть предметов личного благочестия (26) датируется временем 1100–1300 гг. Янтарные криновидные крестики и крестики с эмалями (3) подчеркивают культурную связь с Новгородом. Из числа находок сезона 2001 г. отметим кресты с тремя шариками на концах[1], имеющие аналогии в Новгороде (Седова 1981: 52, рис. 17, *4*), и янтарный крест с прочерченым косым крестом в средокрестии и овальными в сечении лопастями[2], созданный в подражание таким же крестам из шифера, которые массово представлены в культурном слое Новгорода. Всего крестов из цветного металла этого времени 11, в том числе — 6 энколпионов и один двусторонний крест, созданный в подражание этому типу реликвий. Известны каменный и керамический кресты, 6 янтарных крестов, 3 клыка-амулета, писанки и одна квадратная иконка с поясным образом Божией Матери. Отме-

[1] САЭ-2001/Е-XIX+16–140; ГЭ-2082–114.
[2] САЭ-2001-Г-XVIII+10–210.

тим также находки семи энколпионов (Пескова 2002).

Отмеченная выше иконка, аналогов для которой нет в Новгороде, найдена в слое с вещами конца XII — начала XIII в. Подобные иконки, происходящие из Владимиро-Суздальской земли, имеют очень незначительный ареал распространения и всего дважды встречены в курганных древностях северо-запада Новгородской земли (Раглицы, Которск; см.: Седова 1988: 272–279; Мусин 2000: 24). Если принять во внимание, что Спасская церковь в Ладоге была освящена в честь происхождения древ Животворящего Креста — Первого Спаса (1/14 августа) — праздника, получившего распространение на Руси после победы князя Андрея Боголюбского над болгарами в 1164 г. (Воронин 1963), то в этих фактах можно увидеть отражение культурно-политических контактов с Северо-Восточной Русью в период 1164–1167 гг., после возвращения Святослава Ростиславича на новгородский стол, или после 1171, когда состоялось примирение новгородцев с князем Андреем (НПЛ: 31, 32, 34). Это отчасти совпадает с предполагаемым временем строительства церкви, которое П. А. Раппопорт датирует 1159–1161 гг. (Раппопорт 1982: 198–199).

Христианские древности XIV–XV вв. в количественном отношении уступают набору вещей предшествующего периода (12 против 26). К XIV в. можно отнести три энколпиона (в том числе — происходящий из случайных находок 1909–1910 гг. с Распятием и мч. Никитой, побивающим беса на обороте[1], который использовался длительное время, поскольку, обе его части скованы между собой медными заклепками), а также крест с элипсоидными концами с изображением Распятия из раскопок Н. К. Стеценко в ладожской крепости. Тем же временем датируется медный киотчатый змеевик со св. Феодором и Божией Матерью (Старая Ладога 1948).[2] Аналогии этому змеевику датируются XV–XVI вв. (Николаева, Чернецов 1991: 67, 104, № 22, табл. XI, *1, 2, 4*), и происходят из коллекции Новгородского музея-заповедника[3] и из собрания А. С. Уварова (Толстой 1888: 390, № 3; Каталог 1908: 100–108, рис. 87–89; Рыбаков 1949: 614, рис. 135). Непосредственно к горизонту В (XV–XVI вв.) можно отнести круглую медную иконку (Рябинин 1985: 31, 33, рис. 6, *1*) с образом Божией Матери в типе Одигитрия (Тихвинская?), имеющая полную аналогию в материалах раскопок Торжка[4]. Всего для этого времени нами зафиксировано 9 предметов из цветного металла, одна каменная иконка с образом «Входа Господня в Иерусалим» (Петренко, Смирнов 1995: 204–206) и янтарный крест (1300–1400 гг.: энколпионы — 3, кресты из цветного металла — 1, каменная иконка — 1, иконка из цветного металла — 1; 1400–1500 гг.: змеевик — 1, крест янтарный — 1, энколпион — 1, кресты из цветного металла — 2).

На фоне достаточно позднего появления в Ладоге христианских древностей с их типичным обликом примечательна находка амулета, найденного в непотревоженном слое XII–XIII вв. раскопа 1986 г. на Земляном Городище (Кирпичников 1986: рис. 16, *1–2*). В юго-

[1] ГЭ-1927–9.
[2] ГЭ 1927–8.
[3] НГОМЗ, инв. № 3491–12.
[4] НТАЭ-1993, Борисоглебский раскоп-I-пл. 3-кв. 9-№ 4, диаметр 6 см.

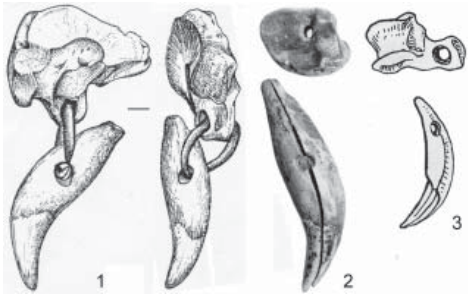


Рис. 1. Амулеты из Старой Ладоги (*2*), Новгорода (*1*) и Большого Горнальского городища (*3*)

восточной части раскопа исследован комплекс построек 1–3 единой усадебной принадлежности, между которыми зафиксирован дощатый настил. На усадьбе зафиксированы остатки ювелирного производства, о чем свидетельствуют фрагменты тиглей. Амулет состоит из просверленного клыка и пяточной кости животного (рис. 2, *2*), которые были связаны несохранившимся фрагментом веревки[1].

Полная аналогия этому амулету, лишь имеющая иную скрепу (в виде проволочного кольца), происходит из материалов Троицкого раскопа в Новгороде[2] (рис. 2, *1*). Амулет, объединяющий «волчий клык» и «заячью пяточную кость», известен по материалам раскопок 1971–1973 гг. городища Горналь Курской области и происходит из слоя, который А. В. Куза датирует концом IX — первой четвертью X в. (Куза 1983: 31, рис. 19). Постоянство такого соединения двух предметов, имеющих несомненно культовый характер, несколько нарушено находкой пяточной кости в детском погребении № 110 в Киеве (Каргер 1958: 174–176, табл. XVI, *13*), однако этот случай вновь подчеркивает сакральное значение предмета. Мы сталкиваемся со стабильным отражением неизвестных нам ментальностей средневекового общества, которые берут свое начало еще в дохристианской эпохе. Подобное соединение символов силы и скорости, связанное в фольклорных представлениях с хищником и зайцем (Гура 1978; Иванов 1979; Суслов 1891; Плетнева 1978: 388), носит характер симпатической магии, когда сущностные характеристики амулета должны передаваться его владельцу. Характерно, что в детском погребении в Киеве присутствовал только один компонент этого амулета, что должно быть связано с возрастным характером апотропея. Очевидно, такие архаические представление в процессе рецепции оказались вписаны в древнерусскую христианскую культуру.

Качественный и статистический состав корпуса христианских древностей Ладоги близок к боярским усадьбам Новгорода и противопоставлен характеру материалов сотенных усадьб Торговой стороны и комплексу христианских древностей Пскова (Мусин 2002б: 33–34). На наш взгляд, такое распределение материала соответствует наблюдениям о боярском характере социально-политической организации Ладоги в XII–XIII вв., что подтверждается и иными данными.

Обратимся к истории вхождения Ладоги в Новгородское государство. Из древнесеверной литературы известно, что около 1020 г. Ладожская волость была передана князем Ярославом своей супруге Ингигред в качестве вено. В результате здесь образовалось полуавтономное ярлство двоюродного брата княгини, конунга Ронгвальда, и его по-

[1] САЭ -1986–2-Д-30–28.
[2] Н-86-ТрVIII-10–783.

томков — Ульва и Эйлива (Рыдзевская 1945; Ковалевский 1977: 98; Глазырина, Джаксон 1986: 110, 111; Кирпичников, Сарабьянов 1996: 94–95). Очевидно, в 1030–1070 гг., а особенно активно со смертью князя Ярослава Мудрого после 1054 г., когда предполагается усиление самостоятельных тенденций в политической жизни ярлства, ладожане участвуют в проторении дороги «за югру и самоядь», которая впоследствии оказывается в руках новгородской аристократии (Мачинский, Мачинская 1988: 55–56). Об этом свидетельствуют в 1114–1116 гг. сами ладожане со ссылкой на «старых мужей», а также Гюрята Рогович, отождествляемый с новгородским посадником начала XII в. (НПЛ: 164, 471), который отправлял своих отроков «в югру» не позднее 1092 г. (ПВЛ: 107, 126).

Однако роль ладожан в новгородской истории не ограничивается этим столетием. Если предлагаемые А. А. Молчановым и А. А. Гиппиусом отождествления верны (Молчанов 1997: 80–84; Гиппиус 2001: 59–65), то именно с выходцами из Ладоги — потомками ярла Регнвальда Ульвссона — можно связать три авторитетные боярские группировки в Новгороде XII–XIII в., представлявшие Прусскую улицу и Людин конец и вплоть до середины XIII в. занимавшие посадничьи должности в ключевые моменты новгородской истории: Мирославичей[1], Михалковичей[2] и Мирошкиничей[3]. Единственное слабое звено в генеалогии, предложенной А. А. Гиппиусом — это происхождение Мирошкиничей из потомства ладожского посадника Павла, поскольку эта связь документально не подтверждена и является следствием предположения В. Л. Янина о принадлежности Иванко Павловича и Мирошки Нездинича к «одному боярскому роду», вследствие топографической близости берестяных грамот с их именами в рамках единой «патронимии» (Янин 1998: 286). Предполагаемый брат Гюряты — Павел, родоначальник Мирошкиничей, был ладожским посадником в 1116 г., а сын другого брата, Добрыни, действовавшего в истории в 1096–1117 гг., Рагуил Добрынич (1147–1169 гг.), может быть отождествлен с ладожским посадником Рагуилом 1132 г. (НПЛ: 207).

Однако ряд группировок новгородского боярства не только обладал предположительно ладожским происхождением, но и не порывал своих общественно-политических связей с «малой родиной». Ладожский посадник Нежата Твердятич, бывший до этого новгородским посадником (1144–1146 и 1160–1161 гг.), упоминается в 1164 г. (НПЛ: 27, 31, 213, 218). Во время его посадничества в 1160 г. Ладога становится местом ссылки князя Святослава Ростиславича. По возвращении Святослава в 1161 г. в Новгород, Нежата был лишен посадничества, полученного при поддержке суздальских князей, и отправлен в Ладогу. Особо тесная связь Нежаты с княжьем Северо-Восточной Руси, прослеживается как в событиях 1137 г., когда его двор, как сторонника Всеволода, подвергается «потоку и разграблению», так и позднее, в событиях его эмиграции в Суздаль, откуда он

[1] Мирослав Гюрятич — 1126–1135 гг.; Якун Мирославич — 1137–1176 гг.; Дмитр Якунич — 1211 г.; Иванко Дмитрович — 1220–1229 гг.

[2] Михалко Степанович — 1176–1206 гг., Твердислав Михалкович — 1206–1224 гг.; Степан Твердиславич — 1215–1243 гг.

[3] Иванко Павлович — 1156 г.; Судила Иванкович — 1156 г.; Мирошка Несдич — 1203 г.; Дмитр Мирошкинич — 1207 г., Семен Борисович — 1230 г.

и был возвращен в Новгород в 1143 г. (НПЛ: 24, 27, 210, 213). Во всех этих событий Нежата предстает как союзник Судилы Иванковича, внука ладожского посадника Павла, и противник Якуна Мирославича, представителя одной из ветвей потомства Гюряты Роговича.

Стоит отметить, что из Ладоги происходит печать (Янин 1970а: № 283), предположительно атрибуируемая Судиле Иванковичу (Белецкий, Петренко 1994: 197, 250, 251; Молчанов 1984: 43; 1985: 81) и относимая к его посадничеству во время правления в Новгороде Ростислава Мстиславича (1154 г.). Боярская группировка Судилы — Нежаты, пришедшая к власти в 1143 г., характеризуется «античерниговской ориентацией», при этом сам Нежата, изначально отнесенный к боярству Торговой стороны (Янин 1962: 97, 98, 103, 104), впоследствии предстает в историографии как принадлежащий к единой патронимии Людина конца, включающей в себя Иванковичей и Мирошкиничей. К сожалению, в его биографии отсутствуют достаточные основания для причисления его к потомкам Рогволда, в силу чего занятие им должности в Ладоге могло бы опираться на родовую традицию, однако связь с предполагаемым потомством посадника Павла как будто бы подсказывает такую возможность.

В период 1164–1256 гг. посадники в Ладоге не упоминаются, однако от второй половины XIII в. до нас дошло сразу три имени представителей этой должности, происходящих из одной боярской фамилии (Мусин 2002в: 82–92). Так, до 1257 г. в Ладоге посадничал Михаил Федорович, ставший в этом году новгородским посадником и погибший в Раковорской битве 1268 г. (НПЛ: 82, 84–87, 309, 313, 315, 316, 318). Его сын, Семен Михайлович, становится посадником в Ладоге не ранее 1273 г., когда он еще участвует в боярском посольстве, но уже в 1280 г. он был избран на эту должность в Новгороде. В 1287 г. посадничество у него «отъяша», а умер он 16 июля 1288 г., не перенеся мятежа, поднятого против него сторонниками нового прусского посадника Андрея Климовича (НПЛ: 322, 324, 325, 326). Примечательно, что уход Семена из Ладоги в 1280 г. вызывает там своеобразный вакуум власти, поскольку ладожане, вступив в союзнические отношения с князем Дмитрием Ярославичем, занимают Копорье, откуда их выбивает дружина князя Довмонта Псковского. Однако уже через три года ладожане под руководством того же Семена Михайловича участвуют в военных операциях в устье Невы (НПЛ: 326). Матфей Семенович, сын Семена Михайловича, получает ладожское посадничество как союзник неревских бояр Мишиничей в 1291 г. (НПЛ: 326).

В. Л. Янин причисляет посадничье семейство Михаила Федоровича к Славенскому концу, поскольку их политика в отношении признания великокняжеского суверенитета над Новгородом свойственна именно Торговой стороне, а также на основании ряда косвенных данных (Янин 1962: 147, 151, 154, 155, 166). На наш взгляд, представляется возможным решить вопрос о предках этой посадничьей династии. Предположительно, отцом Михаила Федоровича мог быть прусский боярин Феодор Михалкович, сын Михалки Степановича и брат Твердислава Михалковича. Его имя под № 34 упомянуто во втором изводе посадничьего списка (список Б

Комиссионного списка НПЛ), однако В. Л. Янин показал, что его причисление к посадникам вряд ли возможно (Янин 1962: 21, 31, 160–161).

Вместе с тем, в пользу подобного отождествления говорит и использование родового имени Михаил, которое передавалось от деда к внуку. Появление потомков прусского боярства во второй половине XIII в. среди граждан Торговой стороны в целом оправдано историческим развитием города, поскольку и Семен Борисович, внук Людинского боярина Мирошки Нездинича, в 1220-х гг. принадлежит к Славенскому концу. Не исключено, что две ветви Рогволдовичей — потомки Михаила Гюрятича и Иванки Павловича — проживали в середине — второй половине XIII в. в территориальной близости друг от друга на Торговой стороне.

Таким образом, очевидно, что с первой половины XII в. и до конца XIII в. в Ладоге регулярно появлялись посадники, чье происхождение восходило к одному боярскому роду. При этом, к XIII в. исполнительная власть в городе перешла к старшей ветви, представленной потомками Гюряты и Михалки, возможно так же, как это имело место и в Новгороде в 1211 г., когда Твердислав Михалкович добровольно отказывается от посадничества в пользу «старейшего» Дмитра Якунича (НПЛ: 52), происходившего из старшей ветви Рогволдовичей-Гюрятничей (Гиппиус 2001: 60). Возможно, и Нежату Твердятича, в силу зафиксированной с XII по XIII в. традиции, так же стоит отнести к непосредственному потомству Рогволдовичей-Гюрятничей или, по крайней мере, причислить к одной из ветвей того же рода. Представляется, что, начиная с конца XI в. и вплоть до конца XIII в., Ладогу необходимо представлять как пригород, находившийся под контролем нескольких новгородских боярских родов, как раз и происходивших из Ладожской земли. Боярский контроль над Ладогой способен объяснить события 1160 г., когда Святослав Ростиславич был выслан в этот город, тогда как княгиня была определена в Варваринский монастырь, находящийся, судя по всему, под контролем предков Мирошкиничей. Высылка могла быть связанна с инициативой самого Нежаты, на что уже обратил внимание В. Л. Янин (Янин 1962: 102).

А. Н. Кирпичников отметил, что политические изменения рубежа XI–XII вв. происходили мирно, с учетом интересов местных жителей, а впоследствии Ладога сохраняла с Новгородом федеративные отношения с тенденцией к обособлению и политической самостоятельности вплоть до конца XIII в. (Кирпичников 1988: 61, 64, 78). Это вполне могло быть связано с отстаиванием частью новгородского боярства своих исконных прав на Ладогу, поскольку через нее осуществлялось боярское проникновение на Русский Север.

Последнее упоминание последнего ладожского посадника в 1291 г. удивительным образом совпадает с созданием наместничества новгородского архиепископа в Ладоге во время правления Климента, которое просуществовало без перерыва вплоть до второй половины XV в., о чем свидетельствуют данные сфрагистики (Мусин 2002 г: 68–87). Как нами было показано, это наместничество, традиционно отправлявшие функции церковного характера в рамках канонического права, испол-

няло миссию суда и администрирования региона в области поземельных отношений. Как свидетельствует находка «ладожского архива» в полевом сезоне 2006–2007 гг., представленного 72 печатями, их заготовками и пломбами, эти функции перешли к церковным чиновникам непосредственно от светских, представлявших в городе княжескую власть: накопление документов XII–XIII вв. прекратилось в тот момент, когда Ладога перешла под управление наместника новгородского архиепископа (Кирпичников, Белецкий 2006; 2008). При этом только три печати открытого комплекса относятся к церковной иерархии, остальные могут быть интерпретированы как княжеские регалии.

Однако примерно за 150 лет до этого, в середине XII в., уже Ладога представляет собой вполне христианский город с многочисленными храмами, включенный в сферу епископского контроля (Раппопорт 1993: 58–59). Вместе с тем, известное из Писцовой книги 1500 г. деление Ладоги на пять концов — Никольский, Климятицкий, Спасский, Симеоновский и Богородицкий (Переписная 1868: 957–960) — способно подвергнуть сомнению тезис об обязательной связи между кончанской и родо-племенной организациями, выработанный на археологических материалах Новгорода. Название концов соответствует посвящению приходских храмов, которые возникли на территории с культурным слоем предшествующего времени (Успенская — 1156–1159, Спасская — 1159–1161, Петровская (?) — 1161–1163, Никольская — 1209–1210 гг.), и в этом смысле конец должен быть тождественен низовой церковной единице — пределу-переезду, а само кончанское деление оказывается вторичным по отношению к социальной структуре общины.

Подобная ситуация складывается и в конце XIII в., когда развившаяся к этому времени городская жизнь севернее посада замыкается строительством Иоанновского монастыря на Малышевой горе, определенное известие о существовании которого относится к 1311 г. (Петренко, Смирнов 1995: 204–206). «Пределы» (приходы) не накладывались на уже существующие формы общинной жизни, а активно участвовали в ее становлении, перекраивая городскую топографию. В отличие от Новгорода, где его семисоборное устройство подчинялось кончанскому (Янин 1976), здесь мы наблюдаем обратную картину. Градообразующую функцию храмов Успения Божией Матери, св. Симеона Богоприимца, Воскресения Христова и свт. Петра, стоящих «берегом по горе», отметил А. Н. Кирпичников (Кирпичников 1985а: 172). Эта функция зафиксирована в Писцовой книге 1500 г., предписывающей городской администрации выделять места ладожанам в соответствии с топографией размещения городских храмов (Переписная 1868: 960). Представляется, что концы в Ладоге явились привнесенным новгородской боярской администрацией элементом городской структуры и служат свидетельством «не только духовной, но и организаторской роли церкви», заключавшейся «в организации и привлечении целых поселенческих коллективов» к социально-городскому строительству в Ладоге (Кирпичников 1985б: 21). Получается, что на пространстве Ладоге не только вырабатывался новый тип каменного посадского храма (Раппопорт 1993: 58–59), но и апробировалось церков-

но-административное деление русского города, что говорит о тесной связи боярских семейств, церковных структур и иерархической власти. Напомним, что в 1287 г. бывший ладожский посадник Семен Михайлович, спасаясь от новгородцев и представлявший тогда «жалостное видение», ищет спасения и заступничества именно у архиепископа Климента на владычном дворе (НПЛ: 326). Впрочем, этот момент, возможно связанный с личным отношениями, не отменяет факта «печалования» новгородского владыки за всех жертв мятежного города. Однако, в случае с Ладогой этот факт заставляет нас еще раз обратить внимание на удивительную синхронность исчезновения со страниц летописей ладожских посадников из числа новгородских бояр, выпадение в культурный слой материалов архива княжеских и церковных документов второй половины XII–XIII вв., предположительно связанного со структурами управления Ладоги этого времени, и появлением здесь наместников Новгородских архиепископов.

Для исторической оценки церковной организации средневековой Ладоги представляется необходимым привлечь методику комплексного использования писцовых книг, исторической топографии и результатов археологических исследований, разработанную А. Н. Кирпичниковым для характеристики средневекового города (Кирпичников 1979: 68–89). Благодаря соответствующей методологии, связанной с наложением на планы средневековых поселений «стратифицированных» в хронологическом порядке статистических данных писцовых книг, можно не только выявить экономическую, топографическую и социальную структуру города, занятия и численность его населения, но и проследить динамику позднесредневекового градообразования (Кирпичников 1979: 69).

Согласно описи Ладоги 1568 г.[1] и ряду последующих описаний можно попытаться реконструировать систему расселения духовенства и его демографию в средневековом городе. На посаде, очевидно, в непосредственной близости от резиденции ладожского наместника, располагался нетяглый двор «пречистенского» попа Тимофея Павлова (очевидно, священника Успенского женского монастыря) площадью 140 кв. саж. и огород в 60 кв. саж. На Спасской улице Воскресенского конца проживали в качестве подсуседников в тяглых дворах Воскресенский дьячек Фетко Микифоров (56,25 кв. саж., совместно с Якушко Васильевым) и Климентовский диакон Поспел Ильин (двор 32 кв. саж., огород около 45 кв. саж., совместно с Иванкой Фоминым Ляховским). В Воскресенском же конце на тяглых дворах проживало и духовенство соответствующего прихода, однако эти дворы отмечены не в связи с улицей: Воскресенский священник Обросим Олексеев на дворе площадью 72 кв. саж. (огород 289 кв. саж.) проживал вместе с подсуседником Иванком Онисимовым, через две усадьбы от него находился двор в 25 кв. саж. (огород 160 кв. саж.), принадлежавший пономарю того же храма Куземке Фи-

[1] Хранится в РГАДА (Ф.137, Новгород. № 7, л. 290–321об.) Приношу сердечную благодарность профессору А. Н. Кирпичникову, предоставившему мне возможность познакомиться с текстом Описи 1568 г. и рукописью его неопубликованной работы «Ладога по писцовой книге 1568 г. Опыт исторического моделирования средневекового русского города»; см. также: (Кирпичников 1985а: 170–180).

липову. Очевидно, эти дворы располагались не вплотную к храму, поскольку непосредственно у церковного здания опись фиксирует огород Иванко Микитина Кобылина (20 кв. саж.) В Богородицком конце располагался тяглый двор пречистенского сторожа Ворынанко Иванова (202,5 кв. саж., огород 101,25 кв. саж.). Церковный дьячек Богданко Федоров с сыном Ивашкой делили двор площадью 84 кв. саж. со скорняком Ваской Степановым и его сыном Демкой, хотя никто из них не назван подсуседником. Кроме того, в Никольском конце располагалось дворовое место Лошука Поповкина (360 кв. саж.), хозяина которого возможно рассматривать как поповича. Отметим также принадлежащую Богородицкому монастырю монастырскую землю на посаде, где размещались амбары.

Как мы видим, в основном это тяглые дворы, где духовенство проживает с подсуседниками, чресполосно со своими прихожанами, и не у своих церквей. Размер двора и наличие подсуседника не зависит от места, занимаемого клириком в приходской иерархии. По сравнению с описью 1500 г. меняется городская структура. Появляется Воскресенский конец вместо Спасского, исчезают Симеоновский и Климентовский концы (в 1500 г. они включали всего по 9 дворов) будучи поглощены Воскресенским и Никольским административными округами. Характерно, что на Спасской улице Воскресенского конца перечислено всего 12 дворов — лишь немногим больше, чем в 1500 г. Очевидно, улица вошла практически отдельной единицей в конец.

Однако очевидно, что посад-окологородие 1568 г. составлял Климентовский конец 1500 г. Количество духовенства возрастает по сравнению с 1545 г. и 1500 (1,7 %). Однако в любом случае стоит оговориться, что сведения книги могут быть неполные, и процентное соотношение должно сопровождаться оговоркой «не менее»

Разрядный и разметный список 1545 г. (Акты 1836: 188, № 205) указывает в Ладоге 108 дворов и 3 двора поповых (2,7 %). Ладожское духовенство несло тягло совместно с карельскими попами — 188 дворов в самой Кореле (1,2 %) и 55 дворов Сванского Волока, где было 3 двора церковных. К ним был приписан и Орешек (139 дворов и 3 двора поповых, а также 3 диконовых — 4,1 %). При этом указывалось, что в рядках поповых дворов нет, а в отношении Ямгорода, где насчитывалось 239 тяглых дворов, количество дворов поповых не отмечено. Очевидно, в отношении Вотской пятины разметный список не учитывал духовенство погостских церквей. Всего же среди городского населения духовенство составляло не менее 2 % (в предположении, что жилых церковных дворов в Ямгороде было не менее 3).

Опись Новгорода 1617 г. рисует картину полного запустения церковной жизни в Ладоге в это время: две каменные церкви в самом городе «разорены до конца», а на посаде числится 6 «пустых разоренных» монастырей. Основная городская жизнь сосредотачивается в Каменном городе — здесь, кроме воеводского двора, размещалось 15 посадских дворов, где проживало 35 человек, а так же 8 дворов «детей боярских, вдовых, поповских и пономарских». Опись не уточняет, какое число среди этих дворов составляют усадьбы духовенства, однако это количество должно быть не менее двух. Несмотря на средоточие

официальной городской жизни в крепости, церковный центр оставался на Земляном городище: вместо разрушенной в смутное время церкви свт. Климента, папы Римского, здесь к 1617 г. уже стоял деревянный храм, перевезенный с Ильинского погоста (Опись 1983: 170–171).

Всего опись 1586 г. указывает в Ладоге 124 двора (из них 7 пустых дворов и 5 дворовых мест) со 158 живущими в них людьми. Очевидно, что со времени переписи 1500 г. количество живущих и дворов практически не изменилось (116 дворов и 168 человек). В 1568 г. процент духовенства составлял 4,4 %, однако реально это цифра должна быть несколько больше: в книге не упомянуто Климентовское и Симеоновское духовенство, хотя Разрядный и разметный список 1545 г. (Акты 1836: 188, № 205) указывает в Ладоге 108 дворов и 3 двора поповых (2,7 %).

Искусственность церковно-кончанского деления не соответствовала формату развития средневекового города. Согласно описи Ладоги 1568 г., всего за полстолетия существенно меняется структура города. Вместо Спасского конца, известного в 1500 г., возникает Воскресенский конец, в составе которого прежнее внутригородское образование остается в виде Спасской улицы, исчезают Симеоновский и Климятицкий концы, будучи поглощены Воскресенским и Никольским. Очевидно, что посад-окологородие на берегу р.Ладожки также возник к 1568 г. на основе части Климятицкого конца.

Принципиальным отличием описи 1568 г. от предшествующих описаний является отсутствие упоминаний о значительных по размерам монастырских и церковных местах на посаде в Ладоге, «молодшие» жители которых выплачивали как государев оброк, так и церковный позем Никольскому, Успенскому, Симеоновскому и Егорьевскому монастырям (Переписная 1868: 958–959). В общей сложности, в церковной собственности было не менее 30 % городских дворовых мест. Это достаточно высокий процент, свидетельствующий о приоритетном церковно-монастырском характере городского землевладения в Ладоге. Его формирование может относиться ко времени сложения церковно-приходской структуры Ладоги во второй половине XII в., но, скорее всего, к концу XIII–XV вв., когда в Ладоге известна деятельность владычных наместников новгородского архиепископа. Ко второй половине XVI в., когда на этой территории возникает Ладожское наместничество великокняжеской администрации, изменяется, очевидно, и сам характер землевладения в средневековом городе.

Литература

1. *Акты 1836* — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической комиссией Императорской Академии Наук. СПб. 1836.

2. *Белецкий, Петренко 1994* — Белецкий С. В., Петренко В. П. Печати и пломбы из Старой Ладоги (свод) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб. 1994.

3. *Воронин 1963* — Воронин Н. Н. Сказание о победе над болгарами и праздник Спаса // Проблемы общественно-экономической истории России и славянских стран. М. 1963.

4. *Гиппиус 2001* — Гиппиус А. А. «Суть людие новгородци от рода варяжьска…» (Опыт генеалогической реконструкции) // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. М. 2001.

5. *Глазырина, Джаксон 1986* — Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н. Из истории Старой Ладоги (по материалам скандинавских саг) // Древнейшие государства на территории СССР. М. 1986.

6. *Гроздилов 1950* — Гроздилов Г. П. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 году // СА. № 14. 1950.

7. *Гура 1978* — Гура А. В. Символика зайца в славянском обрядовом и песненном фольклоре // Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции. М. 1978.

8. *Иванов 1979* — Иванов В. В. О последовательности животных в обрядовых фольклорных текстах // Проблемы славянской этнографии. Л. 1979,

9. *ИЛ* — Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М. 1962.

10. *Казанский, Кирпичников 1998* — Казанский Н. Н., Кирпичников А. Н. Печать византийского митрополита из Старой Ладоги // Церковная археология. Вып.4. Материалы II Всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского (1848–1917). Санкт-Петербург. 1–3 ноября 1998 года. СПб. 1998.

11. *Каргер 1958* — Каргер М. К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М.; Л. 1958.

12. *Каталог 1908* — Каталог собрания древностей графа А. С. Уварова. М. 1908.

13. *Кирпичников 1979* — Кирпичников А. Н. Опыт комплексного использования писцовых книг и исторической топографии для характеристики средневекового города (по материалам Корелы XV–XVIIвв.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XI. Л. 1979.

14. *Кирпичников 1985а* — Кирпичников А. Н. Посад средневековой Ладоги // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л. 1985.

15. *Кирпичников 1985б* — Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л. 1985.

16. *Кирпичников 1988* — Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Славяно-русские древности. Вып. 1. Л. 1988.

17. *Кирпичников 1986* — Кирпичников А. Н. Отчет об археологических раскопках в пос. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области // Архив ИИМК РАН. Ф.35. Оп.1–1986. № 167, 168.

18. *Кирпичников, Белецкий 2006* — Кирпичников А. Н., Белецкий С. В. Памятники древнерусской сфрагистики из раскопок земляного городища в Старой Ладоге в 2006 г. // Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет. 2006. СПб. 2006.

19. *Кирпичников, Белецкий 2008* — Кирпичников А. Н., Белецкий С. В. Памятники древнерусской сфрагистики из раскопок земляного городища в Старой Ладоге в 2007 г. // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 2. СПб. 2008.

20. *Кирпичников, Сарабьянов 1996* — Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб. 1996.

21. *Ковалевский 1977* — Ковалевский С. Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М. 1977.

22. *Корзухина 1971* — Корзухина Г. Ф. Курган в урочище Плакун близ Старой Ладоги // КСИА. № 125. 1971.

23. *Куза 1983* — Куза А. В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М. 1983.

24. *Кузьмин, Мачинская 1989* — Кузьмин С. Л., Мачинская А. Д. Культурная стратиграфия Ладоги VIII–IX вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. 1989.

25. *Лебедев 1985* — Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л. 1985.

26. *Лебедев, Седых 1985* — Лебедев Г. С., Седых В. Н. Археологическая карта Старой Ладоги и ее ближайших окрестностей // Вестник Ленинградского университета. № 6. Л. 1985.

27. *ЛЛ* — Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М. 1962.

28. *Мачинский, Мачинская 1988* — Мачинский Д. А., Мачинская А. Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Культура русского Севера. Л. 1988.

29. *Молчанов 1984* — Молчанов А. А. О буллах новгородских посадников XII — первой трети XIII в. // Археологическое изучение Пскова и Псковской земли. Псков. 1984.

30. *Молчанов 1985* — Молчанов А. А. Об атрибуции лично-родовых знаков Рюриковичей X–XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVI. Л. 1985.

31. *Молчанов 1997* — Молчанов А. А. Ярл Регнвальд Ульвссон и его потомки на Руси (о происхождении ладожского-новгородского посадничьего рода Роговичей-Гюрятничей) // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. Памяти В. Д. Белецкого (1919–1998). Т. II. СПб. 1997.

32. *Мусин 1997* — Мусин А. Е. Христианские древности средневековой Руси IX–XIII вв. (по материалам погребальных памятников на территории Новгородской земли) // Автореф. дисс. … канд. ист. наук. СПб. 1997.

33. *Мусин 1999* — Мусин А. Е. Меч и крест: новое религиозное сознание Древней Руси по данным археологии // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб. 1999.

34. *Мусин 2000* — Мусин А. Е. Христианские древности XI–XIV вв. (проблема развития и региональные особенности) // Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций? М. 2000.

35. *Мусин 2002а* — Мусин А. Е. Христианская община средневекового города Северной Руси XI–XV вв. по историко-археологическим материалам Новгорода и Пскова // Дисс… докт… ист… наук. Т. 2. СПб. 2002.

36. *Мусин 2002б* — Мусин А. Е. Христианская община средневекового города Северной Руси XI–XV вв. по историко-археологическим материалам Новгорода и Пскова // Автореф. дис. … докт. ист. наук. СПб. 2002.

37. *Мусин 2002в* — Мусин А. Е. К истории некоторых боярских родов Великого Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып.16. Великий Новгород. 2002.

38. *Мусин 2002г* — Мусин А. Е. Структуры власти Ладоги XI–XV вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб. 2002.

39. *Назаренко 2007* — Назаренко А. В. Митрополии Ярославичей во второй половине XI века // Древняя Русь. 1. М. 2007.

40. *Николаева, Чернецов 1991* — Николаева Т. В., Чернецов А. В. Древнерусские амулеты-змеевики. М. 1991.

41. *НПЛ* — Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. М.; Л. 1950.

42. *Опись 1983* — Опись Новгорода 1617 года. Ч.2. М. 1983.

43. *ПВЛ* — Повесть Временных лет. СПб. 1996.

44. *Переписная 1868* — Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 г. Первая половина // Новгородские Писцовые книги. Т. III. СПб. 1868.

45. *Пескова, Раппопорт, Штендер 1982* — Пескова А. А., Раппопорт П. А., Штендер Г. М. К вопросу о сложении новгородской архитектурной школы // СА. № 3. 1982.

46. *Пескова 2002* — Пескова А. А. Энколпионы Старой Ладоги // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. Памяти О. И. Давидан. СПб. 2002.

47. *Петренко 1974* — Петренко В. П. Отчет о работах Княщинского отряда Староладожской экспедиции в 1974 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1/1975. № 155.

48. *Петренко 1976* — Петренко В. П. Отчет о работах Княщинского отряда Староладожской экспедиции в 1976 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1/1976. № 46, 47, 48.

49. *Петренко 1985* — Петренко В. П. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л. 1985.

50. *Петренко, Смирнов 1995* — Петренко В. П., Смирнов В. Н. Каменная иконка «Вход в Иерусалим» из Старой Ладоги // РА. № 1. 1995.

51. *Платонова 1997а* — Платонова Н. И. Средневековый могильник на Земляном Городище Старой Ладоги // Современность и археология. Международные чтения, посвященные 25-летию Староладожской экспедиции. Тезисы докладов. СПб. 1997.

52. *Платонова 1997б* — Платонова Н. И. К уточнению датировки могильника на Староладожском Земляном городище // Ладога и религиозное сознание. Третие чтения памяти Анны Мачинской. СПб. 1997.

53. *Плетнева 1978* — Плетнева С. А. Животный мир в русских волшебных сказках // Древняя Русь и славяне. М. 1978.

54. *Поппэ 1996* — Поппэ А. Митрополиты и князья Киевской Руси // Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). СПб. 1996.

55. *Равдоникас 1945* — Равдоникас В. И. Старая Ладога // КСИИМК. № XI. 1945.

56. *Равдоникас 1949* — Равдоникас В. И. Старая Ладога. Из итогов археологических исследований 1938–1947 гг. // СА. № XI. 1949.

57. *Раппопорт 1982* — Раппопорт П. А. Археологические исследования памятников древнего Новгородского зодчества // Новгородский исторический сборник. № 1 (11). Л. 1982.

58. *Раппопорт 1993* — Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. СПб. 1993.

59. *Российское законодательство 1984* — Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. М. 1984.

60. *Рыбаков 1949* — Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М. 1949.

61. *Рыдзевская 1945* — Рыдзевская Е. А. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // КСИИМК. № XI. 1945.

62. *Рябинин 1985* — Рябинин Е. А. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л. 1985.

63. *Седова 1981* — Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М. 1981.

64. *Седова 1988* — Седова М. В. Сложение местной иконографии медного литья во Владимиро-Суздальской Руси // Древности славян и Руси. М. 1988.

65. *Старая Ладога 1948* — Старая Ладога. Л. 1948.

66. *Суслов 1891* — Суслов Н. Ф. Заяц в народной словесности // Этнографическое обозрение. № 3. 1891.

67. *Толстой 1888* — Толстой И. И. О русских амулетах, называемых змеевиками // ЗРАО. Т. III. 1888.

68. *Щапов 1989* — Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М. 1989.

69. *Янин 1953* — Янин В. Л. Печати ладожских наместников // КСИИМК. № 52. 1953.

70. *Янин 1962* — Янин В. Л. Новгородские посадники. М. 1962.

71. *Янин 1970а* — Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. 1. М. 1970.

72. *Янин 1970б* — Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. 2. М. 1970.

73. *Янин 1976* — Янин В. Л. «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М. 1976.

74. *Янин 1998* — Янин В. Л. Я посла тебе бересту… М. 1998.

75. *Янин, Гайдуков 1998* — Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. 3. М. 1998.

76. *Darrouzès* 1981 — Darrouzès J. Notitiae episcopatuum ecclesiae constantinopolitanae. Paris. 1981.

77. *Foss 2003* — Foss C. Pilgrimage in Medieval Asia Minor // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 56 (2002). Washington. 2003.

78. *Jacoby 2005* — Jacoby D. Bishop Gunter of Bamberg, Byzantium and the Christian Piligrimage to the Holy Land in the Eleven Century // Zwischen Polis, Provinz und Peripherie. Beitrдge zur byzantinischen Geschichte und Kultur. Wiesbaden; Harrassowitz. 2005.

79. *Laurent 1963* — Laurent V. La date de l'érection des métropoles de Patras et de Lacédémone // Revue des études byzantines. 21. Paris. 1963.

80. *Laurent 1964* — Laurent V. Un sceau inédit du patriarche de Jérusalem Sophrone II trouvé à Winchester // Numismatic Circular. 64. 1964.

81. *Madden 2002* — Madden Th.F. The Chrysobull of Alexius I Comnenus to the Venetians: the date and the Debate // Journal of Medieval History. 29. 2002.

82. *Oikonomidès 1960* — Oikonomidès N. Un décret synodal inédit du patriarche Jean VIII Xiphilin // Revue des études byzantines. 18. Paris. 1960.

The Christian Culture and the Ecclesiastic Structure of Ladoga in the 10th–16th Century

A. E. Musin

In the 10th–16th century, Ladoga played an extremely important role in the formation of the state of Ryurikovichi, its culture and the entire system of social relations. In the 12th–14th century, Ladoga becomes a full-right part of the "Novgorod Volost".

The Christianization of Ladoga began in the 9th–10th century, however establishing of the ecclesiastical organization here took place only in the 12th century. This was related with the activities of Novgorod boyar families who were of the Ladoga origin and held the office of Ladoga *posadniks* (city mayors) until the end of the 13th century. In the 11th century, Ladoga was withdrawn from their possessions and in the 12th century they were reintroduced here with the help of the Church.

The present article analyses the corpus of Christian antiquities from archaeological excavations in Staraya Ladoga, as well as a characteristic type of amulets combining a wolf fang and a heel bone of an animal. Amulets of that kind are known in Kiev, Novgorod and at the townsite of Gornal in the 10th–12th century. A hypothesis is proposed that the seal of Metropolitan Leontiy of Laodicea from Staraya Ladoga was in no way related with Metropolitan Leon of Pereyaslav. Laodicea had an important role in the pilgrimage routes to the Holy Land, so that the seal under consideration may have been connected with some pilgrim's document. The provenance of the lead seals of the 12th–13th century found at Zemlyanoe Gorodishche (Earthen Hillfort) is sought in the fact of the loss of the archives of a representative of the Princely power and the establishment of the deputies of Archbishop Clement in the city. The prince's representatives vanished from Ladoga simultaneously with the office of the boyar *posadniks*.

Содержание

К 80-ЛЕТИЮ АНАТОЛИЯ НИКОЛАЕВИЧА КИРПИЧНИКОВА 11

С. А. Александров, О. В. Андреева, Н. А. Боковенко, О. М. Иоаннисян, В. И. Кильдюшевский, П. Е. Сорокин 31
ОХРАННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

А. Л. Александровский, Н. А. Кренке, В. С. Нефедов 42
ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЧВ И ОТЛОЖЕНИЙ ПОД КУЛЬТУРНЫМ СЛОЕМ ЗЕМЛЯНОГО ГОРОДИЩА СТАРОЙ ЛАДОГИ

Б. Амброзиани 61
СТРАТИГРАФИЯ БИРКИ: МАСТЕРСКАЯ 780–860-х гг.

Ф. А. Андрощук 71
МЕЧИ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ ЭПОХИ ВИКИНГОВ

Бегунов Ю. К. 94
НЕИЗВЕСТНАЯ ЛИЦЕВАЯ ЛАДОЖСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

А. М. Белавин, Н. Б. Крыласова 97
РУКОЯТИ ШИЛЬЕВ В УГОРСКИХ ДРЕВНОСТЯХ

Беляев Л. А. 103
МОСКОВСКИЕ «МОНАСТЫРИ-СТОРОЖИ»: К ИСТОРИИ ОДНОГО ЗАБЛУЖДЕНИЯ

Andrzej Buko 123
FENOMEN SŁOWIAŃSKIEJ KULTURY MATERIALNEJ

Васин П. А. 130
К ВОПРОСУ ОБ ОБРЯДНОСТИ ВОИНСКОГО ПОСВЯЩЕНИЯ В КНЯЖЕСКУЮ ДРУЖИНУ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

А. Г. Векслер 144
СПАСАТЕЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ И МУЗЕЕФИКАЦИЯ В УСЛОВИЯХ МЕГАПОЛИСА МОСКВЫ

Г. П. Визгалов 150
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТАРОТУРУХАНСКОГО ГОРОДИЩА (НОВОЙ МАНГАЗЕИ)

Т. Вилкул 155
ЗАЛОЖЕНИЕ ГРАДА. ПО МОТИВАМ ХРОНИКИ ИОАННА МАЛАЛЫ

M. Wołoszyn 161
POLSKO-RUSKIE POGRANICZE W X–XIII w. PERSPEKTYWY BADAŃ ARCHEOLOGICZNYCH

П. Г. Гайдуков 186
АНГЛОСАКСОНСКАЯ МОНЕТА IX В. ИЗ СТАРОЙ ЛАДОГИ

M. Głosek, P. Pudło 189
WCZESNOŚREDNIOWIECZNY MIECZ ZNALEZIONY W OKOLICACH ELBLĄGA

В. А. Горончаровский 194
СПАРТАКОВСКАЯ ВОЙНА И ДРУГИЕ ВОССТАНИЯ ГЛАДИАТОРОВ

В. М. Горюнова 220
ЧАША НА ПОДДОНЕ ИЗ ЗОЛОТОГО КОЛЕНА. К ВОПРОСУ О ЗАПАДНОЙ ТРАДИЦИИ В КУЛЬТУРЕ СОПОК

T. Grabarczyk, O. Ławrynowicz 230
KAPALINY W PÓŹNOŚREDNIOWIECZNEJ POLSCE

Н. В. Григорьева, Ю. М. Лесман 243
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О СТЕКЛОДЕЛИИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛАДОГЕ

О. Г. Гусева, О. М. Иоаннисян 259
К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ НИКОЛЬСКОГО СОБОРА В СТАРОЙ ЛАДОГЕ

Т. Н. Джаксон 278
МЕЧИ ВИКИНГОВ

И. И. Еремеев 285
О ФОРТИФИКАЦИИ ГОРОДИЩ ПРАЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУССКОГО ПОЛЕСЬЯ

Ершова Т. Е. 300
СЕРЕБРЯНАЯ ПОДВЕСКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ТАМГИ РЮРИКОВИЧЕЙ ИЗ КАМЕРНОГО ПОГРЕБЕНИЯ В ПСКОВЕ

Зиборов В. К. 307
О НАЧАЛЬНОЙ ЧАСТИ УСТЮЖСКОЙ ЛЕТОПИСИ

В. О. Казанский 316
РЁГНВАЛЬД УЛЬВССОН: ДОЛЖНОСТЬ ЯРЛА В ШВЕЦИИ В НАЧАЛЕ XI в.

М. М. Казанский 325
«ВОЖДЕСКИЕ» ПОГРЕБЕНИЯ ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ С МЕЧАМИ

С. Ю. Каинов, К. А. Михайлов 339
НАХОДКИ ДЕТАЛЕЙ СЛОЖНОСОСТАВНОГО ЛУКА НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ИХ КУЛЬТУРНАЯ АТРИБУЦИЯ

Калинина Т. М. 360
АМАЗОНКИ В АРАБСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Каргапольцев С. Ю., Каргапольцев М. Ю., Седых В. Н. 368
МЕТОДЫ И РОЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕСТАВРАЦИИ САДОВО-ПАРКОВЫХ АРХИТЕКТУРНО-ЛАНДШАФТНЫХ КОМПЛЕКСОВ

Кардаш О. В. 381
ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОПЬЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Л. С. Клейн 390
КРАСНЫЙ ДЕМОН АРХЕОЛОГИИ. САГА О РАВДОНИКАСЕ

Кононенко Т. В. 403
РАССТРЕЛЯННЫЙ КРЕМЛЬ. ВАНДАЛИЗМ И НАЧАЛО РЕСТАВРАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Ю. В. Кривошеев 418
ФОЛЬКЛОРНЫЙ ВАРИАНТ РАССКАЗА О СОБЫТИЯХ 1071 Г. В ВЕРХНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Кузьмин С. Л. 426
ДВА ВАРЯГА И МЕЧИ

А. В. Курбатов 434
О СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОИНСКОЙ ОБУВИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РОССИИ

В. А. Лапшин 450
ДВЕ УСАДЬБЫ XIV В. ТВЕРСКОМ КРЕМЛЕ

L. Leciejewicz 463
THE ORIGIN OF KOŁOBRZEG IN THE LIGHT OF RECENT RESEARCH

Лупиненко Ю. М., Макушников О. А. 472
О ЧЕШУЙЧАТОМ ДОСПЕХЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО РАТНИКА XII–XIII вв. (по материалам раскопок в Гомеле)

З. А. Львова 485
СТЕКЛЯННЫЕ БУСЫ ЛЮБШИ

А. В. Майоров 497
О ПОИСКАХ И ЗАБВЕНИИ. СПИСОК НОВГОРОДСКОЙ ПЕРВОЙ ЛЕТОПИСИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ В БЕРЛИНЕ

Е. А. Мельникова 507
«ПО ОБЫЧАЮ И ЗАКАНУ»:ОБ ОДНОМ ИЗ ИСТОЧНИКОВ СВЕДЕНИЙ КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО О ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Е. Р. Михайлова. 514
СОПКА У ДЕРЕВНИ ВЫНДИН ОСТРОВ (РЕЗУЛЬТАТЫ ДОСЛЕДОВАНИЯ)

А. П. Моця 523
ВОЛГА—ДНЕПР—ДУНАЙ: СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПУТЬ БУЛГАР — КИЕВ—РЕГЕНСБУРГ

В. В. Мурашева, Н. П. Довгалюк, А. А. Фетисов 530
ВИЗАНТИЙСКИЕ ИМПОРТЫ С ТЕРРИТОРИИ ПОЙМЕННОЙ ЧАСТИ ГНЕЗДОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Мусин А. Е. 555
ХРИСТИАНСКАЯ КУЛЬТУРА И ЦЕРКОВНАЯ СТРУКТУРА ЛАДОГИ В X–XVI веках

КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ
Археология, история, искусство, культура
России и сопредельных стран

Том I

Редакторы
Художник

Подписано в печать . Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 46,8
Изд. № .
Тираж 5000 экз. Заказ №

Издательство «Ломоносовъ»
117296 Москва, ул. Молодежная, д. 5, помещение XII
Тел. (495) 930-51-20